THE UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL
LIBRARY

PURCHASED ON THE

DR. AND MRS.
JOSEPH EZEKIEL POGUE
ENDOWMENT FUND

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

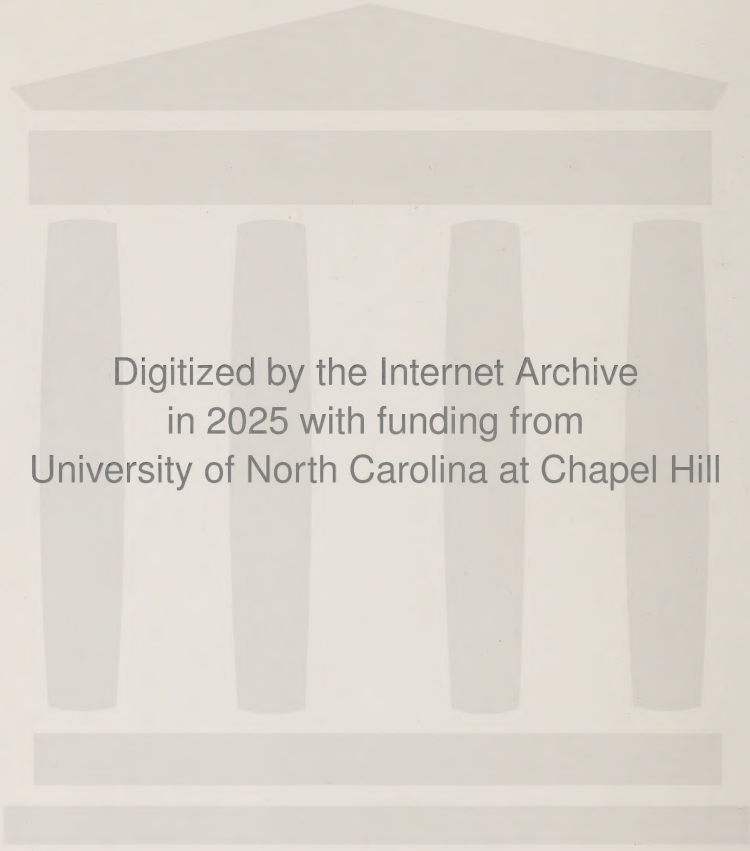
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.G72
Z773
1917

a 00002 996388

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513, Rev. 1/84			


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/apollonaleksandr00knia

PG3337
.G72
Z773
1917
920
K84
APOLLON ALEKSANDROVICH
GRIGOR'EV:
MATERIALY DLIA BIOGRAFII

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Матеріалы для біографіи.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ВЛАД. КНЯЖНИНА.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Пушкинъ — наше все.
Ап. Григорьевъ.

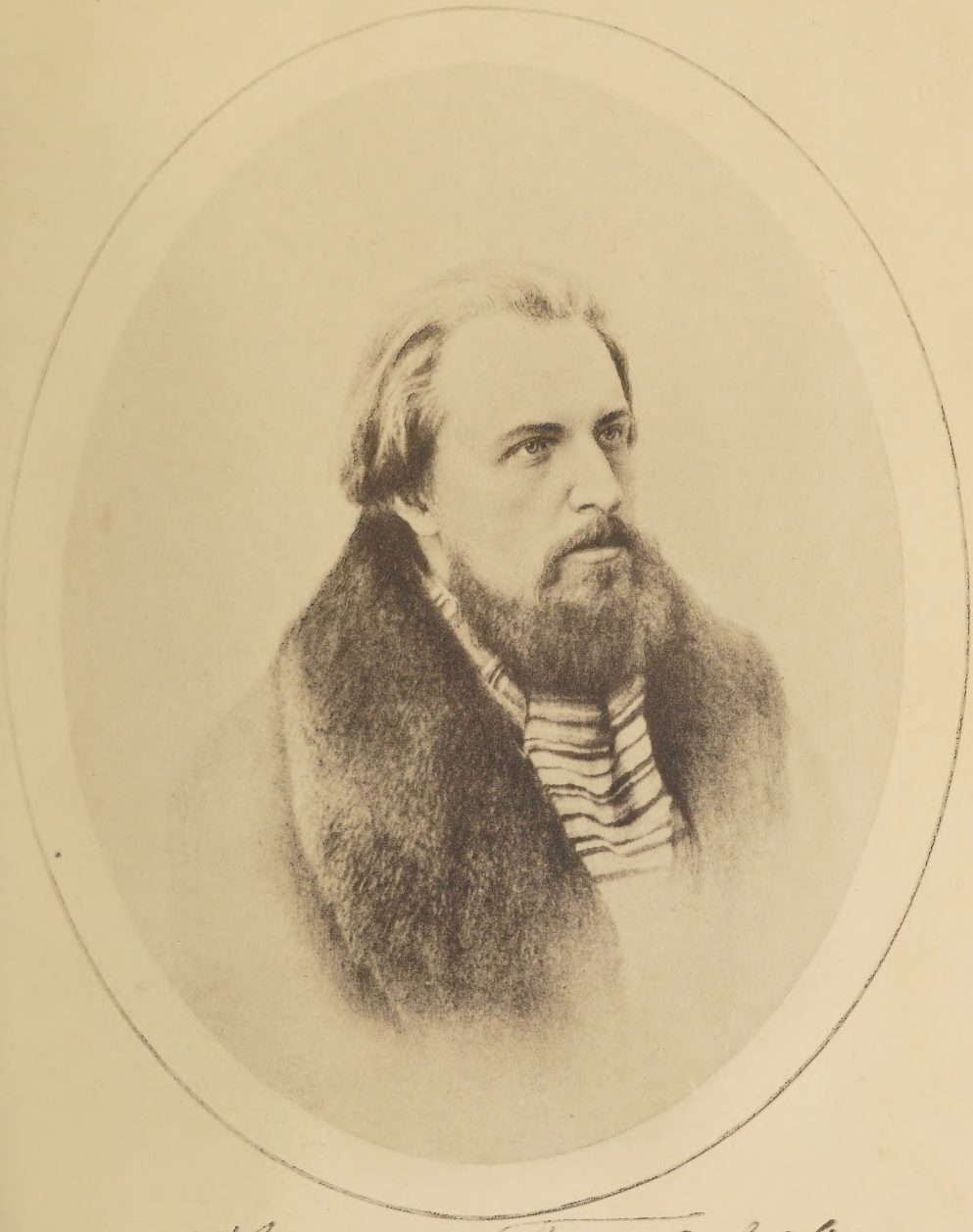
ИЗДАНІЕ
ПУШКИНСКАГО ДОМА
ПРИ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

апр. 1946.
апр 949
нб 1940

Петроградъ.
1917.

52

Типографія Министерства Земледѣлія, Моховая, 40.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе V

Влад. Княжнинъ. А. А. Григорьевъ и Л. Я. Визардъ (Вступительная статья) XI

Листки изъ рукописи скитающагося софиста . . . . . 01—016

Мои литературныя и нравственныя скитальчества . . . . . 1— 97

Письма [Первая цифра — порядковый № письма; вторая — страницы. №№ писемъ со звѣздочкой указываютъ, что письмо печатается впервые] . . . . . 101—302, 364—368

Гоголю, Н. В. 11 (110—113), 12 (113—116), 13 (116—119).

Горбунову, И. Ѳ. 130 (302).

Григорьеву, А. И. (Отцу). См. Отцу.

Достоевскому, Ѳ. М. *108 (263), *128 (300—301), *129 (301).

Дружинину, А. В. *51 (154—157), *52 (157—158), *53 (158—159), *54 (160—161), *55 (161—162), *56 (162—164), *57 (164).

Комитету Литературнаго Фонда. *102 (258—259).

Конп, Ѳ. А. *18 (123—124), *19 (125).

Кошелеву, А. И. 49 (150—152).

Краевскому, А. А. *14 (119—120), *15 (120—121), *17 (122—123), *27 (129—130), *95 (244), *123 (298).

Ксенофонту Тимофѣевичу N.* 131 (364).

Майкову, А. Н. *79 (215—217).

Милюкову, А. П. 106, 107 (263), 110 (265).

Михно, Н. В. 127 (300).

Отцу (А. И. Григорьеву). *132 (365—367).

Погодину, М. П. 1 (101), 2 (101—103), 3 (103—105), *5 (105—107), 6 (107), 8 (108—109), 9 (109—110), 10 (110), 16 (121—122), *20 (125), 21 (126), 22 (126—127), 23 (128), 24 (128), 25 (128—129), 26 (129), 28 (130), 29 (130), 30 (130—131), 31 (131—132), 32 (132), 33 (132—133), *34 (133—134), *35 (134), 36 (135), 37 (135), 38 (136), 39 (136), 40 (137—138), 41 (138—139), 42 (139), 43 (140—143), 44 (143—144), 45 (144), 46 (145—146), 47 (147—149), 48 (149—150), 58 (165—166), 59 (166—168), 62 (172—173), 65 (177—180), 66 (180—183), 69 (189—192), 70 (192), 81 (220—222), 82 (223—224), 83 (225—227), 84 (227—228),

СТРАН.

86 (231—232), 88 (236—237), 94 (242), 95 (243), 97 (244—245), 98 (245—246), 99 (246—255), 101 (256—258), 103 (260), 104 (260—261), 105 (261—262), 109 (263—265), *133 (367—368), *135 (368).

Протопоповой, Е. С. 60 (168—171), 63 (173—175), 64 (175—177), 71 (192—194), 75 (202—205), 77 (207—212), 80 (218—220), 85 (228—231), 87 (232—235), 90 (237—238), 92 (238—241), 93 (241—242).

Редакціи Журнала «Время». *124 (299).

Случевскому, К. К. *100 (256).

Соловьеву, С. М. 4 (105).

Страхову, Н. Н. 111 (266—269), 112 (269—271), 113 (271—274), 114 (274—275), 115 (276—279), 116 (279—282), 117 (282—284) 118 (284—287), 119 (288—289), 120 (289—290), 121 (291—293), 122 (293—297), 125 (299).

Тургеневу, И. С. *89 (236а).

Фету, А. А. 76 (205—207).

Шевыреву, С. П. *7 (107—108).

Щербинѣ, Н. Ѳ. *134 (368).

Эдельсону, Е. Н. *50 (152—154). *61 (171—172), *67 (183—186), *68 (186—189), *72 (194—196), *73 (196—198), *74 (199—202), *78 (212—215), *91 (238), *126 (299—300).

Краткій послужной списокъ на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ . . . . . 305—308

Приложенія:

А. Документы литературные.

I. Самая ранняя изъ извѣстныхъ рукописей А. А. Григорьева—«Отрывки изъ лѣтописи духа» . . . . . 311—312

II. Условіе, заключенное между Погодинымъ и Григорьевымъ объ изданіи «Москвитянина» . . . . . 312—313

III. Программа журнала «Москвитянинъ», составленная А. А. Григорьевымъ, на 1857 г. 314

Б. Документы разныхъ архивовъ.

I. Родъ Григорьевыхъ 315

II. Формулярный списокъ о службѣ А. И. Григорьева . . . 316—317

III. Свидѣтельство Имп. Московскаго Воспитательнаго Дома . 317—318

IV. Свидѣтельство Московскаго Магистрата 318

V. Дѣла Архива Имп. Московскаго Университета . . . . . 318—330

VI. Дѣло 1-го Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената . . . . . 330—334

VII. Дѣло Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія о передачѣ редактированія журнала «Москвитянинъ» А. А. Григорьеву . . . . . 334—335

VIII. Аттестатъ А. А. Григорьева . . . . . 335—337

IX. Объявленіе объ А. А. Григорьевѣ Спб. Управы Благочинія . 337

стран.

В. Неизданныя письма разныхъ лицъ, имѣющія отношеніе къ А. А. Григорьеву.

I. Изъ писемъ А. А. Фета къ Я. П. Полонскому 338
II. Изъ писемъ Я. П. Полонскаго къ А. А. Фету . . . . . 338—340
III. Письмо П. П. Чубинскаго къ А. А. Григорьеву . . . . . 340—342
IV. Письмо Н. Н. Страхова къ Александру Ап. Григорьеву . . 342

Г. Опытъ краткой хронологической канвы для біографіи А. А. Григорьева . . . . . 343—351

Д. Библіографія о Григорьевѣ . . . . . 352—363

Дополненія къ письмамъ.

*131. Ксенофонту Тимофѣевичу N (364). *132. Отцу (365—367) *133. М. П. Погодину (367—368). *134. Н. Ѳ. Щербинѣ (368). *135. Ему же (368). . . . . 364—368

Примѣчанія. . . . . 369—397

Указатель именъ 398

СНИМКИ:

I. А. А. Григорьевъ, съ фотографіи Оже конца 50-хъ г.г. (за титульнымъ листомъ). II. Факсимиле автографа перевода изъ Байрона «Промеѳей» (стр. X). III. А. А. Григорьевъ, съ фотографіи ПД — оригиналъ въ Третьяковской Галлереѣ, въ Москвѣ (стр. 016—1). IV. Молодая редакція «Москвитянина» (стр. 128—129). V. Домъ Григорьевыхъ на М. Полянкѣ въ Замоскворѣчьѣ (стр. 152—153). VI. Тоже. Комнаты А. А. Григорьева и А. А. Фета — въ мезонинѣ (стр. 154—155). VII. Тоже. Видъ съ двора (стр. 156—157). — Всѣ три снимка съ дома 1915 г. VIII. А. А. Григорьевъ, съ фотографіи, находившейся въ фойэ Александринскаго театра въ Спб. (стр. 305). IX. Памятникъ на могилѣ А. А. Григорьева, на Волковомъ кладбищѣ въ Спб. (стр. 350—351).

СОКРАЩЕНІЯ:

Рук. ПД = Рукописи Пушкинскаго Дома при Академіи Наукъ.
Рук. Отд. ИАН = Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ.
Рук. Отд. ИПБ = Рукописное Отдѣленіе Публичной Библіотеки.
Рук. Рум. Музея = Рукописи Библіотеки Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ въ Москвѣ.
Б. [съ указаніемъ римской цифрою тома и арабскою—стр.] = Н. П. Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина».
Дат. Б = Датировка Н. П. Барсукова.
ПАГД = Съ подлинника, принадлежащаго Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской.
ПЭ = Съ подлинника, принадлежащаго Евгенію Борисовичу Эдельсону.
ПВГД = Съ подлинника, принадлежащаго Василію Григорьевичу Дружинину.
Пдпс = Приблизительная дата письма опредѣляется содержаніемъ его.

БдЧ = «Библіотека для Чтенія».
ББВѣд. = «Биржевыя Вѣдомости».
ВЕ = «Вѣстникъ Европы».
ВРМ = «Время».
ГМ = «Голосъ Минувшаго».
ИВ = «Историческій Вѣстникъ».
МСКВ = «Москвитянинъ».
МВѣд. = «Московскія Вѣдомости».
МГЛ = «Московскій Городской Листокъ».
НВр = «Новое Время».
ОтЗ = «Отечественныя Записки».
РП = «Репертуаръ и Пантеонъ».
РА = «Русскій Архивъ».
РВѣд. = «Русскія Вѣдомости».
РМ = «Русская Мысль».
РВ = «Русскій Вѣстникъ».
РОбозр = «Русское Обозрѣніе».
РСл = «Русское Слово».
РСт = «Русская Старина».
РСцена = «Русская Сцена».
РШкола = «Русская Школа».
РИнвалидъ = «Русскій Инвалидъ».
СВРМ = «Современникъ».
СѢв.Зап. = «Сѣверныя Записки».
Спб.Вѣд. = «С.-Петербургскія Вѣдомости».
ФВ = «Финскій Вѣстникъ».
ЭП = «Эпоха».

Предисловіе.

Прежде всего надлежитъ оправдать смыслъ печатанія отдѣльною книгою только «матеріаловъ для біографіи» А. А. Григорьева и объяснить, почему, оставленъ пока открытымъ вопросъ о самой біографіи писателя.

Всякая научно-поставленная историко-литературная работа естественно распадается: 1) на собраніе, въ наивозможной для даннаго историческаго момента полнотѣ, самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о писателѣ, 2) на научную разработку собраннаго. Все равно, идетъ ли рѣчь о жизнеописаніи, или объ изученіи творчества. Разница будетъ только та, что вопросы біографическіе должны быть рѣшены прежде обозрѣнія дѣятельности творческой, самымъ тѣснымъ образомъ связанной съ житейскою судьбою и объяснимой лишь при условіи строго-фактическаго установленія этихъ житейскихъ отношеній. Такъ обстоитъ дѣло съ прошлымъ, ибо сколько-нибудь всесторонняя оцѣнка примѣнима къ дѣятельности только человѣка, который, такъ или иначе, но закончилъ свое писательское или земное поприще.

Работа, проведенная въ подобной послѣдовательности и системѣ, конечно, не совершенно еще свободна отъ субъективныхъ вліяній редактора или изслѣдователя, отъ ошибокъ и заблужденій, а съ другой стороны, и отъ послѣдствій устремленія къ объективности, заставляющаго пренебрегать внушеніями исключительно интуитивными, могущими, кто знаетъ, найти свое оправданіе послѣ новыхъ открытій. Однако, для даннаго историческаго момента, обнимающаго промежутокъ времени между начальнымъ и конечнымъ пунктами произведенной изслѣдователемъ работы, таковая является наилучшимъ изъ всѣхъ пока несовершенныхъ методологическихъ пріемовъ въ исторіи литературы.

Матеріалы, въ умѣломъ и остроумномъ ихъ использованіи, играютъ при этомъ весьма важную роль. Нынѣ это обстоятельство, кажется, понято и правильно учтено. Матеріалы біографическіе могутъ: 1) оказаться по художественному своему значенію выше всякихъ историко-литературныхъ изысканій, равными любому художественному произведенію, любой критической статьѣ; тогда они будутъ эстетически самоцѣнны; 2) помочь тѣмъ большему кругу изслѣдователей, чѣмъ шире интересъ, проявляемый къ опредѣленному историческому лицу; будучи обнародованы, они облегчатъ дальнѣйшее собираніе, начинающееся каждый разъ у каждаго изслѣдователя съизнова; 3) послужить, до поры до времени, замѣною біографическаго изслѣдованія, въ виду скудости

или необоснованности данныхъ. По отношенію къ А. А. Григорьеву передъ нами на лицо и то, и другое, и третье.

Смыслъ печатанія воспоминаній, эпистолярныхъ и архивныхъ документовъ—воспроизведеніе наиболѣе точнымъ и совершеннымъ образомъ картины прошлаго, такъ, чтобы оно оживленнымъ вновьвстало предъ глазами чтеца. Почти обычно архивы и отдѣльные документы достаются историкамъ въ разбитомъ, неполномъ, хаотическомъ видѣ, особенно что касается переписки. Каждый архивъ между тѣмъ есть нѣчто цѣнное и единое: документы поступали въ него во времени, въ порядкѣ хронологической послѣдовательности. Слѣдовательно, и воспроизведеніе ихъ должно быть и можетъ быть только хронологическимъ. Отнюдь нельзя при печатаніи прибѣгать къ разбивкѣ корреспондентовъ по лицамъ въ алфавитномъ или групповомъ порядкѣ; ни въ коемъ случаѣ нельзя, не сдѣлавъ попытокъ къ опредѣленію времени появленія документа, оставлять его безъ датировки, хотя бы приблизительной; не слѣдуетъ также своевольно передѣлывать, исправлять, сокращать или дѣлать пропуски въ документахъ безъ всякихъ оговорокъ. Цѣльность каждаго архива предполагаетъ такую же, приблизительную цѣльность воспроизведенія.

Печатаніе разныхъ архивныхъ собраній въ періодическихъ изданіяхъ, особенно провинціальныхъ, точно такъ же отзывается вредно на единствѣ и цѣльности впечатлѣнія, какъ и на простой зачастую доступности ихъ.

Вотъ причины изданія «Матеріаловъ для біографіи А. А. Григорьева», матеріаловъ первостепеннаго значенія, отдѣльною книгою.

Къ сожалѣнію, «Матеріалы» печатаются далеко не съ тою полнотою и не въ томъ законченомъ видѣ, въ какомъ желалъ бы ихъ видѣть редакторъ. Начни свою работу собиранія матеріаловъ лѣтъ 30 тому назадъ или даже всего 15-ть, онъ былъ бы, навѣрное, куда болѣе счастливъ. Теперь же приходится скорѣе говорить о томъ, чего нѣтъ, нежели о томъ, что удалось сдѣлать.

Нѣтъ писемъ Григорьева къ А. Н. Островскому. Нынѣшній владѣлецъ ихъ, С. А. Островскій, на войнѣ и могъ обѣщать Пушкинскому Дому доставить ихъ лишь по возвращеніи. Изъ писемъ къ И. С. Тургеневу, къ А. А. Фету приводится только по одному, равно какъ и къ Ап. Н. Майкову. Нѣтъ писемъ къ женѣ, рожденной Л. Ѳ. Коршъ; нѣтъ писемъ къ Л. Я. Визардъ-Владыкиной. Нѣтъ писемъ къ М. М. Достоевскому, В. П. Боткину. Письма къ Е. С. Протопоповой печатаются по копіямъ (съ пропусками) Н. Н. Страхова, и т. д. Нѣтъ, словомъ, вовсе писемъ къ нижеслѣдующимъ лицамъ [1]):

Къ матери, женѣ и вообще родственникамъ, Д. В. Аверкіеву *, И. С. и К. С. Аксаковымъ, Б. Н. Алмазову *, П. В. Анненкову, П. Д. Боборыкину, П. М. Боклевскому *, В. П. и Д. П. Боткинымъ, П. В. Быкову, А. Е. Варламову, Л. Я. Визардъ-Владыкиной, К. П. Вильбоа, М. Н. Владыкину, Н. Н. Воскобойникову, А. Д. Га-

---

[1]) Списокъ приводится на тотъ случай, если кто-либо пожелаетъ откликнуться, ибо редакторъ отнюдь не считать своей работы вполнѣ завершенною. Съ другой стороны, приведеніе списка имѣетъ въ виду посильное облегченіе труда другихъ изслѣдователей и собирателей Григорьевскихъ бумагъ. Звѣздочки, слѣдующія за нѣкоторыми фамиліями, обозначаютъ, что, по свѣдѣніямъ редактора, имъ провѣреннымъ, никакихъ документовъ Григорьева у родственниковъ названныхъ лицъ не сохранилось.

лахову, Геркенамъ, А. С. Гіероглифову, Т. Н. Грановскому, С. С. Громекѣ, И. И. Давыдову, М. М. Достоевскому, Дюбюку, І. И. Желѣзнову, Н. К. Калайдовичу, М. Н. Каткову, Коршамъ*, В. В. Крестовскому, Н. И. Крылову, К. Н. Леонтьеву, Л. А. Мею, Н. А. Некрасову, А. Н. Островскому, И. И. Панаеву, М. И. Писареву, А. Ѳ. Писемскому, Я. П. Полонскому*, А. А. Потѣхину, гр. Е. П. Ростопчиной, М. А. Стаховичу, Ѳ. Т. Стелловскому, А. С. Сѣрову*, И. М. Сѣченову, гр. Л. Н. Толстому, кн. И. Ю. Трубецкому, кн. Трубецкимъ, Т. И. Филиппову*, А. И. Хмѣльницкому, А. С. Хомякову*, Н. И. Шаповалову, П. А. Шестакову, проф. Шилль и др.

Нѣтъ данныхъ изъ Архива Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ заведеній. Въ Архивѣ Спб. Университета редакторъ могъ только убѣдиться изъ журнала входящихъ, что дѣло о Григорьевѣ было, но самаго дѣла найти не удалось. Въ Архивѣ Оренбургскаго Кадетскаго Корпуса было еще въ 1894 году 4 дѣла о Григорьевѣ (см. въ Библіографіи о Григорьевѣ ст. П. Юдина), но въ 1915 году директоръ Корпуса отвѣчалъ, что никакихъ дѣлъ не сохранилось. Въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія сохранились только обложки отъ дѣлъ о Григорьевѣ, а вѣдь среди этихъ дѣлъ была рукопись, запрещенной тогдашнею цензурой, съ такъ и не законченной статьей объ Островскомъ! Въ XIV томѣ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» приводятся отрывки изъ этого любопытнаго дѣла. Значитъ, Барсуковъ держалъ это дѣло въ своихъ рукахъ.

Но прискорбнѣе всего было убѣдиться въ неполнотѣ Погодинскаго Архива, завѣщаннаго второю женой Погодина, Софіей Ивановной, Московскому Румянцовскому Музею и перешедшаго въ его собственность въ 1887 году. Когда въ 1882 г. Н. П. Барсуковъ приступилъ къ своей работѣ надъ жизнеописаніемъ Погодина, всѣ оставшіеся послѣ смерти историка бумаги, а именно: дневники, переписка, автографы нѣкоторыхъ сочиненій и проч., «переданы были,—писалъ Барсуковъ [1]), мнѣ изъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, для извлеченія потребныхъ для жизнеописанія матеріаловъ. Такимъ образомъ въ мои руки перешелъ громадный Погодинскій Архивъ, обнимающій собою три четверти XIX столѣтія. Прежде всего надлежало потрудиться надъ самимъ Архивомъ и отдѣлить пшеницу отъ плевелъ». Это и было сдѣлано, но настолько искусно, что цѣлый рядъ документовъ, именно писемъ, приведенныхъ въ левіаѳанѣ Барсукова, большею частью въ выдержкахъ, крайне, повидимому, неточныхъ, зачастую весьма поверхностно датированныхъ, писемъ, растерзанныхъ на клочки (начало въ одномъ томѣ, конецъ въ другомъ; иногда же совершенно безформенные обрывки, соединять которые приходилось лишь по наитію), цѣлый рядъ писемъ,—словомъ, большая часть того, что печаталось Барсуковымъ со ссылкою «письма», томъ такой то (а такихъ томовъ до 1864 г. не больше не меньше, какъ 37!), на свое мѣсто не вернулось. Въ результатѣ, съ подлинниковъ Румянцовскаго Музея печатается всего 5 записокъ Григорьева къ Погодину, остальныя письма, числомъ 56, даются по печатному тексту. Если бы почтенный «исторіографъ» Барсуковъ, «не мудрствуя лукаво» и стараясь «плыть, такъ сказать, по теченію жизни», разобрался въ обширномъ матеріалѣ и напечаталъ бы одни только тексты, полностью тексты и

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I, стр. VI-VII.

дневниковъ Погодина, и писемъ къ нему, это былъ бы во-истину безцѣнный вкладъ въ русскую исторію. Дневники, кажется, сохранились цѣликомъ, и надлежало бы издать ихъ отдѣльно, ибо приводимыми въ книгахъ Барсукова лоскутками пользоваться, при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи къ дѣлу, невозможно. «Съ сердечною признательностью» вспоминаетъ Барсуковъ о селѣ Михайловскомъ, гдѣ «подъ гостепріимнымъ кровомъ Графа и Графини Шереметевыхъ, среди самыхъ благопріятныхъ условій... въ осенніе мѣсяцы нѣсколькихъ годовъ безмятежно» трудился онъ надъ Архивомъ Погодина. Къ глубочайшему прискорбію для русской науки, труды эти не вышли изъ младенческаго состоянія, а работа на дому, то въ Михайловскомъ, то въ тогдашнемъ Петербургѣ, привела къ медленному, но вѣрному отдѣленію «пшеницы отъ плевелъ»...

Неизвѣстно также мѣстопребываніе архива А. И. Кошелева. Въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго (Имп. Публ. Библ., переплетъ № 15, 17 III—31 XII 1863 г.) находится одно письмо Григорьева, но выдано оно будетъ для публики лишь въ 1920 году.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить живѣйшую признательность цѣлому ряду лицъ за ихъ содѣйствіе, коему обязанъ весьма многимъ.

Прежде всего, управляющему дѣлами Пушкинскаго Дома при Академіи Наукъ, академику Н. А. Котляревскому. Постоянной помощью въ сношеніяхъ съ различными учрежденіями и отдѣльными лицами, рядомъ справокъ и вообще всякаго рода указаній, весьма повліявшихъ на успѣшность работы, обязанъ я дружескому вниманію Б. Л. Модзалевскаго, завѣдующаго Архивомъ Конференціи Академіи Наукъ. Также благодарю душевно Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, и его предсѣдателя, академика А. А. Шахматова, за матеріальную поддержку, оказанную мнѣ въ началѣ работы, и за ту субсидію, которая была выдана Пушкинскому Дому на изданіе.

Изъ отдѣльныхъ лицъ приношу мою искреннюю благодарность приватъ-доценту Петроградскаго Университета В. А. Григорьеву—родному внуку того, кто является предметомъ думъ моихъ въ послѣдніе 4 года. Какъ юристъ и историкъ русскаго права, онъ освѣтилъ для меня ту правовую обстановку, въ которой проходили ранніе годы жизни Аполлона Александровича Григорьева.

Съ особою признательностью долженъ я помянуть чиновника Канцеляріи Московскаго Университета, Павла Амвросіевича Павлова. Ему, занятому человѣку, случайно замѣнившему архиваріуса, обязанъ я розыскомъ всѣхъ дѣлъ о Григорьевѣ въ Архивѣ Университета. Въ связи съ допускомъ въ этотъ Архивъ и за нѣкоторыя указанія о Григорьевѣ благодарю профессора Московскаго Университета С. Ѳ. Глинку. За доставленіе матеріаловъ и за крайне сердечное отношеніе къ моей работѣ и всегдашнюю готовность поддержки долженъ я благодарить Александра Александровича Шульца, а также управляющаго дѣлами Археографической Комиссіи — В. Г. Дружинина, Е. Б. Эдельсона, внука извѣстнаго критика (Евг. Н. Эдельсона), глубокоуважаемую Анну Григорьевну Достоевскую, В. Евгеньева, С. Т. Филиппова, секретаря Сенатскаго архива Н. А. Мурзанова, С. Я. Штрайха.

Величайшую благодарность долженъ я послать въ Полтаву Евгеніи

Яковлевнѣ Протопоповой (рожд. Визардъ), столь живо, не взирая на годы (80 лѣтъ!), неоднократно откликавшуюся на мои просьбы. И, въ связи съ этимъ, проф. Моск. Университета — Д. Н. Егорову, указавшему на Евгенію Яковлевну.

Еще долженъ я благодарить московскаго собирателя русской старины— А. К. Пожарскаго, энергіи котораго исключительно изданіе обязано полученіемъ снимковъ Григорьевскаго дома, а также за розыскъ неизвѣстныхъ стихотвореній Григорьева, его писемъ и проч. Въ связи съ этимъ приношу благодарность М. А. Цявловскому. Также москвичамъ: покойному нынѣ академику Ѳ. Е. Коршу, Московскому Архиву Министерства Юстиціи въ лицѣ его директора Цвѣтаева и И. С. Бѣляева.

Съ живѣйшею признательностью долженъ я упомянуть В. С. Спиридонова (редактора готовящагося изданія Сочиненій А. А. Григорьева), Ф. А. Витберга, библіотекаря Петроградскаго Университета—М. И. Кудряшова, проф. И. И. Гливенка, А. А. Островскаго, Д. Н. Соколова, А. А. Шилова.

Съ поэтомъ А. А. Блокомъ «въ годъ страдный и памятный» мы вмѣстѣ учились любить, А. А. Григорьева, «нашего современника», и ему, А. А. Блоку, и матери его—А. А. Кублицкой-Піоттухъ мое послѣднее слово любви, памяти и благодарности.

Влад. Княжнинъ.

6 Ноября 1916 года.
Петроградъ.

P. S. Поступленіе новыхъ матеріаловъ, а также революція, грянувшая въ Россіи, значительно задержали выходъ книги и тѣмъ создали нѣкоторую нестройность плана.

Нужна ли, однако, эта книга, да и нужна ли сейчасъ книга вообще?

На этотъ вопросъ я съ твердою убѣжденностью отвѣчаю: — Да! Я вѣрю, что глубокое паденіе чувства національнаго свершается въ канунъ подлиннаго его воскресенія и расцвѣта въ Россіи.

И всякая русская книга будетъ содѣйствовать тому. И, паче, та книга, въ которой все національное играетъ яркимъ самоцвѣтнымъ камнемъ драгоцѣннаго перстня.

Чѣмъ страшнѣе испытанія, жесточе казни, ближе ликъ бездны, тѣмъ неизбѣжнѣй часъ творить и ковать свою національную культуру.

Вл. Кн.

12 Сентября 1917 года.
Петроградъ.

Промеѳей
(изъ Байрона)
А. П. Милюкову

I

Титанъ! безсмертными очами
Ты скорби смертности прозрѣлъ
Съ ея печальными бѣдами
Но ихъ какъ боги, не прозрѣлъ.
И чтожъ тебѣ за состраданье
Наградой было отъ боговъ?
Безмолвно-тяжкое страданье
Скала и корм цѣпь.. гнетъ оковъ...
Вся мука гордости, всѣ боли
Которыхъ видѣть недолжны
Враги, — да душный стонъ неволи
Въ безмолвномъ мракѣ тишины,
Лишь раздающійся порою,...
Чтобы подслушанный землею
До неба недостигъ тотъ стонъ.
Что бы безъ эха замеръ онъ!

II.

Титанъ, Титанъ! ты могъ узнать
Страданья съ волей споръ суровый
Что ежечасно пыткой новой
Терзаетъ тамъ гдѣ убивать
Не можетъ... Злыми небесами,
Глухой судьбы тиранствомъ злымъ,

Автографъ А. А. Григорьева.
Собственность Пушкинскаго Дома.

А. А. ГРИГОРЬЕВЪ и Л. Я. ВИЗАРДЪ.

(Вступительная статья).

> Ибо есть какой то тайный законъ, по которому недолговѣчно все, разметывающееся въ ширину, и коренится какъ дубъ односторонняя глубина.
> Ап. Григорьевъ. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.

Есть натуры, своеобразіе конхъ такъ исключительно, что трудно, невозможно почти, подыскать въ литературѣ русской, среди писателей русскихъ, подобныхъ имъ. Старый «другъ» и «наставникъ» Григорьева—М. П. Погодинъ, столь «иконописно» испорченный изображеніемъ Барсукова и, вслѣдствіе того и сохранившейся отъ прежнихъ лѣтъ раздраженности полемической, въ изслѣдователяхъ не вызывающій желанія оцѣнки иной, авторъ «Соборянъ», «Запечатлѣннаго ангела», «Очарованнаго странника»— Николай Семеновичъ Лѣсковъ да Константинъ Леонтьевъ,—вотъ, примѣрно тѣ, между кѣмъ и Григорьевымъ можетъ быть проведена нѣкоторая аналогія, не идей, а своеобразія исключительнаго таланта.

Мысль человѣческая подобна привычкамъ. Двинутая однажды мощнымъ толчкомъ генія, долгое время бредетъ она старобытнымъ путемъ. Легко усвояется людскою толпой все примитивно-простое; все сложное, неожиданно-смѣлое, новое, если, въ лучшемъ случаѣ, не побивается камнями, въ худшемъ—проходитъ незамѣченнымъ совершенно. Есть мыслители и поэты, которыхъ знаютъ и любятъ и цѣнятъ весьма немногіе; несвоевременно страшно-трудно отдать ихъ широкому кругу, изъ боязни оказаться предателемъ по отношенію къ нимъ.

Бываютъ эпохи, когда уровень общественнаго пониманія такъ невысокъ, что люди эти кажутся ненужною роскошью; тогда—тайна обаянія ихъ въ возможностяхъ интимной съ ними бесѣды, и желающіе общенія припадаютъ къ источнику своему тайно, подобно тайнымъ ученикамъ, Никодимамъ. Но настаетъ моментъ иной, моментъ грозный, отвѣтственный, когда молчать невозможно по долгу совѣсти, по долгу чести, когда необходимо въ общество инертное и творчески-сонное бросить книгу о человѣкѣ, излучавшемъ и доселѣ излучающемъ мощный потокъ творчески-цѣнныхъ идей. Необходимо положить всѣ силы къ тому, чтобы нарушить молчанье.

Вышеназванные, и Григорьевъ,—глубоко русскіе. Самостоятельность мышленія, несовпаденіе идеологій ихъ съ примитивно-опредѣленными ученіями такъ называемыхъ «западниковъ» и такъ называемыхъ «славянофиловъ» долгое время ставило людей этихъ, весьма, повторяю, различныхъ, какъ бы внѣ поля жизни русской. Но если тѣ, между кѣмъ и Григорьевымъ возможна аналогія своеобразія талантовъ, вошли все же въ житейскій обиходъ и заняли ихъ сочиненія и монографіи о нихъ мѣста на книжныхъ полкахъ, то Григорьевъ до сихъ поръ забытъ. А между тѣмъ, въ качествѣ оригинальнѣйшаго представителя національнаго бытія, — ежели каждаго народа цѣнность единственно только въ неповторимомъ своеобразіи его бытія,—какъ нуженъ и важенъ Григорьевъ въ общемъ учетѣ силъ національной культуры!

Пушкинъ—символъ объединенія нашего. Григорьевъ, раньше другихъ это сознавшій и о томъ повѣдавшій, несвоебычный «чудакъ», «романтикъ», безпутный Кинъ, вознесшій личность свою на жертвенный костеръ и сожженный энтузіазмомъ пламеннымъ своимъ до тла и прежде срока растраты душевныхъ силъ, заслуживаетъ вниманія и какъ писатель, и какъ человѣкъ.

Но слову о писателѣ должно предшествовать слово о человѣкѣ. Не біографія, невозможность коей очевидна при скудныхъ еще данныхъ, не устремленіе къ синтетически цѣльному образу, а все тотъ же анализъ, какъ дополненіе къ біографическимъ матеріаламъ,—вотъ задача настоящей статьи въ полномъ соотвѣтствіи съ темой всей книги. Въ ней подлежитъ разсмотрѣнію лишь одинъ чисто біографическій вопросъ, но крайне сложный, опредѣлившій всю послѣднюю треть жизни Григорьева.

I.

Не ошибочнымъ будетъ утвержденіе, что страсть—единственная по чарованію своему изъ всѣхъ—любовь, наложила печать на человѣческую судьбу Григорьева. Три женщины—три встрѣчи—три роковыхъ неудачи. Другое, кѣмъ былъ въ каждый моментъ этихъ встрѣчъ самъ Григорьевъ: онъ ли державно владѣлъ положеніемъ или, напротивъ того, имъ владѣло оно? Обобщеніямъ нѣтъ еще мѣста. Простой разсказъ о событіяхъ и анализъ создававшихся отношеній одинъ покуда путь.

Но исторія первой и послѣдней любви Григорьева, если и не была совершенно извѣстна, то изъ предлагаемыхъ ниже Матеріаловъ она предстанетъ предъ глазами читателя достаточно уясненной, въ предѣлахъ заданія, которое ставится настоящею книгой. Отсутствіе же какихъ бы то ни было документовъ, кромѣ незначительныхъ намековъ въ письмахъ къ Е. С. Протопоповой и М. П. Погодину, заставляетъ подробно остановиться на встрѣчѣ и любви Григорьева къ Леонидѣ Яковлевнѣ Визардъ.

Въ началѣ 1847 г. Григорьевъ вернулся въ Москву, постигнувъ всю тщету надеждъ остаться въ таинственномъ «призрачномъ» мірѣ Петербурга, куда онъ ринулся тому три года назадъ въ необузданной страстности своей поглощенной отчаяньемъ натуры... Уже 11-го февраля въ «Московскомъ Город-

скомъ Листкѣ» Владиміра Драшусова, гдѣ за мѣсяцъ передъ тѣмъ (9-го января) начинающій Островскій выступилъ со сценою изъ комедіи «Несостоятельный должникъ», была помѣщена первая библіографическая замѣтка Григорьева. Во второй половинѣ года онъ женился на Лидіи Ѳедоровнѣ Коршъ. Когда именно произошло это событіе, точно пока неизвѣстно: 27-го ноября въ томъ же «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» было напечатано стихотвореніе «Тайна Воспоминанія» (изъ Шиллера) съ посвященіемъ Л. Ѳ. Г. Бракъ этотъ имѣлъ второстепенное значеніе въ жизни писателя; судьба его крайне печальна. Лидія Ѳедоровна умерла раньше мужа. Ни одного хорошаго отзыва о ней встрѣтить не привелось, но виноваты были, повидимому, обѣ стороны. Уваженіе къ памяти скорбно почившихъ, повелѣвая непреодолимо, заставляетъ умолкнуть историка.

Жизнь въ Москвѣ складывалась изъ учительствованія, литературной работы и сближенія съ тѣми лицами, которыя къ 1851, примѣрно, году образовали кружокъ, извѣстный подъ именемъ «молодой редакціи Москвитянина». Въ маѣ 1850 г. Григорьевъ изъ Александринскаго Сиротскаго Института, по случаю преобразованія сего учебнаго заведенія въ кадетскій корпусъ, переведенъ былъ учителемъ законовѣдѣнія («Законы о Состояніи») въ Московскій Воспитательный Домъ, и въ августѣ состоялось знакомство его съ однимъ изъ надзирателей мужского отдѣленія этого дома, коллежскимъ ассесоромъ, почтеннымъ и уважаемымъ всѣми человѣкомъ, Яковомъ Ивановичемъ Визардомъ.

Родоначальникомъ этой семьи, давшей впослѣдствіи Россіи нѣсколько интересныхъ въ общественномъ смыслѣ и выдающихся людей *), былъ выходецъ изъ французской части Швейцаріи, Jean-Elie Wisard (род. въ Лозаннѣ 17 янв. 1765, ум. 15 дек. 1828 въ Москвѣ и похороненъ на Иновѣрческомъ кладбищѣ **), что на Введенскихъ горахъ). Его сынъ, Яковъ Ивановичъ Визардъ, родился въ Москвѣ (р. 1796, ум. 1854); по духу и воспитанію онъ былъ русскимъ, по религіи—кальвинистъ. Чистый математикъ по образованію, полученному въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ, однако въ Россіи онъ занимался преподаваніемъ «parler français» (въ Московскомъ Архитектурномъ училищѣ), что въ тѣ почтенные годы являлось занятіемъ болѣе плодотворнымъ

---

*) Таковы: Дмитрій Яковлевичъ, сынъ Я. И. Визарда, рано окончившій свое земное поприще; Леонида Яковлевна—одна изъ первыхъ докторовъ медицины въ Россіи. Другая вѣтвь уже Протопоповы (отъ брака сестры Л. Я., Евгеніи Яковлевны). 3-го іюля 1915 года подъ Сокалемъ былъ убитъ москвичъ доброволецъ-рядовой, Владиміръ Сергѣевичъ Протопоповъ. Покойный окончилъ курсъ двухъ факультетовъ: математическаго и историко-филологическаго, зналъ девять языковъ, былъ оставляемъ дважды при университетѣ для подготовки къ званію профессора по математикѣ и по исторіи. Семья покойнаго представляла одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Москвѣ интеллигентныхъ уголковъ. «Память Грановскаго и Пирогова были живыми воспоминаніями старшаго поколѣнія, связаннаго дружбой съ Боткиными, Кетчеромъ, Чичеринымъ, Циммерманомъ; протопоповскія «субботы», тянувшіяся черезъ цѣлыя два поколѣнія, нынѣ оборванныя, останутся у всѣхъ въ памяти, и нѣкогда Островскій большинство своихъ произведеній читалъ именно тамъ; первой русской женщиной, получившей докторскій дипломъ, въ полузапрещенной тогда Женевѣ, была сестра матери покойнаго» (Д. Егоровъ. Некрологъ В. С. П., РВѣд. 1915, отъ 18 іюля).

**) Здѣсь похоронено большинство членовъ этой семьи. См. Московскій Некрополь, Спб. 1907, т. I.

и выгоднымъ. Императоръ Николай Павловичъ часто при своихъ посѣщеніяхъ разныхъ учрежденій заговаривалъ по французски, и въ этихъ случаяхъ Якова Ивановича толкали впередъ, такъ какъ начальство мужского отдѣленія Воспитательнаго Дома не знало французскаго языка.

Въ самомъ началѣ 1850-хъ гг. отецъ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми *) жилъ въ главномъ корпусѣ Воспитательнаго Дома, съ главнаго подъѣзда (для «m-r parlez français» квартира была получше, чѣмъ у другихъ воспитателей), а мать **) держала маленькій пансіонъ въ Замоскорѣчьѣ и жила въ тѣхъ краяхъ съ младшимъ сыномъ. Такимъ образомъ, въ квартирѣ отца мужское начало, и по составу семьи, и по общенію съ персоналомъ мужского отдѣленія Дома, преобладало. И обстоятельствомъ этимъ объясняется отчасти та свобода и легкость, съ которой открылись Григорьеву двери визардовскаго дома. «Во время «большой перемѣны»—писала мнѣ Евгенія Яковлевна Протопопова-Визардъ,—отецъ приводилъ часто учителей къ намъ на квартиру «выкурить трубку». Изъ всей массы заходившихъ учителей одинъ только Григорьевъ «пришелся намъ ко двору» (выраженіе Апол. Александр.), сталъ настоящимъ знакомымъ. Вскорѣ онъ сблизился съ братьями, такъ какъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ: умный, подвижный, живой, обладалъ большимъ запасомъ разнообразныхъ знаній. Была у него довольно большая библіотека. Подъ предлогомъ снабжать насъ съ сестрой Леонидой книгами, сталъ очень часто заходить»...

Почти одновременно познакомился съ семьей впослѣдствіи знаменитый физіологъ, Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ, и глубокая симпатія звучитъ въ его словахъ, когда вспоминаетъ онъ о Визардахъ ***).

«Съ этой семьей,—писалъ Сѣченовъ,—я прожилъ въ величайшей дружбѣ всѣ шесть лѣтъ моего пребыванія въ Москвѣ и обязанъ ей очень многимъ. Въ ихъ домѣ довершилось, можно сказать, мое воспитаніе... Чтобы понять это, достаточно будетъ сказать, что въ семьѣ царствовало поклоненіе Грановскому—одно время Дм. Визаръ былъ даже его домашнимъ секретаремъ, а старшая изъ сестеръ [Леонида Яковлевна] жила нѣкоторое время въ семействѣ Фролова (переводчика «Космоса» Гумбольта), близкаго друга Грановскаго.

«Главой дома былъ старшій братъ, добрѣйшій, благороднѣйшій Владиміръ Яковлевичъ—по смерти отца у него остались на рукахъ сестры, молоденькія дѣвушки, приготовлявшіяся дома къ экзамену на званіе домашней учительницы. Я засталъ его уже чиновникомъ, служившимъ, по окончаніи университета, въ опекунскомъ совѣтѣ ****), но безъ малѣйшаго чиновническаго отпечатка. Живой, бодрый, неизмѣнно веселый, онъ, какъ истинный глава семейства, былъ примѣрнымъ для насъ скромникомъ во всѣхъ отношеніяхъ; очень любезенъ съ дамами, но по—братски, безъ малѣйшаго намека на ухаживанье; жилъ, очевидно, для семьи, потому что внѣ дома ходилъ къ одному лишь старому пріятелю, и настолько заботился о своихъ сестрахъ, что одна пріятельница ихъ семьи назы-

---

*) Владимиромъ и Дмитріемъ, Леонидой и Евгеніей.

**) Eugenie Wisard, рожд. Raulin de Belval (р. 1802, ум. 1870).

***) И. М. Сѣченовъ, «Автобіографическія записки». Изд. «Научнаго Слова», М. 1907, стр. 46—47.

****) Въ Сохранной Казнѣ Моск. Опекунскаго Совѣта, по II Отд. экспедиціи. См. «Адресъ-Календарь» 1858—59 гг., ч. I. *Вл. Кн.*

вала его не иначе, какъ мамаша. У себя дома, въ кругу пріятелей, онъ дѣйствительно походилъ на милую, добрую, веселую хозяйку. Единственной его мужской страстью была охота съ ружьемъ.

«Дмитрій Визаръ [р. 1829, ум. 1868] былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Въ сущности такой же добрый, какъ братъ, но безъ его дѣвической чистоты и мягкости, онъ принадлежалъ къ тому типу нервныхъ, не уравновѣшенныхъ людей, которые способны впадать въ крайности—отъ мрака переходить къ порывамъ веселья, отъ серьезнаго дѣла къ кутежу. Будучи слушателемъ на филологическомъ факультетѣ, составлявшемъ тогда красу и гордость Московскаго университета, онъ учился съ увлеченіемъ, зачитывался книгами *) и готовилъ себя къ ученой карьерѣ. Когда бывалъ въ духѣ, отличался большимъ остроуміемъ, охотно дѣлился впечатлѣніями, выносимыми изъ книгъ и съ лекцій,—былъ, такъ сказать, соединительнымъ звеномъ между университетомъ и своей семьей, внося въ нее вѣянія университетской жизни. А университетъ игралъ тогда въ Москвѣ очень видную просвѣтительную роль, и Москва его любила...

«Музыка была представлена въ этомъ домѣ учительницей старшей сестры, г-жей Протопоповой, очень хорошей музыкантшей, вышедшей впослѣдствіи замужъ за А. П. Бородина, химика и автора «Игоря». Наконецъ литература была представлена вхожимъ въ домъ Аполлономъ Григорьевымъ».

Для Григорьева, въ московскую эру жизни его, со второй половины 1851 г. и до лѣта 1857 г., момента отъѣзда за границу, по собственному признанію, «начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжкими уроками и опытами». Онъ снова любилъ, но любимъ не былъ. Онъ снова «бросилъ якорь»: былъ «усвоенъ» кружкомъ людей, «въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго», людей, которые «придерживаютъ» въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, наивно до безсознательности вѣру въ народъ и народность. Все «народное, даже мѣстное, что окружало,—писалъ впослѣдствіи Григорьевъ,—мое воспитаніе, все, что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы,—поднимается въ душѣ съ нежданною силою и ростетъ, ростетъ до фанатической исключительной вѣры, до нетерпимости, до пропаганды»...

Жизнь личная скрашена новой любовью, глубокой и безнадежной, къ молодой совсѣмъ дѣвушкѣ, не русской, иной, но благороднѣйшей крови. Жизнь общественная—«молодою редакціей» «Москвитянина», дѣйственнымъ участіемъ въ кружкѣ Островскаго. Зачинатель постоянный новаго, вѣчно безпокойный умъ, изъ крайности православія кидавшійся въ масонство, а изъ масонства въ

---

*) По окончаніи университета онъ выдержалъ экзаменъ на магистра и сталъ готовиться къ диссертаціи. Здѣсь страсть къ чтенію его погубила: онъ зачитался до такой степени, что не смогъ написать диссертацію—начиналъ нѣсколько разъ и нѣсколько же разъ истреблялъ написанное. Сталъ нелюдимъ, никуда не показывался и въ концѣ концовъ покончилъ съ собою. *Примѣч. И. М. Свѣченова.*

Дм. Як. Визардъ былъ одно время преподавателемъ франц. языка въ Первомъ Моск. Кадетскомъ Корпусѣ. См. «Адресъ-Календарь» 1858—59 гг., ч. I. *Вл. Кн.*

крайность атеизма и революціи, Григорьевъ снова, развертываясь во всю ширь, ставилъ смѣлый опытъ, въ которомъ столь причудливо утонченнѣйше сочеталось в с е русское, въ русской изъ русскихъ Москвѣ, и прекрасный цвѣтокъ иноземной культуры. Здѣсь, въ эту московскую эру, едва ли не наивысшая для Григорьева точка подъема творческихъ силъ, непомѣрно обогащенныхъ душевныхъ переживаній, складывавшихся на всю грядущую жизнь и литературную дѣятельность взглядовъ.

II.

Москва! Какъ много содержанія въ словѣ этомъ для русскаго сердца! Бытіе шестисотъ слишкомъ лѣтняго культурнаго уклада. Историческая Москва!

Никто и до сей поры не разсказалъ о родинѣ, о Москвѣ лучше, нежели самъ Аполлонъ Григорьевъ въ «Литературныхъ и нравственныхъ скитальчествахъ» своихъ.

Пестрый, колоритный городъ, теплый лѣтній воздухъ, кривыя и узкія улицы, миръ интимнаго обаянія тишины, сдобный съ оттяжкою акающій говоръ народа, монастырскіе праздники, крестные ходы, святыни Кремля, смуглыя главы—старинныя церкви, полныя настроенія умилительной прелести, Замоскворѣчье, кончающееся Калужской площадью, гдѣ воркуютъ голуби, подбирая изобильно разсыпанное зерно; и гулянье подъ зимнюю вьюгу въ Новинскомъ, остроуміе разговора фабричныхъ съ паяцами, самокаты, пѣсни родины, погребки, въ которыхъ проводится время въ пьянствѣ и развратѣ и въ пѣсняхъ и развратѣ...

Въ старину непролазная грязь и продажа лубочныхъ картинокъ у Спасскихъ воротъ, въ этомъ народномъ толкучемъ клубѣ подъ чистымъ небомъ, гдѣ глашатаи выкликали объявленія, а въ извѣстные дни правежи производились и казни, гдѣ съ утра и до ночи толкался всякій людъ, кто съ товарами, кто же съ вѣстями. Стояли попы безъ мѣстъ, нанимавшіеся служить обѣдню; расхаживали они съ калачемъ въ рукѣ, торговались съ нанимателями и для большаго убѣжденія ихъ выкрикивали свое: «смотри, закушу», т. е. давай, что прошу, не то отвѣдаю калача и тогда обѣдни служить будетъ некому *). А надъ торжищемъ всѣмъ мірской суеты возносится въ воротахъ образъ, кому молился каждый входящій въ Кремль прохожій, Смоленскаго Спаса.

Здѣсь, въ приходѣ Ермолая, на Садовой, въ извѣстномъ всей Москвѣ двухэтажномъ домѣ Небольсиныхъ, пребывали съ 1847 г. гостепріимно Ростопчины. Здѣсь жилъ Михайло Петровичъ Погодинъ, «этотъ примиряющій центръ всѣхъ партій, у кого, на скромныхъ его вечерахъ, на Дѣвичьемъ полѣ, на обѣдахъ, которые сочинялись въ саду (если это можно лѣтомъ и въ хорошую погоду) по разнымъ случаямъ и мотивамъ, сходились всевозможные московскіе кружки и даже люди, другъ съ другомъ, а иногда и съ самимъ хозяиномъ, въ жизни не ладившіе: славянофилы, западники, университетъ, артисты театра,

*) Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Спб. 1900. Т. I, стр. 65.

молодость, старость *)». Здѣсь Хомяковъ, въ его «неприличномъ костюмѣ»—въ отечественной одеждѣ, которую онъ такъ уважалъ за ея климатическую пригодность, — острилъ діалектикой споры. Здѣсь Чаадаевъ, объявленный «съумасшедшимъ» — блескъ неизвѣстныхъ, доселѣ все еще неизданныхъ афоризмовъ. Здѣсь — графъ Арсеній Закревскій съ плѣшью въ «стертый полтинникъ», не признающій даже конституціонной монархіи, хотя «Москва смотритъ республикой», и объявляющій «корреспондентомъ Герцена, литераторомъ, стремящимся къ возмущенію» отставного профессора Погодина. Здѣсь — страшныя сцены набора въ началѣ Крымской войны. Здѣсь первый въ странѣ центръ и объединеніе, университетъ, который готовится праздновать столѣтній свой юбилей, университетъ, уже въ 1844 г. дающій темы по «исторіи сельскаго сословія въ Россіи», и студенты—новая сила и власть—поджидающіе живого Гоголя, когда изъ дома Талызина выйдетъ онъ на Никитскій бульваръ для прогулки. Недовольная знать, декабристы и потомки масоновъ, масонство, уцѣлѣвшее чудомъ вплоть до 40-хъ годовъ! Своеобразные обычаи Замоскворѣчья, повѣрія и привычки московскаго простонародья, московскія «заведенія» со всѣми особенностями ихъ кухни и привычныхъ посѣтителей, «воронины блины», «пироги подъ скрипкою» на Тверской и знаменитая незамѣнимая столовая въ «Сундучномъ ряду». Философія Гегеля, «бенекеніанцы» отъ Каткова и Рулье, Грановскій—святыня для многихъ и многихъ...

Въ этой Москвѣ, съ конца 1840-хъ годовъ и до начала «эпохи реформъ», возростая, расцвѣталъ интереснѣйшій кружокъ. Его центромъ былъ А. Н. Островскій. Его основнымъ ядромъ являлась обновленная, «молодая редакція» журнала «Москвитянинъ»: А. Н. Островскій, А. А. Григорьевъ, Е. Н. Эдельсонъ, Т. И. Филипповъ, Б. Н. Алмазовъ, Л. А. Мей. Вокругъ нихъ сгруппировались остальные: писатели—М. А. Стаховичъ, авторъ «Ночного», П. И. Якушкинъ, уральскій казакъ І. И. Желѣзновъ, познакомившійся съ кружкомъ при посредничествѣ Н. И. Шаповалова и Е. Э. Дріянскаго, артисты — П. М. Садовскій, С. В. Васильевъ, И. Ѳ. Горбуновъ, Максинъ, Турчаниновъ, художники — Н. А. Рамазановъ и П. М. Боклевскій, музыканты—А. И. Дюбюкъ, Н. Г. Рубинштейнъ, обыватели—братья-купцы Кошеверовы, купецъ И. И. Шанинъ, приказчикъ—пѣвецъ М. Е. Соболевъ, сапожникъ С. А. Волковъ, студенты Московскаго университета и др. «По невольному тяготѣнію и сродству душъ, — говоритъ, быть можетъ, нѣсколько обобщая, С. В. Максимовъ (А. Н. Островскій. По воспоминаніямъ. Т. І соч. О., изд. «Просвѣщенія», стр. 42), всѣ наличныя художественныя силы Москвы находились естественнымъ образомъ въ тѣсномъ сближеніи съ литературнымъ кружкомъ «молодой редакціи» «Москвитянина».

Въ чемъ же была зажигающая сила людей этого круга? Въ тѣснотѣ-необидѣ дружескаго общенія на единой почвѣ профессіонально художественныхъ интересовъ—любви къ искусству? Въ балагурствѣ роздыха послѣ трудовъ праведныхъ? Въ молодецкихъ загулахъ отважно широкой русской натуры, услаждающей себя такими своеобразными явленіями, какъ русская пѣсня и пляска, какъ русская цыганщина? Въ глубоко искренней «вѣрѣ въ народъ и народ-

*) Н. В. Бергъ. Графиня Ростопчина въ Москвѣ. ИВ 1893, мартъ, стр. 695, 699.

ность»? Да, это—все элементы одной общей идеи, не всѣми сознанной и до конца въ точности не формулированной, но увлекательной въ инстинктѣ чувства.

Въ веселомъ заведеніи у Каменнаго моста слушали Николку рыжаго—гитариста и Алексѣя съ торбаномъ, запивавшаго водку квасомъ, потому что никакой закуски желудокъ уже не принималъ. «А былъ артистъ,—вспоминаетъ Т. И. Филипповъ,—и «венгерку» на торбанѣ игралъ такъ, что и до сихъ поръ помню». Въ Сокольникахъ слушали другихъ двухъ гитаристовъ-отпущенниковъ («трудно было съ большимъ навыкомъ, играя первую и вторую гитару, съ большей гармоніей и блескомъ выводить русскую пѣсню изъ ея задушевнаго напѣва на свѣтъ Божій». Фетъ. «Мои воспом.», I, 194). Сходились въ московскомъ трактирѣ Гурина, въ литературной «Печкинской кофейнѣ». Собирались въ погребкѣ Зайцева (по вывѣсочной надписи: Zeizow) на углу Университетскаго переулка и Тверской, гдѣ торговалъ приказчикъ на отчетѣ, «Михайло Ефремычъ» Соболевъ, ярославецъ родомъ, пѣвецъ, «владѣвшій, что называется серебрянымъ голосомъ: высокимъ, звучнымъ и чистымъ теноромъ, ловко и умѣло приготовленнымъ къ заунывнымъ деревенскимъ пѣснямъ». «Въ исполненіи «Размолодчиковъ», «Не бѣлыхъ снѣговъ во чистомъ полѣ» и «Вспомни, любезная, мою прежнюю любовь»—имѣлъ соперника только въ одномъ Т. И. Филипповѣ». Сюда можно было проникнуть послѣ того, какъ погребокъ былъ для обыкновенной публики давно запертъ, при посредствѣ Григорьева, таинственнымъ потайнымъ ходомъ, черезъ заднюю дверь. Тутъ за шумными разговорами шло разливанное море, просиживали до поздней ночи; выходили и утромъ при солнечномъ свѣтѣ *).

На частныхъ квартирахъ сходились у Н. И. Шаповалова, гдѣ авторами читались статьи, приготовленныя къ печати, собирались въ домѣ Аполлона Григорьева на Малой Полянкѣ въ Замоскворѣчьѣ. Вспоминая эти сходки у Григорьева, Горбуновъ записалъ: «Гостепріимныя двери Ап. Ал. Григорьева радушно отворялись каждое воскресенье. Молодая редакція «Москвитянина» бывала вся на лицо... Шли разговоры и споры о предметахъ важныхъ, прочитывались авторами новыя ихъ произведенія... За душу хватала русская пѣсня въ неподражаемомъ исполненіи Т. И. Филиппова; ходенемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича; сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ разсказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова... Бывали на этихъ собраніяхъ: Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Никита Ив. Крыловъ, Карлъ Францовичъ Рулье. Изъ музыкально-артистическаго міра: А. И. Дюбюкъ, И. К. Фришманъ, пѣвецъ Бантышевъ и др. Не пренебрегалъ этотъ кружокъ и дикимъ сыномъ степей, кровнымъ цыганомъ Антономъ Сергѣевичемъ, необыкновеннымъ гитаристомъ, и купцомъ «изъ русскихъ» Михайломъ Ефремовичемъ Соболевымъ, голосъ котораго не уступалъ пѣвцу Маріо».

Извѣстенъ полу-анекдотическій разсказъ о томъ, какъ, прослушавъ русскую пѣсню въ исполненіи Филиппова, Григорьевъ палъ на колѣни, просилъ и былъ «усвоенъ» кружкомъ. Извѣстно и то, что на вечерахъ у Визардовъ «онъ не являлся ни врагомъ западниковъ, ни отъявленнымъ славянофиломъ, покло-

*) Сѣченовъ, «Авт. записки». Стр. 59.

нялся лишь нравственнымъ доблестямъ русскаго народа и любилъ декламировать нѣкоторые соотвѣтственные стихи Некрасова, часто удивляясь, какъ могъ онъ писать такія прелестныя вещи при его внутреннемъ содержаніи *)». Извѣстно, наконецъ, и то, что позже, послѣ 1855 г., Григорьевъ носилъ принципіально только русскую одежду: въ корридорѣ 1-й московской гимназіи, его, преподавателя законовѣдѣнія, всегда можно было встрѣтить одѣтымъ «въ красную кумачную рубашку съ шитымъ воротомъ, на выпускъ, въ широкихъ черныхъ плисовыхъ штанахъ и сверху въ форменномъ синемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами **)». Въ русскомъ платьѣ видимъ Григорьева на петербургскомъ снимкѣ фотографіи Оже; такимъ же русакомъ держался онъ заграницей. Неужели во всемъ этомъ можно усмотрѣть только маскарадъ, неуравновѣшенность, экзальтацію? Думается, нѣтъ, и вотъ почему: Григорьеву яснѣе другихъ предносилась идея, которой служилъ кружокъ, и сила ея, и вѣсская обоснованность приводили, логически неизбѣжно, къ радостному свершенію цѣлаго ряда поступковъ, къ опредѣленному жизнеповеденію.

Имя Островскаго стало гремѣть по Москвѣ со временъ «Банкрута», но настоящая слава пришла послѣ 25 января 1853 г., когда въ московскомъ Маломъ театрѣ была представлена въ первый разъ комедія «Бѣдность не порокъ». Общее чувство, вызванное постановкой, выразилъ Григорьевъ въ довольно неуклюжей, но искренней крайне элегіи-одѣ-сатирѣ «Рашель и правда» (съ такимъ заголовкомъ на титульномъ листѣ рукописи: «Славной памяти Павла Степановича Мочалова и живой славѣ Александра Николаевича Островскаго и Прова Михайловича Садовскаго посвящаетъ Ап. Григорьевъ»):

Поэтъ, судьбы избранникъ новый,
Насъ міромъ новымъ окружилъ
И новое сказалъ онъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ.
Жила та правда между нами,
Таясь въ душевной глубинѣ;
Быть можетъ, мы ее и сами
Подозрѣвали не вполнѣ.
То въ нашей пѣснѣ благородной,
Живой, размашистой, свободной,
Святой, какъ наша старина,
Порой намъ слышалась она,
То въ полныхъ доблестей сказаньяхъ
О жизни дѣдовъ и отцовъ,
Въ святыхъ обычаяхъ, преданьяхъ
И хартіяхъ былыхъ вѣковъ,
То въ небалованности здравой,
Въ ума и чувства чистотѣ,
Да въ чуждой хитрости лукавой
Связей и сходокъ простотѣ.
Но мы не смѣли правду эту
Всѣхъ выше правдъ на свѣтѣ чтить...
Хвала и честь теперь поэту,
Что по душѣ насъ учитъ жить!

[Съ подлинной рукописи. ПЭ.].

«Вѣра въ народъ и народность» у Григорьева это—вѣра въ единотворящую жизненную силу національной культуры, изъ своеобразія коей исходитъ, какъ изъ нѣкаго горнила, прежде всего могучій закалъ здоровья, нравственныхъ устоевъ и силы націи, ея индивидуализмъ (въ этомъ Григорьевъ противъ славянофиловъ. «Мысль объ уничтоженіи личности общностью въ нашей рус-

*) Сѣченовъ, Авт. зап. Стр. 58.
**) Сизовъ, Памяти Тихонравова. Стр. 128.

кой душѣ есть именно слабая сторона Славянофильства». См. письмо 79, стр. 215), а затѣмъ, чѣмъ выше геній національный—въ искусствѣ, наукѣ и проч. т. п.,—тѣмъ шире его міровой полетъ, тѣмъ сильнѣе вліяніе на общеміровую культуру, тѣмъ ближе нація грядущему братству народовъ. Это не «народничанье» и не «народничество» съ ихъ жалостью «старшаго» къ «меньшому брату», этой связи, построенной на соотношеніи неравенства и потому непрочной, легко всегда разрывавшейся, а широкій, подлинно демократическій, свободный подходъ равнаго къ равному, несущаго только сознательно воспринятую всю глубинную мудрость національной культуры прошлаго и настоящаго. Идея націи, какъ своеобразной культурной индивидуальности, и метафизически, и эмпирически глубока: и въ религіозной вѣрѣ, и въ жизни, и въ искусствѣ. Религіозныя цѣнности духа преломляются сквозь призму національнаго бытія. Она выше всякихъ политическихъ формъ жизни, уживаясь со всѣми и будучи сильнѣй, независимѣе всѣхъ. Она создаетъ подлинное, національное искусство, граня и отливая не своеобычно причудливыя его формы. Въ ней космическая правда и оправданіе существа національнаго организма.

Если такъ, то понятна надъ душой Григорьева власть ея и постижимы легко, и свѣтлы его поступки, на слѣпой и раздраженный глазъ представляющіеся только подвигами юродиваго. Когда съ невиданной до селѣ мощью возгорается эта національная въ человѣкѣ правда, творческое дѣло ея необъятно и славно. Григорьевъ раскинулся вширь. Могучимъ подъемомъ была освящена его московская эра.

III.

Леонида Яковлевна Визардъ (род. 1835 г., † 1893 г., похоронена на Иновѣрческомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ, въ Москвѣ; вмѣстѣ съ отцомъ) была въ семьѣ старшей изъ сестеръ. Въ моментъ знакомства съ Григорьевымъ, въ академическій 1850—1851 г., ей исполнилось 16 лѣтъ.

Если предположить, что III-е стихотвореніе изъ цикла «Борьба» *) написано было въ 1852 г., тогда самое возникновеніе любви Григорьева къ Леонидѣ Яковлевнѣ возможно отнести къ этому году (ср. собственное признаніе Григорьева. Письмо къ Погодину—98-е, стр. 248—отъ 1859 г., гдѣ говорится о «семилѣтней» страсти). Григорьевъ въ немъ писалъ:

Я васъ люблю... что дѣлать—виноватъ!
Я въ тридцать лѣтъ такъ глупо сердцемъ молодъ...
. . . . . .
Къ чему они, къ чему свиданья эти?
Безсонницы—расплата мнѣ за нихъ!
А между тѣмъ, какъ звѣрь, попавшій въ сѣти,
Я тщетно злюсь на крѣпость узъ своихъ.
Я къ нимъ привыкъ, къ мучительнымъ свиданьямъ...

*) Ап. Григорьевъ. Стихотворенія. М. 1916. Стр. 165—166.

Я опіумъ готовъ, какъ Турокъ, пить,
Чтобъ муку ихъ въ душѣ своей продлить,
Чтобъ больше жить живымъ воспоминаньемъ...
. . . . . .
Да... я люблю васъ... такъ глубоко, страстно,
Давно... И страсть безумную свою
Отъ всѣхъ, отъ васъ особенно, таю.

Леонида Яковлевна въ эту пору готовилась держать экзаменъ на званіе учительницы. Въ концѣ 1853 г. она экзаменъ сдала и въ началѣ слѣдующаго года поступила въ семью извѣстнаго переводчика Гумбольдтова «Космоса», Фролова (друга Т. Н. Грановскаго), къ его взрослымъ дочерямъ въ качествѣ подруги-француженки.

Пробыла она тамъ годъ и зимой 1855 г. вернулась къ своимъ, въ домъ Жемочкиныхъ (нынѣ 3-я женская гимназія), что на Большой Ордынкѣ, въ Замоскворѣчьѣ, близъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

«Вся молодежь, ходившая въ этотъ домъ, чувствовала,—по словамъ Сѣченова,—конечно, нѣкоторую слабость къ этой молодой дѣвушкѣ». А Леонида Яковлевна въ свои 19 лѣтъ была «молоденькая, живая, красивая дѣвушка съ черными какъ смоль волосами и голубыми глазами».

Ея родная сестра, Евгенія Яковлевна, даетъ болѣе подробную характеристику: «Старшая сестра Леонида была замѣчательно изящна, хорошенькая, очень умна, талантлива, превосходная музыканша. Не удивительно, что Григорьевъ увлекся ею, но удивительно, что онъ и не старался скрывать своего обожанья. Почти всѣ знакомые были ея горячими, но сдержанными поклонниками. Есть ея очень хорошій, похожій акварельный портретъ, снятый въ 55-омъ году. Фотографіи съ сестры в с ѣ очень неудовлетворительны и не передаютъ ея физіономіи. Умъ у нея былъ очень живой, но характеръ очень сдержанный и осторожный. Григорьевъ часто съ досадой называлъ ее «пуританкой». Противуположностей въ ней было масса, даже въ наружности. Прекрасные, густѣйшіе, даже съ синеватымъ отливомъ, какъ у цыганки, волосы и голубые большіе прекрасные глаза, и т. д. Съ ея стороны не было взаимности никакой».

Этому свидѣтельству, хотя и писанному слишкомъ 60 лѣтъ спустя, объ отсутствіи у Леониды Яковлевны чувства къ Григорьеву, кажется, можно вѣрить. По крайней мѣрѣ, тѣ скудные источники, которыми это свидѣтельство можетъ быть подтверждено, указываютъ на то же самое. И нѣсколько строчекъ на эту тему въ «Автобіографическихъ запискахъ» И. М. Сѣченова, и туманные (потому что передъ нами только копіи) намеки въ письмахъ Григорьева къ Е. С. Протопоповой и М. П. Погодину, и циклъ стихотвореній «Борьба», и нѣкоторыя сонетныя строфы въ поэмѣ «Venezia la bella», и отдѣльныя мѣста въ поэмѣ «Вверхъ по Волгѣ»—всѣ эти не весьма авторитетные и неполные весьма источники говорятъ и показываютъ одно: любовь Григорьева не встрѣтила отклика, она была чисто платонической, но непереносно-тяжкой для душевнаго опыта этого человѣка. Ему казалось, что

Тому, кто разъ встрѣчался съ половиной
Своей души,—иной не отыскать.

Нельзя изложить исторію этой любви шагъ за шагомъ. Возможенъ только краткій набросокъ, легкая схема, которую придется, быть можетъ, или отвергнуть, или развить въ будущемъ.

Въ 1852 г., либо въ самомъ началѣ 1853 г., Григорьевъ, по словамъ Сѣченова, пригласилъ всѣхъ Визардовъ въ домъ своей матери на чтеніе Островскимъ комедіи (еще въ рукописи!) «Бѣдность не порокъ». Онъ же устроилъ въ квартирѣ Визардовъ, въ домѣ Жемочкина, съ очень большой залой, домашній спектакль «Горе отъ ума». Въ этомъ спектаклѣ самъ игралъ роль Фамусова и Загорѣцкаго, Чацкимъ былъ Б. Н. Алмазовъ, Софьей—жена Григорьева, Лизой—Леонида Яковлевна, Молчалинымъ—Дм. Визардъ, а Сѣченовъ—Скалозубомъ.

Со словъ Евгеніи Яковлевны Протопоповой-Визардъ (а также и изъ письма къ Е. С. Протопоповой) извѣстно еще, что Григорьевъ собирался поставить Лермонтова «Маскарадъ». Въ этой драмѣ онъ собирался играть Арбенина, Леонида Яковлевна должна была изображать Нину, Е. С. Протопопова—баронессу Штраль.

«Всѣ эти любезности, говоритъ Сѣченовъ *), относились къ одной изъ дамъ Визардовскаго кружка, къ которой Григорьевъ былъ неравнодушенъ. Въ ея обществѣ онъ былъ всегда трезвъ и изображалъ изъ себя умнаго, нѣсколько разочарованнаго молодого человѣка, а въ мужской компаніи являлся въ своемъ настоящемъ видѣ—кутящимъ студентомъ».

Вѣроятно, къ одному изъ этихъ годовъ относится стихотвореніе Григорьева въ альбомъ Леониды Яковлевны Визардъ, любезно сообщенное мнѣ Евгеніей Яковлевной **).

За Вами я слѣжу давно
Съ горячимъ искреннимъ участьемъ,
И вѣрю: будетъ Вамъ дано,
Не многимъ вѣдомое, счастье.
Лишь сохраните, я молю,
Всю чистоту души прекрасной
И взглядъ на жизнь простой и ясный,
Все то, за что я Васъ люблю!

Дальнѣйшій, условно фактическій матеріалъ сводится къ «Автобіографическимъ Запискамъ» И. М. Сѣченова ***). Въ 1852—1853 гг. въ Москву пріѣхалъ товарищъ Сѣченова по Инженерному училищу и по саперству. Мих. Ник. Владыкинъ (род. 1830, ум. 1887), уже отставнымъ офицеромъ. Страстный театралъ, человѣкъ способный, онъ быстро сблизился съ московскими артистами. Написалъ комедію «Купецъ-лабазникъ, или выгодная женитьба», пьесу, которую П. Боборыкинъ ****) ставилъ на ряду съ «Банкротомъ» Островскаго. «Купецъ-лабазникъ» былъ принятъ на сцену. Владыкинъ началъ сочинительствовать. Большую часть времени онъ жилъ у себя въ деревнѣ, но ежегодно наѣзжалъ въ Москву. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ Сѣченовъ познакомилъ его съ семьей Визардовъ.

---

*) Авт. записки. Стр. 58—59.
**) Напечатано РМ 1916, май, стр. 133.
***) Стр. 66—67.
****) Островскій и его сверстники. «Слово» 1878, сент.—окт.

Съ Владыкинымъ случилось то же, что происходило со всѣми молодыми людьми, посѣщавшими домъ Визардовъ: онъ влюбился въ Леониду Яковлевну. Изъ этого однако ничего не выходило, потому что видѣлъ онъ ее изрѣдка, часами.

«Но вотъ, разсказываетъ Сѣченовъ, подходитъ масленница 1855 г. Владыкинъ въ Москвѣ, мы бываемъ съ нимъ въ домѣ Жемочкиныхъ каждое воскресенье и узнаемъ въ одно изъ посѣщеній, что глава дома, Владиміръ Яковлевичъ, черезъ какихъ-то знакомыхъ устроилъ сестрѣ мѣсто гувернантки въ какомъ-то очень хорошемъ семействѣ въ Казани и что бѣдная Леонида Яковлевна отправится туда Великимъ постомъ. Возвращаясь съ этого вечера съ Владыкинымъ въ городъ, я распространился о печальной судьбѣ, ожидавшей бѣдную дѣвочку, и, въ качествѣ близкаго товарища дѣтства, прямо сказалъ, что онъ одинъ можетъ спасти ее отъ этой участи, женившись на ней. Уговаривать его, впрочемъ, нужды не было, потому что извѣстіе о ея предстоящемъ исчезновеніи, видимо, подѣйствовало на него очень сильно, и нужно было только подбодрить милаго Владыкина. Какъ бы то ни было, въ послѣдній день масленницы мы опять были въ домѣ Жемочкиныхъ и здѣсь, ради торжественности дня, устроились танцы, въ которыхъ приняли участіе оба отставныхъ сапера. Я видѣлъ собственными глазами, какъ по окончаніи кадрили Владыкинъ стоялъ за стуломъ Л. Я., какъ она вспыхнула съ навернувшимися на глазахъ слезами, поспѣшно вышла изъ комнаты и вернулась черезъ минуту раскраснѣвшаяся, сіяющая. Постъ у жениха и невѣсты былъ, конечно, веселый, но въ концѣ его Владыкинъ былъ вытребованъ въ ополченіе, и они поженились уже по окончаніи мною курса, когда я былъ за границей».

Для Григорьева это былъ ударъ. Ударъ тѣмъ болѣе сильный, что и кружокъ «молодой редакціи» начиналъ распадаться. Безоглядно смѣлое отношеніе къ жизни, «вторая молодость» внезапно оборвались, подобно струнѣ на гитарѣ.

Дрязги личныя, дрязги съ Погодинымъ, долги, литературныя неудачи, душевное одиночество.

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

(«Борьба», XII).

Любимыя мысли всѣ выговорены (ст. «Русскія народныя пѣсни»), задушевныя—зарѣзаны цензурой (продолженіе статей объ Островскомъ 1855 г.).

Лихорадочно, какъ всегда у Григорьева въ минуты припадковъ отчаянія, пишутся стихи—чистая лирика, и среди нихъ самоцвѣтный камень лирики русской—«Цыганская венгерка».

Да, Григорьевъ сознавалъ отчетливо-ярко всю для него безнадежность этой любви.

Мнѣ грезилось, что вновь я молодъ и свободенъ!..
Но если бъ я свободенъ даже былъ...
Богъ и тогда бъ нашъ путь разъединилъ.
И былъ бы правъ суровый судъ Господень!

Не мнѣ удѣлъ съ тобою былъ бы данъ...
Я вѣкомъ развращенъ, самъ внутренно развратенъ;
На сердцѣ у меня глубокихъ много ранъ
И несмываемыхъ на жизни много пятенъ...
Пускай могла бъ ихъ смыть одна слеза твоя,—
Ее не принялъ бы правдивый Судія!
(«Борьба», V).

И еще:

Я о любви своей молчалъ,
Ее таилъ, какъ преступленье...
И жизни строгое значенье
Передъ тобой разоблачалъ.
А все же чувствовали сами
Невольно оба мы не разъ,
Что душъ таинственная связь
Образовалась между нами.
Тогда хотѣлось мнѣ упасть
Къ твоимъ ногамъ, въ порывѣ страсти...
Но сила непонятной власти
Смиряла бѣшеную страсть.
(«Борьба», X).

Въ 1856, а, можетъ быть, и 1857 г. Фетъ проживалъ въ отпуску въ Москвѣ, на Басманной. Здѣсь, послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки, снова встрѣтились сожители по мезонину въ Замоскворѣчьѣ, однокашники по Московскому университету.

Стояло лѣто. Одиночество влекло Григорьева къ старому другу.

«Григорьевъ, разсказываетъ Фетъ *), несмотря на палящій зной, чуть не ежедневно являлся ко мнѣ на Басманную изъ своего отцовскаго дома на Полянкѣ. Это огромное разстояніе онъ неизмѣнно проходилъ пѣшкомъ, и вдобавокъ съ гитарой въ рукахъ. Смолоду онъ учился музыкѣ у Фильда и хорошо игралъ на фортепіано, но ставъ страстнымъ цыганистомъ **), промѣнялъ рояль на гитару, подъ которую слабымъ и дрожащимъ голосомъ пѣлъ цыганскія пѣсни. Къ вечернему чаю ко мнѣ собирались два-три пріятеля-энтузіаста, и у насъ завязывалась оживленная бесѣда. Входилъ Аполлонъ съ гитарой и садился за нескончаемый самоваръ. Несмотря на бѣдный голосокъ, онъ доставлялъ искренностію и мастерствомъ своего пѣнія дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ пьесы.

---

*) Разсказъ «Кактусъ», РВ 1881, ноябрь.

**) Объективно — вліяніе кружка и, въ частности, М. А. Стаховича; субъективно — «прекрасные, густѣйшіе, даже съ синеватымъ отливомъ, какъ у цыганки, волосы и голубые, большіе, прекрасные глаза» Леониды Яковлевны. Впрочемъ, Григорьевъ еще въ 40-хъ гг. понималъ цыганство, увлекаясь имъ, быть можетъ, какъ модой (См. въ МГЛ 1847 г. «Москва и Петербургъ. Замѣтки зѣваки. I. Вечеръ и ночь кочующаго варяга въ Москвѣ и Петербургѣ», № 88).

— Спойте, Аполлонъ Александровичъ, что-нибудь.

— Спой, въ самомъ дѣлѣ.

И онъ не заставлялъ себя упрашивать.

Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени освѣжаясь новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ нерѣдко около полуночи уносилъ домой пѣшкомъ свою гитару. Репертуаръ его былъ разнообразенъ, но любимой пѣсней была венгерка, перемежавшаяся припѣвомъ:

Чибирякъ, чибирякъ чибиряшечки,
Съ голубыми ты глазами, моя душечка.

Понятно, почему эта пѣсня пришлась ему по душѣ, въ которой набѣгавшее скептическое вѣяніе не могло загасить пламенной любви красоты и правды. Въ этой венгеркѣ сквозь комически-плясовую форму прорывался тоскливый разгулъ погибшаго счастья. Особенно оттѣнялъ онъ куплетъ:

Подъ горой то—ольха,
На горѣ то—вишня;
Любилъ баринъ цыганочку,
Она замужъ вышла».

По обыкновенію всѣхъ мемуаристовъ, Фетъ запамятовалъ и сдѣлалъ ошибку: приведенное имъ четверостишіе не принадлежитъ Григорьеву, оно—слова народной, любимой Григорьевымъ пѣсни; первые же два стиха, хотя и искаженные Фетомъ, дѣйствительно, Григорьевскіе.

Итакъ, въ 1856 г. и, во всякомъ случаѣ, не позже первой половины 1857 г. была сочинена Григорьевымъ «Цыганская венгерка», которой одной вполнѣ довольно, независимо отъ всякой цыганщины, чтобы помянуть добрымъ словомъ Григорьева—русскаго лирика.

«Цыганская венгерка»—единственная въ своемъ родѣ вещь. Въ ту пору цыгане были еще органическою частью русской культуры—виртуозными исполнителями русскихъ народныхъ пѣсенъ. Русской пѣснѣ, въ преломленіи своеобразномъ цыганщины (русскій романтизмъ!), обязанъ Григорьевъ этимъ лучшимъ вдохновеніемъ своимъ. Для того, чтобы составилось это стихотвореніе (стихотвореніе ли?!), въ Григорьевѣ счастливо соединились, подобно древнимъ аэдамъ, поэтъ, музыкантъ и пѣвецъ. Григорьевъ пѣлъ ее подъ аккомпаниментъ гитары. «Венгерка» была «любимой пѣсней».

Двѣ гитары, зазвенѣвъ,
Жалобно заныли...
Съ дѣтства памятный напѣвъ,
Старый другъ мой,—ты ли?

Какъ тебя мнѣ не узнать?
На тебѣ лежитъ печать
Буйнаго похмелья,
Горькаго веселья!

Каково содержаніе «Венгерки»? Банально было бы сказать, что тема у ней — незадачливая любовь. Этого мало. Отходная любви звучитъ въ ней съ потрясающею силой. Автобіографическіе намеки не сокрыты.

Это—ты, загулъ лихой,
Ты—сліянье грусти злой
Съ сладострастьемъ баядерки—
Ты, мотивъ Венгерки!

Квинты рѣзко дребезжатъ,
Сыплютъ дробью звуки...
Звуки ноютъ и визжатъ,—
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь, да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску въ морѣ!

Вотъ проходка по баскамъ,
Съ удалью небрежной,
А за нею—звонъ и гамъ
Буйный и мятежный.

Переборъ... и квинта вновь
Ноетъ—занываетъ;
Приливаетъ къ сердцу кровь,
Голова пылаетъ.

Чибирякъ, чибирякъ, чибиряшечка,
Съ голубыми ты глазами, моя душечка!
Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта злая!
Ты про нихъ не поминай...
Безъ тебя ихъ знаю!
Въ нихъ хоть разъ бы поглядѣть,
Прямо, ясно, смѣло...
А потомъ и умереть,
Плевое ужъ дѣло!

. . . . . .

Доля жъ, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Ужъ тебя сломилъ бы я,
Какъ бы только воля!

Ужъ была бъ она моя,
Крѣпко бы любила...
Да лютая та змѣя,
Доля,—жизнь сгубила.
По рукамъ и по ногамъ
Спутала—связала,
По безсонныимъ ночамъ
Сердце изсосала!

. . . . . .

Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана,
Безъ возврата, безъ возврата...
Что за дѣло, ты моя!
Развѣ любитъ онъ, какъ я?
Нѣтъ—ужъ это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки.
Намъ съ тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоемъ такъ хороша,
Порознь—горе злое!
Эхъ, ты жизнь, моя жизнь...
Къ сердцу сердцемъ прижмись!
На тебѣ грѣха не будетъ,
А меня пусть люди судятъ,
Меня Богъ проститъ...
Что жъ не ноешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увижу ль у нее
На рукѣ колечко?...
Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана,
Безъ возврата, безъ возврата!
Эхъ—на, ты завей
Веревочкой горе...
Загуляй да запей,
Топи тоску въ морѣ!

Приведенные отрывки показываютъ, что могъ создать изъ претворенія личной тезы въ моментъ высочайшаго душевнаго подъема, полузабытый, нынѣ

для цѣнителей только существующій, «третьестепенный» (для присяжныхъ и многодумныхъ знатоковъ) поэтъ!

Тема отходитъ, личное претворяется въ даръ глубокаго лирическаго вдохновенія, тоскливаго и страстнаго, соединяющаго удаль и грусть русской пѣсни въ ея порывистомъ переходѣ, искусной рукой спаяннаго съ «темнымъ морокомъ цыганскихъ пѣсенъ», этимъ бредомъ, усладой и растратой кипучихъ силъ, созданныхъ хищными набѣгами вольныхъ просторовъ Россіи на человѣческую порабощаемую душу и борьбою съ ними. Дѣло все—въ исполненіи, дѣло—въ совершенствѣ проникновенія въ смыслъ народнаго творчества и глубоко вѣрномъ слѣдованіи его духу при полной самостоятельности поэтическаго лица. Въ то же время—не пѣсня, не романсъ, не стихотвореніе, но все вмѣстѣ. И тамъ, гдѣ цѣнятъ пѣсню, какъ пѣсню, за ея непосредственно увлекающую силу, тамъ давно признали, давно «усвоили» «Цыганскую венгерку»: цыгане пѣли въ 60—70 гг. *) и въ наши дни можно еще услышать ее въ исполненіи гитариста де Лазари. Но чья это пѣсня? Автора не помнятъ...

Въ біографіи Григорьева «Цыганская венгерка»—лирическій памятникъ любви его и поворотъ на устланную новыми терніями дорогу. Отпѣвъ свою «вторую» московскую молодость, онъ взялъ страннический посохъ въ іюлѣ 1857 г. и покинулъ предѣлы Россіи: уѣхалъ за границу воспитателемъ молодого кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго (род. 1841, ум. 1915 въ Парижѣ).

Тоскуя въ иноземной итальянской землѣ, Григорьевъ многократно возвращался къ недавно милому прошлому, въ письмахъ на родину.

«Для одной только женщины въ мірѣ могъ я изъ б р о д я г и - б е з с е м е й н и к а, к о ч е в н и к а обратиться въ п о ч т е н н а г о и, можетъ быть (чего не можетъ быть?), въ н р а в с т в е н н а г о мѣщанина... Да нѣтъ! Зачѣмъ хочу я намѣренно набросить тѣнь насмѣшки на то, что было свято какъ молитва, полно какъ жизнь, съ чѣмъ сливалась и вѣра въ борьбу, на чемъ выросла и окрѣпла религія свободы!.. Зовите меня сумасшедшимъ, другъ мой, но я и умирая не повѣрю, чтобы эта женщина была не то, чѣмъ душа моя ее знала»...

И тяжелыя сонетныя формы поэмы «Venezia la bella», напоенныя душнымъ воздухомъ жаркаго юга, звенятъ тихимъ переборомъ арфныхъ своихъ струнъ все о ней, о «свѣтломъ сильфѣ съ душой изъ крѣпкой стали», кого «такъ любить другому, кто бъ онъ ни былъ, невозможно».

Куда бъ судьба меня
Ни бросила—съ собой мечту одну я
Ношу вездѣ: въ толпѣ ли, въ шумѣ ль дня,
Одинъ ли, въ ночь безсонную тоскуя,
Какъ молодость, какъ свѣтъ, какъ благодать,
Зову тебя!

И овѣянныя широкимъ рѣчнымъ просторомъ строфы поэмы «Вверхъ по Волгѣ», посвященныя памяти послѣдней закатной любви, вспоминаютъ все тотъ же глубоко запавшій въ душу образъ.

---

*) Пыляевъ, «Старый Петербургъ».

Да! было время... Я иной
Любилъ любовью, образъ той
Въ моей «Venezia la bella»
Похороненъ; была чиста,
Какъ небо, страсть, и пѣсня та—
Молитва Ave maria stella!

И послѣдній сонетъ, приложенный къ переводу «Ромео и Джульетты» и помѣченый 26 іюля 1864 г. (за два ровно мѣсяца до смерти), обращенъ къ незабвенному прошлому. «Далекій призракъ», въ «бывалой дѣвственной святынѣ» встаетъ опять «передъ очами духа».

Когда я трудъ завѣтный кончилъ свой,
Ты молніей сверкнулъ въ глухой пустынѣ
Больной души... Ты чистою струей
Протекъ внезапно по сердечной тинѣ,
Гармоніей святою вторгся въ слухъ,
Потрясъ въ душѣ сѣдалище Ваала—
И все, на что насильно былъ я глухъ,
По ржавымъ струнамъ сердца пробѣжало
И унеслось—«куда мой падшій духъ
Не досягнетъ»—въ обитель идеала.

IV.

Въ 1856 г. Леонида Яковлевна вышла замужъ за Михаила Николаевича Владыкина. По словамъ Сѣченова, молодые, поженившись, «сдѣлали длинное путешествіе по Европѣ, вплоть до Испаніи». А потомъ поселились въ родовой отчинѣ мужа, въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, гдѣ въ 1858—1861 гг. Владыкинъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1862 г. супруги перебрались въ Москву и Михаилъ Николаевичъ поступилъ въ труппу Малаго московскаго театра.

Талантливая положительно натура, но неуравновѣшенный человѣкъ, Владыкинъ и свой сценическій успѣхъ не съумѣлъ и не смогъ, равно какъ прежде успѣхъ драматурга, развить въ настоящее доподлинное дѣло жизни. Много читавшій, знакомый въ подлинникѣ съ Шекспиромъ, авторъ двухъ пьесъ (вторая «Омутъ»), артистъ (большею частью комическія роли), даже пѣвецъ, нигдѣ и никакъ не учившійся—изобразитель Менелая въ «Прекрасной Еленѣ», онъ менѣе чѣмъ черезъ 1½ года, по словамъ Е. Я. Протопоповой-Визардъ, бросилъ начатую было артистическую карьеру.

А Леонида Яковлевна, тяготясь своею праздною жизнью, къ 30-ти годамъ (т. е. къ 1865 г.) «надумалась заниматься медициной, желая открыть у себя въ деревнѣ лѣчебницу».

Въ то время какъ ея мужъ странствовалъ по Европѣ и Кавказу, она училась сначала въ Цюрихѣ, а послѣ, когда русское правительство нашло

неудобнымъ пребываніе молодыхъ дѣвушекъ въ этомъ городѣ и потребовало ихъ подъ угрозой въ Россію, Леонида Яковлевна переселилась въ Бернъ, гдѣ окончила курсъ докторомъ, защитивъ диссертацію «О вліяніи ціанистаго кали на организмъ кроликовъ».

Открыть лѣчебницу въ деревнѣ ей не пришлось (по разнымъ причинамъ), а стала она заниматься практикой въ Москвѣ.

Здѣсь, уже старикомъ, профессоромъ Московскаго университета, съ нею снова встрѣтился Сѣченовъ.

«Встрѣтились, говоритъ онъ *), мы, конечно, дружески, но судьба не дала продолжаться долго этому новому знакомству—ее [т. е. Л. Я.] съѣла болѣзнь. Она знала, что болѣзнь смертельна, и умерла героемъ. Съ памятью о ея миломъ дѣвическомъ обликѣ связаны всѣ мои воспоминанія о хорошихъ минутахъ студенчества».

Леонида Яковлевна скончалась отъ рака на 58-мъ году жизни въ Москвѣ.

Влад. Княжнинъ.

*) Авт. зап., стр. 67.

ЛИСТКИ
ИЗЪ РУКОПИСИ СКИТАЮЩАГОСЯ СОФИСТА.

МОИ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА.

ЛИСТКИ
ИЗЪ РУКОПИСИ СКИТАЮЩАГОСЯ
СОФИСТА.

XX.

Я вышелъ изъ дому въ шесть часовъ и ужъ конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прямо явиться туда: избави Боже! Взялъ извощика и отправился въ «Знаменскій переулокъ» . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

«Руки ваши горячи, а сердце холодно!» Да! можетъ быть, это и правда: молодъ и старъ въ одно и тоже время; моею теперешнею жизнію я догоняю только жизнь духа, которая ушла уже далеко, далеко. Все, что я ни чувствую, я уже все это перечувствовалъ давно жизнью сновъ, жизнью воображенія. Все это я знаю наизусть — и вотъ что скучно. Измученный лихорадочною жизнію сновъ, я приношу въ жизнь дѣйствительную одно утомленіе и скуку.

Въ половинѣ девятаго я былъ тамъ. Первый вопросъ Нины: «Вы одни?»... Меня обдало холодомъ, страстнымъ холодомъ. Я солгалъ разумѣется, сказавши, что заѣзжалъ къ Кав-у и что онъ нынче быть никакъ не можетъ; я не сдѣлалъ этаго — но отъ чего? Неужели отъ мелкой ревности? а вѣдь почти такъ, если не хуже. Ея вопросъ сдѣлалъ меня глупымъ на цѣлый вечеръ... Если я ошибся? если я для нея то же, что Кав-нъ? Если это страданіе, эта болѣзнь внутренняя, которая грызетъ ее — не мое созданіе? Но тогда къ чему же всѣ наши страстные разговоры, въ которыхъ недоставало только ясно сказаннаго слова признанія? Faut-il que je sois dupe?

Наѣхало много народу, — весь почти этотъ кругъ, которому я такъ страшно чужой, въ которомъ такъ возмутительно ложно мое положеніе. Что общаго между ними и мною? Все общее основано на обманѣ, на ожиданіи отъ меня чего то въ ихъ родѣ... Боже мой!

кто бы заставилъ меня выносить это положеніе кліэнтства, если бы, подвергаясь всевозможному нравственному униженію, я не надѣялся на нѣсколько минутъ разговора съ нею?... Еще одно: зачѣмъ дано мнѣ видѣть все это, зачѣмъ во мнѣ нѣтъ suffisance?.. Я самъ знаю, что я становлюсь невыносимъ моей хандрою, моей гордой неловкостью, всѣмъ, всѣмъ. «Vous êtes bien triste aujourd'hui»,—замѣтила мнѣ Лидія. «Comme à l'ordinaire»...

Пріѣхалъ Щепинъ, и начался музыкальный вечеръ, т. е. Нина, блѣдная и разстроенная, сѣла за климперкастисъ, а Щепинъ со скрипкой помѣстился подлѣ нея. Мнѣ это было невыносимо смѣшно и досадно, досадно на всю эту комедію, въ которой такое искреннее участіе принимали Матушка и Никита, — досадно на нее, что въ ней есть жалкое самолюбіе, досадно на себя за то, что мнѣ досадно. Я сталъ у печки и смотрѣлъ на нее прямо, съ самою злою ироніей. Лидія подошла ко мнѣ и попросила перейти на другое мѣсто; я сталъ у двери. Началось: интродукція дуэта Осборна и Беріо прошла благополучно, но въ варіаціяхъ она сбилась. Я не могъ удержаться отъ невольной улыбки, которую мать, кажется, замѣтила къ несчастію; да и въ самомъ дѣлѣ это было не только невыносимо, но даже неприлично... Когда она кончила — и, совершенно смущенная, ушла въ другую комнату, мнѣ было нисколько не жаль ее. Потомъ она воротилась, и я началъ смѣяться надъ ее смущеніемъ. Non! ce n'est pas de pareils triumphes qu'il Vous faut... Laissez les à M-lle Aslanovitzch... Все остальное время вечера прошло благополучно. Только за ужиномъ мнѣ было по обыкновенію гадко и неловко до невозможности: я сидѣлъ подлѣ Никиты Ивановича и долженъ былъ разсуждать о чемъ то, когда мнѣ, право, было не до разсужденій, когда мнѣ было все гадко и ненавистно, кромѣ этой женщины, которую люблю я страстью бѣшеной собаки...

Дядя еще не спалъ, когда я воротился домой, потому что недавно пріѣхалъ изъ клуба, и мы говорили съ нимъ долго, только не объ этомъ вечерѣ, о которомъ сказалъ я слова два, не больше, а объ моихъ семейственныхъ отношеніяхъ. Это нашъ вѣчный разговоръ...

Чѣмъ все это кончится?

Мнѣ хотѣлось, глубоко хотѣлось молиться, но кому — и объ чемъ? Fatum — одно Fatum, которое опутало меня какими то безъисходными сѣтями, которое съ такою страшною постепенностію вело меня къ этому состоянію трагической ироніи. Да! религія моя, какъ

и религія цѣлаго современнаго общества, — просто религія Одина, религія борьбы съ сознаніемъ паденія, религія страданія безпредѣльнаго, стремленія безцѣльнаго во имя человѣческаго благородства и величія.

XXI.

Образцикъ цѣховой деликатности. Когда я зашелъ нынче къ M-me K-sch послѣ обѣда, тамъ былъ N. И. Между прочимъ, онъ спросилъ меня: званы вы къ Крюкову?—нѣтъ! «Да! вѣдь я и забылъ, что онъ держится аристократическихъ убѣжденій и у него только профессора»... Что было отвѣчать на это?.. Не знаю—по крайней мѣрѣ, я не сказалъ того, что вчера Крюковъ звалъ меня обѣдать и я не поѣхалъ... Теперь вопросъ: на чемъ основано мое отношеніе съ K***? Не принимаютъ ли меня par grace? Нина не совсѣмъ здорова — при мнѣ пріѣзжалъ докторъ Брокъ. Я ушелъ скоро.

XXII.

Нынче былъ день рожденія Любовь Ф-ы: поутру я, какъ слѣдуетъ, былъ съ поздравленіемъ. «Чтожъ вечеркомъ то—я, чай, будете?» Какъ же съ....

По обыкновенію—бездна народу, весь кругъ цѣховыхъ. Я пришелъ поздно, въ половинѣ девятаго, но все не позже К-а. Нина сѣла, какъ это бываетъ часто, на козеткѣ въ спальнѣ. Забавнѣе всего то, что когда человѣкъ что нибудь знаетъ за собою, ему кажется, что и всѣ это не премѣнно знаютъ. K** говоритъ съ ней свободно, садится подлѣ нея и не отходитъ цѣлый вечеръ, а я съ каждымъ днемъ глупѣю и глупѣю до невыносимости. Какими то тактическими манёврами я наконецъ пробрался туда и сѣлъ противъ нее, стараясь придать своему положенію и тону какъ можно болѣе равнодушія и спокойствія. Мы говорили о вздорѣ, между прочими объ Коатвенѣ — Сю; но что съ нею? Ее такъ видимо грызетъ глубокое, невыносимое страданіе. Пріѣхалъ K**: такъ свободенъ, такъ непринужденъ, такъ уменъ... Поговоря нѣсколько минутъ съ M-me Korsch, онъ перешелъ къ намъ и очень спокойно сѣлъ противъ нея. Потомъ онъ почти заставилъ ее пересѣсть на свое мѣсто, какъ болѣе далекое отъ окна: отъ чего же я не догадался объ этомъ прежде?.. Для чего я такъ глупо созданъ, что не могу совладѣть съ тяготящею меня

хандрою?.. Софья Кум-а безпрестанно говорила со мною, и я почти молчалъ какъ идіотъ; и это положеніе вольной и вмѣстѣ невольной глупости было мнѣ до безконечности тяжко. Да, я сказалъ разъ и повторю теперь, что только двѣ вещи—геній и богатство могли бы закрыть, сдѣлать сносною уродливость моего характера... Скрыть отъ того, что имѣешь что нибудь,—c'est comme il faut du moins, но скучать и хандрить отъ чувства ложности своего положенія, но знать это, но думать, что другіе, что наконецъ эта женщина знаетъ это, Боже мой, это невыносимо. Моя страсть къ ней дошла до послѣдней степени самоотреченія и она никогда не узнаетъ и не должна узнать объ этомъ... Я ненавижу каждаго, кто подходитъ къ ней на два шага, и презираю себя за эту ненависть... И, еслибъ она любила прежде, я точно такъ же ненавидѣлъ бы прошедшее, какъ настоящее, и эта мысль объ ее прошедшемъ меня давитъ и мучитъ.

Меня просили играть имъ кадриль—или (къ чему бояться словъ?) мнѣ только намекнули объ этомъ, и я сѣлъ. «Боже мой—вы такой добрый!» сказала мнѣ Любовь Ф-а; это меня добило окончательно: я вспомнилъ конфету, которая была мнѣ дана Ниной за мою доброту. И въ самомъ дѣлѣ, не съ ума ли я сошелъ быть рыцаремъ?.. Но я игралъ имъ кадриль съ какимъ то торжествующимъ самоотреченіемъ...

И, можетъ быть, я самъ отравляю для себя все, можетъ быть, они и въ самомъ дѣлѣ считаютъ меня почти членомъ своей семьи, своимъ что̀ называется?

Послѣ меня сѣлъ Крюковъ, а я танцовалъ съ Ниной... Vous êtes vierge de la liberté aujourd'hui! Comment donc? Mais Vous avez les trois couleurs. Она засмѣялась... Но зачѣмъ мнѣ всегда жужжатъ въ ушахъ проклятые слова Гоголя: «или заговоритъ, что Россія—государство пространное»?...

Ужинъ былъ для меня еще невыносимѣе, чѣмъ у M-me Korsch, наканунѣ новаго года... Я сидѣлъ съ цеховыми, Кавелинъ—между двухъ сестеръ и говорилъ цѣлый часъ безъ умолку. Нѣсколько разъ я измѣнялъ себѣ... Ребенокъ!..

Воротился домой въ два и былъ очень радъ, что дядя мой спалъ. Мнѣ было невыносимо грустно: заснуть не могъ до утра, въ головѣ такая чушь—мечты о милліонахъ да объ эксцентрическихъ подвигахъ. Рыцарство смѣшно въ наше время, но отъ чего я не нахожу въ немъ ничего смѣшнаго, ничего невозможнаго? Къ чему мнѣ лицемѣрить передъ собою?..

Еще разъ—глупо я созданъ, но не я виноватъ въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ моя вина, что для меня все сосредоточено въ эксцентрическомъ, что я не могу вѣрить въ неэксцентрическое?

XXIII.

Нынче вечеромъ мы долго говорили съ К** о безсмертіи. Сначала то, что я говорилъ, казалось ему дѣломъ, но потомъ онъ объявилъ, что этаго его Логика недопускаетъ, что надобно имѣть на мои доказательства особенную мистическую настроенность... «Тебѣ надобно жизни, жизни»... Вотъ въ чемъ и ошибка то: онъ считаетъ меня способнымъ къ перемѣнѣ. Едва ли? Каковъ я былъ ребенкомъ, таковъ я и теперь. Древняя ли исторія, которую такъ любилъ я въ дѣтствѣ, вѣчно ли изолированная жизнь этому причиною, но je suis un homme tout fait. Измѣненія, которыя происходятъ во мнѣ, происходятъ по непреложнымъ законамъ моего личнаго бытія, да и нельзя ихъ даже назвать измѣненіями: это все формы однаго и того же идеализма. Съ чего бы я ни началъ, я приду всегда къ одному: къ глубокой, мучительной потребности вѣрить въ идеалъ и въ jenseits. Всѣ другіе вопросы проходятъ мимо меня: сен-симонизмъ въ своихъ послѣднихъ, или, по ихъ, разумныхъ результатахъ мнѣ противенъ,—ибо я немогу ничего найти успокоительнаго въ мысли о Китайски-разумномъ идеалѣ жизни. Отъ того—ко всему я въ состояніи Божественной ироніи, ко всему, кромѣ jenseits. Нормальнымъ мнѣ кажется не общежитіе, но отрѣшенная, мистически-изолированная жизнь самости въ себѣ. Но это не ведетъ меня къ правилу Тибетскаго мистицизма, что лучше спать, чѣмъ жить. Нѣтъ—жить, но не для того, чтобы жить, а что бъ жизнію стремиться къ идеалу, ибо все существуетъ только потолику, поколику существуетъ въ идеалѣ, въ Словѣ.

Потомъ мы говорили объ ней. «Ее грызетъ страданіе—она должна была испытать несчастную страсть»... Но кто же, кто создалъ въ ней это страданіе? Я знаю всѣхъ, кто ее окружаетъ, знаю, что она была задодъ до этаго времени. Есть одинъ человѣкъ только, кто, кромѣ меня, могъ быть ею любимымъ. Это—Ш***, и странно! однаго только этаго человѣка я не могъ бы ненавидѣть: свѣтлая, открытая природа, хотя многіе назовутъ его пустымъ человѣкомъ... Но ея душа, какова она теперь, создана мною, создана тѣми вечерами прошлаго года, когда равнодушный ко всему, я былъ такъ уменъ, такъ свободенъ, такъ золъ,—создана всего болѣе тѣми восторженными, лихо-

радочными намеками, которые я не переставалъ дѣлать ей при каждой встрѣчѣ, начиная съ нашей прогулки въ аэрьенѣ, гдѣ я въ первый разъ сказалъ ей, что она Нина Лермонтова, до вечера 23 Декабря, когда я, на ея съ лихорадочною дрожью сказанныя слова: «я не могу ни отъ чего притти въ восторгъ»,—спокойно и тихо прочелъ ей строфу «Сказки для дѣтей».

Знаетъ ли она, что я люблю ее и люблю такъ безумно? Думаю, что знаетъ. Я помню тотъ прекрасный весенній вечеръ, когда возвращались изъ цыганскаго концерта (это было во время пребыванія въ Москвѣ Листа), она вошла къ намъ во всей полнотѣ дѣвственной прелести, окруженная какою то ореолою бѣлаго, чистаго сіянія... Я невольно потупилъ глаза, когда взглянулъ на нее; и она видѣла это, и на губахъ прозмѣилась улыбка женскаго торжества... И, снова перебирая въ памяти недавнее прошедшее, я не могу и подумать, чтобы она не знала о моей страсти къ ней...

XXIV.

Пріѣхали наши родные... Кромѣ того, что я вообще не охотникъ до всякихъ семейныхъ сценъ, я былъ разсерженъ еще тѣмъ, что мнѣ помѣшаютъ итти къ К***. Я эгоистъ—да! но я самъ мучусь своимъ эгоизмомъ, я бы такъ хотѣлъ быть не эгоистомъ: что же мнѣ дѣлать, что многое, вмѣсто того, чтобы трогать меня, просто только меня мучитъ, бѣситъ и смѣшитъ?

И однако я все таки туда отправился, только не засталъ тамъ ни Софьи Г-ы, ни Нины. Было скучно. N. И. разсуждалъ о «правотвенныхъ лицахъ». Господи, Боже мой! не надоѣстъ же человѣку, подумаешь...

Мнѣ было скучно.

XXV.

Она опять больна... Дѣла мои по службѣ идутъ тихо—и странно! чѣмъ хуже дѣлается, тѣмъ больше предаюсь я безумной безпечности. Только успѣхъ, только счастье могутъ придать мнѣ жизни и дѣятельности: неудачи—никогда. Отъ того то, какъ я часто говорилъ ей: «можно молиться только въ минуты счастья».

XXVI.

Заходилъ къ нимъ послѣ обѣдни... Она—больна, блѣдна, разстроена; просила прислать ей Индіану и La dernière Aldini.

Индіану послалъ, но La dernière Aldini надобно взять у Готье. Взять, но на что? Долги мои растутъ страшно и безнадежно.

XXVII.

Оставя у Всенощной Тётушку, забѣжалъ къ нимъ хотя на полчаса, твердо рѣшаясь быть точно такъ же веселымъ и злымъ, какъ вчера, что и удалось мнѣ вполнѣ. Но она, что съ нею?.. Она не хотѣла сказать со мною ни однаго слова.

XXVIII.

Заходилъ на минуту К—ъ и удивилъ меня: «на тебя сердятся». И прекрасно!—«И знаешь за что?» Вѣроятно, за то, что не прислалъ La dernière Aldini?.. Да: съ этихъ поръ, говоритъ она, избави меня Боже попросить его о чемъ бы то ни было. Знаешь ли, это природа гордая и раздражительная»...

«Я очень радъ, очень радъ—ты ничѣмъ бы не могъ меня такъ порадовать, какъ этимъ»... «Чтожъ ты, пошлешь—а то я пошлю?» Посылай...

И между тѣмъ я былъ разстроенъ.

XXIX.

На вечерѣ у Меншикова—я былъ очень въ духѣ, вралъ безъ умолку и плясалъ безъ устали. Человѣкъ минуты—я готовъ предаваться каждому мимолетному впечатлѣнію; но нашептывать, какъ демонъ, первой встрѣтившейся свѣжей дѣвственной душѣ несбыточные грезы и тревожные сны—стало у меня маніей... Бываютъ минуты, когда я становлюсь даже остеръ до послѣдней степени: немудрено, что К—й, которая только что вышла изъ пансіона, мнѣ удалось вскружить голову до того, что подъ конецъ она слушала мой вздоръ, не спуская съ меня большихъ и, надобно сказать, прекрасныхъ черныхъ глазъ.

Завтра къ Л—у, котораго жена неухвалится мною за нынѣшній вечеръ.

XXX.

Я былъ совсѣмъ не то, что вчера. Я хорошъ только тогда, когда могу примировать, т. е. когда что нибудь заставляетъ меня примировать...

Все это вытекаетъ во мнѣ изъ однаго принципа, изъ гордости, которую всякая неудача только злобитъ, но поднять не въ силахъ. Въ эти минуты я становлюсь подозрителенъ до невыносимости. Дайте мнѣ счастіе—и я буду благороденъ, добръ, человѣчественъ. Если бъ я родился Аристократомъ, я былъ бы совершенно Эгмонтомъ Гете—но теперь, я только оскорбленъ и раздраженъ тѣмъ, что я не Аристократъ...

Здѣсь былъ N. И. съ женой и Лидіей... Лидія до безконечности добра и нѣжна со мною. Кстати, на меня не сердятся, потому что поручили просить меня прислать «Роберта».

Мы ѣхали оттуда съ К**. Разговоръ нашъ былъ объ ней—и какъ то печаленъ, какъ туманъ и холодъ, которые насъ окружали. Онъ спрашивалъ меня: какъ я люблю ее, съ надеждою или безъ надежды? Я отвѣчалъ отрицательно. Да и въ самомъ дѣлѣ, неужели можно считать надеждами нѣсколько словъ a double sens, которые притомъ могли относиться къ другому? И между тѣмъ, отъ чего же не могу я вполнѣ отказаться отъ этой мысли—и между тѣмъ, къ чему же позволяли мнѣ говорить все, что я говорилъ? Боже мой! ужели она не понимала ничего этаго, не видала моихъ мукъ, моего лихорадочнаго трепета въ разговорѣ съ нею, когда я сказалъ ей: «человѣкъ становится невыносимо глупъ, когда хочетъ скрыть то, чего скрыть нельзя», принимала за общіе мѣста мои упреки, моленія —все, что я такъ ясно высказывалъ въ разговорѣ съ ея матерью о женщинахъ — не понимала, съ какою безумною страстью читалъ я ей: «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно»?..... «Но если эта женщина полюбитъ кого нибудь, она будетъ готова слѣдовать за нимъ на край свѣта»,—говорилъ Кавелинъ. Я молчалъ: меня сжималъ внутренній холодъ—мнѣ было нестерпимо грустно.

XXXI.

Нынче въ послѣдній разъ смотрѣлъ «Роберта»—и видѣлъ въ Бельэтажѣ Madame Кум—у съ Лидіей... Meinem Flehen Erhörung nur schenke mit des Kindes Liebe Blick... Gieb mein Kind mir, gieb mein Kind mir, gieb mein Kind mir zurück... Зачѣмъ бываютъ подобные минуты?.. Вотъ опять таже однообразная, безконечно грустная дѣйствительность—несносная печка противъ самыхъ глазъ, нагорѣвшая свѣча, болѣзненное бездѣйствіе. — Сейчасъ изъ собранія..... Да! я подверженъ даже зависти: чуждый среди этаго блестящаго

міра, и зачѣмъ то (ужъ Богъ вѣдаетъ зачѣмъ) постоянный и постоянно незамѣтный членъ этаго міра, я съ невольнымъ негодованіемъ смотрю, какъ къ другимъ подходятъ цѣлыя толпы масокъ... Богатство—имя!.. Но страшно, когда человѣкъ утратитъ вѣру въ спасеніе внутреннею силою, когда только богатство, имя—кажутся ему выходомъ.... И грустно подумать, что это существо плебейской ненависти и зависти—почти общій источникъ мятежныхъ порывовъ.

XXXII.

Сидѣли опять цѣлый вечеръ съ К—ъ и точно такъ же безъ толку. Мы не поймемъ одинъ другаго: соціальное страданіе останется вѣчною фразою для меня, какъ для него исканія Бога. Его спокойствіе, его разумный взглядъ на любовь—мнѣ болѣе, чѣмъ непонятны.

Вмѣсто того, что бы быть тамъ, я остался дома, вслѣдствіе домашней догмы. И не ужели мой ропотъ на это страшное рабство—преступленіе?

XXXIII.

Презабавная исторія! «Je suis à vos pieds»,—сказанное мною Mlle Б—й, на вечерѣ у нашего Синдика, принято за формальное изъясненіе въ любви—и она сходитъ теперь съ ума, падаетъ въ обмороки и т. п. Но забавнѣе всего то, что я долженъ былъ выслушать отъ З*** проповѣдь... Что меня влечетъ всегда дѣлать глупости?

XXXIV.

Досталъ наконецъ денегъ—послѣднія, кажется, какіе можно достать—и послалъ при письмѣ La dernière Aldini и Histoire de Napoléon... Долги растутъ и растутъ... На все это я смотрю съ безпечностію фаталиста.

XXXV.

Нынче она прислала за мною Валентина... Я люблю его какъ брата, этаго ребенка; его голосъ такъ сходенъ съ ея рѣзки-ребяческимъ голосомъ. Странно! Кавелинъ говорилъ, что это въ ней одно,

что дѣлаетъ ее женщиною du tiers ètat; а мнѣ такъ нравится этотъ голосъ...

Она больна... Она почти сердилась на меня за мои Богохульства, за мою хандру, за мои разсказы о явленіи иконы Тольской Божіей матери...

«Вы хотите отъ жизни Богъ знаетъ чего?» говорила она мнѣ. Эта правда. И если результатомъ всѣхъ этихъ безумныхъ требованій будетъ судьба чиновника?..

Мать ея говоритъ мнѣ—что я установлюсь. Едва ли!

Пріѣхали Кр—ы и съ ними какая то дама, съ которою они всѣ засѣли въ преферансъ. Я сидѣлъ на диванѣ у стѣны, Лидія подлѣ меня раскладывала карты, а Юлія разказывала какой то вздоръ. Но мнѣ было какъ то wohl behaglich.

Она подошла и сѣла противъ меня на стулѣ. Мы молчали долго—и я глядѣлъ на нее спокойно, тихо, не спуская глазъ;—я забылся, мнѣ хотѣлось вѣрить что она меня любитъ, мнѣ казалось въ эту минуту, что я вижу передъ собою прежнюю-добрую, довѣрчивую Нину, Нину за годъ до этаго: мнѣ припоминались первыя мечты моей любви къ ней, тихія, святыя мечты,—благородныя надежды пройти съ ней путь жизни.... Я снова, казалось, стоялъ передъ иконостасомъ Донскаго монастыря и думалъ о будущемъ, и думалъ о томъ, что когда нибудь я отвѣчу Божественному: «се азъ и чадо, его же далъ ми еси»... То было то же чувство, которое Майскою луною свѣтило на меня, когда, рука объ руку съ нею пробѣгая аллеи ихъ сада, я замѣчалъ отраженіе нашихъ тѣней на старой стѣнѣ—и былъ такъ радъ, такъ гордо радъ, что моя тѣнь была выше....

Нина заговорила первая и заговорила о смерти. Она боится ее—и хотѣла бы вѣрить въ безсмертіе.... Но мой мистическій бредъ о безсмертіи едвали въ состояніи кого нибудь ободрить и увѣрить... «А вы, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не боитесь умереть?» спросила она меня задумчиво и не подымая своихъ голубыхъ глазъ съ рѣзнаго стола, по которому чертила пальцемъ. Я отвѣчалъ ей—что боюсь медленной смерти, но умереть вдругъ готовъ хоть сей часъ... Мы замолчали снова; изрѣдка только, почти невольно, изъ меня вырывались темныя, странно-мистическія мечты о будущей жизни.

Я ушелъ въ 11 часовъ.

Опять хотѣлось мнѣ рыдать и молиться; еще больше хотѣлъ бы я упасть у ее ногъ, и съ глубокою, безсознательною любовью смотрѣть на фосфоръ ея глазъ, на бѣлую, прозрачную руку...

XXXVI.

Вопросъ—чѣмъ кончатся мои дѣла по службѣ и мои долги?... Нельзя же вѣчно обманывать другихъ и себя.

Нынче былъ Кав—ъ... Опять о безсмертіи и объ ней. Онъ говоритъ прямо, что если обезпечитъ свою будущность, то непремѣнно женится на ней... «Нашъ взглядъ на семейную жизнь одинаковъ, продолжалъ онъ,—на другой день брака я буду точно таковъ же, какъ я теперь: жена моя будетъ свободна вполнѣ»... А я—знаю, что я бы измучилъ ее любовью и ревностью....

Я и она осуждены равно... Я и она—съумѣемъ найти безконечное страданіе въ томъ, что другіе зовутъ блаженствомъ.

XXXVII.

У N. И. былъ нынче какой то господинъ, котораго физіономія мнѣ очень не нравится; онъ—что то въ родѣ откупщика, и пахнетъ откупами и нравственностью. Цѣлый вечеръ я и Софья Кум-а занимались бла іями.

Потомъ мы ходили съ Лидіей, она выпытывала отъ меня тайну моей хандры—а выпытывать, право, нечего; я даже не стараюсь и таиться. Да и она, кажется, только для эффекту выпытываетъ. Читая строфу «Сказки для дѣтей», она сдѣлала такое удареніе надъ именемъ Нины, что сомнѣваться въ ея догадливости совершенно невозможно.

— Послушайте,—говорилъ я, садясь подлѣ нея въ залѣ у окна,—когда встрѣтишь такую женщину, то отдашь ей всю жизнь, всю душу, все назначеніе, отвергнешь всякую цѣль, потому что всякую цѣль станешь считать Богохуленіемъ...—Я говорилъ святую правду.

— Да вы не найдете такой женщины.

— А если?...

— Вы обманетесь. Ecoutez moi, vous êtes le comte Albert... Et Consuèlo...—она не договорила, но лукаво засмѣялась. «Consuèlo, Consuèlo, Consuèlo de mi alma», отвѣчалъ я съ безумнымъ порывомъ.

— О чемъ вы такъ горячо разсуждаете? спросила меня съ улыбкою добрая Любовь Ф-а, которая сидѣла у рояля съ Софьей Кум-й.

— О «Сказкѣ для дѣтей», отвѣчалъ я съ возможнымъ спокойствіемъ.

Сѣли ужинать. Разговоръ между мною и Софьей Кум-й склонился опять на тоже. Я былъ въ духѣ, и по поводу мысли о

наказаніи въ будущей жизни, сталъ разказывать, какъ мнѣ вообразилось однажды, что ко мнѣ входитъ der alte Zebaoth... Яблочковъ отвернулся и плюнулъ, кажется... Я не остановился и продолжалъ туже исторію,—хотя предчувствовалъ, что это не пройдетъ даромъ.

XXXVIII.

И точно... Нынче въ Совѣтѣ N. И., отведя меня въ сторону, началъ говорить мнѣ, что это именно и опасно и съ одной стороны неприлично... Я смолчалъ—здѣсь было не мѣсто объясняться. Онъ правъ, можетъ быть—но замѣчаніямъ пора положить конецъ.

Конецъ—но вмѣстѣ съ этимъ конецъ и всему. Будь воля рока—она влекла меня сѣтями, которые можно только разрубить. Минута настала...

Написалъ письмо къ Кр-у, желчное и умное, но софистическое во всякомъ случаѣ. Я знаю самъ, что я не правъ.

— Завтра я иду къ Стр... сказалъ я Фету.

— Зачѣмъ?

— Проситься къ Сибирь.

Онъ не повѣрилъ.

Хочу молиться, въ первый разъ этотъ годъ. Есть вѣчное Провидѣніе—и я хочу знать его волю.

XXXIX.

Я оставленъ самому себѣ... Впередъ же, впередъ...

XL.

Разговоръ съ Стр. былъ глупъ—потому что я не хотѣлъ быть откровененъ. Но дѣло идетъ. Отъ него я поѣхалъ къ An-e... Она была поражена моимъ намѣреніемъ—и между тѣмъ, почти сквозь судорожный смѣхъ, сказала мнѣ: c'est pour la premiere foi, que Vous etes homme. Оба мы были спокойны и холодны, но я знаю, чего стоитъ ей это спокойствіе. При прощаньи я пожалъ ея руку, и мнѣ—эгоисту было какъ то странно это пожатіе. Къ чему таиться? мнѣ было весело, что эта душа вполнѣ принадлежитъ мнѣ, что она страдаетъ моими страданіями.

Цѣлый вечеръ мы говорили съ Фетомъ... Онъ былъ разстроенъ до того, что все происшедшее казалось ему сномъ, хотя видѣлъ всю роковую неизбѣжность этаго происшедшаго.

— Чортъ тебя знаетъ, что ты такое... Судьба видимо и явно хотѣла сдѣлать изъ тебя что то...

«Да недодѣлала. Это я всегда подозрѣвалъ, душа моя»...

Мы говорили о прошедшемъ... Онъ былъ разстроенъ видимо...

Да—есть связи на жизнь и смерть. За минуту участія женственнаго этой мужески-благородной, этой гордой души,—за нѣсколько рѣдкихъ вечеровъ, когда мы оба бывали настроены одинаково, я благодарю Провидѣніе больше, въ тысячу разъ больше, чѣмъ за всю мою жизнь.

Ему хотѣлось скрыть отъ меня слезу, но я ее видѣлъ.

Мы квиты—мы равны. Я и онъ—мы можемъ смѣло и гордо сознаться сами въ себѣ, что никогда родные братья не любили такъ друга друга. Если я спасъ его для жизни и искусства—онъ спасъ меня еще болѣе: для великой вѣры въ душу человѣка.

О да! есть она, есть эта великая вѣра, на перекоръ попамъ и филистерамъ, на перекоръ духовному деспотизму и земной пошлости, на перекоръ ..... догмату паденія. Человѣкъ палъ... но вы смѣетесь, Божественные Титаны, великіе Богоборцы, вы смѣетесь презрительно,—вы гордо подымаете пораженное громами рока, но благородно-высокое чело,—вы напрягаете могущественную грудь подъ клювомъ подлаго раба Зевеса. Ибо знаете вы, что не воля Зевеса, но воля вѣчнаго, величаво спокойнаго рока судило вамъ бороться и страдать, какъ она судила Зевесу править недостойными рабами, какъ она судила безпредѣльному морю тщетно стремиться сокрушить ничтожныя плотины земли. И рванулось же море когда то, но [и?] поглотило оно землю своей безпредѣльностью, но безъ брата-огня не могло оно уничтожить своего врага..... Горы-Боги скрыли этотъ огонь, —и потомъ, когда великій Титанъ низвелъ его на землю, приковали къ скалѣ великаго Титана...

— Боритесь же, боритесь, лучезарные—и гордо отгените отъ себя надежду и награду!..

XLI.

Въ Сибирь нельзя будетъ уѣхать тайно. Только что пришелъ нынче въ канцелярію Военнаго Генералъ Губернатора, какъ встрѣтилъ тамъ однаго знакомаго моего отца, и вообще это требуетъ предварительныыхъ сношеній. Но развѣ это въ силахъ остановить меня? Вздоръ! если нельзя въ Сибирь черезъ Москву, то можно черезъ Петербургъ, взявши туда отпускъ.

Что бы ни было—а минута развязки пришла. Глупо я сдѣлалъ, что сказалъ о планѣ ѣхать въ Сибирь Ч-у и Назимову... Но все можно поправить. Надобно лгать, лгать и лгать.

Да, кой чортъ, съ вами дѣлается? сказалъ мнѣ Хмѣльницкій.

XLII.

Отецъ уѣхалъ къ Сенатору... Я сидѣлъ съ матерью и говорилъ преспокойно о будущемъ, о моемъ желаніи остаться всегда при нихъ... «А тамъ, Богъ дастъ, и женишься,—возьмешь богатую невѣсту. Что жъ Меншиковъ то? Развѣ лучше тебя?».

А на верху Фетъ и Хмѣльницкій разсматривали мои вещи, думая, какъ бы повыгоднѣй заложить ихъ.

Пріѣхалъ отецъ—и начался обыкновенный разсказъ объ Сенаторѣ; я вторилъ его словамъ, по обыкновенію, спокойно, точно такъ же какъ всегда полулежа на креслахъ...

Пробило 10.—Казенный часъ.

«Полуночникъ то, чай, просидитъ у васъ до полночи?» сказала мать, которая особенно какъ то нерасположена къ Хмѣльницкому.

«И что сидитъ? отвѣчалъ я,—хоть бы дѣло говорилъ то... Покойной ночи!»

— Христосъ съ тобой!

Я взошелъ на верхъ—и мы трое говорили объ отъѣздѣ. Кажется, все уладимъ. Главное дѣло—отпускъ.

XLIII.

Назимову сказалъ, что отецъ отпускаетъ меня въ Петербургъ и даетъ 1.000 рублей на дорогу... Отпускъ написали—и я тотчасъ же повезъ его къ Ректору. Я ждалъ его долго, до 4 часовъ. Когда онъ пріѣхалъ, я сперва подалъ ему бумаги къ подписанію,—потомъ положилъ мой отпускъ.

Онъ, казалось, неудивился нисколько! Что жъ такъ не надолго? только на 14 дней?

— Оттуда буду просить отсрочки, Ваше Пр-во.

Онъ подписалъ.

— Теперь, В. П., позвольте поблагодарить Васъ за Вашу благородную снисходительность, за Ваше вниманіе ко мнѣ.

— Что это значитъ?

Я объяснилъ ему настоящую цѣль моего отпуска, взявши съ него честное слово ни кому не говорить объ этомъ.

Онъ уговаривалъ меня остаться, увѣрялъ, что все перемелется.

Нынче пятница. Въ субботу Кр-ъ не бываетъ въ Университетѣ, слѣдственно м о и не узнаютъ ничего.

Крыл... подошелъ къ моему столу и подалъ руку съ какимъ то смущеніемъ. Я отвѣчалъ ему самымъ дружескимъ и искреннимъ пожатіемъ. «Экая горячка какая!» сказалъ онъ мнѣ тихо... «Съ нами, N. И., сбывается, кажется, всегда, что amantium irae amoris renovatio»... «Что жъ вечеркомъ то именно?»—Вашъ гость.

Прежде зайду къ т ѣ м ъ, въ послѣдній разъ. Но избави меня Боже отъ поползновенія даже на какую бы то ни было драматическую сцену.

XLIV.

Тамъ засталъ я К-в-на и потому невольно былъ молчаливъ и скученъ. «У! какой злой сегодня, говорила мнѣ Софья Григорьевна,— какой злой, какой старый!» И въ самомъ дѣлѣ—я и К-в-нъ были такими противуположностями въ эту минуту. Онъ, живой, умный, румяный, полный назначенія и надеждъ, сидѣлъ прямо противъ Антонины Федоровны и говорилъ безъ устали. Я сидѣлъ у окна подлѣ матери и курилъ сигару, изрѣдка вмѣшиваясь въ разговоръ; моя блѣдная, исковерканная физіономія казалась еще блѣднѣе. Къ чему то Антонина обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «а помните какъ мы гуляли въ Покр-мъ?»... Какъ же съ? отвѣчалъ я такъ равнодушно, что за это равнодушіе готовъ былъ уважать себя.

Мы поднялись вмѣстѣ.

— Au revoir, Mesdames,—сказалъ я имъ. Adieu, M-lle,— обратился я къ ней.

И какъ подумаешь, что, можетъ быть, навѣкъ.

На дорогѣ къ Кр-у, мы успѣли переговорить съ К-в-мъ. Нѣтъ! къ чорту письмо и къ чорту всякую драму.

XLV.

Завтра день моего отъѣзда.

Зах-въ, узнавши о моемъ отпускѣ, сказалъ мнѣ: «а вѣдь я знаю, зачѣмъ вы ѣдете? Чтобъ поправить отчетъ? А? не такъ ли?»... И,

самъ радъ своей догадливости, онъ съ видомъ хитрости смотрѣлъ на меня.

— Поѣдемъ нынче къ Петру Кириловичу! сказалъ мнѣ отецъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

Мы были тамъ. Я былъ въ этотъ вечеръ до nec plus ultra любезенъ. Мы долго сидѣли съ Анной Петровной одни и говорили о Ж. Зандъ,—но какъ ни наводилъ я разговоръ на мою любимую тему, она не поддавалась... Наконецъ я просто, хотя другими словами, сказалъ ей, что она—пуста и пуста потому, что Аристократка. «Mais que voulez Vous donc, que je suis? je chasse loin de moi toutes ces questions»... Съ этаго пункта я началъ проповѣдывать. Она слушала меня задумчиво, не подымая глазъ... Si on nous entendrait—on nous maudirait, прошептала она. «Par bonheur on ne nous entendra pas, faute de comprendre». Потомъ она пѣла мнѣ чудные звуки Монтеки и Капулетти.

XLVI.

Утро—со мной лихорадка. Въ пять часовъ меня не будетъ въ Москвѣ. Написалъ письмо къ Аннѣ Петровнѣ, съ которымъ послалъ «Оберманна».

Я доволенъ собою.

Чуть неизмѣнилъ себѣ, прощаясь съ стариками. Но все кончено—передо мною мелькаютъ лѣсъ, да небо... Теперь 9 часовъ. Домашняя драма уже развертывается.

Fatum опутало меня сѣтями—Fatum разрубило ихъ.

Vorwärts!

Съ фотографіи, принадлежащей Пушкинскому Дому.

Оригиналъ въ Третьяковской Галлереѣ, въ Москвѣ.

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА.

(Посвящается М. М. Достоевскому).

Вы вызвали меня, добрый другъ, на то, чтобы я написалъ мои «литературныя воспоминанія». Хоть и опасно вообще слушаться пріятелей, потому что пріятели нерѣдко увлекаются, но на этотъ разъ я измѣняю правиламъ казеннаго благоразумія. Я же впрочемъ и вообще-то, правду сказать, мало его слушался въ жизни.

Мнѣ сорокъ лѣтъ, и изъ этихъ сорока, по крайней мѣрѣ тридцать живу я подъ вліяніемъ литературы. Говорю «по крайней мѣрѣ», потому что жить, т. е. мечтать и думать, началъ я очень рано; а съ тѣхъ поръ, какъ только я началъ мечтать и думать, я мечталъ и думалъ подъ тѣми или другими впечатлѣніями литературными.

Меня, какъ вы знаете, нерѣдко упрекали, и пожалуй основательно, за употребленіе различныхъ странныхъ терминовъ, вносимыхъ мной въ литературную критику. Между прочимъ, напримѣръ за слово «вѣяніе», которое нерѣдко употребляю я вмѣсто обычнаго слова «вліяніе». Съ терминами этими связывали нѣчто мистическое, хотя было бы справедливѣе объяснять ихъ пантеистически.

Столько эпохъ литературныхъ пронеслось и надо мною и передо мною, пронеслось даже во мнѣ самомъ, оставляя извѣстные пласты или лучше слѣды на моей душѣ, что каждая изъ нихъ глядитъ на меня изъ-за дали прошедшаго отдѣльнымъ органическимъ цѣлымъ, имѣетъ для меня свой особенный цвѣтъ и свой особенный запахъ.

Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten,

взываю я къ нимъ порою, и слышу и чую ихъ вѣяніе...

Вотъ она, эпоха сѣренькихъ, тоненькихъ книжекъ «Телеграфа» и «Телескопа», съ жадностью читаемыхъ, до тла дочитываемыхъ

молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство,—эпоха, когда журчали еще, носясь въ воздухѣ, стихи Пушкина, и ароматомъ наполняли воздухъ повсюду, даже въ густыхъ садахъ диковинно-типическаго Замоскворѣчья,—эпоха безсознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую, наравнѣ съ этими вѣчными пѣснями, восхищались добрые люди и «Амалатъ-бекомъ». Эпоха, надъ которой нависла тяжолой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева. Несмотря на безсознательность и безразличность восторговъ, на какое-то беззавѣтное упоеніе поэзіею, на какую-то дюжинную вѣру въ литературу, въ воздухѣ осталось что-то мрачное и тревожное. Души настроены этимъ мрачнымъ, тревожнымъ и зловѣщимъ, и стихи Полежаева, игра Мочалова, варламовскіе звуки даютъ отзывъ этому настройству... А тутъ является колоссальный романъ Гюго и кружитъ молодыя головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ «Телескопѣ» то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ, лихорадочныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жанена...

Яснѣетъ... Раздается могущественный голосъ, вмѣстѣ и узаконивающій и пришпоривающій стремленія и неясныя гаданія эпохи,—голосъ великаго борца, Висаріона Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», какъ во всякомъ геніальномъ произведеніи, схватывается въ одно цѣлое все прошедшее и вмѣстѣ закидываются сѣти въ будущее.

Вѣетъ другой эпохой.

Дѣтство мое личное давно уже кончилось. Отрочества у меня не было, да не было собственно и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то среднее между отрочествомъ и юностью. Голова работаетъ какъ паровая машина, скачетъ во всю прыть къ оврагамъ и безднамъ, а сердце живетъ только мечтательною, книжною, напускною жизнью. Точно не я это живу, а разные образы литературы во мнѣ живутъ. На входномъ порогѣ этой эпохи написано: «Московскій университетъ послѣ преобразованія 1836 года»—университетъ Рѣдкина, Крылова, Морошкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегелизма, съ тяжолыми его формами и стремительной, рвущейся неодолимо впередъ силой,—университетъ Грановскаго...

A change came o' er the spirit of my Dream...

Волею судебъ, или лучше сказать неодолимою жаждою жизни, я перенесенъ въ другой міръ. Это міръ гоголевскаго Петербурга, Пе-

тербурга въ эпоху его миражной оригинальности, въ эпоху, когда существовала даже особенная петербуржская литература... Въ этомъ новомъ мірѣ для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; надъ нравственной природой моей пронеслось странное, мистическое вѣяніе,—но съ другой стороны я узналъ, съ его запахомъ довольно тухлымъ и цвѣтомъ довольно грязнымъ, міръ панаевской «Тли», міръ «Несцовъ», «Межаковъ» и другихъ темныхъ личностей, міръ «Александрін» въ полномъ цвѣтѣ ея развитія съ водевилями г. Григорьева 1, и еще скитавшагося Некрасова-Перепельскаго, съ особеннымъ кресломъ для одного богатаго купчика, и вмѣстѣ съ высокой артисткой, заставлявшей порою забывать этотъ странно-пошлый міръ.

И за тѣмъ—опять Москва. Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжкими уроками и опытами. Новыя встрѣчи, новые люди, люди въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго, люди, которые «придерживаютъ» въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, наивно до безсознательности вѣру въ народъ и народность. Все «народное», даже мѣстное, что окружало мое воспитаніе, все, что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы,—поднимается въ душѣ съ нежданною силою и ростетъ, ростетъ до фанатической исключительной вѣры, до нетерпимости, до пропаганды... Пять лѣтъ новой жизненной школы.

И опять переломъ.

Западная жизнь во очію развертывается передо мною чудесами своего великаго прошедшаго, и вновь дразнитъ, поднимаетъ, увлекаетъ. Но не сломилась въ этомъ живомъ столкновеніи вѣра въ свое, въ народное. Смягчала она только фанатизмъ вѣры.

Таковъ процесъ умственный и нравственный.

Не знаю, станетъ ли у меня достаточно таланта, чтобы очертить эти различныя эпохи, дать почувствовать ихъ, съ ихъ запахомъ и цвѣтомъ. Если для этого достаточно будетъ одной искренности,—искренность будетъ полная, разумѣется по отношенію къ умственной и моральной жизни.

Одно я знаю: я вполнѣ сынъ своей эпохи и мои литературныя признанія могутъ имѣть нѣкоторый историческій интересъ.

1862 г., сентября 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва и начало тридцатыхъ годовъ литературы. Мое младенчество, дѣтство и отрочество.

I.

ПЕРВЫЯ ОБЩІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Если вы бывали и живали въ Москвѣ, да не знаете такихъ ея частей, какъ напримѣръ Замоскворѣчье и Таганка,—вы не знаете самыхъ характеристическихъ ея особенностей. Какъ въ старомъ Римѣ Трастевере можетъ быть не безъ основанія хвалится тѣмъ, что въ немъ сохранились старые римскіе типы, такъ Замоскворѣчье и Таганка могутъ похвалиться этимъ же преимущественно передъ другими частями громаднаго города-села, чудовищно-фантастическаго и вмѣстѣ великолѣпно-разросшагося и разметавшагося растенія, называемаго Москвою. Отъ ядра всѣхъ русскихъ старобытныхъ городовъ, отъ кремля или кремника, пошолъ сначала бѣлый, торговый городъ: потомъ разросся земляной городъ и пошли раскидываться за рѣку разныя слободы. Въ нихъ уходила изъ-подъ вліянія административнаго уровня и въ нихъ сосредоточивалась упрямо старая жизнь. Лишенная возможности развиваться самостоятельно, она поневолѣ закисла въ застоѣ. Общій законъ нашей исторіи—уходъ земской жизни изъ-подъ внѣшней нормы въ уединенную и упорную замкнутость расколовъ, повторился и въ Москвѣ, то-есть въ развитіи ея быта.

Бывали ли вы въ Замоскворѣчьи?.. Его не разъ изображали сатирически; кто не изображалъ его такъ?—Право, только лѣнивый!.. Но до сихъ поръ никто, даже Островскій, не коснулся его поэтическихъ сторонъ. А эти стороны есть—ну, хоть на первый разъ—внѣшнія, наружныя. Во-первыхъ, ужь то хорошо, что чѣмъ дальше идете вы въ глубь, тѣмъ болѣе Замоскворѣчье тонетъ передъ вами въ зеленыхъ садахъ; во-вторыхъ, въ немъ улицы и переулки расходились такъ свободно, что явнымъ образомъ онѣ росли, а не дѣлались... Вы, пожалуй, въ нихъ заблудитесь, но хорошо заблудитесь...

Пойдемте напримѣръ со мною отъ большого каменнаго моста прямо, все прямо, какъ вороны летаютъ. Миновали мы такъ-называемое болото... да! главное, представьте, что мы идемъ съ вами позднимъ вечеромъ. Миновали мы болото съ казеннымъ зданіемъ

винаго двора; тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Оно пожалуй и есть, да надобно взять въ сторону на Берсеневку или на Солодовку, но мы не туда пойдемъ. Мы дошли до маленькаго каменнаго моста, единственнаго моста старой постройки, уцѣлѣвшаго какъ-то до сихъ поръ отъ усердія нашихъ реформаторовъ-строителей и напоминающаго мосты итальянскихъ городовъ, хоть бы напримѣръ Пизы. Передъ нами три жилы Замоскворѣчья, то-есть собственно главныхъ-то двѣ: большая полянка, да Якиманка, третья же между ними какой-то межеумокъ. Эти двѣ жилы выведутъ насъ къ такъ-называемымъ воротамъ: одна правая жила—къ Калужскимъ, другая лѣвая—къ Серпуховскимъ. Но не въ воротахъ сила, тѣмъ болѣе, что воротъ, нѣкогда дѣйствительно составлявшихъ крайнюю грань городского жилья, давно ужь нѣтъ, и городъ-растеніе разросся еще шире, за предѣлы этихъ воротъ.

Я могъ бы пойти съ вами по правой жилѣ, и притомъ пойти по ней въ ея праздничную, торжественную минуту, въ ясное утро 19 августа, когда чуть что не отъ самаго Кремля движутся огромныя массы народа за крестнымъ ходомъ къ Донскому монастырю, и всѣ тротуары полны празднично-разрядившимся народо-населеніемъ праваго Замоскворѣчья, и воздухъ дрожитъ отъ звона колоколовъ старыхъ церквей, и все какъ-то чему-то радуется, чѣмъ-то живетъ,—живетъ смѣсью, пожалуй, самыхъ мелочныхъ интересовъ съ интересомъ, крупнымъ ли, нѣтъ ли—не знаю, но общимъ, хоть и смутно, но общественнымъ на минуту. И право,—я вѣдь неисправимый, закоренѣлый москвичъ,—хорошая это минута. Общее что-то проносится надъ всей разнохарактерной толпой, общее захватываетъ и васъ, человѣка цивилизаціи, если вы только не поставите себѣ упорно задачи не поддаваться впечатлѣнію, если вы будете упорно вооружаться противъ формы.

Но мы не пойдемъ съ вами по этой жилѣ, а пойдемъ по лѣвой, при первомъ входѣ въ которую васъ встрѣчаетъ большой домъ итальянской, и хорошей итальянской архитектуры. Долго идемъ мы по этой жилѣ и ничто особенное не поражаетъ васъ. Дома какъ дома, большею частью каменные и хорошіе, только явно назначенные для замкнутой семейной жизни, оберегаемой и заборами съ гвоздями, и по ночамъ сторожевыми псами на цѣпи; отъ внезапнаго яростнаго лая котораго-нибудь изъ нихъ, вскочившаго въ припадкѣ ревности и усердія на самый заборъ, вздрогнутъ ваши нервы. Между каменныхъ домовъ проскачутъ какъ-нибудь и деревянные, маленькіе

низенькіе, но какіе-то запущенные, какъ-то непривѣтливо глядящіе, какъ-то сознающіе, что они тутъ не на мѣстѣ на этой хорошей, широкой и большой улицѣ.

Дальше. Остановитесь на минуту передъ низенькой, темно-красной съ луковицами-главами церковью Григорія Неокесарійскаго. Вѣдь право она не лишена оригинальной физіономіи, вѣдь при ея созиданіи ч т о-т о явнымъ образомъ бродило въ головѣ архитектора, только это ч т о-т о въ Италіи выполнилъ бы онъ въ большихъ размѣрахъ и мраморомъ, а здѣсь онъ, бѣдный, выполнялъ въ маленькомъ видѣ да кирпичикомъ; и все-таки вышло ч т о-т о, тогда какъ ничего, ровно ничего не выходитъ изъ большей части послѣ-петровскихъ церковныхъ построекъ. Я впрочемъ ошибся, сказавши, что въ колосальныхъ размѣрахъ выполнилъ бы свое что-то архитекторъ въ Италіи. Въ Пизѣ я видѣлъ церковь Santa Maria della spina, маленькую-премаленькую, но такую узорчатую и вмѣстѣ такъ строго-стильную, что она даже кажется грандіозною.

Вотъ мы дошли съ вами до Полянскаго рынка, а между тѣмъ уже сильно стемнѣло. Кой-гдѣ по домамъ, не только что по трактирамъ, зажглись огни.

Не будемъ останавливаться передъ церковью Успенья въ Казачьемъ. Она хоть и была когда-то старая, ибо прозвище ея намекаетъ на стоянье казаковъ, но ее уже давно такъ поновило усердіе богатыхъ прихожанъ, что она, какъ старый соборъ въ Твери, получила общій, казенный характеръ. Свернемте налѣво. Передъ нами потянулись уютные, красивые дома, съ длинными-предлинными заборами, дома большею частью одноэтажные, съ мезонинами. Въ окнахъ свѣтъ, видны повсюду столики, съ шипящими самоварами; внутри глядитъ все такъ семейно и привѣтливо, что, если вы человѣкъ не семейный или заѣзжій, васъ начинаетъ разбирать нѣкоторое чувство зависти. Васъ манитъ и дразнитъ Аркадія, создаваемая вашимъ воображеніемъ, хоть, можетъ быть, и не существующая на дѣлѣ.

Идя съ вами все влѣво, я завелъ васъ въ самую оригинальную часть Замоскворѣчья, въ сторону Ордынской и Татарской слободы и наконецъ на Болвановку, прозванную такъ потому, что тутъ по мѣстнымъ преданьямъ, князья наши встрѣчали ханскихъ баскаковъ и кланялись татарскимъ болванамъ.

Вотъ тутъ-то, на Болвановкѣ, началось мое нѣсколько-сознательное дѣтство, то-есть дѣтство, котораго впечатлѣнія имѣли и сохранили какой-либо смыслъ. Родился я не тутъ, родился я на Тверской;

помню себя съ трехъ или даже съ двухъ лѣтъ, но то было младенчество. Воскормило меня, возлелѣяло Замоскворѣчье.

Не безъ намѣренія напираю я на этотъ мѣстный фактъ моей личной жизни. Быть можетъ, силѣ первоначальныхъ впечатлѣній обязанъ я развязкою умственнаго и нравственнаго процесса, совершившагося со мною, поворотомъ къ горячему благоговѣнію передъ земскою, народною жизнью.

Я намѣренъ писать не автобіографію, но исторію своихъ впечатлѣній; беру себя какъ объекта, какъ лицо совершенно постороннее, смотрю на себя, какъ на одного изъ сыновъ извѣстной эпохи, и стало-быть только то, что характеризуетъ эпоху вообще, должно войти въ мои воспоминанія; мое же личное войдетъ только въ той степени, въ какой оно характеризуетъ эпоху.

Мнѣ это, коли хотите, даже и легче, потому что давно уже получилъ я проклятую привычку болѣе разсуждать, чѣмъ описывать.

И вотъ прежде всего, я не могу не остановиться на одной личной чертѣ моего ранняго развитія, которая, какъ мнѣ кажется, очень характеристична по отношенію къ цѣлому нашему поколѣнію. Во мнѣ необыкновенно рано началась рефлексія,—лѣтъ до пяти, именно съ того времени, какъ волею судебъ мое семейство переѣхало въ уединенный и странный уголокъ міра, называемый Замоскворѣчьемъ. Помню такъ живо, какъ будто бы это было теперь, что въ пять лѣтъ у меня была уже Аркадія, по которой я тосковалъ, потерянная Аркадія, передъ которой какъ-то печально и сѣро—именно сѣро казалось мнѣ настоящее. Этой Аркадіей была для меня жизнь у Тверскихъ воротъ, въ домѣ Козина. Почему эта жизнь представлялась мнѣ залитою какимъ-то свѣтомъ, почему даже и въ лѣта молодости я съ сердечнымъ трепетомъ проходилъ всегда мимо этого дома Козина у Тверскихъ воротъ, давно уже перемѣнившаго имя своего хозяина, и почему нерѣдко подъ предлогомъ искапія квартиры, захаживалъ на этотъ дворъ, стараясь припомнить уголки, гдѣ игрывалъ я въ младенчествѣ; почему, говорю я, преслѣдовала меня эта Аркадія,—дѣло весьма сложное. Съ одной стороны, тутъ есть общая примѣта моей эпохи, съ другой, коли хотите—дѣло физіологическое, родовое, семейное.

У всей семьи нашей была своя потерянная Аркадія, Аркадія богатой жизни при покойномъ дѣдѣ до французскаго нашествія, истребившаго два большихъ его дома на Дмитровкѣ; и въ особенности одна изъ моихъ тетокъ, натура въ высшей степени мечтатель-

ная и экзальтированная, была полна этимъ «золотымъ вѣкомъ». Разница въ томъ только, что для нея Аркадія была на Дмитровкѣ, для меня—на Тверской, и разница кромѣ того въ эпохахъ.

Я родился въ 1822 году. Трехъ лѣтъ я хорошо помню себя и свои безсознательныя впечатлѣнія. Общественная катастрофа, разразившаяся въ это время катастрофа, съ нѣкоторыми изъ жертвъ которой мой отецъ былъ знакомъ по университетскому Благородному пансіону, страшно-болѣзненно подѣйствовала на мое дѣтское чувство.

Дѣтей большіе считаютъ какъ-то необычайно-глупыми и вовсе не подозрѣваютъ, что вѣдь что же-нибудь да отразится въ ихъ душѣ и воображеніи изъ того, что они слышатъ или видятъ. Я напримѣръ хоть и сквозь сонъ какъ-будто, но очень-таки помню, какъ везли тѣло покойнаго императора Александра, и какой странный страхъ господствовалъ тогда въ воздухѣ...

Да, никто и ничто не увѣритъ меня въ томъ, чтобы идеи не были чѣмъ-то органическимъ, носящимся и вѣющимъ въ воздухѣ, солидарнымъ, преемственнымъ...

То, что вѣяло тогда надъ всѣмъ, то, что встрѣтило меня при самомъ входѣ моемъ въ міръ, мнѣ никогда конечно не высказать такъ, какъ высказалъ это высоко-даровитый и пламенный Мюссе въ «Confessions d'un enfant du siècle». Напомню вамъ это удивительное мѣсто, которымъ я заключу очеркъ преддверія моихъ впечатлѣній:

«Во времена войнъ имперіи, въ то время, какъ мужья и братья были въ Германіи, тревожныя матери произвели на свѣтъ поколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатые въ промежутки битвъ, воспитанные въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабые мускулы. По временамъ являлись къ нимъ покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней.

«Но война окончилась; Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

«Тогда на развалинахъ стараго міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напоившей землю: они родились среди битвъ. Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ; они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги,—все было пусто и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи,

«Три стихіи дѣлили между собою жизнь, разстилавшуюся передъ юношами: за ними навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ нѣчто, подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ Америки; не знаю, что-то неопредѣленное и зыбкое, море тинистое и грозящее кораблекрушеніями, по временамъ переплываемое далекимъ

бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ; настоящій вѣкъ, нашъ вѣкъ однимъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который ни то, ни другое, и походитъ на то и на другое вмѣстѣ, гдѣ на каждомъ шагу недоумѣваешь, идешь ли по сѣменамъ или по праху.

«И имъ осталось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерекъ, не день и не ночь; они нашли его сидящимъ на мѣшкѣ съ костями, закутаннымъ въ плащъ себялюбія и дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закралась къ намъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе, полумумію и полупрахъ; они подошли къ нему какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Страсбургѣ дочь стараго графа Саарвердена, бальзамированную, въ гробу, въ вѣнчальномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій скелетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ пальцахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цвѣтовъ.

«О народы будущихъ вѣковъ, — заканчиваетъ поэтъ свое вступленіе, — когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на зеленомъ лугу отчизны, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ нарядѣ земледѣльцу; когда, отирая съ мирнаго чела священный потъ, вы будете покоить взглядъ на безпредѣльномъ небосклонѣ и вспомните о насъ, которыхъ уже не будетъ болѣе, — скажите себѣ, что дорого купили мы вамъ будущій покой; пожалѣйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ нашихъ предковъ. У нихъ было много горя, которое дѣлало ихъ достойными состраданія; у насъ не было того, что ихъ утѣшало».

II.

МІРЪ СУЕВѢРІЙ.

Хорошая вещь — серьозныя и захватывающія жизнь въ ея типахъ литературныя произведенія. Мало того, что они сами по себѣ хороши, положительно хороши, — они имѣютъ еще отрицательную пользу: захвативши разъ извѣстные типы, художественно и рельефно увѣковѣчивъ ихъ, они отбиваютъ охоту повторять эти типы.

Вотъ напримѣръ не будь аксаковской «семейной хроники», я бы неминуемо долженъ былъ вовлечься въ большія подробности по поводу моего дѣда, лица, мною никогда не виданнаго, потому что онъ умеръ за годъ до моего рожденія, но по разсказамъ знакомаго мнѣ, какъ говорится, до точки, и игравшаго немаловажную роль въ исторіи моихъ нравственныхъ впечатлѣній. Теперь же стоитъ только согласиться на общій типъ кряжевыхъ людей бывалой эпохи, изображенный рельефно и вмѣстѣ простодушно покойнымъ Аксаковымъ, да отмѣтить только разности и отличія, и вотъ образъ, если не нари-

сованный мной самимъ, то могущій быть легко нарисованъ читателемъ.

Дѣдъ мой въ общихъ чертахъ удивительно походилъ на старика Багрова, и день его, въ ту эпоху, когда онъ уже могъ жить на покоѣ, мало разнился, судя по семейнымъ разсказамъ, отъ дня Степана Багрова. Чуть что даже калиноваго подожка у него не было, а что свои танайченки, даже свои собственные калмыки были, это я очень хорошо помню. Разница между нимъ и Степаномъ Багровымъ была въ томъ, что онъ, такой же кряжевой человѣкъ, поставленъ былъ въ иныя жизненныя условія. Онъ не родился помѣщикомъ, а сдѣлался имъ, да и то подъ конецъ своей жизни, многодѣльной и многотрудной. Пришолъ онъ въ Москву изъ сѣверовосточной стороны въ нагольномъ полушубкѣ, пробивалъ себѣ дорогу лбомъ, и пробилъ дорогу, для его времени довольно значительную. Пробилъ онъ ее разумѣется службой, и потому пробилъ, что былъ отъ природы человѣкъ умный и энергическій. Еще была у него отличительная черта, — это жажда къ образованію. Онъ былъ большой начетчикъ духовныхъ книгъ и даже съ архіереями нерѣдко спорилъ; послѣ него осталась довольно большая библіотека, и дѣльная библіотека, которою мы потомки какъ-то мало дорожили...

Странная вотъ еще эта черта, между прочимъ, и опять-таки черта, какъ мнѣ кажется общая въ нашемъ развитіи, — это то, что мы всѣ маленькіе Петры-великіе на половину и обломовцы на другую. Въ извѣстную эпоху мы готовы съ озлобленіемъ уничтожить слѣды всякаго прошедшаго, увлеченные чѣмъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ, что́ намъ понравилось, и потомъ чуть что не плакать о томъ, чѣмъ мы пренебрегали и что мы разрушали. Мнѣ было уже лѣтъ одиннадцать, когда привезли намъ въ Москву изъ деревни сундуки съ старыми книгами дѣда. А то была уже эпоха различныхъ псевдоисторическихъ романовъ, которыми я безразлично упивался, всѣми: отъ «Юрія Милославскаго» до «Давида Игоревича» и другихъ безвѣстныхъ нынѣ произведеній, отъ «Новика» Лажечникова до «Леонида» Рафаила Зотова. Странно повѣяли на меня эти старыя книги дѣда въ ихъ пожелтѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ, книги мрачныя, степенныя, то въ листъ и печатанныя славянскимъ шрифтомъ, какъ знаменитое «Добротолюбіе», то въ малую осьмушку, шрифтомъ XVIII вѣка, и оригинальныя вродѣ назидательныхъ сочиненій Эмина, и переводныя вродѣ твореній Бюніана и Іоанна Арндта, и крошечныя и полуистрепанныя, какъ рѣдкія нынѣ изданія сатирическихъ журна-

ловъ «И то и се», «Всякая всячина». Какъ теперь помню, какъ я глядѣлъ на нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ, какъ я — а мнѣ отдали право распорядка этой библіотеки — не хотѣлъ удостоить ихъ даже чести стоять въ одномъ шкапу съ «Леонидами», «Постоялыми дворами», «Дмитріями Самозванцами» и другимъ вздоромъ, которымъ подъ вліяніемъ эпохи наполнилъ я шкапъ, отдѣливши отъ нихъ только сочиненія Карамзина, къ которому воспитался я въ суевѣрномъ уваженіи. Помню, я даже топталъ ихъ ногами въ негодованіи, а все-таки, пожираемый жаждою чтенія, заглядывалъ въ нихъ, въ эти старыя книги, и даже начитывался порою сатирическихъ изданій новиковской эпохи (Россіадъ и другихъ одъ, равно какъ сочиненій Княжнина и Николева одолѣть я никогда не могъ) и знакомствомъ своимъ съ мыслью и жизнью ближайшихъ предковъ обязанъ былъ я все имъ же, старымъ книгамъ. И какъ я жалѣлъ въ зрѣлые годы объ этой распропавшей, раскраденной пьяными лакеями и съѣденной голодными мышами библіотекѣ. Но увы! какъ и вездѣ и во всемъ, поздно хватаемся мы за наши преданія...

Дѣдъ мой былъ знакомъ даже съ Новиковымъ, и сохранилось въ семьѣ преданіе о томъ, какъ струсилъ онъ, когда взяли Новикова, и пережегъ множество книгъ, подаренныхъ ему Николаемъ Иванычемъ. Былъ ли дѣдъ масономъ — не могу сказать навѣрное. Наши ничего объ этомъ не знали. Лицо, принадлежавшее къ этому ордену и имѣвшее, какъ раскажу я современемъ, большое вліяніе на меня въ моемъ развитіи, говорило что былъ.

Дѣдъ и міръ, когда-то вокругъ его процвѣтавшій, міръ довольства и даже избытка, кареты четверней, міръ страшнаго, багровскаго деспотизма, набожности, домашнихъ сваръ, это была Аркадія для моей тетки, но далеко не была это Аркадія для моего отца, человѣка благодушнаго и умнаго, но нисколько не экзальтированнаго.

Когда пріѣзжали къ намъ изъ деревни погостить бабушки и тетки, я рѣшительно подпадалъ подъ вліяніе старшей тетки; о ней, какъ о лицѣ довольно типическомъ, я буду говорить еще не разъ. Натура страстная и даровитая, не вышедшая замужъ по страшной гордости, она вся сосредоточилась въ воспоминаніяхъ прошедшаго. У нея даже тонъ былъ постоянно экзальтированный, но мнѣ только уже въ позднѣйшіе года началъ этотъ тонъ звучать чѣмъ-то комическимъ. Ребенкомъ я отдавался ея разсказамъ, ея мечтамъ о фантастическомъ золотомъ вѣкѣ, даже ея несбыточнымъ, но упорнымъ надеждамъ на непремѣнный возвратъ этого золотого вѣка для нашей семьи.

Была даже эпоха и... я обѣщался быть искреннимъ во всемъ, что относится къ душевному развитію, буду искренен до послѣдней степени,—эпоха вовсе не первоначальной молодости, когда подъ вліяніемъ мистическихъ идей, я вѣровалъ въ какую-то таинственную связь моей души съ душою покойнаго дѣда, въ какую-то метемпсихозу не метемпсихозу, а солидарность душъ. Нерѣдко возвращаясь ночью изъ Сокольниковъ и выбирая всегда самую дальную дорогу, ибо я любилъ бродить по Москвѣ по ночамъ, я, дойдя до церкви Никиты-мученика въ Басманной, останавливался передъ старымъ домомъ на углу переулка, первымъ пристанищемъ дѣда въ Москвѣ, когда пришолъ онъ составлять себѣ фортуну, и, садясь на паперть часовни, ждалъ по получасу, не явится ли ко мнѣ старый дѣдъ разрѣшить мнѣ множество тревожившихъ мою душу вопросовъ. На ловца обыкновенно и звѣрь бѣжитъ. Съ человѣкомъ, наклоннымъ къ мистическому, случаются обыкновенно и факты, незначительные для другихъ, но влекущіе его лично въ эту страшную бездну. Раза два въ жизни, и всегда передъ разными ея переломами, дѣдъ являлся мнѣ во снѣ. Дѣло психически очень объяснимое, но питавшее въ душѣ наклонность ея къ таинственному міру.

Суевѣрія и преданія окружали мое дѣтство, какъ дѣтство всякаго, большой или небольшой руки барченка, окруженнаго большой или небольшой дворней, и по временамъ совершенно ей предоставляемаго. Дворня, а у насъ именно изпоконъ-вѣка велась она, несмотря на то, что отецъ мой только-что жилъ достаточно, была вся изъ деревни, и съ ней я пережилъ весь тотъ міръ, который съ дѣйствительнымъ мастерствомъ передалъ Гончаровъ въ «Снѣ Обломова». Когда наѣзжали родные изъ деревни, съ ними прибывали нѣкоторые члены тамошней обширной дворни, и поддавали жара моему суевѣрному, или лучше сказать фантастическому настройству, новыми разсказами о таинственныхъ козлахъ, бодающихся въ полночь на мостикѣ къ селу Малахову, о кладѣ въ кириковскомъ лѣсу—одной изъ главныхъ основъ надежды моей тетки на возвратъ Аркадіи, о колдунѣ-мужикѣ, зарытомъ на перекресткѣ. Да прибавьте еще къ этому старика дѣда, брата бабушки, который впослѣдствіи, когда мнѣ было уже десять лѣтъ, жилъ у насъ со мной на мезонинѣ, читалъ все священныя книги и молился, даже на молитвѣ и умеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый вечеръ разсказывалъ съ полнѣйшею вѣрою исторіи о мертвецахъ и колдуньяхъ, да прибавьте еще двоюродную тетку, наѣзжавшую съ бабушкой изъ деревни,—тетку, которая была вопло-

щеніе простоты и доброты, умѣвшую лечить домашними средствами всю окрестность, которая никогда не лгала, и между тѣмъ сама по ея разсказамъ видала виды...

На безобразно-нервную натуру мою этотъ міръ суевѣрій подѣйствовалъ такъ, что въ четырнадцать лѣтъ, напитавшись еще кромѣ того Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ на своемъ мезонинѣ, гдѣ спалъ я одинъ съ Иваномъ или Ванюшкой, который былъ моложе меня годомъ. Лихорадочно-тревожно прислушивался я къ бою часовъ, а они же притомъ шипѣли и сипѣли страшно-неистово, и засыпалъ всегда только послѣ двѣнадцати, послѣ крика предразсвѣтнаго пѣтуха.

Съ лѣтами это прошло, нервы поогрубѣли, но знаете ли, что я бы дорого далъ за то, чтобъ снова испытать такъ же нервно это сладко-мирительное, болѣзненно-дразнящее настройство, эту чуткость къ фантастическому, эту близость иного страннаго міра... Вѣдь фантастическое вѣчно въ душѣ человѣческой, и, стало-быть, такъ какъ я только въ душу и вѣрю, въ извѣстной степени законно.

III.

ДВОРНЯ.

Но не одно суевѣріе развило во мнѣ раннія отношенія къ народу. Одинъ великій писатель въ своихъ воспоминаніяхъ сказалъ уже доброе слово въ пользу такъ-называемой дворни и отношеній къ ней, описывая свой дѣтскій возрастъ. Не мало есть и дурного въ этомъ попорченномъ отсадкѣ народной жизни, дурного, въ которомъ виноватъ не отсадокъ, а виновато было рабство—не мало дурного, разумѣется, привилось и ко мнѣ, и привилось главнымъ образомъ не въ пору. Рано, даже слишкомъ рано пробуждены были во мнѣ половые инстинкты и, постоянно только раздражаемые и неудовлетворяемые, давали работу необузданной фантазіи; рано также изучилъ я всѣ тонкости крѣпкой русской рѣчи, и отъ кучера Василья наслушался сказокъ о батракахъ и ихъ извѣстныхъ хозяевахъ,—и вообще кучера Василья во многихъ отношеніяхъ я долженъ считать своимъ воспитателемъ, почти наполовину съ моимъ первымъ учителемъ...

Но была и хорошая, была даже святая сторона въ этомъ сближеніи съ народомъ, съ его даже попорченными элементами. Раз-

умѣется безсознательно поступали мой отецъ и моя мать, не удаляя меня отъ самыхъ близкихъ отношеній съ дворовыми, но во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ большую честь ихъ благодушному и простому взгляду, тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь, что въ нихъ какъ во всей нашей семьѣ было ужасно развито чувство дворянской амбиціи во всѣхъ другихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ же все шло по какому-то изстари заведенному порядку. Надобно сказать, такъ же къ ихъ чести, что и собственныя отношенія къ дворнѣ по большей части были человѣческія, то-есть настолько человѣческія, насколько человѣчность была мыслима и возможна при крѣпостномъ правѣ. Ѣла у нихъ наша дворня всегда хорошо, работала мало, пила, какъ мужескій полъ, такъ и женскій постарше, до крайнѣйшаго безобразія. Разъ, даже отецъ не купилъ весьма выгодно продававшагося съ аукціона дома, потому только, что подлѣ него былъ кабакъ, и что тогда, по основательному возраженію матери, Василья съ Иваномъ старшимъ пришлось бы ежечасно оттуда вытаскивать, да и старуху няньку мою Прасковью точно такъ же. Между прочимъ я сказалъ, что отношенія моихъ родителей къ дворнѣ были человѣчны большею частью, и сказалъ не безъ основанія. Въ матери моей было въ высокой степени развито чувство самой строгой справедливости, но съ девяти лѣтъ моего возраста я уже не помню ея здоровою. Что за болѣзнь началась у ней и продолжалась до самой ея смерти, я не знаю. Знаменитый по Таганкѣ и Замоскворѣчью докторъ Иванъ Алексѣичъ Воскресенскій постоянно лечилъ ее, но болѣе двадцати лѣтъ болѣзнь ее грызла, и нѣсколько дней въ мѣсяцъ она, бѣдная мать моя, переставала быть человѣкомъ. Даже наружность ея измѣнялась: глаза въ нормальное время умные и ясные, становились мутны и дики, желтыя пятна выступали на нѣжномъ лицѣ, появлялась на тонкихъ губахъ зловѣщая улыбка, и тогда забывалось всякое чувство справедливости... Совершенно лишонная образованія, читавшая даже по складамъ, хотя отъ природы одаренная замѣчательнымъ здравымъ разсудкомъ и даже эстетическимъ чутьемъ,—она пѣла очень хорошо по слуху,—бѣдная мать моя совершенно извращена была ужасной болѣзнью. Во время приливовъ или припадковъ этой болѣзни, свѣтлыя, хорошія стороны ея личности исчезали, свойства, въ умѣренномъ видѣ хорошія, какъ напримѣръ хозяйственная заботливость и расчетливость, переходили въ ужасныя крайности: неудовлетворенное, обиженное судьбою самолюбіе даровитой, но лишонной средствъ развитія личности выступало одно на мѣстѣ всѣхъ душевныхъ

качествъ. А бывали минуты,—увы! чѣмъ далѣе шла жизнь, тѣмъ становились онѣ рѣже,—когда она какъ-будто свѣтлѣла и молодѣла. Прекрасныя и тонкія черты ея лица прояснялись, не теряя впрочемъ никогда нѣкоторой строгости не строгости, а какой-то грустной серьезности; движенія теряли рѣзкость и становились гибкими; голосъ, болѣзненно надорванный, звучалъ благородными контральтовыми звуками. О, какъ я любилъ ее въ эти рѣдкія минуты! Откуда являлось у нея вдругъ столько женственнаго такта въ разговорѣ съ посторонними, такое отсутствіе выжимокъ и ужимокъ, ощипываній и одергиваній, отличавшія ее рѣзко отъ всѣхъ другихъ барынь нашего круга, барынь, походившихъ большею частью на мать Хорькова въ «Бѣдной Невѣстѣ».

Съ другой стороны, отецъ, человѣкъ съ весьма свѣтлымъ умомъ и съ благодушіемъ такимъ, что покойный дѣдъ, энергическій и кряжевой человѣкъ, звалъ его отчасти любовно, а отчасти насмѣшливо Израилемъ, запуганный даже отчасти съ дѣтства,—иногда, хотя очень рѣдко, раза два въ годъ, повторялъ въ жизни багровскія выходки дѣда. И вовсе вѣдь не потому, чтобы въ это время онъ былъ особенно выведенъ безобразіемъ дворни изъ границъ человѣческаго терпѣнія. Если бы такъ, то поводы къ выходу изъ нормальнаго, благодушнаго состоянія представлялись ежедневно. Нѣтъ, это было нѣчто физіологическое, дань чему-то родовому, нѣчто совсѣмъ бѣшеное и неистовое, нѣчто такое, чего приливы я самъ, конечно по другимъ поводамъ, чувствовалъ иногда въ себѣ и чему тоже отдавался какъ звѣрь... Съ лѣтами въ немъ эти приливы родового неистовства становились все рѣже и рѣже. Онъ былъ и лицомъ и характеромъ похожъ на свою мать, мою бабушку,—бабушку, которую зналъ я только старушкою и которая всегда являлась мнѣ невозмутимо-кроткою, спокойною, глубоко, но никакъ не до ханжества благочестивою, съ разумнымъ словомъ, съ вѣчною, до крайности даже нѣжною и безпокойною заботливостью о своихъ бѣдныхъ дочеряхъ, моихъ старыхъ теткахъ, съ благоговѣйною памятью о своемъ строгомъ и невсегда ровномъ Иванѣ Григорьичѣ и съ явными слѣдами на своей натурѣ вліянія этой кряжевой личности, слѣдами, очевидными въ ея здравыхъ религіозныхъ понятіяхъ, въ ея твердой вѣрѣ въ справедливость... Да! по многому въ правѣ я заключить, что далеко не дюжинный человѣкъ былъ дѣдъ. Служа, онъ, какъ и всѣ, вѣроятно бралъ если не взятки, то добровольные поборы, но таковы были понятія окружавшей его среды: помимо этихъ понятій, въ

немъ жило крѣпко чувство добра и чести, и была въ немъ еще, по разсказамъ всѣхъ его знавшихъ, даже дальнихъ родныхъ и посторонних, необоримая, ветхозавѣтная вѣра въ Бога израилева, въ Бога правды, была въ немъ святая гордость, которая заставляла его не держать языка на привязи гдѣ бы то ни было и передъ кѣмъ бы то ни было... передъ архіереями ли, съ которыми онъ любилъ водиться, передъ свѣтскими ли властями, съ которыми онъ поставляемъ былъ судьбою въ столкновеніе.

Но я опять увлекся любимымъ образомъ моего дѣтства, этимъ идеаломъ, съ которымъ я долго-долго сопоставлялъ моего умнаго и благодушнаго, но весьма не характернаго отца, никакъ не видя, что у него совсѣмъ другая природа, любя его инстинктивно, но не уважая разумно его собственныхъ, личныхъ хорошихъ сторонъ...

Родовыя вспышки отца и ежемѣсячные припадки болѣзни матери нарушали обычную распущенность нашей жизни, но они же развили во мнѣ чувство состраданія до болѣзненности. Я ревѣлъ до истерикъ, когда доставалось за пьянство кучеру Василью или женѣ его, моей старой нянькѣ, за гульбу по ночамъ и пьянство человѣку Ивану и за гульбу съ молодицами моей молодой и тогда красивой нянькѣ Лукерьѣ... Я всегда являлся предстателемъ въ этихъ случаяхъ, и отецъ даже въ порывахъ бѣшенства, по благодушію своей природы любилъ во мнѣ это предстательство. Что онъ любилъ, это очень хорошо, но напрасно онъ показывалъ мнѣ, что онъ это любитъ. Это развило во мнѣ какое-то раннее актерство чувствомъ, раннюю способность къ подозрѣванію собственной чувствительности... Помню, — мнѣ было лѣтъ девять, — нарыдавшись инстинктивно, я, прежде чѣмъ идти къ отцу просить за отправленнаго въ часть Василья или Ивана, смотрѣлся въ зеркало, достаточно ли видъ у меня разстроенъ.

Но, во всякомъ случаѣ, я съ дворовыми жилъ интимно. У нихъ отъ меня секретовъ не было, ибо они знали, что я ихъ не выдамъ. Лѣтъ уже четырнадцати-пятнадцати даже, я запиралъ двери за Иваномъ, уходившимъ «въ ночную» къ своимъ любовницамъ и отпиралъ ихъ ему въ заутрени; уже студентомъ привозилъ нѣсколько разъ, самъ правя лошадью, кучера Василья въ своихъ объятіяхъ позднимъ вечеромъ, тихонько отворяя ворота...

И они любили меня, разумѣется любили по своему — любили до тѣхъ поръ, пока въ позднѣйшую эпоху жизни интересы ихъ не столкнулись съ моими. Разумѣется, нечего винить ихъ за свою корыстную любовь. Грѣхъ не на нихъ, а все-таки на крѣпостномъ

правѣ, много развратившемъ высокую природу русскаго человѣка. Одна старая нянька (она же была у насъ долгое время и кухаркой, пока не к у п и л и повара) любила меня инстинктивно, сердечно—умерла даже съ желаніемъ хотя бы глазкомъ взглянуть на меня, бывшаго въ Петербургѣ, въ минуту ея смерти,—да и то я думаю потому, что она была вольная изъ Арзамаса и по страстной любви, овдовѣвши послѣ перваго брака, вышла за пьянаго крѣпостного кучера Василья...

А много, все-таки много обязанъ я тебѣ въ своемъ развитіи, безобразная, распущенная, своекорыстная дворня!.. Нѣтъ, или мало пѣсенъ народа мнѣ чуждыхъ: звучавшія дѣтскому уху, онѣ отдались какъ старыя знакомыя въ поздней молодости, онѣ, на время забытыя, пренебрежонныя, попранныя даже какъ старыя книги дѣда, возстали потомъ душѣ во всей ихъ непосредственной красотѣ... Во всѣ народныя игры игрывалъ я съ нашею дворнею на широкомъ дворѣ: и въ бую, и въ лапту, и даже въ чехарду, когда случалось, что отецъ и мать уѣзжали изъ дому въ гости и не брали меня: всѣ басни народнаго животнаго эпоса про лисицу и волка, про лисицу и пѣтуха, про житье-бытье пѣтуха, кота и лисицы въ одномъ домѣ переслушалъ я въ осеннія сумерки отъ деревенской дѣвочки Марины, взятой изъ деревни собственно для забавы мнѣ,—лежа, закутанный въ шубку, на старомъ ларѣ въ сараѣ...

Наѣзжали порою мужики изъ бабушкиной деревни. Вотъ тутъ-то еще больше наслушивался я диковинныхъ расказовъ — постоянно уже проводя все время съ мужиками на кухнѣ. Всѣхъ я ихъ зналъ по расказамъ, многихъ лично; со мной они, предупрежденные дворней, не чинились и не таились... Ужасно я любилъ ихъ и, провожая почтенныхъ мужиковъ, какъ староста Григорій, поминалъ даже въ своихъ дѣтскихъ молитвахъ, послѣ родныхъ и ближайшихъ окружающихъ...

IV.

СТОРОНА.

Да и сторона-то, надобно сказать, была такая, которая могла нарѣзать на душѣ неизгладимые слѣды!

Я началъ исторію своихъ впечатлѣній съ общаго образа Замоскворѣчья, рискуя, и конечно рискуя сознательно, попасть на зубокъ нашимъ различнымъ обличительнымъ изданіямъ. Я сказалъ уже,

кажется, что Замоскворѣчье не только особый міръ, а соединеніе разныхъ особыхъ міровъ, носящихъ каждый свою отдѣльную, типовую физіономію.

Встанемте съ вами, читатели, бывавшіе въ Москвѣ, на высотѣ Кремля, съ которой огромнымъ полукружіемъ развертывается передъ вами юго-восточная, южная и юго-западная часть Москвы. Если я съ самаго начала не повелъ васъ туда, на кремлевскую гору, то, покаюсь въ этомъ, во избѣжаніе рутиннаго пріема. Видъ Москвы съ кремлевской вершины почти такое же избитое мѣсто, какъ видъ ея съ Воробьевыхъ горъ. И теперь я становлюсь съ вами на этомъ пунктѣ только потому, что такъ мнѣ нужно...

Панорама пестра и громадна, поражаетъ пестротою и громадностью, но все же въ ней есть извѣстныя, выдающіяся точки, къ которымъ можно приковать взглядъ... Онъ упирается налѣво въ далекой дали, въ двѣ огромныхъ колокольни двухъ монастырей: Новоспасскаго и Симонова... Старые монастыри — это нѣчто въ родѣ драгоцѣнныхъ камней въ вѣнцахъ, стягивающихъ въ предѣлы громадный городъ—растеніе, или если вамъ это сравненіе покажется вычурнымъ, — нѣчто въ родѣ бляхъ въ его обручахъ... Дѣло не въ цвѣтѣ сравненія, а въ его сущности, и сущность, если вы взглянете безъ предубѣжденія, будетъ вѣрна; старые пласты города стягиваетъ обручь съ запястьями-монастырями, состоящими въ городской чертѣ: бывшимъ Алексѣевскимъ, который я еще помню, и на мѣстѣ котораго высится теперь храмъ Спасителя, упраздненнымъ Новинскимъ, Никитскимъ, Петровскимъ, Рождественскимъ, Андроніевскимъ: разросшіяся слободы стянуты тоже обручемъ горизонтальной линіи, на которой законными, останавливающими взглядъ пунктами являются тоже монастыри: Новоспасскій, Симоновъ, Донской, Дѣвичій...

Я обратилъ ваше вниманіе на дальнія точки горизонтальной линіи потому, что къ одному изъ этихъ пунктовъ «тянетъ», по допетровскому пластическому выраженію нашихъ дьяковъ, та или другая сторона Москвы, сторона съ особеннымъ видомъ и характеромъ. Внутри городской черты монастыри потеряли свое значеніе притягивающихъ пунктовъ, хотя прежде вѣроятно имѣли его; вѣдь на обручѣ Китай-города есть тоже свои бляхи: Знаменскій, Богоявленскій монастыри и т. д. Въ Замоскворѣчьѣ и въ Таганкѣ, которая «тянетъ» на половину къ Андроньеву, на половину къ «Спасу новому», типовой характеръ монастырей уцѣлѣлъ, разумѣется, болѣе... Особый характеръ, особый цвѣтъ и запахъ жизни у юго-восточнаго Замо-

скворѣчья, которое «тянетъ къ Симонову, и у южнаго и юго-западнаго, которыя тянутъ къ Донскому...

Идя съ вами въ глубь Замоскворѣчья, я указалъ вамъ на его три или собственно двѣ главныя жилы, кончающіяся несуществующими на дѣлѣ воротами, но не упомянулъ о третьей, огромной юго-восточной жилѣ, о Пятницкой, названной такъ по церкви мифически-народной святой Пятницы-Прасковеи.

Но не церковь Пятницы-Прасковеи поражаетъ и останавливаетъ вашъ взглядъ съ кремлевской вершины, когда вы, отклоняя постепенно глаза отъ юго-востока, ведете ихъ по направленію къ югу, а пятиглавая, великолѣпная церковь Климента папы римскаго. Передъ ней вы остановитесь и идя по Пятницкой: она поразитъ васъ строгостью и величавостью своего стиля, своею даже гармоніею частей... Но особенно выдается она изъ безчисленнаго множества различныхъ узорочныхъ церквей и колоколенъ, тоже оригинальныхъ и необычайно живописныхъ издали, которыми въ особенности отличается юго-восточная часть Замоскворѣчья... Путешествуя по извилистымъ улицамъ, заходя дальше и все дальше въ глубь, вы натолкнетесь, можетъ быть, на болѣе оригинальный стиль старыхъ, приземистыхъ и узорчатыхъ церквей съ главами-луковицами, но издали надо всѣмъ властвуетъ, безъ сомнѣнья, Климентъ. Около него, по Пятницкой и вправо отъ нея, сосредоточилась въ свои каменные дома и дворы съ заборами, нерѣдко каменными, жизнь по преимуществу купеческая; влѣво жизнь купеческая сплетается съ мелкомѣщанскою, мелкочиновническою и даже, пожалуй, мелкодворянскою. Идя по Пятницкой влѣво, вы добредете даже до Заѣпы, этого удивительнаго уголка міра, гдѣ совершается невозможнѣйшая съ общечеловѣческой точки зрѣнія и вмѣстѣ одна изъ наидѣйствительнѣйшихъ драмъ Островскаго «Въ чужомъ пиру похмѣлье», гдѣ хозяйка честнаго учителя беретъ росписку съ Андрюши Брускова въ женитьбѣ на дочери своего постояльца, и «Китъ Китычъ» платится по этой странной роспискѣ, ибо не знаетъ, что могутъ сдѣлать «стрюцкіе», и внутренне боится ихъ, хотя и ломается надъ пропившимся «стрюцкимъ» Сахаромъ Сахарычемъ... Тутъ между Заѣпой и комиссаріатомъ двѣ жизни: жизнь земщины и жизнь «стрюцкихъ» живутъ рядомъ одна съ другою, растительно сплетаются, хоть не смѣшиваются и тѣмъ менѣе амальгамируются.

Только затѣмъ, изволите видѣть, я и водилъ васъ на вершину Кремля, чтобы оттуда различить для васъ двѣ полосы Замоскворѣчья.

Дѣтство мое прошло въ первой, юговосточной,—отрочество и ранняя молодость въ югозападной.

Жизнь, которая окружала меня въ дѣтствѣ, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь «стрюцкихъ», ибо отецъ мой служилъ и служилъ въ одномъ изъ такихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя не проникалъ уровень чиновничества, въ которомъ бражничало, дѣлало дѣла и властвовало подъячество... Эта жизнь «стрюцкихъ» соприкасалась множествомъ сторонъ съ жизнью земщины, и въ особенности въ уголкѣ міра, лежащемъ между комиссаріатомъ, Зацѣпой и Пятницкой.

Какъ теперь видится мнѣ мрачный и ветхій домъ съ мезониномъ полиняло-желтаго цвѣта, съ неизбѣжными алебастровыми украшеніями на фасадѣ и чуть ли даже не съ какими-то звѣрями на плачевно-старыхъ воротахъ, домъ съ явными претензіями, домъ съ дворянской амбиціей, домъ, въ которомъ началось мое сознательное дѣтство. Два такихъ дома стояли рядомъ, и нѣкогда оба принадлежали одному дворянскому семейству, не изъ сильно впрочемъ родовитыхъ, а такъ себѣ... Обитатели дома, въ который мы переѣхали съ Тверской, были женскіе остатки этого когда-то достаточнаго семейства: вдова-барыня съ двумя дочерьми-дѣвицами. Хозяинъ другого, племянникъ вдовы, жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, и домъ долго стоялъ опустѣлый, только на мезонинѣ его, въ таинственномъ заключеніи, жила какая-то его воспитанница. И объ этомъ мезонинѣ, и объ этой заключенницѣ, и о самомъ хозяинѣ пустого дома, развратникѣ по сказаніямъ и фармазонѣ,—ходили самые странные слухи.

Оба дома смотрѣли на церковную ограду Спасо-болвановской церкви, ничѣмъ впрочемъ, кромѣ своего названія, незамѣчательной, стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими себя съ горя, въ ряду другихъ, крѣпко сколоченныхъ и хозяйственно глядѣвшихъ купеческихъ домовъ, съ высокими воротами и заборами. Уныло кивалъ имъ симпатически только каменный домъ съ полуобвалившимися колоннами на концѣ переулка, домъ тоже дворянскій и значительно болѣе дворянскій.

Мрачность ли этихъ домовъ съ ихъ ушедшимъ внутрь и все-таки притязательнымъ дворянскимъ честолюбіемъ подѣйствовала сразу на мое впечатлительное воображеніе, или такъ ужь на роду мнѣ было написано воспитывать въ душѣ двойную, т. е. родовую и свою мечтательную Аркадію, но все время нашего тамъ пребыванія, продолжавшагося года четыре до покупки дома въ другой южной

сторонѣ Замоскворѣчья, я относился къ этому жилью и къ житью въ немъ съ отвращеніемъ и даже съ ненавистью, и все лелѣялъ въ дѣтскихъ мечтахъ Аркадію Тверскихъ воротъ съ большимъ каменнымъ домомъ, наполненнымъ разнородными жильцами, съ шумомъ и гамомъ ребятъ на широкомъ дворѣ, съ воспоминаніями о сѣрыхъ лошадяхъ хозяина, сѣдого купца Игнатія Иваныча, которыхъ важивалъ онъ меня часто смотрѣть въ чистую и свѣтлую конюшню; объ извозчикѣ-лихачѣ Дементьѣ, который часто каталъ меня отъ Тверскихъ воротъ до нынѣшнихъ Тріумфальныхъ, вѣроятно изъ симпатіи къ русымъ волосамъ и румянымъ щекамъ моей младшей няньки; о широкой площади съ воротами Страстного монастыря передъ глазами и съ изображеніями на нихъ «страстей Господнихъ», къ которымъ любила ходить со мною старая моя нянька, толковавшая мнѣ по-своему, апокрифически-легендарно, эти изображенія, въ извѣстномъ тонѣ апокрифическаго сказанія о «снѣ Богородицы».

Многое, можетъ-быть—и начинавшаяся болѣзнь матери, и начавшаяся для меня проклятая латинская граматика Лебедева, къ которой до сихъ поръ не могу я отнестись безъ нѣкотораго, самому мнѣ смѣшного, враждебнаго чувства, и еще болѣе проклятая ариѳметика, съ которой никогда я не могъ помириться, будь она Меморскаго, какъ прежняя, или Аллеза, Гильи, Пюисана Будро, какъ послѣдующая,—многое, говорю, навѣвало на меня, можетъ быть, мракъ, но только враждебно относился я къ житью-бытью на Болвановкѣ.

Но странная сила есть у прошедшаго, и въ особенности на насъ, людей былого поколѣнія. Чѣмъ дальше отдаляли отъ меня годы это житье, тѣмъ больше и больше свѣтлѣло оно у меня въ памяти. Шляясь часто по вечерамъ по Москвѣ, я въ мои зрѣлые годы углублялся въ лѣвую сторону Замоскворѣчья, но увы! и слѣдовъ стараго не было. Уцѣлѣли крѣпко сколоченные купеческіе дома, но отняли колонны у каменнаго дома, выбѣлили его и придали ему прилично-истертую наружность новые хозяева, а на мѣсто амбиціонныхъ дворянскихъ домовъ въ концѣ переулка выстроились новые, чистые купеческіе дома. Самая ограда церкви, вилявшая нѣкогда кривою линіею, отступила на шагъ и вытянулась въ струнку, по ранжиру...

И понятно, кромѣ общаго закона идеализаціи прошедшаго по мѣрѣ его удаленія отъ насъ, почему свѣтлѣло для меня спасоболвановское житье-бытье.

При старомъ домѣ былъ садъ съ заборомъ, весьма некрѣпкаго и дыряваго качества, и заборъ выходилъ уже на Зацѣпу, и въ щели

по вечерамъ смотрѣлъ я, какъ собирались и разыгрывались кулачные бои, какъ ватага мальчишекъ затѣвала дѣло, которое чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше захватывало большихъ. О! какъ билось тогда мое сердце, какъ мнѣ хотѣлось тогда быть въ толпѣ этихъ зачинающихъ дѣло мальчишекъ, мнѣ, барченку, котораго держали въ хлопкахъ, изрѣдка только позволяя (да слава Богу, что хоть изрѣдка-то!) играть въ игры съ дворнею. А въ большіе праздники водились тутъ хороводы фабричными и живо, страстно сочувствовалъ я нашей замкнутой на дворѣ дворнѣ, которая, облизываясь какъ котъ, смотрѣла на вольно-шумѣвшую вокругъ нея вольную жизнь!

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ МЛАДЕНЧЕСТВА.

Да! меня держали въ хлопкахъ; жизнь, окружавшая меня, давала мнѣ только впечатлѣнія, дразнила меня, и потому все сильнѣе и сильнѣе развивалась во мнѣ мечтательность. На меня порою находила даже какая-то неестественная тоска, въ особенности по осеннимъ и зимнимъ долгимъ вечерамъ. Игрушками я былъ буквально заваленъ, и онѣ мнѣ наскучили.

Мнѣ шолъ седьмой годъ, когда стали серьозно думать о пріисканіи для меня учителя, разумѣется по средствамъ и по общей методѣ подешевле. До тѣхъ поръ мать сама кое-какъ учила меня разбирать по складамъ, но какъ-то дальше буки-рцы-азъ—ра-бра (такъ произносилъ я складъ) я не ходилъ. Вообще я былъ безгранично лѣнивъ до двѣнадцати лѣтъ возраста.

Стали наконецъ дѣйствительно искать учителя, но прежде всего, по извѣстному русскому обычаю покупать прежде подойникъ, а затѣмъ уже корову, купили неизвѣстно для какихъ цѣлей указку. Указка была костяная, прекрасивенькая и я черезъ день же ее сломалъ, какъ ломалъ всякія игрушки. Помню какъ теперь, въ осенній вечеръ, когда уже свѣчи подали, сидѣлъ я на коврѣ въ залѣ, обложенный игрушками, слушая разсказы младшей няньки про бабушкину деревню и стараясь разгадать, что такое Иванъ, сидѣвшій тутъ же на коврѣ, дѣлавъ съ куколками, показывая ихъ Лукерьѣ, и отчего та то ругается, то смѣется,—явился учитель-студентъ въ мундирѣ и при шпагѣ и бойкою походкою прошолъ въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ. «Учитель, учитель!» сказала моя нянька и съ любопытствомъ

заглянула ему вслѣдъ въ гостиную. «Съ форсомъ!» добавилъ Иванъ и опять сталъ что-то ей таинственно показывать...

Я заревѣлъ...

Насилу меня уняли разсказами о будущей моей невѣстѣ и о золотой каретѣ, въ которой поѣду я вѣнчаться, а между тѣмъ черезъ четверть часа, отворились двери гостиной и отецъ, провожая студента, указалъ ему на меня, потомъ подозвалъ меня и прибавилъ: «такъ начинайте съ Богомъ во вторникъ».

А во вторникъ былъ день Козьмы и Даміана безсребренниковъ, день, въ который обыкновенно учить начинаютъ по преданіямъ...

Но видно преданіямъ вообще суждено было всегда носиться вокругъ меня, а не исполняться вполнѣ надо мною. Насталъ день покровителей ученья, посадили меня съ азбукой и сломанной указкой у окна и велѣли ждать учителя. Помню, что безсмысленно и вмѣстѣ тоскливо, ничего не замѣчая, ничего даже не думая и ни о чемъ противъ обыкновенія не мечтая, проглядѣлъ я съ часъ на улицу. Било одиннадцать, — срокъ назначенный для урока, — учитель не являлся. Съ мѣста меня сняли. Било двѣнадцать — учителя все не было. Пришолъ часъ обѣда, воротился отецъ изъ присутствія.

Дворянская амбиція въ немъ заговорила.

Воспитанникъ бывшаго Благороднаго пансіона, товарищъ по воспитанію Жуковскаго и Тургеневыхъ, онъ несмотря на здравый умъ свой и доброту души, былъ проникнутъ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ къ поповичамъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что въ семьѣ у насъ было множество родни духовнаго чина всякихъ подраздѣленій: отъ протоіереевъ до дьяконовъ и даже ниже. Впрочемъ это былъ ужь общій недостатокъ отца, старшей тетки и дяди, что они не любили разспросовъ о степеняхъ родства съ дядей ихъ протопопомъ Андреемъ Иванычемъ и другими лицами духовнаго вѣдомства. У отца же, кромѣ того, примѣшивалась спеціальная антипатія къ поповичамъ, вынесенная имъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона. Разказывая о своемъ пребываніи въ немъ, онъ никогда не забывалъ упомянуть о томъ, какъ они, дворянчики, обязанные слушать послѣдній годъ университетскія лекціи, перебранивались на лѣстницахъ университета съ настоящими студентами изъ поповичей, ходившими въ его время въ какихъ-то желтыхъ нанковыхъ брюкахъ въ сапоги и нелѣпыхъ мундирахъ съ желтыми воротниками.

Надо сказать правду, что и въ это время, въ 1828 году, некрасивъ былъ студенческій мундиръ: синій, съ красно-оранжевымъ ворот-

никомъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то полицейское, и университетская молодежь почти никогда не носила его, ходя даже и на лекціи въ партикулярномъ платьѣ.

Для отца, по старой памяти, понятіе о студентѣ сливалось съ понятіемъ о поповичѣ. Притомъ же амбиція произвела въ немъ мгновенно родовую вспышку, и когда студентъ явился вечеромъ, онъ принялъ его весьма сухо, и не смотря на его извиненія, отказалъ отъ уроковъ.

Такъ и неудалось мнѣ начать учиться въ день преподобныхъ Козьмы и Даміана.

Опять по старому принялась учить меня по складамъ мать, и такъ же точно по старому дальше буки-рцы-азъ—ра-бра мы не подвигались.

Наконецъ въ одни тоже осеннія, но уже ноябрьскія сумерки пріѣхалъ младшій товарищъ отца по службѣ, секретарь Дмитрій Ильичъ съ женою, красивою и крайне-веселою поповною, любимой ужасно моей матерью за живой и добрый характеръ и развлекавшей нерѣдко своей болтовней ея ипохондрическіе припадки. Объявили они за чаемъ, что вслѣдъ за ними будетъ ихъ «сродственникъ» отецъ Иванъ, священникъ одного подмосковнаго села Перова, съ сыномъ, молоденькимъ семинаристомъ, только-что вступившимъ въ университетъ и, разумѣется, на медицинскій факультетъ. Точно, не позже какъ черезъ часъ какой-нибудь, прибылъ отецъ Иванъ въ треухѣ и заячьей шубѣ, рослый, но худой старикъ съ значительной лысиной, оказавшейся по снятіи треуха. За нимъ выступалъ робкою поступью, съ потупленными долу очами, съ розовыми щеками, юноша, чуть не мальчикъ во фризовой шинели. Прехорошенькій былъ онъ тогда, какъ я его помню... Меня — а я какъ теперь его вижу — не поразила даже особенная сахарная сладость его физіономіи и маслянистость глазъ, которыя замѣтилъ я уже впослѣдствіи. Я даже не заревѣлъ.

Отецъ Иванъ и Дмитрій Ильичъ «осадили» въ вечеръ графина съ четыре ерофеичу на звѣробоѣ. Отецъ мой не пилъ съ ними, ибо уже лѣтъ десять тому назадъ бросилъ «заниматься этимъ малодушествомъ—пить», но усердно ихъ подчивалъ, былъ въ духѣ, а когда онъ былъ въ духѣ, онъ какъ-то невольно располагалъ всѣхъ къ веселости, подшучивалъ надъ Сергѣемъ Иванычемъ, — такъ звали моего будущаго юнаго наставника. Юный наставникъ, прикашливая по семинарски, краснѣя, запинался въ отвѣтахъ; для приданія себѣ «континенту», обратился ко мнѣ со спросомъ, какъ и чѣмъ я до него

занимался. Я помню, отвѣчалъ ему безъ малѣйшей запинки, и весело потащилъ его въ залу показывать мои игрушечныя богатства. Онъ не могъ скрыть своего изумленія, и отчего-то ужасно покраснѣлъ, увидавши мою младшую няньку.

Дѣло было порѣшено. Съ завтрашняго же дня Сергѣй Иванычъ долженъ былъ перебраться къ намъ.

Начиналось мое «ученье»...

ДѢТСТВО.

I.

СЕМИНАРИСТЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ настоящее время, когда, т. е. не то, что вы думаете — рѣчь вовсе не идетъ ни о прогрессѣ, ни о благодѣтельной гласности — въ настоящее время, когда литература поднимаетъ одинъ за однимъ слои нашего общества и выводитъ одинъ за другимъ разнообразные его типы, — типъ семинариста и его обстановка выдвигаются тоже изъ бывалой неизвѣстности. Но это типъ, измѣняющійся съ эпохами въ своемъ цвѣтѣ, хотя конечно имѣющій общія, кореннныя основы сущности. Типъ этотъ двоится, какъ всѣ основные типы нашей бытовой жизни, и литература покамѣсть разработываетъ, преимущественно въ очеркахъ г. Помяловскаго, одну его сторону, сторону кряжевого человѣка, твердой ногою завоевывающаго себѣ извѣстное первенство въ той или другой сферѣ жизни, тѣмъ или другимъ путемъ, положительнымъ или отрицательнымъ, это совершенно все равно. Выборъ пути зависитъ здѣсь отъ обстоятельствъ времени и жизненной обстановки, хотя исходная точка дѣятельности есть всегда отрицаніе. На отрицаніи кряжевой семинаристъ воспитался. An non spiritus existunt?.. дается ему задача; если она дана положительно, онъ говоритъ и долженъ сказать n e g o, и своей негаціей, своимъ отрицаніемъ добиться первенства въ этомъ вопросѣ. Еслибы школа давала тезисъ въ отрицательной формѣ: spiritus non existunt — онъ негировалъ бы негацію и вмѣсто того, чтобы быть матерьялистомъ и нигилистомъ, былъ бы идеалистомъ, e sempre bene! Кряжевой семинаристъ будетъ всегда жизненно правъ, всегда одержитъ практически побѣду,

ибо правы практически только смѣлые отрицатели: они помнятъ твердо, что gutta cavat lapidem, и бьютъ мѣтко въ одно мѣсто, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другія, не увлекаясь ничѣмъ, кромѣ поставленнаго ими вопроса, — даже намѣренно становятся глухи на всѣ возраженія мысли и жизни. Разъ извѣстный взглядъ улегся у нихъ въ извѣстную схему, будетъ ли эта схема — хрія инверса, административная централизація по французскому образцу, какъ у Сперанскаго, или фаланстера, какъ у многихъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей, — что имъ за дѣло, что жизнь кричитъ на прокрустовомъ ложѣ этой самой хріи инверсы, этого самаго административнаго или соціальнаго идеальчика? Ихъ же вѣдь ломали въ бурсѣ, гнули въ академіи — отчего же и жизнь-то не ломать?...

Мрачными и страшными чертами рисуетъ наша литература жизненную и воспитательную обстановку, приготовляющую практическихъ отрицателей, обнажая ее безпощадно, до цинизма, бичуя безъ милосердія, — да милосердія эта обстановка едва ли и заслуживаетъ. Пусть кричатъ отъ боли тѣ, кому больно: крикъ ихъ свидѣтельствуетъ только, что бичъ бьетъ мѣтко, бьетъ по чувствительнымъ мѣстамъ, — все равно, они стоятъ бичеванія. Вѣдь эта обстановка не почвой нашей, не народной жизнью дана: эта бурса такъ же точно намъ навязана, какъ навязана административная централизація, навязана только раньше, можетъ-быть незапамятно рано... Нечего ее жалѣть: это не наша родная обломовщина, виноватая только развѣ тѣмъ, что не даетъ на себя сѣсть верхомъ штольцовщинѣ...

Всѣмъ этимъ хочу я сказать, что литература, принявшаяся въ настоящее время за разработку этого слоя нашей жизни и его типовъ, совершенно права въ односторонности изображенія. Въ самой жизненной средѣ типъ являлся наиболѣе ярко только въ своей отрицательно-практической манифестаціи, будетъ ли эта манифестація — великій Сперанскій, дѣятель историческій, или въ жизненныхъ сферахъ процвѣтавшій Максютка Беневоленскій Островскаго... Парадоксальное и дикое сближеніе! скажутъ читатели. Больше чѣмъ парадоксальное и дикое, прибавлю, кощунственное сближеніе, ибо Сперанскій, по крайней мѣрѣ въ первую эпоху своей дѣятельности, руководился возвышеннѣйшими стремленіями, а Максютка Беневоленскій самодовольно треплетъ себя за хохолъ передъ зеркаломъ по поводу весьма незначительнаго въ исторіи обстоятельства, по поводу женитьбы, завершающей впрочемъ его завоеванія въ жизни; но вѣдь я нарочно и взялъ такія крайнія грани, какъ историческій Сперанскій и худо-

жественный Беневоленскій, для того, чтобы показать, какое важное значеніе имѣетъ повсюду въ нашей жизни этотъ типъ кряжевого семинариста, безстрашнаго отрицателя и завоевателя жизни.

Но у типа, какъ у всякаго преимущественно русскаго типа, есть другая сторона, другимъ образомъ проявляющаяся въ жизни. Раздвоеніе типа есть пожалуй общечеловѣческое, но у насъ оно какъ-то нагляднѣе.

Есть, по глубокому слову, кажется, Занда, des hommes forts, — люди сильные, и des hommes grands — люди великіе; есть, по глубокому же замѣчанію одного изъ оригинальнѣйшихъ и самостоятельнѣйшихъ мыслителей нашей эпохи, Эрнеста Ренана, des pensées étroites — мысли узкія, и des pensées larges — мысли широкія. «Только узкія мысли управляютъ міромъ», прибавляетъ Ренанъ, и это совершенно справедливо... Если такъ же нельзя закончить мысль Занда, то можно все-таки найти въ ней сродство съ мыслью Ренана. Есть люди широкіе: изъ нихъ дѣлаются или великіе люди, или Обломовы, и есть люди сильные, крѣпкіе, кряжевые, изъ которыхъ великіе люди бываютъ и даже часто, но Обломовы никогда. Одни отдаются жизни и всѣмъ ея вѣяніямъ, и благо имъ, если они геніи-представители вѣяній жизни; другіе завоевываютъ жизнь и обладаютъ ею. Одни не выполняютъ никакихъ преднамѣренныхъ цѣлей, а смотря по тому, въ какую пору они созданы, или отождествляются съ самою жизнью, или личность ихъ расплывается въ жизни; другіе какихъ-нибудь цѣлей да достигаютъ, цѣлей Сперанскаго или цѣлей Беневоленскаго: это зависитъ и отъ степени ихъ силы и даровитости, и отъ эпохи, въ которую они живутъ и дѣйствуютъ. Наша эпоха — я обращаюсь вновь отъ общаго положенія къ судьбѣ типа, о которомъ я началъ говорить — выдвинула много такихъ кряжевыхъ личностей съ отрицательною, теоретическою задачею. Мнѣ же лично эта сторона типа явилась уже въ годы университетской юности, въ могущественной и даровитой личности покойнаго Иринарха Введенскаго, но никакъ не прежде.

Эпоха, въ которую началось мое ученье, все до самаго университета шедшее подъ вліяніемъ семинаристовъ, была не та, которой провозвѣстникомъ явился потомъ Введенскій, и которой полные представители — Добролюбовъ и Помяловскій.

Жизнь живетъ протестомъ, но у протеста въ разныя эпохи разныя же точки отправленія, разные мотивы, разныя такъ сказать возбужденія. Полны были протеста и личности, окружавшія мое дѣтство, но протестъ ихъ не походилъ на теперешній. Всѣ они были

болѣе или менѣе идеалисты; — точнѣе и цвѣтнѣе сказать, романтики всѣхъ сортовъ и подраздѣленій, отъ романтиковъ буйныхъ и прожигавшихъ жизнь съ неистовствомъ русскаго человѣка до романтиковъ мечтательныхъ и сладкихъ; но во всякомъ случаѣ это были люди, вполнѣ отдававшіеся или по крайней мѣрѣ поддававшіеся жизни. Характеристическая особенность этихъ людей въ томъ, что въ противуположность теоретикамъ, отрицателямъ, централизаторамъ, они были всѣ почти, и въ особенности даровитые изъ нихъ, страстные поклонники изящнаго, и другая особенность, что почти никто изъ нихъ, и въ особенности даровитые, не сдѣлали никакой карьеры. Даже самые смирные изъ нихъ по жизненному взгляду достигли развѣ-развѣ профессорства. Даровитые же увлекавшіеся или прожигали жизнь, какъ одинъ замѣчательный пѣвецъ-дьяконъ, дошедшій наконецъ до того, что разстригся, или становились подъячими «пивогрызами», не достигая даже цѣлей Максютки Беневоленскаго, а тѣмъ менѣе умилительнаго спокойствія совѣсти Акима Акимыча Юсова.

Что же хорошаго въ этомъ типѣ? спроситъ читатель, подмѣтившій, можетъ-быть, въ тонѣ моемъ особенное расположеніе къ этому типу (что совершенно справедливо), и предположившій пожалуй (что уже совершенно несправедливо), что я даю этому типу преимущество передъ тѣмъ, который развился въ особенности въ настоящую эпоху. А вотъ изволите видѣть что: во-первыхъ погибшія даровитыя личности были все-таки страшно даровиты, и безумное буйство ихъ силъ свидѣтельствуетъ какъ хотите о богатствѣ природы; немногіе же уцѣлѣвшіе и правильнѣе развившіеся были полные, цѣльные люди, съ дѣятельностью въ высшей степени плодотворною. Довольно указать въ этомъ случаѣ хоть на покойнаго Петра Николаевича Кудрявцева, который невиноватъ же тѣмъ, что онъ слишкомъ рано сталъ покойникомъ. Я указываю нарочно на личность, по поводу которой не можетъ возникнуть ни сомнѣній, ни недоразумѣній ни въ одномъ изъ нашихъ лагерей, и которую никакъ нельзя отнести къ типу кряжевыхъ семинаристовъ, хотя собственно Кудрявцевъ принадлежитъ къ другому, позднѣйшему пласту, къ пласту моихъ товарищей, а не руководителей по отношенію къ развитію. Кудрявцевъ былъ самый даровитый и гармоническій изъ семинаристовъ-романтиковъ. Въ немъ, несмотря на гармоничность и исключительность его природы, мелькали даже порою комическія стороны типа сентиментальнаго романтика, и одна злая, хотя дружеская эпиграма рѣзко выразила эти комическія черты въ стихѣ: «Педантъ, вареный на меду»...

Но ни въ комъ, какъ мнѣ кажется, комическія стороны сентиментальнаго романтизма не совмѣстились такъ рѣзко, какъ въ моемъ юномъ наставникѣ.

Сергѣй Иванычъ рѣшительно весь былъ созданъ изъ сердца, и это сердце было необычайно мягкое и впечатлительное. Нервичность его была совершенно женская, и я рѣшительно не понимаю, какъ этотъ человѣкъ могъ быть на медицинскомъ факультетѣ, учиться анатоміи, стало быть рѣзать трупы, да еще кончить курсъ лекаремъ перваго отдѣленія, даже съ звѣздочкой, т. е. въ числѣ эминентовъ. Разъ онъ упалъ въ обморокъ, неосторожно обрѣзавши себѣ ноготь большого пальца и вообразивши, что у него дѣлается антоновъ огонь, о которомъ онъ только что прослушалъ, кажется, лекцію; другой разъ — цѣлая долгая исторія происходила по поводу того, что у него надобно было вырѣзать вередъ подъ мышками. Съ этою женскою, или лучше сказать бабьею мягкостью натуры, соединялось самолюбіе совершенно пѣтушиное и удивительно способное къ самообманываніе. Настоящей страстности въ немъ не было, но зато былъ постоянный неугомонный зудъ страстности, и зудилъ же онъ, зудилъ себя паче мѣры — и стихами, и прозой, и разными любвями, начинавшимися у него какъ-то по заказу, и о которыхъ я раскажу въ слѣдующей главѣ все, что помню, разскажу потому, что онѣ характеризуютъ ту эпоху. Въ немъ была такъ же способность къ энтузіазму, и пусть въ немъ она была дешева и кончилась ничѣмъ, на меня она хорошо подѣйствовала. А впрочемъ, хорошо или дурно, — это Богъ знаетъ.

Въ семьѣ нашей и въ домашнемъ быту была та особенность, что всякій, кто входилъ въ нее болѣе или менѣе волею и неволею, становился ея членомъ, заражался хотя на время ея особеннымъ запахомъ, даже подчинялся, хоть съ ропотомъ и бунтомъ, тому, что мы впослѣдствіи называли съ Фетомъ домашнею «догмою», развившеюся въ позднѣйшее время до примѣрнаго безобразія, исключительности и самости. Дѣло вовсе не въ томъ, что у насъ былъ заведенный порядокъ—гдѣ же его не бываетъ? нѣтъ, у насъ постоянно все болѣе и болѣе узаконивались, становились непреложными вещи антираціональныя, такъ что впослѣдствіи посягнуть на священность и неприкосновенность правъ на пьянство и буйство повара Игнатья было дѣломъ не совершенно безопаснымъ. Но такъ сдѣлалось уже впослѣдствіи... Сначала особенность нашего домашняго быта захватывала человѣка какъ-то полегче. Бѣда въ томъ только, что если

человѣкъ мало мальски былъ мягокъ, онъ становился чѣмъ-то вродѣ домашняго шута.

И это вотъ почему. Отецъ мой, несмотря на свой замѣчательный умъ и на достаточное, хотя внѣшнее, и потому совершенно заглохшее безъ пользы для него и для другихъ образованіе, былъ по натурѣ юмористъ и юмористъ, какъ всякій русскій человѣкъ, безпощадный. Собственно говоря и щадить-то ему было нечего. Идеала жизненнаго и моральнаго передъ нимъ не стояло никакого: пластъ людей, современныхъ ему и тревожно искавшихъ идеала, отыскивалъ его уже въ это время, быть можетъ, «въ мрачныхъ пропастяхъ земли», а онъ принадлежалъ къ благоразумному большинству. Это благоразумное большинство той эпохи оставило намъ наивный и по наивности своей драгоцѣнный памятникъ въ «Дневникѣ студента». Если читатели незнакомы съ этой замѣчательной по своей безъискуственности книгою, совѣтую имъ прочесть ее. Духъ отцовъ нашихъ, вызвавшій пламенное бичеванье Грибоѣдова, дышетъ въ ней.

Отецъ мой смѣялся, или лучше сказать потѣшался добродушнѣйшимъ образомъ надъ всякимъ чувствомъ, любилъ натравливать на чувство всякаго, въ комъ онъ подмѣчалъ какую-либо впечатлительность, и въ моемъ наставникѣ имѣлъ для себя субъектъ, неоцѣненный по этой части, влюбляя его каждый мѣсяцъ и разъяряя его ежедневно. Онъ даже чувствовалъ какую-то антипатію къ личностямъ, сколько-нибудь серьознымъ и неподдававшимся на его удочку. Надъ Сергѣемъ Ивановичемъ онъ имѣлъ огромное вліяніе, даже образовывалъ его по-своему, не замѣчая, что самъ отстаетъ, если не совсѣмъ отсталъ уже отъ образованія эпохи. Сергѣй Иванычъ слушался его во всемъ, и въ любовныхъ своихъ похожденіяхъ и даже въ костюмировкѣ, тоже не замѣчая по добродушію и самолюбію, что въ любовныхъ своихъ интригахъ онъ былъ его шутомъ, а въ костюмировкѣ и манерахъ могъ избрать себѣ менѣе отсталаго руководителя. Но посудите сами, какъ же было ему, семинаристу мягкаго типа, крайне падкому до образованія, не слушаться человѣка, который говорилъ по французски и учился въ Благородномъ пансіонѣ? Отецъ нерѣдко вмѣшивался даже въ его товарищескія связи, устраняя своимъ вліяніемъ людей буйныхъ, т. е. такихъ, которые мало были способны подчиниться его «асандану» (это было одно изъ любимыхъ его словъ), и «протежируя» личности, оказывавшія любовь къ тому, что считалъ онъ образованіемъ.

Зато личности, «протежируемыя» отцомъ и даже сколько-нибудь терпимыя, ходили безпрепятственно во всякое время, имѣли право сидѣть хоть во время класса и вообще цѣлые дни до условнаго догматическаго часа. Догматическій часъ, часъ, когда весь домъ долженъ былъ спать de jure и когда de facto начинался полнѣйшій разгулъ всякаго блуда, пьянства и безобразія, постепенно шолъ къ десяти часамъ вечера, но въ ту пору было еще не такъ. Въ десять часовъ только-что кончался день для посторонних. Сергѣй Иванычъ шолъ изъ своей комнатки въ спальню отца и матери и часто до часу читалъ имъ, а иногда даже и до двухъ. А моя дѣтская была подлѣ спальни, и все я слышалъ, что читалось по ночамъ Сергѣемъ Иванычемъ, какъ все слышалъ я, что читалось по вечерамъ отцомъ, ибо они чередовались.

Чтеніе было у насъ по истинѣ азартное впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Оно имѣло огромное вліяніе на мое моральное развитіе. По распущенности ли, по невѣрію ли въ то, что книжки дѣло серьозное, какъ будто не замѣчали, что я сижу въ углу по вечерамъ вмѣсто того, чтобы играть въ игрушки, и не сплю ночи, слушая съ лихорадочнымъ трепетомъ «Таинства Удольфскаго замка», «Итальянца», «Дѣтей дон-претскаго абатства» и проч. и проч. И въ концѣ концовъ я вѣдь глубоко благодаренъ моему воспитанію за то, что не обращали вниманія на мое внимательное слушаніе. Я, славу Богу, никогда не зналъ «Дѣтскихъ книжекъ», и если глубоко ненавижу ихъ, то право самъ дивлюсь своей совершенно безкорыстной къ нимъ ненависти. Мнѣ ихъ иногда и покупали, но не требовали, чтобы я читалъ ихъ; пресыщенный игрушками, которыми, я былъ заваленъ, я вырѣзывалъ изъ нихъ картинки.

Тоже и въ первоначальномъ ученьи моемъ, не смотря на его безобразную безпорядочность, была своя хорошая сторона, и можетъ быть именно эта самая безобразная безпорядочность. Собственно учился я тогда мало, но сидѣлъ надъ ученьемъ... чрезвычайно много. То, что давалось мнѣ легко, я разумѣется вовсе не училъ; то, что могло вдолбиться несмотря на мою лѣнь, при моихъ довольно счастливыхъ способностяхъ, какъ напримѣръ латинскій языкъ, которому началъ я учиться съ русской грамотой вмѣстѣ, вдолбилось вслѣдствіе сидѣнья по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ Сергѣя Иваныча за гнусною книжкою граматики Лебедева; то, къ чему я вовсе не имѣлъ способностей, какъ математика, вовсе и не вдолбилось... ma tanto meglio! А все же таки я, не прошедшій «огня и мѣдяныхъ трубъ» бурсы и

семинаріи—семинаристъ по моему первоначальному образованію, чѣмъ, откровенно сказать, и горжусь.

Помню я какъ теперь эту заднюю, довольно грязноватую, выходившую окнами на дворъ комнатку, отведенную для житья Сергѣю Иванычу и назначенную вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего ученья, съ ея ветхою мебелью, съ дырявымъ и чернилами проѣденнымъ столомъ у окошка, съ темно-кожанымъ изорваннымъ диваномъ—обиталищемъ мильоновъ клоповъ, съ черепомъ на шкапу, необходимымъ атрибутомъ всякаго студента-медика... Сколько слезъ лилось въ ней по утрамъ, надъ проклятыми арифметическими задачами, и какъ весела она была для меня, начиная съ пяти и до десяти часовъ, когда ученья ужь не было, когда я былъ въ ней гостемъ, посреди другихъ гостей Сергѣя Иваныча, студентовъ разныхъ факультетовъ... Какъ дорого мнѣ воспоминаніе о ней, объ этой грязной комнаткѣ въ долгія сумерки, когда бывало Сергѣй Иванычъ заляжетъ на дырявый диванъ и я свернусь около него клубочкомъ. Свѣчей нѣтъ, онъ заставляетъ меня шарить у себя въ его мягкихъ, нѣсколько кудреватыхъ волосахъ, а самъ, если не фантазируетъ вслухъ о своихъ любвяхъ, то разсказываетъ, и хорошо разсказываетъ, римскую исторію, и великія личности Брутовъ и Цинциннатовъ, Камилловъ и Маріевъ, исполинскими призраками встаютъ передъ моимъ впечатлительнымъ воображеніемъ... Вѣчная память этой грязной комнаткѣ! Вѣчная память и тебѣ, мой добрый наставникъ, если ты уже умеръ, и дай Богъ тебѣ долгихъ дней, коли ты еще живъ и не спился, а спиться—увы, по моему крайнему разумѣнію, судя по даннымъ твоей романтической натуры,—въ захолустьѣ одного изъ тѣхъ городовъ, которыхъ «чортъ три года искалъ», куда судьба бросила тебя уѣзднымъ лекаремъ, ты долженъ былъ непремѣнно.

II.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ.

Да! я хорошо тебя помню, продолговатая грязненькая комнатка, хотя ты никогда не называлась классною, а была просто помѣщеніемъ Сергѣя Иваныча; помню тебя во всякіе часы дня, со всѣми различными перемѣнами декораціи.

Зимнее утро чуть-чуть еще брезжитъ сквозь занавѣски моей кроватки, которую постоянно, въ предотвращеніе послѣдствій моей

рѣзвости до сна и нервной подвижности во снѣ, задвигали досками. Часовъ семь, а отецъ уже кашляетъ въ сосѣдней комнатѣ,—значитъ проснулся, но еще не встаетъ, ибо у него была прекрасная и до старости уцѣлѣвшая привычка не будить людей до урочнаго часа, хотя онъ просыпался обыкновенно раньше. Но вотъ онъ всталъ, вотъ загремѣли чашки, вотъ, слышу я, глухой Иванъ вскочилъ съ громомъ съ залавка передней: сейчасъ, значитъ, самоваръ поставятъ. И я подаю знаки жизни. Младшая нянька моя, ибо старшая давно уже перешла въ званіе кухарки, обуваетъ меня, одѣваетъ (а обували и одѣвали меня лѣтъ чуть не до тринадцати, пока наконецъ не застыдилъ меня дядя, о которомъ рѣчь будетъ впереди). Я иду къ отцу здороваться, прочтя разумѣется напередъ молитвы, по-русски и по латини, по какому-то латинскому букварю. Затѣмъ наливается мнѣ отцомъ большущая чашка чаю, въ которую кладется такое огромное количество сахара, что и теперь тошнитъ при одномъ воспоминаніи, а тогда не тошнило. Отецъ по обыкновенію молчаливъ, пока не напился чаю; затѣмъ начинаетъ чѣмъ-нибудь дразнить меня, если въ духѣ, и посылаетъ чай Сергѣю Иванычу, приказывая будить его хорошенько; наконецъ дѣлаетъ мнѣ чай на цѣлый день до вечера, ибо меня, какъ дитя дворянское и нѣжное, поили почему-то чаемъ, какъ теленка-молокомъ... Я веселъ или не веселъ, смотря по тому, жаловался-ли на меня наканунѣ вечеромъ Сергѣй Иванычъ или не жаловался, что впрочемъ было всегда дѣломъ чисто случайности и расположенія духа наставника, зависѣвшаго болѣе или менѣе отъ удачи или неудачи сердечныхъ дѣлъ, ибо жаловаться на меня было всегда за что. Невеселъ я впрочемъ,—если только не веселъ,—вовсе не потому, чтобы отца боялся: его я точно боялся, до запуганности въ рѣдкія минуты его вспыльчивыхъ припадковъ, которые могли обрушиться точно такъ же случайно и въ одинаковой степени на меня, какъ и на кучера Василья,—но онъ сорветъ сердце на комъ-нибудь, да и дѣло съ концомъ, на другой день ни о чемъ уже и помину нѣтъ, но мать—мать будетъ неумолчно и ядовито точить во все долгое время ея чая и не менѣе долгое же время чесанья волосъ моихъ частымъ гребнемъ, прибирая самыя ужасныя и оскорбительныя для моей гордости слова... Вотъ и мать встаетъ, я подхожу къ ея постели или съ трепетомъ или безъ трепета, опять смотря по тому, пожаловался ли на меня Сергѣй Иванычъ за лѣнь, пожаловались ли на меня или нѣтъ хозяйскія барышни за неприличныя шалости. Розги я не зналъ никогда; меня только разъ постра-

шали ей да и то за то, что я наклеилъ на подолъ хозяйской горничной бумажку съ именемъ Ивана глухого—ея любовника... Кончены наконецъ предварительныя муки ранняго утра до девяти часовъ. Отъ нравственнаго и головного чесанья бѣгу я, какъ «алалай», въ комнату Сергѣя Иваныча...

Но и тутъ не легче. Строгъ и мраченъ Сергѣй Иванычъ по утрамъ, т. е. или напускаетъ на себя строгость и мрачность, или дѣйствительно печаленъ отъ какой-либо неудачи. Въ послѣднемъ случаѣ—бѣда: всѣ исключенія третьяго склоненія потребуетъ и ужасную арифметическую задачу задастъ, а выучить изъ священной исторіи строкъ сколько!.. Задастъ онъ урокъ и уйдетъ часа на три въ университетъ... а ты тутъ безъ него сиди въ столовой у окошка, да долби, или хоть не долби, а сиди надъ книжкою. Мать, бранясь въ сосѣдней комнатѣ то съ глухимъ Иваномъ или за то, что онъ вѣчно «какъ мужланъ» охабку дровъ брякнетъ объ полъ или соловья окормилъ гречневою кашею, которая впрочемъ по его возраженію сама въ клѣтку прыгнула, или съ Лукерьей, которую постоянно и поѣдомъ ѣла она за грѣхи противъ цѣломудрія, или съ старой нянькой моей Прасковьей, призываемой нарочно въ важныхъ случаяхъ изъ кухни,— мать моя, занимаясь однимъ словомъ хозяйственными заботами, строго наблюдаетъ, чтобы я до кофею и послѣ кофею сидѣлъ за урокомъ. Ну, и сижу я. Священную исторію, я знаю, что слово въ слово ни за что не выучу; арифметическую задачу и пытаться рѣшать нечего; въ третьемъ склоненіи, я ужь навѣрно собьюсь и просклоняю iter-iteris, а не itineris... Штука скверная, но «грозенъ сонъ да милостивъ Богъ!» пробѣжаться въ кухню для прохлады и воздуха... Тамъ ужь Василій собирается вѣроятно лошадь закладывать, за отцомъ въ присутствіе ѣхать, и, покамѣсть подкрѣпляетъ свои жизненныя силы, отъ него всегда услышишь что-либо новое и обогатишь свои познанія въ непечатной рѣчи, а тутъ, пожалуй, въ сѣняхъ горничная хозяевъ всунетъ въ руку записочку Сергѣю Иванычу отъ старшей хозяйской дочери, а пожалуй и сама Софья Ивановна урвалась отъ строгой матери и мимолетомъ шепчетъ: «скажите, Аполоночка, что я въ пять часовъ на галерею на минуту выду»... Но бывали времена послѣ нѣсколькихъ сряду повторявшихся жалобъ Сергѣя Иваныча на лѣность, что мать и прохладиться сбѣгать не позволяетъ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы я сидѣлъ у окна съ книжкой. Тогда я все-таки не урокъ учу, а мечтаю; цѣлые романы создаются въ моемъ воображеніи до того живо, хоть и не складно, что

я умиляюсь и плачу надъ создаваемыми мною плѣнными или преслѣдуемыми красавицами и героическими рыцарями. Мечты свои я держу въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ Сергѣя Иваныча, держу въ тайнѣ, потому что мнѣ самому совѣстно и стыдно, а совѣстно и стыдно потому, что я самъ являюсь тутъ героемъ, и вѣдь сознаю, что въ мои лѣта еще неприлично такъ мечтать. Хитрость, орудіе раба, рано во мнѣ развивается и я показываю всегда видъ, что ничего неприличнаго не понимаю. Да и точно, не понимаю я вполнѣ, но что-то странное смутно предугадываю и, хоть мнѣ еще семь-восемь лѣтъ, что-то странное смутно чувствую подлѣ женщинъ... На бѣду еще, въ этотъ годъ гостила у насъ недѣлю дочь сосѣдки отца по деревнѣ. Ее отпустили къ намъ изъ пансіона, и она была уже дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прехорошенькая брюнетка, вострая и живая: недѣля жизни съ нею, недѣля, въ которую и мнѣ дали полнѣйшій отдыхъ отъ ученья, догадавшись можетъ-быть, что я одурѣлъ отъ него, недѣля эта промелькнула какъ сонъ, но чѣмъ-то теплымъ и даже сладкимъ отзывается память о ней, объ этой недѣлѣ, объ играхъ въ горѣлки рука съ рукою съ Катенькой, объ играхъ въ гулючки, когда мы съ Катенькой прятались въ одномъ мѣстѣ и, прижимаясь другъ къ другу, таили дыханія, чтобъ насъ не было слышно; объ осеннихъ сумеркахъ вдвоемъ на одномъ креслѣ съ нею, когда что-то колючими и сладкими искрами бѣгало по моему составу... И разумѣется, въ создаваемыхъ дѣтскимъ воображеніемъ романахъ плѣнная красавица—Катенька, и рыцарь—я. Но повторяю: никто этого не знаетъ... Если я теперь могу въ этомъ признаться—то вѣдь право я, какъ и всѣ вѣроятно—обязанъ этимъ Толстому, обязанъ новой эпохѣ.

Въ нашей эпохѣ не было искренности передъ собою; немногіе изъ насъ добились отъ себя усиленнымъ трудомъ искренности, но Боже! какъ болѣзненно она намъ досталась. Даже въ Толстомъ, который одной ногою все-таки стоитъ въ бывалой нашей эпохѣ, очевидны слѣды болѣзненнаго процесса.

Но возвращаюсь къ моему дню того времени. Изъ университета Сергѣй Иванычъ приходилъ то раньше, то позже, смотря по количеству лекцій. Рѣдко ходилъ онъ туда въ вицмундирѣ, товарищей же его, такихъ же какъ онъ студентовъ, я никогда и не видывалъ въ вицмундирахъ; мундировъ же ни у него, ни у нихъ и въ заводѣ кажется не было... Если онъ приходилъ рано, часу въ первомъ, прослушаніе уроковъ совершалось до обѣда, т. е. до пріѣзда

отца изъ присутствія; если поздно, то вечеромъ часовъ въ шесть, послѣ чаю. Вообще же положенныхъ часовъ на классъ у насъ не было, да и самаго слова «классъ» не употреблялось, и если я ненавижу классный порядокъ и классную дисциплину какъ и дѣтскія книги, то это опять-таки безкорыстно, по своей фрондерской натурѣ. Если у меня было какое-либо порученіе отъ Софьи Ивановны, то я являлся, не зная никогда урока, съ смиренномудрымъ и вмѣстѣ наглымъ видомъ; если нѣтъ—корчилъ плачевную физіономію и плачевно подавалъ сумбуръ цыфръ вмѣсто арифметической задачи, нахально вралъ iter iteris, и неисправимо смѣшивалъ Іероваамовъ съ Ровоамами, Ахавовъ съ Іосафатами. Не знаю почему, Сергѣй Иванычъ постоянно всѣмъ и всегда говорилъ, что у меня блестящія способности и отличное сердце: уроковъ я не зналъ положительно никогда, а прекрасное сердце мое выражалось только въ упорномъ нахальствѣ вранья и въ обильныхъ токахъ дешовыхъ слезъ... Дѣло кажется въ томъ, что Сергѣй Иванычъ, хоть и одинъ изъ честнѣйшихъ и простодушнѣйшихъ юношей той эпохи, учить вовсе не умѣлъ, или нѣтъ, не то что не умѣлъ,—можетъ быть и умѣлъ бы, если бы отрекся отъ методъ, по которымъ самъ учился... Но на эти методы онъ не смѣлъ посягнуть. Какъ его учили, такъ онъ и меня училъ: ему задавали «отъ сихъ до сихъ», и онъ задавалъ; ему вдолбили лебедевскую граматику со всѣми задачами, онъ и мнѣ ее вдалбливалъ—но увы! онъ не догадывался, что я давно открылъ источники разныхъ задаваемыхъ имъ латинскихъ темъ въ «гнусной книжкѣ» De officiis, хотя задавая задачи онъ отходилъ съ нею въ уголокъ, а уходя въ университетъ запиралъ ее въ одинъ изъ ящиковъ кровати, къ которому давно подобралъ я ключъ и который впослѣдствіи просвѣтилъ меня на счетъ многихъ таинствъ природы, когда въ немъ завелись нѣкоторыя красками илюминованныя изображенія... а все-таки, какъ бы то ни было, а лебедевская граматика вдолбилась такъ, что въ латинскихъ разговорахъ Сергѣя Иваныча съ товарищами мало было для меня непонятнаго, и разумѣется, въ особенности понятно было то, чего понимать мнѣ не слѣдовало. Розанова лексиконъ былъ лексиконъ не церемонный.

Наконецъ, отецъ возвращался изъ присутствія часамъ къ двумъ, коли не было какихъ-либо срочныхъ дѣлъ или ревизіи. Начиналось священнодѣйствіе, называемое обѣдомъ...

Да! у насъ именно это было священнодѣйствіе, къ которому приготовлялись еще съ утра, заботливо заказывая и истощая всю

умственную дѣятельность въ изобрѣтеніи различныхъ блюдъ. Не здѣсь еще мѣсто говорить о томъ безобразіи, до котораго доходило въ нашемъ быту служеніе мамону... Оно дошло до крайнихъ предѣловъ своихъ въ другую эпоху, эпоху моего отрочества и ранней юности...

Кончался обѣдъ, и опять послѣ маленькаго промежутка начиналось наше ученіе, длившееся болѣе или менѣе не по степени моихъ успѣховъ, а по степени вины, такъ что оно всегда являлось въ видѣ наказанія. Странная система конечно, но дѣло въ томъ, что это все дѣлалось не по системѣ, а такъ.

Вечеръ, то-есть обычный вечеръ, повседневный вечеръ, проводимъ былъ мною на коврѣ въ залѣ, гдѣ, окружонный дворовыми и пресыщенный своими игрушками, я находилъ разумѣется болѣе интереса въ живыхъ людяхъ, меня окружавшихъ, въ ихъ радостяхъ и печаляхъ... въ играхъ съ ними въ карты, особенно въ такъ-называемые **короли**, а втихомолку и по **носкамъ**, причемъ я обижался, если мой барскій носъ щадили, когда онъ провинился,—въ играхъ въ жмурки, гулючки и проч. Но нерѣдко все это мнѣ наскучивало: какая-то странная, болѣзненная тоска томила меня...

Въ девять часовъ люди обыкновенно уходили ужинать, и ужинали обыкновенно долѣе часу; все это время я сидѣлъ въ столовой, гдѣ уже происходило чтеніе разныхъ романовъ Анны Радклифъ или г-жи Коттень. Въ десять меня укладывали, но чтеніе продолжалось въ сосѣдней комнатѣ, и я никогда не засыпалъ до конца его, то-есть до часу или до двухъ ночи.

То былъ особый міръ, особая жизнь, непохожая на эту дѣйствительность, жизнь мечты и воображенія, странная жизнь, по своему могущественному вліянію столь же дѣйствительная, какъ сама такъ-называемая дѣйствительность.

III.

ТОВАРИЩИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ.

Да! я помню, живо помню тебя, маленькая, низкая проходная комната моего наставника, съ окномъ выходившимъ на «галдарейку», надъ которой была еще другая «галдарейка», галдарейка мезонина и мезонинныхъ барышенъ, хозяйкиныхъ дочерей,—комната съ полинявшими до крайней степени, безцвѣтными обоями, съ кожаной софою, изъѣденной безчисленными клопами, и съ портретомъ какой-то

«таинственной монахини» въ старой рамкѣ съ вылинявшею позолотою надъ этой допотопною софою... Подъ вечеръ Сергѣй Ивановичъ, пока еще не зажгли свѣчей, въ часъ «между волка и собаки» ложился на нее—и я тоже подлѣ него. Онъ обыкновенно запускалъ свою очень нѣжную и маленькую руку въ мои волосы, игралъ ими и разсказывалъ мнѣ древнюю исторію или фантазировалъ на темы большею частію очень странныя. До неестественности впечатлительный, онъ не безплодно слушалъ отцовское (т. е. моего отца) чтеніе романовъ Радклифъ или Дюкре-Дюмениля: ему самому все хотѣлось стать героемъ какой-нибудь таинственной исторіи — и почему-то къ этой таинственной или просто нескладно-дикой исторіи онъ припутывалъ и меня.

Но о немъ и его странныхъ бесѣдахъ со мною—послѣ.

Комнатка подъ вечеръ становилась почти каждый день мѣстомъ сходки студентовъ, товарищей моего учителя. Его когда-то любили, хоть онъ и не блисталъ особенной талантливостью, и къ нему ходили, потому что онъ самъ рѣдко выходилъ изъ дому. Онъ вообще долгое время былъ поведенія примѣрнаго.

Онъ былъ, какъ я уже сказалъ, очень молодъ и главное мягокъ какъ воскъ. Кромѣ того, отецъ его и его родные отдали его въ семейный домъ, извѣстный столько же строгостью нравовъ, сколько радушіемъ и хлѣбосольствомъ, отдали такъ сказать «подъ начало» къ человѣку, который въ своемъ кругѣ считался въ нѣкоторомъ родѣ свѣтиломъ по уму и образованію и даже по-французски говорилъ нерѣдко съ совѣтниками губернскаго правленія или съ самими вицъ-губернаторами, производившими каждый годъ такъ называемую «ревизію» въ весьма низменномъ и невзрачномъ тогда мѣстѣ, называвшемся Московскимъ магистратомъ.

Мой отецъ дѣйствительно имѣлъ на своихъ товарищей, и уже тѣмъ болѣе на молоденькаго семинариста то, что называлъ онъ «асанданъ»... Да и любилъ же онъ, покойникъ, и употреблять (нерѣдко злоупотреблять) и показывать этотъ «асанданъ»... Умный и добрый по природѣ, онъ основывалъ свой, этотъ, милый сердцу его, «асанданъ» не на умѣ и добротѣ, а на плохомъ французскомъ языкѣ да на лоскутьяхъ весьма поверхностнаго образованія, вынесеннаго имъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона... Кромѣ того, крѣпко засѣла въ его натуру да и въ натуру всѣхъ членовъ нашего семейства честь дворянскаго сословія, можетъ быть именно потому крѣпко засѣла, что происхожденіе ея, этой сословной чести, не терялось въ

неизвѣстности какъ источники Нила—а просто на просто сказывалось родствомъ изъ духовенства по мужеской линіи да вольноотпущенничества по женской.

И странное это дѣло! Ну, добро бы отецъ, не смотря на свой умъ, все-таки человѣкъ весьма прозаическій, былъ заражонъ этою сословною честью! Старшая тетка, экзальтированная до пониманія многихъ возвышенныхъ вещей, съ увлеченіемъ читавшая Пушкина и съ жаромъ повторявшая «исповѣдь Наливайки», и та скрывала отъ себя источники нашего Нила, а дядя—впечатлительный головою до всяческаго вольнодумства—терпѣть не могъ этихъ источниковъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что если эти страницы и теперь попадутся моей старшей теткѣ, которая и сама можетъ быть не подозрѣваетъ, какъ много она имѣла вліянія на мое отроческое развитіе своей, по формамъ странной, но страстной и благородной экзальтаціей,—я увѣренъ, говорю я, что моя плебейская искренность и теперь даже сдѣлаетъ на нее очень непріятное впечатлѣніе.

Всю эту рѣчь велъ я къ тому, чтобы объяснить свойство того «асандана», который имѣлъ мой отецъ на моего наставника и которымъ обусловливалось многое, почти что все въ обстановкѣ жизненной этого послѣдняго,—обусловливалось уже всеконечно и его товарищество. Живя въ семейномъ домѣ и притомъ почти какъ членъ семьи, откармливаемый на славу и хотя вознаграждаемый денежно весьма скудно, но не имѣвшій возможности найти себѣ что-либо повыгоднѣе, — онъ конечно долженъ былъ хотя-нехотя сообразоваться со вкусами и привычками дома.

Кто ходилъ къ нему, тотъ большею частію становился общедомашнимъ знакомымъ, стало быть такъ или иначе приходился «ко двору», а кто ко двору не приходился, тотъ, навѣрно всегда можно было сказать, ходилъ не долго.

А между тѣмъ университетъ, къ которому принадлежалъ мой юный наставникъ былъ университетомъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ и притомъ университетъ Московскій—университетъ весь полный трагическихъ вѣяній недавней катастрофы и страшно отзывчивый на все тревожное и головокружительное, что носилось въ воздухѣ подъ общими именами Шеллингизма въ мысли и романтизма въ литературѣ, университетъ погибавшаго Полежаева и другихъ.

Я бы могъ по источникамъ той эпохи, довольно близко мнѣ знакомымъ, наговорить много объ этомъ тревожномъ университет-

скомъ поколѣніи, но я поставилъ себѣ задачею быть историкомъ только тѣхъ вѣяній, которыя самъ я перечувствовалъ, передать цвѣтъ и запахъ ихъ, этихъ вѣяній такъ, какъ я самъ лично припоминаю и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ на меня дѣйствовали.

Ясное дѣло, что ни съ Полежаевымъ, ни съ кругомъ подобныхъ этой волканической личности людей мой Сергѣй Ивановичъ не былъ и не могъ быть знакомъ, какъ по своей мягкой и ослабленной натурѣ, такъ и по своей обстановкѣ, по свойству того «асандана», которому онъ подчинился.

Ему это впрочемъ и тяжело-то особенно не было. «Романтизмъ» коснулся его натуры только комическими сторонами, т. е. больше на счетъ чувствій, да развѣ изрѣдка на счетъ пьянства, но ни стоять по вечерамъ на тротуарныхъ столбикахъ передъ окнами низенькихъ домовъ Замоскворѣчья, ни даже изрѣдка предаваться пьянству «асанданъ» не воспрещалъ ему нисколько. Похожденія его «асанданомъ» даже поощрялись, потому что служили не малою потѣхою въ однообразной домашней жизни. А пьянство—какъ извѣстно всѣмъ, «даже не учившимся въ семинаріи»—и порокомъ-то вообще не считается въ обычномъ земскомъ быту...

Буйства, буйства въ различныхъ его проявленіяхъ, неуваженія къ существующему боялся мой отецъ... Вотъ чего!.. Запуганный съизмальства кряжовымъ деспотизмомъ кряжоваго человѣка, каковъ былъ мой дѣдъ, хоть не физически, но морально забитый до того, что изъ Благороднаго пансіона никакихъ впечатлѣній не вынесъ онъ, кромѣ стихотворенія

Танцовальщикъ танцовалъ,
А сундукъ въ углу стоялъ;

никакихъ воспоминаній, кромѣ строгости инспектора, барона Девильдье,—разошедшійся почти тотчасъ же по выходѣ изъ заведенія съ товарищами, изъ которыхъ многіе стали жертвою катастрофы, и ошеломленный этою катастрофою до ея положительнаго непониманія,—онъ если не былъ убѣжденъ въ томъ, что

Ученость—вотъ чума, ученость—
Вотъ причина!

то за то вполнѣ чувствовалъ глубокій смыслъ пословицы, что «ласково телятко двѣ матки сосетъ»—и какъ разсудочно-умный человѣкъ инстинктивно глубоко разумѣлъ смыслъ нашей общественной

жизни, гдѣ люди дѣлились тогда очень ярко на двѣ категоріи: на «людей большихъ» и «людей маленькихъ»... Ну, большому кораблю большое и плаваніе,—а маленькіе люди всячески должны остерегаться буйства.

Буйные люди, стало быть, не ходили къ моему наставнику, а ходили все люди смирные: только нѣкоторые изъ нихъ въ пьяномъ образѣ доходили до сношеній болѣе или менѣе близкихъ съ городскою полиціею, да и такіе были впрочемъ у отца на дурномъ замѣчаніи, и болѣе или менѣе скоро выпроваживались то тонкою политикою, то—увы! въ случаѣ внезапныхъ приливовъ самодурства—и болѣе крутыми мѣрами: отъ строгихъ увѣщаній Сергѣю Ивановичу до звѣрообразныхъ взрывовъ, свойственныхъ вообще нашей, весьма взбалмошной, хоть и отходливой сердцемъ породѣ.

Но смирнымъ, «нѣжнымъ» сердцамъ отецъ нисколько не мѣшалъ. Напротивъ, самъ бывало придетъ, балагуритъ съ ними, неистощимо и интересно разсказываетъ преданія временъ Екатерины, Павла, двѣнадцатаго года, сидитъ чуть не до полночи въ табачномъ дыму, отъ котораго бывало хоть «топоръ повѣсь» въ воздухѣ маленькой комнатки; а поймаетъ нѣкоторыхъ, такъ сказать своихъ любимцевъ, и въ парадныя комнаты позоветъ—и «торжественнымъ», т. е. не обычнымъ чаемъ угощаетъ часовъ въ семь вечера...

Потому точно: люди все были подходящіе, и уступчивостью и добрыми правилами отличались. Многіе даже пріятными талантами блистали—и гитара переходила изъ рукъ въ руки, и молодые здоровые голоса, съ особенною крылосною граціею и съ своего рода меланхоліею, конечно болѣе такъ сказать для шику на себя напущенною, воспѣвали или:

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ...

или «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою» или—съ особенною чувствительностію:

Не дивитесь друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался

на извѣстный глубоко задушевный народно-хохлацкій мотивъ, на который доселѣ еще поется эта пѣсня Раича во всякой стародавней

«Симандро» (семинаріи) и «Конченъ, конченъ дальній путь» во всякой лакейской, если лакейскія еще не совсѣмъ исчезли съ лица земли... Отецъ мой—и это, право, было очень хорошее въ немъ свойство, какъ вообще много хорошихъ свойствъ выступитъ въ немъ теченіе моего правдиваго разсказа—любилъ больше заливныя народныя пѣсни, но съ удовольствіемъ слушалъ и эти, тогда весьма ходившія въ оборотѣ, романсы. Мать моя также въ свои хорошія минуты до страсти любила музыку и пѣніе.

Все это было прекрасно, и хорошая нравственность молодыхъ людей и кротость ихъ, и ихъ пѣсни, и ихъ невинныя, приличныя возрасту ихъ, амурныя похожденія, которыя отецъ, начинавшій уже жить въ этомъ отношеніи только воспоминаніями, выслушивалъ съ большимъ любопытствомъ, приговаривая иногда свѣтское присловіе: «знай нашихъ Камышинскихъ», и которыя я, притаившись во тьмѣ какого-нибудь уголка, подслушивалъ съ странной тревогой... Все это было прекрасно, повторяю—и отецъ, сберегая Сергѣя Иваныча отъ людей буйныхъ и удовлетворяя собственному вкусу къ мирнымъ нравамъ, имѣлъ безъ сомнѣнія въ виду и во мнѣ развить добрую нравственность, послушаніе старшимъ, необходимую житейскую уступчивость и другія добродѣтели...

Но есть въ безпредѣльной, вѣчно иронической и всевластной силѣ, называемой жизнію, нѣчто такое, что постоянно, злокозненно рушитъ всякія мирныя Аркадіи; есть неотразимо увлекающіе головокружащіе вихри, которые, вздымая волны на широкихъ моряхъ, подымаютъ ихъ въ то же время на рѣкахъ, рѣчкахъ, рѣчонкахъ и даже ручейкахъ,—не оставляютъ въ покоѣ даже болотной тины,—вихри мысли, взбудораживающіе самую сонную тишь, вихри поэзіи, какъ водопадъ уносящія все за собою... Вихри мірового историческаго движенія наконецъ, оставляющіе за собою грозные памятники ломки или величавые слѣды славы.

Вотъ вѣдь во всемъ этомъ кружкѣ товарищей моего Сергѣя Иваныча были только собственно двѣ личности, которыя въ сурьезъ принимали жизнь и ея требованія. Одна изъ этихъ личностей глубокочестная, глубокосмиренная личность, которой впослѣдствіи я былъ обязанъ всѣми положительными свѣдѣніями—пошла нести крестъ служенія наукѣ съ упорствомъ любви, съ простотою вѣры. Другая, сколько я ее помню, тѣмъ отнеслась сурьезно къ требованіямъ жизни, что наивно, искренно и беззавѣтно прожигала жизнь до буйства и безобразія, до азарта и цинизма... Всѣ другіе осуждены были явнымъ

образомъ на то, чтобы прокиснуть, медленно сливаясь или медленно погружаясь въ тину всяческихъ благонравій.

Но какимъ образомъ и этотъ кружокъ посредственностей задѣвали жизненные вихри, какимъ образомъ вѣянія эпохи не только что касались ихъ, но нерѣдко и уносили за собою, конечно только умственно? Вѣдь дѣло въ томъ, что если оживлялась бесѣда, то не о выгодныхъ мѣстахъ и будущихъ карьерахъ говорилось... Говорилось, и говорилось съ азартомъ, о самоучкѣ Полевомъ и его «Телеграфѣ» съ романтическими стремленіями: каждая новая строка Пушкина жадно ловилась въ безчисленныхъ альманахахъ той наивной эпохи; съ какой-то лихорадочностью произносилось имя «Лордъ Байронъ»... изъ устъ въ уста переходили дикія и порывистыя стихотворенія Полежаева... Когда произносилось это имя и—очень рѣдко конечно—нѣсколько другихъ еще болѣе отверженныхъ именъ, какой-то ужасъ овладѣвалъ кругомъ молодыхъ людей и вмѣстѣ что-то страшно соблазняющее, неодолимо влекущее было въ этомъ ужасѣ, а если въ торжественные дни имянинъ, рожденій и иныхъ разрѣшеній «вина и елея» компанія доходила до нѣкотораго искусственно приподнятаго настройства... то неопредѣленное чувство суевѣрнаго и вмѣстѣ обаятельнаго страха смѣнялось какою-то отчаянною наивною симпатіею—и къ тѣмъ рѣчамъ, которыхъ

значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно,

и къ тѣмъ людямъ, которые или «жгли жизнь» беззавѣтно, или дерзостно ставили ее на карту... Слышались какія-то странныя, какія-то какъ будто и не свои рѣчи изъ устъ этихъ благонравныхъ молодыхъ людей...

Какимъ образомъ, даже въ трезвыя минуты, передавали они другъ другу разсказы объ ихъ, страшныхъ имъ товарищахъ, отдававшихъ голову и сердце до нравственнаго запоя Шелингизму, или всю жизнь свою бѣснованію страстей? Вѣдь всѣ они, благонравные молодые люди, знали очень хорошо, что отдача себя въ полное обладаніе силѣ такого мышленія ни къ чему хорошему повести не можетъ. Нѣкоторые пытались даже нѣсколько юмористически отнестись къ философскому или жизненному бѣснованію—что дескать «умъ за разумъ у людей заходитъ»—и все-таки поддавались лихорадочно обаянію.

Не «Вѣстникъ Европы», а «Телеграфъ» съ его неясными, но живыми стремленіями жадно разрѣзывала эта молодежь... Не профес-

соровъ стараго закала слушала со вниманіемъ, а фанатически увлекалась, увлекалась до «Аутосъ Эфѣ» широтою литературныхъ взглядовъ Надеждина (тогда еще высказываемыхъ имъ только на лекціяхъ), фантастическимъ, но много сулившимъ міропостроеніемъ Павлова въ его физикѣ и, такъ какъ эта молодежь почти что вся, за исключеніемъ одного будущаго труженика исторіи, была молодежь медицинская, увлекалась пѣніемъ своей сирены, Дядьковскаго... Это имя всякій день звучало у меня въ ушахъ; оно было окружено раболѣпнѣйшимъ уваженіемъ, и оно же было именемъ борьбы живой и новой науки съ старою рутиной... Не могу я конечно, какъ не спеціалистъ, хорошо знать заслуги Дядьковскаго, но знаю то только, что далеко за обычный звонокъ простирались его бесѣды и что эти люди всѣ безъ исключенія заслушивались его «властнаго» слова, какъ впослѣдствіи мы, люди послѣдующаго поколѣнія, тоже далеко за урочный звонокъ жадно приковывались глазами и слухомъ къ каѳедрѣ, съ которой—немножко съ рѣзкими эфектами, немножко пожалуй съ шарлатанизмомъ—звучало намъ слово, наслѣдованное отъ великаго берлинскаго учителя...

Какимъ образомъ, повторяю еще, людей, которыхъ ждала въ будущемъ тина мѣщанства или много-много что участь быть постоянными «пивогрызами», тогда всевластно увлекали вѣянія философіи и поэзіи, новыя, дерзкія стремленія науки, которая гордо строила цѣлый міръ однимъ трансцендентальнымъ мышленіемъ изъ одного всеохватывающаго принципа.

Соблазнъ, страшный соблазнъ носился въ воздухѣ звучавшемъ страстно сладкими строфами Пушкина. Соблазнъ рвался въ нашу жизнь вихрями юной французской словесности... Поколѣніе выросшее не искало точки покоя или опоры, а только соблазнялось тревожными ощущеніями. Поколѣніе подроставшее, надышавшись отравленнымъ этими ощущеніями воздухомъ, жадно хотѣло жизни, страстей, борьбы и страданій.

IV.

НѢЧТО ВЕСЬМА СКАНДАЛЬНОЕ О ВѢЯНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Если перенестись мысленно за какихъ-нибудь тридцать съ небольшимъ лѣтъ назадъ, то даже человѣку, который самъ прожилъ эти тридцать лѣтъ, станетъ вдругъ какъ-то странно, точно онъ заѣхалъ въ сторону, гдѣ давнымъ давно уже не бывалъ и гдѣ все

однако застыло въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было оно имъ оставлено,—такъ что, присматриваясь къ предметамъ, онъ постепенно съ большею и большею ясностію воспроизводитъ свои бывалыя впечатлѣнія отъ предметовъ, постепенно припоминаетъ ихъ вкусъ, цвѣтъ и запахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и чувствуетъ очень хорошо, что это уже отшедшая жизнь поднимается передъ нимъ какимъ-то фантастически-дѣйствительнымъ маревомъ.

Но еще страннѣе должно быть отношеніе къ этой отжившей полосѣ жизни человѣка иного, позднѣйшаго поколѣнія, когда онъ видитъ передъ собою только мертвые печатные памятники ея, да и то конечно далеко не всѣ... да, можетъ быть, и не тѣ даже, въ которыхъ та отжившая пора сказалась безъоглядочно и непосредственно: вышла передъ почтеннѣйшую публику не во фракѣ и перчаткахъ, а по домашнему, какъ встала, правой или лѣвой ногой съ постели.

Еще не далѣе какъ вчера вечеромъ, о мой милый Горацio Косица, бесѣдуя съ тобою послѣ концерта, гдѣ слышали мы 2-ю симфонію стараго мастера, который, творя ее, еще не оглохъ для современной и предшествовавшей ему с т о л о в о й к а м е р н о й музыки, но уже горстями посѣялъ въ нее и свои глубокія думы, и свои пантеистическія созерцанія жизни, пытаясь разъяснить смыслъ этихъ очевидныхъ «схватокъ», чего-то глубоко серьезнаго и тяжолаго, звучащихъ неожиданными взвизгиваніями скрипокъ и віолончелей въ allegro patetico, доискиваясь или лучше дорываясь значенія замедленныхъ тактовъ въ финалѣ, тактовъ явно заклейменныхъ какою-то мрачною и важною думою, тактовъ снова хоть не такъ уже опредѣленно-рѣзко возникающихъ въ послѣдующемъ развитіи музыкальной ткани:—еще вчера, говорю я, мы договорились съ тобою опять до тѣхъ вѣяній, которыя такъ смѣшны нашимъ современнымъ мыслителямъ.

Смѣшны-то они имъ смѣшны, въ этомъ спору нѣтъ ни малѣйшаго, равно какъ нѣтъ спору и о томъ, что умственная жеванина, которой кормятъ они своихъ адептовъ, несравненно доступнѣе, чѣмъ наши трансцендентальныя бредни, но тѣмъ не меньше (я вѣдь совершенно согласенъ съ началами, выражающимися въ твоемъ послѣднемъ письмѣ), если трансцендентальныя мысли возникаютъ въ мозгу «выродившихся обезьянъ», которыхъ невѣжды, не читавшіе Молешота и иныхъ мудрыхъ, обычно зовутъ людьми, то нельзя не послать ихъ къ «тѣмъ особамъ», съ которыми познакомилъ Фауста ключъ Мефистофеля, а если нельзя, то мы съ тобою имѣемъ полное право

дожить свой вѣкъ трансценденталистами. Да и то правду сказать, если бы мы съ тобою, устыдясь въ нѣкоторомъ родѣ своей несостоятельности передъ великими современными мыслителями, сказали который-нибудь одинъ другому, какъ Фамусовъ Чацкому:

Ты завиральныя идеи эти брось,

то вѣроятно мгновенно расхохотались бы, какъ римскіе авгуры. Потому трансцендентализмъ—въ своемъ родѣ «зарубка» Любима Торцова: «попадешь на эту зарубку—не скоро соскочишь».

Да и совсѣмъ даже не соскочишь. Есть у меня пріятель, котораго и ты знаешь, человѣкъ поколѣнія, такъ сказать, средняго между трансценденталистами и нигилистами, совершенно удовольствовавшійся отрывочными психологическими кунштиками Бенеке, которые столь мало насъ съ тобою интересуютъ. Онъ повѣдалъ какъ-то разъ въ искренней бесѣдѣ одинъ свой собственный психологическій опытъ, весьма любопытный и даже назидательный. Онъ принимался читать «систему трансцендентальнаго идеализма» Шеллинга, съ рѣшимостью «проштудировать» его основательно для доставленія себѣ опредѣленныхъ понятій объ этомъ, хотя и отжившемъ, но все-таки важномъ въ исторіи мышленія философскомъ ученіи. Ну, какъ тебѣ извѣстно, отжившее ученіе сразу ошарашиваетъ человѣка по лбу извѣстнаго рода распутіемъ, потребностью—вывести или все мірозданіе изъ законовъ сознающаго *я* или сознающее *я* изъ общихъ законовъ мірозданія. Конечно, это въ сущности все равно, почему и является философія тождества, но распутіе на первый разъ огорошиваетъ какъ та стѣна, на которую жалуется, напримѣръ, послѣдній герой нашего друга—Ѳедора Достоевскаго... Усердно штудировалъ и пристально читалъ мой пріятель, съ тѣмъ же усердіемъ и пристальностью, съ какими одолѣвалъ онъ «психологическія скиццы» и другія умственныя мастурбаціи Бенеке. Началъ онъ ужь переваривать и тотъ процессъ, въ которомъ изъ нашего непосредственнаго, такъ сказать объективнаго, еще слитаго съ предметомъ познаванія *я*, выдѣляется *я* сознающее, въ которомъ изъ этого сознающаго внѣшній предметъ *я* выдѣляется еще *я*, которое уже подымается вверхъ надъ сознающимъ внѣшніе предметы *я*—и въ нѣкоторомъ родѣ судитъ это самое, сознающее внѣшніе предметы *я*, въ которомъ наконецъ... Но тутъ мой крайне осторожный, разсудительный и весьма не пренебрегающій жизненнымъ комфортомъ пріятель схватился въ пору, догадался, что соприкоснулся сферѣ, въ которой начинается поворотъ головою

внизъ, что изъ этого судящаго *я*, производящаго судъ и расправу, по какимъ-либо признаннымъ правиламъ выдѣлится еще пожалуй послѣ многихъ выдѣленій уже такое *я*, которое никакихъ правилъ, кромѣ тождества съ міровою жизнію, знать не захочетъ, *я* трансцендентальное, весьма опасное и безнравственное.

И благоразумный пріятель мой закрылъ зловредную книгу и такимъ образомъ сохранилъ для отечества полезнаго члена, хорошаго отца семейства, изрѣдка только, въ видахъ необходимаго жизненнаго разнообразія, дозволяющаго себѣ нѣкоторые загулы, наконецъ дѣятеля въ литературной области, который, какъ «дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый», можетъ

Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,

не увлекаясь и не впадая въ промахи въ своихъ сужденіяхъ,—чѣмъ всѣмъ мы никогда не будемъ съ тобою, о мой Гораціо!

Въ самомъ дѣлѣ, что это за страстность такая развита въ насъ съ тобою, что за неправильная жила бьется въ насъ, людяхъ «трансцендентальной» закваски, что намъ ужасно скучно читать весьма яснаго и методомъ естественныхъ наукъ идущаго Бенеке и не скучно ломать голову надъ Феноменологіей Духа? Да не то, что скучно Бенеке читать, а просто невѣроятныхъ усилій стоило;—если не тебѣ, писавшему магистерскую диссертацію о какихъ-то никому, кромѣ микроскопа, невѣдомыхъ костяхъ инфузорій или о чемъ-то столь же неподобномъ,—я вѣдь наглый гуманистъ и самъ знаю, что ужасныя невѣжества луплю,—если не тебѣ, говорю я, то мнѣ невѣроятныхъ усилій стоило ловить за хвосты идеи Бенеке напримѣръ, да и тутъ оказывалось, что ловлей я занимаюсь совсѣмъ понапрасну, что по мнѣнію моего Бенекіанца совсѣмъ я не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, занимаюсь, что общаго хвоста, изъ котораго бы пошли какъ изъ центра эти маленькіе хвостики какъ живыя змѣйки, я искать совсѣмъ не долженъ, потому, дескать, и зачѣмъ онъ?—всеохватывающіе, дескать, принципы оказались совсѣмъ несостоятельными.

Да позволено будетъ мнѣ въ этой совершенно скандальной и неприличной, эксцентрической главѣ—перескакивать, какъ я хочу, черезъ время и пространство, предупреждать первое и совершенно забывать о существованіи второго...

Вотъ мнѣ на память пришло то время, когда внявъ совѣтамъ моего благоразумнаго друга, я со рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялся «штудировать» психологическія скиццы. Не потому

я принялся ихъ со рвеніемъ «штудировать», чтобы особенно подѣйствовалъ на меня другъ мой своими бесѣдами. Другъ мой, точно, очень краснорѣчиво толковалъ о параллелизмѣ психическихъ и соматическихъ явленій, о заложеніяхъ и душевныхъ образованіяхъ; другъ мой даже съ прекрасными и очень умными дамами велъ эти бесѣды— и, конечно, не безъ успѣха, хотя, къ сожалѣнію, сей успѣхъ былъ вовсе не научный, ибо прекрасныя и умныя дамы, слушая его, смотрѣли болѣе на его тогда чрезвычайно яркіе голубые глаза и отъ логическаго краснорѣчія его дѣлали совсѣмъ нелогическую посылку къ другимъ, такъ сказать болѣе низменнымъ свойствамъ его натуры, но дамы вообще ужь всѣ таковы и отъ такихъ посылокъ едва ли избавитъ ихъ даже стрижка косъ и разсужденія о женскомъ трудѣ... Меня-то не краснорѣчіе друга моего увлекало и даже не самъ онъ, а—опять таки то «вѣяніе», котораго онъ въ ту пору былъ однимъ изъ энергическихъ представителей.

Это было въ эпоху начала пятидесятыхъ годовъ, въ пору начала второй и самой настоящей моей молодости, въ пору возстановленія въ душѣ новой или лучше сказать обновленной вѣры въ грунтъ, почву, народъ, въ пору возсозданія въ умѣ и сердцѣ всего непосредственнаго, что только, повидимому, похерили въ нихъ рефлексія и наука, въ пору надеждъ, зеленыхъ какъ цвѣтъ обертки нашего милаго «Москвитянина» 1851 года... Я оживалъ душою... я вѣрилъ... я всѣми отправленіями рвался на встрѣчу къ тѣмъ великимъ откровеніямъ, которыя сверкали въ начинавшейся дѣятельности Островскаго, къ тѣмъ свѣжимъ ключамъ, которые были въ «Тюфякѣ» и другихъ вещахъ Писемскаго, да въ ярко-талантливыхъ и симпатическихъ наброскахъ покойнаго И. Т. Кокорева;—передо мной какъ будто изъ-подъ спуда возникалъ міръ преданій, отринутыхъ только логически рефлексіею; со мной заговорили вновь и заговорили внятно, ласково и старыя стѣны стараго Кремля и безъискусственно-высоко-художественныя страницы старыхъ лѣтописей; меня, какъ что-то растительное, сталъ опять обвѣвать, какъ въ года дѣтства, органическій міръ народной поэзіи. Одиночествомъ я перерождался,—я, жившій нѣсколько лѣтъ какою-то чужою жизнію, переживавшій ч ь и-то, но во всякомъ случаѣ не свои, страсти,—начиналъ на днѣ собственной души доискиваться собственной самости.

Вѣяніе новой поры влекло меня съ неодолимою силою. Есть для меня что-то наивное до смѣшного и вмѣстѣ до трогательнаго въ той фанатической вѣрѣ, съ которой я рвался впередъ, какъ всѣ мы,

все-таки рвался впередъ, хоть и думали мы, что возвращаемся назадъ... Такой вѣры больше ужь не нажить, и хоть глупо жалѣть объ этомъ, а жаль, что не нажить! Хорошо было это все, какъ утренняя заря, какъ блестящая пыль на лепесткахъ цвѣтовъ...

Фанатикъ до сеидства, я готовъ былъ каяться, какъ въ грѣхѣ какомъ-нибудь, въ своемъ трансцендентальномъ процессѣ, отъ него, доставшагося душѣ не дешево, способенъ былъ отрицаться, какъ «отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его»... Но увы! двѣ вещи оказались скоро очень явными: первое дѣло, что, разъ дойдя до того пункта, на которомъ по соображенію моего пріятеля натура поворачивается вверхъ-тормашкой,—остается повторять съ поэтомъ:

Per me si va nell'eterno dolore,
Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!

а второе дѣло, что психологическія мастурбаціи Бенеке столь же мало шли къ новому вѣянію жизни, какъ «къ коровѣ сѣдло»... Бенеке попалъ въ «кружокъ» совсѣмъ случайно, и если представителей кружка петербургскіе критики стали скоро упрекать въ «заложеніяхъ», то совсѣмъ не въ тѣхъ, какія разумѣются въ «психологическихъ скиццахъ» и другихъ сочиненіяхъ ученаго психолога (философомъ-то назвать его какъ-то языкъ не поворачивается).

Но съ какимъ въ нѣкоторомъ родѣ «торжественнымъ шикомъ» приступалъ ко мнѣ мой другъ, вручая мнѣ книжку «Скиццъ». Во-первыхъ, онъ—какъ теперь помню—допрашивалъ меня: занимался ли я надъ собою и надъ другими психологическими наблюденіями?.. Ну, жизни хоть и гальванической пережито было не мало: рыться въ собственной душѣ и въ душѣ другихъ двуногихъ безъ перьевъ, особенно женскаго пола, тоже случалось не мало, но не такого рода психологическую работу и психологическія наблюденія разумѣлъ мой пріятель: гальванически пережитую жизнь онъ называлъ весьма правильно напускною и часто, какъ человѣкъ къ счастію мало «тронутый», относился къ ней юмористически, и мои психологическія наблюденія надъ прекрасною половиною двуногаго рода онъ, по добродѣтели своей, не переваривая моихъ софистическихъ и собственно къ практическимъ цѣлямъ направленныхъ бесѣдъ съ женщинами, называлъ «гусарскимъ къ нимъ отношеніемъ», возведеннымъ только въ перлъ созданія и тонкость чувствованій... Поэтому я долго не понималъ, какихъ онъ отъ меня изслѣдованій психологическихъ добивается. Во всякомъ случаѣ, я за Бенеке принялся съ ожесточеннымъ упорствомъ и даже слѣпо подчинялся своему руководителю.

Лербуха, т. е. системы, онъ мнѣ въ руки не далъ, подозрѣвая во мнѣ не безъ основанія охоту къ ловлѣ абсолютнаго хвоста, а отчасти боясь, чтобы въ лербухѣ я не схватилъ скоро на лету, и стало быть поверхностно, разныхъ хвостиковъ.

Потому, хоть съ извѣстнаго пункта трансцендентализма и поворотилъ назадъ оглобли мой пріятель, но вѣдь онъ, какъ недюжинно умный человѣкъ, понялъ вполнѣ ярыжно-глубокую и вмѣстѣ глубокоярыжную мысль великаго учителя въ «Феноменологіи Духа», что въ дѣлѣ мысли важенъ только процессъ, и что результатъ есть только безжизненный трупъ, покинутый живой душой—тенденціей.

И сижу я это, бывало, тогда по цѣлымъ вечерамъ зимнимъ надъ «психологическими очерками» нѣмецкаго херра профессора, и мучу я свой бѣдный мозгъ не надъ тѣмъ, чтобы понять читаемое, ибо такъ-себѣ, безотносительно взятое, оно все, это читаемое-то, очень просто, но надъ тѣмъ, чтобы вниманіе приковать къ этому читаемому... А за стѣной вдругъ, какъ на смѣхъ,

Двѣ гитары, зазвенѣвъ,
Жалобно заныли,

и мятежная дрожь венгерки бѣжитъ по ихъ струнамъ, или шелестъ дѣвственно-легкихъ шаговъ раздается надъ потолкомъ, и образы встаютъ вслѣдъ за звуками и шелестомъ, и жадно начинаетъ душа просить жизни, жизни и все жизни... Такъ просидѣлъ я нѣсколько вечеровъ, да и возвратилъ другу книгу съ наивнѣйшимъ сознаніемъ, что никакъ не могу я заставить себя ею заинтересоваться. Видитъ онъ, что ничего со мной, погибшимъ человѣкомъ, не подѣлаешь... купилъ и подарилъ мнѣ лербухъ. Лербухъ я весьма скоро прочелъ, механику эту всю, значитъ, усвоилъ и пошелъ себѣ какъ слѣдуетъ разсуждать о новой системѣ достаточно ясно, хотя и поверхностно... Съ меня и будетъ! думалъ я, потому что абсолютный хвостъ въ ней ловить запрещается ея адептами. А чортъ ли мнѣ въ ней, коли я въ ней этого-то самаго хвоста и не словлю.

Отчего жъ это, бывало, въ пору ранней молодости и нетронутой свѣжести всѣхъ физическихъ силъ и стремленій, въ какое-нибудь яркое и дразнящее и зовущее весеннее утро, подъ звонъ московскихъ колоколовъ на Святой,—сидишь, весь углубленный въ чтеніе того или другого изъ безумныхъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста... сидишь, и голова пылаетъ, и сердце бьется—не отъ вторгающихся въ раскрытое окно съ ванильно-наркотическимъ воздухомъ призывовъ весны и жизни... а отъ тѣхъ громадныхъ міровъ, связан-

ныхъ цѣлостью, которые строитъ органическая мысль, или тяжело мучительно роешься въ возникшихъ сомнѣніяхъ, способныхъ разбить все зданіе старыхъ душевныхъ и нравственныхъ вѣрованій... и физически болѣешь, худѣешь, желтѣешь отъ этого процесса... О! эти муки и боли души—какъ онѣ были отравительно сладки! О! эти безсонныя ночи, въ которыя съ рыданіемъ падалось на колѣна съ жаждою молиться и мгновенно же анализомъ подрывалась способность къ молитвѣ,—ночи умственныхъ бѣснованій вплоть до разсвѣта и звона заутрень—о, какъ онѣ высоко подымали душевный строй!..

И приходитъ мнѣ еще въ память, какъ въ концѣ 1856 года мнѣ, лежавшему больнымъ на постели,—уже пережившему и вторую молодость, разбитому и морально, и физически,—одинъ изъ добрыхъ старыхъ могикановъ, знаменитый донъ Базиліо Педро, прислалъ въ утѣшеніе только что вышедшій вступительный томъ въ философію миѳологіи Шеллинга. Пріѣхать благородный Донъ побоялся, потому что я былъ боленъ запоздавшей оспой, но книгу прислалъ съ запиской и въ запискѣ между прочимъ упоминалъ, что онъ уже нюхалъ и что хорошо какъ-то пахнетъ!... И впился я больными, слабыми глазами въ таинственно и хорошо пахнущую книгу—и опять всего меня потащило за собою могучее вѣяніе мысли, и силою покойный отецъ, ходившій за мною какъ нянька, долженъ былъ отнимать у меня эту «лихую пагубу».

И въ саду итальянской виллы подлѣ Tomba tusca сидѣлъ я по цѣлымъ часамъ надъ этой «лихой пагубой» и ея послѣдующими томами—и опять голова пылала и сердце билось, какъ во дни студенчества; и ни запахъ розъ и лимоновъ, ни боязнь тарантуловъ, на счетъ мѣстожительства которыхъ въ Этрусской гробницѣ предварялъ меня весьма положительный англичанинъ Белль, гувернеръ моего ученика, князя Т., ничто не могло развлечь меня.

Трансцендентальное вѣяніе, sub alia forma, вновь охватило и увлекло меня.

V.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Не «скандала единаго ради», конечно, написалъ я предшествующую главу, хотя она по собственному моему сознанію и вышла крайне скандальна.

Мнѣ хотѣлось сколько-нибудь наглядно, «въ утѣшеніе современникамъ и назиданіе потомкамъ», изобразить въ общихъ чертахъ силу

и вліяніе трансцендентализма на людей моего поколѣнія, чтобы нѣсколько пояснить его силу же и вліяніе на поколѣніе, намъ предшествовавшее.

Мнѣ хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ сколь возможно искренне изложить свои вѣрованія въ отношеніи къ тому, что я привыкъ называть вѣяніями жизни, изложить прямо и смѣло, пожалуй на потѣху и глумленіе нашихъ позитивистовъ или нигилистовъ...

Да! исторически живемъ «не мы какъ индивидуумы, но живутъ вѣянія», которыхъ мы, индивидуумы, являемся болѣе или менѣе значительными представителями... Отсюда яркій до очевидности параллелизмъ событій въ различныхъ сферахъ міровой жизни—странныя, таинственныя совпаденія созданія Донъ Кихота и Гамлета, революціонныхъ стремленій и творчества Бетховена, и проч. и проч. Отсюда солидарность извѣстныхъ идей, міровая преемственная связь ихъ и мало ли что отсюда такого, другъ Гораціо,

О чемъ не смѣетъ грезить наша мудрость,

и что она отвергаетъ только потому, что не наловила достаточно хвостиковъ и по нимъ не добралась до общаго хвоста...

Сила въ томъ, что трансцендентализмъ былъ силой, былъ вѣяніемъ, уносившимъ за собою все, что только способно было мыслить во дни оны. Все то, что только способно было чувствовать, уносило другое вѣяніе, которое, за недостаткомъ другого слова, надобно назвать романтизмомъ. Въ сущности то и другое—трансцендентализмъ и романтизмъ—были двѣ стороны одного и того же. Объ этомъ, впрочемъ, разсуждалъ и писалъ я такъ много, что если бы принялся разсуждать еще разъ, то неминуемо долженъ былъ бы впасть въ повтореніе.

Потому для того, чтобы уяснить моимъ читателямъ сущность романтическаго вѣянія, я избираю путь повѣствованія, вмѣсто пути разсужденія.

Перенесемтесь въ конецъ двадцатыхъ и въ начало тридцатыхъ годовъ. На сценѣ передъ нами, во-первыхъ, великая и вполнѣ уже почти очерченная физіономія перваго цѣльнаго выразителя нашей сущности, Пушкина. Онъ дозрѣлъ уже до «Полтавы»—въ его портфелѣ уже лежитъ, какъ онъ (по преданіямъ) говорилъ, «сто тысячъ и безсмертіе», т. е. «Комедія о Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ», но еще чисто романтическимъ ореоломъ озаренъ его ликъ, еще Байрона видитъ въ немъ молодежь, еще онъ не улыбался добродушною и вмѣстѣ саркастическою улыбкою Ивана Петровича Бѣлкина, не

«повѣствовалъ съ карамзинской торжественностью» и вмѣстѣ съ необычайно мѣткимъ тактомъ дѣйствительности объ историческихъ судьбахъ обитателей села Горохина, не вглядывался глубоко симпатично въ жизнь какого-нибудь станціоннаго смотрителя. Онъ—идолъ молодого поколѣнія, но въ сущности молодое поколѣніе видитъ его не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, ждетъ отъ него не того, что онъ самъ дать намѣренъ. Еслибъ оно обладало даромъ предвѣдѣнія, это тогдашнее молодое поколѣніе, оно съ ужасомъ отступило бы отъ своего идола. Оно прощаетъ ему комическій разсказъ о графѣ Нулинѣ, даже готово въ этомъ первомъ простомъ изображеніи нашей дѣйствительности видѣть романтическое, но оно не проститъ ему повѣстей Бѣлкина...

У тогдашняго молодого поколѣнія есть предводитель, есть живой органъ, на лету подхватывающій жадно все, что носится въ воздухѣ, даровитый до геніальности самоучка, легко усвояющій, ясно и страстно передающій всѣ вѣянія жизни, увлекающійся самъ и увлекающій за собою другихъ... «купчишка Полевой», какъ съ пѣной у рту зовутъ его съ одной стороны безсильные старцы, а съ другой литературные аристократы.

Потому есть и тѣ и другіе. Еще здравствуютъ и даже издаютъ свои журналы и поколѣніе, воспитавшееся на выспреннихъ одахъ—старцы въ котурнахъ, и поколѣніе, пропитанное насквозь «Бѣдной Лизой» Карамзина,—старцы «въ бланжевыхъ чулочкахъ», которые послѣ бѣдной Лизы переварили только развѣ «Людмилу» Жуковскаго и, какъ предсѣдатель палаты въ «Мертвыхъ Душахъ», читаютъ ее съ зажмуренными глазами и съ особеннымъ удареніемъ на словѣ: чу! У нихъ не только купчишка Полевой, но даже профессоръ Мерзляковъ считается, по крайней мѣрѣ у первыхъ, еретикомъ за критическіе разборы Сумарокова, Хераскова и Озерова... Для нихъ опять-таки, въ особенности для первыхъ, нѣтъ иной литературы, кромѣ литературы «выдуманныхъ сочиненій»; между ними самими, т. е. между дрянными котурнами и полинявшими бланжевыми чулками идетъ смертельная война за Карамзина, предмета ужаса для учениковъ и послѣдователей автора книги «О старомъ и новомъ слогѣ», кумира для бланжевыхъ чулковъ, доходящихъ въ лицѣ Иванчина-Писарева до идолопоклонства самаго омерзительнаго.

Есть и аристократы литературные, группирующіеся около Жуковскаго и Пушкина. Они образованы какъ европейцы, лѣнивы какъ русскіе баричи, щепетильно опрятны въ литературныхъ вкусахъ какъ

какая-нибудь англійская миссъ, что не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, писать стихи большею частію соблазнительнаго содержанія и знать наизусть «Опаснаго сосѣда» В. Л. Пушкина... Есть наконецъ еще кружокъ враговъ Полеваго, кружокъ, образовавшійся изъ молодыхъ ученыхъ, какъ Погодинъ и Шевыревъ, изъ выдѣлившихся по серьезности закваски аристократовъ, какъ Хомяковъ, тогда еще только поэтъ, и Кирѣевскій. Эта немногочисленная кучка, выступившая на поприще дѣятельности блистательною статьею И. В. Кирѣевскаго въ альманахѣ «Денница» и сосредоточившаяся въ «Московскомъ Вѣстникѣ», тяготѣя по преимуществу къ Пушкину и отчасти къ Жуковскому, связана съ кругомъ аристократовъ литературныхъ, но находится въ самыхъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ старцамъ-котурнамъ и старцамъ-бланжевымъ чулкамъ: почтеніе къ преданіямъ связываетъ ее съ ними, культъ Пушкина разъединяетъ. Но зато въ одномъ она съ ними вполнѣ сходится—во враждѣ къ Полевому. Аристократы литературные и самъ Пушкинъ держатся въ сторонѣ отъ этой борьбы. Даже стихотворенія Пушкина и его друзей появляются временами въ плебейскомъ «Телеграфѣ», но старцы и уединенный кружокъ свирѣпствуютъ.

Нельзя было бы ничего неприличнѣе съ нашей теперешней точки зрѣнія вообразить себѣ той статьи, которой разразился противъ «Исторіи Русскаго народа» редакторъ «Московскаго Вѣстника», еслибы еще неприличнѣе не были статьи противъ нея въ старческомъ «Вѣстникѣ Европы».

Повторяю, что съ нашей теперешней точки зрѣнія всѣ эти вражды и бѣснованія литературныя—дѣло непонятное. Еще непонятнѣе оно будетъ съ знаніемъ личностей дѣятелей... Авторъ «Исторіи Русскаго народа» былъ Полевой, редакторъ «Московскаго Вѣстника»—Погодинъ.

Шашки представляются вовсе не въ нормальномъ порядкѣ лѣтъ за тридцать назадъ. Изъ-за чего враждовалось до пѣны у рту?.. Купецъ Полевой, отзывчивый на всѣ вѣянія современной ему жизни, былъ однако вовсе не западникъ, а вполнѣ и въ высшей степени русскій человѣкъ и менѣе всего отрицатель идей народности. Съ другой стороны, Погодинъ былъ всегда демократъ до конца ногтей—и что было дѣлить ему съ другимъ демократомъ Полевымъ?

Да, вотъ такъ это намъ теперь кажется, что нечего было дѣлить. Въ теченіе тридцати лѣтъ шашки нѣсколько разъ смѣшивались и перемѣняли мѣста, и много перестановокъ тутъ было для установки сколько-нибудь правильныхъ ихъ взаимныхъ отношеній.

Теперь намъ легко произносить судъ надъ тѣмъ или другимъ дѣятелемъ, равно легко и смѣяться надъ посвященіемъ «Исторіи Русскаго народа» Нибуру, который, конечно, не могъ ее прочесть, и смѣяться съ другой стороны надъ культомъ, который совершаемъ былъ Карамзину его послѣдователями, людьми жизненно, сердечно и душевно пережившими «вѣяніе» Карамзинской эпохи и слѣдъ этого вѣянія сохранившими на себѣ многіе десятки лѣтъ: такъ значитъ оно было сильно...

Вѣдь и Полевой, не смотря на свою послѣдующую, несчастную и обстоятельствами вынужденную драматическую дѣятельность, и Погодинъ, не смотря на увлеченія его страстной и неразборчивой на счетъ средствъ выраженія природы,—борцы честнаго, высокаго дѣла, борцы, которымъ много простится, ибо «они много любили»... Ни тотъ, ни другой не были виноваты въ томъ, что, захваченные разными «вѣяніями», они враждебно стояли другъ противъ друга, равно какъ не виноваты были въ томъ же впослѣдствіи славянофильство и Бѣлинскій.

Но за тридцать лѣтъ назадъ факты были таковы, что купецъ былъ представителемъ современныхъ, такъ сказать животрепещущихъ интересовъ жизни или, коли хотите лучше, тогдашняго марева жизни, и что враги его казались тогда большей части молодого поколѣнія людьми отсталыми. Что за дѣло, что передовой скоро «сбрендилъ» до непониманія высшей сферы Пушкинскаго развитія, и что отсталые шли неуклонно впередъ и выродились наконецъ въ явноторжествующее во множествѣ пунктовъ славянофильство... Факты, повторяю я, представляются за тридцать лѣтъ въ вышеизложенномъ положеніи, и такое ихъ положеніе мы должны взять за исходный пунктъ, если хотимъ, какъ слѣдуетъ, понять ту бывалую пору.

Да вотъ! Я не даромъ, напримѣръ, упомянулъ о такихъ памятникахъ извѣстныхъ литературныхъ эпохъ, въ которыхъ онѣ, т. е. эпохи-то, являются передъ наблюдателемъ на распашку, какъ съ постели встали.

Въ «Телеграфѣ» 30-го года, именно въ томѣ 35-мъ (я нарочно свѣрился въ Публичной Библіотекѣ, только забылъ записать страницу), вы, просматривая отдѣлъ смѣси, встрѣтитесь съ статьями о театрѣ, подписанными буквами В. У., и сами натолкнетесь невольно на большую сравнительно съ другими статьями статью—о Мольеровскомъ «Скупомъ» въ русскомъ переводѣ и въ русской сценической обстановкѣ... Если вы не будете читать между строками, вы ничего не

поймете въ этой бойко, умно и съ ужаснымъ азартомъ написанной статьѣ. Продергивается въ ней и притомъ совершенно нещадно—до цинизма современныхъ намъ «обличительныхъ» изданій—какой-то баринъ, членъ всѣхъ возможныхъ клубовъ, неизмѣнный партнеръ вистовъ и бостоновъ, имѣющій знакомство въ кругу литературной и литературно-офиціальной знати, а между прочимъ, изъ дилетантизма и отъ нечего дѣлать, удостоивающій заниматься театромъ и литературой вообще и даже весьма исполненный претензій въ этомъ дѣлѣ, придающій себѣ и своимъ занятіямъ немалое значеніе. За тѣмъ разбирается переводъ мольеровскаго «Скупого» до придирчивости бранно и до брани придирчиво. И для непосвященнаго въ литературныя мистеріи той поры очевидны два факта: 1) что «продергиваемый» баринъ и есть именно самый-то переводчикъ «Скупого» и 2) что азартно-жолчная, кровавая статья—результатъ долгой, упорной, и глухой и явной борьбы между партіями.

Чтобы разомъ показать вамъ въ чемъ дѣло, въ чемъ суть статьи, я только назову вамъ имена автора азартной статьи и переводчика «Скупого»—да отошлю васъ за справкою къ одной весьма легко пріобрѣтаемой книгѣ.

Переводчикъ Мольеровскаго «Скупого» С. Т. Аксаковъ. Фельетонистъ «Телеграфа»—В. А. Ушаковъ. Книга, къ которой я отсылаю васъ,—собраніе разныхъ театральныхъ и литературныхъ воспоминаній Аксакова.

И Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова и его книги вообще—вы вѣроятно знаете, если вы только не ограничили свои чтенія извѣстными пятью умными книжками, да и въ этомъ случаѣ вы все-таки о нихъ хоть слыхали. Но Василья Аполлоновича Ушакова, написавшаго одну только замѣчательную, да и то въ ту пору «замѣчательную» вещь, повѣстушку «Киргизъ-Кайсакъ», вы, если вы пятикнижникъ, совсѣмъ не знаете, да и пожалуй погордитесь сейчасъ же такимъ незнаніемъ; если же вы—ни рыба ни мясо, т. е. ни мы, люди бывалой поры, ни люди новѣйшаго пятикнижія, то имя это припоминаете смутно вмѣстѣ съ сѣровато-грязноватой оберткой какого-либо учебника россійской словесности временъ минувшихъ,—ну, хоть милаго учебника г. Георгіевскаго что ли, восторгающагося равно и «Борисомъ» Пушкина, и «Тассомъ» г. Кукольника,—учебника чрезвычайно назидательнаго, какъ фактъ побѣды, совершонной понятіями романтической эпохи тридцатыхъ годовъ, учебника, который совмѣстилъ изумительно и самыя застарѣлыя основы эстетическихъ ученій «Си-

мандры», и критическіе взгляды Полеваго, и даже подчасъ цѣликомъ вносилъ на свои страницы свистъ Сенковскаго-Брамбеуса...

И потому я прежде всего обязанъ сказать вамъ, что Василій Аполлоновичъ Ушаковъ, кромѣ того, что написалъ надѣлавшаго въ свое время не мало шуму «Киргизъ-Кайсака», писалъ постоянно театральные фельетоны въ «Телеграфѣ», еще больше, чѣмъ «Киргизъ», дѣлавшіе шумъ въ литературномъ кружкѣ,—былъ человѣкъ чрезвычайно многосторонне-образованный и остроумный...

И вотъ,—право не знаю, какъ мнѣ лучше взяться, чтобы показать вамъ весьма странныя позиціи шашекъ на тогдашнихъ квадратикахъ литературной арены. Всего лучше—ex abrupto показать вамъ конечныя, послѣдующія позиціи ихъ.

Василій Аполлоновичъ Ушаковъ написалъ впослѣдствіи «Кота Бурмосеко»,—вещь далеко болѣе бездарную, чѣмъ издѣлія Ѳедота Кузмичева, Сигова и иныхъ промышленниковъ московскаго толкучаго рынка. Да кромѣ того, онъ въ «Библіотекѣ для чтенія»—уже въ ту пору ея упадка, когда Надеждинъ въ «Телескопѣ» и Шевыревъ въ «Наблюдателѣ» разбили мгновенный кумиръ петербургской молодежи—Брамбеуса,—написалъ вещь весьма гнусную, подъ названіемъ «Висяша», нѣчто въ родѣ бездарнаго и совершенно безтолковаго доноса на безнравственность эстетическихъ ученій, которыхъ пламенную проповѣдь только что начиналъ въ «Молвѣ», подъ названіемъ «Литературныхъ Мечтаній», великій борецъ Виссаріонъ Бѣлинскій.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ кончалъ свое поприще,—авось либо вы хотя это знаете,—высокой эпопеей о Степанѣ Багровѣ, Записками объ охотѣ, уженьи, Дѣтскихъ годахъ, въ которыхъ во всѣхъ являлся великимъ и простымъ поэтомъ природы и умирающею рукою писалъ гимнъ освобожденія отъ вѣкового крѣпостного рабства великаго народа, любимаго имъ всѣми силами его широкой, святой и простой души.

А между тѣмъ, онъ-то, дорогой намъ всѣмъ при жизни и благоговѣйно чтимый по смерти старецъ, и продергивается въ азартной статьѣ Василья Аполлоновича Ушакова.

И сдѣлайте вы божескую милость, не торопитесь вы, люди вчерашняго и люди нынѣшняго дня, произносить осужденіе надъ Васильемъ Аполлоновичемъ Ушаковымъ и главное не подумайте вы, пожалуйста, чтобы изъ личной вражды къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову или изъ литературной зависти писалъ онъ эту азартную статью,—а прочтите съ одной стороны «Литературныя воспоминанія»

Аксакова, да припомните, хоть даже въ общихъ чертахъ, по учебнику, дѣятельность купца Николая Полеваго, значеніе «Московскаго Телеграфа» и тому подобное.

Вѣдь поражающею пустотою содержанія жизни вѣетъ отъ «Литературныхъ воспоминаній» С. Т. Аксакова—и вѣетъ именно потому, что эта книга и глубоко-искренняя, какъ все, что ни писалъ онъ, искренно-талантливая, переносящая васъ совсѣмъ въ тотъ міръ, который она изображаетъ... «Что за мелкіе интересы съ огромными претензіями на литературное аристократство!»—думаете вы, да и я, человѣкъ той поры, думаю за одно съ вами, читая о время ли препровожденіяхъ князя Шаховскаго, Загоскина, самого Аксакова, Писарева, Кокошкина въ подмосковной этого послѣдняго, тогда директора Московскаго театра, о литературно ли театральныхъ стремленіяхъ тогдашнихъ всѣхъ этихъ, весьма достойныхъ уваженія людей! Огромное мѣсто напримѣръ въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова занимаетъ покойный водевилистъ Писаревъ. Можетъ быть, онъ и былъ талантливый человѣкъ по натурѣ, да вѣдь талантъ-то свой употреблялъ онъ ровно на такой же вздоръ, на какой въ наши дни употребляютъ свою бездарность гг. Родиславскіе, Дьяченки, авторы водевилей съ переодѣваніемъ. Можетъ быть, и даже не можетъ быть, а навѣрно, ибо мы нравственно обязаны вѣрить всегда честному повѣствователю,—это была натура раздражительно страстная и тонкая, и страстность рано скосила ее; да вѣдь вы посмотрите, однако, на что эта страстность пошла! Человѣкъ жизнь и душу полагаетъ въ театральныя кулисы, не въ искуство драматическое, а просто на просто въ кулисы. Не въ томъ бѣда, что онъ отъ хорошенькой дуры съ ума сойдетъ и что она вгоняетъ его въ чахотку,—этакой грѣхъ со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ случиться можетъ, а то, что онъ тлетворнымъ воздухомъ театральныхъ кулисъ пропитался насквозь, какъ развѣ только г. Родиславскій или иные дѣятели драматургіи россійской пропитываться могутъ; что онъ мишуру театральныхъ облаченій, какъ самую мишуру, бѣлила и румяна, какъ бѣлила и румяна an sich, любитъ. Та бѣда, что раздражается-то онъ, нервно раздражительный человѣкъ, преимущественно за актеровъ или за свои пошлыя издѣлія, что громитъ-то онъ своими остроумными куплетами популярнаго журналиста-купчишку, съ совершенно мелочными взглядами на жизнь и дѣло искуства—съ самыхъ низменныхъ точекъ.

Припомните вы, что въ это время популярный купчишка-публицистъ, еще не авторъ комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ

китайцами, «Параши Сибирячки», «Ермака» и прочаго, а жадный и смѣлый ловецъ всѣхъ новыхъ вѣяній жизни, зоркій сторожъ прогресса, громитель всяческой рутины, уже авторъ разсказа «Симеонъ Кирдяга», этого смѣлаго по тому времени протеста за удѣльныхъ и удѣльщину, еще съ большей энергіею выражающагося скоро послѣ, въ романѣ «Клятва при гробѣ Господнемъ», авторъ «Исторіи русскаго народа», которая, ужь тамъ что хотите говорите, имѣетъ важное, даже и положительное во многихъ отношеніяхъ значеніе. Объ отрицательномъ я ужь и говорить не считаю нужнымъ: она была началомъ историческихъ отрыжекъ мѣстностей, національностей, толковъ, попранныхъ Карамзинымъ во славу его абсолютной государственной идеи. Я нарочно беру эти стороны дѣятельности Полеваго, чтобы показать, что вѣдь это не западникъ былъ, а народный человѣкъ, знавшій народъ не менѣе Погодина и значительно больше, чѣмъ знали его,—не говорю уже князь Шаховскій или Писаревъ съ Кокошкинымъ,—но Загоскинъ и, можетъ быть, въ ту пору самъ Аксаковъ. Вѣдь, года черезъ три потомъ, напримѣръ, является «Двумужница», аки бы народная драма князя Шаховскаго, и популярный купчишка мѣткой, злой и талантливѣйшей пародіей (которую вы можете прочесть тоже въ нерѣдкой книжкѣ, въ его «Очеркахъ» литературы) разбиваетъ въ прахъ ея Дюкре-Дюменилевскую народность, разбиваетъ безжалостно, не обращая вниманія на то, что она, эта драма, впервые, хоть и лубочнымъ способомъ, затронула живыя, до того не тронутыя никѣмъ стороны народной жизни, разбиваетъ во имя идеала, во имя той же самой, только несравненно шире понимаемой имъ народности. Вѣдь, еще нѣсколько лѣтъ—и этотъ чуткій публицистъ смѣло возстанетъ на «Руку Всевышняго», во имя того же своего идеала.

Я вамъ говорю, что Полевой вовсе не западникъ, и оттого-то пониманіе позиціи шашекъ становится еще запутаннѣе. Какой это западникъ, который дорожитъ, какъ святынею, всякою старою грамотою, всякою пѣснію народа, печатая ихъ въ своемъ «Телеграфѣ», который въ одномъ изъ фельетоновъ своего журнала показываетъ, напримѣръ, Москву заѣзжему пріятелю съ фанатической любовью, съ полнымъ историческимъ знаніемъ?

А ужь о дѣятельности его, какъ ловца всѣхъ новыхъ вѣяній жизни, и говорить нечего... Статьи о Гете, о Байронѣ и другихъ корифеяхъ современной тогдашней литературы, ознакомленіе читателей съ судьбами литературъ романскихъ, культъ Шекспиру, Данту

и прочее... переводы Гофмана, разборы всего новаго въ юной французской словесности, смѣлое благоговѣніе передъ Гюго, наконецъ,— возможные толки о государственныхъ устройствахъ цивилизованныхъ народовъ и посильныя, положимъ хоть и по Кузену, толки о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ; перехватъ всякой новой живой мысли, сочувствіе всякому новому явленію въ жизни и искусствѣ, азартное увлеченіе всякимъ новымъ міровымъ вѣяніемъ;—вотъ что такое «Телеграфъ». Мудрено ли, что имъ увлекалось все молодое и свѣжее, сначала какъ дѣльное, такъ и не совсѣмъ дѣльное молодое и свѣжее. Потомъ дѣльное отошло... но объ этомъ послѣ. Я беру шашки въ извѣстную, данную минуту.

Что же этому, во всякомъ случаѣ и прежде всего живому направленію противупоставляли его ожесточенные враги?.. Старцы— оды Державина, поэмы Хераскова и творенія Максима Невзорова. Популярный вождь благоговѣлъ, даже излишне благоговѣлъ передъ «потомкомъ Багрима», написалъ даже впослѣдствіи, къ Щукинскому изданію сочиненій пѣвца Фелицы, довольно ерундистую статью, а надъ Херасковымъ тѣшился уже Мерзляковъ, а отъ «нравственности Максима Невзорова» претило молодое поколѣніе... Бланжевые чулки возились съ «Бѣдной Лизой» и «Натальей боярской дочерью», но, во-первыхъ, молодому поколѣнію было уже очень хорошо извѣстно, что самый «Лизинъ прудъ» за Симоновымъ вовсе не Лизинъ прудъ, а Лисій прудъ, а потомъ, какое ему было дѣло до «Бѣдной Лизы», когда оно жадно упивалось въ «Телеграфѣ» повѣстями моднаго писателя Марлинскаго, окружоннаго въ его глазахъ двойною ореолою— таланта и трагической участи. Какое дѣло было ему до «стоновъ сизаго голубка», воспѣваемыхъ Его Высокопревосходительствомъ И. И. Дмитріевымъ, когда чуть-что не каждую недѣлю «Московскія Вѣдомости» печатали въ объявленіяхъ о выходящихъ книгахъ объявленія о новыхъ поэмахъ Пушкина или Баратынскаго, объ разныхъ альманахахъ, гдѣ появлялись опять-таки эти же славныя или и менѣе славныя, но все-таки любимыя молодежью имена. Разумѣется, что ужь не только на «Сѣверные Цвѣты» накидывалась она, тогдашняя молодежь, не только что старую «Полярную Звѣзду» переписывала въ свои завѣтныя тетрадки, но всякую новую падаль въ родѣ «Цефея», «Вѣнка», или, какъ сшутилъ самъ издатель въ предисловіи, «Вѣника Граціи», пожирала. И понятное совершенно дѣло. Въ какомъ-нибудь несчастномъ «Вѣникѣ» она встрѣчала одинъ изъ прелестныхъ разсказовъ Томаса Мура въ «Лалла Рукъ»—«Покровенный пророкъ Хора-

сана», какой-нибудь переводъ, разумѣется посильный, изъ Гете и Шиллера или изъ Ламартина и Гюго... Не «Россіадами» и альманашники подчивали.

А старцы-котурны и старцы-бланжевые горячились, изъ себя вонъ выходили и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ нѣжной «Галатеѣ», и еще болѣе нѣжномъ «Дамскомъ Журналѣ» князя Шаликова и, разумѣется, какъ всегда со старцами испоконъ-вѣка бывало, проигрывали свое дѣло...

Что, наконецъ, могъ противупоставить живому направленію «Телеграфа» и тѣсный кружокъ Аксакова, и солидарный съ нимъ во многомъ, но болѣе обширный кружокъ, столпившійся въ «Московскомъ Вѣстникѣ»?.. Правда, этотъ послѣдній кружокъ не возставалъ противъ великаго явленія въ литературѣ,—противъ Пушкина, былъ въ связи съ сателлитами блестящей планеты, но вѣдь не перещеголялъ же онъ «Телеграфъ» въ поклоненіи общему идолу и въ другихъ отношеніяхъ; въ своей ожесточенной враждѣ и борьбѣ съ Полевымъ онъ старался, напротивъ, перещеголять старцевъ въ котурнахъ и самый «Вѣстникъ Европы» площаднымъ цинизмомъ статей объ Исторіи Русскаго народа.

«Московскій Вѣстникъ» страдалъ изначала той несчастной солидарностью съ старымъ хламомъ и старыми тряпками, которая впослѣдствіи подрѣзывала всѣ побѣги жизни въ «Москвитянинѣ» пятидесятыхъ годовъ... Напишешь, бывало, статью о современной литературѣ, ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ—и вдругъ къ изумленію и ужасу видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея втесались въ сосѣдство имена графини Растопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Ѳедорова... и—о ужасъ! Авдотьи Глинки! Видишь—и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется—и послѣднюю корректуру и сверстку даже прочелъ, а вдругъ точно по манію волшебнаго жезла явились въ печати незванные гости! Или слѣдитъ, бывало, слѣдитъ, зорко и подозрительно слѣдитъ молодая редакція, чтобы какая-нибудь элегія г. М. Дмитріева или какой-нибудь старческій грѣхъ какого-либо другого, столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала... Чуть немного поослабленъ надзоръ,—и г. М. Дмитріевъ на лицо, и г-жа К. Павлова что-либо соорудила, и, наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію молодой редакціи, на видномъ-то самомъ мѣстѣ нумера какая-нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется, или какая-нибудь прошлогодняя повѣсть г. Ку-

лагинскаго литературный отдѣлъ украшаетъ! И это—въ пятидесятые года, все равно какъ въ тридцатые.

Но дѣло-то въ томъ, что въ пятидесятые года у народнаго направленія былъ уже Островскій, да начинало уже энергически высказываться славянофильство, честно стараясь разрывать солидарность съ гг. Кулагинскимъ, Муравьевымъ и прочими витязями, а въ тридцатые годы ничего этого не было. Была только глубокая, даже по всякому времени, не то что только по тогдашнему, статья о литературѣ И. В. Кирѣевскаго, напечатанная въ «Денницѣ», два-три стихотворенія Хомякова, двѣ-три оригинально-талантливыхъ, хотя по обычаю неопрятныхъ повѣстей Погодина, его да Шевыревская профессорская, болѣе или менѣе замкнутая въ предѣлахъ аудиторіи, дѣятельность, и только Аксаковъ, единственный полный художникъ, который вышелъ изъ этого кружка, занимался тогда рѣшительно вздоромъ. Другой, хоть и ограниченный, но дѣйствительно даровитый человѣкъ, принадлежавшій даже и не къ кружку «Московскаго Вѣстника», а къ тѣсно театральному, солидарный притомъ всю жизнь съ мракобѣсами, съ петербургскимъ славянофильствомъ, происшедшимъ отъ весьма, впрочемъ, почтеннаго человѣка, адмирала Шишкова,—Загоскинъ, еще не издалъ своего «Юрія Милославскаго», а былъ извѣстенъ только какъ писатель комедій, принадлежавшихъ къ отвергаемому, и по справедливости отвергаемому молодежью, роду выдуманныхъ сочиненій.

Да и послѣ появленія пресловутаго «Юрія Милославскаго»—развѣ и въ самомъ дѣлѣ произошелъ какой-либо переворотъ въ литературныхъ понятіяхъ? Полевой отдалъ справедливость даровитой по тогдашнему времени попыткѣ историческаго романа,—даже, съ теперешней точки зрѣнія, отнесся къ нему безъ надлежащей строгости. Между тѣмъ, самъ онъ въ ту пору своимъ пониманіемъ народа и его исторіи стоялъ несравненно выше, чѣмъ первый русскій романистъ,—и молодежью это очень хорошо чувствовалось. Вѣдь Полевой только что впослѣдствіи, да и то искусственно, дошелъ въ своихъ драмахъ до той квасной кислоты и нравственной сладости, которая господствуетъ въ романахъ Загоскина вообще. Въ ту же пору, въ пору тридцатыхъ годовъ, онъ стоялъ высоко.

Читали ли вы, люди позднѣйшаго поколѣнія, его литературную проповѣдь, которую предпослалъ онъ своей книгѣ: «Очерки Русской Литературы»? Еще не очень давно, года два назадъ, я перечитывалъ ее—и чувство симпатіи до умиленія къ этой даровитой, жадной свѣта,

личности, всѣмъ обязанной самой себѣ, притекало въ мою душу, и чрезвычайно омерзительною представлялась мнѣ знаменитая пародія на Жуковскаго «Свѣтлану», сочиненная однимъ изъ бездарныхъ, но весьма солидныхъ старцевъ, въ которой Полевой передъ какимъ-то трибуналомъ (безъ трибуналовъ старцамъ не живется) обвиняется между прочимъ въ томъ, что

...Извѣстно міру
Какъ онъ въ Курскѣ еще былъ
Старый другъ Шекспиру.
Какъ онъ друга своего
Уходилъ ста за три,
Анатомили его
На Большомъ театрѣ.

Но въ заключеніе о бѣдномъ, убитомъ судьбою, загнанномъ обстоятельствами, даровитомъ и многосдѣлавшемъ публицистѣ злорадно разсказывалось, что

У газетчика живетъ
Онъ на содержаньи.

Не говорю ужь я о томъ, что анатомилъ Гамлета на Большомъ театрѣ величайшій сценическій геній русской сцены, т. е. Мочаловъ, и что Полевой своимъ поэтическимъ и единственно возможнымъ для русской нашей сцены переводомъ Гамлета такъ уходилъ своего стараго друга, что Гамлетъ разошелся чуть что не на пословицы. Это еще ничего, потому что о вкусахъ не спорятъ; но ругаться надъ человѣкомъ, который долго, честно, жарко боролся и силою совершенно внѣшнихъ обстоятельствъ вынужденъ былъ круто поворотить съ одной дороги на другую, вынужденъ для спасенія семьи отъ голода и за неимѣніемъ собственнаго журнальнаго органа работать у Сенковскаго, ругаться, вмѣсто того, чтобы сожалѣть о слабости характера даровитаго литературнаго дѣятеля, достойно только тѣхъ старцевъ, которые, навязывая свою солидарность народному направленію, какъ ржавчина подъѣдали чистоту задачъ «Московскаго Вѣстника» и «Москвитянина» («Русскую Бесѣду», также и «День» не удалось имъ опозорить этою солидарностью—и слава Богу!)...

О, старцы, старцы! Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы, т. е. кружокъ, во главѣ котораго стояли Погодинъ и Островскій, несли со всѣмъ пыломъ и энергіей молодости, съ ея весельемъ и свѣжестью лучшія силы, лучшіе соки жизни на служеніе національному направленію и не могли, однако, поднять нашъ журнальный

органъ именно потому только, что глава редакціи, Погодинъ, не могъ отречься отъ губительныхъ солидарностей; прошло уже около десяти лѣтъ послѣ этого, но безъ приливовъ жолчи я и теперь еще не могу вспомнить о нашихъ тщетныхъ, хоть и жаркихъ усиліяхъ...

Есть, еще разъ повторю я, новыя книги, въ которыхъ или цѣлая литературная пора, или извѣстное направленіе сказываются по домашнему. Вотъ также книжка, напримѣръ, «Московскія элегіи» г. М. Дмитріева. Маленькая, но назидательная, я вамъ скажу, книжка, способная самаго истаго москвича, если только въ немъ мало настоящей московской закваски, довести до полнѣйшаго остервененія на такую Москву, какая является идеаломъ для «маститаго», говоря высокимъ тономъ, пѣвца; книжка, которая, если паче чаянія одна только вмѣстѣ съ нашими обличительными изданіями уцѣлѣетъ для отдаленнаго потомства, способна оправдать даже хамскую ненависть къ почвѣ и Москвѣ какой-нибудь «Абличительной Головѣшки», какъ «назидательная головѣшка» г. Аскоченскаго (если тоже она одна уцѣлѣетъ) способна оправдать нашихъ бюхнерчиковъ и молешотиковъ. Большей инфаміи наложить на Москву, какъ наложили эти поэтическіе досуги, невозможно: врагъ самый заклятой ничего такого не выдумаетъ... Это не добродушные разсказы Фамусова-Загоскина о прелестяхъ стараго дворянскаго житья, съ массой вѣрныхъ рабовъ, не комическія наслажденія гаерствомъ шутовъ и шутихъ, не наивные восторги, которые сами же себя и обличаютъ... нѣтъ! это Фамусовъ, дошедшій до лирическаго упоенія, до гордости, до помѣшательства на весьма странномъ пунктѣ, на томъ именно, что Аркадія единственно возможна подъ двумя формулами: барства съ одной и назойства съ другой стороны; это Фамусовъ, явно и по рефлексіи презирающій народъ и въ купечествѣ, и въ сельскомъ свободномъ сословіи; Фамусовъ—идеалистъ, которому совершенно безстыдно жаль, что для изображенія зефировъ и амуровъ, не свозятъ

на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,

и который въ Москвѣ старой видитъ идеалъ барскаго города... въ великой, исторической, народной Москвѣ, свободно растительно разстилавшейся въ теченіе столѣтій своими «слободами», замыкаемой тщетно стѣнами то Бѣлаго, то Землянаго города и рвавшейся въ ширь безпредѣльную...

Людямъ и не съ такимъ узкимъ идеаломъ народности,—а всѣ «старцы» тридцатыхъ годовъ, старцы ли съ котурнами, или старцы

въ бланжевыхъ чулкахъ, именно такой только идеалъ въ душѣ носили,— было не подъ силу бороться съ популярнымъ купчишкой... Даже и серьезные, народные люди кружка «Московскаго Вѣстника» не могли съ нимъ бороться, потому что сами въ сущности не знали, за что съ нимъ борятся... Они тянули къ преданіямъ, къ исторіи, къ народу, да вѣдь и онъ по сердцу тянулъ туда же, только они не отличали преданій народа отъ преданій старцевъ и заявляли свою солидарность съ ними, чего онъ,

Отродіе купечества,
Изломанный аршинъ,

не могъ съ ними раздѣлять, ибо преданія старцевъ онъ, демократъ по рожденію и духу, ненавидѣлъ такъ же сильно, какъ ненавидѣлъ ихъ кровный аристократъ Грибоѣдовъ.

За него было все, всякая новая европейская мысль, которую сообщалъ онъ тотчасъ же, схватывая ее налету, читателямъ; каждое вѣяніе жизни современной, да и само правильное чувство національности. Этому чувству надобно было на время отнестись совершенно отрицательно къ художественной постройкѣ нашего историческаго быта Карамзинымъ по одной, абсолютно-государственной идеѣ—и Полевой явился въ своей исторіи и въ своихъ романахъ представителемъ этой отрицательной потребности: онъ началъ работу, которая еще до сихъ поръ не кончена, да еще и не скоро кончится.

Могли ли язвить его тогда и ругательства двухъ «Вѣстниковъ», и эпиграммы г. М. Дмитріева, и водевильные куплеты Писарева? Все это было тогда несравненно ниже его уровня.

Понятное дѣло, что люди впечатлительные, какъ В. А. Ушаковъ— я опять возвращаюсь къ факту, съ котораго началъ,—были на его сторонѣ, были совсѣмъ его сеидами, съ азартомъ накидывались на все, ему и имъ враждебное, и каково ни будь, напримѣръ, мое и ваше глубокое уваженіе къ покойному Аксакову, но фельетонъ Ушакова перестаетъ возмущать ваше чувство... Вѣдь даже въ менѣе крупныхъ вопросахъ, чѣмъ тѣ, которыхъ я коснулся, изображая общее настройство эпохи, Полевой и его направленіе расходились постоянно съ своими противниками.

Былъ, напримѣръ, или, лучше, только что начиналъ быть въ это время на сценѣ, весьма странный чудакъ, котораго имя я упомянулъ и котораго имя я постоянно вношу самымъ смѣлымъ образомъ въ исторію цѣлой полосы нашего развитія, не просто какъ имя сцени-

ческаго художника, осуществителя образовъ данныхъ литературою, а какъ имя представителя вѣянія, творца образовъ самостоятельнаго, поэта, который былъ въ своемъ творчествѣ цѣльнѣе и выше своихъ драматурговъ. Я говорю, конечно, о Мочаловѣ, но не съ тѣмъ, чтобы о немъ повести рѣчь... Мѣсто ему, какъ одному изъ великихъ воспитателей всего нашего поколѣнія, въ дальнѣйшемъ теченіи моихъ записокъ. Здѣсь я коснусь только отношенія къ этой геніальной силѣ того и другого лагеря. Аксаковъ напримѣръ, какъ самъ художникъ, Загоскинъ, какъ даровитый и впечатлительный русскій человѣкъ, князь Шаховской и Кокошкинъ, какъ большіе знатоки и любители театра, конечно одни, какъ Аксаковъ, и понимали и чувствовали, другіе только чувствовали, что это за сила самобытная и могучая, но или всѣ, кромѣ впрочемъ женственно воспріимчиваго Загоскина, не брали его такимъ, какимъ Богъ его создалъ, хотѣли отъ него чего-то условнаго въ художествѣ, чего-то условнаго и въ жизни, не мирились съ его безпутствомъ, возмущались его плебействомъ и прочая. Взять его такимъ, какимъ онъ былъ, предоставлено было только Полевому, короновавшему его ролью Гамлета, да Бѣлинскому, разъяснившему этого оригинальнаго Мочаловскаго Гамлета... Но обо всемъ объяснимъ послѣ.

Я разсказалъ вамъ, мой читатель (на читательницъ въ отношеніи этихъ главъ я плохо разсчитываю и полагаю, что такъ называемыя серьезныя изъ нихъ находятъ теперь болѣе вкуса въ анатомическихъ, чѣмъ въ историческихъ диссертаціяхъ), положеніе литературныхъ шашекъ въ избранную мною минуту.

Но вы не торопитесь, пожалуйста, совсѣмъ становиться на сторонѣ не только что фельетониста Ушакова противъ С. Т. Аксакова и его кружка, но даже и на сторонѣ Полеваго противъ старцевъ и «Московскаго Вѣстника». Вы все помните, все держите, пожалуйста, въ головѣ пословицу: девять разъ примѣрь и въ десятый отрѣжь, и все имѣйте въ виду концы, а именно:

1) Что В. А. Ушаковъ кончитъ «Висяшей».

2) Что Полевой напишетъ «Парашу», «Ермака» и проч.

3) Что, наконецъ, сама борьба, поднятая имъ противъ абсолютно-государственной идеи Карамзина, кончится въ наши дни хохлацкимъ жартомъ надъ русскою исторіею, сведеніемъ Московскаго государства на одну доску съ разными отпадшими ханствами и проч., или не то поморскими, не то просто поморными галлюцинаціями русскихъ историковъ «Искры».

Вотъ вы это все имѣйте въ виду, и такъ какъ процессъ литературныхъ стремленій есть процессъ органическій, то присмотритесь еще къ данной минутѣ,—и посмотримъ, нѣтъ ли уже въ ней самой зачатковъ плана разложенія.

Есть, и есть несомнѣнно. Я говорилъ до сихъ поръ «по волку», стоитъ только начать говорить «противъ волка».

Полевой и его направленіе дѣйствительно отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ современныя вѣянія, но отражали безразлично, поверхностно, почти что безсознательно. Молодежь, воспитываемая этими безсознательно отраженными направленіями, дѣлилась на двѣ части: одну—меньшую, которая шла вглубь дѣла, принимала вѣянія въ сурьезъ, переводила ихъ въ жизнь и скоро ощущала страшное неудовлетвореніе поверхностнымъ отраженіемъ, а другую, конечно многочисленнѣйшую, которая совершенно довольствовалась верхами и вѣроятно доселѣ вѣкъ свой доживаетъ въ безразличномъ поклоненіи и Гюго и Марлинскому, и въ абсолютномъ непониманіи всего новаго и живого, начиная съ самого Гоголя.

Та и другая молодежь—два фазиса того, что я не разъ уже называлъ русскимъ романтизмомъ, и что совершенно не похоже на другіе романтизмы. Русскій романтизмъ такъ отличается отъ иностранныхъ романтизмовъ, что онъ всякую мысль, какъ бы она ни была дика или смѣшна, доводитъ до самыхъ крайнихъ граней и притомъ на дѣлѣ. Нѣмецъ, напримѣръ, можетъ родъ человѣческій производить отъ обезьянъ и исправлять какую угодно, хоть пасторскую обязанность: доходить до крайнѣйшаго отрицанія всякихъ нравственныхъ основъ или до самыхъ фантасмагорическихъ галлюцинацій и не спиться съ кругу, ибо такихъ чудаковъ, какъ Гофманъ, который отъ своихъ принцевъ-піявокъ, серпентинъ и иныхъ созданій своей чародѣйной фантазіи обрѣталъ успокоеніе только въ Ауэрбаховскомъ погребкѣ, да тамъ же большею частію и создавалъ ихъ, или такихъ, какъ Максъ Штирнеръ, который довелъ до крайнѣйшей безумной послѣдовательности мысль объ абсолютныхъ правахъ человѣческаго *я* да и сѣлъ въ сумасшедшій домъ, очень немного. Великій Гегель, по сказанію извѣстнаго ёрника Гейне, выразился какъ-то въ бесѣдѣ неуважительно насчетъ планетъ небесныхъ, да и сѣлъ потомъ преспокойно за вистъ. Французъ тоже, за исключеніемъ лихорадочныхъ эпохъ исторіи, когда милая tigre-singe разыграется до головокруженія, вообще весьма наклоненъ къ нравственной жизни, наслажденіямъ фантастическими и иными прелестями, по весьма правдивымъ сказа-

ніямъ Ѳедора Достоевскаго. Но мы—народъ какой-то неумный, какой-то грубо-первобытный народъ. Мысль у насъ не можетъ еще какъ-то разъединяться съ жизнію. Закружилась у насъ голова отъ извѣстныхъ вѣяній, такъ ужь точно закружилась. Печальныя жертвы приносили мы этимъ вихрямъ въ видѣ Полежаевыхъ, Мочаловыхъ, Марлинскихъ, даже Лермонтовыхъ.

Вотъ людей такого-то чисто русскаго закала, людей съ серьезной жаждой мысли и жизни, способныхъ прожигать жизнь или ставить ее на всякую карту, кромѣ еще небольшого кружка людей дѣльныхъ, способныхъ спеціально чѣмъ-нибудь заняться,—мало удовлетворяло направленіе «Телеграфа» и общій уровень тогдашней литературы. Праздношатательство, эпикурейство, весьма притомъ дешовыя, луна, мечта, дѣва,—тряпки, тряпки! по позднѣйшему остроумному выраженію Сенковскаго-Брамбеуса, проповѣдуемые въ поэзіи сателлитами Пушкина и всякими виршеплетами въ безчисленныхъ альманахахъ; нѣмецкій сентиментализмъ, который сталъ скоро примѣшиваться въ повѣстяхъ Полеваго и другихъ къ лихорадочно-тревожнымъ вѣяніямъ и велъ совершенно послѣдовательно къ знаменитому приторно-мѣщанскому эпилогу Аббадонны,—все это могло удовлетворить окончательно только ту молодежь, которая, какъ, напримѣръ, мой наставникъ, въ сущности переводила романтическія стремленія на с у т ь знаменитой пѣсни:

Для любви одной природа
Насъ на свѣтъ произвела,

да уѣздныхъ или замоскворѣцкихъ барышень, которыя все ожидали, что въ послѣдней главѣ «Онѣгина» явится опять не убитый имъ и только почтённый убитымъ Ленскій и соединится съ овдовѣвшею Ольгою, равномѣрно какъ Онѣгинъ съ Татьяной. Изъ юношей, вѣрившихъ въ упомянутую пѣсню, образовались или подъячіе-пивогрызы, или лекаря-взяточники, или просто нюни и пьянюги; изъ барышень конечно Кукушкины, съ жадностію читающія и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, «когда препятствія исчезаютъ и два любящіяся сердца соединяются». Все это какъ слѣдуетъ. Даже многіе изъ поэтовъ тогдашнихъ, проклинавшихъ жизнь и сѣтовавшихъ на то, какъ тяжело

...быть въ толпѣ безчувственныхъ людей,

преспокойно дослужились до чиновъ извѣстныхъ и до пряжекъ за двадцатипятилѣтіе.

Все это не только что удовлетворялось окончательно и Полевымъ, и его направленіемъ, но вѣроятно и до сихъ поръ, если еще здрав-

ствуетъ на свѣтѣ, то удовлетворяется. Да не то что вѣроятно, а это фактъ. Читали вы, напримѣръ, недавно вышедшую поэму г. Жандра: «Свѣтъ». Курьезъ занимательный. Тридцатые годы, совершенно какъ были, вдругъ возлетаютъ передъ вами запоздалымъ явленіемъ,—совсѣмъ какъ были, съ личностями непризнанныхъ поэтовъ, воздушныхъ графинь или княгинь, съ рѣчами à la Марлинскій, все это мужескій полъ чуть ли не въ тѣхъ же фракахъ съ откинутыми широкими бортами и длиннѣйшими таліями, въ башмакахъ съ ажурными чулками изъ-подъ обтянутыхъ панталонъ, а женскій или прекрасный полъ въ шляпкахъ съ какими-то ракушками, съ буфами-шарами рукавовъ и, напротивъ, съ короткими таліями... Или загляните на задніе дворы литературы, прочтите «Наташу Подгоричъ» или другіе недавніе романы, которыми еще не перестаетъ дарить свою публику «маститый» московскій романистъ, г. Воскресенскій. Вотъ вамъ уцѣлѣвшія муміи Полеваго и его направленіе.

Въ нихъ самихъ, т. е. въ Полевомъ и въ тогдашнемъ направленіи литературы, котораго онъ былъ горячимъ и даровитымъ, но совершенно слѣпымъ вождемъ, лежало ихъ крайне пустое будущее. Литература уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ размѣнивалась на пошлѣйшіе альманахи. Пушкинъ начиналъ уже отъ нея отвертываться и уходить въ самого себя. Полевой уже подавалъ руку Булгарину и начиналъ не понимать Пушкина. Да вѣдь и мудрено было, воспитавшись «Иваномъ Выжигинымъ» и снисходительно отнесшись къ «Димитрію Самозванцу» знаменитаго уже и тогда Ѳаддея, понять сцены изъ «Бориса», появлявшіяся хоть рѣдко въ хорошихъ альманахахъ.

«Борисъ» то и всталъ въ своей величавой цѣлости и былъ для многихъ, въ томъ числѣ и для Полеваго самого, камнемъ претыканія и соблазна. «Борисъ» же, съ другой стороны, выдвинулъ ярко другого литературнаго дѣятеля, которому суждено было отвѣтить потребностямъ серьезной молодежи, положить основы дальнѣйшему ходу критическаго сознанія и, кромѣ того, воспитать и дать поколѣнію его настоящаго вождя—Виссаріона Бѣлинскаго.

Этотъ крестный отецъ великаго борца—былъ циникъ-семинаристъ, Никодимъ Надоумко. То есть Никодимомъ Надоумко былъ онъ до 1831 года и въ одной только первой книжкѣ новорожденнаго «Телескопа» за этотъ годъ. Затѣмъ явился редакторъ журнала Н. И. Надеждинъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ самородковъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ умовъ и одна изъ громаднѣйшихъ ученостей, съ положительнымъ отсутствіемъ характера, отсутствіемъ почти такимъ же,

какъ въ другомъ современномъ ему дѣятелѣ—Сенковскомъ, равно оригинальномъ по уму, равно обладавшемъ изумительною ученостью...

Въ 1829 году дряхлѣвшаго до «жалости подобнаго» состоянія «Вѣстника Европы», наводившаго сонъ или уныніе и своимъ Лужницкимъ старцемъ, и своими литературными взглядами

Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма,

въ статьѣ «Сонмище Нигилистовъ» явился новый, свѣжій, цинически грязный, но по своему остроумный и несомнѣнно энергическій дѣятель подъ именемъ Никодимъ Надоумко. Слово «нигилистъ» не имѣло у него того значенія, какое въ наши дни придалъ ему Тургеневъ. «Нигилистами» онъ звалъ просто людей, которые ничего не знаютъ, ни на чемъ не основываются въ искусствѣ и жизни,—ну, а вѣдь наши нигилисты знаютъ пять книжекъ и на нихъ основываются... Надоумко повелъ странныя по плану и по содержанію бесѣды съ просвирнями, корректорами типографій и иными выводимыми имъ лицами о пустотѣ литературнаго направленія, нещадно возставалъ, больше впрочемъ изъ угожденія старцамъ, на Пушкина,—въ чемъ конечно никто ему не сочувствовалъ,—на Полеваго и его поверхностность, въ чемъ уже многіе ему сочувствовали, на праздношатаніе мысли и чувства...

Затѣмъ, рядомъ статей подъ псевдонимомъ Надоумки завоевавши себѣ извѣстность, а диссертаціею «De poesia Romantica» степень доктора философіи и каѳедру, Н. И. Надеждинъ раскланялся съ старцами и ихъ органомъ и началъ издавать «Телескопъ». Въ первомъ же нумерѣ, какъ я упомянулъ, онъ одинъ во всей своей тогдашней критикѣ объявилъ себя за Пушкинскаго «Бориса» и всталъ во главѣ всей серьезной молодежи.

Но это уже относится къ 1831 году...

VI.

ОТЗЫВЫ ПРОШЛАГО.

Между тѣмъ, старое поколѣніе, сходившее съ поля дѣйствія или долженствовавшее сойдти по непреложнымъ законамъ исторіи, доживало же свою жизнь съ чѣмъ-нибудь, хранило же на себѣ слѣдъ тѣхъ вѣяній, которыя во время оно болѣе или менѣе могущественно уносили его за собою, и передавало же или, по крайней мѣрѣ, старалось передавать поколѣнію молодому эти, для него еще живыя вѣянія?..

Конечно такъ. Сколь ни мало серьезнаго вынесъ мой отецъ изъ своей юности, но все-таки же, по преданіямъ, помнилъ и

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость угнетенну;

потомъ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе за Донъ отыскивать свободы,

и другія тирады изъ «Димитрія Донскаго», разумѣется вмѣстѣ съ пародіей «Митюха Валдайскій» и другой пародіей, въ которой отмѣнною энергіею отличался отвѣтъ ханскому послу:

Поди и разскажи Мамаю,
Что я его... и проч.

Помнилъ—и съ восторгомъ, конечно уже подогрѣтымъ преданіемъ, читалъ и оду «Богъ», и «Фелицу» Державина. Впрочемъ, онъ былъ уже человѣкъ не Державинской, а Карамзинской эпохи; Сумарокова совсѣмъ не зналъ, Хераскова только что оставлялъ собственно въ покоѣ; за то съ большимъ чувствомъ цитировалъ Нелединскаго-Мелецкаго и Дмитріева, особенно:

Ахъ, когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды;

самъ же, впрочемъ, и пародировалъ цинически конецъ этого нѣжнаго стихотворенія.

Странный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ былъ мой отецъ или, лучше сказать, б ы в а л ъ въ разныя эпохи. Не касаюсь еще его чисто житейскихъ отношеній... Но, со стороны духовной, онъ именно представлялъ собою типъ умнаго дюжиннаго человѣка первоначальной Карамзинской эпохи. Для того, чтобы представлять этотъ типъ, судьба дала ему и достаточно много воспріимчивости, легкости усвоенія впечатлѣній, и достаточно мало нравственной твердости и умственной глубины. Какъ въ жизни онъ способенъ былъ подчиняться всякой обстановкѣ, ради тишины и мира, такъ и въ духовномъ развитіи. Но въ сущности подчиненіе было только видимое, чисто внѣшнее. Что-то упорно въ немъ сохранялось для тѣхъ, кто зналъ его такъ близко, какъ я впослѣдствіи. Въ эпоху пятидесятыхъ годовъ, напримѣръ, ему уже было за шестьдесятъ, но вдругъ, оставшись одинъ, вдовцомъ, и тотчасъ же окруженный кружкомъ молодежи, онъ чрезвычайно легко освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, нашелъ въ немъ смѣхъ, не только не мѣшалъ намъ всѣмъ, но самымъ наивнымъ образомъ дѣлилъ съ нами наши литературные интересы... и

въ сущности эта наивность не была искренна. «Что-то», повторяю, упорно въ немъ засѣло и по временамъ выскакивало наружу, особенно при маломальски неблагопріятной обстановкѣ... Судьба вообще довольно немилостиво съ нимъ обходилась, какъ и со всей нашей породой, и увы! одинъ изъ самыхъ немилостивыхъ ея презентовъ старику былъ, конечно, я... Пока дѣла шли хорошо, онъ, можно сказать, шелъ за мной всюду, но когда хорошая или, по крайней мѣрѣ, сносная полоса жизни смѣнялась очень несносною, старикъ впадалъ опять въ прежній упорный эгоизмъ.

Такое же «что-то» сидѣло у него и въ мірѣ умственно-нравственномъ. Это не была его самость, личность, ибо личности въ немъ не было и онъ развился какъ-то такъ, что рѣшительно не дорожилъ ни своею, ни чужою личностью—но нѣчто, если не вколоченное (ибо, сколько я знаю, дѣдъ не бивалъ его, а даже спускалъ многое добродушному и, вѣроятно, плаксивому ребенку), то задавившее его своимъ гнетомъ, подрывавшее въ немъ всякую серьезную воспріимчивость. И это нѣчто не были убѣжденія его отца, а моего дѣда, ибо у того были крѣпкія убѣжденія, а просто—это была вся бывалая эпоха, воспринятая его душою безразлично, безсознательно, такъ сказать рабски, не осмысленная никакимъ логическимъ процессомъ, засѣвшая въ умъ гуртовымъ хаосомъ. Что дѣдъ, который, какъ я уже говорилъ, былъ Степанъ Багровъ, хоть, конечно, менѣе грандіозный и менѣе грандіозно-поставленный къ жизненной обстановкѣ, виноватъ въ развитіи такого рода воспріимчивости въ отцѣ моемъ—нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ запугалъ его съ дѣтства, запугалъ до того, что отецъ мой никогда не чувствовалъ къ нему любви, а чувствовалъ только боязнь: до самыхъ раннихъ лѣтъ онъ боялся паче всего разсужденія, привыкъ все принимать безразлично. Въ жизни онъ потомъ, какъ только выпустили его нѣсколько на свободу, разумѣется «свертѣлся», попалъ въ довольно низменную обстановку и вынужденъ былъ въ ней основаться и, разумѣется, ей подчиниться. Но натура человѣческая такъ ужь устроена, что даже при самой слабой закваскѣ все-таки упорно стремится къ самостоятельности и ея выраженію въ жизни и, разумѣется, разнузданная выражаетъ въ жизни не самостоятельность, а самодурство. Рабы становятся непремѣнно деспотами при малѣйшей возможности, но и деспотизмъ ихъ не есть проявленіе ихъ личности, а невольное подражаніе деспотизму старыхъ господъ. Въ жизни, при маломальски хорошей и комфортабельной постановкѣ, отецъ рѣшительно перенималъ деспо-

тизмъ дѣда, но, конечно, по отсутствію крѣпкой закваски въ его натурѣ, проявленія никогда не носили доли серьезнаго оттѣнка, а разрѣшались почти всегда комически.

Но тѣмъ-то и дорогъ въ особенности мой отецъ, какъ субъектъ изслѣдованія, что онъ былъ умный и вмѣстѣ нравственно-дѣятельный человѣкъ, совершенно въ родѣ того, котораго вы можете представить себѣ, читая «Дневникъ Студента». Недаромъ, съ авторомъ этого Дневника, покойнымъ Жихаревымъ, онъ сохранилъ отношеніе дольше, чѣмъ съ другими своими товарищами по Университетскому Пансіону, хоть Степанъ Петровичъ и чины большіе произошелъ, а онъ такъ и остался на всю жизнь титулярнымъ совѣтникомъ...

Всѣхъ этихъ общихъ основъ натуры отца я коснулся только для того, чтобы объяснить, какими о н ъ долженъ былъ жить умственными и литературными вѣяніями.

Державина онъ уважалъ, какъ уважалъ разныхъ фетишей, съ той только разницей, что его онъ не боялся. Оды его нѣкоторыя онъ читалъ съ извѣстнаго рода декламаціей, чуть что не слезнымъ тономъ, и даже непристойныхъ пародій, къ сочиненію которыхъ имѣлъ онъ большую страсть (наслѣдованную впрочемъ и мною), никакъ себѣ не позволялъ... Но это именно былъ фетишизмъ слѣпой и безсознательный. Другое дѣло были для него Карамзинъ въ его первоначальной дѣятельности и Дмитріевъ въ его сказкахъ, Нелединскій въ чувствительныхъ пѣсняхъ: подъ эти пѣсни и онъ, конечно по своему, л ю б и л ъ нѣкогда и н ѣ ж н и ч а л ъ, если онъ способенъ былъ хотя какъ-нибудь любить и нѣжничать... Сказки Дмитріева были profession de foi полу-скромнаго, полу-нравственнаго воззрѣнія на жизненныя отношенія его эпохи; Карамзинъ въ своей первоначальной дѣятельности чрезвычайно развивалъ сердечную доброту и нѣжность,—свойства самыя полезныя для того, чтобы жизнь прожить въ тишинѣ и мірѣ... Поклоненіе Карамзину, какъ историку Государства Россійскаго, было уже опять слѣпо и неискренно, какъ фетишизмъ, и въ особенности основывалось на высокихъ чинахъ историографа и близости его ко двору.

Жуковскій прошелъ какъ-то мимо моего отца, не задѣвши его души никакими сторонами. Оно и понятно. Отецъ былъ совсѣмъ земной, плотской человѣкъ: заоблачныя стремленія и заоблачный лиризмъ были ему совершенно непонятны. Пушкина высоту онъ, какъ умный человѣкъ, не понимать не могъ, но отношеніе его къ Пушкину было какое-то весьма странное. То онъ его бранилъ какъ

писателя развратнаго и, какъ онъ говорилъ, злого,—все это, конечно, въ противуположность Карамзину, котораго всякая страница добротой дышетъ; то, какъ только ему начинали молодые люди цитовать что-нибудь изъ Полежаева, напримѣръ, онъ говорилъ: «нѣтъ! это не Пушкинъ!»—отправлялся на другой же день къ знакомому книжнику въ «городъ» (гостиный дворъ), привозилъ какую-либо поэму Пушкина и съ увлеченіемъ, хотя съ старою декламаціею, читалъ ее вслухъ. Злыми же писателями, но въ высшей степени талантливыми, считалъ онъ Грибоѣдова и автора «Думъ» и «Войнаровскаго», ставя послѣдняго чуть-ли по размаху не выше Пушкина. Къ Марлинскому, которому поклонялась молодежь, питалъ онъ очень мало сочувствія.

Все это, и старое и новое, носилось вокругъ меня, читалось за полночь отцомъ и Сергѣемъ Ивановичемъ въ спальнѣ отца и матери, подлѣ моей дѣтской, читалось цѣлымъ гуртомъ, безразлично... и Пушкинъ, и Марлинскій, и «Исторія Государства Россійскаго», и «Иванъ Выжигинъ», и «Юрій Милославскій», и романы Вальтера Скотта, выходившіе тогда безпрестанно въ переводахъ съ французскаго.

Чтеніе производилось пожирающее. Но въ особенности съ засосомъ, сластью, искреннѣйшею симпатіею и жадностью читались романы Радклифъ, Жанлисъ, Дюкре-Дюмениля и Августа Лафонтена.

О нихъ, о томъ мірѣ, которымъ населяли они дѣтское воображеніе, я считаю нужнымъ поговорить въ особенной главѣ.

VII.

ЗАПОЗДАЛЫЯ СТРУИ.

Кромѣ этихъ живыхъ, въ самомъ воздухѣ жизни носившихся вѣяній, кругомъ меня и—буквально, не метафорически говоря, вокругъ моей дѣтской постели шелестили еще впечатлѣнія былого, уже прожитаго времени... Собственно только что числились прожитыми эти впечатлѣнія и не смѣнены совершенно, а только что заслонены нѣсколько были они новыми отвѣтами на новыя требованія жизни, продолжая, тѣмъ не менѣе, дѣйствовать, вліять, воспитывать... Они, пожалуй, принадлежали уже къ роду тѣхъ впечатлѣній, въ силѣ которыхъ на душу не охотно сознаются молодыя, свѣжія поколѣнія, но, тѣмъ не менѣе, они отяготѣли на нихъ неизбѣжнымъ наслѣдствомъ, засѣли въ нихъ цѣлымъ органическимъ, неотдѣлимымъ отъ души міромъ.

То былъ, какъ я уже сказалъ, міръ старыхъ и, разумѣется, переводныхъ романовъ, черезъ посредство которыхъ въ новыя волны жизни вливались многоразличныя, болѣе или менѣе запоздалыя струи былого времени.

Моя дѣтская комната была подлѣ спальни отца и матери, и кроватка стояла у самыхъ дверей, такъ что и старинно-патетическое чтеніе отца, и сентиментально-дьячковское и монотонное чтеніе Сергѣя Иваныча были мнѣ слышны до слова въ продолженіе ночи, кромѣ того уже, что никто не препятствовалъ мнѣ слушать, прижавшись гдѣ-нибудь въ уголку, чтеніе вечеромъ, начинавшееся обычно послѣ пяти часовъ, т. е. по окончаніи вечерняго чая въ моей комнатѣ, служившей вмѣстѣ и чайною. Развѣ только отецъ иногда замѣтитъ, да и то больше «для проформы» (какъ онъ выражался насчетъ разныхъ офиціальностей), «ты бы шелъ лучше въ залу съ Маришкой играть», а Маришка, т. е. Марина, была дѣвочка моихъ лѣтъ, нарочито для удовольствія барчонка привезенная изъ Владимірской деревни; но о непремѣнномъ выполненіи своего замѣчанія отецъ нисколько не заботился, самъ слишкомъ увлекаясь интересомъ читаемаго, да развѣ, если ужь что-либо слишкомъ страшное или слишкомъ скандальное очень явно предвидѣлось въ дальнѣйшемъ ходѣ читаемаго, то высылалъ меня вонъ съ авторитетомъ родительской власти. Да и на то были средства. Коли только вечеръ былъ не лѣтній, т. е. коли я, volens-nolens, не долженъ былъ отправляться на дворъ или въ садъ, я съ замираніемъ сердца, на цыпочкахъ прокрадывался въ дѣвичью, находившуюся подлѣ моей комнатки, усаживался около шившей у дверей Лукерьи и, не мѣшая ей разговорами, прислонялся ухомъ къ дверямъ и опять-таки, съ маленькимъ перерывомъ, дослушивалъ отъ слова до слова привлекательные уже самою таинственностью своей страхи или скандалы... Ну, а лѣтомъ другое было средство. Я тщательно замѣчалъ всегда, куда кладетъ отецъ читаемую книгу: онъ же, какъ человѣкъ порядка, и клалъ-то ее всегда на опредѣленное мѣсто на верхъ бюро, на лѣвую сторону подъ календарь. Затѣмъ, на другой день утромъ, въ часы, когда по уходѣ Сергѣя Иваныча я долженъ былъ зазубривать краткій катехизисъ или исключенія третьяго латинскаго склоненія или велерѣчивыя повѣствованія Матвѣя Шрекка о царяхъ вавилонскихъ и ассирійскихъ, я уловлялъ ту минуту, когда мать въ болѣзненномъ настройствѣ начинала пилить, грызть и ѣсть Лукерью или въ добромъ — усердно занималась перекладкою вещей и бѣлья въ комодахъ, бесѣ-

дуя мирно съ тою же ненавидимою и вмѣстѣ странно любимою, постоянно грызомою и вмѣстѣ странно любившею ее Лукерьею, я воровалъ книгу и, держа всегда наготовѣ для ея прикрытія латинскую грамматику Лебедева, пожиралъ неслышанныя мѣста и перечитывалъ даже слышанныя или забѣгалъ и впередъ. Подходила мать въ дурномъ расположеніи духа пилить меня и немилосердно чесать мнѣ голову, а въ хорошемъ—ласкать и звать кофій пить,—я, какъ ни въ чемъ не бывало, прикрывалъ запретную книгу почтеннымъ трудомъ заслуженнаго профессора и принимался громко зудить iter-itineris, или «по дѣлу видѣнъ художникъ и такъ какъ художникъ бываетъ всегда совершеннѣе своего дѣла», и проч.... Затѣмъ, пользуясь какимъ-либо выходомъ матери въ дѣвичью, съ легкостью серны прыгалъ въ спальню и клалъ книгу на обычное мѣсто, а когда возвращался Сергѣй Иванычъ и официально-грозно требовалъ отчета въ утреннихъ занятіяхъ, я, постоянно не зная исключеній третьяго склоненія, съ несодѣянною наглостью ссылался на то, что сидѣлъ цѣлое утро, и что маменька, дескать, видѣла...

Впрочемъ, повторяю еще, отецъ болѣе «для проформы» прибѣгалъ къ такого рода изгнаніямъ, чтобы такъ сказать совѣсть не зазрила и долгъ родительскій въ нѣкоторомъ родѣ былъ исполненъ, а самъ внутренно и по собственнымъ отроческимъ воспоминаніямъ, и какъ весьма умный практически человѣкъ, былъ глубоко убѣжденъ въ безполезности всяческихъ запрещеній... Въ этомъ, въ особенности впослѣдствіи, подростая, я все болѣе и болѣе могъ бы убѣждаться, кабы смотрѣлъ только на вещи попроще. Онъ смотрѣлъ на все сквозь пальцы и видимо хотѣлъ смотрѣть такъ... Ну, достигало что-нибудь противъ его воли до его вѣдома, онъ принимался за «проформы» и «асанданъ» въ ходъ пускалъ. Жаль, что съ полною ясностію созналъ я такія его свойства только тогда уже, когда мнѣ въ томъ не было нужды. Вообще отъ многихъ бы моральныхъ мукъ избавилъ я себя, если бы «поестественнѣе» относился къ дѣламъ міра сего... Вопросъ только въ томъ, могъ ли я, воспитавшійся подъ тѣми вѣяніями, о которыхъ имѣю честь вамъ повѣствовать въ точности и подробности, и воспринимавшій ихъ всѣ совершено въ сурьезъ,—понимать даже естественное отношеніе къ дѣламъ міра сего. Передо мною долго, очень долго ходили не люди живьемъ, а образы романовъ или образы исторіи. Сколько-нибудь естественнаго отношенія къ жизни и къ людямъ я долженъ былъ добиваться отъ себя трудомъ несравненно болѣе упорнымъ, нежели тотъ мозговой про-

цессъ, который былъ потребенъ для усвоенія отвлеченностей «Феноменологіи Духа». Болью сердца, язвами самолюбія покупалось впослѣдствіи это сколько-нибудь естественное отношеніе!

И все-таки не честно въ высшей степени было бы винить и вѣянія вѣка, подорвавшія во мнѣ въ корнѣ естественность отношеній къ жизни, и отца, который мало заботился о томъ, чтобы подрѣзывать ранніе и неправильные побѣги развивавшагося въ его глазахъ растенія. Я той вѣры—въ сорокъ два года надѣюсь можно имѣть смѣлость на такую вѣру—я той вѣры, что, останови побѣгъ жизненной силы въ одну сторону, она ударится въ другую. Не развейся во мнѣ съ ужасающей силою жизнь мечтательная, развилась бы съ такою же жизнь животненная, а что лучше или хуже—рѣшить, право, трудно. Отецъ инстинктивно, кажется, понималъ это и при томъ самъ, какъ человѣкъ положительно-чувственный, жизни души не придавалъ большого значенія. Въ этомъ, равно какъ и въ любимомъ своемъ присловьѣ: «перемелется—все мука будетъ», онъ конечно ошибался, и впослѣдствіи, когда на его глазахъ, даже въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ, броженіе не перемалывалось въ муку, могъ наглядно убѣдиться въ своей ошибкѣ, но во всякомъ случаѣ въ томъ, что онъ не прибѣгалъ къ стѣснительнымъ и запретительнымъ мѣрамъ, я считаю его совершенно, хотя тоже инстинктивно, правымъ...

Разскажу вамъ одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ опытовъ по этой части, хоть друзья мои начинаютъ уже сильно бранить меня за мои безсовѣстныя вставки и отступленія. Довелось мнѣ быть наставникомъ одного крайне лѣниваго и крайне-же даровитаго отрока—купно съ весьма положительнымъ гувернеромъ-англичаниномъ, честнѣйшимъ и ограниченнѣйшимъ господиномъ мѣщанскаго закала, какого только удавалось мнѣ въ жизни встрѣтить. Методы образованія отрока были у насъ съ нимъ діаметрально противуположны. Гувернеромъ я не былъ, да и никогда бы, по чистой совѣсти, не только мальчика, но даже щенка не принялъ бы подъ свое руководство, но быть образователемъ я взялся и даже охотно взялся, потому что я люблю это дѣло, да и не лишенъ къ нему способностей. Сталъ я къ нему поэтому въ совершенно свободное отношеніе: я сразу понялъ, конечно, что отъ малаго почти что шестнадцати лѣтъ, у котораго глаза разгораются на всякую мало-мальски нестарую фіористку, которыхъ такъ много въ милой Citta dei Fiori и которыя всѣ—сказать par parenthèse—предобрыя, что отъ такого малаго нечего желать и требовать не только что зубренья уроковъ, но вообще занятій внѣ классной

комнаты требовать совершенно безполезно: когда ему и на Пьяццеттѣ въ отличномъ экипажѣ всякій день показаться, и въ театрѣ побывать въ разныхъ ложахъ, и проч. А съ другой стороны я такъ же хорошо понялъ, что съ малымъ, который, прочтя разъ сколько-нибудь заинтересовавшую его страницу, удержитъ ее навсегда въ памяти или, воротясь изъ новой оперы, катаетъ на роялѣ всѣ ея сальянтныя мѣста съ гармоническими ходами и оркестровыми эфектами,—много сдѣлаешь часа въ четыре въ сутки, и добросовѣстно отдалъ въ его распоряженіе столько своего времени, сколько самъ онъ хотѣлъ и могъ взять. Главное то, что я понялъ всю безполезность и даже положительный вредъ разныхъ запретительныхъ мѣръ, и отъ души хохоталъ, хохоталъ порою до сумасшествія, когда онъ показывалъ мнѣ строки, замаранныя въ исторіи Римскихъ императоровъ его высоконравственнымъ гувернеромъ. Увы! онъ только эти-то строки и выучилъ наизусть по другому, конечно, экземпляру изъ исторіи Римскихъ императоровъ. Но высочайшая прелесть запретительной системы обнаружилась, когда мудрый и чинный наставникъ въ день рожденія (воспитаннику было уже шестнадцать лѣтъ и онъ состоялъ уже въ ближайшемъ знакомствѣ съ прекрасной половиной одного престараго и прескупого грека, подчинявшагося, однако, общему правилу образованнаго общества имѣть свою ложу въ Перголѣ), подарилъ ему изданіе Family-Shakspeare. Шекспира англичанинъ хотя зналъ очень плохо и, кажется, внутри души считалъ его просто только непристойнымъ и безнравственнымъ писателемъ, но увидѣлъ съ сокрушеннымъ сердцемъ тяжкую необходимость рѣшиться на такой подарокъ... Вотъ гдѣ можно было окончательно дознаться, съ какими цѣлями издаются Фемили-Шекспиры и другія editiones castratae на пользу юношества. Первымъ дѣломъ, разумѣется, нашъ отрокъ стянулъ у меня моего нефамильнаго Шекспира, добросовѣстнѣйшимъ образомъ вписалъ въ свой экземпляръ пропущенныя или исправленныя мѣста, добросовѣстнѣйшимъ образомъ ихъ выучилъ и безсовѣстно мучилъ ими каждое утро своего добродѣтельнаго надзирателя...

Да къ иному результату Фемили-Шекспиры и вообще запретительныя мѣры, прилагаемыя къ живымъ и даровитымъ натурамъ, и вести, конечно, не могутъ... Съ другой стороны нельзя же, конечно, и прямо все въ руки совать отрокамъ. И выходитъ поэтому, что правъ былъ вполнѣ мой отецъ, смотрѣвшій и желавшій смотрѣть на все сквозь пальцы, чтобы и отеческое достоинство не страдало, да и свобода бы развитія человѣческаго, сколько можно, не стѣснялась...

Въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ обращеніи между обычными читателями всякой всячины находились уже, конечно, не «Кандидъ» г. Волтера, не «Антеноровы путешествія», не «Кумъ Матвѣй» и даже не «Фоблазъ». Со всѣми этими прекрасными и назидательными сочиненіями познакомился я уже послѣ, въ эпоху, позднѣйшую даже, чѣмъ студенчество. Струя нахально-разсудочнаго или цинически-сладострастнаго созерцанія жизни, бѣжавшая по этимъ дореволюціоннымъ продуктамъ, уже сбѣжала и смѣнилась иною, въ свою очередь тоже сбѣгавшею уже струею—такъ сказать, реакціонною. Средніе вѣка—которые были, какъ время мрака и невѣжества, отрицаемы «вѣкомъ разума»—мстили за себя. Они, хоть на первый разъ по возобновленіи, и совершенно ложно понятые,—заняли почти-что всевластно человѣческое воображеніе. Рыцарство—съ одной стороны, таинственности загробнаго міра и сильныя страсти съ мрачными злодѣяніями—съ другой... вотъ, что дразнило немалое время вкусъ публики, которой пріѣлись и нахальство голаго разсудка, и безцеремонная чувственность былого времени. Уже самый «Фоблазъ»—книга стоящая, такъ сказать, на грани двухъ направленій: сказка, интрига весьма спутанная и сложная играетъ въ немъ роль нисколько не меньшую чувственности—и исторія Лодоиски имѣетъ въ немъ уже весь характеръ послѣдующаго времени, романовъ г-жъ Жанлисъ и Коттень. Сказка, интрига, чудесное и таинственное должны были на-время занять человѣческій умъ именно потому, что крайнія грани революціоннаго мышленія и созерцанія были крайними гранями его собственнаго истощенія. Послѣ фанатически чувственнаго культа разума гебертистовъ и послѣ сентиментально-сухого культа Высшаго Существа, признаннаго и освященнаго Робеспьеромъ, идти дальше было некуда. Замѣчательно, что самое освященіе этого культа добродѣтельнымъ ученикомъ Жанъ-Жака сливалось уже съ смѣшными бреднями и мистеріями вдовицы Катерины Тео (Theos). Кромѣ того, пресытившись тщетой различныхъ утопій будущаго, одна за другою оказывавшихся несостоятельными, человѣчество на-время поворачивало назадъ оглобли и переселяло свои мечты въ прошедшее.

Такъ было, конечно, преимущественно въ той странѣ, въ которой революціонное движеніе совершилось въ самой жизни, а не въ одномъ мышленіи, т. е. во Франціи, и, обращая взглядъ на сказки, дразнившія и тѣшившія вкусъ ближайшаго послѣреволюціоннаго поколѣнія, надобно непремѣнно имѣть это въ виду и строго различать струи, бѣгущія по романамъ хотя бы, напримѣръ, англичанки

Анны Редкляйфъ или Ратклифъ, какъ обычно писали у насъ ея имя, чопорной гувернантки герцога Орлеанскаго г-жи Жанлисъ или слезливой г-жи Коттень и добродѣтельно-сентиментальнаго Дюкре-Дюмениля и нѣмцевъ Клаурена и Шписа. Все это имѣетъ, пожалуй, одну общую исходную точку, и эту точку можно, пожалуй, назвать реставраціей среднихъ вѣковъ—но не вездѣ слово «реставрація» однозначительно въ этомъ отношеніи съ словомъ «реакція».

Талантъ, напримѣръ, Анны Радклифъ и ея магическое вліяніе на бывалыхъ читателей не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Покойный А. В. Дружининъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ иногороднаго подписчика», съ своими всегдашними качествами чуткости и тонкости, написалъ нѣсколько блестящихъ и даже эстетически-глубокихъ страницъ о значеніи и обаятельной силѣ множества сторонъ въ произведеніяхъ нынѣ забытой романистки, передавши искренне свои впечатлѣнія отъ этой живописи мрачныхъ разсѣлинъ и подземелій, звѣрскихъ страстей и вмѣстѣ самыхъ чинныхъ, англійски-нравственныхъ жизненныхъ воззрѣній—живописи съ колоритомъ иногда совершенно Рембрандтовскимъ,—но онъ не коснулся историческихъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ этой живописи и ее породившихъ, не коснулся разницы неизмѣримой, лежащей, напримѣръ, между этимъ родомъ и полнѣйшею, чисто уже реакціонною, реставраціею, совершонною впослѣдствіи Вальтеръ-Скоттомъ въ его романахъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ кажется, что отношенія знаменитой романистки къ изображаемому ею міру были не такъ опредѣленны, конечно, какъ отношенія Вальтеръ-Скотта къ его міру, ибо у нея прежде всего недоставало огромнаго запаса его свѣдѣній; но едва ли ея отношенія не были болѣе непосредственны; едва ли не болѣе органически сложились въ ней ея вкусъ и созерцаніе... Вальтеръ-Скоттъ нѣкоторымъ образомъ с д ѣ л а л с я, Анна Радклифъ р о д и л а с ь—родилась прямо съ своею страстью къ развалинамъ, подземельямъ и могиламъ, съ своимъ нервическимъ чутьемъ жизни тѣней, привидѣній и призраковъ, съ своей отзывчивостью на мрачныя и звѣрскія страсти—и родилась притомъ изъ самой глуби англійскаго духа, изъ того же мрачнаго сплина, который у величайшаго представителя націи сказался сценою Гамлета на кладбищѣ и потомъ могущественно односторонне сосредоточился въ Байронѣ. Я говорю здѣсь, конечно, не о силѣ таланта, а о его источникахъ, говорю о томъ, что Анна Радклифъ была талантъ глубоко-искренній, чѣмъ и объясняется ея преимущественное, преобладавшее и магическое вліяніе на мысль

читателей, повсемѣстно колоссальный успѣхъ ея романовъ, поколебленный—да и то не скоро—только успѣхомъ чрезвычайно искусныхъ издѣлій шотландскаго романиста.

Съ другой стороны, писатели рыцарскихъ романовъ въ Германіи—какъ, напримѣръ, Шписсъ, Клауренъ (кажется Клауренъ—авторъ «Могильщика», «Урны въ уединенной долинѣ» и проч.), хотя постоянно заняты рыцарствомъ, фантастическимъ и Средними вѣками, но вовсе не принадлежатъ къ послѣдующей реакціонной реставраціи средневѣковаго міра, послѣдствіями которой были: сочиненный, искусственный католицизмъ Герреса и братьевъ Шлегелей, да «вольныя» сумасшествія «доктора любви» Захарія Вернера, этого «сумасшедшаго, который вообразилъ себя поэтомъ», какъ мѣтко выразился о немъ геніально-остроумный авторъ «Писемъ о диллетантизмѣ въ наукѣ». Шписсъ и вообще писатели тогдашнихъ нѣмецкихъ рыцарскихъ романовъ принадлежали къ другому періоду, къ такъ называемому Drang und Sturm Periode нѣмецкой литературы, періоду, начатому вакхическими возліяніями Клопштока и его друзей передъ Ирминовымъ столпомъ (Irmin Säule) и блистательнѣйшимъ образомъ выразившемуся въ желѣзнорукомъ «Гетцѣ фонъ-Берлихингенѣ» Гете да въ «Разбойникахъ» Шиллера,—періоду скорѣе разрушительному, чѣмъ реакціонному. Древняя Германія, затѣмъ рыцарство и Средніе вѣка были для этого титаническаго поколѣнія знамена борьбы, а не отдыха—и кинжалъ, который безъ подписи горѣлъ надъ безвѣстною могилой безразсуднаго убійцы филистера Коцебу, былъ прямымъ послѣдствіемъ тевтонско-революціоннаго движенія. Разумѣется, все это относится не къ скучнымъ и длиннымъ романамъ Шписса, а къ тому направленію, за которымъ ковыляли эти и подобные имъ романы, къ той струѣ, которая бѣжитъ по нимъ.

Знаю,—не могу не сдѣлать опять отступленія,—что меня настоящее молодое поколѣніе, если только (что весьма сомнительно) оно пробѣжитъ мои записки, попрекнетъ въ темнотѣ и даже неопредѣленности изложенія, но вѣдь не могу же я писать цѣлые томы для разъясненія вещей, очень близко и коротко знакомыхъ и мнѣ, и всѣмъ моимъ сверстникамъ, хотя, конечно, съ другой стороны не могу и требовать, чтобы молодое поколѣніе перечло всю ту ерунду въ родѣ разныхъ: «Рыцарей Льва», «Рыцарей Семигоръ», «Уллогорнаго старца», «Старика вездѣ и нигдѣ», которую мы перечитали. Во всякомъ случаѣ, общаго знанія хода исторіи литературъ и значенія литературныхъ періодовъ я имѣю основанія требовать отъ того, кому благоу-

годно будетъ разрѣзать эти страницы «Эпохи» съ намѣреніемъ пробѣжать ихъ, и добросовѣстно предупреждаю его насчетъ необходимости этого общаго знанія. Мнѣ некогда разсказывать исторію нѣмецкой или англійской, или французской литературы, и, передавая тѣ вѣянія, которыя онѣ приносили нашему поколѣнію, я поневолѣ долженъ ограничиться намеками.

Струя, которая бѣжитъ по этимъ старымъ рыцарскимъ нѣмецкимъ романамъ,—весьма сложная струя. Эти гонимыя добродѣтели и угнетаемыя злодѣями невинности, которыя защищены всегда или прямо таинственными, загробными силами, или добродѣтельными рыцарями, обязанными по уставамъ своихъ братствъ поражать зло и поддерживать страдающую правду; эти тайныя судилища, фемгерихты, потайнымъ кинжаломъ творящіе судъ и правду въ безправномъ и разоренномъ, лишенномъ единства (котораго и понынѣ не достигла Германія) обществѣ,—эти мракъ и тайна, которыми окружены поборники праваго дѣла, какіе-нибудь рыцари Льва или Семигоръ, эта вѣчная чаша св. Грааля, парящая въ высяхъ небесныхъ,—все это не одна любовь къ Среднимъ вѣкамъ и къ реставраціи, далеко не одна. Тутъ и месмеризмъ XVIII вѣка съ его духами и духовидцами, тутъ и иллюминатство Вейсгаупта или розенкрейцерство съ ихъ тайнами, символами и потайными кинжалами, тутъ, наконецъ, главнымъ образомъ ужасное убѣжденіе въ полнѣйшемъ безправіи разрозненнаго общества и не менѣе же ужасное убѣжденіе въ полнѣйшей необходимости постояннаго дѣйствія сверхъестественныхъ или сверхъобщественныхъ и, стало быть, противуобщественныхъ силъ — убѣжденіе, высказавшееся у двухъ великихъ художниковъ Германіи образами Карла Моора и Гетца фонъ-Берлихингена, а въ жизни—безумнымъ мученичествомъ Занда... Мудрено ли, что, какъ ни плохи и ни длинны издѣлія Шписса, Клаурена и другихъ рыцарскихъ романистовъ того времени, но струи, бѣгущія по нимъ, дѣйствовали сильно и на воображеніе, и на чувство читавшей массы.

Наконецъ, что касается до французскихъ романовъ этого времени, то они также отличались совершенно особеннымъ характеромъ и притомъ вовсе еще не реакціоннымъ и даже не реставраціоннымъ. Я говорю, конечно, о романахъ, преимущественно ходившихъ въ обращеніи въ публикѣ, т. е. въ читающей черни, о романахъ Дюкре-Дюмениля, г-жъ Жанлисъ и Коттень, а не о романахъ Шатобріана или г-жи Сталь. «Викторъ, или дитя въ лѣсу», «Слѣпой у источника св. Екатерины»—произведенія перваго изъ поименован-

ныхъ мною романистовъ, «Рыцари Лебедя» г-жи Жанлисъ, и знаменитая «Матильда, или Крестовые походы» г-жи Коттень — вотъ, что составляло насущную пищу читающей «публики», преимущественно женской ея половины. Дюкре-Дюменіль завлекалъ своими сложными и запутанными интригами, да разными ужасами, хоть и не тонко, но зато крайне расчетливо придуманными. Надъ «Матильдой» проливалось несчетное количество слезъ, и Малекъ-Аделемъ ея рѣшительно бредили барыни и барышни ровно до тѣхъ поръ, пока его смѣнили герои Виконта д'Арленкура, представителя новой, уже чисто реставраціонной и реакціонной струи. Скучнѣе всего были романы г-жи Жанлисъ, хотя по странной игрѣ судьбы въ упомянутомъ мною пошломъ ея издѣліи «Рыцари Лебедя» можетъ быть нагляднѣе всѣхъ другихъ выражался тогдашній французскій до-революціонный духъ и его тогдашнее отношеніе къ Среднимъ вѣкамъ, рыцарству и проч., такъ что даже весьма скандальныхъ непристойностей немало въ произведеніи сухой и чинной гувернантки Орлеанскаго, а легкомысліе общаго взгляда на жизнь доказываетъ, что не безслѣдно прошло для нея знакомство съ сочиненіями Вольтера и съ нимъ самимъ. Да и рыцари, взятые ею на прокатъ, безъ малѣйшаго знакомства съ исторіею изъ временъ Карла Великаго, нисколько не похожи на рыцарей нѣмецкихъ романовъ: это—люди очень легкомысленные и вѣтреные, помимо, конечно, ея вѣдома, вышедшіе у нея точно французскими и даже провансальскими рыцарями, или резонеры, разсудочные люди, схожіе, какъ двѣ капли воды, съ типами французскихъ буржуа... О г-жѣ Коттень я не распространяюсь, потому что хоть она и больше, можетъ быть, читалась, но въ сущности менѣе характеристична. Дюкре-Дюменіль, какъ я уже сказалъ, бралъ преимущественно запутанностью сказски. Чрезвычайно важно то только, что во всѣхъ этихъ, совершенно различныхъ одинъ отъ другого романистахъ, во всѣхъ,— если прибавить къ нимъ еще и г-жу Монтолье—автора знаменитой тоже тогда «Каролины Лихтфильдъ» и «Амалія, или хижина среди горъ»,—несмотря на всю ихъ пошлость, общій французскій духъ и конецъ восьмнадцатаго вѣка выражаются все-таки очень ярко и наглядно и въ легкомысліи, и въ чувственности, и въ мѣщанской разсудочности взгляда на жизнь. Та нравственность, къ которой они клонятъ, и та мораль, которая изъ нихъ выводится, вовсе не то, что чопорный пуританизмъ Радклифъ или добродѣтель, проповѣдуемая Шписомъ. Она гола и суха до крайней пошлости, не обвита ни сплиническимъ мракомъ, ни нимбомъ таинственности—и совершенно

практична. Сочинялись эти издѣлія по чисто внѣшнимъ, а ужь никакъ не по внутреннимъ побужденіямъ. Не стремленіе къ Среднимъ вѣкамъ, къ таинственному или ужасному порождало ихъ съ ихъ Крестовыми походами, замками и подземельями, таинствами и ужасами, а просто мода и прихоть. Вкусъ къ разбойникамъ пошелъ отъ Шиллера, т. е. отъ того Mr. Gilles, auteur allemand, которому юная республика посылала гражданскій патентъ и котораго Карлъ Мооръ передѣлался на французской сценѣ въ «Robert, chef des brigands»— таинства, подземелья и ужасы были простымъ соревнованіемъ громадному успѣху романовъ Анны Радклифъ. Въ-сурьезъ еще ничто подобное не принималось французскимъ духомъ. Еще не явилась знаменитая книга г-жи Сталь о Германіи, а Шатобріанъ еще только обдумывалъ свой «Génie du christianisme», еще носилъ только въ душѣ психологическія исповѣди Рене и Эвдора. Писались просто сказки, бившія на занимательность и прошпигованныя насквозь съ одной стороны сантиментальностью, которой, какъ виноградымъ листикомъ, прикрывалась (и не всегда удачно) чувственность, да нравственностью, которая, въ переводѣ на чистый французскій языкъ, значила (и значила и значитъ всегда), какъ извѣстно, разсудочность. Но этимъ-то лицемѣрствомъ и важны эти пошлыя издѣлія, предназначавшіяся для потребленія читающей черни. Лицемѣрство сантиментальности и нравственности—вещь весьма понятная послѣ чувственныхъ сатурналій, начатыхъ философомъ Дидро и законченныхъ маркизомъ де-Садомъ.

Была, однако, еще струя, еще болѣе запоздалая, но за то гораздо искреннѣй мутная, въ которой старый, до-революціонный XVIII вѣкъ сказывался совершенно животненными отрыжками. Эта струя бѣжала сильно въ произведеніяхъ одного, тоже изъ любимыхъ писателей читающей черни, въ Пиго-Лебренѣ. Это былъ уже просто писатель-циникъ, хотя, надобно отдать ему полную справедливость, несравненно болѣе талантливый, чѣмъ всѣ сантименталисты, и несравненно менѣе противный, чѣмъ любимый писатель послѣдующаго времени, Поль де-Кокъ, съ силою комизма неоспоримой, съ наглой искренностью разврата, безъ малѣйшихъ претензій на мораль и добродѣтель, которыя въ Поль де-Кокѣ гораздо гнуснѣе для здраваго эстетическаго и нравственнаго чувства, чѣмъ его скабрезности. Сочиненій этого весьма откровеннаго господина до сихъ поръ, я думаю, нельзя читать безъ смѣха,—даже характеры и лица умѣлъ рисовать онъ,—и кто, напримѣръ, читалъ когда-нибудь «Пажа», тотъ вѣрно не забылъ достолю-

безнаго гусара Брандта, вѣрнаго друга барона Фельцгейма и вѣрнаго дядьки его молодого сына, милыхъ сценъ на станціи съ хозяйкой и съ старымъ циникомъ и съ рыжимъ капуциномъ... Прямота и откровенность волтерьянизма съ его ненавистью къ Монасаille и дидротизма съ фанатическимъ поклоненіемъ чувственности слышатся пренаивно въ подобныхъ сценахъ. Пиго-Лебрена я не могу отнести даже къ числу вредныхъ писателей: развратъ у него такъ безцеремонно показанъ, такъ обнаженъ отъ всякихъ завлекающихъ и дразнящихъ покрововъ, что едва-ли кого соблазнить можетъ. Я помню, что отецъ, напримѣръ, читая вслухъ «Пажа», высылалъ меня на короткое время изъ комнаты, и что потомъ я, какъ уже разсказывалъ, кралъ по обычаю книгу и, конечно, прочитывалъ съ нѣкоторымъ лихорадочнымъ трепетомъ пропущенныя мѣста: особеннаго дѣйствія они на меня, сколько я помню, не производили, а смѣялся я ужасно, потому что дѣйствительно смѣшно, гораздо смѣшнѣй Поль де-Кока (котораго, впрочемъ, я какъ то терпѣть не могъ всегда) писалъ человѣкъ.

Но вся штука въ томъ, что (Пиго-Лебренъ—прямой и смѣлый человѣкъ, нахально самъ себя выставлявшій безнравственнымъ писателемъ) «проформа» требовала, чтобы юное воображеніе было удаляемо отъ знакомства съ такимъ циникомъ. Именно только «проформа», потому что никому не приходило въ голову гнать меня изъ комнаты, когда читались «Природа и любовь», «Вальтеръ—дитя ратнаго поля» и другія произведенія безнравственнѣйшаго изъ писателей того времени, равно помѣшаннаго на чувственности самой ядовитой и дразнящей, какъ на добродѣтели самой приторно-нѣмецкой, и знаменитаго даже нравственностью и добродѣтелью, нѣмца Августа фонъ-Лафонтена. Многимъ, въ особенности помнящимъ только стихъ Пушкина

Романъ во вкусѣ Лафонтена,

приговоръ мой насчетъ безнравственности этого и другихъ подобныхъ ему въ это время романистовъ покажется по всей вѣроятности парадоксальнымъ; но въ сущности, если ужь говорить о безнравственности или вредѣ литературныхъ произведеній, то дѣло выйдетъ совершенно такъ. Молодое сердце и даже, проще говоря, молодая чувственность не такъ легко, какъ вообще думаютъ, поддаются цинически-нахальному, не таящему себя подъ покровами разврату. До этого надобно дойти, а сначала нужны непремѣнно приманки, по-

кровы, нѣкоторая таинственность, нужно то, что вообще сообщаетъ прелесть всѣмъ запретнымъ плодамъ. Въ самой женщинѣ — натуру благоустроенную влекутъ сначала именно такія же свойства...

Изъ читателей, даже не совсѣмъ молодого поколѣнія, а только нѣсколько помоложе того, къ которому принадлежу я, никто конечно не читалъ сантиментально-чувственной дичи добродѣтельнаго нѣмецкаго романиста, съ чѣмъ я ихъ отъ души поздравляю, потому что время, которое было бы употреблено на это совершенно пустое и праздное чтеніе, съ большею пользою пошло, вѣроятно, хоть на игры на свѣжемъ воздухѣ, а тревожное чувство, которое бы оно непремѣнно возбудило въ ихъ существѣ, находило себѣ, и притомъ въ пору позднѣе, правильный и жизненный, а не книжный выходъ. Но, съ другой стороны, не совѣшусь я ни мало самъ признаться и въ этомъ чтеніи, и въ немаломъ вліяніи этого чтенія на мое развитіе. Такъ было, такъ сдѣлалось: я-то, спрашивается, чѣмъ тутъ виноватъ?

Представьте вы себѣ вотъ какого рода, напримѣръ, нелѣпую исторію. Живетъ въ какомъ-то нѣмецкомъ захолустномъ городкѣ добродѣтельнѣйшій и честнѣйшій до паточной приторности танцмейстеръ. Совокупляется онъ—бракомъ разумѣется—съ столь же добродѣтельною, прекрасною и еще болѣе бѣдною, чѣмъ онъ самъ, дѣвицею; живутъ они, какъ и слѣдуетъ, т. е. какъ канаръ и канарейка, пересыпаясь непрерывно поцѣлуями и питаясь весьма скудною пищею. Тѣмъ не менѣе, несмотря на скудное питаніе, приживаютъ они сына Вальтера. Вальтеръ выходитъ образцомъ всякой чистоты и добродѣтели. Въ ранней юности онъ встрѣчаетъ какую-то шатающуюся дѣвицу, тоже образецъ чистоты, добродѣтели и невинности, дружится съ нею и препроводитъ онъ съ нею время наичистѣйшимъ образомъ, храня, хотя не безъ волненій и весьма притомъ тревожныхъ, ея чистоту. Какъ ужь это ему удается, спросите у добродѣтельнаго писателя, ставящаго его, какъ нарочно, въ самыя затруднительныя положенія... Затѣмъ—какими ужь именно судьбами, не могу вамъ повѣдать въ точности, ибо нить самой сказки исчезла изъ моей памяти, а еслибъ я вздумалъ ее перечитывать, то вы бы имѣли полнѣйшее право заподозрить меня въ непомѣрной глупости,—Вальтеръ попадается въ какой-то богатый домъ, къ странному чудаку-старцу, у котораго есть прелестная и невинная, какъ сама невинность, шестнадцатилѣтняя племянница. Чудаку почему-то и отъ кого-то нужно скрыть на мѣсяцъ свою племянницу и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться въ добродѣтели Вальтера. Въ огромномъ саду его есть уеди-

ненный домикъ, клѣтка для канара и канарейки,—и вотъ въ этотъ-то домикъ, совершенно однихъ, поселяетъ онъ Вальтера и Леопольдину, обязавши перваго честнымъ словомъ хранить ввѣренную ему чистоту красавицы, а ей самой не сказавши, конечно, ни слова, ибо предполагается вездѣ и всегда, что «у дѣвушекъ ушки золотомъ завѣшаны». Можете вообразить себѣ, какую адски-раздражающую нервы жизнь ведутъ сіи чистые голубки цѣлый мѣсяцъ. Я полагаю, что Кукушкина, у которой глаза закатываются подъ лобъ отъ восторга, когда она читаетъ, «какъ препятствія исчезаютъ и два любящихъ сердца соединяются», не разъ и не два, а разъ двадцать перечитывала эту идиллію. Исторія называется: «Вальтеръ, дитя ратнаго поля»—въ россійскомъ переводѣ, разумѣется. Не этотъ, впрочемъ, Вальтеръ, дитя ратнаго поля, а ребенокъ, дѣйствительно найденный имъ во время битвы и имъ воспитанный. Сказку, повторяю вамъ, я забылъ.

Или вотъ еще, напримѣръ, исторія, которой мой отецъ въ особенности восхищался всегда, живя уже болѣе воспоминаніями, но любя дразнить себя ими, восхищался, какъ Кукушкина,—исторія, называющаяся «Природа и любовь». Вамъ не безъизвѣстно, конечно, что послѣдняя четверть XVIII вѣка помѣшалась на природѣ, на первобытной чистотѣ и невинности, бредила о томъ, какъ бы создать, сочинить хоть искусственно,—какъ Вагнеръ во второй части «Фауста» сочинилъ Гомункулуса,—высидѣть, наконецъ, какъ-нибудь человѣка природы. Великій краснорѣчивый софистъ, добросовѣстнѣйшій и пламеннѣйшій изъ софистовъ потому именно, что онъ прежде всѣхъ самого себя обманывалъ, Руссо, пустившій въ ходъ и теорію абсолютной правоты страстей въ своей Юліи, и теорію, отрѣшенную отъ условій воспитанія въ своемъ «Эмилѣ» и «сдѣланную», общественную утопію въ своемъ «Contrat social»,—если и не выдумалъ эту «природу конца XVIII вѣка», ибо и до него еще было не мало ея выдумщиковъ, то по крайней мѣрѣ силою своего огненнаго таланта и увлекающаго краснорѣчія, самою жизнію, полною мукъ изъ-за нелѣпой мысли и преслѣдованій за нелѣпую мысль, пустилъ ее въ ходъ на всѣхъ парусахъ. Гонимый всѣми, и католиками, и кальвинистами, и даже самыми философами, осыпаемый клеветами и бранью Дефонтеней и другихъ подобныхъ личностей, но вмѣстѣ и нещадными сарказмами Вольтера, онъ, однако, на извѣстный срокъ времени, вполнѣ торжествуетъ по смерти. Не только что ко гробу его ѣздятъ на поклоненіе всякіе путешественники (помните, какъ какой-то англичанинъ, безъ дальнихъ разговоровъ, прямехонько спрашиваетъ задумавшагося

Карамзина: «Vous pensèz a lui?»), его слово переходитъ въ дѣло, кровавое дѣло его практическихъ учениковъ—Сенъ-Жюста и Робеспьера, а съ другой стороны разливается, какъ ученіе по читающимъ массамъ. Какъ дѣло, оно гибнетъ въ свою очередь, но гибнетъ грандіозно-сурово; какъ добыча читающихъ массъ, оно опошляется до крайнихъ предѣловъ пошлости, до чувствительныхъ романсовъ вродѣ

Для любви одной природа
Насъ на свѣтъ произвела,

до паточныхъ идиллій Геснера и его исторіи о первомъ мореплавателѣ, до романа «Природа и любовь» Августа фонъ-Лафонтена...

Воспитываетъ какой-то чудакъ своего сына à la Эмиль, но съ еще бо́льшими крайностями, въ совершеннѣйшемъ удаленіи отъ человѣческаго общежитія, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи его условій и отношеній, даже разницы половъ,—вѣроятно для того, что пусть дескать самъ дойдетъ до всего—слаще будетъ... Но выходитъ изъ этого не канва для «Гурона или простодушнаго», этой мѣтко-ядовитой и, несмотря на легкомысленный тонъ, глубокой насмѣшки старика Вольтера надъ модною «Природою», а совсѣмъ другая исторія. Юный Вильямъ—конечно ужь, какъ слѣдуетъ,—образецъ всякой чистоты, прямоты и невинности. Попадается онъ при первомъ столкновеніи съ обществомъ на нѣкоторую дѣвицу Фанни и, приведенный сразу же въ отчаяніе ея совершеннымъ непониманіемъ «Природы» и тончайшимъ пониманіемъ женскаго кокетства и женскаго вѣроломства, уѣзжаетъ въ далекую Индію. Тамъ онъ, конечно, научается глубоко уважать дикихъ и ненавидѣть угнетающую ихъ, «чадъ природы», цивилизацію, тамъ онъ встрѣчаетъ прелестную Нагиду. Самое имя, конечно для ясности идеи измѣненное такимъ образомъ русскимъ переводчикомъ, исполнявшимъ, кажется, трудъ перевода «со смакомъ»—показываетъ уже достаточно, что это нагая, чистая природа. И дѣйствительно, разныя сцены подъ пальмами и бананами совершенно убѣждаютъ въ этомъ читателя, и ужасно раздражаютъ его нервы, если онъ отрокъ, еще ничего не вѣдающій, или старикъ, много извѣдавшій и мысленно повторяющій извѣданное. Не даромъ же такъ любилъ чтеніе этого произведенія мой отецъ—и не до преимуществъ дикаго быта передъ цивилизованнымъ было, конечно, ему дѣло...

Все это, какъ вы видите, были струи болѣе или менѣе мутныя,—струи запоздалыя, но вносившія свой илъ и тину въ наше развитіе.

VIII.

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ И НОВЫЯ СТРУИ.

Между тѣмъ, новыя струи уже вторгались въ умственную и нравственную жизнь, даже въ ту, далеко отставшую отъ общаго развитія, въ которой я воспитывался или воскармливался. Разумѣется, объ отсталости среды говорю я по отношенію къ поколѣнію уже старому, зародившемуся въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка. Молодое жило всего болѣе тѣми умственными и нравственными вѣяніями современности, которые и поставилъ я, кажется по всей справедливости, на первомъ планѣ—хотя оно, органически связанное съ поколѣніемъ, его породившимъ, не могло же уберечься отъ извѣстной доли наслѣдства его впечатлѣній. А съ другой стороны и поколѣніе старое, если только оно не было уже совсѣмъ дряхлое и находилось въ соприкосновеніяхъ съ жизнію, а стало быть и съ поколѣніемъ, выступавшимъ на поприще жизни, не могло тоже уберечься, въ свою очередь, отъ воспринятія извѣстной же доли новыхъ впечатлѣній новаго поколѣнія.

Не только мой отецъ, человѣкъ, получившій хоть и поверхностное, но въ извѣстной степени полное и энциклопедическое образованіе его эпохи,—даже его чрезвычайно малограмотные товарищи по службѣ, которыхъ уже кажется ничто, кромѣ взятокъ, описей и погребковъ не могло интересовать—и тѣ не только что слышали про Пушкина, но и читали кое-что Пушкина. Не большую, конечно, но все-таки какую-нибудь часть времени, свободнаго отъ службы и погребковъ, употребляли они иногда на чтеніе, ну хоть съ перепоя тяжкаго,—даже хоть очень небольшую, но все-таки какую-нибудь сумму денегъ, оставшихся послѣ житья-бытья да кутежей употребляли, хотя съпьяну, на покупку книгъ, пріобрѣтая ихъ преимущественно, конечно, на Смоленскомъ рынкѣ или у Сухаревой башни; нѣкоторые даже библіотечки такого рода пытались заводить. Въ особенности манія къ такимъ совершенно, по мнѣнію женъ ихъ, безполезнымъ покупкамъ распространилась, когда полились неудержимымъ потокомъ россійскіе историческіе романы. Тутъ даже пьянѣйшій, никогда уже не достигавшій совершеннаго трезваго состоянія, изъ секретарей Магистрата прочелъ книжку и даже купилъ у носящаго эту книжку, хотя не могу съ точностію сказать, потому-ли онъ купилъ въ пьяномъ образѣ, что прочелъ, или потому прочелъ, что купилъ въ пьяномъ

образѣ. То была «Танька—разбойница Ростокинская», которая особенно представлялась ему восхитительною съ кнутомъ въ рукахъ, такъ что онъ купилъ, кажется, даже табатерку съ таковымъ изображеніемъ знаменитой героини.

Но росскійскіе историческіе романы принадлежатъ уже къ послѣдующей полосѣ, а не къ этой, кончающейся началомъ тридцатыхъ годовъ и замыкающей въ себѣ изъ нихъ только первые романы Загоскина и Булгарина, только первые опыты россійскаго генія въ этомъ родѣ.

Россійскій геній открылъ родъ этотъ, какъ извѣстно, не самъ, а перенялъ, но проявилъ свою самостоятельность въ изумительномъ его облегченіи и непомѣрной, вслѣдствіе такого облегченія, плодовитости,—о чемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я поговорю, конечно, подробнѣе.

Въ ту полосу времени, о которой доселѣ идетъ еще пока у меня дѣло, новыми струями для поколѣнія отживавшаго и читающей черни были романы знаменитаго Шотландскаго романиста или, какъ условлено было называть тогда въ высокомъ слогѣ альманачныхъ и даже журнальныхъ статеекъ, «Шотландскаго барда».

«Шотландскій бардъ», возбуждавшій нѣкогда восторгъ до поклоненія, обожаніе до нетерпимости, поглощаемый, пожираемый, зачитываемый цѣлою Европою въ порядочныхъ и нами—въ весьма гнусныхъ переводахъ, порождавшій и посланія къ себѣ поэтовъ, какъ, напримѣръ, нашего Козлова, и цѣлыя книги о себѣ, въ родѣ книги какого-то невѣроятно ограниченнаго шотландца, кажется Олена Кунингамъ по прозванію, полной неблагопристойно-тупоумнаго поклоненія, не знающаго уже никакихъ границъ,—Шотландскій бардъ, говорю я, отошелъ уже для насъ въ прошедшее,—не возбуждаетъ уже въ насъ прежнихъ восторговъ; тѣмъ менѣе можетъ возбуждать уже фанатизмъ. Фактъ и фактъ несомнѣнный,—печальный-ли, веселый-ли, это я предоставляю разрѣшать ad libitum,—что въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатые годы, сѣро и грязно изданные, гнусно и притомъ съ Дефоконпретовскихъ переводовъ переведенные романы его выдерживали множество изданій и раскупались, не смотря на то, что продавались очень не дешево, расходились въ большомъ количествѣ, а въ половинѣ сороковыхъ годовъ затѣяно было въ Петербургѣ дешевое и довольно приличное изданіе переводовъ Вальтеръ-Скотта съ подлинника, да и остановилось на четырехъ романахъ, да и тѣ-то, сколько я знаю, покупались куда не во множествѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ

кто-то, добрый человѣкъ, выдумалъ въ Москвѣ начать изданіе еще болѣе дешевое, хоть и посѣрѣе Петербургскаго, переводовъ съ подлинника Вальтеръ-Скотта и выпустилъ довольно сносный переводецъ «Легенды о Монтрозѣ», да на немъ и сѣлъ, по всей вѣроятности—за недостаткомъ покупщиковъ, тогда какъ ужасно много разошлось стараго перевода, подъ названіемъ «Выслужившійся офицеръ, или война Монтроза».

Habent sua fata libelli—весьма устарѣлая, до пошлости избитая и истасканная, но все-таки весьма вѣрная пословица, только приложимая преимущественно къ временнымъ, такъ сказать модным, (не въ пошломъ, впрочемъ, а въ важномъ, пожалуй гегелевскомъ, смыслѣ слова), а не къ вѣчнымъ явленіямъ искусства.

Прежде всего я долженъ сказать, что къ таковымъ модным въ искуствѣ явленіямъ, хоть въ своемъ родѣ и въ высшей степени замѣчательнымъ явленіямъ, я причисляю знаменитаго Шотландскаго романиста. Сказать это послѣ величайшаго изъ англійскихъ мыслителей Карлейля, конечно, уже нисколько не смѣло въ наше время, но дѣло въ томъ, что и въ ранней юности я безъ особеннаго заскока читалъ многія изъ хваленыхъ произведеній Вальтеръ-Скотта и, напротивъ, читалъ по нѣскольку разъ, и отъ дѣтства до юности съ постоянно живымъ интересомъ, нѣкоторыя изъ его же мало извѣстныхъ. На меня весьма малое впечатлѣніе произвелъ, напримѣръ, «Айвенго», и я, не обинуясь, скажу, что насчетъ сказочнаго интереса пресловутый романъ этотъ весьма уступитъ сказкамъ Дюма и что въ немъ дороги только такія подробности и лица, которыя автору не дороги, потому, явное дѣло, что страстному, хоть и нечестивому храмовнику Бріану читатель гораздо болѣе сочувствуетъ, чѣмъ добродѣтельно-глупому рыцарю Айвенго... На меня совсѣмъ никакого впечатлѣнія не произвели «Ваверлей» и «Вудстокъ», котораго Оливеръ Кромвель такъ деревянно блѣденъ передъ живою фигурою во весь ростъ великой драмы Гюго, и «Квентинъ Дорвардъ», котораго захваленный Людовикъ XI, не сходящій почти со сцены въ романѣ, какая-то вялая тѣнь передъ Людовикомъ XI величайшаго поэта нашего вѣка, хоть въ свой «Notre Dame» онъ и пустилъ его только въ двѣ сцены. Да вѣдь за то какія эти сцены-то, какой мощи и поэзіи полны онѣ!.. Не произвели на меня впечатлѣнія и «Ричардъ въ Палестинѣ», и «Карлъ Смѣлый», и «Анна Гейерштейнъ», и сантиментальная «Эдинбургская темница», и весь на эффектахъ построенный «Кенильвортъ». Я не стыжусь даже признаться, что «Невѣсту Лам-

мермурскую» люблю я, какъ «Лючію», т. е., какъ вдохновеніе маэстра Доницзетти и пѣвца Рубини, а не какъ романъ Скотта... и мнѣ кажется («О, варварство!» воскликнутъ запоздалые поклонники Шотландскаго барда), что дюжинный либреттистъ Феличе Романи выжалъ изъ романа весь сокъ всего истинно драматическаго, что заключается въ романѣ, разбавивши это драматическое водою неизбѣжныхъ итальянскихъ пошлостей.

А между тѣмъ читалъ я и перечитывалъ въ разныхъ переводахъ и, наконецъ, въ подлинникѣ «Пирата» или «Морского разбойника», какъ называется онъ въ чистомъ и по своему времени изящномъ, хоть и сдѣланномъ съ французскаго, переводѣ замоскворѣцкаго романиста г. Воскресенскаго, читалъ и перечитывалъ «Монтроза», читалъ и перечитывалъ «Певериля Пика»..... Да! и доселѣ еще живъ передо мною весь, со всей обстановкой, со всѣмъ туманно-сѣрымъ колоритомъ уединенный, замкнутый, какъ будто изолированный отъ всего остального міра, мірокъ шетлендскихъ острововъ, гдѣ совершается дѣйствіе простой, даже не исторической, не загроможденной никакими блистательными личностями и событіями, но собственной жизнію полной драмы, совершающейся въ романѣ «Пиратъ» или, какъ озаглавленъ онъ въ переводѣ г. Воскресенскаго, «Морской разбойникъ».

Равномѣрно огромное же впечатлѣніе оставила на меня «Легенда о Монтрозѣ»—или «Выслужившійся офицеръ, или война Монтроза», по старому его сѣробумажному переводу. О Певериле я не говорю. Я его въ дѣтствѣ не читалъ, а прочелъ уже въ довольно позднюю пору въ подлинникѣ, но во всякомъ случаѣ причисляю его къ сильнымъ впечатлѣніямъ отъ Вальтеръ-Скотта. Затѣмъ, странное тоже дѣло, одна изъ поэмъ его въ непотребнѣйшемъ переводѣ подъ названіемъ «Марміона, или битва при Флодденфильдѣ» перечитывалась мною нѣсколько разъ въ дѣтствѣ. Изъ нея превосходно переведенъ Жуковскимъ извѣстный отрывокъ «Судъ въ подземельѣ», но, повторяю, не въ этомъ художественно-переведенномъ отрывкѣ я съ нею познакомился.

У насъ въ домѣ, вообще, не особенно любили Вальтеръ-Скотта и сравнительно не особенно усердно его читали. «Морского разбойника» даже и до конца, сколько я помню, отецъ не дочелъ—такъ онъ ему показался скученъ. «Выслужившагося офицера» хоть и прочли, но отецъ жаловался на его растянутость, «Марміоны» же осилили развѣ только страницъ десять. Вообще какъ-то, форма изложенія—

дѣйствительно новая и при томъ драматическая у Шотландскаго романиста—отталкивала отъ него старое читавшее поколѣніе. «Какъ пойдетъ онъ эти разговоры свои безъ конца вести—говаривалъ мой отецъ—такъ просто смерть, право»,—и пропускалъ безъ зазрѣнія совѣсти по нѣсколько страницъ. Вырисовка характеровъ, къ которой Вальтеръ-Скоттъ всегда стремился, его не интересовала. Ему, какъ и множеству тогдашнихъ читателей, нравилась всего болѣе въ романѣ интересная сказка, и потому естественно, что знаменитый романистъ нравился ему тамъ только, гдѣ онъ или повѣствовалъ о важныхъ историческихъ личностяхъ, или, какъ, напримѣръ, въ «Робертѣ, графѣ Парижскомъ», разсказывалъ разныя любопытныя похожденія.

Вдумавшись впослѣдствіи въ причины моего малаго сочувствія къ множеству самыхъ хваленыхъ романовъ Вальтеръ-Скотта и, напротивъ, очень сильнаго къ вышеупомянутымъ, я нашелъ, что я былъ совершенно правъ по какому-то чутью.

Искусство живетъ прочно и дѣйствуетъ глубоко на душу преимущественно однимъ свойствомъ (кромѣ, разумѣется, таланта художника)—искренностію мотивовъ или побужденій, отъ которой зависитъ и самая вѣра художника въ возсоздаваемый имъ міръ, а «безъ вѣры невозможно угодити Богу», какъ сказано въ Писаніи, да невозможно угодить вполнѣ и людямъ.

Шотландецъ до конца ногтей, сынъ горной страны, сурово хранящей преданія, членъ племени, хотя и вошедшаго въ общій составъ англійской націи и притомъ свободно,—не такъ, какъ Ирландское,—вошедшаго, но тѣмъ не менѣе хранящаго свою самость и нѣкоторую замкнутость, Вальтеръ-Скоттъ весь полонъ суевѣрной любви къ старому, къ преданіямъ, къ загнаннымъ или сгибшимъ расамъ, къ сверженнымъ династіямъ, къ уцѣлѣвшимъ еще кое-гдѣ, по мѣстамъ, остаткамъ стараго, замкнутаго быта.

Случайно или не случайно, дѣятельность его совпала съ реставраціонными стремленіями, проявившимися послѣ первой революціи во всей Европѣ. Но, опять таки, совсѣмъ иное дѣло эти реставраціонныя стремленія въ разныхъ странахъ Европы. Въ Германіи, какъ я уже сказалъ, подъ этими реставраціонными стремленіями билась въ сущности революціонная жила; во Франціи онѣ были необходимой на время реакціей, выродившейся въ новую революцію тридцатаго года; у насъ, наконецъ, онѣ были и остались простымъ стремленіемъ къ очищенію нашей народной самости, бытовой и исторической особенности, загнанныхъ на время терроризмомъ реформы

или затертыхъ и заслоненныхъ, тоже на время, лакомъ западной цивилизаціи.

О насъ и нашихъ реставраціонныхъ стремленіяхъ говорить еще здѣсь не мѣсто. О Германіи я говорилъ уже съ достаточною подробностію. Чтобы уяснить мою мысль о непосредственно, такъ сказать, нерефлективно-реставраціонномъ характерѣ литературной дѣятельности Вальтеръ-Скотта, я долженъ сказать нѣсколько словъ о французскихъ реставраціонныхъ стремленіяхъ.

Но никакъ не о тѣхъ, которыя выказались въ блестящей дѣятельности одного изъ величайшихъ писателей Франціи—Шатобріана, этого глубоко потрясеннаго событіями и страшно развороченнаго въ своемъ внутреннемъ мірѣ Рене, который съ полнѣйшею искренностью и съ увлеченіемъ самымъ пламеннымъ ухватился за старый католическій и феодальный міръ, какъ за якорь спасенія. Онъ представляется мнѣ всегда въ видѣ какого-то св. Доминика, страстно, со всѣмъ пыломъ потрясенной души и разбитаго сердца, со всей судорожностью страсти обнимающаго подножіе креста на одной изъ чудныхъ картинъ фра Беато въ монастырѣ Санъ-Марко. Не на тѣхъ также стремленіяхъ возьму я французскую реставрацію, которыя начались у Гюго его одами и выродились въ «Notre Dame», въ «Le roi s'amuse» и блистательно завершились «Мизераблями»; не на напыщенныхъ медитаціяхъ или гармоніяхъ Ламартина... Эпоху, какъ я уже замѣтилъ, нужно брать всегда въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ она на распашку.

Въ это время читающая публика «бредила», буквально бредила нынѣ совершенно забытымъ, и по дѣломъ забытымъ, совершенно дюжиннымъ романистомъ Виконтомъ д'Арленкуромъ. Его таинственный пустынникъ и эффектно мрачный отступникъ Агобаръ, его отмѣченная проклятіемъ чужестранка смѣнили въ воображеніи читателей и читательницъ добродѣтельныхъ Малекъ Аделей и чувствительныхъ Матильдъ. Но смѣнили они вовсе не такъ, какъ хотѣлъ этого авторъ. Авторъ самъ по себѣ—ограниченнѣйшій изъ реставраторовъ и реакціонеровъ: во всѣхъ своихъ, успѣхъ имѣвшихъ романахъ («Пустынникъ», «Чужестранка», «Отступникъ»), онъ проводитъ одно основное чувство: любовь къ сверженнымъ и изгнаннымъ династіямъ—въ особенности въ «Отступникѣ», въ «Инсабоэ» онъ въ ротъ, что называется, кладетъ, что «Меровинги» ли перваго романа, прованскіе ли Бозоны второго—для него то же, что Бурбоны, да публикѣ-то читавшей, въ особенности же не французской, а, напримѣръ, хоть бы нашей, никакого не было дѣла до подвиговъ его воительницы дѣвы Эзильды,

полной любви къ сверженной династіи, ни до Ипсабоэ, возстановляющей всеусердно, хотя и тщетно Бозоновъ въ Провансѣ. Для французской публики все это были уже старыя тряпки, для нашей—вещи совершенно чуждыя. Не тѣмъ влекъ къ себѣ дюжинный романистъ, а своей французской страстностью, которая помогала ему размѣнивать на мелочь могучіе и однообразно-мрачные образы сплинической англичанина, къ которому восторженное посланіе написалъ Ламартинъ и котораго нашъ Пушкинъ называлъ, уподобляя его морю, «властителемъ нашихъ думъ», но которому читающая чернь поклонялась по наслышкѣ и издали, какъ таинственно-мрачному божеству. Всѣ эти «Пустынники», «Агобары», «Чужестранки» были рѣшительно размѣномъ на мелочь байронизма; размѣномъ, можетъ быть, болѣе доступнымъ черни, чѣмъ самый байронизмъ. Съ другой стороны, извѣстная лихорадочная страстность француза, проникающая по мѣстамъ штуки Виконта д'Арленкура, была уже нѣкоторымъ образомъ предвѣстницей той великой полосы литературы, которая называется юной французской словесностью. Реставраціонныя же стремленія благороднаго Виконта потрачены имъ совершенно задаромъ,—и не сумѣй онъ, какъ настоящій, заправскій французъ, послужить вмѣстѣ и Богу, и мамонѣ, т. е. не пиши онъ такъ, что и рекаціи то было бы непротивно, и на новыя, страстныя стремленія похоже, онъ бы не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха.

Совсѣмъ другое дѣло—наивно, непосредственно, искренне-реставраціонный характеръ Вальтеръ-Скотта, не говоря уже, конечно, объ огромномъ различіи таланта. Весь полный міра преданій, собиравшій самъ съ глубокою любовью пѣсни и преданія родины, чуждый всякихъ политическихъ задачъ и преднамѣренныхъ тенденцій, честный даже до крайней ограниченности, объясняющей его нелѣпую, но искреннюю исторію французской революціи и Наполеона, Вальтеръ-Скоттъ былъ вполнѣ представителемъ шотландскаго духа, но не съ той грозной и величавой стороны его, которая породила суровый пуританизмъ и Оливера Кромвеля, а со стороны, такъ сказать, общежитейской. Такого другого ограниченнаго мѣщанина, какъ «Шотландскій бардъ», надо поискать, да поискать; развѣ только нашъ Загоскинъ будетъ ему подъ пару: его добродѣтельныя лица глупѣе Юрія Милославскаго и Рославлева, приторнѣе братцовъ Чарльсовъ Диккенса. Но дѣло въ томъ, что онъ все-таки поэтъ—и большой, хотя далеко не геніальный, какъ Байронъ или Гюго поэтъ,—что помимо его воли и желанія вырисовываются передъ нами въ его произведе-

ніяхъ именно тѣ самые образы, къ которымъ не питаетъ онъ нравственной симпатіи, и что, съ другой стороны, есть правда и есть поэтическая прелесть въ его сочувствіи къ загнаннымъ или погибшимъ расамъ, сверженнымъ, но когда-то популярнымъ династіямъ, къ суевѣріямъ и преданіямъ, есть художественная полнота и красота въ его изображеніяхъ замкнутыхъ мірковъ или отошедшихъ въ область прошедшаго типовъ.

Что это за міръ, напримѣръ, совсѣмъ отдѣльный, разобщенный съ остальнымъ міромъ—этотъ міръ шетлендскихъ острововъ съ его патріархомъ Магнусомъ Труалемъ (я всѣ имена пишу по переводу Воскресенскаго), съ его дочерьми: поэтически-мрачной, суевѣрной, нервной и страстной Минной и съ бѣлокурой, простодушной Бланкой, съ таинственной—не то помѣшанной, не то ясновидящей заклинательницей стихій Норной, съ загадочнымъ старикомъ проходимцемъ Мертуномъ, съ молодцомъ разбойникомъ Клевеландомъ и его остроумнымъ и непотребно ругающимся товарищемъ, съ чудакомъ стихотворцемъ Клавдіемъ Галькро, съ жаднымъ, лукавымъ разнощикомъ, нецеремонно пользующимся береговыми правами? Все это живетъ, все это ходитъ и говоритъ передъ нами: мы точно побывали сами на пиру у стараго Магнуса и видѣли воочію старый танецъ мечей; мы ѣхали съ Магнусомъ и его дочерьми въ темную ночь гадать къ помѣшанной колдуньѣ; мы стояли съ ней, съ этой колдуньей, на скалѣ и заклинали морской вѣтеръ; мы даже рылись въ заплечномъ чемоданѣ разнощика и съ любопытствомъ разсматривали разныя диковинныя вещи, пріобрѣтенныя имъ нецеремонно, какъ res primi occupantis въ силу берегового права; мы, наконецъ, вѣрили, входя въ пещеру Норны, что ея карликъ дѣйствительно какой-то гномъ, а не существо изъ земного міра. И что за дѣло было намъ, слѣдившимъ съ лихорадочнымъ интересомъ за страстію Минны къ удалому разбойнику и за таинственной симпатіею къ нему колдуньи, до пошлости юноши Мертуна и до сантиментальныхъ отношеній его къ Бланкѣ.

А достолюбезный капитанъ Долджетти въ «Легендѣ о Монтрозѣ»! Милый капитанъ, съ величайшей наивностью и по своему совершенно честно готовый служить и конвенту, и роялистамъ, смотря по тому, кто больше дастъ,—Долджетти, взятый въ плѣнъ республиканцами и готовый идти на висѣлицу, потому что еще осталось нѣсколько дней срока до конца его службы Монтрозу и роялистамъ... многоученый капитанъ Долджетти съ его большею частію непристой-

ными латинскими цитатами, которыми угощаетъ онъ за столомъ чинную и мрачно-скорбящую пуританку Леди Арджиль?.. А вражда клановъ, а община «дѣтей ночи» съ ихъ грознымъ, суевѣрнымъ и вмѣстѣ безвѣрнымъ, мрачнымъ и ясновидящимъ предводителемъ и, наконецъ, самъ ясновидящій, какъ Саулъ, терзаемый фуріями и утѣшаемый только звуками арфы прелестной Анны Лейль, — Оллинъ Макголей?.. Что намъ за дѣло, что Анна Лейль любитъ не его, а пошлеца Ментейта?.. Міръ, живой міръ, и вмѣстѣ какой-то фантастическій, передъ нами: личности, ярко очерченныя, носятся въ нашемъ воображеніи,—и поэтъ тутъ видимо въ своемъ элементѣ...

Таковы были книжныя впечатлѣнія, литературныя вѣянія, окружавшія мое дѣтство...

ПИСЬМА.

Народна Библиотека

1843 г.

1. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[1843 г. Москва].

Вчера, пріѣхавши отъ Васъ, подъ вліяніемъ еще разговоровъ съ Вами, я былъ долго счастливъ. Много вѣры въ назначеніе поселяете Вы въ меня; да воздастъ Вамъ за это Богъ!

1845 г.

2. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Октябрь 1845 г. Петербургъ].

Благодарю Васъ за память обо мнѣ, благодарю Васъ за участіе. Но я долженъ оправдаться передъ Вами въ разнаго рода слухахъ. Я оставилъ службу, потому что я не могу служить, потому что служба убиваетъ, потому что, наконецъ, я чувствую въ себѣ силы дѣлать на свѣтѣ что-нибудь лучшее, чѣмъ вести настольные реестры, ибо о н ы е, м о ж е т ъ б ы т ь, очень полезны сами по себѣ, но только для этого полезнаго дѣла современемъ изобрѣтутся машины. Кто чувствуетъ въ себѣ присутствіе жизненной силы, кто сознаетъ въ себѣ Бога, то есть человѣка, тому с т ы д н о губить полдня на машинную дѣятельность, особенно если онъ не пылаетъ в о з в ы ш е н н о ю страстію къ разнымъ степенямъ Владиміровъ, Аннъ и Станиславовъ. Предоставляю это другимъ в ѣ р н ы м ъ с л у г а м ъ О т е ч е с т в а. Я не пишу къ моимъ роднымъ, потому что мнѣ нечего писать къ нимъ покамѣсть. Придетъ время, когда я буду жить для нихъ и только для нихъ, ибо, право, я люблю ихъ. Возвратиться съ горькими слезами я не могу,

ибо плакать не о чемъ: слышать же подобныя слова отъ Васъ страшно грустно, ибо я вѣрилъ въ то, что Вы вѣрите въ фанатизмъ истины и свободы. Въ Петербургѣ я не развратничаю, а добываю свой хлѣбъ трудомъ, часто горькимъ и почти всегда неблагодарнымъ, но—клянусь Богомъ—не жалуюсь. Имѣю честь положительно изложить Вамъ, что я дѣлаю и дѣлалъ, кромѣ писанія стиховъ, которыхъ сборникъ буду имѣть честь скоро представить Вамъ въ печати; кромѣ романа, котораго половина напечатана уже въ «Репертуарѣ», кромѣ, наконецъ, бездны повѣстей и разныхъ книжонокъ, переведенныхъ мною безъ имени для поддержанія моего будущаго существованія, я перевожу: 1) пѣсни Беранже, которыя къ январю, надѣюсь, выдутъ книжкою. 2) Я перевелъ: «L'école de Vieillards» Делавиня въ стихахъ; «Louis XI» его же въ стихахъ; «Richelieu» Lemercier въ стихахъ; «La journée d'Alcibiade» Lemercier въ прозѣ; «Минну фонъ Барнгельмъ» Лессинга въ прозѣ. 3) Написалъ драму, которая выйдетъ вмѣстѣ съ стихотвореніями. Доказательства ясныя, кажется, что я работаю. Родные мои звали меня въ Москву, но скажите, ради Бога, что я буду тамъ дѣлать? Служить я не могу, ф и л и с т е р с т в о в а т ь—тоже, ибо вы слишкомъ хорошо знаете, какъ пошлъ, глупъ и цинически подлъ юридическій факультетъ. Когда оставите университетъ Вы, Давыдовъ, отчасти Шевыревъ, тогда, за исключеніемъ добраго, хотя ограниченнаго Грановскаго и свѣжаго еще, благороднаго, хотя исполненнаго предразсудковъ и Византійской религіи Соловьева, останется стадо скотовъ, богохульствующихъ на науку. Вы помните, какою безотрадною тоской терзался я отъ безплодности ихъ ученій, полныхъ циническаго рабства, прикрытаго лохмотьями Западной науки. Что же мнѣ тамъ дѣлать, мнѣ—фанатику, который не можетъ равнодушно слышать мерзостей, который обрекъ себя бороться, страдать до смерти? О чемъ же мнѣ плакать и раскаяваться? О томъ, что я гордо и смѣло пошелъ искать истины и свободы, что не отдѣлялъ мышленія отъ жизни, слова отъ дѣла, что поднимаю по силамъ знамя борьбы, Божественный крестъ Іисуса? О, возьмите назадъ Ваши слова! Вы должны благословить меня, ибо Вы сами человѣкъ дѣла, а не слова. Пусть другіе бросятъ въ меня камень, пусть другіе назовутъ меня безумцемъ—Вы меня поймете. Еще разъ, даже съ точки зрѣнія положительной, зачѣмъ я возвращусь въ Москву? Здѣсь я какъ-нибудь перебиваюсь,—тамъ у меня не будетъ средствъ жизни, ибо я не пойду кланяться. Есть смиреніе благородное, смиреніе передъ человѣкомъ-Богомъ, и Вы знаете, смиренъ ли я; но смиреніе и позорное униже-

ніе передъ жрецами Ваала и рабами Веліара есть срамъ и грѣхъ. Я готовъ смириться предъ Вами, какъ предъ наставникомъ и отцомъ, но не требуйте отъ меня уваженія къ тому, что я ненавижу и презираю. Я любилъ—это правда; но давно уже отказался отъ всякой мысли о личномъ счастіи, давно уже смотрю я на себя, какъ на часть цѣлаго человѣчества, и на страданія свои, какъ на страданія эпохи. И поэтому-то я имѣю святое право быть гордымъ. Есть двѣ дороги: дорога общая, избитая, и дорога просто; я выбралъ послѣднюю. Благословите же меня, а не проклинайте. Вспомните, что изо всего молодаго поколѣнія, можетъ быть, одинъ я понимаю и люблю Васъ, понимаю и люблю столько же, сколько презираю и ненавижу филистерію. Моя любимая мысль теперь—уѣхать въ Сибирь учителемъ гимназіи, о чемъ я хлопочу, и что, во-первыхъ, развяжетъ меня съ долгами, ибо въ Сибирь выдается годовое жалованье, во-вторыхъ, дастъ мнѣ на три года покою, необходимаго для писанія всего, мною задуманнаго. Прошу Васъ удостоить меня письмомъ, хотя столько же лаконическимъ, какъ предшествующее. Я живу теперь у Редактора «Репертуара» и «Полицейской Газеты» Межевича, одного изъ слишкомъ немногихъ благородныхъ людей, какихъ я знаю.

---

3. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Ноябрь 1845 г. Петербургъ].

Тяжело мнѣ оправдываться въ такихъ вещахъ, о которыхъ я не хотѣлъ бы и слегка говорить съ Вами. Добрый другъ мой, Василій Степановичъ Межевичъ, беретъ на себя оправдать меня и, надѣюсь, Вы ему повѣрите. За что именно сдѣлали меня предметомъ разнаго рода разсказовъ, не знаю. Скажу Вамъ слово одно: если я и заблуждался, то заблуждался благородно, ища истины и свободы; минуты, когда я забывалъ собственное достоинство, были слишкомъ рѣдки, и онѣ прошли давно. Одно мое заблужденіе была слишкомъ сильная вѣра въ душу человѣка, но раскаяваться въ этомъ святомъ заблужденіи было бы богохульствомъ. Благодарю Васъ за Ваше письмо, за то, что Вы еще поддерживаете во мнѣ вѣру въ людей. Ежели слухи сообщены Вамъ Калайдовичемъ, то отъ души прощаю ему. Я любилъ и люблю его,

но уважать не могу: онъ сдѣлался чиновникомъ въ душѣ, то есть рабомъ отъ головы до пятокъ. Вамъ страненъ выборъ моихъ переводовъ? Делавиня я переводилъ для сцены, а перевести Беранже считаю за notion méritoire, ибо это поэтъ истины, поэтъ будущаго. Погодите немного,—можетъ быть, примусь и за древнихъ. Очень пріятно было бы работать что-нибудь на «Москвитянинъ», ибо времени достаточно, хотя въ январѣ я собираюсь держать магистерскій экзаменъ. Зачѣмъ? спросите Вы—просто изъ самолюбія и ужъ, конечно, менѣе всего изъ ревности къ юриспруденціи, которую всю, какъ Вы знаете, считаю я страшною ложью на Духа Святаго, то есть клеветою на человѣка и человѣчность. Къ своимъ я теперь пишу, но въ Москву соберусь не ранѣе будущаго лѣта. Въ Сибирь не поѣду, ибо незачѣмъ: есть возможность жить и дѣйствовать и здѣсь... Благодаря дружбѣ ко мнѣ благороднаго Межевича, я теперь спокоенъ, даже веселъ, сколько можно быть веселымъ, видя на каждомъ шагу рабство и гнусности. Признаюсь, какое-то злобное удовольствіе чувствую я, думая иногда, какъ не любятъ меня филистеры: недавно я узналъ, что ѣдущихъ въ Петербургъ кандидатовъ Н. И. Крыловъ предупреждаетъ на счетъ знакомства со мною—mensonge et illusion! На Вашихъ глазахъ я, бывало, божился и клялся этимъ человѣкомъ... точнѣе, впрочемъ, не имъ... но «пусть минувшее будетъ минувшимъ», скажу я словами поэта. Впереди еще такъ много—если не счастія, то по крайней мѣрѣ дѣятельности и убѣжденія пройти по жизни благороднымъ и свободнымъ. О себѣ имѣю честь донести Вамъ, что я физически здоровъ, какъ нельзя болѣе, и только иногда боленъ морально припадками хандры. Если живъ благородный А. И. Хмѣльницкій, прошу Васъ, когда его увидите, передать низкій и пренизкій поклонъ человѣка, который понимаетъ теперь его озлобленность; Соловьеву скажите, что я его по прежнему люблю, и если отвѣчалъ ему рѣзко, то потому только, что между нимъ и мною встали разные предразсудки. Грановскому я писалъ отсюда два раза еще въ прошломъ году, но отвѣта не получалъ: неужели онъ возгордился пошлою филистерскою гордостью?.. Неужели и слишкомъ немногіе люди духа, люди стремленія, люди желанія должны быть разрознены вслѣдствіе разныхъ мелкихъ претензій? Всѣ эти претензіи называются на техническомъ языкѣ филистеріи убѣжденіями, и вслѣдствіе оныхъ убѣжденій я, напримѣръ, исповѣдуя Фурье, долженъ же терпѣть Гегелистовъ, и т. д. Не знаю, хорошо ли это, но я понимаю одну только ненависть—къ подлости и къ филистеріи, то есть къ раздвое-

нію мышленія и жизни. Не прошу Васъ отвѣчать мнѣ, но прошу у Васъ позволенія писать къ Вамъ или, лучше сказать, беру это позволеніе приступомъ, via facti.

1846 г.

4. СЕРГѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ СОЛОВЬЕВУ.

[Январь—февраль 1846 г. Петербургъ].

Родные мои зовутъ меня въ Москву, да мнѣ и самому надоѣло страшно жить безъ всякихъ привязанностей. Я бы съ радостью поселился въ Москвѣ, если бы тамъ были какія-нибудь средства прожить, то есть средства литературныя и притомъ черноробочія. Можетъ ли «Москвитянинъ» обезпечить мнѣ у себя шесть печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ библіографій, переводовъ, извлеченій и смѣси цѣною по десяти рублей за листъ, оригинальный ли, или переводный—все равно? За скорость моихъ работъ поручится, пожалуй, издатель «Репертуара»; за православный и славянскій духъ моихъ рецензій ручательствомъ могутъ служить имѣющія быть напечатанными въ мартовскомъ нумерѣ «Финскаго Вѣстника» статьи: 1) о проповѣдяхъ Филарета, 2) о романѣ Вельтмана «Емели» и 3) Сперанскаго о законахъ; за мою набивку руки ручается двухлѣтнее участіе въ «Репертуарѣ». Просьба моя къ тебѣ—предложить эти условія Михаилу Петровичу отъ моего имени. Хорошо, если-бъ это дѣло устроилось! Увѣдомь меня, какъ скоро переговоришь съ Погодинымъ, чтобъ я самъ могъ пріѣхать для личныхъ переговоровъ.

1847 г.

5. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

7 іюня 1847 г. [Москва].

Милостивѣйшій Государь
Михайло Петровичъ!

Вы меня браните за то, что я не умѣю распоряжаться своими нуждами, и Вы были бы совершенно правы, если бы у меня не было довольно печальнаго прошедшаго. Нельзя болѣе меня *желать* установиться, желать никого на свѣтѣ не безпокоить собою, даже Васъ, несмотря на Ваше благородное участіе; но есть обстоятельства, изъ

которыхъ не слишкомъ скоро выпутаешься, подъ гнетомъ которыхъ падаетъ всякое желаніе добра. Объ этихъ то обстоятельствахъ хотѣлъ я вчера говорить съ Вами, какъ съ единственнымъ человѣкомъ, въ котораго я вѣрю и—прибавлю еще—котораго доброта можетъ спасти меня; хотѣлъ и, къ сожалѣнію, не могъ. О нихъ и теперь я хочу писать Вамъ, увѣренный, что если Вы и не захотите мнѣ помочь подняться, то по крайней мѣрѣ будете столько добры, чтобы повѣрить искренности и горькой необходимости этого объясненія—необходимости очень простой и понятной. Вы—единственный человѣкъ, передъ которымъ мнѣ не стыдно обнажить и свои душевныя язвы, и свои запутанныя обстоятельства. Вы понимаете слишкомъ много, и смотрите слишкомъ далеко и широко, несмотря на то, что Васъ самихъ благое Провидѣніе предохранило отъ различныхъ омутовъ паденія.

Крѣпко запало мнѣ въ душу слово Гоголя: «съ словомъ надобно обходиться честно»; книга его освѣтила для меня всю бездну, въ которой я стоялъ,—бездну шаткаго безвѣрія, самодовольныхъ теорій, разврата, лжи и недобросовѣстности; позорно стало мнѣ званіе софиста, стыдно взглянуть на все свое прошедшее... «Лучше быть поденщикомъ», сказалъ я себѣ и—видитъ Богъ—я готовъ бы былъ камни таскать скорѣе, чѣмъ продолжать говорить самоувѣренно то, что отвергаетъ душа моя... Мнѣ надоѣла и опротивѣла и безплодная софистика, и безплодно-праздная жизнь, и отъ болѣзни ли нравственной, отъ другого ли чего-либо, но среди этихъ нравственныхъ пытокъ посѣщали меня въ послѣднее время минуты, давно незнакомыя, минуты, когда опять я чувствовалъ себя чистымъ, свободнымъ, гордымъ... когда я благодарилъ невѣдомаго за то, что спадаетъ съ меня постепенно гниль разочарованія и безъочарованія, что снова способенъ я пламенно вѣрить въ добро... Я чувствую—нѣтъ, я знаю, что силы мной не растрачены, что ихъ еще слишкомъ много, но есть путы, которыя мѣшаютъ имъ. Повторяю, помогите мнѣ нравственно подняться. Путы эти—долги и болѣзни физическія. Для того, чтобы я могъ запереться въ уединеніе, въ самаго себя,—надобно раздѣлаться съ мелкими, но безпокойными долгами; для того, чтобы я свѣтлѣе взглянулъ на жизнь, я долженъ позаботиться о своей физической природѣ, которая—это назовите, пожалуй, пунктомъ моего помѣшательства—слишкомъ тѣсно связана съ нравственной: развитіе и поправленіе своихъ физическихъ силъ кажется мнѣ столько же необходимымъ, сколько занятіе отечественными науками, которому я началъ посвящать все свое свободное время.

Вы спросите, отъ чего я не обращаюсь съ моими потребностями къ моимъ домашнимъ? Во-первыхъ, теперь я хочу уже быть обязаннымъ всѣмъ себѣ и своему труду; во-вторыхъ, средства ихъ въ настоящую минуту очень плохи; въ-третьихъ, наконецъ,—простите мнѣ откровенность,—не все то поймется ими, что Вы поймете.

Мнѣ нужны,—но нужны скоро и сполна,—150 или 100 р. серебромъ; если Вы дадите мнѣ 100 р. серебромъ, я заплачу 225 р. должковъ и буду лечить себя нынѣшнее лѣто купаньемъ и плаваньемъ; если 150, я буду еще лечить себя гимнастикой.

Состоится ли, нѣтъ ли дѣло о «Москвитянинѣ», но въ теченіе десяти мѣсяцевъ я уплачу Вамъ: 1) Сто рублей серебромъ деньгами, по 10 р. серебромъ въ мѣсяцъ (ибо, кромѣ «Листка», я дѣлаю еще разныя работы для дѣтскихъ книжонокъ Наливкина), 2) пятьдесятъ—какою Вамъ угодно будетъ работою, по 5 р. серебр. за печатный листъ.

Вотъ Вамъ прямое, искреннее мое объясненіе—сдѣлайте, какъ внушитъ Вамъ Богъ, и какъ бы Вы ни сдѣлали, вѣрьте только ради Бога въ мое безпредѣльное уваженіе и вѣчную преданность. Завтра, т. е. въ Воскресенье, въ шесть часовъ, позвольте мнѣ быть у Васъ.

Покорнѣйшій слуга Вашъ

А. Григорьевъ.

1847
Іюня 7.

---

6. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[20 іюня 1847 г. Москва].

Мнѣ хочется убѣдить одну даму, что Гоголь вовсе не съ ума сошелъ. Одолжите меня дня на четыре его послѣднею книгою, то-есть «Перепискою».

---

7. СТЕПАНУ ПЕТРОВИЧУ ШЕВЫРЕВУ.

23 октября 1847 г. [Москва].

Милостивый Государь,
Степанъ Петровичъ!

Когда то, въ одну изъ весьма трудныхъ минутъ моей жизни, я прямо и смѣло, не зная еще Васъ лично, обратился къ Вамъ во имя того, Кто одинъ связываетъ людей крѣпкою связью,—и тогда вѣра въ Васъ меня не обманула. Но тогда я хотѣлъ говорить съ Вами не

о самомъ себѣ, а о другомъ, и потому обратился къ Вамъ прямо и смѣло. Этому прошло нѣсколько лѣтъ, но минута осталась жива въ моей памяти, но вѣра въ Васъ—во мнѣ прежняя. Пусть это смѣшно и даже неприлично, но къ Вамъ опять и опять въ тоже Имя я осмѣливаюсь прибѣгнуть. Прошу Васъ позволить мнѣ видѣть Васъ завтра, т. е. въ пятницу, въ пять часовъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ
имѣю честь быть
Вашимъ, милостивый государь,
покорнѣйшимъ слугою
А. Григорьевъ.

1847
Окт. 23.
Четвергъ.

---

8. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Декабрь 1847 г. Москва].

Прежде всего всѣ на свѣтѣ вещи должны быть опредѣлены съ точностью; это же нужно сдѣлать съ моими отношеніями къ Вашему журналу и, кромѣ того, къ Вамъ собственно. Вамъ угодно было назначить меня редакторомъ одного отдѣленія въ «Москвитянинѣ», но вмѣсто того, чтобы ограничить мою обязанность сообщеніемъ современныхъ извѣстій, Вы поручили мнѣ работу египетскую: исторію 1847 года, чего, говоря о нашихъ условіяхъ, я не имѣлъ вовсе въ виду. За эту работу я взялся и могъ бы весьма спокойно сократить краткія, и безъ того краткія извѣстія «Сына Отечества», но я рылся въ двухъ-аршинныхъ листахъ «Дебатовъ»... Чтобы сколько-нибудь помочь сухости моего отдѣла, я пользовался превосходными статьями «Revue des deux Mondes», а Вы ни съ того, ни съ сего упрекаете меня въ перепискѣ статей В. П. Боткина, весьма мною уважаемыхъ, но которыхъ я, признаться откровенно, не читалъ. Доказательство на лицо—въ статьяхъ «Revue des deux Mondes». Далѣе я предлагалъ Вамъ, чтобы ко мнѣ носили корректуру статей, вмѣсто того Вы требуете моего личнаго присутствія. Видѣть Васъ лично—я всегда очень радъ, Вы это знаете и, надѣюсь, въ этомъ увѣрены, но теперешнія мои обстоятельства таковы, что я только за слишкомъ необходимымъ выѣзжаю изъ дому или, какъ Вы выражаетесь, путешествую со звѣздою. Я предлагалъ Вамъ раздѣлить отдѣлъ мой на

двѣ части: въ одной помѣщать постепенно исторію 1847 года, въ другой—новѣйшія происшествія съ августа. Вмѣсто отвѣта на это и доставленія мнѣ «Дебатовъ» Вы упрекаете меня въ томъ, что въ Португаліи надѣлалось много новаго, о чемъ мои источники знать мнѣ не дали. Наконецъ отъ статей, имѣющихъ значеніе только минутное, отъ черновой журнальной работы Вы требуете качествъ художественнаго произведенія. Вы любите правду и потому простите мнѣ мой цинизмъ. Я могу работать за весьма умѣренную плату какъ волъ, но мнѣ больше всего нужно довѣріе и извѣстная независимость. В. А. Драшусовъ понималъ это—и спросите его, доволенъ ли онъ мною? Возьмите же меня и Вы такимъ, какимъ ужъ Богъ меня создалъ.

1848 г.

9. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Начало января 1848 г. Москва].

Я рѣшительно въ отчаяніи отъ «Европейскаго Обозрѣнія»: переписывать изъ «Сына Отечества» я не могу; вмѣстить въ одну статью что-нибудь поболѣе рѣшительно не умѣю. Что я могъ, то я дѣлалъ. Прошу Васъ или освободить меня отъ этого отдѣла, или напечатать въ слѣдующей книжкѣ—Португалію, Испанію, Италію и Грецію, въ мартовской—Англію и Францію, въ апрѣльской—Германію и все остальное. Какъ Вы съ Вашимъ благороднымъ и человѣческимъ взглядомъ на вещи не хотите понять, что чернорабочему некогда отличаться, что я добиваюсь одной только репутаціи—репутаціи честной возовой клячи? Извините за цинизмъ выраженій—я, да и Вы кажется, ненавидимъ только внутренній цинизмъ. Я не хочу надувать никого, тѣмъ менѣе Васъ—и, ей Богу, въ ужасномъ отчаяніи. Чтобы написать порядочное введеніе въ современную исторію, надобно г о д ъ позаняться предметомъ, имѣть подъ руками нѣсколько книгъ и проч. Если Богъ дастъ, «Москвитянинъ» (начавшійся блестяще) будетъ продолжаться въ 1849 году, я даю Вамъ слово этотъ годъ заняться современной исторіей и написать введеніе, подъ которымъ мнѣ не стыдно будетъ подписать свое имя; теперь же берите отъ меня, что можно брать отъ журнальнаго работника, набившаго руку въ литературной промышленности. Языкъ мой хорошъ, говорите Вы, и пре-

красно. Дайте же мнѣ, пожалуй, и «Европейское Обозрѣніе», но подъ этимъ именемъ я буду помѣщать передѣланныя статьи изъ «Revue des deux Mondes»—такъ и не иначе, но полностью. Но подписать свое имя подъ сокращеніемъ изъ «Сына Отечества»—значитъ подвергнуть опасности даже единственную мою репутацію, репутацію работника... А еще моя личная просьба: мнѣ нужны деньги, деньги и деньги—сердитесь за это, какъ хотите. Дайте мнѣ еще тридцать рублей серебромъ—я буду долженъ «Москвитянину» семьдесятъ рублей, считая шесть рублей серебромъ за переведенный листъ.

---

10. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣ 14-го января 1848 г. Москва].

Распространившійся кое-гдѣ слухъ подаетъ всѣмъ преданнымъ Вамъ пріятную надежду поздравить помощникомъ попечителя и университетъ съ новымъ бытіемъ.

---

11. НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

[Послѣ 14-го октября 1848 г. Москва].

Простите меня, что я поднимаю вопросъ, теперь уже старый (ибо въ наше время съ невѣроятною быстротою все новое дѣлается уже старымъ), но тѣмъ не менѣе далеко-далеко нерѣшенный вопросъ о вашей книгѣ, надѣлавшей столько шуму, навлекшей на васъ столько неправыхъ обвиненій и, къ сожалѣнію, столько постыдныхъ похвалъ отъ вашихъ прежнихъ порицателей. За исключеніемъ немногихъ дѣльныхъ отзывовъ (Шевырева, напримѣръ) все остальное, писанное о вашей «Перепискѣ съ друзьями», отличается невѣроятною дикостью, поразительною чуждостью къ тѣмъ с т р а ш н ы м ъ духовнымъ интересамъ, которые составляютъ ея содержаніе, или добросовѣстнымъ, но неистово-фанатическимъ противоположеніемъ. Неудивительно, что я зову добросовѣстнымъ это противоположеніе: напомню вамъ о покойномъ Бѣлинскомъ и о его письмахъ къ вамъ (непечатныхъ). Этотъ человѣкъ понималъ, хотя односторонне, но глубоко ваше значеніе въ литературѣ, любилъ васъ съ дѣтскимъ обожаніемъ. Пред-

ставьте же себя на его мѣстѣ: человѣкъ страдалъ дѣйствительными душевными недугами, болѣзненно воспитывалъ идеи въ своей душѣ, мечталъ разгадать пути генія сообразно съ этими идеями, и вдругъ мечта его разбита въ дребезги; обоготворенное имъ предстало ему въ совершенно иномъ видѣ, лучшая опора его сокрушена. «Не судите да не судимы будете»: пожалѣйте объ этой бѣдной, томившейся въ узахъ страданія, мракѣ и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся душѣ; не скажу—простите ее, ибо что такое человѣкъ, чтобы прощать?.. Негодованіе, злость и грусть, которыя дышатъ въ его письмѣ къ вамъ, проистекали не изъ мутнаго источника; грѣхъ есть преступленіе закона, а не заблужденіе въ законѣ. Миръ памяти страдавшаго брата, слово мира и любви да произнесется надъ этимъ бѣднымъ прахомъ! Я не сочувствовалъ ему никогда; но не осмѣлюсь вмѣнить ему въ вину его неистовыхъ выходокъ въ письмѣ къ вамъ, на которыя сами вы, сколько я знаю, отвѣчали словомъ мира, любви и смиренія.

Совершенно иное чувство одушевляло другихъ вашихъ противниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разумѣется; то было раздраженіе мелочнаго самолюбьица, то было негодованіе на смѣлый гласъ вопіющаго въ пустынѣ, дерзнувшій серьезно заговорить о значеніи жизни; то было озлобленіе не противъ васъ, а противъ самой Божьей правды, «ея же міръ не можетъ пріяти»; книга ваша была здѣсь только поводомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта книга стала «Іудеомъ соблазнъ, Эллиномъ безуміе», разумѣя подъ іудеями, книжниками и фарисеями всѣхъ устарѣлыхъ ханжей и лицемѣровъ, которые, подъ прикрытіемъ священныхъ для человѣка словъ, ловятъ въ мутной водѣ рыбу, а подъ Эллинами, нашихъ смѣшныхъ Западниковъ, отчаянныхъ нововводителей. Соблазномъ стала эта книга, украшенная похвалами Булгарина и компаніи; безуміемъ представили ее тѣ, которые не хотѣли видѣть, какъ далека ея возвышенная искренность отъ этой грязи, отъ этого подлаго пресмыканія, которое хотятъ намъ выдать за любовь къ отечеству и проч.

Тотъ, кто имѣетъ честь писать къ вамъ эти строки, принялся читать вашу книгу, находясь самъ въ болѣзненномъ душевномъ состояніи, и притомъ принялся читать ее съ предубѣжденіемъ противъ нея. Два странныхъ чувства обладали имъ сначала: глубокое, сознательное поклоненіе творцу «Мертвыхъ Душъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ невольное негодованіе, впрочемъ, скорѣе извнѣ пришедшее, чѣмъ внутреннее. Скоро первое впечатлѣніе уступило мѣсто серьезному,

внутреннему процессу, процессу болѣзненному, тяжкому, гдѣ, можетъ быть, принесено было въ жертву много личнаго самолюбія: тяжело разставаться съ тѣмъ, за что мы всѣ, чада волнующагося вѣка, держимся, какъ за доску спасенія, съ этими хотя и призрачными, но тѣмъ не менѣе блестящими опорами. Вы, вѣроятно, и сами знаете, какъ это тяжело; но я думаю, что тотъ, кто былъ скептикомъ серьезно, не для виду только, не остановится ни передъ какою бездною. Сомнѣваться, такъ сомнѣваться уже во всемъ, даже въ самомъ сомнѣніи; отъ этого-то, мнѣ кажется, въ скептицизмѣ лежитъ зачатокъ вѣры: ибо для того, чтобы усумниться въ самомъ себѣ, надобно повѣрить во что-нибудь выше себя. Остроумный, хотя и поверхностный, Искандеръ сравниваетъ гдѣ-то послѣдній, безвозвратный шагъ мышленія съ послѣднимъ, отчаяннымъ шагомъ игрока, который самого себя ставитъ на карту. Пожалуй это такъ; да только шагъ, считаемый И—ромъ за послѣдній, далеко не послѣдній. Современное мышленіе не само себя, но только свое прошедшее приноситъ въ жертву; иначе оно было бы христіанскимъ мышленіемъ, ибо христіанство есть альфа и омега міросозерцанія... Но я отбился отъ своего собственнаго нравственнаго процесса, который привожу я только въ поясненіе моихъ писемъ къ вамъ, а вовсе не потому, чтобы придавалъ ему какое-либо важное значеніе. Повторяю вамъ: много и тяжело было передумано надъ вашею книгою и, вѣроятно, не однимъ мною; я же лично, можетъ быть, былъ приготовленъ къ ней моимъ собственнымъ душевнымъ настройствомъ. Не скрою отъ васъ и того, что, не смотря на все негодованіе, навѣянное на меня слухами о вашей книгѣ, меня лично неотразимо влекло къ ней именно то, что она всѣхъ почти привела въ ярость, всѣхъ—даже людей согласныхъ, повидимому, съ вами въ основахъ мышленія (какъ-то Павлова), одно убѣжденіе, что истина есть только то, что̀ сознается немногими, нѣсколькими, однимъ, можетъ быть; что истина всегда гонима и всегда на сторонѣ гонимаго. Результатомъ всего этого была статья моя по поводу вашей книги въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ»; вы, говорятъ, отозвались о ней благосклонно. Благодарю васъ, но это была статья недосказанная, несмѣлая, ничего почти несказавшая; дорожу я въ ней только ея основною мыслью и добросовѣстностью попытки. Можетъ быть, многіе, кого я любилъ, съ досадою отвернулись отъ меня изъ-за этой статьи; можетъ быть, другіе сочли ее желаніемъ угодить господствующимъ началамъ—что нужды? Этою статьею я примирился съ собой за всю свою прежнюю литературную

дѣятельность; она была первымъ шагомъ къ выполненію того, что «Обращаться съ словомъ нужно честно». Но, повторяю вамъ, въ этой статьѣ не сказано ничего; все или обойдено, или сказано темно, неопредѣленно. Шевыревъ былъ правъ, назвавши ее стремленіемъ сочувствовать Гоголю. Опредѣлительно тамъ одно: это—второй параграфъ, бѣглый анализъ созданій великаго поэта.

Долго носилъ я въ себѣ мысль написать цѣлую книгу по поводу вашей книги; но остановила меня мысль, что этотъ комментарій ничего къ ней не прибавитъ, что все же онъ, болѣе или менѣе, будетъ носить на себѣ слѣды болѣзненности, что не мнѣ разрѣшить всѣ эти тяжкіе вопросы, что дерзко выставить только вопросы же съ своей стороны. Притомъ же, многое пало мнѣ на сердце изъ этой книги, а въ особенности слова: «Нужно подумать теперь о томъ всѣмъ намъ, какъ на своемъ собственномъ мѣстѣ сдѣлать добро... Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ» и т. д. Не считаю себя призваннымъ выходить изъ предѣловъ того скромнаго круга дѣятельности, которымъ я ограниченъ; но мнѣ хотѣлось бы бесѣдовать съ вами о многомъ и о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые навела меня книга; для васъ ли, для меня ли — изъ этого выйдетъ что-нибудь доброе. Разумѣется, что письма эти не для печати, по крайней мѣрѣ въ той безпритязательной формѣ, въ которой они будутъ къ вамъ писаны. Имѣю честь быть, поклонникъ вашего генія, А. Г.

---

12. НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

17 ноября 1848 г. [Москва].

Васъ упрекали въ особенности за предисловіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ, потерявшей всякое важное значеніе, подобный религіозный актъ долженъ былъ привести въ изумленіе; стараясь придать ему смѣшной и даже подлый характеръ, хотѣли только отстранить отъ себя тяжкій и ненавистный вопросъ. Вопросъ этотъ вотъ какой: «Обязанъ ли и въ какой степени обязанъ отвѣтственностью за всѣ дѣйствія человѣкъ вообще и человѣкъ духа въ особености?» Какъ нарочно, вмѣстѣ почти съ вашей книгою, явилась другая книга, надѣлавшая чрезвычайно много шуму... По крайней мѣрѣ въ своемъ приходѣ, книга дѣйствительно блестящая, остроумная, рѣзко парадо-

ксальная, profession de foi въ извѣстномъ отношеніи. Я говорю о «Кто виноватъ»? Въ ней романистъ высказалъ въ образахъ или, лучше сказать, въ призракахъ то же, что еще прежде высказывалъ въ парадоксахъ мыслитель, ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сѣтями которой опутаны мы съ самаго дѣтства. Сколько ума, расточеннаго на отрицаніе высшаго двигателя человѣческой дѣятельности—свободы и сопряженной съ нею отвѣтственности; сколько мѣткой злости, потраченной на то, что злости не стоитъ, сколько грусти, но не любовной, а эгоистической грусти, грусти не за святыню человѣческаго духа, а скорѣе за мелочное самолюбіе! Но эта книга важный фактъ, крайняя исповѣдь убѣжденій. Изъ нея слѣдуетъ: 1) что человѣкъ, глубоко чувствующій и горящій жаждою дѣятельности, долженъ обречь себя на бездѣйствіе, что слѣдственно честный человѣкъ—синонимъ съ безплоднымъ человѣкомъ; 2) что женщина—единственная задача жизни для мужчины, и наоборотъ, и что внѣ этой задачи для того и другой остается только умирать въ безмолвномъ и гордомъ страданіи, какъ выразился поэтъ этого направленія; 3) что никто и ни въ чемъ не виноватъ, что все условлено предшествующими данными и что эти данныя опутываютъ человѣка, такъ что ему нѣтъ изъ нихъ выхода, ибо «привычка есть цѣпь на человѣческихъ ногахъ». Однимъ словомъ, человѣкъ-рабъ, и изъ рабства ему исхода нѣтъ. Это стремится доказывать вся современная литература, это явно и ясно высказано въ «Кто виноватъ?»... Странно, въ высшей степени странно было совмѣстное появленіе этихъ двухъ книгъ, такъ противоположныхъ по тону и по направленію. Жизнь, общество и литературу, размѣнявшіяся на мелочь, должны были нежданно изумить и строго-искренній тонъ, и содержаніе вашего предисловія. Помнится, предисловіе къ 2-му изданію «Мертвыхъ Душъ» произвело такое же изумленіе. И дѣйствительно, какъ же не изумиться? Художникъ придаетъ общественную важность своему дѣлу, чуть не приглашаетъ всѣхъ и каждаго къ совѣту, соучастію въ своемъ дѣлѣ.... Да какъ же это? Да что же это? спрашивала Русская литература съ наивнымъ изумленіемъ, не подозрѣвая, бѣдная, что въ этомъ самомъ изумленіи сказывается какое-то циническое презрѣніе къ самой себѣ, какое-то отрицаніе въ самой себѣ всякаго важнаго, общественнаго значенія. Въ отношеніи къ себѣ она можетъ быть права, да не въ правѣ была она считать своимъ главою и представителемъ поэта, который еще прежде въ своихъ сценахъ «Разъѣзда послѣ представленія» прямо объявилъ, какъ онъ смотритъ на свой

подвигъ, какъ онъ дорожитъ тѣмъ, чтобы сѣмена, имъ брошенныя, приносили плодъ въ народѣ. Но ей, этой литературѣ (евнуху или, что хуже еще, развратницѣ), что за дѣло до плода? Для однихъ, какъ для Булг. и прочихъ, литература дойная корова или развратный домъ; для другихъ мечтательное самообольщеніе или умственная онанія. Съ одной стороны утрачена вѣра въ поэта, какъ въ пророка, какъ въ провозвѣстника правды; съ другой стороны принято, что если и явится пророкъ, то онъ непремѣнно долженъ явиться со словомъ ненависти и вражды. Ясно—почему смѣшнымъ хотѣли сдѣлать ваше откровенное признаніе. Давно уже сказано:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehen,

какъ давно уже сказаны всѣ правды; но въ томъ-то и бѣда, что за невозможностью и безсиліемъ враждовать съ неправдой показалось остроумнымъ ратовать противъ правды.

Еще вопросъ: имѣли ли вы, какъ человѣкъ, право обнажать передъ другими людьми внутреннѣйшія и сокровеннѣйшія тайны вашей души?.. Въ этомъ вопросѣ опять выказывается циническое пренебреженіе современнаго человѣка къ высшему значенію своей личной жизни. Замѣчательно, что подобное неуваженіе къ высшей задачѣ личнаго бытія многіе вывели изъ вашихъ же, только ложно понятыхъ, данныхъ. Какъ великій мастеръ, вы глубоко проникли натуру всякой мелкой твари или всякаго грустнаго отпаденія человѣка отъ образа Божія, и вы первый обратили вниманіе всѣхъ на незамѣтныя существованія Акакіевъ Акакіевичей. Но во 1) вы знали, гдѣ остановиться въ этомъ безграничномъ анализѣ личности, 2) вы указали на опасность рабскаго воспроизведенія дѣйствительности въ вашемъ фантастически-понятномъ «Портретѣ». Читали ли вы «Двойникъ» даровитаго Достоевскаго? Вотъ вамъ осуществленіе въ дѣйствительности фантастической основы «Портрета». Тяжело становится на душѣ отъ этого произведенія, но не такъ возвышенно-тяжело, какъ отъ «Шинели»: нѣтъ. Вы, вчитываясь въ это чудовищное созданіе, уничтожаетесь, мелѣете, сливаетесь съ его безмѣрно-ничтожнымъ героемъ, и грустно становится вамъ быть человѣкомъ, и вы убѣждаетесь, какъ будто, что человѣкъ только таковъ и можетъ быть. Какая же тутъ вина, отвѣтственность, какой судъ надъ собою? Жилъ червемъ и умеръ червемъ, и дѣло конечно: «Une foi mort, on est bien mort». А вы осмѣлились говорить: «замираетъ отъ ужаса душа

при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся»... Еще бы старый Сведенборгъ всталъ и началъ съ простотою разсказывать о чудесахъ царствія Божія господину Голядкину старшему!

Ноября 17. 1848 года.

---

13. НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

[Ноябрь—декабрь 1848 г. Москва].

Отъ васъ лично, отъ вашего предисловія и отъ вашего завѣщанія, тѣсно связанныхъ впрочемъ съ самымъ содержаніемъ вашей книги, перехожу къ этому содержанію. Но прежде всего отвѣтъ на ваше письмо. Не требуйте отъ меня положенія стройнаго и строгаго, оно покамѣстъ не въ моей власти; недостатокъ его одна изъ причинъ, по которымъ я на время, а, можетъ быть, и навсегда, отрекся отъ всякой литературной дѣятельности, и безъ всякаго сомнѣнія недостатокъ этотъ въ связи съ моимъ внутреннимъ настройствомъ. Можетъ быть, потому еще ваша книга такъ сильно на меня подѣйствовала, что въ высшей степени страдаю я недугомъ, на который преимущественно она нападаетъ, недугомъ распущенности, слѣдствіемъ ранняго пресыщенія жизнью. Отсюда сознаніе идеала и сознаніе своего собственнаго безсилія сообразоваться идеалу, состояніе души, можетъ быть, самое безотрадное, самое скорбное состояніе вѣры и разума и апатіи сердца.

Первый вопросъ, котораго вы коснулись, это вопросъ о значеніи женщины. Васъ упрекали, помнится, что въ этомъ, по признанію всѣхъ, высокопоэтическомъ письмѣ, вы не сказали ничего положительнаго. Это не правда: больше вы и не могли и не должны были сказать. Вы возвели этотъ вопросъ къ его высшему началу, возвратили красотѣ ея таинственное и небесное значеніе, и довольно! Еще больше; вы указали на средства, которыми владѣетъ женщина. Но, мнѣ кажется только, что вы забыли коснуться темной стороны вопроса.

Вся современная литература есть не что иное, какъ, выражаясь ея языкомъ, протестъ въ пользу женщинъ, съ одной стороны, и въ

пользу бѣдныхъ, съ другой; однимъ словомъ, въ пользу слабѣйшихъ. Вы не фанатикъ,—это доказываютъ многія изъ вашихъ же писемъ; вы не близорукій и не ограниченный человѣкъ, слѣдовательно вы не можете закрыть глаза и не видать, что въ основѣ своего протеста литература и мышленіе современное правы; ошибаются они въ средствахъ, да и не могутъ не ошибаться. Думаю я, что въ каждомъ великомъ міровомъ событіи есть двѣ стороны: дѣло Божье и дѣло человѣческое; точно такъ и въ этомъ, болѣе и болѣе приводимомъ въ ясность вопросѣ... Подозрѣваю, что вы не въ числѣ гонителей Занда и не станете называть ее сукой и другими милыми именами, на которыя такъ щедры поборники патріархальнаго быта. Чего хочетъ Зандъ, если дѣйствительно можетъ что-либо опредѣленно хотѣться поэту, дѣйствительно носящему въ себѣ страданія, страсти и стремленія цѣлой эпохи? Вѣроятно не того, чего хотѣли бы для женщины фурьеристы, т. е. четырехъ законныхъ мужей и способности двадцать разъ на день удовлетворять похотямъ тѣла. Возьмите самыя молодыя изъ ея созданій: ни въ одномъ изъ нихъ не найдете вы ничего, кромѣ той печальной истины, что людскимъ эгоизмомъ осквернены самыя святыя отношенія мужчины и женщины, что подъ святымъ знаменемъ брака выступаютъ всего чаще самыя гнусныя, самыя богохульныя отношенія и что, наконецъ, нельзя слишкомъ строго судить нарушеніе подобныхъ отношеній, но вездѣ и повсюду проглядываетъ мысль о святости истинно-брачнаго союза, о значеніи женщины, какъ помощницы и сообщницы мужа во всемъ благородномъ и великомъ: то Ральфъ и Индіана, двѣ души, понявшія наконецъ свое родство и заключившія неразрывный союзъ передъ лицемъ дѣвственной природы; то Фіамма, являющаяся Симону, какъ возбудительница ко всему доброму и возвышенному; то Изельта, поднимающая до себя Пьера Гюгенена; то Консуэло, рука объ руку идущая трудною стезею съ Трисмегистомъ Альберомъ. Вездѣ и повсюду женщина является тѣмъ, чѣмъ она должна быть въ Христовомъ царствѣ: стихіею умягчающею, важною вездѣ; и повсюду бракъ—святыня. Не отвергнете вы и того также, что современный бытъ семейный, и нашъ Русскій семейный бытъ въ особенности, куда какъ далеки отъ Христова идеала. Не мнѣ доказывать это великому поэту, который создалъ матушку въ «Отрывкѣ», семейный бытъ Манилова и Собакевича, который вложилъ въ уста Чичикова горькое размышленіе при встрѣчѣ съ блондинкою. Увы! большая часть нашихъ женщинъ—бабы; остальная, меньшая, почти вся изъ Крупиферскихъ. Кто же

виноватъ въ этомъ? Неужели уже такъ-таки никто? Взгляните попристальнѣе, какимъ образомъ создаются бабы и какимъ образомъ образуются Любовь Александровны. Знаете ли что? Въ вашемъ письмѣ о томъ, «Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту?» чуть ли вы не давали совѣтовъ излишнихъ. Наши женщины средняго и низшаго круга едва ли не исключительно воспитываются для хозяйства, едва ли не во вредъ всѣмъ человѣческимъ сторонамъ заняты домашнимъ порядкомъ: кругозоръ ихъ слишкомъ тѣсенъ, понятіе о домѣ слишкомъ ограничено или опошлено. Писавши ваше письмо, вы имѣли, кажется, въ виду чисто свѣтскую женщину, т. е. болѣе или менѣе страдающую недугомъ распущенности. О! для нея всѣ средства, вами совѣтуемыя, превосходны, а нашимъ женщинамъ средняго кружка нужно совѣтовать чуть ли не противное. Можетъ быть, это вамъ покажется парадоксомъ, но прошу васъ обратить вниманіе на вашъ же принципъ, т. е. на вѣчный принципъ собиранія и сосредоточенія самого себя. Собираться въ себя значитъ познавать Бога; познавать же Бога—значитъ отрѣшиться отъ тварей и отъ всего тварнаго; отрѣшиться же отъ тварнаго не значитъ быть аскетомъ, но только сознавать тварное за тварное, возводить его къ источнику Свѣта и употреблять во славу Его,—однимъ словомъ, жить на землѣ, но не забывать, что, по слову Апостола, житіе наше въ небѣ, что все возможно и дозволено, но все должно быть считаемо пометомъ въ сравненіи со Христомъ по тому же слову: ибо все должно существовать только во Христѣ. А наши женщины слишкомъ похожи на Марѳу, пекущуюся и молвящую о многѣ; слишкомъ мало въ нихъ энтузіазма къ великому и человѣческому; лучшія изъ нихъ думаютъ, что, ведя хорошо домашнія дѣла, исполняя обязанности рачительной хозяйки, онѣ уже все сдѣлали. О! не все, далеко не все по идеалу Христова брака; чтобы быть христіаниномъ, вообще слишкомъ мало быть честнымъ человѣкомъ; чтобы быть женою и матерью христіанина, слишкомъ мало быть честною женщиною. Тотъ, Кого исповѣдуемъ мы, кротко взглянулъ на ятую въ прелюбодѣяніи, ибо она много возлюбила, но съ строгою укоризною обратился къ домохозяйкѣ Марѳѣ... Взгляните на воспитаніе нашихъ женщинъ средняго и низшаго круга: съ немногими оттѣнками, оно одинаково направлено къ истребленію вѣры въ жизнь и въ лучшія блага жизни; оно замыкаетъ бѣдную дѣвочку въ тѣсный кругъ обиходныхъ домашнихъ понятіицъ, и нѣтъ ея душѣ выхода изъ этой печальной сферы, ибо всякій выходъ сопряженъ съ

опасностью, а презирать опасности во имя правды она не пріучилась, да и не вѣритъ даже въ возможность такого презрѣнія. И вотъ, со временемъ изъ этой дѣвочки дѣлается или нѣжная Манилова, или г-жа Собакевичъ, однимъ словомъ,—баба. Она вѣрна мужу, она ведетъ приходъ и расходъ; да лучше бы была невѣрна мужу, не вела приходо-расходной книги! Еще печальнѣе, если ея природа благодатна и не могла быть вовсе подавлена: тогда она несчастна, она—Крупиферская; но, къ сожалѣнію, страшно пошлы основы ея страданій. Наши Жоржъ-зандистки и Крупиферскія клевещутъ на Зандъ и, право, не стоятъ того участія, которымъ исполнена къ нимъ современная литература. Невѣріе въ великое и благородное у нихъ такое же, какъ и у бабъ; но разные господа втолковываютъ имъ, что нельзя жить безъ того, чтобы не любить «долго и нѣжно, съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной», и вотъ онѣ пускаются любить и страдать, обыкновенно, впрочемъ, весьма дешево: жертвы и самопожертвованій отъ нихъ не ждите. Кромѣ того, васъ поразитъ въ нихъ какое-то смѣшное и возмутительное отрицаніе всего религіознаго и т. д. Понятія ихъ и господъ, втолковывающихъ имъ великія истины, достойны внимательнаго изученія... Еще покойный Пушкинъ намекнулъ на идеалъ современной женщины, «кометы въ кругу расчисленномъ свѣтилъ»; но никто такъ не объидеализировалъ ее, какъ Лермонтовъ. Все это было когда-то хорошо, все это теперь надоѣло страшно. Не преходитъ только истинное и прекрасное, не прейдутъ идеалы Шиллера и Занда, вѣчно свѣтлые образы Офеліи, Дездемоны, Миранды, Миньоны, Гретхенъ, Анунціаты.

До свиданія! Простите мнѣ мои отступленія и не забудьте, великій художникъ, что я только вашъ ученикъ и ревностный поклонникъ.

1849 г.

14. АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КРАЕВСКОМУ.

28 февраля 1849 г. Москва.

Милостивый государь,
Андрей Александровичъ!

Для меня было бы въ высшей степени лестно, если бы Вы нашли приличнымъ помѣстить въ Вашемъ журналѣ прилагаемый при этомъ письмѣ переводъ «Спектакля не выходя изъ комнаты» Аль-

фреда де Мюссе. Переводъ этотъ по моей просьбѣ просмотрѣнъ Алексѣемъ Дмитріевичемъ Галаховымъ, котораго письмо имѣю честь препроводить къ Вамъ при моей посылкѣ. Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить меня черезъ Алексѣя Дмитрича: будетъ ли помѣщенъ мой переводъ и, если будетъ, то—когда и на какихъ условіяхъ? Окончаніе будетъ выслано Вамъ немедленно по полученіи отъ Васъ утвердительнаго отвѣта: какъ драма, такъ и комедія, изъ которыхъ состоитъ этотъ Спектакль, уже переведены мною. Имени своего я не желалъ бы выставлять по моимъ служебнымъ отношеніямъ, да и не думаю, чтобы это, весьма безвѣстное имя могло быть нужно Вашему журналу, ненуждающемуся, благодаря своему собственному достоинству, ни въ чьихъ именахъ.

Если Вы рѣшитесь напечатать этотъ «Спектакль», то напечатайте его поскорѣе. Въ противномъ случаѣ прошу Васъ передать его К. Д. Кавелину. Впрочемъ, авось либо на этотъ разъ попытка моя будетъ поудачнѣе статьи о Дидро, посланной Вамъ черезъ П. Н. Кудрявцева и попавшей, кажется, въ несчастное время. Скажу Вамъ прямо, что, по нѣкоторымъ причинамъ, мнѣ было бы несравненно пріятнѣе печататься въ «Отеч. Запискахъ», чѣмъ въ «Современникѣ».

Въ ожиданіи Вашего отвѣта,
имѣю честь быть
съ глубокимъ уваженіемъ къ Вамъ
и къ Вашему журналу

Ап. Григорьевъ.

1849
Февр. 28.
Москва.

---

15. АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КРАЕВСКОМУ.

4 мая 1849 г. [Москва].

Милостивый государь,
Андрей Александровичъ!

Позвольте поблагодарить Васъ за добрый отзывъ о моемъ переводѣ Мюссе. А. Д. Галаховъ, вѣроятно, уже передалъ Вамъ мои условія на счетъ этого перевода. Спѣшу доставить Вамъ окончаніе 1-го акта комедіи: «Что грезится молодымъ дѣвушкамъ?» На-дняхъ же получите Вы и окончаніе всего перевода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте поручить Вашей благосклонности небольшую статейку о театрѣ.—Если приговоры не покажутся Вамъ слишкомъ рѣзкими, чего впрочемъ я не думаю,—то я бы съ большимъ удовольствіемъ занялся доставленіемъ Вамъ постояннаго отчета объ успѣхахъ нашей доморощенной Мельпомены и Таліи.

Повѣсть: «Нерѣшенный вопросъ», которую послалъ Вамъ Алексѣй Дмитріевичъ, прошу Васъ напечатать безъ имени, какъ и все, что я имѣю честь доставлять Вамъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ
имѣю честь быть
Вашъ, милостивый государь,
покорнѣйшій слуга
А. Григорьевъ.

1849
Мая 4.

---

16. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[22 ноября 1849 г. Москва].

Вы, я думаю, считаете меня сильно виноватымъ передъ Вами, да и имѣете на то полное право. Человѣкъ вызвался у Васъ работать, не сдѣлалъ ничего или надѣлалъ дряни, за которую взялъ даже нѣсколько денегъ, и не кажетъ глазъ цѣлыхъ полтора года... всѣ шансы на то, чтобы считать его нелѣпымъ, если еще не хуже. Оправдывать себя я не берусь, но такъ какъ Вы меня порядочно хорошо знаете и знаете, что собственная моя натура немножко получше той, которую я было себѣ сдѣлалъ,—то Вы, вѣроятно, и не переставали надѣяться на мое исправленіе. Въ самомъ дѣлѣ, если полтора года безукоризненной жизни семьянина и столько же времени усердной и аккуратной службы въ званіи наставника могутъ служить для васъ ручательствами, то имѣю честь ихъ представить. Я считаю себя Вамъ должнымъ и желалъ бы расплатиться работой... Въ то время, какъ Вы предложили мнѣ отдѣлъ въ «Москвитянинѣ», я, право, еще не опредѣлилъ себѣ ясно, что именно я могу дѣлать: во мнѣ было только смутное желаніе что-нибудь дѣлать и какъ-нибудь опредѣлить себя. Вспомните, что я только что вырвался изъ разныхъ безднъ умственнаго и моральнаго опьяненія... Вы поручили мнѣ отдѣлъ Политики—нельзя было сдѣлать порученія неудачнѣе. Результатъ былъ только тотъ, что я Вамъ задолжалъ и что потомъ, путаясь долгое

время въ крутѣйшихъ обстоятельствахъ, совѣстился показать глаза. Теперь я знаю мѣру силъ и знаю, что могу дѣлать. Не стану предлагать себя въ сотрудники по такимъ отдѣламъ, въ которыхъ мы можемъ не сойтись во взглядѣ или, лучше сказать, не во взглядѣ, а въ углѣ взгляда, не стану, во-первыхъ, потому, что опытъ научилъ меня не жертвовать никогда дорого купленною самостоятельностію, какова бы она ни была, а во-вторыхъ, потому, что ни Вамъ, ни журналу не было бы пользы въ дѣятельности насильственной: сознавая себя эклектикомъ, я не стану подъ знамя ни той, ни другой партіи. Но я могу: 1) переводить въ стихахъ и въ прозѣ, 2) дѣлать извлеченія изъ являющихся во Франціи и Германіи сочиненій по Исторіи и Искусству, 3) составлять монографіи о писателяхъ, которыхъ я изучилъ и т. д., дѣйствовать у Васъ, однимъ словомъ, только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ не нужно ничего инаго, кромѣ добросовѣстнаго труда и литературной образованности. Съ этою цѣлью, съ этими намѣреніями, я просилъ М. Н. Загоскина представить меня А. Ѳ. Вельтману... Съ этою цѣлью я желаю представиться и Вамъ. Черкните мнѣ, когда Вы будете свободны вечеромъ, и я тотчасъ же явлюсь къ Вамъ, безконечно-уважаемый мною Михайло Петровичъ.

---

17. АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КРАЕВСКОМУ.

16 декабря 1849 г. [Москва].

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Тысячу разъ благодарю Васъ за присылку мнѣ денегъ, которыми Вы меня истинно обязали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте обратиться къ Вамъ со слѣдующимъ дѣломъ: не угодно ли Вамъ помѣстить у себя въ нынѣшнемъ году полный переводъ «Вильгельма Мейстера», по крайней мѣрѣ Lehrjahre. Постоянно изучая Гете, я бы занялся этимъ дѣломъ съ величайшимъ наслажденіемъ и притомъ безъ особенныхъ претензій, т. е. за Вашу обыкновенную, казенную плату съ переводнаго листа; больше я даже и не хочу, потому что этотъ трудъ былъ бы для меня, такъ сказать, отдыхомъ, да и притомъ работать для Вашего журнала—все равно, что служить въ казенномъ мѣстѣ: такъ здѣсь и вѣрны, и обезпечены шансы.

Еще одно: не благоугодно ли будетъ Вамъ завести въ Смѣси постоянное небольшое отдѣленіе: Обозрѣніе Журналовъ. Какъ опытъ, я пришлю Вамъ въ скоромъ времени статью о послѣднихъ книжкахъ 1849 года. Изъ нея, разумѣется, Вы можете сдѣлать, что хотите, т. е. печатать или непечатать. Въ Вашей же волѣ будетъ придать этимъ статьямъ болѣе или менѣе полемическій характеръ, обрѣзывать и распространять вооруженія противъ многоразличныхъ литературныхъ ересей—великосвѣтскихъ или невеликосвѣтскихъ. Руководясь всегда здравымъ вкусомъ многоуважаемаго Алексѣя Дмитрича, я надѣюсь, что онъ поможетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ совѣтами и замѣчаніями, потому что, стремясь къ дѣятельности сколько-нибудь добросовѣстной, вовсе не считаю постыднымъ принимать совѣты отъ людей, которыхъ авторитетъ признаю я по разумному убѣжденію; но за то, сознавая свою добросовѣстность, не намѣренъ поклоняться мнѣніямъ «иногородныхъ подписчиковъ» и другихъ героевъ, которые могутъ импонировать (и притомъ—весьма вредно) только на зѣло-молодыхъ людей. Я самъ, какъ Вамъ вѣроятно небезъизвѣстно, купался достаточно во всякой литературной грязи и вынесъ крѣпкое убѣжденіе во вредѣ субъективныхъ высшихъ взглядовъ и въ дешевизнѣ парадоксовъ.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта
имѣю честь быть
Глубоко уважающій Васъ
А. Григорьевъ.

1849
Дек. 16.

1850 г.

18. ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ.

8 марта 1850 г. [Москва].

Милостивый государь,
Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Очень радъ, что помѣщеніе Вами двухъ моихъ юношескихъ грѣховъ въ «Пантеонѣ» даетъ мнѣ случай и поводъ писать къ Вамъ. Не распространяюсь въ сочувствіи къ Вашему изданію, которому когда то посвящалъ я такъ много силъ, — въ изъявленіяхъ моего личнаго уваженія къ Вамъ, а пишу къ Вамъ прямо о дѣлѣ.

Вы обѣщали напеча[та]ть мой переводъ Короля Лира—ради Бога, не дѣлайте этаго: Вы остыдите и свое изданіе, и меня. Переводъ мой былъ мною сдѣланъ еще въ 1837 году, т. е. когда мнѣ было только шестнадцать лѣтъ и когда я читалъ Шекспира только по французски... Если вы хотите что нибудь мое, то напишите мнѣ, не желаете ли Вы, что бы я занялся дѣльнымъ переводомъ «Короля Лира»: занятый почти спеціально изученіемъ Шекспира, я это сдѣлаю за самую умѣренную плату, изъ чистаго дилеттантизма и даже вовсе безъ платы, если Вы похлопочете о постановкѣ моего перевода на сцену... Но такой переводъ я не могу Вамъ обѣщать раньше будущей зимы. Покамѣсть же, не хотите ли Вы, что бы я перевелъ для Васъ въ стихахъ пьесу или фантазію Альфреда де Мюссе: «Les marrons au Feu»—вещь славная и по мысли, и по формѣ!.. Переводъ комедіи Делавиня тоже надобно было бы исправить—ну, да ужъ Богъ съ нимъ!.. Посылаю Вамъ нѣсколько переводовъ изъ Гёте, которые я желалъ бы видѣть напечатанными не врознь, а вмѣстѣ. Можетъ быть, добуду Вамъ нѣсколько стихотвореній А. А. Фета, Н. Берга.

Еще вотъ что: не хотите ли Вы завести подробную и дѣльную хронику Московскаго театра? Въ этомъ случаѣ, я предлагаю Вамъ не свои услуги, потому что я уже пишу объ этомъ въ «Отеч. Записки»,—у меня есть хорошій пріятель, человѣкъ умный, образованный и ученый, который, любя театръ, взялся бы за это дѣло съ удовольствіемъ. Условія его будутъ очень просты: доставьте ему какъ нибудь даровой входъ въ театръ, и онъ—Вашъ.

Если Вамъ угодно будетъ отвѣчать мнѣ, то прошу Васъ писать на мое имя по слѣдующему адресу:

Въ Москву,

Въ контору «Отеч. Записокъ», въ университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова на Страстномъ бульварѣ

А. А. Григорьеву.

А на первый разъ позвольте взять съ Васъ взятку «Пантеономъ». При желаніи всего лучшаго и Вамъ, и Вашему изданію,

остаюсь

готовый къ услугамъ

А. Григорьевъ.

1850.
Марта 8.

19. ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ.

Москва
1850.
Апр. 19.

Милостивый государь,
Ѳедоръ Алексѣевичь!

Спѣшу доставить Вамъ первую статью того сотрудника, о которомъ я Вамъ писалъ, статью, какъ Вы сами увидите, замѣчательную и по интересу содержанія, и по зрѣлости взгляда. Павелъ Ефимовичь Басистовъ готовъ работать въ Вашъ журналъ съ удовольствіемъ и притомъ въ настоящее, трудное для «Пантеона» время, безъ денежнаго вознагражденія. Доставьте ему только входъ въ театры поскорѣе, если хотите имѣть даровитаго и ученаго рецензента, какого Вамъ имѣть не мѣшаетъ. Сдѣлавши свое дѣло, предоставляю сноситься Вамъ съ нимъ самимъ лично, т. е. писать на имя его, адресуя на контору «Отеч. Записокъ» въ лавку И. В. Базунова или въ Воспитательный домъ, гдѣ онъ—учителемъ Руской Словесности.

Я лично не вышлю Вамъ ничего до Іюля мѣсяца, потому что до вакаціи страшно обремененъ экзаменами въ институтѣ и пансіонахъ и другими учительскими обязанностями. Въ вакацію имѣю въ виду сдѣлать довольно много и для Васъ лично докончить «Les marrons au Feu»—это будетъ мое приношеніе и Вамъ лично, и журналу. Желаю Вамъ всѣхъ благъ «отъ росы небесной и тука земнаго» и остаюсь

искренно уважающій Васъ
А. Григорьевъ.

P.S. Съ чего Вамъ представилось, что я послалъ Вамъ стихи Фета и притомъ — напечатанные? Стихи — мои, и напечатано всего только одно: «Aus dem See» въ моей статьѣ о Фетѣ въ «Отеч. Зап.» Посылаю Вамъ его Элегіи: напечатанныя вычеркнуты, ненапечатанныя—Ваши.

---

20. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[1850—1851 г. Москва].

Михайло Петровичь! ради Бога, позвольте мнѣ окончить статью такъ, какъ я ее задумалъ. О Радовицѣ [?] пусть во второй номеръ. Я измученъ, усталъ и боленъ—и все таки завтра необходимо мнѣ видѣть васъ завтра утромъ.

1851 г.

21. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Начало января 1851 г. Москва].

Былъ у Валентина Корша на счетъ статьи о Кудрявцевѣ. Сократить онъ не соглашается, потому что, какъ онъ говоритъ, онъ и такъ уже ее сократилъ. На счетъ цѣны затрудненія не будетъ. Гуртомъ онъ за шесть листовъ возьметъ 50 цѣлковыхъ (по 9 р. сер. за листъ). Видя такую уступчивость, я, разумѣется, не могъ настаивать на сокращеніи, да и вообще-то мое положеніе было очень ложное. Въ воскресенье вечеромъ я къ Вамъ приведу его лично.

---

22. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Апрѣль 1851 г. Москва].

Часто хотѣлось бы и то, и другое сдѣлать и о томъ, и о другомъ написать,—да придешь домой совсѣмъ разбитый, такъ что никуда уже не годишься. Конечно, на это можно возразить, что надобно потерпѣть, оттерпѣться. Да, это такъ! когда оттерпишься, не будешь уже ровно ни къ чему годенъ, упадешь и тѣломъ, и душою, состаришься прежде времени подъ гнетомъ поденной работы, еще болѣе подъ гнетомъ тяжелой скорби о томъ, что безпутной молодостью, съ одной стороны, и тяжкою поденщиною въ зрѣломъ возрастѣ погубилъ много силъ въ самомъ себѣ. Безотрадное, безвыходное положеніе, когда трудишься, какъ возовая лошадь, не видя ни пользы въ своемъ трудѣ, ни даже такого матеріальнаго вознагражденія, которое было бы съ нимъ уравновѣшено. И поневолѣ приходятъ подъ часъ въ голову тѣ же самыя праздныя мысли, какія приходили герою «Мѣднаго всадника»:

Вѣдь есть же праздные лѣнивцы,
Ума недальняго счастливцы,
Которыхъ жизнь куда легка...

Ну, хорошо: добьюсь я въ сорокъ или даже тридцать пять лѣтъ такого положенія, когда буду работать меньше, а получать больше,

по тому извѣстному на Руси правилу, что чѣмъ мѣсто выше, тѣмъ труда и отвѣтственности меньше; да, опять повторяю, куда я буду годиться, когда уже и теперь страдаю одышкой и припадками самой черной ипохондріи, въ одну изъ минутъ которой и пишу я къ Вамъ эти малозанимательныя строки. Между тѣмъ, выдвинуться пораньше на болѣе ровный путь хоть и трудно, но не невозможно. Связей у меня нѣтъ вовсе. Съ одними я просто не сошелся, съ другими—разошелся; было время, когда и Грановскій, и другіе, имѣющіе вѣсъ и вліяніе люди любили меня, ждали отъ меня чего-то. Въ томъ, что теперь у меня нѣтъ связей, виноваты на половину дурныя стороны моего характера и темныя пятна моей жизни, а на половину—хорошія, т. е. моя рѣшительная неспособность принадлежать къ приходу и клятвенно отречься отъ собственной личности. Пытался и я унять себя въ этомъ отношеніи, да видно ужъ нельзя; рано или поздно—бѣлое покажется мнѣ бѣлымъ, а не синимъ и не краснымъ, какимъ ему быть приказано... Съ правою стороною не сходился я никогда и, кажется, нечего объяснять, почему (подъ правою я разумѣю l'extrême droite). Между тѣмъ, особенной неуживчивостью или нетерпимостью я не отличаюсь и весьма способенъ на различныя уступки и примиренія. Всю эту рѣчь я веду къ тому, чтобы выразить посерьезнѣе и пообстоятельнѣе то, о чемъ намекалъ я Вамъ какъ то разъ. Такъ или иначе, пособите мнѣ выбиться впередъ, на болѣе обезпеченную и спокойную позицію — на какое-нибудь мѣсто, которое бы давало мнѣ возможность отдаваться тому труду, къ какому я особенно способенъ,—труду кабинетному, литературному. У Васъ есть связи, есть люди, которые въ состояніи вытащить за уши—не вдругъ и не сейчасъ, конечно, но и не въ пять же лѣтъ или — храни Боже—въ десять, въ теченіе которыхъ обратишься въ старую тряпку, наживешь, пожалуй, ракъ въ желудкѣ при отсутствіи опредѣленнаго часа для сна и пищи да при вѣчныхъ тягостныхъ заботахъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать Вамъ—единственному сколько-нибудь сильному человѣку, съ которымъ я не разошелся. Разумѣется, что я не говорю: способствуйте вотъ сейчасъ тому-то и тому-то — нѣтъ! я повторяю только усердную просьбу дѣйствовать постепенно, но не до той убійственной постепенности, какая прежде лишитъ человѣка всякой энергіи, а потомъ пришлетъ какъ бѣлкѣ возъ орѣховъ.

23. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[6 іюня 1851 г. Москва].

Я къ Вамъ съ жалобою, не за себя, а за Н. В. Берга, на Вашего конторщика. За какихъ жуликовъ считаетъ онъ насъ, что отказываетъ, въ д е с я т и цѣлковыхъ, нужныхъ для Мартынова, и тутъ же, при словахъ о бумагѣ, вынимаетъ д е с я т ь цѣлковыхъ. Согласитесь, что это крайне неприлично въ отношеніи къ намъ, какъ, кажется, весьма безкорыстнымъ въ этомъ дѣлѣ. Ради Бога, избавьте насъ отъ отношеній съ подобнымъ субъектомъ и всѣ д е н е ж н ы я дѣла ведите всегда съ нами лично. Бергъ чрезвычайно оскорбился, да и былъ правъ. Въ какое положеніе поставилъ бы онъ его въ отношеніи къ Мартынову и какое мнѣніе получилъ бы послѣдній о Редакціи журнала, заставляющей два раза приходить за какими-нибудь д е с я т ь ю цѣлковыми? Хорошо, что пришла бумага въ типографію и что деньги, взятыя на покупку бумаги, могли быть употреблены на расплату. Извините меня, что я такъ много говорю о дѣлѣ, повидимому, весьма ничтожномъ: отъ в н ѣ ш н о с т и зависитъ на свѣтѣ многое, если не все. Бергъ, напримѣръ, добрѣйшій и безкорыстнѣйшій человѣкъ, имѣлъ право оскорбиться,—оскорбился бы равномѣрно и я, если бы получилъ подобную оплеуху.

---

24. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Іюнь 1851 г. Москва].

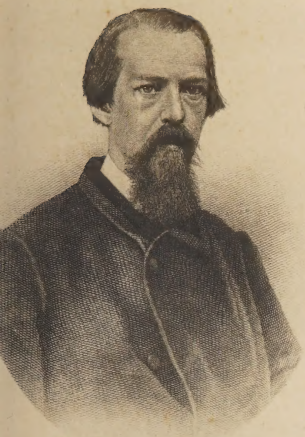
Извините меня, многоуважаемый Михайло Петровичъ, что я рѣшаюсь Васъ безпокоить просьбою моею, ко мнѣ относящейся, впрочемъ не денежной. Но прежде всего надобно сказать нѣсколько словъ о дѣлѣ. Посылаемые листки «Театральной лѣтописи» хорошо бы отправить завтра же къ Верстовскому, для посылки директору. Жаль будетъ, если статья разобьется больше, чѣмъ на два отдѣла.

---

25. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣ 18 іюня 1851 г. Москва].

Зной ли ужасный, вообще ли хандра, которой я страдалъ въ это время, тому причиною, но я былъ въ самомъ зломъ и грустномъ расположеніи духа и въ особенности злился на нашъ журналъ. Те-

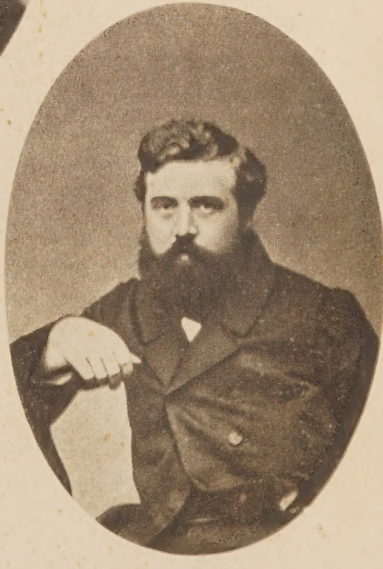


Б. Н. Алмазовъ.

Л. А. Мей.

А. Н. Островскій.

Т. П. Филиппов.



Е. Н. Эдельсонъ.

„Молодая редакція“ журнала „Москвитянинъ“.

перь для меня ясно, чего именно не достаетъ. Не достаетъ порядка. Слыхано ли гдѣ-либо, чтобы пропадали неизвѣстно куда матеріалы, а у насъ пропало нѣсколько главъ «Копперфильда», — пропало безъ слѣдовъ!

---

26. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[29 іюня—1 іюля 1851 г. Москва].

Изъ прилагаемаго письма протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго Вы усмотрите сами печальную необходимость замедлить выходъ 13-го нумера и замѣнить стихотворенія Мея другими. Подвергнуть нумеръ, можетъ быть, арестованію, а цензора, да еще вдобавокъ такого, каковъ Ржевскій, непремѣнному строгому выговору,—или двумя днями запоздать,—тутъ выбора, конечно, быть не могло, и я рѣшился замѣстить стихи Мея стихотвореніемъ Фета...

---

27. АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КРАЕВСКОМУ.

[Послѣ 1 іюля 1851 г. Москва].

Милостивый государь,
Андрей Александровичъ!

Литературныя отношенія, въ которыхъ я имѣлъ честь состоять съ Вами и съ Вашимъ журналомъ, были, хотя и недолговременны, но такъ пріятны, что о нихъ я вспоминаю всегда съ величайшимъ удовольствіемъ. Тѣмъ болѣе непріятно мнѣ, что до сихъ поръ еще я не расплатился съ Вами: за мною, какъ Вамъ небезъизвѣстно, состоитъ Сто рублей серебромъ, и я просилъ бы Васъ покорнѣйше назначить мнѣ, какою именно работой позволите Вы уплатить эту сумму, оригинальной или переводной — это все равно. Назначьте—и будетъ исполнено съ величайшею точностью. Театральной хроники я не присылалъ потому, что нѣсколько статей моихъ погибло, а переписывать аффиши мнѣ не хотѣлось; притомъ же, открылась возможность вести въ «Москвитянинѣ» постоянную и подробную лѣтопись театра по моимъ убѣжденіямъ. О статьѣ объ А. де Мюссе я не имѣю до сихъ поръ никакихъ извѣстій; на счетъ продолженія перевода «Мейстера» Вы мнѣ ничего не отвѣчали.

Такъ какъ это все таки трудъ, который было бы весьма непріятно потерять даромъ, то я рѣшаюсь покорнѣйше просить Васъ возвратить мнѣ то, что Вамъ не нужно, т. е. «Мейстера» или статью о Мюссе и погибшія письма о театрѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначеніемъ мнѣ новаго труда дать средства уплатить ту сумму, которую я имѣю честь состоять Вамъ долженъ.

Ненужное Вамъ прошу вручить А. Н. Егунову.

Съ глубокимъ и истиннымъ уваженіемъ,
имѣю честь быть,
Вашъ, Милостивый государь,
покорнѣйшій слуга
А. Григорьевъ.

---

28. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[25 іюля 1851 г. Москва].

Пріѣзжалъ въ Москву Я. П. Полонскій и читалъ намъ съ Островскимъ драму «Дареджана». Хотя она и запродана уже имъ почти въ «Библіотеку для Чтенія», но, какъ мой старый другъ, онъ готовъ продать ее намъ. Вещь не безъ достоинства.

---

29. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Іюль—августъ 1851 г. Москва].

Пріѣзжайте, ради Бога, скорѣе. Мы здѣсь безъ Васъ, какъ овцы безъ пастыря—да и притомъ ни одной овцы не доищешься. Хороши были бы мы редакторами!

---

30. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Октябрь 1851 г. Москва].

Разъясните мнѣ, Бога ради, кто издаетъ «Москвитянинъ» — Вы или компанія? — и право поправлять статью принадлежитъ ли только Вамъ или всѣмъ и каждому? А. Н. Островскій хвалился вчера, что поправилъ нѣсколько выраженій въ моей статьѣ о Самойловой... Вы знаете, какъ безусловно принимаю я Ваши поправки и

даже благодаренъ Вамъ за это, но позвольте и мнѣ, хоть я и не геній, имѣть сколько-нибудь человѣческаго самолюбія. Измѣненіе малѣйшей іоты въ моей статьѣ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ Васъ, редактора журнала, и при томъ редактора, съ которымъ я почти согласенъ въ основныхъ положеніяхъ, можетъ бѣсить даже и меня, человѣка, какъ Вамъ не безъизвѣстно, весьма кроткаго. Не худо бы вспомнить исправляющимъ, что я чему-нибудь учился... Потому я прошу Васъ показать, если нужно, господамъ эту записку..... Мало ли въ чемъ они могутъ быть несогласны со мною? Я вотъ тоже несогласенъ съ статьею Филиппова, но я не присвоилъ себѣ права поправить въ ней ни одного слова.

---

31. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[26 ноября 1851 г. Москва].

Разнаго рода бѣды сыплются на меня съ нѣкотораго времени, такъ что я рѣшительно теряю всякое терпѣніе и прихожу въ отчаяніе. Приходится опять Васъ тревожить и тревожить не по пустякамъ. Ради Бога, спасайте меня въ настоящую минуту отъ бѣды неминучей. Дѣло вотъ какого рода. По заемному письму, данному мною Занфтлебену, въ сто рублей серебромъ, еще въ 1849 году, т. е., когда у меня не было никакихъ средствъ, а между тѣмъ нужно было прикрывать свое грѣшное тѣло,—я платилъ только проценты. Теперь хоть повѣситься, а надобно къ четвергу,—это крайній изъ крайнихъ сроковъ,—отдать сумму до-полна: иначе грозился отправиться къ Попечителю, что, какъ Вы сами понять можете, хуже всякаго полицейскаго взысканія. Войдите въ мое положеніе и, прежде упрековъ мнѣ за безпутное житіе не по средствамъ, возьмите въ расчетъ, что только два года какихъ-нибудь я получаю сколько-нибудь сносный окладъ, что за два года назадъ шестимѣсячная болѣзнь жены чего-нибудь мнѣ стоила, что у меня, однимъ словомъ, множество задовъ отвратительныхъ, отравляющихъ мою жизнь. Сообразите все это и выручайте меня, какъ выручали Вы не разъ гораздо болѣе неблагонадежныхъ артистовъ. Мысль о томъ, что бы Вы могли сомнѣваться во мнѣ, въ голову мнѣ не приходитъ. Теперь Вы, я полагаю, достаточно меня знаете, чтобы вѣрить мнѣ. Очень можетъ статься, что у Васъ нѣтъ денегъ—чему я вѣрю вполнѣ. Но

случай такой крайній, что я умоляю Васъ достать во что бы то ни стало... и въ четвергъ—ради Бога. . . . . .

Берите меня такимъ, какимъ я есть—и не ждите ничего, кромѣ возовой лошади. Но она все-таки нужна журналу, если журналъ будетъ существовать... Въ настоящую минуту, впрочемъ, я больше кляча, чѣмъ лошадь, да вдобавокъ еще разбитая ногами. Не киньте же меня хоть Вы,—пригожусь еще.

---

32. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[30 ноября 1851 г. Москва].

Посылаю Вамъ «Вильгельма Мейстера» и съ величайшей радостью отдаю его «Москвитянину», гдѣ для него приличнѣе мѣсто, чѣмъ въ «Запискахъ». Хотя, работая прежде Краевскому такъ же усердно и честно, какъ Вамъ, я выполнилъ дѣло по крайнему разумѣнію, но не откажусь просмотрѣть переводъ мой и, какъ говорится, mettre la dernière main. Условія, разумѣется, обыкновенныя: при настоящемъ положеніи «Москвитянина» я больше ш е с т и цѣлковыхъ за листъ считаю не честнымъ и требовать. Завтра утромъ я къ Вамъ заѣду и—ради Бога—достаньте еще п я т ь д е с я т ъ цѣлковыхъ для удовлетворенія моего кредитора-ракаліи... Вы видите сами, что гарантіи за себя я могу представить.

---

33. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Конецъ 1851 г.—начало 1852 г. Москва].

Благодарю Васъ, добрѣйшій и достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за то, что Вы не оставили безъ вниманія моей просьбы, но въ настоящую минуту я хочу обратиться къ Вамъ за добрымъ совѣтомъ и помощью въ дѣлѣ гораздо болѣе важномъ. Собственно для этого я и явился къ Вамъ въ субботу. Изволите видѣть, какое дѣло: инспекторъ 3-й [2-й] гимназіи, Аглоблинъ, подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку; никогда никакое мѣсто не приходилось болѣе по средствамъ и по силамъ Вашего покорнѣйшаго слуги. Казенныхъ воспитанниковъ въ 3-й [2-й] гимназіи, какъ Вамъ не безъизвѣстно, нѣтъ; з н а ч и т ъ, всѣ занятія инспектора относятся къ классамъ и оканчиваются въ 2½ часа; значитъ также, нѣтъ тутъ

и хозяйственной части, которую я способенъ спутать. Внѣ же оной я надѣюсь быть на что-либо годнымъ. Шансовъ у меня на полученіе этого мѣста—ровно никакихъ; и, будь это при другомъ Попечителѣ, я не рѣшился бы Васъ безпокоить, но, когда все зависитъ отъ чистыхъ случайностей, то, я думаю, позволительно человѣку, столько какъ я измученному разными житейскими сквернostями, сказать: Ва-банкъ!.. Расчеты у меня: 1) на Васъ, 2) на графиню Ростопчину, которая, разумѣется, по неописанной добротѣ не откажется пустить въ ходъ женскую аристократію, 3) на другую графиню (т.-е. Сальясъ), которая изъ point d'honneur chevaleresque сочтетъ за удовольствіе оказать услугу порядочному человѣку, тѣмъ болѣе ея литературному врагу, 4) на Степана Петровича Шевырева и 5) на Баршева, но это ужъ, кажется, для роскоши. Разсудите милостиво, можетъ ли быть какой-нибудь путь во всемъ этомъ? и если можетъ, то ради той гуманности, которой Вы никогда но измѣняли, примите это дѣло къ сердцу. Безъ Вашего совѣта я не рѣшился и не рѣшусь ступить тутъ иначе: я не поѣхалъ даже въ субботу къ графинѣ, чтобы не впасть въ искушеніе—просить ее о невозможномъ... А Вы, какъ нарочно, ѣдете завтра въ Петербургъ. Надобно ковать желѣзо, пока оно горячо. Если Вы совершенно постигаете всю важность восьмисотъ серебромъ жалованья, квартиры, отопленія и освѣщенія для вашего покорнѣйшаго слуги и находите, что онъ имѣетъ не меньше правъ на таковыя блага, чѣмъ Мей,—то Вы придумаете и зависящія отъ Васъ средства. Мнѣ кажется (но дѣйствуйте, какъ Вамъ Богъ на душу положитъ), что письмо отъ Васъ, поданное мною Назимову, письмо съ прописаніемъ моихъ качествъ, какъ учителя и литератора, и нуждъ, какъ семейнаго человѣка, письмо, нѣсколько адвокатское, подѣйствовало бы весьма сильно. Во всякомъ случаѣ, отвѣчайте мнѣ хоть съ энергическимъ лаконизмомъ: хлопотать или нѣтъ.

---

34. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[1851—1852 гг. Москва].

Милостивый Государь
Михайло Петровичъ!

Имѣя полное, даже нравственное право дѣлать мнѣ самые строгіе выговоры, Вы только изумляете меня Вашею снисходительностію. Не думайте, что я начинаю этимъ, чтобы избѣжать выговора: нѣтъ,

я хотѣлъ бы подвергнуться всей его строгости; я пишу это потому, что не могу не написать этого, хотя, можетъ быть, Вамъ покажутся мои слова обыкновеннымъ и легкимъ порывомъ молодости. Но дозвольте же и оправдаться нѣсколько:

1) Списки писаны мною въ разное время и на разныхъ листкахъ, и я могъ ошибиться въ числѣ, тѣмъ болѣе, что, если не ошибаюсь опять, я сказалъ Вамъ, что набралъ 80 или около 100, но не болѣе. Завтра (т. е. въ субботу) обѣщаюсь доставить Вамъ еще 60. Письмо Рафна имѣю честь представить.

2) Въ Типографію иду сейчасъ самъ и завтра же доставлю Вамъ экземпляры, но уже не такъ, какъ доставилъ тѣ, т. е. не на плечахъ солдатъ, что себѣ простить не въ состояніи, подумавши объ этомъ, т. е. наведенный Вами подумать объ этомъ.

3) Я сказалъ Вамъ, что переплетенные экземпляры на бѣлой бумагѣ потому, что, по совѣсти, различіе бѣлой и сѣрой для меня не совсѣмъ ясно.

4) Письма Самойлова я даже и не видалъ, хотя всѣ бумаги вступающія вложены въ новые журналы и хранятся въ портфеилѣ: это—одно, въ чемъ я аккуратенъ.

Жду Вашихъ приказаній, для отмѣтки которыхъ я завелъ теперь памятную книгу, ибо то, чего надъ моею неаккуратностію не въ силахъ была бы сдѣлать строгость, Ваше благородное терпѣніе наконецъ должно преодолѣть.

Вѣрьте, Милостивый Государь, тому глубокому искреннему почтенью,

съ которымъ имѣю честь быть

преданнѣйшій Вамъ

Григорьевъ.

---

35. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[1851—1852 гг. Москва].

Милостивый Государь,
Михайло Петровичъ!

Имѣю честь доставить конецъ статьи.

Завтра буду имѣть удовольствіе васъ видѣть и представить Вамъ нашего сотрудника N. И. Шаповалова.

Весь Вашъ

А. Григорьевъ.

1852 г.

36. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[10—16 февраля 1852 г. Москва].

Окончилъ я, наконецъ (несмотря на масляницу, имѣющую вліяніе и на меня, какъ на всякаго грѣшнаго Русскаго человѣка), свою безконечную статью и умоляю Васъ, достопочтеннѣйшій кумъ, настоять на томъ, чтобы окончательный ея выводъ сохранился въ цѣлости. Знаю, что скромность Александра Николаича будетъ противъ этого вывода, но вѣдь всякій изъ насъ въ нашемъ же журналѣ скажетъ свое слово о «Бѣдной Невѣстѣ», т. е. каждый съ своей точки зрѣнія поклонится ей, какъ геніальному созданію мастера. Разъ напечатанная, она уже перестаетъ быть достояніемъ партіи. Что же за смѣшная щепетильность? Или потому не смѣть признавать произведеніе Островскаго послѣднимъ словомъ литературы въ настоящую минуту, что авторъ ея—Островскій, а мы—его друзья и поклонники его генія? или еще потому, что оно напечатано въ нашемъ журналѣ? Нѣтъ! Иногда нужно принести въ жертву такую пошлую щепетильность и, когда нужно, огромить смѣлымъ словомъ правды. Вы это поймете, потому что Вы одинъ изъ первыхъ, если не первый, поклонились Гоголю.

---

37. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[До 19 февраля 1852 г. Москва].

Если Вы вѣрите иногда въ темныя предчувствія души, то умоляю Васъ исключить выходку противъ «Денщика». Я боюсь со стороны нашихъ литературныхъ враговъ всего на свѣтѣ. Протестъ весьма благороденъ, но опасенъ. Вспомните «Телеграфъ» и «Руку Всевышняго». Дѣло наше идетъ, но осторожность не мѣшаетъ, иногда даже излишняя. Ради Бога, уступите въ этомъ случаѣ моему внутреннему голосу. Вѣдь мы—не западные рыцари съ правиломъ: pereat mundus, fiat justicia! Все успѣемъ сказать въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Мнѣ не даетъ покою эта мысль; мнѣ—человѣку, какъ Вамъ извѣстно, не отличающемуся осмотрительностью... Вспомните слова писанія: «Не найдѣйтеся на князи и на сыны человѣческія».

---

38. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣ 19 февраля 1852 г. Москва].

Я къ Вамъ съ просьбою, достопочтеннѣйшій кумъ,—съ просьбою, равно относящеюся и къ пользамъ нашего дѣла и къ моимъ личнымъ пользамъ.

Для статьи о Кукольникѣ и для многихъ другихъ задуманныхъ мною статей мнѣ необходимо провѣрить и пересмотрѣть литературу и критику нашу съ 1835 года, т. е. мнѣ нужны журналы. Въ этомъ дѣлѣ Вы мнѣ легко можете помочь. Такъ, на первый разъ, мнѣ нужно перечесть или, лучше, пересмотрѣть всю «Библіотеку для Чтенія» съ начала ея существованія.

У Ивана Алексѣевича Дмитріева она существуетъ вся, но онъ, какъ всѣ библіоманы, скупъ на книги. Для Васъ онъ, конечно, не откажетъ подѣлиться своими матеріалами. Напишите къ нему записочку, что бы онъ (за Вашимъ ручательствомъ) давалъ мнѣ по году этого журнала. Сдѣлайте милость, не откажите. Моя дѣятельность, какъ критика историческая, опредѣлилась для меня совершенно ясно съ послѣднею статьею... Помогите работать, если находите работу мою годною, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

---

39. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣдняя треть февраля 1852 г. Москва].

Вы, говорятъ, недовольны, что въ статьѣ моей я построилъ только крыльца? Да вѣдь и цѣлью ея были—крыльца, ибо о чемъ же говорить въ отношеніи къ Литературѣ 1851 года? Надобно было назвать ее иначе—и вотъ это, можетъ быть, такъ... Дѣло въ томъ, что крыльца задѣли за живое и уязвили довольно мѣтко. . . . . О преданности нашему общему дѣлу считаю излишнимъ и говорить, ибо въ послѣднее время я дошелъ до фанатизма въ этомъ отношеніи.

1853 г.

40. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[23 февраля 1853 г. Москва].

Хотя Ваше превосходительство и объявили недавно печатно, что Вамъ надоѣли и посѣщенія, и письма знакомыхъ и сотрудниковъ, но когда дѣло идетъ, во-первыхъ, объ отношеніи сотрудниковъ къ журналу, а во-вторыхъ, о будущемъ, какъ ихъ, такъ и журнальномъ, то правило можетъ быть нарушено, и покой Вашъ мы имѣемъ нѣкоторое право потревожить, ради будущихъ же отношеній, ихъ возможности и прочности. Не стану говорить о другихъ *нашихъ*, потому что у нихъ есть свой языкъ; буду говорить единственно о себѣ и о своихъ къ журналу отношеніяхъ, хотя вполнѣ увѣренъ, что никому изъ нашихъ мой взглядъ на дѣло не покажется страннымъ. Вы какъ-то сказали, что у меня сердце легкое и отходчивое—это правда; но мнѣ кажется, что есть вещи, которыя оскорбятъ и мое легкое сердце. И *во-первыхъ*, что Вы сдѣлали съ моею статьею о первомъ нумерѣ «Библіотеки» и о Литературѣ тридцатыхъ годовъ?—статьею, которую я писалъ отъ имени всѣхъ насъ, статьею, которая имѣла очевидною цѣлью показать наше отношеніе къ предшествовавшему. Мы (не я одинъ, но мы) видимъ и хотимъ видѣть историческую связь между нашей дѣятельностью (какъ она ни малозначительна) и дѣятельностью Пушкинской эпохи, но не видимъ и не хотимъ видѣть связи между нами и М. А. Дмитріевымъ, котораго имя Вамъ угодно было присовокупить къ числу именъ почтенныхъ, нами уважаемыхъ и, вслѣдствіе того, упомянутыхъ. Мы не видимъ также причинъ, почему замѣнено въ одномъ мѣстѣ позорное имя Ѳадейки Булгарина именемъ, все-таки болѣе достойнымъ уваженія,—Н. А. Полеваго: неужели потому только, что Ѳадейка служитъ кое-гдѣ, а Полевой—покойникъ? Неужели изъ страха «Сѣверной Пчелы», не достойнаго ни Васъ, ни насъ, ни «Москвитянина»?.. Почему... но конца бы не было исчисленію тѣхъ, совершенно безпричинныхъ измѣненій въ статьѣ, которою я весьма дорожилъ... И послѣ этого Вы упрекаете, что работа идетъ вяло!.. Руки отваливаются. 2) Чѣмъ вы встрѣчали и встрѣчаете обыкновенно, а съ недавнихъ поръ въ особенности, денежныя просьбы? Положимъ, что я,—говорю опять лично о себѣ,—Вамъ долженъ, положимъ, что внезапная смерть или какое-нибудь другое бѣдствіе посѣ-

титъ меня и оставитъ за мною какихъ-нибудь много-много сто цѣлковыхъ, но найдите мнѣ хоть одного изъ сотрудниковъ любого журнала, который бы не былъ своему журналу долженъ втрое, вчетверо, впятеро больше моего и котораго бы редакторъ журнала встрѣчалъ просьбы совѣтами и наставленіями умѣрить свои расходы, совѣтами весьма назидательными, но къ дѣлу не относящимися?.. Надобно брать людей, каковы они есть, если они сколько-нибудь нужны для какого-либо дѣла. Меня Вы хоть зарѣжьте, а чѣмъ больше гнетутъ меня обстоятельства, тѣмъ меньше становлюсь я способенъ на какое-нибудь дѣло, тѣмъ больше впадаю я въ апатію и въ уныніе. Въ настоящую минуту Вы довели меня до того, что я мечтаю только раздѣлаться съ моимъ долгомъ, бросить опротивѣвшую мнѣ Литературу и опять навьючить себя, какъ кляча, уроками. А между тѣмъ, согласитесь, что на что-нибудь я и былъ годенъ журналу. 3) Въ Вашемъ превосходительствѣ глубоко укоренена мысль, что человѣка надобно держать Вамъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы онъ былъ полезенъ. Мысль эта чрезвычайно ошибочна въ приложеніи къ людямъ нашей эпохи, изъ которыхъ наконецъ самаго легкаго и отходчиваго возьметъ зло иную пору. Вотъ что считалъ я обязанностію высказать Вашему превосходительству передъ наступленіемъ Великаго поста. Кстати еще, Вы посылаете звать нашихъ черезъ меня, какъ черезъ курьера, забывая что у меня даже и средствъ нѣтъ быть разсыльнымъ... Согласитесь, что это очень патріархально, но и очень странно.

1854 г.

41. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣ 10 января 1854 г. Москва].

Вотъ что сейчасъ узналъ я на счетъ выхода Каткова. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, потому что жалованье редактора и проценты недостаточны ему для прожитія. (Онъ женатъ на княжнѣ Шаликовой). Стало быть, Лешкову (хоть онъ женатъ и не на княжнѣ, а на православной христіанкѣ) не слишкомъ лестно промѣнять на это мѣсто окладъ ординарнаго профессора. Средствъ у меня искать — нѣтъ никакихъ: биться лбомъ понапрасну мнѣ ужъ и такъ надоѣло. Вамъ же стоитъ только выйдти изъ маленькой апатіи,

чтобы дать мнѣ это мѣсто — невыгодное для мужей княженъ, но весьма желательное для простого человѣка, какъ я. Впрочемъ, я теперь уже привыкъ къ такому фатализму, что передаю Вамъ это для свѣдѣнія: хотите Вы, чтобы газета, имѣющая 13,000 подписчиковъ была въ вѣрныхъ рукахъ, — дѣйствуйте; не хотите — покоряюсь Вашей практической мудрости и злобствовать не буду. Самъ я,—повторяю Вамъ,—пальцемъ не двинусь, ибо безполезныя исканія только унижаютъ человѣка, а я, какъ одинъ изъ представителей дѣла, все-таки самаго праваго въ литературѣ теперешней, унижаться болѣе не хочу. Вы поймете, безъ сомнѣнія, что такъ говоритъ во мнѣ не личная гордость, не самолюбіе, а желаніе соблюсти достоинство направленія, котораго Вы глава, а друзья наши и я—органы! Забылъ еще прибавить вотъ что: Назимовъ въ большомъ затрудненіи, кого ему назначить редакторомъ, а своякъ мой, Валентинъ Коршъ, даже и не пытается искать этого мѣста и переходитъ, по рекомендаціи Кавелина, въ Петербургъ секретаремъ къ Перовскому.

---

42. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[До декабря 1854 г. Москва].

Вчера я говорилъ Вамъ о родовомъ бытѣ и о прочемъ съ точки зрѣнія общей и говорилъ по моему крайнему убѣжденію. Это убѣжденіе подкрѣплено еще моими личными отношеніями къ Соловьеву. Съ студенческой скамьи мы съ нимъ друзья; изъ-за границы онъ писалъ ко мнѣ, начиная письма: Dimidium animae meae; въ Петербургѣ онъ не отступился отъ меня, не смотря на извѣстныя Вамъ тогда экстравагантности, какъ и Вы не отступитесь. Какъ объ Васъ, такъ и объ немъ я не позволялъ себѣ никогда говорить безъ уваженія, точно такъ же, какъ ни для Васъ, ни для него не отступлюсь отъ того, что признаю правдою, и не отступился отъ того, что признавалъ. Если Вы находите, что мои статьи по этому отдѣлу будутъ недурны, небезполезны и притомъ въ историческомъ смыслѣ православны, то позвольте статьѣ о Медовиковѣ явиться въ томъ видѣ, въ какомъ я желаю (снабдивъ ее, пожалуй, примѣчаніемъ), и я готовъ подписать подъ нею имя и фамилію. Въ противномъ случаѣ—просто уничтожьте ее. Богъ съ ней—статей впереди еще много. Смѣю надѣяться, что Вы и поймете, и уважите мои причины—и или оговоритесь въ примѣчаніи, или исключите статью.

1855 г.

43. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[21 января 1855 г. Москва].

Васъ, безъ сомнѣнія, удивитъ это посланіе послѣ моего долгаго бездѣйствія и молчанія; но какъ бы оно Васъ ни удивило, а общее дѣло (хоть мы всѣ и довольно лѣнивые его работники) выше и Вашихъ, и моихъ личныхъ интересовъ, да и бездѣйствіе мнѣ опротивѣло. Вы глубоко и, кромѣ того, совершенно безполезно оскорбили меня очной ставкой съ отцомъ, да и я былъ неправъ, впутывая Васъ въ хламъ моихъ денежныхъ безпорядковъ. Забудемте оба эту весьма непріятную сцену и будемте говорить о дѣлѣ..... Что журналъ или долженъ пасть, или существовать съ нами, каковы мы ни на есть,—это фактъ. Фактъ же (для меня по крайней мѣрѣ) и то, что всякая попытка съ нашей стороны присоединиться къ другому направленію окажется невозможностью. Мы слишкомъ чисты, чтобы дѣлать какія бы то ни было уступки. Вотъ два несомнѣнныхъ факта, на основаніи которыхъ и должно бы дѣйствовать. Должно бы..... Но прежде всего, когда я говорю, мы, наши... кого я разумѣю? Прежде всѣхъ, конечно, Островскаго, потомъ себя, потомъ Н. Шаповалова, потомъ Стаховича, Потѣхина, Эдельсона и наконецъ Писемскаго. Садовскій, какъ Вамъ извѣстно, ничего не пишетъ.

Изъ этого маленькаго мы — трое художниковъ, т. е. людей исключительно только къ художеству предназначенныхъ, да и изъ нихъ совсѣмъ крѣпокъ только одинъ, Александръ Николаевичъ Островскій, дѣйствительно центръ, сердце, родникъ идей этого мы.

Изъ остальныхъ: Эдельсона я, какъ Вамъ и ему извѣстно, я люблю до смерти, но, какъ тоже ему извѣстно,—ругаю постоянно за робость, уступчивость, излишнюю литературную деликатность, вообще за отсутствіе крѣпкой, фанатической вѣры въ правду того, что́ мы несемъ или должны нести въ литературу, и, вслѣдствіе этого, за неспособность принимать правду со всѣми ея послѣдствіями и вести самое дѣло съ смѣлою и неумолимою послѣдовательностью.

Стаховичъ соединяетъ въ себѣ это условіе, но, къ сожалѣнію, онъ тоже больше художникъ, чѣмъ мыслитель. Б. Алмазовъ—моложе, и потому энергичнѣе всѣхъ насъ, но онъ какъ-то отшатнулся отъ центра...

И вотъ почему я два раза бѣсился недавно, какъ тысяча бѣшеныхъ собакъ вмѣстѣ: одинъ разъ, когда читалъ журналы за ноябрь, съ гнусной, подлой, оскорбившей меня и за Васъ, и за молодое поколѣніе статьей Тихонравова, съ подлѣйшей статьей Дудышкина о Гоголѣ, съ двумя пошлѣйшими и безстыднѣйшими статьями въ «Запискахъ» и «Современникѣ» о трудѣ Берга. Злоба кипѣла во мнѣ такъ, что я плакалъ, что со мною рѣдко бываетъ: я плакалъ о нашемъ малодушіи, самолюбіи однихъ, робости и шаткости другихъ; о Вашемъ равнодушіи къ дѣлу, о Вашей, простите меня, безтактности, еще разъ простите,—пылкой и недостойной Вашей высокой природы обидчивости, о Вашемъ эгоизмѣ... Другой разъ, выходя изъ перваго представленія новой драмы Островскаго, когда нѣкоторые изъ нашихъ с р о б ѣ л и передъ новостью дѣла, я говорилъ, что не было еще въ русской литературѣ дѣла чище, святѣе, честнѣе нашего, — и опять плакалъ горько по тѣмъ же самымъ причинамъ!

Вотъ Вамъ вмѣсто вступленія. Да будетъ Богъ судьею между мною и Вами, если въ этихъ озлобленныхъ и грустныхъ строкахъ Вы увидите п о д х о д ъ или что-нибудь подобное! Есть во мнѣ, погрязшемъ въ тину житейской мелочи, святыя, нетронутыя струны; есть во мнѣ в ѣ р а, которая ничего не побоится.

Во имя этой-то стороны, я разомъ подчеркиваю всѣ скверныя, непріятныя сцены, бывшія между нами; становлюсь въ то отношеніе, которое было между нами въ первый годъ моего участія и имѣю честь предложить Вамъ слѣдующее:

1) По прежней платѣ, т. е. по пятнадцати рублей серебромъ листъ, я обязуюсь доставлять Вамъ въ мѣсяцъ именно не менѣе четырехъ листовъ: а) журналистики, б) статей о пѣсняхъ, самородкахъ, направленіяхъ и т. п., в) п о с т о я н н о й театральной хроники. Но изъ журналовъ мнѣ должны принадлежать о б а главныхъ, по причинамъ выше объясненнымъ. Плата же сія употребляется на оплату моихъ долговъ, которыхъ подробный и точный реестръ я Вамъ доставлю, если Вы примете мои условія.

2) Ни одна ч у ж а я критическая статья, касающаяся произведеній литературныхъ, сомнѣній по русскому быту и русской исторіи, не должна проходить безъ вѣдома Вашего и моего; ни одна повѣсть безъ вѣдома Островскаго и моего; ни одна переводная статья по части humaniora — безъ вѣдома моего и Шаповалова. За просмотръ всего по этимъ частямъ, аккуратный и внимательный, за наблюденіе, чтобы въ статьяхъ гг. Любецкихъ, Пановскихъ и иныхъ не про-

скакивали противународныя и противучеловѣческія безобразія, приводящія насъ часто въ краску передъ посторонними, мнѣ ежемѣсячно должны быть выдаваемы пятнадцать рублей серебромъ, ибо перечесть и пересмотрѣть всякую дребедень стоитъ платы за написаніе одного печатнаго листа (NB. да и жить мнѣ тоже нужно чѣмънибудь).

3) Вы обязаны, тотчасъ же по принятіи сихъ условій, испросить мнѣ у Верстовскаго свободный входъ въ театръ. Я не могу жить безъ театра, и притомъ театръ въ наше время становится самою серьезною стороною литературы. На первый же разъ я напишу большую вступительную статью.

4) О выдачахъ денегъ впередъ разговоровъ съ моей стороны быть не должно. Малѣйшее нарушеніе условій подвергнетъ меня невыдачѣ, впредь до исправленія. Реестръ долговъ Вы получите съ означеніемъ сроковъ платежей и сообразите сами, какъ и что.

5) Сумароковъ ли, другой ли кто будетъ у Васъ factotum; но въ наши отдѣлы, т. е. въ стихи, словесность, критическія статьи, оригинальныя и переводныя по литературѣ, исторіи вообще, эстетикѣ, статьи о русскомъ бытѣ и вообще о славянскомъ—онъ да не вмѣшивается никоимъ образомъ; но мы имѣемъ право похерить въ иностранныхъ извѣстіяхъ и въ смѣси то, что несогласно съ нашимъ, т. е. и съ Вашимъ.

6) Однимъ словомъ, я желаю быть, такъ сказать, вице-редакторомъ во всемъ томъ, что я могу дѣлать, во всемъ, что относится къ духу и направленію журнала. Естественно, что статьи С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, М. А. Дмитріева и нѣкоторыхъ другихъ моей цензурѣ не подвергаются. Но никакой пользы не будетъ и дѣла не выйдетъ, если Вы не рѣшитесь умѣло выбрать диктатора—не меня, такъ другого; а, кромѣ меня, некого, по причинамъ выше объясненнымъ... Вы знаете, что, когда я захочу, я могу работать; а я теперь хочу, и пламенно хочу, ибо приспѣло время, истощилась мѣра терпѣнія, и вся кровь во мнѣ кипитъ при мысли, что нѣкоторые господа торжественно уже объявляютъ о распаденіи нашего кружка и нашего направленія.

Рѣшитесь же разъ, такъ же смѣло, какъ я рѣшился написать къ Вамъ это письмо, принять безъ исключенія всѣ мои, кажется ужъ очень умѣренныя, условія. Авось!

Еще одно: чтобы дѣло шло успѣшно, возстановите, хоть сдѣлавши маленькое насиліе надъ собою, теплоту прежнихъ отношеній

между Вами и по крайней мѣрѣ—мною, Евгеніемъ Эдельсономъ и Александромъ Николаевичемъ Островскимъ.

Послѣднее... но опять съ Вами теперь я боюсь говорить: Вамъ можетъ придти въ голову мысль, обидная для человѣка, который мнѣ дорогъ, для Александра Николаевича, что я—его органъ... Новая драма должна быть напечатана въ «Москвитянинѣ».

Жду Вашего отвѣта и явлюсь къ Вамъ, когда Вы назначите. Всего бы лучше завтра, т. е. въ субботу вечеромъ.

---

44. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣдняя треть января 1855 г. Москва].

Письмо, полученное мною вчера отъ Вашего превосходительства отчасти обрадовало меня первою своею страницею, отчасти—повергло въ сомнѣніе второю. Сдѣлайте милость, увѣдомте меня завтра же, хоть къ вечеру, о Вашемъ окончательнымъ рѣшеніи: 1) о существованіи журнала вообще; 2) о напечатаніи «Не такъ живи, какъ хочется»; 3) о принятіи Вами условій. Въ дополненіе, имѣю честь присовокупить, что Григоровичъ и Тургеневъ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы Островскій согласился отдать пьесу Краевскому: стало быть, рѣшеніе Ваше должно быть положительное. Намъ сильно повредитъ, если Островскій не только отдастъ пьесу Краевскому, чего онъ по чистотѣ своей и не сдѣлаетъ вѣроятно, но даже если напечатаетъ отдѣльно... Бога ради, сообразите это дѣло: довольно уже и того, что «Бѣдность не порокъ» вышла отдѣльно, довольно того, что мы, кажется, потеряли окончательно Писемскаго, что Потѣхина туда переманиваютъ. Кто жъ у насъ останется? Н. Н. Воронцовъ, да авторъ «Мечтателя»... Помилосердуйте!.....

Притомъ, Вы, кажется, не совсѣмъ меня поняли... Я прямо и положительно прошу у Васъ—хоть на годъ—диктаторства, но не по самолюбію, котораго, какъ Вы знаете, у меня меньше, чѣмъ у многихъ, а по твердому сознанію, что я—одинъ фанатически вѣрю въ наше дѣло. Значитъ, тотчасъ по принятіи и утвержденіи условій, Вы должны объявить циркулярно, что сдали мнѣ всѣ распоряженія (кромѣ, разумѣется, денежныхъ) по части словесности и критики,—стало быть, отъ моего усмотрѣнія зависитъ порученіе тому или другому того-то и того-то. Безъ этого, повторяю, толку не

будетъ. Прибавьте, пожалуй, въ циркулярѣ—«въ видѣ опыта», да и пусть это въ самомъ дѣлѣ будетъ опытомъ на четыре мѣсяца.

---

45. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[До 9 февраля 1853 г. Москва].

Я все съ тѣмъ же—1) драма Островскаго должна появиться въ «Москвитянинѣ». Условія его Вамъ извѣстны: триста серебромъ и шестьсотъ экземпляровъ: деньги—сполна и въ одинъ разъ. Неужели Вы сомнѣваетесь, что Краевскій дастъ тысячу серебромъ, даже больше? Вы, я думаю, слышали, что онъ заплатилъ Писемскому за страшую дрянь, за «Ветерана-Новобранца»? 2) Еще болѣе настоятельно, чѣмъ прежде, я прошу себѣ временнаго вице-редакторства, съ циркулярнымъ объ ономъ объявленіемъ. «Земля велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ». 3) До циркуляра и, главное, до окончанія дѣла о драмѣ—я не могу ни за что приняться. Съ минуты рѣшенія—примусь положительно, не съ неистовымъ рвеніемъ, которое скоропреходяще, а основательно и постепенно. Съ этой минуты начнется моя отвѣтственность передъ Вами и передъ друзьями моими. До этой минуты—я сижу, буквально, какъ турокъ, сложивши ноги, и занимаюсь исключительно музыкой. 4) Боклевскій и Стаховичъ сыскали отличную и дешевую литографію для иллюстрацій «Ночнаго», «Не такъ живи, какъ хочется» и другихъ нашихъ вещей. Замѣните этими вещами да арранжировками русскихъ пѣсенъ Дюбюка дорогія и, между тѣмъ, недостойныя «Москвитянина» модныя картинки, уничтоженіемъ которыхъ, сколько я знаю, Вы всѣмъ угодите, притомъ Аксаковымъ, Хомякову, Шевыреву, Кирѣевскимъ и другимъ Вашимъ друзьямъ, старшинство и авторитетъ которыхъ мы всѣ признаемъ съ почтеніемъ и любовію. Бога же ради, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, кончайте! Я не могу же держать Островскаго за полы, да и слишкомъ люблю его, чтобы не входить въ его интересы. Взносъ процентовъ за души и т. п. отлагательствъ не терпитъ, и я не въ силахъ буду обвинять его, если онъ преклонитъ ухо къ прельщеніямъ, тѣмъ болѣе, что идеи, подъ вліяніемъ которыхъ издана его драма, останутся чисты и въ «Запискахъ», и въ «Современникѣ». Намъ, а не ему будетъ стыдно. Вы сами все это очень хорошо понимаете.

---

46. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Мартъ 1855 г. Москва].

Вотъ еще дѣло какого рода, лично до меня касающееся. Но напередъ,—хотите ли Вы что нибудь для меня сдѣлать? а сдѣлать Вы можете, если только захотите. Во всякомъ случаѣ, я уже такъ обтерпѣлся, такъ привыкъ ко всякимъ нуждамъ, что новая неудача меня и не потревожитъ. Мнѣ нужно еще учительское мѣсто, кромѣ Первой Гимназіи; нужно для того, чтобы работать свободнѣе, чтобы не впадать въ унынiе и апатію отъ бѣдствованій и недостатковъ. Чѣмъ больше судьба гнететъ меня, тѣмъ больше я морально падаю. Что жъ мнѣ дѣлать съ собою? Въ моей натурѣ страшно перемѣшаны безхарактерность съ упорствомъ и энергіею. Нужно было много любви къ мысли, чтобы вывести меня изъ унынія и апатіи. Дѣло вотъ какого рода. Въ 4-й Гимназіи умеръ третьяго дня учитель исторіи Рагозинниковъ. Нельзя ли мнѣ выхлопотать его уроки, совмѣстно съ уроками моими въ Первой Гимназіи? Не скрою отъ Васъ трудностей этого дѣла. У Назимова много кандидатовъ съ протекціями, весьма у него сильными. Особенною учительскою славою я не пользуюсь, да и трудно было бы мнѣ получить эту славу, преподавая предметъ, для меня чуть что не отвратительный; и то я стараюсь дѣлать хоть что нибудь и знакомлю учениковъ (вопреки программѣ) больше съ юридическо-историческою древностью. Мнѣнiе обо мнѣ Назимова, сколько я знаю, никакимъ образомъ не дурное, но и не особенно хорошее. Начальство мое можетъ похвалить меня только за аккуратность уроковъ, за безпрекословное исполненіе всякихъ обязанностей по долгу очереднаго члена; а похулить развѣ только: а) за частое забираніе впередъ жалованья, б) за небрежность костюма и непобѣдимую любовь къ длиннымъ волосамъ, больше не за что. На Назимова Вы можете подѣйствовать мыслью, что надобно меня устроить, какъ человѣка нуждающагося и литератора довольно полезнаго, что, кромѣ того, я буду (говорю безъ ложной гордости) однимъ изъ лучшихъ преподавателей исторіи, особенно русской, по любви моей къ дѣлу, по способности къ одушевленію въ передачѣ фактовъ и по моей несомнѣнной опытности въ дѣлѣ преподаванія. Онъ человѣкъ очень добрый, какъ Вы знаете. Возьмитесь, Христа ради, спасти меня отъ такого душевнаго ада, который Вамъ и невообразимъ. Я, какъ Любимъ Торцовъ, прошу

вѣдь черстваго куска хлѣба. Вспомните, что самая дѣятельная полоса моей жизни былъ 1851-й годъ «Москвитянина», а тогда были у меня три мѣста и уроки до 8 часовъ вечера. Не времени, а точки душевной опоры не доставало мнѣ въ послѣдніе года. Я запутался морально и запутался денежно. Не говорите мнѣ о воздержаніяхъ и проч. Назябся ужъ я, наголодался ужъ я морально хуже, чѣмъ Любимъ Торцовъ физически. Благодарю Бога еще, что Онъ не далъ мнѣ пасть совсѣмъ въ этомъ литераторскомъ званіи, что во мнѣ уцѣлѣли, по старому, стремленія къ лучшему и высшему, которымъ хоть не всегда я служилъ усердно, но всегда служилъ вѣрно и честно. Пишу Вамъ это не въ видѣ намека на денежное вспомоществованіе, да и вообще возьмите назадъ Ваши жестокія слова о какой то тактикѣ и т. п. Когда я говорилъ съ Вами или писалъ къ Вамъ отъ души, то потому, что, не смотря на Вашу суровую позу, всегда былъ убѣжденъ въ горячности Вашего сердца. Я думаю, самимъ Вамъ случалось иногда остановить слишкомъ строгій судъ надо мною, по неимѣнію всѣхъ данныхъ для этого суда. Примите же мою просьбу за то, что есть въ самомъ дѣлѣ: за порывъ къ выходу изъ адскаго положенія къ честному, полезному труду. Я знаю себя хорошо: знаю, что только и гожусь въ учителя и въ литераторы; но и учителемъ честнымъ (и даже при предметѣ любимомъ, блестящемъ), и литераторомъ таковымъ же я быть въ силахъ. Ни во что другое я не гожусь, но это—дѣло мое. Тому назадъ года три я ѣздилъ держать экзаменъ на учителя исторіи въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и выдержалъ. Не смущайтесь этимъ: и дорогой я пьянствовалъ, и въ Петербургѣ я пьянствовалъ, но съ тѣхъ поръ, какъ Богъ меня освободилъ отъ этой слабости (а этому теперь уже полтора года), нечего за меня опасаться. Пожалуй, хоть сами проэкзаменуйте меня изъ Русской Исторіи! Хватаюсь за это дѣло, какъ за доску спасенія. На новыя открывающіяся мѣста обыкновенно присылаютъ теперь педагоговъ, не уважая даже представленій Назимова. А между тѣмъ, можно будетъ написать къ Ивану Ивановичу Давыдову, который, вѣроятно, не захочетъ отымать мѣсто у одного изъ своихъ старыхъ учениковъ, котораго онъ любилъ и которому покровительствовалъ. Даже я рѣшусь съѣздить дня на три въ Петербургъ и лично явиться съ просьбою къ Ивану Ивановичу.

1856 г.

47. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[До 18 января 1856 г. Москва].

Вы звали меня нѣсколько разъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ,—и я не являлся. Не явлюсь даже и теперь, по послѣднему Вашему зову. Я погибъ вмѣстѣ съ «Москвитяниномъ», ибо «Москвитянинъ», въ послѣднее время, былъ я. Мнѣ остается одно утѣшеніе—знать, что я могъ матеріально не погибнуть, перейдя подъ другія знамена, и предпочелъ, предпочитаю и предпочту честную (передъ внутреннимъ судомъ) гибель житейскимъ выгодамъ.

Н. Н. Воронцовъ говорилъ, что Вы посылали его ко мнѣ съ предложеніемъ собрать вокругъ себя сотрудниковъ и объявить себя редакторомъ «Москвитянина» наканунѣ новаго года. А назадъ тому съ годъ, я пламенно добивался у Васъ того, что я называлъ диктаторствомъ, писалъ Вамъ проектъ циркуляра ко всей братьи.—Вы назвали это чуть что не ребячествомъ, какъ неудобо забываемый называлъ, вѣроятно, ученымъ идеализмомъ Ваши посланія къ нему. А я зналъ, что именно головы, какой бы то ни было, не достаетъ нашему кружку и нашему направленію. Теперь же чуть что не насмѣшкою былъ Вашъ проектъ. «Москвитянинъ» погибъ и ему не возстать, если 1) кто-либо не приметъ твердой рѣшимости два года издавать его въ убытокъ и съ пожертвованіями; 2) если кто-либо не вырветъ меня изъ ада, въ которомъ я сижу по горло, ибо я одинъ, да... Эдельсонъ твердо знаемъ, что нашъ журналъ, наше направленіе былъ не «Вѣстникъ», не «Бесѣда», которая едва ли не будетъ журналомъ Троицкой Лавры и проч., а «Москвитянинъ» и Ваше направленіе—народность демократическая и прогрессивная, и изъ насъ двухъ плотью и кровью связанъ съ литературой только я... А между тѣмъ, сидя въ аду только по уши, я не лишился глазъ и ясно вижу, что «Вѣстникъ» съ первой же книжки «первый блинъ да комомъ»—мертвечина, темна вода во облацѣхъ воздушныхъ, безжизненный эклектизмъ или худо скрытое (какъ въ Соловьевой статьѣ) презрѣніе къ народности и кореннымъ началамъ быта, предчувствую (а мои предчувствія куда какъ всѣ вѣрны), что «Бесѣда» сойдется съ блаженной памяти «Маякомъ» — въ своихъ послѣднихъ результатахъ, что жизненное, народное направленіе можетъ сказать о себѣ: «лиси язвины имутъ и птицы гнѣзда, Сынъ же Чело-

вѣческій не имать, гдѣ главу подклонити». Иногда я очень ясно сознавалъ вмѣшательство злого духа въ наше предпріятіе, искусно пользовавшагося самолюбіемъ каждаго изъ насъ, отъ Васъ начиная, какъ головы, и до меня, какъ до хвоста метущаго включительно,— и я, кажется, говорилъ Вамъ объ этомъ.

Я лично истерзанъ до того, что желаю только покоя смерти, безъ малѣйшей фразы; если что еще воздерживаетъ меня отъ самоубійства, такъ это, право, не дѣти, ибо я вѣрю, что Богъ, Правосудный ко мнѣ, будетъ милосердъ къ нимъ, что ихъ не оставитъ дѣдъ и Евгеній. Не страхъ смерти, не вѣра въ будущую жизнь,—ибо какъ ни вертись, а невольно остаешься съ вѣрою не догматическою, а вѣрою въ Бога, любовь всепрощающую и всепонимающую,—а вопросъ: къ чему же дана эта жажда дѣятельности, эта раздражительная способность жить высшими интересами? Должно же найдтись всему этому употребленіе. О! какъ бы пламенно повѣрилъ я въ Бога, какъ бы я пошелъ за Нимъ, если бы хоть разъ милосердіе, а не одно неумолимое правосудіе отвѣтило мнѣ на душевные вопросы!

Письмо мое похоже на исповѣдь, потому что надобно же хоть разъ высказаться совсѣмъ—одному изъ немногихъ людей, въ которыхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, не утратилъ еще вѣры. Не желаю только,—и имѣю право не желать,—чтобы оно, валяясь на Вашемъ столѣ или подъ столомъ, въ сору разной бумаги, служило пищею для празднаго любопытства приходящихъ.

А «Москвитянинъ» зеленаго цвѣта! Какъ бы желалъ я возвратить то время, когда мы всѣ такъ вѣрили, такъ надѣялись, такъ любили наше дѣло. Но и при этихъ воспоминаніяхъ примѣшивается у меня желчное чувство. Были минуты, когда Вы выдали меня головою людямъ, которыхъ любилъ я не меньше, чѣмъ Вы, которымъ вѣрность и любовь братскую доказывалъ я и доказываю съ смиреніемъ фанатика, но которымъ надобно было показать, что Вы придаете мнѣ какое-либо значеніе: это было бы полезнѣе и для нихъ, дѣйствовавшихъ тогда подъ вліяніемъ необузданности и ослѣпленія. Вы выдали меня, повторяю я, и при томъ тогда, когда годъ моей энергической дѣятельности доказалъ, по Вашимъ же словамъ, «что только на меня можно основательно понадѣяться». Вы и представить не можете, какую важность въ отношеніи ко всему послѣдующему имѣлъ этотъ фактъ.

Собственно говоря, я не знаю, что еще въ настоящую минуту меня поддерживаетъ. Вѣра въ какія то чудеса, а чудесъ не бываетъ.

Повторяю Вамъ, что въ возможности выхода изъ положенія я обманутъ легкомысліемъ и безхарактерностью человѣка, мнѣ близкаго. Я васъ не обманывалъ.

Убѣдившись въ томъ, что все меня обмануло, я впалъ въ отчаяніе. Въ отчаяніи вещи, можетъ быть, представляются хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ. Повторяю Вамъ, что я слоняюсь безъ дѣятельности, пожираемый жаждой дѣла, и не могу ничего дѣлать, хоть убейте: начинаю, и не въ силахъ продолжать. Чтобы я дѣлалъ дѣло, нужно, чтобъ я былъ спокоенъ, чтобы я думалъ о дѣлѣ, а не о себѣ. Мысль о себѣ и вѣчно о себѣ—надоѣла мнѣ страшно... Я радъ былъ бы, чтобы расчистили только мои дѣла и на три года заперли бы меня (хоть буквально заперли бы) въ келью, въ тюрьму, пожалуй, съ книгами и бумагой, и чтобы я зналъ, что, во время такого моего заключенія, моими трудами въ довольствѣ живутъ другіе. Теперь и это даже не возможно... А я всетаки чего-то надѣюсь!

Въ настоящемъ случаѣ я надѣюсь, впрочемъ, только на то, что Вы все это поймете: поймете, что горько остаться чѣмъ-то въ родѣ подлеца въ отношеніи къ человѣку, котораго съ дѣтства ставилъ высоко, котораго я любилъ съ юношества; что ужасно видѣть въ себѣ Хлобуева и знать, что только фантазія поэта выручила такую личность какимъ-то идеальнымъ дѣломъ. Въ этомъ то идеализмѣ и ошибка, и вредъ моральный послѣдняго Гоголевскаго направленія. Онъ, покойникъ, какъ я же, дитя его мысли, не могъ разстаться съ мечтою, что «всякое стремленіе рано или поздно, благодатію или чудомъ Божіимъ, получаетъ себѣ выходъ».

---

48. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Февраль 1856 г. Москва].

Судьбы «Москвитянина», въ настоящую минуту, такъ тѣсно связаны съ судьбами Вашего покорнѣйшаго слуги, что, думая объ одномъ, Вы необходимо должны думать и о другомъ. Дѣло въ томъ, что «Москвитянинъ» можетъ быть издаваемымъ дешево и сердито, если только мнѣ будетъ дана возможность дышать свободно, а для этого нужно, чтобы Вы своимъ кредитомъ устроили меня въ служебномъ отношеніи. При моемъ теперешнемъ адски-запутанномъ положеніи дѣлъ, мнѣ нужно внѣ литературы (которая не должна

быть насущнымъ хлѣбомъ)—сто двадцать пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ, изъ чего половина отдѣляться будетъ на уплату долговъ, объ этомъ я Васъ прошу слезно, въ видахъ, какъ собственно своихъ, такъ и «Москвитянина». Неоднократно замѣчено мною надъ собой, да, вѣроятно, и Вами надо мной, что чѣмъ больше у меня дѣятельности, тѣмъ я больше работать способенъ. Однимъ словомъ, устройте меня такъ, какъ былъ я устроенъ за пять лѣтъ назадъ, а остальное предоставимте волѣ Божіей, или правой мысли и времени. Разъ я оперся на прочную почву, я буду и дѣйствовать прочно. Не требуйте отъ меня того, чего отъ современнаго человѣка, къ несчастію его, нельзя уже требовать: твердости въ дѣлѣ при бѣдствіяхъ, забвенія себя и своихъ дѣлъ—въ дѣлѣ. Богъ видитъ всю искренность моего желанія, какъ можно больше служить дѣлу; Богъ же видитъ слабость мою. Онъ спасалъ меня отъ искушенія—обратить общее святое дѣло въ дѣло личной выгоды. Помогите же мнѣ подняться, вмѣнивши мнѣ въ заслугу (увы! и отрицательныя добродѣтели вмѣняемы современному человѣку), что я, пока еще Богъ не оставилъ меня,—не перебѣжчикъ, не воръ, не рабъ...

---

49. АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ КОШЕЛЕВУ.

[25 марта 1856 г. Москва].

Принявши съ величайшею радостью весьма лестное предложеніе Ваше, какъ совершенно удовлетворяющее всѣмъ моимъ лучшимъ убѣжденіямъ, я только потомъ могъ нѣсколько обдумать дѣло, разсмотрѣть его не съ одной, а съ нѣсколькихъ сторонъ.—Всѣ главные выводы такого разсмотрѣнія я рѣшаюсь изложить Вамъ съ откровенностью, необходимою между людьми честно служащими одному дѣлу, но смотрящими на него съ нѣсколько разныхъ точекъ зрѣнія. Вы хотите, возстановляя «Москвитянинъ», сохранить одинъ изъ оттѣнковъ нашего общаго направленія,—оттѣнокъ, замѣтьте, нѣсколько отличный отъ Вашего, отъ старшаго славянофильства. Главнымъ образомъ мы расходимся съ вами во взглядѣ на искусство, которое для васъ имѣетъ значеніе только служебное, для насъ совершенно самостоятельное, если хотите—даже высшее, чѣмъ наука. Когда я говорю, что главнымъ образомъ мы въ этомъ расходимся, то говорю не совсѣмъ точно,—надо бы сказать: единственно въ этомъ; во всемъ

остальномъ, т. е. въ ученіи о самостоятельности развитія, о непреложности православія, мы (по крайней мѣрѣ, я лично) охотно признаемъ васъ старшими, а себя учениками. Въ отношеніи къ взгляду на народность различія наши могутъ быть, какъ мнѣ кажется, формулированы въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Глубоко сочувствуя, какъ вы же, всему разноплеменному славянскому, мы убѣждены только въ особенномъ превосходствѣ начала великорусскаго передъ прочими и, слѣдственно, здѣсь болѣе исключительны, чѣмъ вы,—исключительны даже до нѣкоторой подозрительности, особенно въ отношеніи къ началамъ ляхитскому и хохлацкому. 2) Убѣжденные, какъ вы же, что залогъ будущаго Россіи хранится только въ классахъ народа, сохранившаго вѣру, нравы, языкъ отцовъ,—въ классахъ, не тронутыхъ фальшью цивилизаціи, мы не беремъ таковымъ исключительно одно крестьянство: въ классѣ среднемъ, промышленномъ, купеческомъ по преимуществу, видимъ старую, извѣчную Русь, съ ея дурнымъ и хорошимъ, съ ея самобытностью и, пожалуй, съ ея подражательностью, чертой, которою славянъ попрекали чуть-что не до первыхъ минутъ ихъ историческаго существованія, чертой которою объясняются и нѣкоторая порча языка средняго сословія (если называть это порчей), и нѣкоторая м и ш у р а въ жизни, и нѣкоторыя въ высшей степени комическія явленія быта. З н а ч и т ъ, здѣсь мы менѣе чѣмъ вы исключительны, коли хотите—менѣе чѣмъ вы цѣломудренны.

Вотъ наши различія п о л о ж и т е л ь н ы я. Изъ нихъ вытекаютъ п о к а м ѣ с т ъ наружу, литературно, вотъ какія послѣдствія: 1) б о л ь ш е е сравнительно съ вами поклоненіе Пушкину и м е н ь ш е е сравнительно съ вами же поклоненіе Гоголю; 2) значительнѣйшая сравнительно съ вашею оцѣнкою оцѣнка нѣкоторыхъ литературныхъ явленій настоящей минуты, какъ минуты н а ш е й; что же касается до отрицательныхъ пунктовъ, то здѣсь сходство простирается до тожества. Не любимъ того же, что и вы не любите, и нѣтъ нужды даже пояснять, чего именно. Итакъ, хотите ли Вы поддержать и сохранить таковой оттѣнокъ направленія, котораго свойства я формулировалъ сравнительно и по крайнему разумѣнію?

Если да, то въ такомъ случаѣ едва ли возможны въ будущемъ «Москвитянинѣ» иныя для насъ отношенія, какъ слѣдующія:

1) Отдѣлъ критики литературныхъ произведеній состоитъ въ моемъ исключительномъ завѣдываніи: мое дѣло—и сотрудники для сего отдѣла, и просмотръ статей и т. д.

2) Въ другіе отдѣлы я не мѣшаюсь; относительно произведеній словесности я имѣю голосъ равный съ прочими—касательно помѣщенія ихъ въ нашемъ журналѣ.

3) Имя мое—вмѣстѣ ли съ Вашимъ или другимъ именемъ, но должно быть на журналѣ.

4) Тотчасъ же по рѣшеніи нашего дѣла Вы отправляете меня въ Петербургъ для набора хорошихъ статей, у кого нужно.

Все остальное предоставляю волѣ самихъ тѣхъ, которымъ, на сихъ условіяхъ, буду служить вѣрою и правдою.

---

50. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

[Іюль 1856 г. Москва].

Дорогой другъ! Во все время нашихъ довольно долгихъ и возраставшихъ постепенно въ нѣжности и искренности отношеній, ты, вѣроятно, разъубѣдившись окончательно въ моей аккуратности, окончательно же убѣдился въ моей честности. По крайней мѣрѣ, я самъ не имѣлъ повода въ себѣ въ этомъ отношеніи сомнѣваться и, слава Богу, не имѣю: когда мнѣ случалось занимать у тебя деньги, я занималъ оныя съ твердымъ убѣжденіемъ отдать, убѣжденіемъ, основаннымъ, выражаясь словами Чичикова, *не на вольнодумной* химерѣ юности. Богъ видитъ такъ же, какъ я всегда желалъ, чтобы именно между мною и тобою не было совсѣмъ денежныхъ отношеній.

Все это—предисловіе, а вотъ въ чемъ дѣло:

Конкурсъ Михайловскаго, на основаніи котораго мы съ отцомъ заняли у тебя довольно значительную сумму, *можетъ быть*, кончится скоро, а можетъ быть продлится и лѣтъ пять;—между тѣмъ мы оба смертны. Вотъ, что мы придумали—придумали еще осенью, для успокоенія себя и утвержденія твоихъ денегъ на прочномъ и незыблемомъ основаніи. Купецъ Хлѣбниковъ, старый пріятель отца, бралъ въ залогъ нашъ домъ за 2,800 р. серебромъ,—сумма, достаточная какъ для расплаты съ тобою, такъ и для другихъ нашихъ потребностей, какъ-то, поправка дома и проч. Вотъ на основаніи чего я еще бралъ у тебя небольшія суммы.

Домъ, какъ ты увидишь изъ прилагаемыхъ при семъ документовъ, принадлежитъ мнѣ въ полное владѣніе (ибо отецъ отъ пользованія отказался), въ которое я и введенъ, какъ слѣдуетъ, магистра-

Домъ Григорьевыхъ на Малой Полянкѣ.

томъ. Но бывшій предсѣдатель Палаты, Мертваго, вопреки всякой юридической логикѣ, счелъ пользованіе за владѣніе и вывелъ справки, что на отцѣ состоятъ какія то, хотя и ничтожныя, но останавливающія совершеніе всякаго акта взысканія по службѣ, не принявши во вниманіе, что, по смыслу самаго духовнаго завѣщанія, никакіе долги отца не могутъ падать на имѣніе, въ собственности его не состоящее. Нынѣшній предсѣдатель, князь Юрій Оболенскій, не смотря на здравый взглядъ на дѣло и благорасположеніе ко мнѣ, передѣлать дѣло не можетъ, ибо судебное мѣсто не перевершаетъ своихъ рѣшеній, и совѣтуетъ мнѣ или 1) жаловаться на Палату Сенату, что протянется съ годъ, хотя и непремѣнно рѣшится въ мою пользу, или 2) проще и лучше—совершить закладную въ Тверской гражданской Палатѣ. Это бы и прекрасно, да посредствомъ справокъ дѣло замедлилось: Хлѣбниковъ деньги свои помѣстилъ, да и въ Тверь ѣхать ему, какъ человѣку торговому, не сподручно.

Вотъ, что я тебѣ предлагаю: возьми домъ въ залогъ, съ исключеніемъ, разумѣется, изъ закладной суммы а) суммы прежняго долга и процентовъ за 1855-й годъ, мною не доставленныхъ, в) процентовъ за годъ впередъ со всей закладной суммы и с) пятидесяти пяти рублей серебромъ, мною еще тебѣ должныхъ (NB. За шубу сочтемся послѣ).

Домъ, разумѣется, долженъ быть застрахованъ.

Если мы сіе дѣло уладимъ, то 1) отношенія наши успокоятся не на смертной личности, а на застрахованномъ имуществѣ; 2) насъ ты выведешь изъ довольно запутанныхъ отношеній и къ тебѣ, и къ другимъ. Естественно, что ты долженъ обдумать это дѣло. Въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ твоего несогласія, мы рѣшили домъ продать (тѣмъ болѣе, что переѣдемъ на казенную квартиру), а съ долгами не оставаться: они ужъ намъ очень надоѣли.

Если же ты, обдумавши и посовѣтовавшись съ кѣмъ надо, согласишься, то 1) долженъ ѣхать со мною въ Тверь, 2) взять на себя всѣ расходы, какъ-то: — 1) внесеніе повинностей за нынѣшній годъ въ Думу, безъ квитанціи отъ коей Палата не станетъ совершать акта, 2) страховку и 3) расходы по дѣлу, на бумагу подъячимъ въ Твери и проч. и 4) самую поѣздку, ибо я дошелъ до совершенства. Все это, разумѣется, вычтется изъ закладной суммы.

Вотъ, другъ и братъ, новая къ тебѣ просьба, вѣроятно послѣдняя въ жизни. Или домъ мой останется за тобою, что все лучше

продажи, или я вынырну, какъ говорится. Не вини меня за безалаберность въ жизни, а подумай, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ.

Надобно работать. Если развяжусь, съѣзжу въ Петербургъ и рѣшу окончательно: гдѣ, что и какъ. Съѣздить необходимо, ибо увлекающемуся страшно А. Н. я самъ, хотя увлекающійся, но менѣе его самолюбивый, довѣрять не могу: надобно взять à quoi s'en tenir.

Твой *А. Григорьевъ.*

Документовъ пожалуйста не затеряй.

---

51. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

[Іюль 1856 г. Москва].

Александръ Васильевичь!

Не мало васъ удивитъ это посланіе своимъ появленіемъ, желательно только, чтобы содержаніе его не удивило васъ непріятно. Тотчасъ же почти по Вашемъ отъѣздѣ разразились надо мною непріятнѣйшія обстоятельства, которыя и заставляютъ меня обратиться къ Вамъ съ просьбою о выручкѣ, обратиться, какъ къ собрату, который мнѣ симпатизируетъ и которому я симпатизирую. Разразись же это до вашего отъѣзда, я столь же просто обратился къ вамъ словесно, ибо скажу вамъ правду, что взялъ въ васъ большую вѣру, больше чѣмъ во всѣхъ другихъ; и это было бы лучше: я зналъ бы уже теперь навѣрно и основательно, à quoi m'en tenir, ибо вы принадлежите къ числу немногихъ людей, которые на вѣтеръ словъ не бросаютъ. Теперь же просьба моя рискуетъ не застать васъ въ Петербургѣ, а, кромѣ какъ къ Вамъ, мнѣ теперь обратиться не къ кому: Хомяковъ и Кошелевъ уѣхали въ деревню еще прежде васъ; вы [значитъ] же единственный изъ литературныхъ хозяевъ (вмѣстѣ съ ними), съ которыми могутъ быть прочны мои отношенія, ибо прочность есть необходимое условіе, безъ мысли о которомъ на самую просьбу я бы не рѣшился.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Вы, можетъ быть, не испытывали, и если нѣтъ—то не дай вамъ Богъ испытывать всю подлую тяжесть безвыходной безденежности, соединенной съ долгами. Самое гнусное свойство этой болѣзни еще не въ ней самой, а въ томъ, что она подрываетъ самую воз-

можность выхода, лишаетъ силъ работать, развиваетъ въ душѣ унынье и хандру. Въ такомъ положеніи нахожусь я часто, но въ особенности crescendo его съ малолѣтными посѣщеніями квартальныхъ, господъ, у которыхъ за полцѣны заложены вещи въ родѣ рояля, шубы, часовъ, серебра и т. п.,—crescendo раздирающее идетъ теперь въ моей жизни.

У меня есть домъ, мнѣ принадлежащій, за мною утвержденный, который хотѣлъ я заложить для расчистки дѣлъ моихъ; долго будетъ вамъ объяснять, какъ испортила мнѣ въ этомъ случаѣ дѣло московская Гражданская Палата, т. е. бывшій предсѣдатель ея Мертвàго,—только испортила такъ, что теперешній предсѣдатель ея, хорошій знакомый мой по Аксаковымъ и [*нрзбр.*], князь Оболенскій, не смотря на все желаніе и на всю законность моего дѣла, перемѣнить прежняго отказа не можетъ. Всякая другая Палата, Тверская или Петербургская совершитъ—да въ томъ и дѣло то, что я изъ лѣниваго московскаго народонаселенія не могу найдти человѣка, съ капиталомъ, который бы съѣздилъ со мною въ Тверь дня на три: каково это вамъ покажется? . . . . . .

. . . . . .

имѣть на виду, въ глазахъ—огромную махину, которая можетъ спасти и выручить и между тѣмъ по уши вязнуть въ [*нрзбр.*] морѣ неудовольствій, терзаться моральными муками, хандрою—не имѣть силъ даже писать какъ слѣдуетъ! Вотъ гнусное положеніе, въ которомъ я нахожусь. Вотъ, что вы можете (если можете) для меня сдѣлать и о чемъ я рѣшился васъ просить.

У Васъ—подъ властію Печаткинъ, изъ котораго прежде пили кровь и изъ котораго вы крови пить не намѣрены, comme de raison, но котораго можно употребить въ пользу пріятеля, при нѣкоторомъ убѣжденіи, что пріятель не надуетъ. Поэтому вотъ что я прошу васъ сдѣлать:

1) Или пришлите мнѣ, взявши у Печаткина впередъ, въ счетъ 1) «Сна», 2) статьи о Парѳеніи и вообще въ счетъ работъ пять сотъ рублей серебромъ; и чѣмъ скорѣй Вы мнѣ ихъ пришлете, тѣмъ скорѣй пойдутъ мои работы.

2) Или убѣдите Печаткина взять въ закладъ мой домъ, т. е. дать мнѣ подъ оный не менѣе чистыхъ 2000 рублей серебромъ (что и давали здѣсь, только бы въ Тверь не ѣхать), написавши закладную съ причисленіемъ десяти процентовъ, т. е. въ 2200 р. Въ такомъ случаѣ, намъ надобно только условиться или въ назна-

ченный день пріѣхать намъ обоимъ съ нимъ въ Тверь, т. е. ему съ деньгами и мнѣ съ документами, и совершить въ тамошней Палатѣ,—гдѣ уже дѣло и документы видѣли и совершить готовы,—или мнѣ пріѣхать въ Петербургъ съ документами и совершить въ тамошней Палатѣ, но въ такомъ случаѣ пришлите мнѣ все-таки денегъ рублей полтораста: 1) на страхованіе дома, 2) на взносъ въ думу поземельныхъ и на проѣздъ въ Петербургъ,—и опять-таки все это какъ можно скорѣе. Въ такомъ случаѣ, домъ мой будетъ обезпеченъ «не вольнодумною химерой юности», а вещію солидною. Такъ или иначе спасайте. Мнѣ все равно, тотъ или другой способъ, ибо присылкою пятисотъ вы дадите мнѣ средство дотянуться до осени, расплатясь съ разными героями; а осенью купецъ Макаровъ, мой пріятель, обѣщалъ послѣ ярмарки съѣздить со мною въ Тверь и дать денегъ.

Помогите, Бога ради, такъ или иначе, добрый собратъ,—къ счастію не вѣдающій разныхъ адскихъ положеній жизни,—но вѣроятно понимающій со стороны ихъ непереносность, а я Вамъ буду слуга вѣрный!

Вашъ *Ал. Григорьевъ.*

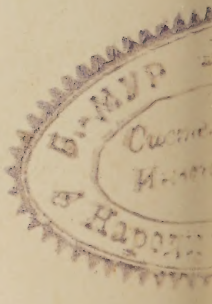
Пишите же и присылайте, но вотъ какъ для вѣрности:

«Въ Московскую первую гимназію, что у Пречистенскихъ воротъ—старшему учителю *А. А. Григорьеву*».

NB. Посылаю краткую записку о дѣлѣ.

Покойная родительница моя, титулярная совѣтница Татьяна Андреевна Григорьева, духовнымъ завѣщаніемъ, явленнымъ въ Московской Гражданской Палатѣ, отказала мнѣ, сыну ея, Аполлону Александрову, домъ свой, пріобрѣтенный ею по купчей крѣпости, совершенной въ той же Палатѣ,—съ тѣмъ, чтобы владѣлъ домомъ симъ мой отецъ, титулярный совѣтникъ Александръ Ивановичь Григорьевъ, по смерть свою. Отецъ же мой отъ владѣнія отказался, каковой отказъ его засвидѣтельствованъ въ Уѣздномъ Судѣ и обозначенъ на Дух. Завѣщаніи, равно какъ на ономъ же обозначенъ и вводъ меня во владѣніе Московскимъ Магистратомъ.—Домъ мой, и я имѣю на оный всѣ документы.

Бывшій предсѣдатель Московской Гражданской Палаты, г. Мертваго, вывелъ совершенно безосновательно на справку запрещенія, числящіяся на отцѣ моемъ по службѣ, запрещенія, которыя по существу закона падаютъ не на мое, а на его имѣніе.



Справками дѣло и запутано, такъ что въ Московской Палатѣ его нельзя уже и совершить, не дойдя до Сената. Тверская совершить готова, вѣроятно такъ же и Петербургская.

---

52. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

[Августъ 1856 г. Москва].

Добрѣйшій Александръ Васильевичь!

Благодарю васъ за ваше доброе и дружеское письмо, до полученія еще, впрочемъ, котораго я успѣлъ кое-что сдѣлать:—въ остальномъ поступлю по вашимъ совѣтамъ. «Сна» отдѣлываю пятый актъ и началъ только Введеніе: оно будетъ листа въ два печатныхъ и захватитъ только существенные и притомъ только художественные вопросы. Окончаніе статьи объ отцѣ Парѳеніѣ замедлилось: во первыхъ потому, что я полмѣсяца пропутешествовалъ по богомольямъ, во вторыхъ тѣмъ, что дочитывалъ Патерикъ, безъ знанія коего нельзя писать и т. д. Значитъ,—чтобъ ужъ было вѣрнѣе,—статья попадетъ въ Октябрьскую, а не въ Сентябрьскую книжку.

Познакомился съ Панаевымъ и, кажется, мы другъ другу очень понравились. Тургенева прозѣвалъ, ибо во время его пріѣзда ходилъ въ Берлюковскую пустынь.

Теперь вотъ какое дѣло. Дріянскій послалъ вамъ «Квартетъ». О достоинствѣ этого произведенія вы знаете мое мнѣніе, да и сами это несомнѣнное достоинство увидите. Длинноты, если таковыя и есть, чего впрочемъ я не вижу, разбирать не Краевскому съ Дудышкинымъ, особенно послѣ того, какъ они осрамились на всю Россію помѣщеніемъ въ серьезномъ журналѣ Горевской комедіи.—Я лично держусь того, что серьезный художникъ есть всегда лучшій судья своего произведенія; да еще убѣжденъ въ истинѣ словъ В. Гюго: «Si votre enfant est nè boiteux, nè lui faites pas des jambes de bois». Дѣло въ томъ, что «Квартетъ» надо провести цензурно, а ужъ читатели имъ останутся довольны, ибо онъ, какъ вы увидите, поставленъ на ногахъ здорово и крѣпко. Отвѣчайте намъ что-нибудь поскорѣе на счетъ сего дѣла.

«Паныча» я слышалъ уже четыре главы—вещь выходитъ прекрасная: вчернѣ онъ написанъ почти весь.

Можетъ быть, если устрою свои дѣла, то статью о Парѳеніѣ, купно со «Сномъ», привезу самолично и обниму васъ въ Сентябрѣ въ вашемъ скверномъ городѣ Св. Петра.

Жму вашу руку.

Вашъ искренне

Ап. Григорьевъ.

P. S. Пожалуйста хлопочите о «Квартетѣ» цензурно. У Краевскаго, говорятъ, цензоръ расподлѣющій—вашъ вѣрно лучше.

---

53. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

1856 г. Сент. 19. [Москва].

Мой добрый и дорогой Александръ Васильевичь! благодарю васъ за письмо не смотря на язву эпитета. Пишу къ Вамъ больной—и боленъ ужъ я вторую недѣлю: простудился, занемогъ, сразила было желчная горячка, но кончилось сыпью на лицѣ и тѣлу: еслибъ вы видѣли теперь мою рожу, вы бы меня едва узнали; чѣмъ сіе кончится—вѣдаетъ одинъ Богъ, котораго святой Волѣ угодно было наслать на меня такое тяжкое зло, но все таки пишу къ вамъ съ удовольствіемъ и это удовольствіе въ настоящее время единственное. Поздравляю васъ со вступленіемъ на тронъ.

Причины моей неаккуратности слѣдующія:

1) Адское положеніе дѣлъ, вслѣдствіе коего я обратился къ вамъ въ іюлѣ. Слава Богу, выручили наши, т. е. Кошелевъ—дай Богъ ему здоровья; вслѣдствіе чего, не желая оставаться въ долгу, я принялся доканчивать большую статью, которую Вы и прочтете въ третьемъ нумерѣ «Бесѣды».

2) Вы, зная меня, безъ сомнѣнія повѣрите, что каждая статья стоитъ мнѣ большихъ мукъ дѣторожденія: въ самомъ дѣлѣ,—дурно ли, хорошо ли,—но статьи у меня родятся, а не дѣлаются: я весь ухожу въ одно и ношусь съ своею мыслію, какъ курица съ яйцомъ. Статья объ О. Парѳеніѣ представляетъ страшныя трудности: объ этой книгѣ можно написать или гладенькую пристойную статью—каковыхъ я писать не умѣю, или статью живую, выношенную въ сердцѣ: откровенно скажу вамъ, что и она уже написана, но я ею недоволенъ. Потерпите—довольны будете. (NB. если точно вы не противъ нашихъ мнѣній и понимаете ихъ историческую необходимость). Вообще эта статья будетъ пробный камень того, могу ли

я, не измѣняя своему пуританству, печататься у васъ и можете ли Вы меня печатать. Вопросъ о великой книгѣ смиреннаго монаха—есть вопросъ: 1) о сущности Православно-Христіанскаго содержанія, 2) о постоянномъ пребываніи Старыхъ Элементовъ въ жизни народа, о силѣ, величіи, красотѣ этихъ элементовъ. [Писавши я] Все это сказать не гнусно, противнымъ тономъ Андрея Николаева Муравьева, а тономъ историка, умѣть воздержаться даже отъ искреннихъ, но излишнихъ лирическихъ порывовъ сердцемъ вѣрующаго Христіанина, согласитесь, что эта задача нелегкая. Какъ—вдругъ откуда то, изъ уединеннаго скита, спадаетъ книга, которая языкомъ, чувствомъ и пр. соединяетъ Россію XIX вѣка со всею старою жизнію,—наглядно, ясно и вмѣстѣ наивно,—книга, отмѣченная печатью великаго поэтическаго дарованія, соединеннаго съ младенческою простотою,—книга освѣжившая многихъ, книга, которой ничего подобнаго нигдѣ не встрѣтить—и, писавши о ней, не дрогнетъ ли нѣсколько разъ рука, не остановится ли мысль, боясь и не стать съ ней въ уровень, и дойти до ложнаго напряженія... Дайте додумать совсѣмъ—да и торопиться некуда: о ней говорить всегда будетъ современно... Видите, какъ я расписался. Надобно сказать, что и у насъ въ «Бесѣдѣ» статья объ О. Парѳеніѣ Гилярова появится только въ будущемъ году. Кажется и Гиляровъ робѣетъ, какъ я же. Дѣло въ томъ, что моя статья—принадлежитъ Вамъ, подтверждаю это, равно какъ и «Сонъ», который я даже посвящаю Вамъ. Погодите—дайте мнѣ устроить дѣла—покажу я вамъ, синьйоры, какъ я безпутенъ.

Островскій пріѣхалъ съ разбитой ногой, боленъ, чуть ли не останется на вѣкъ съ костылемъ, но духомъ бодръ и пишетъ. Теперь мы съ нимъ возлежимъ оба по постелямъ: онъ въ Воробинѣ, а я въ Наливкахъ; еслибъ мы были нѣжные любовники, то непремѣнно смотрѣли бы въ одинъ часъ на луну, но, увы, въ настоящую минуту даже нѣтъ и луны.

Если Фетъ воротился, то онъ можетъ быть въ надеждѣ скоро получить отъ меня письмо. Ивану Ивановичу окажите самый дружескій поклонъ мой его милой личности, съ которою, купно съ личностью Вамъ и мнѣ дорогого Боткина, мы провели разъ препоэтическую ночь въ Кунцовѣ и предѣлахъ онаго. Но гдѣ Толстой? Островскій тоже не знаетъ.

Алексѣя Степановича не видалъ давно, но послѣдній разъ, когда видѣлъ, онъ просилъ меня Вамъ кланяться.

За симъ и я кланяюсь низко и жму вашу руку.

54. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

Москва. 1856 г. Дек. 12.

Писать—для нашего брата значитъ печатать. Потому, не дивитесь, любезный другъ, что письмо мое будетъ отличаться лаконическою краткостью и скудностью на подробности.

Письмо Ваше, гдѣ Вы упрекали меня въ безпутствѣ, получилъ я больной: у меня начинался бредъ и жаръ и т. п., а между тѣмъ, знаете ли, что, тотчасъ же по его полученіи, я отвѣчалъ вамъ, намаралъ два почтовыхъ листика; куда дѣвалъ, не знаю.

Дѣло вотъ въ чемъ: я вамъ сотрудникъ несомнѣнный, и придетъ, можетъ быть, время, когда я буду сотрудникъ весьма плодовитый; теперь же меня едва-едва хватало на «Русскую Бесѣду». NB. Кстати, всѣ наши благодарятъ Васъ за отзывъ о нашемъ направленіи.

Сей часъ отыскалъ въ карманѣ одной изъ моихъ поддевокъ письмо, написанное въ отвѣтъ на ваше. Прибавлю вотъ что, относительно дѣлъ, т. е. сотрудничества:

1) Статью о Парѳеніѣ докончу я Великимъ постомъ—буду говѣть и, вѣроятно, посѣтитъ меня то сосредоточенное состояніе, которое нужно для ея сооруженія.

2) «Сонъ» отдѣлывается, получите въ началѣ января. Онъ вытерпѣлъ еще двѣ поправки: теперь тремя актами доволенъ. Предисловіе будетъ въ формѣ письма къ вамъ, по поводу этой комедіи. A propos, учусь жестоко по англійски.

3) Два рода статей задумано мною для «Библіотеки»:

а) Письма Москвитянина, и изъ нихъ первый отдѣлъ письма (ухъ, какъ много писемъ!) о драмѣ вообще, о русской драмѣ и сценѣ въ особенности—развитіе той жаркой бесѣды, которая была у насъ съ вами и Толстымъ въ Кунцовѣ. Планъ... огромный.

b) Рядъ статей о журналистикѣ отъ 1827 до 1843 года, къ чему собралось у меня много матеріаловъ.

Самое вѣрное изо всего этого «Сонъ». Остальное—въ рукѣ Божьей и моей скверной и болѣзненной хандры.

4) Эдельсонъ доканчиваетъ статью для васъ.

Посылаю Вамъ статью одного моего хорошаго пріятеля, Николая Алексѣевича Страхова. И предметъ ея интересенъ, да и обла-

даетъ самъ авторъ достаточными о предметѣ свѣдѣніями. Мнѣ лично она очень понравилась: не знаю, какъ понравится Вамъ.

Адресъ его: Въ Москвѣ, на Почтовой Станціи, что на Садовой, близь Самотеки, Н. А. Страхову.

[Ткните куда-нибудь въ «Библіотеку» прилагаемыя при семъ Стиходѣянія, если они не очень дики. Только безъ моего имени].

Вашъ

Ап. Григорьевъ.

1857 г.

55. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

1857. Янв. 5. [Москва].

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, Александръ Васильевичъ. Новаго Вамъ ничего не желаю—останьтесь такимъ же, какимъ вы были въ прошломъ году, и это будетъ самое лучшее.

Вотъ вамъ начало статьи (составляющее по плану 1/4 всего), начатой и обдуманной давно, начатой было для «Бесѣды»,—конченной для Васъ, нынѣ отдѣлываемой ежедневно. Въ посылаемомъ началѣ, окончательно отдѣланномъ, видны и духъ, и планъ. Жду увѣдомленія—соотвѣтствуютъ ли таковые Вашему благородно-эклектическому журналу? Статья кончена вся, только отдѣлывается и переписывается. Но, такъ какъ и переписанное я все таки поправляю и такъ какъ нельзя же двадцать разъ переписывать, то при печатаніи нельзя никакъ обойдтись безъ пересылки корректуры, хотя послѣдней. Вы ее будете получать по частямъ; печатать же начало,—если только хотите,—не прежде какъ по полученіи конца. Черезъ двѣ недѣли все будетъ готово.

За симъ вы получите первое письмо Москвитянина — оно будетъ по поводу много надѣлавшаго у насъ шума диспута молодого ученаго Чичерина и косается съ общедоступной точки зрѣнія вопроса о руской исторіи.

«Сномъ» меня не торопите: чѣмъ позднѣе вы его получите, тѣмъ это будетъ здоровѣе. Жду отъ Васъ (и Садовскій ждетъ тоже) отдѣльнаго экземпляра «Лира». Не говорю о переводѣ—объ этомъ

ужъ мы говорили, но предисловіе всѣхъ насъ привело въ восторгъ неописуемый. Глубоко, смѣло, самостоятельно и полезно!

Если нельзя журналу до весны обойдтись безъ статьи объ отцѣ Парѳеніѣ и если есть дѣльная и серьезная—катайте! Если можно обойдтись, подождите: великимъ постомъ кончу всенаинепременнѣйше.

По свойственной мнѣ безобразной разсѣянности, я, должно быть, послалъ къ Вамъ одного моего знакомаго, не предупредивши Васъ. Это одинъ офицерикъ Кузьминъ, жаждущій какой-нибудь черновой работы. Нѣтъ ли какой?

Послѣдніе слухи о Васильѣ Петровичѣ меня нѣсколько успокоили. Передайте ему мои самыя симпатическія и дружескія—искреннія желанія.

Жму Вамъ обоимъ руки и жду увѣдомленія.

А. Григорьевъ.

---

56. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

1857 года Февр. 22. [Москва].

Вотъ наконецъ, любезный другъ, кончилъ я свой многолѣтній (хотя не постоянный) трудъ, кончилъ по душѣ, какъ хотѣлъ. Заваляться бъ ему на всегда, еслибъ не вы и не переводъ «Лира»... Если онъ вамъ нравился въ томъ видѣ, въ какомъ впервые вамъ я читалъ его, увѣренъ, что понравится болѣе въ окончательной отдѣлкѣ.

Посылаю Вамъ четыре акта: V-й и примѣчанія (все это уже кончено, но марано, перемарано, измарано и требуетъ переписки) вы получите ровно черезъ недѣлю по полученіи сего пакета. Вступительную же этюду, которую хочется мнѣ еще передумать и еще переписать, черезъ двѣ недѣли. Значитъ, печатайте его хоть въ Апрѣлѣ, вообще какъ хотите.

Четыре же акта я вамъ посылаю вотъ почему: никогда я не имѣлъ счастія находиться въ столь расподлыхъ денежныхъ обстоятельствахъ: мнѣ нужно денегъ до зарѣзу. Если бъ журналъ издавался вами однимъ (матеріально), то я бы просто попросилъ васъ прислать мнѣ деньги, тотчасъ же по полученіи вами сей посылки, не дожидаясь V-го акта. Но такъ какъ это можетъ быть сопряжено съ нѣкоторыми трудностями въ отношеніи къ Печаткину, то вы вышлите мнѣ деньги по присылкѣ V-го акта съ примѣчаніями; этюду же я, какъ

сказано, обязуюсь доставить черезъ недѣлю и, прославши денегъ, вы дадите мнѣ средство докончить ее такъ же по душѣ, какъ по душѣ доконченъ переводъ.

Во всемъ трудѣ, со включеніемъ этюды, выйдетъ не менѣе семи листовъ: стало быть, я ожидаю отъ васъ трехсотъ пятидесяти рублей серебромъ, каковые сполна и потрудитесь мнѣ выслать, какъ можно скорѣе (ради нашей дружбы), тотчасъ же по полученіи V-го акта и примѣчаній. Сижу безъ копѣйки!... Ну, это кончено.

Я не отвѣчалъ вамъ ничего на счетъ предложенія о помѣщеніи статьи о Соллогубѣ въ «Современникѣ»... Посудите вы сами оба, т. е. и вы, и Василій Петровичъ, какъ я могу помѣщаться въ журналѣ, въ которомъ ругаютъ и моихъ друзей, и убѣжденія мои, которымъ я не измѣню никогда. Быть вашимъ сотрудникомъ—другое дѣло. Я васъ и люблю и уважаю, да и тонъ вашего журнала мнѣ нравится. А что до посылки сего пакета я становлюсь однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ вашихъ сотрудниковъ, это вы увидите скоро на дѣлѣ. Еще статья, и большая, мною пишется, пришлется вамъ постомъ же и, надѣюсь, вамъ понравится, а за симъ буду писать въ каждый номеръ: только печатайте.

Что вамъ сказать еще? Мы всѣ глубоко были возмущены подлостью литературнаго рынка. Три дѣла въ особенности въ теченіе менѣе нежели года достаточно обезчестили петербургскую и въ союзѣ съ ней находящуюся часть московской литературы: дѣло объ Островскомъ и Горевѣ, дѣло о «Бесѣдѣ» и дѣло о переводѣ «Лира». Глубиною невѣжества, дешеваго педантизма и достойной ёрниковъ продажей литературнаго мнѣнія отличались отзывы о первомъ по поэтическому пониманію переводѣ Шекспира: даже этюда не проняла толстокожихъ носороговъ! Каково то они будутъ ругать мой переводъ? Я думаю по-матерну.

Новую, большую комедію Островскаго вы скоро прочтете въ № 1 «Бесѣды», но какая прелесть маленькая въ «Современникѣ»: не знаю, оцѣнили ли тамъ всю эту силу и правду комическаго представленія, всѣ эти невѣроятные разговоры купчихъ, эту сцену въ саду между любящимися сердцами и вмѣстѣ эту глубину и серьезность воззрѣнія, которыхъ печать лежитъ на всей шутливой комедійкѣ.

Хомяковъ заболѣлъ было такъ, что отчаявались за его жизнь, но теперь, слава Богу, поправляется. Эдельсонъ, вѣроятно, тоже скоро кончитъ одну статью и пришлетъ ее вамъ. Благодарность вамъ отъ всего кружка нашего за статьи о Писемскомъ и Тургеневѣ.

Такъ какъ слѣдующая посылка придетъ къ вамъ уже безъ письма, то пишу вамъ адресъ, по коему выслать мнѣ деньги:

«Въ [москов] Канцелярію первой московской Гимназіи (что у Пречистенскихъ воротъ), старшему учителю А. А. Григорьеву».

Вашъ

А. Григорьевъ.

1857 года
Февр. 22.

---

57. АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДРУЖИНИНУ.

22 марта 1857 г. [Петербургъ].

Сижу, неистово пью чай и пишу, пишу такъ, какъ давнымъ давно не писалъ. Статья будетъ мое полное и вполнѣ прочувствованное литературное исповѣданіе. Горизонтъ ея въ эти дни такъ расширился, что менѣе п я т и листовъ захватить она не можетъ: разбейте на двѣ книжки, хотя лучше бы, конечно, дать ее въ цѣлости.

Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Можете ли вы, когда я ее кончу и когда мы ее прочтемъ (пожалуй, прочтемъ въ два пріема), что будетъ, конечно, не ранѣе, какъ черезъ недѣлю,—дать мнѣ еще т р и с т а рублей серебромъ, изъ коихъ д в ѣ с т и и даже болѣе будутъ вамъ обезпечены статьею, а остальные с т о статьею о Мериме, содержащею въ себѣ около четырехъ листовъ, и которую я, выгладивши, пришлю Вамъ по пріѣздѣ въ Москву въ скоромъ же времени или отдамъ Вамъ въ Москвѣ лично, если въ Москвѣ вы на Святой будете?

Хотя я прошу собственно не впередъ, а за наличные матеріалы, но все-таки считаю нужнымъ извиниться любимымъ словечкомъ Филатыча: «о т в р а т и т е л ь н о ю б ѣ д н о с т ь ю», которая никогда не могла меня заставить писать изъ-за денегъ, но заставляетъ всегда продавать хлѣбъ на корню.

За отвѣтомъ на сей вопросъ я зайду завтра (кстати не забудьте пожалуйста о 1-мъ № «Бесѣды»), ибо отъ рѣшенія его зависитъ расположеніе житія моего.

Вашъ душевно

Инокъ Аполлоній.

1857 года.
Марта 22.
Пятница.

---

58. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[10 августа 1857 г. Ливорно].

Съ чего начать это письмо,—съ благодарности? Вы знаете, что я всегда сильно чувствую сдѣланное мнѣ добро. Вы имѣли или, лучше сказать, Провидѣніе имѣло черезъ Васъ благую цѣль—услать меня на нѣсколько времени куда-нибудь подальше. Если бы мнѣ предложили Вы тогда ѣхать въ Гренландію, я бы точно также охотно согласился, какъ согласился ѣхать въ Италію... Душа моя была совсѣмъ разбитая и не было въ ней ни одного мѣста, которое бы не наболѣло. Не знаю, въ какой мѣрѣ и степени Вы это понимаете, мой строгій, бранчивый, но глубоко-нѣжный Михаилъ Петровичъ; но вы это понимали..... Зачѣмъ Вы хотѣли бы положить рѣзкую грань между прошедшимъ моимъ и будущимъ? Нѣтъ! Да изсохнетъ десница моя, если я забуду тебя, о Іерусалимъ, т. е. зеленый «Москвитянинъ»! Благороднѣйшая, сознательнѣйшая полоса юности, формація крѣпкихъ и возвышенныхъ вѣрованій, купленныхъ и страданіями, и безумной, но широкой жизнію, и безумными, но поднимавшими душевный строй страстями, и страшными жертвами своего «я», и смиреніемъ передъ правдою. Незачѣмъ класть граней между моимъ будущимъ и этимъ прошедшимъ. Неужели Вы, человѣкъ, всегда бывшій и оставшійся способнымъ къ широкому пониманію жизни, видѣли въ ней, въ этой жизни, только праздный разгулъ?.. Вотъ и здѣсь, далеко уже отъ всего этого, я скажу все-таки одно и то же. Можетъ быть, мы ничего не сдѣлаемъ; можетъ быть, мы только брага или даже пѣна будущаго пива, но если чему-либо дѣлаться въ настоящую минуту, то нашихъ рукъ дѣло миновать не можетъ. Гордость—скажете Вы... Не знаю, только будьте добросовѣстны сами и скажите: много ли Вы ждете отъ Вашихъ беззагульныхъ праведниковъ, которые, впрочемъ, всѣ очень хорошіе и почтенные люди! Но Боже мой! Во градѣ Ливорно, на берегу изумруднаго Средиземнаго моря, въ которомъ только что сейчасъ я выкупался и котораго полоса виднѣется изъ окна палаццо, гдѣ я живу, я всею душею ушелъ опять въ старый, любимый вопросъ... Какое-то осрамленіе произвело на меня все, что я видѣлъ въ двѣ недѣли путешествія, хотя собственно осрамленіе произведено Прагой и Венеціей да тремя моряками. Остальное, право, не стоитъ того, чтобы упоминать и ѣздить такъ далеко. Особенно Пруссія и Берлинъ. Мнѣ больно и стыдно было за нашихъ гелертеровъ, восхи-

шающихся наивно наслажденіями Берлинской или Вѣнской жизни. Это какія-то копѣечныя, расчетливыя удовольствія. Мы, т. е. Русскіе, такъ удовольствоваться не умѣемъ, да и слава Богу, что не умѣемъ. Вѣдь способность такъ жить, способность къ копѣечному сладострастію—показываетъ страшную мизерность души. Да и весь Берлинъ—Петербургъ, да еще въ мизерномъ видѣ. Передъ однимъ зданіемъ стоитъ снять шапку (что я и сдѣлалъ)—передъ Университетомъ. Тамъ на цѣлый міръ звучало слово вѣнценосныхъ Гегеля и Шеллинга. А кстати: зашелъ я спросить въ книжную лавку портретъ моего идола, да прибавилъ еще des Herrn Professors... «Und wer ist Herr Schelling?» получилъ въ отвѣтъ и подумалъ:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слово?

Ай-ай-ай! Листъ кончается.

У княгини мнѣ пока хорошо, и, кажется, меня полюбили. Я знаю, что свое дѣло дѣлаю я посильно,—больше, чѣмъ добросовѣстно. Я два раза въ день занимаюсь съ княземъ: утромъ теоретически, вечеромъ практически. Въ это дѣло мнѣ, слава Богу, приходится вносить всю душу и оно для меня есть настоящее дѣло. Учу и учусь. Весь день мой въ занятіяхъ.....

---

59. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[26 августа 1857 г. Вилла Санъ-Панкраціо].

Не знаю, знали Вы или нѣтъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что посылаете меня нѣкоторымъ образомъ на какое послушаніе: во всякомъ случаѣ, я послушаніе выполняю. Я серьезно и честно дѣлаю дѣло, которое Вы мнѣ поручили, т. е. воспитываю молодого князька, мягкаго, какъ воскъ, но..... Два раза въ день занимаюсь я имъ: полтора часа утромъ русской и славянской грамматикой, Закономъ Божіимъ, русской исторіей, латинскимъ языкомъ, да полтора часа послѣ обѣда читаю ему и его сестрамъ произведенія русской литературы. Князекъ привязывается ко мнѣ, ибо двухъ часовъ безъ меня не можетъ. Барыня..... со мною деликатна и предупредительна. Вообще она въ сущности добрая барыня и главное ея несчастіе то, что она une artiste manquée, ибо у нея до сихъ поръ

удивительный талантъ. Талантъ этотъ ее мучитъ и, за недостаткомъ поприща, выливается или переливается черезъ край въ домашнихъ дрязгахъ. Бецкій, извѣстный вамъ,—д... и п... съ ненавистью ко всякой даровитости, прикрываемою уваженіемъ къ трудолюбію и учености, ибо самъ онъ занимается какими-то безцѣльными трудами по части искусства... Покамѣстъ, мнѣ внѣшнимъ образомъ хорошо, т. е. меня покоютъ, уважаютъ всѣ мои привычки, даже просили меня остаться при моемъ костюмѣ, который-было я, страха ради Австрійскаго, начиная съ Праги измѣнилъ на кургузый Европейскій; хотя всѣмъ этимъ ослѣпляться не долженъ. Но я дѣлаю здѣсь дѣло... Описывать Вамъ впечатлѣніе Италіей я не стану. Вмѣсто впечатлѣній, у меня родится постепенно цѣлая книга думъ, подъ названіемъ: «Друзьямъ издалека». Хочу съ вами лучше серьезно поговорить о будущемъ. Я обязанъ Вамъ много, но душевно гораздо больше, чѣмъ матеріально. Вы знаете, что я подчинялся, подчиняюсь Вамъ и буду подчиняться, какъ высшему и старшему, въ пониманіи того, что люблю я столь же горячо и безкорыстно, какъ и Вы. На счетъ матеріальный я смотрю правдѣ въ глаза прямо. Не выгоритъ наше дѣло по «Москвитянину»,—нечего дѣлать, придется пожертвовать домомъ, а матеріальнаго обезпеченія искать въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что на роду мнѣ, знать, написано быть ни чѣмъ инымъ, какъ русскимъ литераторомъ, и ни къ чему другому я не способенъ. Съ службой надобно покончить навсегда и это вовсе не изъ «Донъ-Кихота» какого-нибудь, а изъ того, что 1) ни моральныхъ, ни служебныхъ силъ у меня не станетъ болѣе надувать человѣчество, читая въ Гимназіи предметъ, который я считаю для Гимназіи безполезнымъ и котораго я нисколько не знаю. Лѣнь ли это—умозаключайте сами изъ того, что я аккуратнѣйшимъ образомъ и съ стараніемъ возовой лошади буду всегда ежедневно дѣлать то, что я умѣю дѣлать; 2) никакихъ силъ такъ же не станетъ у меня выносить формализмъ служебный. Да и не зачѣмъ,—въ случаѣ ли успѣха «Москвитянина», въ случаѣ ли переѣзда въ Петербургъ. Когда я возвращусь,—что никакъ не можетъ быть прежде января, ибо Вы сами дали мнѣ здѣсь дѣло и дѣло честное,—мы должны начать «Москвитянинъ» съ марта мѣсяца..... До сихъ поръ мы все говорили о «Москвитянинѣ» какъ-то воздушно и этимъ воздушнымъ характеромъ начинаній да Вашей болѣзнію объясняется то, что Вы сердились, когда я Вамъ говорилъ о покупкахъ для «Москвитянина» и проч. Но либо я дѣйствительно удостоенъ Вами довѣренности въ качествѣ редактора, либо это какая-то игра. Смотрю на

вещи прямо и здѣсь, какъ смотрѣлъ тамъ. О томъ, что у меня мало земли подъ ногами,—какъ выражался человѣкъ, котораго умъ я глубоко уважаю, но характеръ гражданскій и личный цѣню весьма дешево,—жалѣть нечего. Земли всегда будетъ достаточно подъ каждымъ изъ насъ со временемъ: были бы крылья! Это воззрѣніе еще болѣе укореняется у меня въ землѣ, гдѣ земля и море, и небо, и горы такъ хороши, что должны бы, напротивъ, къ себѣ притягивать. Мнѣ лично терять уже нечего, но этимъ-то (и только этимъ: я очень знаю себѣ цѣну) я и дорогъ для дѣла: дѣло есть для меня все. О себѣ, право, я и заботиться не хочу. Проживется какъ-нибудь: не я первый, не я послѣдній. Лучше ли, хуже ли, вѣдь это въ сущности такой вздоръ, о которомъ и думать не стоитъ. Стало быть, Бога и Христа ради, поставьте вопросъ такимъ образомъ, чтобы я и моя личность интересовали Васъ, поколику я могу быть полезенъ литературѣ и журналу... Вотъ Вамъ, не знаю утѣшительный ли, но во всякомъ случаѣ правдивый результатъ двухъ мѣсяцевъ жизни, совершенно уединенной, жизни размышленій и наблюденій. Что я работалъ надъ собою въ это время, могу сказать съ совершеннымъ убѣжденіемъ. Что будетъ дальше—не знаю.

---

60. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

1857 г., Сент. 1.

Здравствуйте, добрый другъ мой, Катерина Сергѣвна! Во-первыхъ, зачѣмъ жестокія небеса не дали мнѣ краснорѣчиваго, скрытопламеннаго и блестяще-остроумнаго пера старца, который бы давно по поводу заграничныхъ впечатлѣній насказалъ Вамъ письменно множество любопытныхъ откровеній на счетъ нѣжныхъ его къ Вамъ чувствій, столь достойныхъ лучшей участи, хотя и мало приличныхъ его возрасту... Во-вторыхъ, я Васъ очень люблю—это для Васъ не новость, хоть это и не доказывается еще тѣмъ, что я пишу къ Вамъ, не доказывается даже и тѣмъ, что пишу къ Вамъ прежде, чѣмъ къ кому-либо изъ друзей моихъ, не исключая даже рыжей половины души моей, Евгенія. Пишу я къ Вамъ потому, что опять хандрю, значитъ,—нуждаюсь въ душевныхъ излiяніяхъ, сколь это ни подло и ни глупо. И добро бы хандрилъ я по родинѣ, что ли, по семьѣ... какъ всѣ порядочные мѣщане. Нѣтъ, просто хандрю, какъ всегда, хандрю потому, что истинно сознаю себя нравственнымъ уродомъ, для

котораго прошедшее до тѣхъ поръ не перестанетъ быть настоящимъ, пока настоящее не будетъ такъ полно чѣмъ-нибудь новымъ, т. е. новой правдой мысли или чувства, что передъ нимъ исчезнетъ все, что было до него. Въ Италіи мнѣ такъ же гадко, какъ будетъ въ Парижѣ черезъ два дня по пріѣздѣ, какъ было и будетъ въ Москвѣ...

Сначала, какъ всегда бываетъ со мною, новость различныхъ впечатлѣній и быстрота, съ которой они смѣнялись, подѣйствовали на меня лихорадочно-лирически. Я истерически хохоталъ надъ пошлостію и мизеріей Берлина и нѣмцевъ вообще, надъ ихъ аффектированной наивностію и наивной аффектаціею, честной глупостью и глупой честностью; плакалъ на Пражскомъ мосту въ виду Пражскаго Кремля, плевалъ на Вѣну и Австрійцевъ, понося ихъ разными позорными ругательствами и на всякомъ шагѣ изъ какого-то глупаго удальства подвергая себя опасностямъ быть слышимымъ ихъ шпіонами, одурѣлъ (буквально одурѣлъ) въ Венеціи, два дни въ которой до сихъ поръ кажутся мнѣ какимъ-то волшебнымъ, фантастическимъ сномъ. Думаю, что отецъ показалъ Вамъ письмо, писанное прямо послѣ дороги.

Скажу Вамъ вотъ какую глупость... Если правда, что... ну да, нѣтъ! ужъ очень глупо и притомъ старо, старо, старѣе старца, старо, какъ блаженной памяти несостоявшійся спектакль Лермонтовскаго «Маскарада», дико, какъ онъ же, т. е. и спектакль и самая драма, глупо какъ... С.....ъ!

Съ Венеціи уже, именно съ ночи, проведенной въ гондолѣ на Canal grande, я вкусилъ извѣстнаго блюда, называемаго хандрою, котораго порціи и начали мнѣ подаваться потомъ подъ разными соусами: то подъ острымъ до ядовитости соусомъ хандры, то подъ соусомъ скуки, убійственно-скучной, какъ жизнь въ какомъ-нибудь захолустьѣ, ну хоть... въ Пензѣ, положимъ...

Нѣтъ! я уродъ, рѣшительно уродъ... Изъ оконъ моихъ видны горы высокія, по которымъ утромъ ползаютъ облака,—синія, такія синія, какихъ вы и во снѣ не видали,—кругомъ раскидана могучая, роскошная, цвѣтистая (въ Сентябрѣ-то! а?) растительноеть, а я... Я слышу въ ушахъ: «Какъ новый вальсъ хорошъ» и т. д. Это ужасно, это невыносимо.....

Жизнь отжита, совсѣмъ отжита—это я чувствую. А между тѣмъ я здоровъ: море въ Ливурно, верховая ѣзда каждый день въ виллѣ Санъ-Панкраціо, гдѣ я теперь живу, укрѣпили мои физическія силы.....

Только ночи достаются мнѣ тяжело, а впрочемъ я отлично ѣмъ, и Вы можете быть совершенно покойны на счетъ моей жизни.

Знаете, за что я Васъ такъ люблю, мой добрый, благородный другъ женскаго пола? Вы—единственная женщина, съ которой можно играть въ эту сладкую и опасную игру, называемую женской дружбой... Причина этого съ одной стороны въ томъ глубокомъ и нѣжномъ уваженіи, которое Вы внушаете всему, что способно васъ понять, а съ другой стороны—въ вашей артистической, т. е. немножко эгоистической, немножко слишкомъ самообладающей, немножко даже вѣтренней природѣ. Знаю я, что и вы меня любите, но знаете-ли вы, за что?—Именно за тотъ анализъ, который то пугалъ, то волновалъ васъ.

A propos d'анализъ! Книги Вашей исписано больше половины—но, увы! даръ женской дружбы попалъ на анализъ самый искренній и безпощадный. Странная, безалаберная, дикая, но поучительная будетъ это книга, если отдѣлается. Тутъ весь я, тутъ результаты всей моей жизни внутренней, всей анатоміи надъ собою и надъ другими.

Вѣроятно, вы не ждете отъ меня описанія Италіи и т. п. Вы не найдете ихъ и въ книгѣ моей, хоть она и называется: «Къ друзьямъ издалека». Врагъ и гонитель казенщины впечатлѣній, я и здѣсь все тотъ же. Всякое впечатлѣніе обращается у меня въ думу, всякая дума переходитъ въ сомнѣніе и всякое сомнѣніе обращается въ тоску.

Живу я, надобно вамъ сказать..... Стараюсь дѣлать дѣло, дѣло свое, т. е. и здѣсь по обыкновенію Донъ-Кихотствую [играю съ огнемъ и порохомъ]... Ну, да что объ этомъ!.. Скажу вамъ лучше то, что и въ дѣлѣ, не только въ впечатлѣніяхъ, я аналитикъ. Иногда я уличаю себя въ Донъ-Кихотствѣ и злобно смѣюсь надъ самимъ собою, а на утро принимаюсь за новые Донъ-Кихотскіе подвиги.

Вы спросите меня: хочется ли мнѣ поскорѣе въ Россію? И да, и нѣтъ. Что ждетъ меня? Все то же: тоска, добываніе насущнаго хлѣба, пьянство людей, къ которымъ я горячо привязанъ, безнадежная, хотя и чистая борьба съ хамствомъ въ литературѣ и жизни, хамская полемика и Ваша дружба, т. е. право терзать Васъ анализомъ, пугать Донъ-Кихотствомъ и удивлять цинизмомъ и безобразіемъ. Еще что? Н... С... въ видѣ прѣсной лепешки на закуску всего соленаго, остраго, горько-ядовитаго, О... Б... съ звѣрообразіями, Н... съ вѣч-

нымъ ш, ш, ш, хоть и съ удивительными глазами (надо отдать ей хоть эту справедливость).

Прощайте, другъ мой! Жму крѣпко Вашу руку. Поклонъ мой Вашимъ, усердный, искренній, душевный. Если хотите писать мнѣ, то скорѣе и вотъ какъ:

Florence—Toscane.
A M-r
Ap. Gr.
poste restante.

---

61. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

1857 г. Сентября 11. Вилла San Pancrazio, близь Лукки.

Здравствуй, рыжая половина моей души, до такой степени половина, что, не смотря на всю твою буржуазію, ничто и никто не можетъ тебя мнѣ замѣнить. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались и я остался безъ тебя, я это еще лучше понялъ. Не знаю,—нуженъ ли я тебѣ духовно, но ты мнѣ—ужасно. Впрочемъ, это нѣжности—я испыталъ, что лучше гораздо тебя ругать за гнусныя, мѣщанскія мысли, которыя бы и теперь подверглись съ моей стороны страшнымъ ругательствамъ, если бы не боялся, что письмо мое попадетъ въ руки къ твоей женѣ, т. е., что ты оное покажешь. Хоть право показывать то нечего. Ужъ не ждешь ли ты впечатлѣній? Во-первыхъ, первая лихорадка впечатлительности прошла. Пишу я, правда, цѣлую книжищу «Друзьямъ издалека», но въ ней прекрасное далеко есть только мѣсто или пунктъ, съ котораго идетъ разработка внутренняго вопроса о непосредственномъ романтизмѣ и о прочемъ. Пишу я такъ же не мало и стиховъ—но все это послѣ. Жизнь моя замыкается въ слѣдующія формулы: учу, учусь, пишу, читаю Шеллинга и ѣзжу верхомъ миль по 15 (нашихъ верстъ по 20) въ день и подъ конецъ всего, когда все спитъ вокругъ, пишу свою странную поэму, состоящую изъ сонетовъ. За всѣмъ симъ, я хандрю и скучаю, ибо не могу въ чужой землѣ радоваться тому, «что я нѣмецъ и у меня есть король въ Германіи», какъ Гоголевскій сапожникъ Шиллеръ. Жить (хоть иногда и премилая жизнь) можно только въ Россіи, даже, оффиціальнѣй говоря, въ Москвѣ, хоть и, возвратясь, въ Москвѣ я, кажется, подчиню себя тому мудрому однообразію, къ которому уже пріучилъ себя.

Отъ природы кругомъ меня ты бы визжалъ, а на меня, понимающаго только то мелодическое, что есть въ природѣ и что дается всякой природой, на меня дѣлали больше впечатлѣній старые города съ ихъ Домами, стрѣльчатыми колокольнями и героическимъ прошедшимъ. Одно, что полюбилъ я душою, съ чѣмъ я коротко сблизился, чего я узналъ и оцѣнилъ физіономію,—это море. Это, братецъ ты мой, точно штука—какое бъ оно ни было: стальное балтійское, бирюзовое адріатическое или изумрудное средиземное. Горы мнѣ не по душѣ—голыя, дикія—хотя здѣсь еще онѣ (Апеннины) съ очень мягкими, женственными очертаніями. Люди же—право всѣ гнусные, кромѣ славянъ. Сихъ послѣднихъ, кого я не встрѣчалъ—Чеховъ ли, Поляковъ ли—весьма скоро сходился, и тотчасъ же устанавливались братскія и простыя отношенія... Вотъ я теперь въ весьма дружескомъ сожитіи съ Англичаниномъ, честнѣйшимъ и добрѣйшимъ господиномъ, котораго и ты полюбишь, но вѣдь тупоуміе то какое, но вѣдь юморъ то какой мизерный! Нашей любви къ типамъ, изъ за коей мы готовы прожигать жизни, пари держу, не пойметъ ни одинъ образованный Европеецъ,—этимъ то они и дрянь. Итальянцы—народъ страстный, но не живой: они любятъ великолѣпную ветошь, мишуру жизни. Здѣсь поймешь, какъ Италія пропраздновала и славу, и независимость. А все таки жаль ее!..

Скажи Медвѣдю Прову или Прову Медвѣдевичу, что онъ непосредственно правъ въ томъ, что нагло плюетъ на все не Русское,

Крѣпко пожми руку Катерины Алексѣевны и скажи Катеринѣ Ивановнѣ, что я и въ Италіи—у ногъ ея.

Адресъ: Toscane, Florence, poste restante.

---

62. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[18 сентября 1857 г. Вилла Санъ-Панкраціо].

Прежде всего—Христосъ Воскресе! хотя бы еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Великая вѣсть принесена къ намъ «Нордомъ», но еще прежде я услыхалъ о ней отъ нашего Флорентійскаго священника (ибо недавно я ѣздилъ съ княгиней на два дня во Флоренцію), который со слезами восторга сообщилъ мнѣ объ этомъ. Какъ бы ни сдѣлали, въ какой бы степени ни сдѣлали—начало положено. Ура—Александру II-му, благоденствіе великому Отечеству! Здѣсь всѣ

приняли это дѣло съ радостью (тутъ есть частица и моего вліянія). Одинъ Бецкій похудѣлъ отъ злобы и страха..... Княгиня, несмотря на свою крикливость, оказывается, право, весьма честною женщиною. Изъ князька — авось Господь поможетъ мнѣ выдѣлать что-нибудь путное. По крайней мѣрѣ я принялъ это, какъ серьезную задачу, возложенную на меня Провидѣніемъ, и въ эту задачу кладу всѣ силы, которыя мнѣ отпущены Господомъ Богомъ на дѣло: т. е. извѣстную степень ума, даровитости и соотвѣтствующія добродѣтели осторожности и хитрости. Нравственное вліяніе мое на него растетъ значительно. Съ отличнѣйшимъ, но ограниченнѣйшимъ англичаниномъ мы не ссоримся, но Бецкій, если бы Вы знали только какая это... Его православіе, т. е. лучше католицизмъ,—православіе Андрея Муравьева въ соединеніи съ Фамусовымъ взглядомъ на Просвѣщеніе. Этотъ господинъ считаетъ «Горе отъ ума» непозволительнымъ для юношества,—вотъ вамъ его мѣрка. Всѣми презираемый, всѣми трактуемый весьма скверно, онъ имѣетъ мѣдный лобъ жить тутъ... Не дивитесь тому, что я такъ долго занимаю Васъ этою дрянью: въ жизни еще не наталкивался на гадину, болѣе отвратительную своимъ гадкимъ безсиліемъ, и не считаю противнымъ Христіанской любви свое отвращеніе. Жизнь моя пришла въ желаемыя границы. Я учу и учусь, я дѣлаю дѣло (то или другое) почти весь день. Пишу много. (Даже стиховъ много). Теперь вотъ что: Вы говорили мнѣ, чтобы я, если найду нужнымъ, оставался съ Богомъ еще хоть на четыре мѣсяца. Увы! такъ и приходится. Княгиня возвращается въ Москву только на весну. Впрочемъ, Вамъ стоитъ только написать и, что бы ни было, я явлюсь. Дѣло-то въ томъ только, что я сталъ весьма серьезно смотрѣть на то дѣло, которое я здѣсь дѣлаю, и класть въ него душу. Поэтому, благословите остаться! Чѣмъ лучше я сосредоточусь, тѣмъ лучше для «Москвитянина». Весьма значительно усовершенствовался въ Англійскомъ языкѣ, по-Итальянски читаю.

---

63. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

Вилла San Pancrazio. 1857 г., Сент. 25.

Пишу къ вамъ, какъ видите, не лѣниво, добрый другъ мой Катерина Сергѣевна, — но, принимаясь писать, жалѣю, что пишу теперь, а не недѣлю назадъ, когда я только что воротился изъ Citta dei fiori (города цвѣтовъ), il Fiore d'Italia, т. е. изъ Флоренціи, въ

какомъ-то лихорадочномъ опьяненіи, весь подъ вліяніемъ Мурилловой Мадонны, прелестнѣйшаго города и полуистлѣвшихъ мумій Медичисовъ, которыхъ при мнѣ выкапывали ихъ земли. По весьма странному обстоятельству, всѣ эти впечатлѣнія во всемъ ихъ лирическомъ безобразіи выпали на долю Островскаго, а Вамъ, не погнѣвайтесь, опять предлагается извѣстное блюдо, да еще подъ соусомъ вовсе не пикантнымъ. А всетаки Флоренція—прелесть, и я такъ много благодаренъ ей за два дни лирическаго бѣсованія, что и сказать не могу. Надобно сказать еще, что pour la bonne bouche я, прощаясь съ ней, получилъ вѣсть о нашей Россіи,—Вы догадываетесь какую,—ту, при которой задолго до Свѣтлаго Воскресенья скажешь «Христосъ Воскресе!» и съ спокойною совѣстію промолвишь громко, сознательно и гордо: «Ура! Александръ II»!

Но лирическія впечатлѣнія мало по малу начали смѣняться извѣстнымъ душевнымъ отдыхомъ, т. е. апатіею; за Мурилловой Мадонной или, лучше сказать, въ ней проглянули черты моей неотвязной мучительницы, за великою-же вѣстью злая память принесла мало-пріятный образъ О..... Б.....

Сейчасъ только воротился, сдѣлавши миль пятнадцать (верстъ 22 или 23) въ горахъ и сосѣднихъ виллахъ, уставши отъ скачки большею частію во весь карьеръ, уставши еще болѣе отъ всего, что передумалось въ эту отравляющую ночь..... Осень здѣсь только тѣмъ развѣ осень, что лимоны очень пахнутъ въ нашемъ саду, да какой-то прозрачной таинственной дымкой одѣтъ небесный сводъ и по этому..... Впрочемъ, Вы сами догадаетесь, что изъ этого слѣдуетъ. Слѣдуетъ и слѣдуетъ,—да вотъ хоть вальсъ Шопена, который несется ко мнѣ на верхъ изъ залы бельэтажа и который играетъ..... съ большимъ чувствомъ, но безъ большого толка,—слѣдуетъ, что и Шопеновская музыка, и моя безпутная душа весьма мало клеятся съ Италіей.

А между тѣмъ, судьба, которой рѣшился я предаваться безъ всякихъ размышленій, на цѣлый годъ назначаетъ мнѣ, сѣверному медвѣдю, Флоренцію мѣстомъ жительства. Что жъ! все равно—вотъ одно, что я могу добросовѣстно сказать. Все равно..... Личная жизнь потеряла для меня истинно всякій интересъ, а если Провидѣнію угодно употребить меня въ общую пользу, то оно уже знаетъ, какъ мной распорядиться.

Я очень много пишу: даже стиховъ много. Вообще работаю и дѣлаю дѣло.... А всетаки скучно, всетаки тянетъ къ той сторонѣ, гдѣ есть много такого, что любишь, какъ-то: отецъ, друзья.... В.....

Шест[опаловъ] писалъ мнѣ, что Вы его, дитя моего сердца и рыжую половину моей души пригласили къ себѣ. Благодарю. Да будьте съ ними построже, Вы, которую они такъ любятъ, т. е. читайте имъ мораль на счеть вреда и гнусности пьянства.

Поклонъ Вашимъ: матушкѣ, тетушкѣ, брату. Жму вашу руку.

Пишите на Флоренцію.

---

64. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

Флоренція, 1857 г., Окт. 20.

Напишу же къ Вамъ хоть разъ въ человѣческомъ расположеніи духа, добрый другъ мой... Я сейчасъ только возвратился изъ оперы, и вотъ два дни какъ я въ лирическомъ состояніи отъ двухъ здѣшнихъ оперъ, т. е. оперы театра Пе́ргола и оперы театра Па́льяно,—отъ Мадонны Мурильо, отъ Флоренціи вообще съ ея старыми палаццами, видѣвшими столько трагедій, съ ея тюрьмой Барджелло, видавшей столько казней, съ ея чудесами искусства, съ ея безпечною, разъѣдающею все мирное спокойствіе жизнью.....

Знаю, что за лирическое состояніе опять поплачусь извѣстнымъ образомъ, но что нужды? День м о й—и кончено...

Съ чего-же начать? Начну съ Мадонны... Не думайте, чтобы я по сему поводу пошелъ на p o n t a u x â n e s, т. е. не ожидайте, чтобы я возвратился въ любезное отечество знатокомъ и цѣнителемъ живописи, но органъ для пониманія этого дѣла, который былъ во мнѣ рѣшительно закрытъ, вдругъ во мнѣ обозначился, да и какъ еще! До страсти, до бѣшенства. По цѣлымъ часамъ не выхожу я изъ галлерей, но на что бы ни смотрѣлъ я, все раза три возвращусь я къ Мадоннѣ. Повѣрите-ли Вы, что когда я первые раза смотрѣлъ на нее, мнѣ хотѣлось плакать... Да! это странно, не правда-ли? Этакого высочайшаго идеала женственности, по моимъ о женственности представленіямъ, я и во снѣ даже до сихъ поръ не видывалъ... И есть тайна—полутехническая, полудушевная въ ея созданіи. Мракъ, окружающій этотъ прозрачный, безконечно нѣжный, дѣвственно строгій и задумчивый ликъ, играетъ въ картинѣ столь-же важную роль, какъ сама Мадонна и младенецъ, стоящій у нея на колѣняхъ. И это не t o u r d e f o r c e искусства. Для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мракъ этотъ есть мракъ души самого живописца, изъ котораго

вылетѣлъ, отдѣлился, улетучился божественный сонъ, образъ, весь созданный не изъ лучей дневного свѣта, а изъ розово-палеваго сіянія зари... Смотрѣлъ и смотрю я на нее и вблизи, и вдали и не надивлюсь только одному: простотѣ созданія. Ничего подобнаго тѣмъ искусственнымъ переливамъ свѣта, которые занимаютъ теперешнихъ нашихъ живописцевъ,—нѣтъ даже утонченности въ накладкѣ красокъ: все создавалось смѣло, просто, широко..... Но тутъ есть аналогія съ Бетховенскимъ творчествомъ, которое тоже выходитъ изъ бездны и мрака, и также своею простотою уничтожаетъ все кричащее, все жидовское (хоть жидовское, т. е. Мейербера и Мендельсона,—какъ вы знаете,—я страстно люблю).

А знаете ли вы оперу Верди: «Les vêpres siciliennes»? Она дышетъ энергіею и такою революціонною искренностію во многомъ, что все таки я долженъ сознаться, что сей господинъ—великій итальянскій талантъ. Вчера въ Пергола (это здѣсь опера аристократическая) синьора Альбертини, не смотря на свою laideur impossible, была такъ очаровательна, что я готовъ былъ упасть къ ея ногамъ и цаловать ихъ въ минуту, когда эта очаровательная фурія орала со всѣмъ неистовствомъ, со всею итальянскою rabbia, со всею могучестью итальянской груди... Coraggio, coraggio, coraggio (это coraggio, идущее все crescendo, до адскаго крика, сливающагося съ крикомъ хора и покрывающаго его,—удивительное вдохновеніемъ маэстро Верди)—и толпа народа ринулась потомъ по призыву милѣйшей фуріи на французовъ.....

А въ Пальяно—ревутъ и орутъ «Гугенотовъ», и все жидовски-сатанинское, что есть въ музыкѣ великаго моэстро, выступаетъ такъ рельефно, что сердце бьется и жилы на вискахъ напрягаются. Меня пятый разъ бьетъ лихорадка—отъ четвертаго акта до конца пятаго... Это вещь ужасная, буквально ужасная. Одинъ дуэтъ Рауля и Валентины (Il tempo vola).... Повторяю, это вещь ужасная съ ея фанатиками, съ ея любовью на краю бездны, съ ея вѣнчаньемъ подъ ножами и ружейнымъ огнемъ. А все таки—жидъ, жидъ и жидъ. Марсель—это не гугенотъ, это жидовскій мученикъ. Боже мой, да развѣ не слыхать этого въ оркестровкѣ его финальной аріи: эти арфы—только ради благопристойности арфы, а въ сущности это—оркестровка жидовскихъ цымбаловъ и шабаша.....

Живу я въ великолѣпномъ палаццо, гдѣ плюнуть некуда—все мраморъ да мраморъ..... Выйдешь на улицу—ударишься въ мрачный Барджелло, гдѣ на каждомъ камнѣ помоста кричитъ кровь человѣче-

ская..... пройдешь нѣсколько шаговъ, и уже на площади del Palazzo vecchio, а тамъ и Микель-Анджеловъ Давидъ и Персей Бенвенуто Челлини... и иногда вспомнишь, что на этой площади бушевала нѣкогда народная воля, и проповѣдывалъ монахъ Саванаролла, и тутъ же его потомъ сожгли.....

Какъ бы я желалъ, горячо желалъ и васъ всѣхъ, моихъ добрыхъ друзей, перенести хоть на день въ этотъ міръ, меня окружающій... А то вѣдь я или задыхаюсь отъ одинокаго лиризма или терзаюсь безумнѣйшею тоскою...

Дѣлаю я много, т. е. много чисто для себя и какъ наставникъ. Въ дѣло..... вношу я, разумѣется, всего себя, весь свой фанатизмъ и яростный пылъ. А только едва ли будетъ!.. Увы! Есть натуры, которыя и даровиты, но какъ-то внѣшне даровиты, ибо въ нихъ нѣтъ пониманія всей сладости чистой и пылкой борьбы за правду жизни... Вотъ это тоже меня приводитъ сперва въ бѣшенство, потомъ въ отчаяніе..... Что бы ни было, всѣ усилія положу, чтобы чего-нибудь добиться..... Не даромъ же Богъ именно меня, т. е. ходячій волканъ, послалъ въ этотъ мірокъ... Неужели-же энергія, честная и страстная, останется безплодною? Вздоръ! не было еще до сихъ поръ примѣра, чтобы то, чѣмъ я серьозно и упорно занялся, ушло изъ моихъ рукъ.....

До свиданія! спѣшу кончить, пока опять не подошелъ приливъ тоски, во время котораго я обыкновенно эгоистически безжалостно пользуюсь вашей симпатіей,—первой и единственной женской симпатіей, которой отдаешься безъ страха и ослѣпленія..... Да напишите же хоть строчку. Поймите, что я Богъ знаетъ какъ люблю Васъ не за то только, что Вы для меня связаны съ такою жизнью и съ такимъ прошедшимъ, за которое отдалъ бы всю остальную жизнь, а собственно Васъ люблю какъ друга, какъ сестру по душѣ..... не такъ, какъ любитъ Васъ старецъ.

---

65. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[27 сентября 1857 г. Италія].

Благодарю Васъ глубоко, душевно благодарю Васъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за оба Ваши письма, особливо за письмо отъ 11 октября: съ нимъ не разстаюсь; глупо сказать, но все-таки скажу: я цѣловалъ въ немъ тѣ строки, гдѣ говорите Вы: «Утро

встаетъ, заря занимается»... Я весь день проходилъ въ какомъ-то чаду лирическаго упоенія... Я ходилъ по всѣмъ мѣстамъ, отыскивая хотя ли кого-нибудь изъ Русскихъ, кому бы я могъ броситься на шею, гордясь и тѣмъ, что я Русскій, и даже своей Русской одеждой, которую сохранилъ я съ упорствомъ раскольника. Да, дѣлать, работать!.. Но не изъ восклицаній, а изъ подробнаго донесенія обо всемъ, что я дѣлаю и о чемъ надумался, должно состоять сіе письмо.

На воспитаніе князька я взглянулъ, благодаря моей страстной натурѣ, весьма серьезно и съ начала, еще болѣе серьезно гляжу теперь. Но еще до сихъ поръ я то прихожу въ горькое отчаяніе, то преисполняюсь надежды паче мѣры, и середины никакъ не найду. И не думайте, чтобы виною этого было отсутствіе середины только во мнѣ самомъ. Нѣтъ!.... Но не даромъ же Господь наложилъ на меня эту задачу, ибо даромъ въ жизни ничего не бываетъ. Надъ натурой же этой поработать стоитъ: онъ у меня даровитъ, и не одной только внѣшней даровитостью, ибо иначе откуда бы у него образовалась привязанность ко мнѣ, фанатику такого взгляда на жизнь, который радикально противорѣчитъ его взглядамъ (ибо у него ужъ есть взгляды, въ этомъ то и горе). Кто виноватъ въ этихъ взглядахъ? Отчасти княгиня..... Отчасти Бель, честнѣйшій человѣкъ, или, лучше сказать, дядька..... Бель посмотрѣлъ на свое дѣло такъ, что, главное, надобно скрывать отъ юноши все, что можетъ возбуждать страсти, ergo не надобно ничего читать, кромѣ дѣтскихъ книгъ; въ Исторіи зачеркивать всѣ мало-мальски ужасныя событія. Что же вышло? Страстная натура обращена только въ другую сторону, на мелкія страстишки: на лошадей съ хорошей упряжью, на маленькое тщеславіе и т. п. Прибавьте къ этому Бецкаго, который безъ смысла заставляетъ зубрить катихизисъ и при каждомъ вопросѣ ученика говоритъ: «Это въ тебѣ спрашиваетъ дьяволъ». Вотъ, что я засталъ (кромѣ того, что по Русски онъ говорилъ: моя дядя ошибился). Мальчикъ пятнадцати лѣтъ въ совершенствѣ знаетъ по Англійски и не знаетъ Шекспира; полуитальянецъ не читалъ Данта, когда мы, дѣти толпы, въ эти годы прочли все, что можно было прочесть... Прибавьте къ тому еще порядокъ дня, губящій безплодно столько времени. О, порядокъ! Не даромъ во мнѣ, какъ во всякомъ Русскомъ человѣкѣ, таится къ тебѣ закоснѣлая, непримиримая ненависть... Вотъ, что я засталъ. Какъ истинно Русскій человѣкъ, т. е. какъ смѣсь фанатика съ ёрникомъ (извините за выраженіе—впрочемъ, оно, благодаря пріятелю моему Дружинину и благодаря «Русской Бесѣдѣ»,

напечатавшей его въ письмахъ Грановскаго, получило уже литературное гражданство), я не сталъ въ борьбу съ тѣмъ, съ кѣмъ нельзя бороться; подчинился всему нелѣпому въ домѣ, всему злу порядка (Бель мечталъ всегда и доселѣ мечтаетъ, бѣдный, завести свой порядокъ; и эти два порядка, Белевскій и княгининъ, грызутся между собою уморительно); но потому, что съ умомъ я могу дѣлать, что хочу. Такъ до сихъ поръ и было. Вѣрю, что такъ и будетъ, ибо вѣрю, что хочу я добраго и хочу всѣми силами души. Признаю Божье Провидѣніе въ положенной на меня задачѣ и, сколько могу, несу въ нее всѣ данныя мнѣ силы головы, сердца и убѣжденія.

Теперь о себѣ. Ни успокоиться, ни излѣниться я уже не могу, говорю Вамъ со всею искренностію. То, что я выработалъ въ себѣ въ послѣдніе годы, то при мнѣ и останется. Знаю только теперь положительно и окончательно, что я столь же мало славянофилъ, сколь мало западникъ, что истинно общее у меня, ненатянутое, искреннее, только съ Вами съ одной стороны, съ Островскимъ съ другой; съ Кокоревымъ, поскольку я знаю его мнѣнія по его сочиненіямъ (въ особенности «Путь Черноморцевъ»)—съ третьей. Все остальное въ моихъ глазахъ или блестящій пустоцвѣтъ, или даромъ расточающаяся сила, какъ Грановскій съ одной стороны и Хомяковъ съ другой, или наивное дѣтство, какъ К. С. Аксаковъ (погубилъ-таки «Молву»! молодецъ!), или слѣпыя дарованія, какъ старикъ Аксаковъ, Писемскій, Толстой (сей послѣдній, впрочемъ, такъ силенъ, что можетъ сдѣлаться зрячимъ). Вы пишете все мнѣ: изучайте то, и то, и это... О Господи! сколько въ Васъ, въ великомъ человѣкѣ мысли и жизни, вещей казенныхъ... Изучить для нѣкоторыхъ натуръ переводится словомъ проще: «нанюхиваться». Ну-съ! будете ли Вы довольны, если я Вамъ скажу, что я нанюхался достаточно картинъ для того, чтобы мое критическое стало шире, и вообще нанюхался Итальянскаго Искусства до того, что въ первый разъ жизни искренне, неказенно понялъ, сколько хороша Гомерова «Одиссея».

Всего не напишешь. Скажу Вамъ вотъ что. Мы хотимъ все доказывать великія нелѣпости, какъ-то, что Византійскіе типы не въ примѣръ прекраснѣе, художественнѣе Итальянскихъ Мадоннъ, и удивляемся, что никто этихъ нелѣпостей не слушаетъ. А вотъ этакой фактъ гораздо назидательнѣе. Въ деревнѣ à Ponte Mariano, близъ которой вилла нашей принципессы, стоитъ на перекресткѣ прекрасный образъ Мадонны; а въ какомъ-нибудь

Спасскомъ, подлѣ Москвы, въ бѣдной деревенской церкви Суздальскія иконы. Но въ Понтѣ а Маріано живутъ язычники, буквально язычники, которые едва ли имѣютъ понятіе о томъ, что Богородица не Богъ; а въ селѣ Спасскомъ молятся уродливымъ иконамъ истинные Христіане, которые знаютъ сердцемъ, что не иконамъ, а Незримому они молятся. Сила нашего именно въ томъ, что оно не перешло въ образы, заслоняющіе собою идею, а осталось въ линіяхъ, только напоминающихъ.

А еще сила въ томъ, что все наше есть еще живѣе, растительнѣе, когда здѣсь великолѣпное зданіе поросло мохомъ, и что еще не у явися, что будетъ.

Кланяется Вамъ Войцеховичъ, который очень полюбилъ меня здѣсь и былъ, надобно отдать ему честь, вовсе не похожъ на сенатора. Прощайте, спѣшу въ галлерею, гдѣ я всякій день.

На счетъ «Москвитянина» вотъ что-съ. Если Вы серьезно думаете о немъ, то имѣйте въ виду, что коалиція «Современника» разстраивается, что Островскій, Толстой и Тургеневъ могутъ быть нашими... Средства, рѣшительность и нѣкоторая ласковость, которая въ Васъ тѣмъ обаятельнѣе, чѣмъ рѣже... И я скажу тутъ: Утро встаетъ—поднимайтесь и Вы съ одра, и станьте тѣмъ, чѣмъ были Вы для насъ въ 1851 и 1852 годахъ. И Вы намъ нужны, и мы Вамъ нужны. А будущее наше или тѣхъ, которые будутъ подобны намъ, но сильнѣе, или ничье.

---

66. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[8 ноября 1857 г. Италія].

На меня иногда нападаетъ желаніе написать къ Вамъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ. И вотъ таковое напало на меня опять въ день Вашего ангела, съ которымъ издалека Васъ поздравляю. Не дивитесь такому желанію... Я вѣдь знаю Васъ такъ давно, съ шестнадцати лѣтъ моего возраста; я видѣлъ отъ Васъ такъ много горькаго и сладкаго, что привязанность къ Вамъ срослась съ моимъ существомъ. Вы со мной еще съ юношей бесѣдовали о самыхъ важныхъ вопросахъ (во времена доктора Гая), Вы написали ко мнѣ въ Петербургъ нѣсколько строкъ, полныхъ глубокаго чувства; Вы меня и бранили безъ мѣры, и безъ мѣры же подымали меня въ собственныхъ глазахъ во вся времена моей безобразной, но полной жизни.

Лирическое чувство, которымъ Ваше послѣднее письмо меня исполнило, нѣсколько разлетѣлось потомъ... И знаете отъ чего? Читали ли Вы въ «Нордѣ» (въ первыхъ пяти ноябрьскихъ нумерахъ) одинъ фельетончикъ изъ Петербурга, срамный фельетончикъ, гдѣ мы хотимъ показать, что и мы дескать Европейцы и у насъ есть блудницы, скандальныя исторіи, demimonde?.. Это ужасно! Не знаю, произвелъ ли онъ въ Васъ то же чувство негодованія... Вѣдь это голосъ изъ Россіи, это—les prémices нашей свободы слова... Бѣдный, обманутый, самолюбіемъ ли, безумнымъ ли увлеченіемъ, Герценъ! Неужели одинъ подобный фельетонъ не наведетъ его на мысль..... что ужъ лучше старообрядчество, чѣмъ подобная пакость моральной распущенности!

Еще мысль, которая гложетъ меня: что, если все, что ни дѣлается или ни затѣвается, дѣлается и затѣвается только для виду, для блезиру, и завершится чѣмъ-нибудь въ родѣ подобнаго фельетончика?

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ для меня со всею неумолимостью поставляется вопросъ: что противнѣе душѣ моей, ея правдѣ—подобный ли фельетончикъ или православіе блаженной памяти «Маяка»? А все, все, и въ душѣ, и въ обстоятельствахъ этихъ, нудитъ дать себѣ наконецъ послѣдній, удовлетворяющій и порѣшающій отвѣтъ...

Еще вотъ что: меня пугаютъ и ставятъ въ тупикъ молодыя, подростающія поколѣнія... Имъ черезъ-чуръ много дано критическаго анализа и черезъ-чуръ рано. То, отчего въ былую пору наши сердца бились восторгомъ и отчего мы лѣзли на стѣны, ими повѣряется, продергивается... да еще какъ!.. И видишь, что они во многомъ правы, но что ихъ правота отнимаетъ у нихъ крылья и привязываетъ къ мелочамъ.

Въ настоящую эпоху жизни каждый день приноситъ мнѣ новую моральную пытку и новый тягостный вопросъ, и это иногда просто невыносимо. Иногда мнѣ кажется, что ни отъ чего не убѣжалъ я, бѣжавши въ Италію. Будущее темно—въ настоящемъ какая-то безвыходная бездна вопросовъ и сомнѣній, какія-то слѣпыя, но страшныя ненависти, какія-то смутныя, но пламенныя вѣрованія... Во что? Вотъ въ этомъ-то и вопросъ... Въ Русское начало? Да что оно такое? Цѣлую книгу исписалъ я уже мечтами по его поводу и анализомъ самымъ безстрашнымъ, а въ головѣ и въ сердцѣ все еще тьма-тьмущая... Ясно только отрицаніе, ясна только ожесточенная

ненависть ко всему, что или съ точки зрѣнія «Маяка» обузиваетъ, или съ точки вышеписанныхъ фельетончиковъ (въ которые сводится весь Петербургъ и вся образованность) его сглаживаетъ... А мнѣ тридцать пять лѣтъ, и я одинъ изъ тѣхъ, которымъ чутье этого начала давалось и дается; неужели же вся жизнь такъ и пройдетъ безъ порѣшенія.....? «Заря занимается»,—пишете Вы. Да! но только заря, вѣчная заря, которою ужъ мы всѣ, право, сыты.

А тутъ еще подъ бокомъ.... Это Бецкій. Вы себѣ и представить не можете, что это за подлая ракалія: и злость, и трусливость гіены... Воображаю, какъ онъ меня распишетъ, если ужъ не расписалъ своимъ пріятелямъ, хоть я держусь вообще осторожности многоопытнаго мужа Одиссея. Онъ простить мнѣ не можетъ того, что князекъ учится со мной охотно и дѣлаетъ успѣхи.

Княгиня уѣхала въ Парижъ... Мы (т. е. домъ) ведемъ жизнь до того регулярно-глупую, безцвѣтную и пошлую, что для нея не стоитъ жить въ Италіи. А такъ живетъ большая часть нашихъ Русскихъ пріѣзжихъ. Сбѣгаютъ разъ съ лорнетомъ въ Уффицію и въ Питти, а потомъ регулярно-глупо ѣздятъ въ Кашины (нѣчто несравненно худшее нашего Парка и тѣмъ болѣе Сокольниковъ). Я въ галлереяхъ каждый день; наслаждаюсь и учусь, сколько могу, потому что памятники Искусства—единственное, чего надобно здѣсь нахватываться и съ чѣмъ надобно сжиться, хоть Войцеховичъ и подсмѣивался немного надъ моими чисто-художественными изученіями, и совѣтовалъ, какъ будущему редактору журнала, больше всматриваться въ практическія стремленія вѣка. Да, Богъ знаетъ, правъ ли онъ. Я все-таки остаюсь той вѣры, что все живое вносится въ міръ только Искусствомъ. Можетъ быть, эта вѣра въ Искусство есть часть того символа, котораго точнѣйшимъ опредѣленіемъ я мучусь...

Будущая статья, которою «Москвитянинъ» долженъ начаться, называется «Всеобщая перевѣрка»,—выведетъ все изъ Пушкина и все сведетъ къ Пушкину. Это въ самомъ дѣлѣ наше первое, цѣлостное, синтетическое выраженіе, хотя выраженіе въ Рафаэльскихъ контурахъ, очерками. Все правильное послѣдующее наполняетъ только контуры плотью и красками—концы всего въ Пушкинѣ.

Правда ли, что Мицкевичъ дозволенъ? Если такъ, то о немъ, значитъ, тоже можно говорить, и (вотъ, что я отсюда издалека лучше вижу) говорить о Пушкинѣ, о немъ и проч. несравненно будетъ полезнѣе, чѣмъ доказывать, что Грановскій не былъ истинный ученый и что Никита Ивановичъ Крыловъ правъ, употребляя equestris. Всѣмъ

этимъ только развращается публика и подрывается кредитъ литературнаго мнѣнія, а дѣло общее превращается въ дѣло кружка.

За симъ кланяюсь Вамъ до лица земли, прося не забыть иногда хоть строчкою человѣка, которому строчки Ваши, Богъ знаетъ, какъ дороги.

Вотъ еще вѣрованіе благопріобрѣтенное: за границей можно учиться и ѣздить по разнымъ городамъ. Но надобно быть чѣмъ-нибудь отъ Господа Бога обиженнымъ, чтобы для удовольствія жить въ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ Отечества.

---

67. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

1857 г. Ноября 13. Флоренція.

Сегодня только получилъ твое письмо, и сегодня же пишу къ тебѣ, мой безконечно-дорогой!.. Не знаю, знаешь ли ты хорошо, какъ не только сильна, но нѣжна моя привязанность къ тебѣ (я здѣсь вдали нахожусь иногда въ слюнепускательно-чувствительномъ расположеніи духа—ужъ извини), но мнѣ постоянно недостаетъ чего-то и это что-то — ты...

Прежде всего не жди, чтобы это письмо было объ Италіи, о Флоренціи. Предоставляю всѣмъ этимъ умнымъ господамъ (къ коимъ презрѣніе, какъ вообще презрѣніе къ голой учености и къ голой, безталанной образованности, во мнѣ увеличилось еще болѣе) благоговѣть передъ волосами Лукреціи Борджіи или восторгаться тѣмъ, что градоначальникъ Флоренціи называется Gon-Faloniere... Или я ничего не пишу о томъ, что я видѣлъ, вижу, чувствовалъ и чувствую, или ужъ напишу что-нибудь очень оригинальное и безобразно-искреннее. Но такъ какъ писать—значитъ печатать, то никакихъ результатовъ моихъ наблюденій, изученій художественныхъ и проч. ты не получишь до минуты нашего свиданія, если до такового Богъ приведетъ дожить...

Взамѣнъ этого—толкъ большой о вопросахъ старыхъ, ибо существенно только за ихъ уясненіемъ себѣ я поѣхалъ.

Глубоко говоритъ Шеллингъ, что появленіе новаго Бога выражается первоначально въ вакханаліяхъ, неистовствѣ, юродствѣ—результатахъ могущественнаго, но не уясненнаго самому себѣ предчувствія, пламенной, но не проведенной въ догматы вѣры. Этотъ моментъ есть и въ процессахъ цѣлыхъ эпохъ, есть и въ процес-

сахъ отдѣльныхъ душъ, какъ есть во всемъ созданіи, ибо это—процессъ космическій. Этимъ я не хочу сказать, чтобъ душа моя прошла уже эту минуту. Никто изъ насъ не пройдетъ ее совсѣмъ... Всѣмъ намъ суждено только ждать и подъ конецъ развѣ сказать: «Нынѣ отпущаеши»... Но тѣ сочувствія, тѣ ненависти, которыя лихорадочно бились во мнѣ всегда, получаютъ необоримую прямость и крѣпость.

Помните ли Вы, братіе, хорошо то время, когда мы собирались всѣ на изданіе «Москвитянина» 1851 года, время, когда вы (т. е. ты, Филиповъ и Островскій, и Борисъ) съ комическою и тогда для меня важностью, съ дѣтскою наивностью говорили, что надобно условиться въ принципахъ, какъ будто принципъ такъ вотъ сейчасъ въ руки дается? Я сказалъ тогда, «что не время, пока—удовольствуемся однимъ общимъ: «Демократизмомъ» и «Непосредственностью». Оказалось, что только это и было общее, да и отъ этого пошли въ стороны, такъ что въ строгой сущности только Островскій и я остались вѣрны тому и другой: и въ чувствѣ, и въ сознаніи. Ты, вѣрный невольно въ чувствѣ, въ сознаніи весьма часто уклонялся и уклоняешься; Борисъ никогда не имѣлъ демократическаго чувства и по странной иронiи своего юродства—въ сознаніи шелъ дальше всѣхъ. Тертій... но еслибъ зналъ, до чего и сколь основательно развилась во мнѣ вражда къ оффиціальному православію, въ которое онъ ушелъ, и онъ для меня членъ окончательно отсѣченный отъ того, что было, подразумѣвается.

А было много хорошаго—и отъ того, что было, совершилось много постыдныхъ отступничествъ, во всѣхъ, кромѣ Островскаго, Садовскаго и меня грѣшнаго, до мозга костей проникнутаго всѣмъ вакхическимъ неистовствомъ новой вѣры... Всѣ, кромѣ насъ троихъ, отреклись (слава Богу, въ сознаніи только, а не въ чувствѣ) отъ существеннѣйшаго, что въ насъ родилось—отъ идеи: «жизнь по душѣ»; но такъ сильна сама по себѣ эта идея, что она въ Тертіѣ, несмотря на подлые (это—настоящее слово) разговоры о графахъ, князьяхъ и графиняхъ, скажется «ерническимъ» движеніемъ и невольнымъ влеченіемъ къ прошлому, въ тебѣ, хоть ты въ какія хочешь догмы себя приводи, симпатіей къ Ивану Ивановичу Шанину, въ Борисѣ—враждами. Эта идея столь велика и широка по своему объему, что въ ней зерно всего, не только нашего будущаго—тщетнымъ исканіемъ ея боленъ соціализмъ (хоть онъ при насъ есть самое здоровое).

Другое слово наше было Искусство, т. е., иными словами—на насъ истина дѣйствуетъ образомъ, красотою, типичностью, и только сими средствами въ насъ входитъ и намъ дается, а не выводами. Этого тоже мы почему то устыдились и всѣми мѣрами стали доказывать себѣ, что не все прекрасное истинно, т. е. законно, тогда какъ нужно было только разсмотрѣть сущность прекраснаго, образнаго и, отдѣливши въ немъ типовое отъ наноснаго, повѣрить въ типовое. Но, видно, это чувство было такъ ново, что даже высшій изъ насъ, Островскій, и тотъ—усумнился!.. Т. е. собственно не усумнился, а притаился (пожалуй, самъ для самого себя). Это чувство переводится и другимъ словомъ—чувство живого въ жизни, любовь къ жизни въ жизни и отвращеніе ко всякой мертвечинѣ, въ какой бы въ сферѣ она не явилась, ко всякой бездарности, моральной или умственной, какими бы великолѣпными одеждами учености, образованія и проч. она не облекалась. Однимъ словомъ, это есть второе слово: «Непосредственность».

Искренно, прирожденно (кто въ сознаніи, кто чувствомъ) вѣримъ въ эти слова только мы (у'compris Писемскаго, какъ крайность критическую, Потѣхина, какъ крайность совсѣмъ безобразную). Славянофильство есть въ сущности расколъ, старообрядчество—хотя современемъ только мы (т. е. наше начало) и они (т. е. ихъ начало) останемся на сценѣ: все прочее выгоритъ. Въ сущности—они не имѣютъ права даже на русскую одежду (т. е. демократическую, ибо какъ таковую, а вовсе не какъ старообрядческую, я ношу ее и буду носить до конца жизни).

Отъ означенныхъ принциповъ есть три безотрадныхъ пути: 1) въ «Маякъ»—или въ оффиціализмъ и формализмъ, 2) въ невѣжество Потѣхина и Владыкина, 3) въ Славянофильство, т. е. въ сухой, рѣзкій, теоретическій пуританизмъ... Спрашиваю себя честно: шелъ ли я въ послѣдній (ибо въ два первыхъ идти по натурѣ, съ одной стороны, и по многосторонней образованности, съ другой—не могъ). И честно же отвѣчаю: нѣтъ! Еслибъ даже дѣло повернулось такъ, что Славянофилы были бы мною на время надуты,—я бы самъ прорвался.

Теперь къ практическому:

1) Что Писемскій соредакторомъ Дружинина, это меня мало радуетъ. Я очень люблю Дружинина и очень цѣню Писемскаго, но ни ты, ни я подчиниться такимъ головамъ не можемъ. Мой журналъ былъ бы все таки тотъ, гдѣ цѣлое составляли бы ты, я и

Островскій... Таковая откровенность, разумѣется,—между нами. Въ Дружининѣ нѣтъ вѣры, въ Писемскомъ—захвата взгляда и широты образованія. Островскій,—не знаю, что изъ него будетъ, можетъ быть, явленіе допотопное,—есть для меня все такъ же единственная сила творческая, т. е. не слѣпая. Кстати (опять съ глазу на глазъ, какъ впрочемъ все это письмо) пишутъ мнѣ (разумѣется, не отецъ и не Иванъ Ѳедоровъ), что пьянство и хвастня Писемскаго и Островскаго дошли въ послѣдніе времена до геркулесовыхъ столповъ и что Толстой говоритъ объ этомъ съ отвращеніемъ. Ага! подумалъ я—графская природа таки сказалась (ce n'est pas comme il Faut!)... Да поможетъ тебѣ Господь не пить, но да сохранитъ же Господь и тебя и меня отъ того, что бы мы когда либо бросили камень въ пьянство и увлеченія Островскаго и Писемскаго.

2) Вмѣсто того, что бы острить надъ «Москвитяниномъ», лучше бы съѣздить къ Погодину и простить ему многое во имя того, что онъ многое видитъ своимъ великимъ умомъ дальше насъ съ тобой и что все таки у насъ съ нимъ больше общаго, чѣмъ и съ Катковымъ, и съ Дружининымъ, и съ Кошелевымъ, и что если дѣлать приходитъ въ литературѣ наше время, такъ союзъ его, какъ писателя и публициста истиннаго и единственно-могущаго быть для насъ во многомъ руководителемъ,—необходимъ.

Все сіе я пишу къ тебѣ послѣ утра въ галлереяхъ и вечера въ театрѣ, пишу по душѣ, ничтоже сумняся. Женѣ своей (но никому больше) ты можешь прочесть это письмо—она истинно честная душа, честнѣе и благороднѣе всѣхъ насъ. Поцѣлуй у нея руку.

Навѣщай отца, Бога ради. Вспомни, что онъ и Саша мой для меня равно дороги!

Безобразничать мнѣ, точно, некогда да безъ тебя и не съ кѣмъ. Al rivedер-ci! т. е. до свиданія, mio Fanciullo!

Точно какъ будто поговорилъ съ тобою на зеленомъ диванѣ въ купеческомъ клубѣ!..

---

68. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

1857 г. Ноября 16. [Италія].

Опять, возвращаясь изъ оперы, принимаюсь писать къ тебѣ, т. е. бесѣдовать на зеленомъ диванѣ въ клубѣ—ибо право никогда мы такъ душевно и серьезно не говаривали какъ на семъ приснопамятномъ диванѣ.

Любезной мой Евгеній! Не думай пожалуйста, что бы «чудное далеко» было въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что всегда отвѣчало бы на сущность нашей души. Если 1/3 моего уваженія къ Гоголю уплыла вслѣдъ за двумя томами переписки (т. е. не старой оффиціальной, а новой, въ изданіи Кулиша) столь искренно разоблачающей всю неискренность этой чисто хохлатской натуры, то другая 1/3 растаяла отъ «прекраснаго далека». Сколько дьявольскаго эгоизма нужно имѣть, что бы довольствоваться всегда этимъ «далеко», не смотря на то, что минутами оно, памятниками своего великаго искусства, отзывами своего громаднаго прошедшаго, способно приводить человѣка въ лихорадочной трепетъ. Жизнь изъ однихъ лирическихъ минутъ состоять не можетъ—говорю это я, я, способный однако постоянно за лирическія минуты отдавать все, что угодно... Внѣ лирическихъ минутъ, которыя даетъ мнѣ новый, все больше и больше мнѣ раскрывающійся міръ картинныхъ галлерей, со мною бо́льшею частью хандра безобразнѣйшая, и вопросы всякіе ставятся все тяжелѣе и неуклоннѣе... Потому продолжаю о томъ же...

Господи Боже мой! Неужели же, спрашиваю я себя много разъ, именно развратъ, безобразіе и безпутство дѣлали и дѣлаютъ мнѣ столь привлекательнымъ наше общее прошедшее?.. Неужели же я въ самомъ дѣлѣ такое чадо бунта, каковымъ тебѣ было угодно меня представлять?.. Если бъ это было такъ, то я былъ бы давно соціалистомъ, но соціализма то именно и не переваривала никогда моя душа, хотя въ немъ чисто плотскія и произвольныя требованія получаютъ законность, догматизируются... Ты можешь на это отвѣчать мнѣ вотъ что: ты любишь безпорядокъ какъ безпорядокъ и ненавидишь соціализмъ именно за то, что онъ опредѣляетъ безпорядокъ, приводитъ его въ порядокъ, въ систему, а тебѣ дескать просто нужно безобразіе... Т. е., что такое? Жизнь, ея безконечная красота и безконечные типы? Не такъ ли... Типическое все сглаживается соціализмомъ,—остается одно общее, какъ нормальное отправленіе... Въ сущности, идея соціализма и идея езуетизма сходятся: та и другая суть водвореніе мертваго покоя; только способы разные: у одной—отсѣченіе всего типоваго, подчиненіе его слѣпою вѣрою, у другой—разрѣшеніе его отъ всякихъ узъ и умерщвленіе безконечнымъ, догматическимъ пользованіемъ, обращеннымъ въ простое отправленіе. И езуетизмъ, и соціализмъ равно обращаютъ человѣка въ свинью, т. е. рыломъ внизъ—авось дескать такъ то ему будетъ покойнѣе... Цѣль благая и полезная, но двѣ

вещи постоянно вопіютъ на не[*прзбр.*] созданіи — море и душа человѣка, между которыми, какъ я убѣдился личнымъ знакомствомъ съ физіономіей перваго и съ жизнію послѣдней, очень много тождественнаго... Не шутя... но объ этомъ послѣ или, лучше сказать, съ этимъ припѣвомъ о морѣ и душѣ человѣка написана уже цѣлая толстая книга—да и не въ этомъ теперь дѣло... Дѣло въ вопросѣ о порядкѣ и безобразіи или, лучше сказать, разнообразіи...

Порѣши ты мнѣ его, да только, Христа ради, не полицейски, какъ ты иногда охотникъ его порѣшать, т. е. не вопросомъ: а какъ то ты струсишь или какъ то ты струсилъ тогда то, когда придетъ или пришелъ квартальный надзиратель?

Argumentum ad hominem—всегда уловка не хорошая. Человѣкъ тогда то и тогда то могъ и можетъ быть слабъ, но какъ то, что Петръ зарыдалъ при крикѣ пѣтуха, такъ и то, что Іуда удавился на осинѣ, служитъ великимъ доказательствомъ въ пользу того, что душѣ человѣческой весьма не переносно быть въ двойственномъ сознаніи, въ этомъ адскомъ противорѣчіи, которое заливается пьянствомъ до бѣсовъ или заглушается преферансомъ съ приходскимъ протопопомъ и частнымъ приставомъ—этой милѣйшей утопіей, которую съ свойственной ей рѣзкостью и благородствомъ иронически ставила нѣкогда твоя жена... Боже мой! насколько вообще женщины благороднѣе насъ и насколько у нихъ болѣе носа, чѣмъ у насъ!..

Ты берешь всякую задачу только логически и ставишь ее въ схемы абсолютнаго рѣшенія. Для тебя, по собственному сознанію,—или ужъ жизнь схимника аѳонскаго старца Арсенія, и пугающая, и влекущая тебя, или ужъ самый узкій прозаизмъ и консерватизмъ, то, что я называю мѣщанство. А дѣло то въ томъ, что надобно повѣрить въ минуту безгранично текущей жизни, ее остановить, ее опредѣлить.

Для меня стало ясно, какъ Божій день, что:

1) Все прошло, кромѣ новаго начала жизни, которое мы называемъ рускимъ.

2) Что безумно ограничивать его старымъ идеаломъ, но что старый идеалъ, волею историческихъ судебъ, есть для него то же, что было для идеи Христіанства—Еврейство и ковчегъ Завѣта, въ которомъ таился невѣдомый Егова.

3) Что оно, какъ всякое живое начало,—двойственно, т. е. имѣетъ двѣ силы стремительную и осаживающую. Все это не ново

конечно, все это болѣе или менѣе я говорилъ прежде... Distinguo. Но съ такою прочностію я не боюсь теперь слова: историческая вѣра, ибо вѣрить въ начала, въ силы не значитъ вѣрить въ слѣпую исторію. Да въ исторію вѣрить и нельзя или слово вѣрить должно замѣнить здѣсь словомъ: надменно признавать, что такая то и такая то теорія есть конечное слово разума.

При вѣрѣ въ начала, въ силы мы боимся за твердость заповѣдей—не воруй, не пьянствуй, не шатайся, и тычемъ ими въ носъ всякому вѣрующему, говоря ему почти то же, что Сквозникъ-Дмухановскій говоритъ Тяпкину-Ляпкину... Но и за нихъ нечего бояться. Новое начало не говоритъ: воруй, пьянствуй, шатайся,—а говоритъ совершенно справедливо, что «Любимъ Торцовъ пьяница—но лучше васъ всѣхъ!» потому дескать, что если вы не пьянствуете, не безчинствуете и не шатаетесь, то дѣлаете это не по сознанію высшихъ законовъ, а въ уваженіе чувству эгоистическому и холопскому, которому вы отдали и душу, и жизнь, и даже просто ваши внутреннія влеченія жить по душѣ («Оно положимъ хоть и весело, да вѣдь безобразно»—а почему безобразно, спросить бы у Гордѣя Карпыча?), а я дескать пьянствую и безчинствую и знаю, что это не хорошо—да что жъ мнѣ дѣлать то? «Не жить мнѣ по вашему—не могу, душно!»

Не знаю, другъ, что ты мнѣ на эти вопросы отвѣтишь... Бьетъ два часа ночи на башнѣ Palazzo Vecchio—да и листъ кончается.

Тоска меня мучитъ сегодня особенно... Поклонись всѣмъ нашимъ. Да хранитъ Васъ всѣхъ Господь и да дастъ онъ намъ всѣмъ вѣры, вѣры, вѣры, хотя зерно горушно—и снова да сплотитъ насъ въ единеніе духа, союзъ любви и мира... Это было лучшее наше—братство и любовь: Господа и братіе, этому жертвы нами всѣми приносились—кровныя, сердечныя жертвы.

---

69. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[18 ноября 1857 г. Италія].

...Недавно Евгеній Эдельсонъ писалъ мнѣ, что Писемскій сталъ соредакторомъ Дружинина въ «Библіотекѣ», стало быть, наши перейдутъ туда. Не порадовался я этому, во-первыхъ потому, что считаю подчиненность критики литераторамъ самымъ крайнимъ ея паденіемъ; во-вторыхъ потому, что Писемскій для меня далеко

не то, что Островскій; и въ-третьихъ потому, что это лишаетъ меня рукъ въ журналѣ. Съ другой стороны, это поставляетъ вопросъ о журналѣ иначе. Либо «Москвитянину» вовсе надо прекратиться, либо выставить на знамени уже неограниченнѣйшую независимость мнѣнія и стать чисто-критическимъ во всемъ, въ литературѣ, политикѣ и проч. Однимъ словомъ, поворотъ къ той же мысли, по которой строилъ я планъ «Москвитянина», въ формѣ и размѣрѣ добрыхъ покойниковъ «Телеграфа» и «Телескопа», съ тяжкою ломкою на время, съ расчетомъ на одну правду и смѣлость, съ отсутствіемъ, прямо объявленнымъ, всякой словесности,—и мечты о соединеніи въ немъ прежнихъ сотрудниковъ разрѣшены. Что вы мнѣ скажете?

Вспомните, 1) что съ «Библіотекой», съ Дружининымъ и съ Писемскимъ я лично все-таки могу ужиться, но не нападая только на борзописаніе Писемскаго (что—жертва очень малая), что все-таки, какъ и въ «Москвитянинѣ» 1851 года, я въ «Библіотекѣ» могу сдѣлаться главнымъ, а подъ конецъ и единственнымъ органомъ критики, 2) что появленіе «Москвитянина» встрѣчено будетъ на первый разъ смѣхомъ не только чужихъ, но теперь и своихъ, своихъ самыхъ близкихъ, съ которыми ни въ чемъ я не разнюсь, кромѣ того только, что они непослѣдовательны и нерѣшительны, а я вижу дальше и прямѣе; и если, взвѣсивши два этихъ обстоятельства, Вы все-таки скажете, что надобно издавать «Москвитянинъ», то Вы укрѣпите во мнѣ вѣру, ибо даромъ Вы слова не скажете.

Теперь другое. Если издавать, то поддержите меня въ слѣдующемъ планѣ.

Я дѣлаю, что можно для воспитанія князька, и къ Университету его поставлю. Но надобно сдѣлать такъ, чтобы и въ Университетѣ онъ годъ остался подъ моимъ руководствомъ. Это ему въ нравственномъ и умственномъ развитіи будетъ полезно, и меня еще на годъ обезпечитъ... Мнѣ не сласть жить у нихъ (порядокъ мнѣ смѣшонъ, да, кромѣ того, Бецкаго я видѣть не могу безъ содраганія, какъ жабу), но я могу черезъ это обезпечивать домашнихъ и жить, не нарушая пристойности, внѣ дома своего,—это для меня очень важно на первый годъ отчаянной редакціи. Стало быть, дѣйствуйте со временемъ вліяніемъ и словомъ, а я, съ своей стороны, машину эту подвожу. Привязанность князька ко мнѣ не ослабѣваетъ, а получается эта привязанность простотой и душевностью

моего отношенія да вѣрнымъ служеніемъ убѣжденію. Онъ по крайней мѣрѣ понимаетъ, что я занимаюсь съ нимъ всѣми данными средствами, а не какъ наемникъ, который «бѣжитъ, яко наемникъ есть». Въ Москвѣ же эта подлая тварь Бецкій прижметъ хвостъ, если къ тому времени его солнца, т. е. Закревскій, Берингъ и другая погань, потускнѣютъ передъ растущимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Планы!!! О! если бы Вы знали, какъ страшны стали мнѣ, однако, всякіе планы и, съ другой стороны, для чего же нибудь истинно-таинственныя силы хранили меня и во время пути, и во время пребыванія за границею. Что я лично за птица или за праведникъ? Стало быть...

On ne va jamais si loin que quand on ne sait où l'on va, говоритъ Французская поговорка, и мнѣ хочется ей вѣрить... Если я не вижу свѣта, то по крайней мѣрѣ у меня есть какое-то собачье чутье на свѣтъ и собачья же вѣрность свѣту. Я знаю, что всѣ эти штуки, и «Библіотека» и пр., все это—не дѣло, не настоящее дѣло, еще меньшее дѣло, чѣмъ другая крайность безобразія—«Молва». Я знаю, что хотя успѣхъ «Русскаго Вѣстника» будетъ еще колоссальнѣе, и все-таки ему не жить, ибо внутреннихъ соковъ жизни въ немъ нѣтъ.

Для меня все яснѣе и яснѣе становится мысль, что подъ покровомъ разныхъ толковъ таятся живыя начала: боярское, Варяжское или Татарское—въ одномъ; левитское,—въ другомъ; земское (промышленное и земледѣльческое вмѣстѣ, а не врозь)—въ третьемъ, и т. д. Все это, стихійное, что въ насъ облекается то тою, то другою оболочкою, со временемъ выступитъ рѣзко и ясно... А пока... пока, чему же прикажете слѣдовать, какъ не темнымъ указаніямъ этого стихійнаго? Вѣдь это темное сказывается въ душѣ такими осязательными ненавистями и такими существенными привязанностями.

Есть ненависть, ненависти рознь. За ненависть какого-нибудь Ордынскаго (хоть и можно ее употребить въ дѣло) къ тому, что Вамъ, мнѣ или другому чувствующему человѣку ненавистно, за ненависть цеховую, ученую—нельзя дать гроша мѣднаго. Вѣдь его с..... м.... вынюхала въ «Одиссеѣ» Жуковскаго только навозъ и потомъ поднялась съ запачканнымъ рыломъ тоже переводить (въ томъ смыслѣ, какъ клоповъ переводятъ) «Одиссею»... Что жъ у насъ съ такими союзниками общаго?.. Съ другой стороны, напримѣръ, эта

склизкая жаба Бецкій, вѣдь онъ тоже ненавидитъ неправославіе, да во имя чего?! Для него «невидимая церковь» есть тайная полиція. Все это думаешь, передумываешь и впадаешь иногда въ тоску невыносимую... Спасаешься только въ «Уффиціи» да въ «Питти».

---

70. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣ 17 ноября н. ст. 1857 г. Италія].

Послѣднее письмо мое было писано подъ вліяніемъ весьма невеселыхъ размышленій и еще менѣе веселыхъ впечатлѣній... Но статья ваша въ «Nord'ѣ», отъ 17 ноября, мой достопочтенѣйшій Михаилъ Петровичъ, помирила меня съ жизнью. Еслибъ вы знали, какъ я и попъ здѣшній ей обрадовались и до какой степени озлились, окрысились, остервѣнились на нее разные подлецы. Даже консулъ нашъ, этотъ нѣжнѣйшій изъ Греческихъ котовъ, вѣжливѣйшій, безъ мыла, какъ говорится, лѣзущій всюду,—даже и тотъ пришелъ (какъ разсказывалъ мнѣ попъ, при коемъ случайно произошло первое прочтеніе) въ ужасъ и негодованіе (разумѣется отъ конца). Мы же возблагодарили Господа, пославшаго и время, и слово.

Да! Благъ Господь—Онъ знаетъ срокъ
И выслалъ утро на Востокъ.

Жить хочется въ такое время и дѣйствовать надобно.

---

71. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

Ноября 24. Флоренція. [1857 г.].

А я все-таки пишу къ Вамъ, прелестный, но коварный другъ,—и пишу въ день Вашего ангела... Ну, однако, скажите: Вы не безсовѣстная? А? Человѣкъ Богъ знаетъ гдѣ, на чужой сторонѣ—и ни строчки, ни строчки, когда онъ съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца подходилъ (теперь уже даже не подходитъ) къ окошку флорентійскаго почтамта. Какъ хотите—это изъ рукъ вонъ... Положимъ, что Вы заняты, положимъ, что прежде всего Вы артистическая (т. е. нѣсколько вѣтренная) натура, но вѣдь у меня у самого таковая же, а между тѣмъ... Но будетъ упрекать Васъ,—я Васъ такъ нѣжно люблю, что долго упрекать и язвить не въ силахъ....

Что Вы у меня (т. е. Вы съ Катериной Николаевной Бекетъ) сдѣлали съ моимъ Максимомъ? Куда Вы его услали, оторвавши отъ нѣжной матери—«винной конторы», готовившей его обширной душѣ по всѣмъ вѣроятностямъ судьбу Кокорева, если бъ эта обширная душа не была столько же, какъ моя, преисполнена безобразія и безалаберщины?.. Что Вы съ нимъ сдѣлали? Caïn, qu' a tu fait de ton frere?..

Другъ мой Катерина Сергевна! Мнѣ порой невыносимо тоскливо, такъ тоскливо, что едва вѣроятно, а все таки возвратъ въ любимое отечество мало мнѣ улыбается, хотя тамъ есть (кромѣ отца и дѣтей) Вы, Евгеній, Островскій, Садовскій, Максимъ, Иванъ Ѳедоровъ,—хоть только въ отечествѣ можно жить и дышать. Но, когда только я подумаю о собственной внутренней разбитости съ одной стороны, да объ О..... Б..... съ другой, такъ нападаетъ на душу апатія, апатія, апатія.

Здѣсь я все изучаю искусство,—да что проку-то? Въ себя-то, въ будущую дѣятельность-то, во всякое почти значеніе личной жизни утратилъ я вѣру всякую. Все во мнѣ какъ-то расподлымъ образомъ переломано... Нѣтъ! глубокія страсти для души хуже всякой чумы,—ничего послѣ нихъ не остается, кромѣ горечи ихъ собственнаго осадка, кромѣ вѣчнаго яда воспоминаній.

Женскимъ душамъ, должно быть, легче это достается. Вѣдь любила же она меня, т. е. знала, что только я ее всю понимаю, что только я ей всей молюсь, только я на всѣ вопросы ея души отвѣчу..... О, проклятое нравственно-сметанное начало въ ея крови, проклятая смѣсь глубокой страстности съ расчетливой холодностью! Есть минуты впрочемъ, когда я все проклинаю. Нынче одна изъ таковыхъ—и самыхъ непереносныхъ.

Откровенно сказать: чего я съ собой не дѣлалъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Какихъ подлостей не позволялъ я себѣ въ отношеніи къ женщинамъ, какъ будто вымѣщая имъ всѣмъ за проклятую пуританскую или кальвинистскую чистоту одной—и ничего не помогло: даже развеселить меня ни одной не удавалось... Когда я лежалъ прошлаго года больной и двѣ изъ нихъ ежедневно, а иногда и по два раза на день присылали тайныхъ пословъ освѣдомляться о моемъ, столь для человѣчества драгоцѣнномъ здравіи, я бы отдалъ всѣ ихъ неистовыя посланія за одну тѣнь грусти, хоть маленькой грусти на ея лицѣ... Да! отъ нея я взялъ бы даже сожалѣніе. Я иногда люблю ее до низости, до самоуниженія, хоть она же была единственное, что могло меня поднимать. Но будетъ...

Міръ, которымъ окруженъ я, все таковъ же, какъ я имѣлъ счастіе Вамъ докладывать . . . . . Со всѣмъ этимъ я велъ и веду борьбу скрытную и явную, во имя идей, конечно, возвышеннѣйшихъ—но для кого? . . . . . .

А все-таки: да здравствуетъ свобода, братство, любовь и дай Боже, чтобы я за секунду передъ смертью повторилъ эти святыя слова!

---

72. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

Флоренція. 1 Декабря [1857 г.].

По мѣрѣ того какъ вопросы накопляются, мнѣ все хочется говорить съ тобою, именно съ тобою, а не съ Островскимъ, ибо онъ годится для другого дѣла, для указанія верстовыхъ столбовъ мысли.

Прежде я не вѣрилъ и думалъ, что все это обычныя, казенныя фразы, а вѣдь въ самомъ дѣлѣ вопросы издали освѣщаются совершенно особеннымъ свѣтомъ.

Возьму на сегодняшній разъ фактъ и съ факта пойду къ заключеніямъ.

Я оставилъ отечество на двухъ, по наружности мизерныхъ фактахъ, но въ сущности весьма важныхъ (право, почти столько же важныхъ, какъ вопросъ объ эмансипаціи): на спорѣ за Грановскаго и на спорѣ за Крылова. Естественно, что тутъ тотъ и другой только имена, а дѣло въ дѣлѣ, которое случайно прикрылось именами.

Разберемъ дѣло о Грановскомъ. Потому его первое, что въ «Уффиціи» я часто вижу покойника,—не шутя! портретъ Соутвелля, одного изъ министровъ Генриха VIII, писанный Гольбейномъ, совсѣмъ, поразительно Грановскій. На этомъ портретѣ я повѣрилъ свое сердце и убѣдился, что покойникъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ другіе покойники, оставившіе на насъ свой слѣдъ: Лермонтовъ, Гоголь, Мочаловъ, Варламовъ... Въ чемъ тутъ было дѣло, въ этомъ спорѣ? Григорьевъ сказалъ, что Грановскій былъ только замѣчательный актеръ каѳедры, а не ученый,—вещь, которую я сказалъ Погодину въ день похоронъ Грановскаго, вещь, которую по странному стеченію обстоятельствъ выразилъ одинъ изъ близкихъ къ покойнику людей, Дмитрій Визаръ, который говорилъ мнѣ: «все, что покойникъ писалъ—только блѣдная тѣнь его души и не стоитъ печатанія; слово

его, духъ его были дороги»—вещь, которую всѣ знали. Но Григорьевъ примѣшалъ тутъ элементъ поганый, элементъ своей, кажется, дѣйствительно завистливой и неблаговидной, личности, личности изъ числа все таки хамскихъ; прикрылъ же ее другимъ, не менѣе поганымъ, но болѣе въ глазахъ многихъ благовиднымъ элементомъ ученаго спеціализма... Поднялся вопросъ и, увлеченные не духомъ партіи, а духомъ враждебности къ другой партіи, мы, болѣе или менѣе, стали въ отношеніи къ вопросу не прямо и не право. Мы опустили изъ виду то обстоятельство, что здѣсь идетъ борьба о томъ, что важнѣе: сухая ли дѣльность спеціализма или непосредственность даровитости? Защищавшіе Грановскаго не думали, конечно, защищать нашъ принципъ или, лучше, наше, столь еще робкое, вѣрованіе,—а дѣлали именно это самое... Такова иронія, всегдашняя иронія судьбы. Мертвые сухари (Катковъ, Леонтьевъ и проч.) защищали живаго, а живые стояли на сторонѣ халуя. Грановскій сталъ нашъ, а не ихъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ; Григорьевъ—умирай онъ или живи, издавай десять Хондемировъ вмѣсто одного, ничего общаго съ нами не имѣетъ и ничего имѣть не можетъ. Наше слово въ отношеніи къ этому вопросу должно было быть вотъ какое: Григорьевъ правъ, что Грановскій былъ не ученый, а актеръ на каѳедрѣ, т. е. ораторъ, проповѣдникъ, но въ этомъ то и его значеніе, значеніе, которое разъясняетъ живая жизнь, а не монгольскія рукописи. Что-жъ дескать? Монгольскія рукописи—вздоръ и не надо ими заниматься? Ничуть не слѣдуетъ, ибо иначе идетъ широкая дорога къ невѣжеству, но знай, дескать, свое мѣсто. Ты сухарь, и полезный сухарь, но куда жъ тебѣ гоняться за соколомъ? Почти Божью силу даровитости, склонись передъ нею. Ты, можетъ быть, точно и не пьянствовалъ и не ..... какъ Грановскій въ Берлинѣ, да вѣдь тебѣ и не изъ чего было пьянствовать и ..... въ тебѣ жизни нѣтъ и нѣтъ стремленія къ жизни.

Вотъ тутъ то Островскій и рѣшительно верстовой столбъ. «Ученымъ быть нельзя», говорилъ онъ разъ въ пьяномъ образѣ,—и какъ глубоко это пьяное слово!.. Талантъ развиваетъ въ себѣ чутье къ извѣстному дѣлу—и все дѣло рѣшительно въ чутьѣ. Какое мнѣ дѣло до того, гдѣ, въ погребкахъ ли, театрахъ и б ..... Берлина или въ огромныхъ фоліантахъ, добывалъ покойникъ тонъ, запахъ и цвѣтъ эпохъ, отзывавшихся въ его блистательномъ изложеніи? Кудрявцевъ и не пьянствуетъ — а мажетъ, ... такъ, что только ..... а не .....

Пора порѣшить съ этимъ наивнымъ почтеніемъ къ тому, что такой-то прочелъ столько-то фоліантовъ, т. е. пора считать это за то, что это есть на самомъ дѣлѣ: за навозъ, удобряющій землю. Пора смѣло и послѣдовательно сказать себѣ, что мы вѣримъ въ даровитость, умъ, ловкость, силу, энергію,—однимъ словомъ въ Божье, въ комъ бы оно и въ чемъ бы ни проявилось: въ пьянствѣ ли Мочалова, въ ёрническомъ ли остроуміи Ивана Ивановича Шанина, въ ангельской ли добротѣ сапожника Сергѣя Арсентьевича и т. д. Сердцемъ мы давно все это порѣшили, но потомъ все старались говорить ..... чтобы было и Богу не противно, и на ..... похоже.

Вотъ здѣсь на Западѣ, что ни человѣкъ, то и спеціалистъ—отъ того то здѣсь люди и представляются мнѣ все маленькими, маленькими муравьями, ползающими съ мелочною работою по великимъ, громаднымъ памятникамъ прошедшей жизни. Отъ этого то зрѣлища я и хандрю ядовито, ибо обаяніе камней одно не питаетъ душу.

Поклонъ всѣмъ твоимъ отъ далекаго, но еще больше любящаго ихъ друга!

---

73. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

1857 г. Флоренція, Дек. 5.

Не знаю, можетъ быть, надоѣлъ я тебѣ, рыжій другъ мой, перетрясываніемъ старыхъ вопросовъ, но они всѣ до такой степени меня здѣсь измучили, какъ тебя черти въ извѣстномъ состояніи... Увы! только до пріѣзда во градъ Ливорно, т. е. во время дороги, я могъ отъ всего этого отвлечься, потомъ мысль опять пошла колесить по знакомымъ угламъ.

Старая Европа—въ лицѣ ли соціалистовъ, въ лицѣ ли Гегелистовъ лѣвой стороны, во всякомъ случаѣ въ лицѣ добросовѣстнѣйшихъ и благороднѣйшихъ своихъ представителей—подняла вопросъ о правахъ плоти, въ противорѣчіи *якобы* съ суровыми требованіями того, что она назвала прежде духомъ и что въ сущности есть только негація, математическій знакъ: —, тогда какъ Духъ есть +. Идеалы ея изжились, испошлились во фразу, въ жестъ, въ эффектъ. Утопіямъ нечего было дѣлать иного, какъ строить по негативнымъ линіямъ. Все это—допотопно выразилось въ страшной, послѣдовательной и самой себѣ противорѣчащей формулѣ: Liberté, Egalité,

Fraternité—ou la mort!.. Ни liberté, ни égalité, ни fraternité нѣтъ покамѣстъ,—потому взять неоткуда,—но la mort дѣйствовала достаточно, а все безъ пользы. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что бы первая половина формулы, правильно понятая, была виновата, и не слѣдуетъ отрекаться отъ оной изъ за безобразія второй. Между тѣмъ у насъ (какъ лично у насъ, въ нашемъ маломъ кружкѣ, такъ и кругомъ) происходило постоянно подобное отреченіе.

Это—маленькое предисловіе къ другому дѣлу, которое я оставилъ, къ дѣлу N. Крылова, къ дѣлу безнравственной даровитости, на которую возстали—здѣсь уже сообразно съ своею сухарною природою—ученые и образованные. Въ статьѣ Крылова есть два элемента: геніальный (c'est le mot propre), элементъ художества и вдохновенія, и хамскій, при томъ хамскій двухъ родовъ: хамскій демократическій и хамскій совсѣмъ. Ученые и образованные возстали именно на элементъ геніальный. Что-жъ дѣлали мы?.. Или, какъ ты, сомнѣвались—ужъ вѣрить ли точно геніальности изложенія, потому что вѣдь онъ же точно надѣлалъ грамматическихъ и всякихъ ошибокъ, или, какъ Борисъ, принимали все отъ него безъ различія, геніальное ли это или хамское, или какъ я—юродствовали во имя тускло-видимаго. И здѣсь опять нужно было честно и смѣло защищать геніальность, отбросить все гнилое, отбросить явно, передъ лицемъ всѣхъ.

Въ былыя времена мы уже достаточно срамились общеніемъ съ разною гнилью, въ родѣ Шевырева и—главное — Ростопчиной, и это милое качество терпимости какъ будто наслѣдовали мы отъ отца нашего, старца Михаила. Но старецъ Михаилъ, при всемъ высокомъ значеніи своей личности, принадлежитъ къ эпохѣ, помѣшавшейся на мысли (на которой помѣшанъ былъ Шиллеръ), что цѣль оправдываетъ всѣ средства,—мы же якшались со всей этой гадостью отчасти изъ пьяной распущенности, отчасти изъ молодости, и симъ скудельнымъ кумирамъ приносили въ жертву свое демократичеекое чувство. Наилучшее было то, что, по натурѣ нашей, вездѣ, гдѣ мы являлись, мы болѣе или менѣе заводили кабаки и погребки. Это я говорю вовсе не шутя—хотя, сознательно и смѣло, способны всюду проповѣдывать прелесть кабацкой простоты только я и Писемскій, который практически подвизается въ сей проповѣди въ кружкахъ Петербургскихъ литераторовъ... Кабацкое и погребное въ насъ это—Вакханаліи новаго, идущаго Бога, вакханаліи страшныя и трагическія для тѣхъ, которые въ нихъ завертѣлись: вскипѣвшая

пѣна того, что варится удобно и спокойно въ Иванѣ Шанинѣ или въ моемъ пріятелѣ Васильѣ Лёвинѣ.

Что такое это юмористическое отношеніе къ пьянству, безобразію и проч.?.. Эти нѣжныя, шутливыя отношенія къ косой барынѣ, эти «служи!» обращаемыя къ рюмкѣ, эти искренніе восторги отъ крестообразнаго положенія, до котораго закруживаетъ Иванъ Ивановичъ иногородныхъ?.. Что это? насмѣшка надо всѣмъ этимъ, т. е. отношеніе къ старому Богу, или вакханаліи новаго?.. Ужъ, конечно, послѣднее... Тутъ есть скрытая насмѣшка, да надъ чѣмъ?—надо всѣмъ, что этой пѣнѣ простоты противорѣчитъ... Это все лихорадка смутной, но всю натуру нашу проникающей вѣры... Слѣдуетъ ли изъ этого, что надобно пить и безобразничать? Никакъ не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые способны сознать законъ этого, ибо сознать—значитъ *вы дѣлиться* изъ смутнаго единства съ извѣстнымъ міромъ, значитъ уже обратить его въ нѣчто прошедшее, т. е. уже найдти своего Бога, очищеннаго, *идеальнаго*, свѣтоноснаго, но все таки этотъ, а не другой какой міръ создавшаго и потому Бога живаго.

Ты скажешь, что идеи Шеллинга мною юродственно обращаются на безобразіе. Я въ Шеллингѣ все меньше и меньше нахожу новаго, но понимаю только яснѣе, почему покойникъ Кирѣевскій, видя въ немъ явленіе тысячелѣтій, какъ Платонъ, тѣмъ не менѣе придавалъ ему только отрицательное значеніе. Отношеніе мысли Кирѣевскаго, впрочемъ весьма почтенной, къ живой мысли Шеллинга точно такое же, какъ отношеніе славянофильскаго чувства къ нашему живому чувству.

Они не вѣрятъ въ *искусство*, т. е. что это значитъ? Они думаютъ, что жизнь должна идти по теоріи, ибо, какъ только невѣріе въ искусство, такъ вѣра въ теорію.

Они не вѣрятъ въ *настоящее* жизни, т. е. любятъ не народъ, по законамъ бытія своего развившійся,—и естественно развившійся такъ въ *свободныхъ* классахъ,—а въ народъ, который еще можетъ пойдти по теоріи.

Они не вѣрятъ въ силу, т. е. въ *двойственность* (Илья Муромецъ и ёрники: Алеша Поповичъ, Чурила Пленковичъ), а вѣрятъ въ искусственное *единство*...

Твой *А. Григорьевъ.*

74. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

1857. Дек. 13. (Дек. 25). Città dei Fiori—сирѣчь Флоренція.

Теперь два часа ночи—католической ночи на Р. Х., той ночи, которая въ католическихъ земляхъ играетъ роль нашей ночи на Свѣтлое Воскресенье, ибо тутъ у нихъ ночное Богослуженіе. Я сейчасъ только пришелъ изъ Duomo—значитъ, пишу о томъ, что наиболѣе меня занимало въ настоящую минуту.

Начну по обычаю околицей.

Два сорта богопротивной глупости встрѣчаются въ русскихъ путешественникахъ. Первый сортъ—«благоговѣніе» передъ волосами Лукреціи Борджіа или восторги отъ того, что правитель Флоренціи называется Gon-Faloniere, второй—приравненіе нашихъ Казанскихъ соборовъ къ великимъ отсадкамъ человѣческаго генія и исполинской мощи въ памятникахъ Запада. Не шутя. Разъ гуляли мы съ весьма умнымъ господиномъ, сенаторомъ Войцеховичемъ, въ садахъ Боболи. И онъ, и я какъ то были настроены ругать заграничную жизнь и поѣздки за границу. Вдругъ попадается намъ халуй—соотечественникъ, нѣкто г. Васильчиковъ. Желая должно быть попасть въ нашъ тонъ, изъ уваженія къ сенаторству Войцеховича и къ моему литераторству, онъ сгоряча то и хвать . . . . по лбу. «Что дескать ѣздить за границу? У насъ «Никола Морской» въ Петербургѣ ничуть не хуже Миланскаго собора».—Такъ мы съ Войцеховичемъ и сгорѣли. Экъ его! нѣтъ, значитъ рано еще желать, чтобы мы русскіе перестали ѣздить за границу—собачій хвостъ еще очень виденъ! И вывезъ то вѣдь что! . . . .

Это—маленькое предисловіе.

Представь ты себѣ громаднаго звѣря, въ который влѣзутъ 2 нашихъ Успенскихъ собора + Благовѣщенскій + Архангельскій и въ которомъ помѣстится Иванъ Великій такъ, что еще для Спасо-Наливкинской колокольни мѣсто останется. Подлѣ этого звѣря, красиво покрытаго снаружи мраморною инкрустаціею, а внутри строгаго и даже голаго-мраморнаго, стоитъ еще прелестнѣйшая, изящнѣйшая, легчайшая и громаднѣйшая колокольня, вся—инкрустація, какъ старая итальянская мебель!.. А вѣдь это еще Ломбардская архитектура—рѣзкая, голая, математическая, по идеѣ изящество только инкрустаціонное, по образу выраженія это еще не воздушная сквозная поэзія Вѣнскаго Стефана, не растительная роскошь Миланскаго собора=сада, не то великое и захватывающее духъ, что

носится подъ стрѣлами Собора Пражскаго, но и въ Флорентинскомъ Duomo все таки дивитъ громадность, поражаетъ красота.

Заговорилъ ужъ, такъ не могу не высказаться. Несмотря на все это, Византійство (но не «Никола Морской») en germe несетъ въ себѣ концепціи болѣе великія, болѣе захватывающія духъ—и ничто не сравнится съ внутренностью Архангельскаго собора, взятой какъ ébauche, выполненная покамѣстъ кирпичикомъ вмѣсто мрамора, вохрой вмѣсто краски, съ трапезною церковью Сергіевской Лавры, съ галлерейкою Спаса на Новомъ (можешь себѣ представить, что я пишу эти святыя и милыя имена, а слезы такъ и льются! Вотъ что значитъ, любезнѣйшій, быть на чужой сторонѣ!); и это я говорю теперь сознательно, а не потому только, что русское начало, хоть и романтическое, у меня и въ мозгу, и въ крови.

Но все таки не въ томъ дѣло... Дѣло въ томъ, что я пошелъ къ ночной обѣднѣ Католиковъ, къ тому, что у нихъ соотвѣтствуетъ нашей Великой Заутренѣ... Наканунѣ праздника—ни слѣда того, что называется ожиданіемъ праздника, той благоговѣйной тишины, которая смѣняетъ въ Москвѣ суетню и толкотню хлопотъ, хозяйственныхъ закупокъ и проч. къ вечеру. Напротивъ, тутъ то ихъ и прорываетъ: продавцы орутъ, какъ будто желая запугать тебя, всей страшной силой итальянскаго горла, мальчишки поютъ и свистятъ польки, базаръ ночью на всякой улицѣ.

Я пошелъ къ моимъ добрымъ пріятельницамъ Мельниковымъ (славная семья, хоть и Петербургскіе) тащить ихъ въ Duomo. Куда? Меня же онѣ утащили въ модную церковь, Сантиссиму Аннунціату—тамъ де музыка и пѣвчіе... Покамѣстъ поорали нѣсколько цыганскихъ пѣсенъ (намъ то ничего, но докторъ, который взялся вести насъ въ церковь и очень ревностный католикъ, принималъ въ нашемъ пѣніи большой интересъ!!!) Пошли. Въ Аннунціатѣ все какъ слѣдуетъ: толпа народа, разгуливающаго какъ въ залѣ собранія, органъ валяетъ финалы изъ оперъ Верди, солисты откалываютъ божественные гимны на голосъ «Frapon a me rico vero». Какъ опера, это довольно плохо, ибо у насъ во Флоренціи (chez nous à Paris) есть на это театры Пергола и Пальяно, гораздо лучше какъ Богослуженіе... не люблю я какъ то двухъ дѣлъ въ одномъ: . . . . . молишься такъ молись!.. Утащилъ я оттуда моихъ барынь. Пошли въ Duomo.

Было что-то такое страшное и величавое въ запустѣніи и отсутствіи свѣта (тьмой нельзя этого назвать, ибо бѣлыя мраморныя

стѣны), въ немногихъ лампадахъ, въ немногихъ посѣтителяхъ внутри колосса, что я долго сидѣлъ, погруженный въ цѣлый огромный міръ... Съ удивительною ясностью представлялось мнѣ время лѣтъ за 300 назадъ, когда спиртъ еще не испарился изъ католицизма, несмотря на глубокій развратъ монаховъ и Медичисовъ... Да, а теперь—ты покинутъ, бѣдный колоссальный старикъ, покинутъ своими дѣтьми, побѣжавшими слушать плохую оперу въ кокетливой Аннунціатѣ... Да!.. страшно мелочно здѣсь настоящее передъ прошедшимъ—во всемъ, повсюду...

Но не подѣломъ ли ты покинутъ, старикъ?.. Не лежали ли въ тебѣ en germe и въ эпоху твоего цвѣта и силы всѣ твои теперешнія язвы?.. А! вотъ кстати и твой хвостикъ: направо запертые въ огромномъ стеклянномъ шкафѣ (Придѣлъ совершенно какъ шкафъ) каноники ревутъ голосами разными что-то, чего никто не слышитъ, чего они сами не понимаютъ. Не ты ли возжигалъ костры, когда человѣческій разумъ требовалъ у тебя отчета? Подѣломъ!..

Все это—мертвыя формы и ёрничество. Новое начало идетъ. Оно соблюдалось покамѣстъ въ смиреніи православіемъ. Широко развернется оно и своими догматами, и своими расколами. Добросовѣстно я и тѣмъ и другимъ сочувствую и не пугаюсь уже своего сочувствія къ Архіерею Андрюшкѣ въ разсказѣ Салтыкова. Я не знаю, какой цвѣтъ и какой плодъ дастъ это новое, которое во мнѣ, какъ и во всей великой и богоспасаемой Россіи, растетъ, но только у насъ еще жизнь живетъ, и растетъ все, отъ вѣрованія до народной пѣсни. Отъ того-то «Съ нами Богъ—разумѣйте языцы и покоряйтеся», ибо Онъ «нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ».

Сжать живую силу въ опредѣленія, хоть и цѣльныя, какъ все синтетическое, но явно допотопныя, это такъ же преступно передъ совѣстью, какъ и насильно натягивать на себя чужія опредѣленія, благо они хорошо выработались... Мало ли что было хорошо?.. Будетъ еще лучше, только незачѣмъ говорить, что оно уже есть, ибо именно въ такомъ то случаѣ оно и не будетъ. Есть «море великое и пространное», но и «гадовъ въ немъ нѣсть числа». Относиться къ гадамъ съ мѣщанскимъ добродушіемъ еще успѣютъ наши потомки.

Вѣроятно, по свойственной тебѣ проницательности схватывая нить моихъ рапсодій, ты не заподозришь меня въ излишнемъ сочувствіи къ «судебной литературѣ», господствующей у насъ теперь, и къ развитію quand même, хоть съ «Миной Ивановной» (NB. Гос-

поди! До чего мы дошли?—порядочныя чистыя женщины, не только Петербургскія, не стыдятся произносить это постыдное имя). Опять надѣюсь и въ пуританизмѣ ты меня не обвинишь, но вотъ тутъ то и центръ теперь для меня въ моемъ созерцаніи, что «Дуня» Беневоленскаго для меня положительно святая женщина, а Мина Ивановна противна столько же, сколько поборникъ развитія и..... ея Ванька Панаевъ, что я знаю теперь внутренно, почему готовъ поклониться въ ноги отцу Парѳенію и не могу безъ жолчи слышать имя Андрюшки Муравьева...

Глубоко, душевно, искренно благодарю тебя и Островскаго и Потѣхина за 23 ноября. Я этотъ день провелъ въ хандрищѣ необузданной и отдавался ей съ какою то сластію. Двѣ годовщины этого дня меня терзали—одна, когда читалась «Бѣдность не порокъ» и ты блевалъ на верху, другая, когда читалось «Не такъ живи какъ хочется» и ты блевалъ въ низу въ кабинетѣ... Эхъ!.. много воды уплыло и жизнь подчасъ такая тяжелая и безотрадная ноша, что сбросилъ бы съ большимъ чувствомъ.

Въ дѣятельность нашу въ «Библіотекѣ» я все не вѣрю и, должно быть, правъ какъ всегда въ моихъ предчувствіяхъ... Въ Петербургѣ они всѣ приняли съ нами надувательную систему, это—фактъ, подтверждавшійся для меня и имѣющій еще подтвердиться рядомъ многихъ фактовъ.

Какъ же я тебя матерно обругаю, если ты кадишь въ своей статьѣ судебной литературѣ и хоть частичку художника видишь въ Салтыковѣ... И обругаю основательно: потому, это значитъ пакоститься... Напиши, что̀ за драму навалялъ Потѣхинъ, хоть я, признаться, очень мало его драмамъ сочувствую, и онъ существуетъ для того только, чтобы показать, какъ неблагопристойно утрировать то, что въ мѣру берется геніальнымъ чутьемъ Сашечки...

1858 г.

75. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

1858 г., Янв. 3 (15). [Италія].

Ну, наконецъ-то! О, коварный другъ, какъ много злобы, желчи прибавляли Вы своимъ методически-упорнымъ молчаніемъ къ запасу сихъ качествъ, и такъ уже во мнѣ сдишкомъ достаточному. Только что-же это за reticences? Влюблены вы что-ли, или полувлюблены—все жъ надобно было сказать! Кому жъ вамъ это сказать, какъ не

мнѣ? Кто же лучше въ васъ это пойметъ и оцѣнитъ, и, извините за дерзость, кто жъ лучше укажетъ всему этому мѣсто по достоинству въ Вашей душѣ?..... Кому жъ это наконецъ будетъ такъ истинно интересно, какъ мнѣ?..... Что за гнусное безобразіе умолчаній, намековъ за нѣсколько тысячъ верстъ, а главное, какая свирѣпая, звѣрообразная жестокость не писать потому, что не можете себѣ въ чемъ-то отдать отчета. Чортъ знаетъ, что это такое! Только женщины способны къ такой белибердѣ..... Да если бы вы хоть въ старца влюбились, такъ и для подобной нелѣпости нашлось бы у меня пониманія. Я Васъ такъ много, такъ просто люблю..... такъ, если хотите, страстно, ибо и дружба въ отношеніяхъ съ женщинами принимаетъ всегда страстный характеръ..... Чего и чего я не передумалъ вслѣдствіе вашего молчанія, какихъ подлыхъ аналитическихъ соображеній не приходило мнѣ въ голову?.... Злобное, но милое твореніе, вѣдь изъ тона писемъ вы должны были понимать, что я хандрю, злобствую, боленъ душевно постоянно. Экой противный женскій эгоизмъ—кокетство не показаться въ моральномъ дезабилье.....

Ну съ!—съ чего начать прикажете?.. Начну съ того, что теперь два часа ночи (сплю я отвратительно), что во мнѣ какая-то лихорадка хандры, что за то, что бы проснуться завтра съ мыслію, что вы у насъ (какъ бывало), я отдалъ бы $^2/_3$ остальной жизни. Глупо съ? не правда-ли? А это такъ! Вы для меня послѣдняя свѣтлая улыбка жизни (ибо улыбка и грамматически непремѣнно женскаго рода) . . . . . .
что въ послѣднія времена нашихъ отношеній я говорилъ съ вами такъ, какъ ни съ однимъ изъ друзей не говорилъ, давалъ вамъ заглядывать въ такія abymes моего бытія, отъ которыхъ вы отворачивались съ лихорадочнымъ ужасомъ... Что же мудренаго, что измученный, истерзанный и работою собственной мысли, и пошлостію всего меня окружающаго, и воспоминаніями, я зову васъ, какъ сестру, какъ Ангела, какъ друга.....

Все такъ неумолимо-окончательно порѣшилось для меня въ душевныхъ вопросахъ, такъ послѣдовательно обнажилось до желтыхъ и сухихъ костей скелета, такъ суровы стали мои вѣрованія, такъ безповоротны и такъ безнадежны всѣ ненависти, что дышать тяжело, какъ въ разрѣженномъ и рѣзкомъ воздухѣ горъ.

Долго надобно было бы толковать о томъ, почему безнадежность обуяла меня во время, исполненное повидимому великихъ

надеждъ... Дѣло-то въ томъ, что для меня эти надежды—издали еще болѣе чѣмъ вблизи—пахнутъ сѣрою подземной волканической лавы и есть что-то страшно зловѣщее въ ихъ блескѣ!

Прибавьте къ этому, что я живу въ странѣ, гдѣ страшный контрастъ между громадностію прожитой жизни и мелочностію настоящей (ибо это все муравьи, а не люди) еще болѣе раздражаетъ нервы... Въ этой заглохшей тинѣ подчасъ пробиваются отрыжки старыхъ волкановъ, то неистовыми порывами Верди, то... мало-ли чѣмъ... ну, хоть бычачьей грудью теноровъ и кузнечиковъ. И всѣ эти силы поражены параличемъ—поражены навѣки, ибо во время оно свое дѣло дѣлали... И когда знаешь, что все будущее, живое принадлежитъ намъ, но нашему типу, а не личностямъ,—личности наши никуда, никуда не годны,—что самыя лучшія не тѣ, которыя что-либо дѣлаютъ, а которыя спиваются, странничаютъ (какъ М.....) и проч.

Кстати о М..... О его страсти зналъ я прежде и не отъ него, конечно... Боюсь, не погубила-бы его задаромъ ваша К. Н... Вѣдь вы всѣ такая запуганная дрянь, что жертвы ни одна изъ васъ, изъ самыхъ лучшихъ, не принесетъ для человѣка.

О, милая моя Т....., узнаю ее, радуюсь, душевно радуюсь, что она послѣдовательно идетъ по дорогѣ безобразія! Всѣ вещи должны идти къ своему назначенію. Я хохоталъ какъ съумасшедшій,—я видѣлъ это все, видѣлъ эту обстановку, эту М.... и разныя неблаговидныя физіономіи, видѣлъ, какъ прельщенія устремляются на Ф..... и, въ случаѣ неуспѣха, tant bien que mal—бьютъ на другую цѣль... Все это я видѣлъ, всѣмъ этимъ наслаждался—всѣмъ, даже адскою, но комическою ироніею Вашего присутствія въ этомъ мерзостномъ Вавилонѣ, присутствіемъ человѣческой личности на этомъ шабашѣ вѣдьмъ, гдѣ

Шумятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ...

Не доставало только Мефистофеля за моимъ отсутствіемъ!....

Я радъ, что Вы сошлись съ Фетомъ. Онъ пишетъ: «Да ее (т. е. Васъ) и нельзя не любить». А Евгеній бываетъ у васъ?... [Что Вы не бывали у насъ, это нимало не удивительно...] A propos—въ припадкѣ хандры и неизбѣжнаго Донъ-кихотства—я написалъ два письма проповѣдей на Л... не думайте, чтобы моральныхъ, нѣтъ! чистаго анализа. Все еще мнѣ и это, совсѣмъ падшее въ дикое и

мелочное самолюбіе, созданіе хотѣлось бы обратить на путь правды и поднять до пониманія. Но это кажется тщетно.

До свиданія... Всѣмъ, всѣмъ Вашимъ поклонъ и привѣтъ издалека. А Вамъ—всѣ желанія, благословенія и привѣты во имя Бога правды, любви и свободы!

---

76. АѲАНАСІЮ АѲАНАСЬЕВИЧУ ФЕТЪ.

4 Января 1858 г. [Италія].

Другъ и братъ Аѳанасій! Благодарю тебя и за письма, и главное за ту привязанность, которая въ нихъ видна, хотя за этакія вещи не благодарятъ. Все, что ты говорилъ тутъ о служеніи черни и проч.—это дѣло, да только это все стрѣлы, летящія мимо. Объ этомъ или надобенъ толкъ долгій, или вовсе не нужно никакого до времени. Дѣло покамѣстъ не въ томъ,—дѣло въ томъ, что ты меня понимаешь и я тебя понимаю, и что ни годы, ни мыканье по разнымъ направленіямъ, ни жизнь, положительно-мечтательная у тебя, метеорски-мечтательная у меня, не истребили душевнаго единства между нами. Радъ твоей Манилов кѣ, радъ твоимъ стихамъ, которые прилетаютъ ко мнѣ—

Какъ май ароматный
Въ дыханьи весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны...

Какъ гласитъ цыганская пѣсня; и, пожалуйста, не вѣрь ты въ отношеніи къ своимъ стихамъ никому, кромѣ Боткина и меня, развѣ только подвергай ихъ иногда математическому анализу Эдельсона,—это для ихъ здраваго смысла, и кромѣ того, у него есть особенное ярк о е чутье, или чутье на ярк о е, но только на яркое, рѣдко на тонкое и музыкально-неуловимое. Вообще вѣрь только крит икамъ въ этомъ дѣлѣ, а не поэтамъ, т. е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причинѣ, что они всегда смотрятъ сквозь свою призму. Наилучшее доказательство—несчастное изданіе второе, Тургеневское. Толстой, вглядываясь въ его натуру сквозь его произведенія,—поставилъ себѣ задачею даже съ нѣкоторымъ насиліемъ гнать музыкально-неуловимое въ жизни, нравственномъ мірѣ, художествѣ. Въ этомъ пока его сила, въ этомъ его

и слабость. Островскій шире всѣхъ, конечно, но съ нимъ другая бѣда: онъ часто подкладываетъ свое и готовъ предобросовѣстно восторгаться шумихой Мея. Стихи свѣжи, благоуханны и, по моему, даже ясны.

Радъ за Ивана Петровича. Но не разучился бы онъ понимать Венгерку, которую такъ тяжело и хорошо понималъ онъ силою глубокаго и долгаго душевнаго страданія? А впрочемъ нѣтъ! Отъ долгаго горя есть всегда приличный осадокъ.

Слушай, братъ, у меня къ тебѣ опять просьба и большая. Къ ней неизбѣжны два предисловія.

1) Ты знаешь или видишь достаточно, что жизнь моя вся искалѣчена, запутана, перепутана во всякомъ отношеніи. Выйти изъ этой путаницы даже и надежды мало. Знаю, что по возвратѣ пущусь издавать журналъ напропалую, т. е. съ глубокою вѣрою въ истинность своего литературнаго взгляда, съ глубочайшимъ невѣріемъ въ успѣхъ журнала. При этой адской запутанности дѣлъ, у меня отецъ, къ которому я страстно привязался въ послѣднія времена, и семья... ну, что тутъ разсказывать—самъ знаешь и видишь. «Quisque fortunae suae faber»—и я смиренно склоняю голову подъ топоръ судьбы, не отдавая ей впрочемъ ничего изъ своего завѣтнаго. Отправляясь, я обрѣзалъ себѣ расходы, здѣсь обрѣзалъ себя еще больше, до nec plus ultra, чтобы имъ доставалось по крайности столько, сколько бы доставалось въ моемъ присутствіи. Я оставилъ себѣ пять червонцевъ въ мѣсяцъ, и мнѣ положительно не на что ни одѣваться, ни учиться.

2) Въ это время написано мною много: кончена часть вещи «Къ друзьямъ издалека» и часть, носящая названіе «Море». Тутъ весь я, всѣ мои вопросы—философскіе, историческіе, литературные. Но прежде чѣмъ отдать эту дорогую мнѣ книгу Дружинину, хотѣлъ бы отдѣлать ее до точности, до ясности, до извѣстной степени художества. Спаси меня теперь, или лучше спаси мою книгу и дай ей сказаться, какъ ей надо сказаться. Мнѣ на все это время, т. е. до іюня—на платье, ученье, галлереи и Парижъ—нужно восемьдесятъ червонцевъ. Прошу тебя именемъ нашей, ничѣмъ нерушимой дружбы выслать мнѣ эту сумму черезъ здѣшнихъ банкировъ, на имя какого либо Флорентійскаго, и главное сохранить глубочайшую тайну. Я самъ обязуюсь въ іюнѣ предоставить въ твое полное распоряженіе отдѣланную книгу (въ ней листовъ 10 печатныхъ), а въ случаѣ смерти—оставить записку, въ которой бумаги должны

быть предоставлены въ твое распоряженіе... Милый мой, ты знаешь,— я не подлецъ и когда что сказалъ кому либо изъ своихъ кровныхъ, то это будетъ такъ. Во всякомъ случаѣ: 1) объ этомъ ни слова ни патеру, никому вообще; 2) присылай денегъ тотчасъ же по полученіи сего посланія, или тотчасъ же отвѣчай отрицательно, ибо тогда я отправлю свое чадо въ его грубомъ и необдѣланномъ видѣ къ Дружинину. Главное, пришли денегъ или отвѣчай отрицательно безъ проповѣдей, въ возможной скорости.

Сей неблаговидный наскокъ на твою дружбу дѣлается по двумъ причинамъ: 1) потому что я въ тебя вѣрю и 2) потому что хлѣбъ у меня есть, но я продаю его, что говорится, на корню.

Засимъ будь здравъ, кланяйся женѣ, сестрѣ и ея мужу, и пиши хорошіе стихи, чѣмъ много доставишь мнѣ удовольствія.

Ап. Григорьевъ.

---

77. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ

1858 г., Янв. 6. Сіенна.

Хандра загрызла меня до того, что стало наконецъ просто не въ терпёжъ. Вотъ я воспользовался тремя праздничными днями и уѣхалъ въ Сіенну, испытать хандру уединенную, подъ новымъ, болѣе пикантнымъ соусомъ. Вотъ я провелъ день въ Сіеннѣ, осмотрѣлъ множество замѣчательныхъ памятниковъ, прослѣдилъ всю исторію Сіеннской школы живописи на картинахъ собора, Церквей, Академіи degli Belle Arte—все это со смысломъ, съ интересомъ и все таки кончаю день мыслію, что на мнѣ, должно быть, лежитъ печать каиновскаго проклятія..... Да, все это прекрасно..... но вѣдь есть же вечеръ, голыя, хоть мраморныя стѣны и память, память, работающая при видѣ таковыхъ стѣнъ съ злобою стараго прометеевскаго коршуна.

Не ужели же мнѣ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ успокоенія?.. А возможность его была..... Вотъ вѣдь почему, мой коварный и вмѣстѣ нѣжный другъ, я не могу разстаться съ неотвязнымъ образомъ, хоть Вы меня за это и браните. Это былъ мой искомый алгебраическій X,—моя Мадонна, Мадонна Мурилловской манеры. Мнѣ все въ ней было мило, отъ ея глубины и простоты пониманія до ея апатичности и холодности..... Я вѣдь не говорю, что она совершенство, а говорю только, что она была создана совсѣмъ по мнѣ, равно какъ и я созданъ былъ совсѣмъ по ней. Безъ меня—

она должна со временемъ обратиться или въ закись ея покойнаго отца или въ raideur maniaque ея матери. Къ тому и другому есть въ ней равное количество данныхъ, какъ въ первоначальной мадоннѣ Сіеннской школы есть залоги и глупо-сонно-добродушной Мадонны Фра Беато Анджелико и къ деревянности мадоннъ позднѣйшихъ мастеровъ Сіенны. Можете однако представить себѣ господина, которому тридцать шестой годъ и который во все вноситъ свою дикую манію!.. Но, повѣрьте мнѣ, другъ мой, во всѣхъ глубокомысленнѣйшихъ вещахъ, которыя сказаны объ искусствѣ ли, о другомъ ли чемъ-либо, найдется всегда огромная доза сердца сказавшихъ—только они не обнажали его съ такою циническою откровенностію, какъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно) суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, вымучившіяся до формулъ и опредѣленій. Немногіе въ этомъ сознаются, ибо и немногіе имѣютъ счастіе или несчастіе раждать изъ себя собственныя, а не чужія мысли.

Надобно Вамъ сказать, что вотъ ужъ двѣ недѣли меня что-то внѣшнее тяготитъ и давитъ, какъ домовой давитъ. Я и физически даже боленъ и осунулся, такъ что вчера испугалъ своимъ взглядомъ мою милую и добрую младшую княжну. Много надобно, чтобы я о «княгинѣ» выразился «милая и добрая», да еще прибавилъ «моя». Она точно «моя», въ томъ же смыслѣ, какъ и Вы «моя», только съ другой стороны. У Васъ, кромѣ меня, есть еще много вліяющаго на васъ благотворно—искусство, мать и братъ, а главное—«артистическая натура» . . . . . .
Мы вотъ съ Вами можемъ и говорить по цѣлымъ часамъ и переписываться свободно. Ей, бѣдной, можно, по приличіямъ, говорить со мною только тогда, когда я имъ читаю..... Какое самолюбіе! подумаете вы при эпитетѣ «бѣдной». Да, любезный другъ мой, себѣ ли я тутъ придаю значеніе, подумайте хорошенько! Нѣтъ; а тому, чего я мученикъ и рабъ, что я выстрадалъ и родилъ, тому, что во мнѣ Божья сила, а не чѣловѣческая личность... Мои рѣзкія требованія правды и идеала отъ жизни,—столь мучительныя для меня, столь часто непереносныя,—таковы только для меня; а на другихъ они дѣйствуютъ какъ толчокъ къ развитію. Сжигая меня, они только грѣютъ тѣхъ, для кого они по натурѣ ихъ нужны.

Таково было пока значеніе мое,—и въ жизни и въ литературѣ,—да, должно быть, другого и не будетъ.

А усталъ я, усталъ страшно и, смиряясь подъ крѣпкую руку Божію, все-таки хотѣлъ бы успокоиться въ жизни или въ смерти—это все равно! Помолитесь когда-нибудь за усталаго странника, мой добрый Ангелъ! Молитвы такихъ душъ, какъ Ваша, доходятъ къ Богу. До свиданья!

Попробовалъ было спать. Не спится и на новомъ мѣстѣ, какъ на старомъ. И потомъ мнѣ хочется говорить съ вами и только съ вами. Вы умны, какъ Евгеній,—но вы нѣжны, какъ женщина.

Вы не знаете, что̀ есть мучительнаго въ чужой сторонѣ, въ одинокомъ, совсѣмъ пустынномъ отелѣ, въ пѣсняхъ чужого народа, раздающихся подъ окнами. Тутъ дойдетъ до такого Донкихотскаго состоянія, что съ рыданіями говоришь безобразія въ родѣ:

Да! ты умрешь, и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... года пройдутъ...
Умру и буду все одинъ... ужасно!

А она точно умерла, умерла та Нина, которая—разбитая и едва себя удерживающая—сидѣла, помните? въ углу у фортепьяно, когда говорились стихи Кольцова, или о ж е с т о ч е н н о звенѣла венгерка, эта метеорская, кабацкая поэма звуковъ безвыходнаго страданія..... Эхъ!

На горѣ ли ольха,
Подъ горою вишня...
Любилъ баринъ цыганочку,
Она замужъ вышла!..

Когда вы прочтете это, подойдите къ фортепьяно и возьмите завѣтные аккорды..... Я ихъ услышу изъ моего холоднаго, м о р о з н а г о далека. NB. Морозъ здѣсь очень сильный, и дураки—не топятъ!

М е р з а в ц ы (Островскій и Евгеній) не пишутъ ни строки по свойственному имъ безпутству и грубому..... эгоизму. Воображаю, какую жизнь ведутъ они ..... Даже Ванька Ш[аповаловъ] не пишетъ. Должно быть ..... А вѣдь это (два первые)—лучшіе изъ лучшихъ,—ибо Ф[етъ], какъ ни даровитъ, какъ ни уменъ и тонокъ, но онъ узокъ въ сравненіи съ нами. Опять гордость, скажете вы. Основательная, другъ мой! Лучше насъ не найдете, но горе то, что и мы-то никуда не годимся.

А здѣсь-то что за народъ, кабы вы посмотрѣли. Мелочность, сухія теоріи вмѣсто людей, хоть нѣкоторыя связи сближаютъ меня съ лучшими.

Максимъ, должно быть, совсѣмъ съ ума сошелъ—ѣдетъ за границу. Нѣтъ, видно этого звѣря ничто не уйметъ, а вѣдь далъ мнѣ слово сидѣть у моря. Вотъ тутъ и возись, и возись-то самъ больной и разбитый!

Завтра уѣзжаю во Флоренцію. Тоска все та же и одному въ Сіеннѣ. А завтра день весьма курьезный. [Воспитанникъ мой—именинникъ] ..... О, Донъ Кихотъ Ламанчскій, о, мой благородный прадѣдъ! Ты долженъ радоваться душевно всѣмъ безобразіямъ своего потомка.

До свиданья!

Все-таки не спится, хоть два часа. Письмо выходитъ нѣчто въ родѣ дневника или скорѣе часовика.

Говорите же наконецъ—влюблены вы или нѣтъ? Въ кого? Въ ..... что ли? Очень радъ, авось онъ не отыметъ у меня моего достоянія въ васъ.

А сказать ли Вамъ, отчего я никогда не хотѣлъ влюбиться въ васъ? Отъ того, что по деспотическимъ наклонностямъ я не могъ бы сносить въ Васъ привязанности къ чему либо на свѣтѣ (къ матери, брату, къ музыкѣ). Опять одна изъ причинъ, почему только одна женщина въ мірѣ была совсѣмъ по мнѣ. Въ тѣ дни она была бы вся моя, безъ привязанности къ чему-либо другому, но это было бы не рабство. Рабства я тоже не терплю и весьма цинически относился всегда къ своимъ рабамъ. Одну ее только я бы не могъ ревновать ни къ кому и ни къ чему. Я бы бешено отдался весь ей. Такое это страстное и вмѣстѣ холодно-владѣющее собой существо.

Но слушайте! Я помню, вы относились къ ней иногда тоже съ какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, а она этого не понимала. Было время, что она серьозно сердилась на васъ; ей почему-то вздумалось ревновать. Видѣли ли вы это?..... Такъ вотъ что я скажу вамъ: моего теперешняго чувства къ Вамъ я бы не отдалъ никому, даже ей, ибо, еслибъ она не поняла его, значитъ и меня бы не поняла. Любя меня, надобно любить Островскаго, Васъ, Эдельсона, Фета, Садовскаго (это—pour le moins) такъ, какъ я все это люблю,

т. е. такъ, что не знаю, кого иногда поставить на первомъ мѣстѣ въ душѣ, особенно изъ трехъ первыхъ.

Скажи мнѣ просто: N,
Брось свѣтъ и т. д.
и страстное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль
. . . . . Саша! дай мнѣ книжку!

Янв. 7.

Письмо приняло рѣшительно видъ дневника,—ну, es sey! На то, что писалъ вчера ночью въ Сіеннѣ, не хочу и глядѣть, даже совѣстно этого безумнаго и больного бреда лихорадки. Если бъ я меньше въ Васъ вѣрилъ,—я бы его изорвалъ... Но была же это ночка хорошая! Вообще—горе тому, у кого память не коротка... и тому, кто во взглядѣ на долгъ жизни не сходится съ обыкновеннымъ пониманіемъ этого долга.

Радуюсь Вашимъ успѣхамъ, другъ мой, но не удивляюсь имъ. Вы у меня умная, добрая, даровитая,—вы умѣете любить звукъ для самого звука, а это не многія и не многіе даже умѣютъ. Въ этомъ Ваша эгида, ваше спасенье, ваше душевное a s y l e!.....

Боюсь сказать, что мнѣ какъ будто лучше; кажется, это лучше—только усталось отъ неистовствъ.

Италія—ядъ такой натурѣ, какъ моя: въ ней есть нѣчто наркотическое, страшно раздражительно дѣйствующее на нервы. Можете себѣ представить, что холодъ и морозъ, а выйдешь въ 11 часовъ на Lungo l'Arno—солнце жжетъ, и палитъ, и жаритъ. Эта же наркотическая, хоть благоухающая струя разлита въ созданіяхъ великаго искусства. Господи, какой это міръ, другъ мой,—міръ Рафаэля и Андрея дель-Сарто, міръ Фра-Бартоломео и Тиціана, міръ богоравнаго Мурильо и Павла Веронеза! Это все держитъ душу въ какомъ-то головокружительномъ состояніи.

Успѣлъ утромъ побывать въ П и т т и. Мурillова Мадонна здорова и приказала Вамъ кланяться, но смотрѣла какъ-то испуганно-болѣзнено, должно быть, она, какъ я же, провела безсонную ночь и, вѣроятно, ее безпокоила праздными и не совсѣмъ приличными рѣчами сосѣдка—жена Павла Веронеза, это безобразіе чувственной красоты или красоты безобразія, эта разтолстѣвшая, отъѣвшаяся ёрница съ зобомъ и двойнымъ подбородкомъ.....

Экій міръ—Господи Боже мой!... Тутъ чудеса Твои, о Создатель, на каждомъ шагу!.. Тутъ всякій типъ души получаетъ свой идеальный образъ. Знаете-ли, что типъ Вашъ и Вашей матери—въ Мадоннѣ Алессандра Боттичелли (я все это привезу). Да вѣдь совсѣмъ, понимаете-ли, совсѣмъ какъ есть. Экій міръ! Спросите Аѳанасія,—онъ тотчасъ же припомнитъ, а не то—его сестру.

Да, всякое стремленіе души воплотилось или воплотится на землѣ... ибо Онъ Самъ сказалъ: «Азъ же съ вами есмь до скончанія вѣка». Вѣрьте Ему!

Христосъ съ вами, мой благородный другъ!

---

78. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

1858 г. Янв. 9. Флоренція.

Съ подобными ерыгами, какъ ты, потеряешь всякое терпѣніе. Неужели такъ можно погрузиться въ улусы, чтобы никогда не почувствовать потребности поговорить съ человѣкомъ, съ которымъ говаривалось много горькаго и сладкаго...

Недавно я получилъ извѣстіе, что предвѣщаніе мое на счетъ системы ёрничества петербургскихъ журналовъ — сбылось. Статью тебѣ прислали назадъ. Удивительно не то, что ее прислали,—а удивительна твоя дѣтская вѣра въ Писемскаго. Изъ того, что человѣкъ высоко-даровитъ, еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ высокія убѣжденія. Когда этотъ искомый, но рѣдкій X соединяется въ одно, какъ въ Островскомъ, тогда уже выходитъ не талантъ, а геній, хоть, можетъ быть, и допотопной формаціи.

Но не въ томъ дѣло. Мы, значитъ, съ тобой опять одни и, съ нашими взглядами, не имѣемъ, «яко сынъ человѣческій», гдѣ главу преклонити. Это-то, мой любезнѣйшій, все сильнѣе и сильнѣе и убѣждаетъ меня въ томъ, что только мы правы.

Fatis volentibus—я, срамясь или не срамясь, долженъ по возвращеніи издавать переданный мнѣ «Москвитянинъ». Какъ я его буду издавать, я не знаю—но издавать буду. Мои планы въ отношеніи къ нему вотъ какіе.

1) Испросить позволенія переименовать его «Московскимъ Телеграфомъ». Покойникъ оставилъ по себѣ хорошую память.

2) Исключить всякую литературу, кромѣ переводной, и основать дѣло на чистой оппозиціи журналамъ-коттеріямъ литераторовъ.

Главная роль—критикѣ съ знаменемъ независимости, обусловленной (исключеніемъ) литературы.

3) Четыре книжки въ мѣсяцъ, въ маленькой, даже сѣренькой формѣ покойника «Телеграфа». Въ каждой—политика (Погодинъ—никогда Лешковъ) и критика, журналистика—полемическая до безпощадности и проч.

Иного средства—нѣтъ. Это можетъ, конечно, лопнуть, но можетъ и вывести. Благо статья ужъ тобой написана—такъ отдай мнѣ, на разживу, по старымъ цѣнамъ 25 р. съ листа. Что жъ ей пропадать-то? Хватимъ годикъ—а тамъ... Ну... что тутъ? Что будетъ, то и будетъ. Вѣдь передѣлывать свои взгляды по ихъ мѣркѣ ты вѣрно не намѣренъ? Что сказать тебѣ? Нынче я способенъ больше описывать, чѣмъ разсуждать.

Недавно ѣздилъ я въ городъ Сіенну, поглядѣлъ на тамошніе памятники и на картины Сіеннской школы живописи, этого перваго еще нерѣшительнаго уклоненія Романскаго начала отъ Византійскаго типа... но впрочемъ объ этомъ дѣлѣ я поклялся не говорить, пока самъ не уясню его себѣ до опредѣленій.

Жизнь моя протекаетъ въ урокахъ, картинахъ, театрахъ—и хандрищѣ противуестественной. Все, кромѣ картинъ и памятниковъ, стоитъ на столько ниже нашего уровня, что ты и представить себѣ не можешь.

Помнишь ли ты въ «Невскомъ Проспектѣ» выходку великаго ненавистника Великорусскаго начала и племени противъ разговоровъ о грошахъ нашихъ мужиковъ? А любезные Итальянцы его? я еще не слыхалъ на улицахъ другихъ разговоровъ какъ о сольди (1/2 коп.) и кваттрино (1/4 коп.). Мелочная, подлѣйшая расчетливость, мизернѣйшіе плотскіе интересы,—старые картинные жесты безъ стараго, отзвучавшаго смысла, комизмъ въ театрахъ грубый и пошло-глупый, безъ какого либо серьезнаго значенія!.. Но въ старыхъ памятникахъ продолжается какая то гальваническая жизнь—и вспыхиваетъ минутами въ заглохшей, но все таки волканической почвѣ то порывомъ Верди, то рѣзцомъ скульптора. Понимаешь ли ты, что именно въ этомъ обнажающемся часто контрастѣ есть нѣчто судорожное и лихорадочное. Стоятъ иногда морозы, а выйдешь на Lungo l'Arno—солнце печетъ и жаритъ... Морозамъ какъ-то не вѣрится, а солнцу вѣрится. Мудреная страна!

Въ галлереяхъ тоже печетъ солнце—то южной Слоновой (помнишь?) заходкой въ глазахъ Тиціановой Нимфы въ Вакханаліи,

за которой стоящій сатиръ кулакомъ стискиваетъ .... чтобы не убѣжалъ,—то лицомъ старика Сальваторъ Розы, на которомъ истинное бѣснованіе страстей.

На сценахъ, по старой памяти, ни одной оперы безъ заговоровъ, палачей, маскъ, звона гитаръ, «Veder-la è po morir» или «morir, morir per te», мрачные взгляды и страшнѣйшія вибраціи голосовъ на извѣстныхъ словахъ «Vendetttttt'a», «Curi patrrria» и проч., и проч.; въ жизни—подлость неописанная. Въ театры всѣ ходятъ не для театровъ, а для визитовъ въ ложи—и главное потому, что въ театрѣ свѣтло даромъ и тепло даромъ же.

Удобства жизни!... Да, для кого жизнь въ стаканѣ шоколада, чашкѣ кофе и проч. Это все дешево—да и скверно вдобавокъ. Трактиры и кафе прегрязные. Я, разумѣется, хожу въ самые грязные изъ грязныхъ, гдѣ народъ. Но всѣ и аристократическіе даже—просто капказы нашихъ трактировъ.

Опять повторяю: только и хорошаго, что церкви и галлереи, да старые жесты страстной итальянской натуры, потерявшіе всякое значеніе. Эти жесты окаменѣли давно. Можешь ты себѣ представить, иду я недавно на площадь del gran Duca—толпа народа. Проталкиваюсь. Вижу—телѣжка или бароча. На ней ораторствуетъ зубной докторъ. Тоже, буквально тоже, что Дулькамора въ «Elisir d'amore». Новаго ничего не даетъ жизнь—судороги, послѣднія, но дѣйствующія все таки сильно.

Думалъ было много интересу найдти въ чисто народныхъ театрахъ (NB. Объ этомъ поскладнѣе напишу на дняхъ къ Островскому). Точно, тутъ есть что то; но старые типы или маски Пульчинелло, Арлекина, Стентерелло суютъ въ французскіе водевили и драмы. Одно хорошо—тутъ и говоръ въ театрахъ и отсутствіе полиціи, къ общему удовольствію и спокойствію.

Скажу слова два о женщинахъ. Нѣтъ ничего прозаичнѣе итальянки: яркость и грубость чертъ, горловыя чувственно-страстныя ноты въ голосѣ, совсѣмъ мужескія, много бабьяго и ни на грошъ женскаго—узколобіе и тупоуміе, интересны quattrino и soldi, и во многихъ даровитость музыкальная и пластическая удивительная. Но опять и тутъ есть что-то, что къ нимъ тянетъ... что дѣйствуетъ раздражительно, какъ запахъ южныхъ растеній. Даровитость совершенно мужская, и тупость пониманія, разсудочность самая кухонная, и вмѣстѣ страстность—вотъ кажется тѣ, чисто сухіе элементы, изъ которыхъ сложена итальянка.

За симъ прощай. Пожми руку женѣ твоей и пади къ ногамъ (за меня) Катерины Ивановны. Всѣмъ нашимъ привѣтъ братскій и горячій.

---

79. АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ МАЙКОВУ.

Флоренція. 1858. Января, 9 (21).

Въ томъ-то напротивъ и штука, о мой милый поэтъ, что Пушкинъ не умретъ, а будетъ жить и развертываться все больше и больше. Пушкинъ—первое, но цѣлое очертаніе нашей типической физіономіи.

Вотъ тутъ то и ловлю я тебя. Ты или хочешь во что бы то ни стало видѣть стремленія Савонаролы въ нашихъ старцахъ или бросаешься въ другую крайность, въ Славянофильство «Маяка», и думаешь, что придетъ какая то особенная литература, которая съ Пушкинымъ не будетъ имѣть ничего общаго. А виною все что?— Живопись?—Ты вѣдь меня понимаешь, не смотря на мою отрывчатость?—столько мы съ тобой ужъ спѣлись, что можемъ говорить полутонами. Теперь тебѣ, внюхивающемуся въ старое, въ памятники, живописно кажется другое, чѣмъ прежде, и ты готовъ пожертвовать прежнимъ ради живописности новаго раскрывающагося. Но вѣдь всякая жизнь имѣетъ двойственный ликъ Януса (потому то она и жизнь). Ну, какъ въ самомъ старомъ-то обнажится и другая физіономія?..

Мысль объ уничтоженіи личности общностью въ нашей руской душѣ есть именно слабая сторона Славянофильства... Такъ кажется только сначала, и самъ Пушкинъ, притворявшійся иногда Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, понималъ этотъ процессъ... но куда же дѣлъ бы онъ тѣ силы, которыя примѣривались къ образамъ Алеко, Донъ Жуана и проч., и проч.? Это идетъ въ каждомъ изъ насъ и въ цѣлой нашей эпохѣ—процессъ Ивана Петровича Бѣлкина, смиряющаго, безличнаго начала, а лучше то, правильнѣе сказать, критикующаго начала, критикующаго разные мундиры, въ которыя личность облекалась. Мы лгали, когда облекались въ разныя хламиды, да лжемъ и теперь, когда признаемъ съ Толстымъ одинъ героизмъ капитана его (въ Кавказскихъ сценахъ) или, пожалуй, Лермонтовскаго Максима Максимыча. И первый лжетъ Толстой, лжетъ упорно добросовѣстно, пока не должется до бездны, до поворота. Потомъ лжетъ Писемскій съ своимъ продергиваніемъ, и лжетъ, язвя самаго себя, наконецъ тупо и рабски лжетъ Потѣхинъ въ

своихъ съ точки зрѣнія истиннаго искусства богомерзкихъ драмахъ. Не лжетъ одинъ Островскій, а даетъ, часто ex abrupto, на обумъ, то, что говоритъ кровь, ибо этотъ человѣкъ по натурѣ своей лгать не можетъ. Народное наше, типическое, не есть одно только старое, но и старое, и новое, ибо лучше та двойственность, которая всюду у насъ проглядываетъ въ старомъ и въ новомъ (князья дружинники и охранники и князья промышленники-вотчинники, святость Ильи Муромца и ёрничество Алеши Поповича, земледѣльческое населеніе и купеческое, покорность семейному началу въ одной пѣснѣ и загулъ въ отношеніи къ этому началу въ другой и проч., и проч., и проч.).

Это только намеки, но обо всемъ этомъ я написалъ уже вчернѣ книжицу, гдѣ безпощадно разоблачилъ всякую ложь и въ себѣ, и во всѣхъ васъ, друзья мои. Исходныя точки этой книжицы — море и Пушкинъ и конецъ ея въ нихъ же.

Злился я на тебя, читая конецъ твоего письма. Такъ и вижу, какъ ты опять лѣзешь въ вершу книжечки стихотвореній въ духѣ «Маяка». Какія надежды? Полумѣры, недобросовѣстность, вздоръ, мазанье по губамъ.

Не вѣрь, Христа ради, ни во что исходящее изъ Петербурга. Прогрессъ Петербургскій — фёльетонъ въ «Nord» о Петербургскихъ б....., что вотъ, дескать, и у насъ есть «Demimonde», да юридическая литература въ родѣ сочиненій г. Щедрина и комедіи г. Львова. И все это такая гадость, мой милый, что только иронически можетъ быть названо прогрессомъ...

Вѣрь только въ народъ, старый и новый вмѣстѣ. Онъ великъ и ему принадлежитъ все будущее міра, ибо, кромѣ его, ничего нѣтъ живого. Твоя Италія—заглохшая сопка, по старой привычкѣ выбрасывающая иногда то оперу Верди, то могучее сопрано, то талантъ живописца. Здѣсь хорошо только прошедшее, но хорошо до опьяненія. Въ настоящемъ же я не знаю, что могъ ты найти поэтическаго. Мизерія, мелочность, старыя фразы и жесты безъ стараго смысла: въ жизни пошлость, отсутствіе широты и поэзіи—невѣжество скотское.

Любезный другъ, это письмо все допотопное, но ты, пожалуйста, лови въ немъ не диноѳеріумовъ, а творящія силы. Допотопное же оно вышло только потому, что мнѣ хочется побольше набросать тебѣ изъ моего міра мысли.

Твое письмо еще болѣе утвердило меня въ мысли, что именно ты-то и принадлежишь къ числу личностей, не могущихъ жить безъ

абсолюта, т. е. безъ цѣлостнаго міросозерцанія, т. е. безъ вѣры. Ищи же абсолюта твердо, честно, не боясь страданій.

Въ абсолютѣ, т. е. въ вѣрѣ, есть дѣйствительно нѣчто таинственное, но оно иногда удивительно ясно. Только опять подъ видомъ вѣры, Бога ради, не увлекись православіемъ Андрюшки Муравьева. Это мерзость [несодѣянная]? равно какъ и народность «Маяка». Я не знаю, что для меня отвратительнѣе: петербургскій прогрессъ, разрѣшающійся фѣльетономъ въ «Nord» о б....., или дилеттантизмъ православія, или наконецъ циническій атеизмъ Герцена! Все это вещи равнаго нумера и достоинства, и «три сія» одинаково происходятъ отъ одной причины: отъ невѣрія въ жизнь, идеалы и искуство. Все это разрѣшается утилитарною утопіею плотскаго благополучія или душевнаго рабства и китайскимъ застоемъ подъ гнетомъ внѣшняго единства, за отсутствіемъ единства внутренняго, т. е. Христа, т. е. Идеала, т. е. Мѣры, Красоты, въ которой одной заключается истина и которой одной входитъ истина въ душу человѣка. Все великое вошло въ жизнь воплощеніемъ въ искуствѣ, наука была всегда дѣло черновое, разъясненіе искуства. Искуство — это второй міръ второго творца....

Велико значеніе искуства въ жизни, но никакого новаго искуства не будетъ. Оно вѣчное—какъ душа человѣка. Мечты о новомъ искуствѣ — судороги истощеннаго германо-романскаго міра въ его добросовѣстнѣйшихъ представителяхъ Зандѣ, Листѣ и т. п. Они не видятъ и не могутъ видѣть того, что жизнь истощилась, и новая начинается, новая, которая пойдетъ отъ толчка православія, второй оболочки Христова ученія, православія, которое носитъ en germe свой протестъ въ себѣ, ретроградный. Въ этой-то силѣ—новый міръ, и, стало быть, не новое искуство, а Гомеровское, Дантовское, Шекспировское искуство новаго міра. Задатки его—Рафаэлевскій контуръ безъ красокъ, Пушкинъ и Мицкевичъ — вода и огонь, море и горы новаго міра.... Все жгучее Еврейскихъ пророковъ въ пѣвцѣ Валленрода, все широкое, безграничное и вмѣстѣ женственно-ласкающее въ натурѣ Пушкина. Въ Пушкинѣ только мы въ нашу мѣру впервые любимъ, впервые вѣримъ, впервые сознаемъ себя: это море своимъ разливомъ опредѣляетъ границы нашей суши...

Но я усталъ... До новаго письменнаго, вѣроятно, скораго свиданія.

Твой *Ап. Григорьевъ.*

80. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

Флоренція 1858 г., января 26.

Скажите откровенно: надоѣлъ я Вамъ? Но если и такъ, то примите во вниманіе вотъ какое обстоятельство: мнѣ такъ необходима бесѣда съ женщиной, что когда, полгода не получая отъ Васъ ни строки, я было отчаялся въ Васъ, — я принялся писать безплодныя проповѣди къ.....

Вчера начался здѣсь карнавалъ... но для того, чтобы Вы поняли цвѣтъ и запахъ моего ощущенія, начну дѣло издалека....

Вы знаете отчасти мою домашнюю обстановку. Надобно Вамъ сказать, ... , я дошелъ до самаго милаго состоянія.

Въ этомъ то миломъ состояніи, поддерживаемомъ звуками гитары, мотивомъ венгерки и т. п.—вышелъ я вчера на первое Корсо... Разстройство нервъ дошло у меня до того, что я готовъ былъ плакать, что со мной бываетъ рѣдко. Когда на площади Санта Кроче показалось два три экипажа съ масками, да пробѣжали съ неистовымъ крикомъ толпа мальчишекъ за какимъ-то арлекиномъ, когда потомъ цѣлыя улицы даже покрылись масками и экипажами до самаго собора,—мнѣ все это показалось какъ-то мизернымъ и вовсе не поэтическимъ..... Не шутя! У меня рисовалась наша масляница,—нашъ добрый, умный и широкій народъ съ загулами, запоями, колоссальнымъ распутствомъ..... Въ памяти моей оживала зимняя вьюга, Новинское, остроуміе разговора фабричныхъ съ паяцами, самокаты, пѣсни моей родины, погребки, въ которыхъ мы съ .... проводили ночи, онъ въ пьянствѣ и развратѣ, я—въ пѣсняхъ и развратѣ, и я былъ правъ. Во всемъ этомъ ужасномъ безобразіи даровитаго и могучаго, свѣжаго племени гораздо больше живого и увлекающаго, чѣмъ въ послѣднихъ судорогахъ отжившей жизни. Мнѣ представлялись лѣтніе монастырскіе праздники моей великой, поэтической и вмѣстѣ простодушной Москвы, ея крестные ходы и проч.—все, чѣмъ такъ не многіе умѣютъ у насъ дорожить и что на самомъ дѣлѣ полно истинной, свѣжей поэзіи, чему, какъ Вы знаете, я отдавался всегда со всѣмъ увлеченіемъ моего мужицкаго сердца..... Все это вереницей пронеслось въ моей памяти: явственно вырисовывались то Новинское, то трактиръ, именуемый «Волчья Долина», у бѣднаго, стараго, ни за что ни про что разрушеннаго Каменнаго моста, гдѣ я, ***, ****—всѣ трое мертвецки пьяные, но чистые

сердцемъ, цаловались и пили съ фабричными, то Симоновская гора, усѣянная народомъ въ ясное безоблачное утро, и опять—братство внутреннее, душевное съ этимъ святымъ, благодушнымъ, поэтическимъ народомъ .... да! все это заслоняло своей свѣжестію всякую поддѣльную поэзію подогрѣтыхъ книгами впечатлѣній. Я углубился въ тѣ улицы, гдѣ никого не было, я долго ходилъ со своими съ сокровищами, съ своими милыми воспоминаніями...

Но завечерѣло. Я очутился на Арно—въ толпѣ, тѣснотѣ, давкѣ, пискѣ масокъ, пронзительномъ визжаньи итальянскаго горла.... Толпа понесла меня, закружила. Маскерадъ, какъ гремучій змѣй, захватилъ меня своимъ хоботомъ ..... и понесъ на Piazra di gran Duca по Via Calzaiola, по Via Ghibellina. Мгновенный переходъ въ пестрый фантасмагорическій сонъ совершился во мнѣ.... Горловые звуки женскихъ голосовъ съ этимъ страстнымъ, надоѣдающимъ, но иногда сильно дѣйствующимъ металлическимъ оттѣнкомъ, розовый, огнистый колоритъ вечерняго неба, полусвѣтъ, полутьма, маски—наслѣдство кровавыхъ и блестящихъ столѣтій, что то кружащее и что то волканическое.... Да! есть возможность жить чужою жизнью, жизнью народовъ и вѣковъ.... Голова у меня кружилась,—толпа носила меня,—сердце мое стучало.... Странное, сладкое и болѣзненно-ядовитое впечатлѣніе! Тутъ живешь не настоящимъ, которое мелко во Флоренціи, а прошедшимъ, отзывами старыхъ серенадъ и отблесками улыбокъ Мадоннъ Андреа дель Сарто, волканическими взрывами республиканскихъ заговоровъ и великолѣпіемъ Медичисовъ. Почва даетъ свой запахъ, старое доживаетъ въ новомъ и оно еще способно одурить голову, какъ запахъ тропическихъ растеній..... Страстные безумные поцѣлуи Ромео и Юліи звучатъ изъ загробнаго міра..... Жилы новаго напрягаются лихорадочно по старой памяти.....

За то, когда я воротился въ свою одинокую, холодную, мраморную комнату, когда я почувствовалъ свое ужасное одиночество,—я рыдалъ цѣлый часъ, какъ женщина, до истерики. Да, способность жить двойной жизнью достается тяжело, покупается минутами страданія тоже двойного.... ядовитаго, какъ аккорды Шопеновскаго похороннаго марша.

Вы удивляетесь вѣроятно, не встрѣчая..... посреди всей этой горяченной галиматьи? А половина-то рыданій на чью-же долю приходилась? Половина!.... ибо другая принадлежала и отцу, и Вамъ, и Островскому, и Евгенію, и Фету, и Ванькѣ, и всему, всему на великой, прекрасной родинѣ.....

Отъ В....., между прочимъ, получилъ я недавно письмо, гдѣ онъ совершенно логически доказываетъ необходимость с п и в а т ь с я!!! Письмо писано въ погребкѣ, въ миломъ погребкѣ друга нашего Михайлы Ефремыча (который тоже допился до бѣсовъ)—подъ звуки венгерки въ двѣ гитары... оно дышитъ этимъ мѣстомъ безпутства и поэзіи, монологовъ изъ Маскерада въ пьяномъ образѣ, завѣтными пѣснями: «Улетаетъ мой соколикъ», «Вспомни», «Дороженька», «Пряха»,—вдохновенными и могучими рѣчами Островскаго, остроумiемъ Евгенія, голосами Филиппова и Михайлы Ефремова, сурьезностію и остервененіемъ Садовскаго, тонкимъ умомъ Дмитрія Визара, м е т е о р с т в о м ъ покойника Дьякова..... всѣмъ, всѣмъ, что называется молодость, безпутство, любовь, безумiе, безобразiе, поэзія.... И увы! одинъ послѣдній титанъ В..... допиваетъ тамъ свою жизнь, медленно отравляя себя напитками, отъ которыхъ, какъ говаривалъ милый, добрый, остроумный, незабвенный Аркаша Эдельсонъ, человѣкъ «умереть не умретъ, но глазъ у него съ теченіемъ времени можетъ лопнуть»,—напитковъ, которыми онъ же совѣтовалъ Михайлу Ефремовичу отравлять турецкое войско (это было во время войны) и отъ которыхъ самъ пошелъ въ могилу,—бѣдное, благородное, неосторожное дитя!.... бѣдная жертва нашего кружка и круженія!....

Сколько мерзавцевъ живутъ же и здравствуютъ!.. а бѣдный нашъ Аркаша давно сгнилъ на Ваганьковѣ. Эхъ!

Опять тоска подступила... До свиданья, другъ мой, — единственная женщина, съ которой можно безъ раскаянія отдаваться всякому безобразію, которая все пойметъ и все оцѣнитъ!

---

81. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[26 января 1858 г. Флоренція].

Опять письмо Ваше оживило нѣсколько меня, начинавшаго было уже приходить въ отчаяніе отъ вашего молчанія..... За симъ перехожу a l'ordre.

1) Н и в а. Ради Бога не воображайте изъ Вашего далека, чтобы тутъ, на этой безплодной нивѣ, можно было дѣлать что-либо дѣйствительно путное. Все, что можно дѣлать, я дѣлалъ и дѣлаю, т. е. я отдалъ моему воспитаннику столько много времени, сколько не всякій отдастъ. Дѣлаетъ онъ что-нибудь только тогда, когда находится со мной..... Я пребываю твердъ въ тѣхъ намѣреніяхъ, о кото-

рыхъ имѣлъ честь писать Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, и которымъ, какъ благимъ и разумнымъ, Вы обѣщали содѣйствіе... Я еще годъ вынесу это чистилище, которое все-таки, по отношенію ко мнѣ, лучше моего собственнаго домашняго ада. Они мной довольны, да и забавно было бы, еслибъ были недовольны.

Единственная человѣческая натура это — княжна Настасья Юрьевна, тихая, но благородная, вѣрующая въ святое натура, которую Провидѣніе скоро приберетъ подальше и поближе къ себѣ. Друзья, находящіе всегда черты Мефистофеля и Сатира въ моей физіономіи, вѣроятно, подивились бы теперь особенному развитію этихъ чертъ, ибо истинно-злобный смѣхъ разбираетъ меня порою. А вотъ какая, дескать, новая нелѣпость выйдетъ изъ такой-то неизбѣжной коллекціи?.. Смѣхъ нелѣпый, но мало успокоительный! Теперь о себѣ. Вы иногда пророкъ. Совѣтуя мнѣ въ Италіи заниматься Искусствомъ, Вы только предугадывали мою чисто стихійную природу. Я отдался галлереямъ съ неистовствомъ и нанюхался теперь значительно. Все, что Вы говорили, исполнилось. Написавши книжку различныхъ философскихъ мечтаній о русскомъ началѣ и другую маленькую книжку лихорадочныхъ сонетовъ, я замолкъ, не пишу ни строки, все бѣгаю по галлереямъ и нюхаю. Тутъ иного и дѣлать впрочемъ нечего. Тутъ только старое хорошо. Жизнь впереди наша, наша, наша! Это все измѣнилось и измельчало. Нужна уже не ограниченность, чтобы чему-нибудь въ ихъ настоящемъ завидовать... Даже наша жирная, пьющая безъ просыпу и сопровождаемая загулами до зеленаго змія масляница носитъ въ себѣ больше, чѣмъ ихъ теперешній карнавалъ, сѣмянъ жизни, широты, братства!.. Чтобы такъ поэтизировать Италію и жизнь въ ней, въ ущербъ нашей, какъ это дѣлалъ покойникъ Гоголь, надобно имѣть эгоистическую и притомъ хохлатцкую душу... Дерзко! скажете Вы, и потомъ раскаетесь и скажете: «онъ правъ, только не надобно говорить ему этого». Такъ ли!

Что за статья въ «Молвѣ» о «Публикѣ и Народѣ»?.. Или къ нимъ относится извѣстная сказка:

Пошелъ же дурень,
Пошелъ же бабинъ
На Русь гуляти,
Себя казати,

со всѣми безобразіями дурня, который напѣвомъ «Со святыми упокой» привѣтствуетъ свадьбу и желаніемъ «жену пояти, дѣтей повывесть» встрѣчаетъ старца монаха...

...Еще вотъ что: правда ли, что Василій Лешковъ пишетъ противъ словеснаго судопроизводства?

О, Боже мой, кабы Вы знали, какъ я сердцемъ постоянно съ Вами и особенно теперь, когда три единственныя силы, въ которыя я безъ ограниченій вѣрю, т. е. Вы, Кокоревъ, Островскій, сблизились, по сообщеннымъ мнѣ извѣстіямъ.

Запрещеніе «Доходнаго мѣста», когда позволяются вещи Щедрина, комедія Львова и проч., доказываетъ для меня только силу истиннаго Искусства, смутно чуемую всякою, всякою грязью и подлостью. Да! «Доходное мѣсто», со всѣми своими огромными недостатками, все-таки дѣло живое, художественное, Божеское... и, по истинному, они его боятся. Но кто это они?.. Вотъ ужасный вопросъ!.....

Что такое мы, то (собирательно) это—мы, которымъ принадлежитъ будущее міра и которые не справятся съ какимъ-нибудь обѣдомъ безъ скандала... Я говорю это по поводу отсутствія «des Slaves», какъ называетъ «Нордъ», на извѣстномъ обѣдѣ. Что это такое?.. Были Вы, Кокоревъ, Островскій—стало быть, вопросъ объ обѣдѣ для меня ясенъ. Почему жъ они то не были? Если по пуританской гордости, то дѣло опять ясное, но грустное . . . . . .

Эдельсона прокатили въ «Библіотекѣ», какъ я радъ—Вы не повѣрите. Это отучитъ его вѣрить въ Петербургъ.

Если статья моя «О современной критикѣ» напечатана не въ январьской книжкѣ «Библіотеки» и если Вы ее пробѣжали, то сдѣлайте милость, скажите мнѣ о ней свое мнѣніе... Въ ней есть порокъ отвлеченной высоты поставленія вопросовъ, но есть и неотвлеченная сторона. Вообще, она—исповѣданіе, долго думанное и, кажется, ясное.

Но въ «Москвитянинѣ» не такія статьи надобны. Знаете ли, какъ мы начнемъ! Рядомъ «Литературныхъ Мечтаній», т. е. перевѣркою всей литературы, какъ нѣкогда Виссаріонъ въ блаженной памяти «Молвѣ» 1833 года. Да, съ памятью Виссаріона да съ его экстравагантностью нужно примириться...

А главное, чтобы Васъ я нашелъ здоровымъ, бодрымъ и веселымъ (непремѣнно веселымъ).

82. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[9 февраля 1858 г. Флоренція].

Можетъ быть, Вы посердились на меня, услыхавши, что я оставилъ домъ княгини и съѣхалъ отъ нихъ на квартиру (не прекращая, разумѣется, своихъ наставническихъ занятій); но я долженъ былъ это сдѣлать, по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ и по духовному происхожденію отъ общаго нашего отца, который «ниже у Господа Бога въ дуракахъ быть не хотѣлъ». Уживчивость моя простирается всегда только до первыхъ попытокъ на мою свободу, — единственное благо, которое у меня есть и котораго никто у меня отнять не можетъ. Княгиня изъявила неудовольствіе, что я не возвращаюсь домой въ 10 часовъ вечера. На первый разъ, я, по своему обычаю, отшутился, но между прочимъ сказалъ моему воспитаннику, что если еще разъ услышу что-либо подобное, то, какъ не заключившій контракта на свою жизнь и свободу, съѣду... И съѣхалъ на другой же день, не имѣя, по прекрасному обычаю своему, ни гроша въ карманѣ и не смотря на засылы и просьбы. Такъ было надобно сдѣлать... Слуги княгини провожали меня чуть что не со слезами, оказывали всевозможныя услуги... Но мы остались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; разница вся только въ томъ, что я мерзну на своей холодной квартирѣ, но это, въ сущности, пустяки... За то мой воспитанникъ меня начинаетъ радовать. Сегодня онъ подалъ мнѣ такое сочиненіе, что я въ невольномъ порывѣ радости перекрестилъ и поцѣловалъ его. Благородное убѣжденіе и святое чувство свободы проникло таки наконецъ въ эту критическую натуру. Москва, Университетъ и общество порядочныхъ людей, авось, окончательно сформируютъ человѣка изъ этого умнаго, вполнѣ даровитаго, но мальчика-флорентійца. Да, теперь только я понимаю, что Вы мнѣ поручили благородную и святую задачу, и готовъ бранить себя за то, что впадалъ въ хандру и уныніе и называлъ себя иногда, какъ Тургеневскій Рудинъ, «проживальщикомъ послѣднихъ упражненій умственныхъ способностей».

Недавно честный, но крайне невѣжественный и ограниченный пріятель мой, мистеръ Бэль, въ досадѣ на то, что молодого князька возили на балъ къ князю Понятовскому, ходилъ передо мною въ трагическомъ бѣсованіи по комнатѣ и восклицалъ съ пѣной у рта: Huit ans de nos efforts sont perdus! а я думалъ: хороши были твои efforts, любезный мой, когда они могутъ потерятья и когда они въ воспитанникѣ произвели только чувство отвращенія къ тебѣ.

Вообще, сколько, воспитывая, я передумалъ въ это время о воспитаніи!.. Нѣтъ, да не манитъ никто человѣческую душу къ правдѣ прикормкою, какъ рыбу, или сластями, какъ обжорливое дитя. Маните къ ней на лезвіе меча. Долго будетъ душа противиться, но если ужъ наконецъ пойдетъ на это, на голую, прямую, честную правду жизни, то значитъ—это человѣческая душа!

Видите, избранный мною старецъ и отецъ духовный, что я остаюсь все тѣмъ же неизлечимымъ идеалистомъ, даже закаляюсь въ идеализмѣ, и браните меня, *если можете*.

Изъ дому моего—вѣсти мнѣ все нехорошія, но въ этомъ дѣлѣ я хуже всякой бабы, и—да проститъ меня Господь!—никогда не буду въ состояніи поступить круто.

Изъ Русскихъ здѣсь пріѣхалъ еще Н. А. Жеребцовъ. Онъ хочетъ печатать книгу о Россіи и, съ свойственною ему volubilité de parler, успѣлъ пересказать мнѣ въ два вечера ея содержаніе. Собственно, этотъ господинъ — мельница, перемалывающая чужую муку; но я все не могу рѣшить себѣ вопроса, вредны или полезны эти мельницы. Задача книги весьма печальная: доказать, что у насъ все было, есть и будетъ лучше, чѣмъ на западѣ. Я называю такую задачу печальною, потому что, право, мнѣ теперь равно противны восторги отъ волосъ Лукреціи Борджія и восторгъ отъ того, что мы тридцать лѣтъ сидѣли сиднемъ... Вы, Кокоревъ, Островскій — старая и, я думаю, надоѣвшая Вамъ пѣсня, но она во мнѣ *работалась*.

Что значитъ прекращеніе «Молвы»? Запрещенія такъ нейдутъ къ благословенному царствованію честнаго и добраго Александра II.

И почему именно «Молва»? Чудно сердце человѣческое. Я неистово злился на *нихъ*, читая фельетонъ «Норда» объ обѣдѣ (первый) — и теперь мнѣ ихъ жаль, какъ родныхъ, какъ кровныхъ.

И неужели я правъ въ тѣхъ горестныхъ предчувствіяхъ, которыя терзали меня, когда я читалъ фельетончикъ «Норда» о Петербургскихъ блудницахъ?..

Въ «Нордѣ» есть неоцѣненныя строки, что Закревскій veut goûter les douceurs de la vie privée. Правда ли? Но кого? Неужели Строганова—съ его пристрастіемъ къ Нѣмцамъ? Изъ огня да въ полымя, или изъ куля въ рогожу.

...У меня физически бьется сердце, когда я вижу новый нумеръ «Норда». Да, чѣмъ-то болѣзненно-страстнымъ становится привязанность къ родинѣ въ чужой землѣ!

83. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[7 марта 1858 г. Флоренція].

Сегодня мнѣ попался «Современникъ» и, какъ нарочно, увѣдомленіе объ изданіи «Атенея». «Атеней» — сказано тамъ, — насчитываетъ около тридцати именъ, за то въ этомъ ряду мы находимъ исключительно такихъ людей, какъ гг. Анненковъ, Бабстъ, Безобразовъ, Буслаевъ, Галаховъ, Ѳ. Дмитріевъ, Ешевскій, Забѣлинъ, Кавелинъ, Каченовскій, Кетчеръ, В. Коршъ, Лонгиновъ, Н. Павловъ, Соловьевъ, Тихонравовъ, Чичеринъ, Щедринъ, посредственность не найдетъ себѣ мѣста въ «Атенеѣ»; каждый изъ его сотрудниковъ хорошо извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ людей въ нашей литературѣ... И всѣ мои старыя, затихшія ненависти проснулись до бѣсованія при чтеніи этого наглаго ёрничества, и опять чувствую я вражду злобную къ тѣмъ, о существованіи которыхъ я было забылъ или существованіе которыхъ затѣняетъ, сглаживаетъ за границей великій и благородный подвигъ ихъ главы!.. Долго-ль же будетъ, помилосердуйте! Да! они умѣютъ дѣлать дѣло. Тутъ не одно безстыдство — тутъ послѣдовательность. Тутъ есть способность дѣлать самопожертвованіе. Они не жалѣютъ ни капиталовъ, ни трудовъ — они купили «Московскія Вѣдомости». Нѣтъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Наше дѣло — пропащее, хоть мы и правѣе ихъ, хоть я и положу все-таки за него, за это дѣло пропащее, все, что мнѣ положить остается... Они другъ друга поддерживаютъ, а мы другъ друга топимъ, скверно, глупо топимъ. Простите меня, я боленъ хандрою самою злющею и потому наговорю Вамъ и всѣмъ нашимъ много непріятнаго. Начать съ того, что ни одна изъ этихъ гнусныхъ и пьяныхъ харь не облегчилась отвѣчать на письма, которыя я посылалъ къ нимъ, письма, въ коихъ передавалъ всѣ волновавшіе меня вопросы. Вонъ изъ глазъ—вонъ изъ сердца!!!! А потомъ, это тупое равнодушіе къ бездѣйствію; эта подлая мѣщанская робость передъ послѣдовательнымъ проведеніемъ мысли. Съ кѣмъ тутъ работать? Да и для кого работать? На чортѣ воду возить. Принципъ нашъ не по времени. А вѣрность его подтверждается все яснѣе и яснѣе. Все для меня связалось теперь цѣльно, систематически . . . . . .

...Принципъ народности не отдѣлимъ отъ принципа художественнаго, и это, точно, нашъ символъ, только допотопный. Въ

этомъ символѣ—новость, свѣжесть жизни, вражда къ теоріи, къ той самой теоріи, которая есть результатъ жизненнаго истощенія въ томъ мірѣ, въ который судьба меня бросила. Теорія и жизнь, вотъ западъ и востокъ въ настоящую минуту. Западъ дошелъ до мысли, что человѣчество существуетъ само для себя, для своего счастія, стало быть, должно опредѣлиться теоретически, успокоиться въ конечной цѣли, въ возможно полномъ пользованіи. Востокъ внутренно носитъ въ себѣ живую мысль, что человѣчество существуетъ во свидѣтельство неистощенныхъ еще и неистощимыхъ чудесъ Великаго Художника, наслаждаться призвано свѣтомъ и тѣнями Его картинъ; отсюда и грань. Западъ дошелъ до отвлеченнаго лица—человѣчества. Востокъ вѣруетъ только въ душу живу и не признаетъ развитія этой души... Но я увлекся своимъ созерцаніемъ и началъ съ жалобъ.

«Лиси язвины имутъ и птицы гнѣзда; Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити». Такъ и наши воззрѣнія или, лучше сказать, наше внутреннее чувство... Никто не знаетъ и знать не хочетъ, что въ немъ-то, т. е. въ Православіи (понимая подъ симъ равно Православіе отца Парѳенія и Иннокентія и исключая изъ него только Бецкаго и Андрюшку Муравьева) заключается истинный демократизмъ, т. е. не réhabilitation de la chair, а торжество души, душевнаго начала. Никто этого не знаетъ, всякаго отъ Православія «претитъ», ибо для всѣхъ оно слилось съ ужасными вещами, а мы, его носители и жрецы—пьяныя вакханки, совершающія культъ тревожный, лихорадочный новому, невѣдомому богу. Такъ вакханками и околѣмъ. Это горестно, но правда... Горестнѣй же всего то, что этого ничего нельзя говорить, ибо, заговоривши, примыкаешься къ оффиціальнымъ опекунамъ и попечителямъ Православія или подвергаешься нареканію въ «Брынской вѣрѣ».

Увы! Новое идетъ въ жизнь, но мы—его жертвы. Жертвы, неимѣющія утѣшенія даже въ признаніи. Жертвы Герцена—оцѣню даже я, православный, а нашихъ жертвъ никто не признаетъ: слѣпыя стихіи, мы и заслуги то даже не имѣемъ. Вотъ почему наше дѣло пропащее.

А своекорыстіе однихъ изъ насъ и полная распущенность другихъ (къ числу послѣднихъ принадлежу я самъ)! Меня, напримѣръ, лично никакія усилія человѣческія не могутъ ни спасти, ни исправить. Для меня нѣтъ опытовъ—я впадаю вѣчно въ стихійныя стремленія... Ничего такъ не жажду я, какъ смерти. Еще прошлый годъ, во время

тяжкой болѣзни, я испытывалъ къ ней тупѣйшее равнодушіе, а теперь еще болѣе. Ни изъ меня, ни изъ насъ вообще—ничего не выйдетъ да и выйти не можетъ, да и время теперь не такое. Мы люди такого далекаго будущаго, которое купится еще долгимъ, долгимъ процессомъ. Околѣмъ мы безславно, безъ битвы, а между тѣмъ мы одни видимъ смутную настоящую цѣль. Не эти же передовые люди, исчисляемые кумомъ «Современникомъ». Самъ глава ихъ, хоть и великій человѣкъ, въ сущности борется за то, что плевка не стоитъ, за то, во что самъ не вѣритъ.

Мнѣ такъ тяжело, что Вы навѣрно простите мнѣ мое моральное отчаяніе. Право, оно результатъ такихъ долгихъ думъ, такихъ долгихъ ночей безъ сна, такого циническаго анализа самого себя, такихъ раздраженій собственными и чужими гадостями... О, какая мы дрянь и какъ свято то, что мы въ груди носимъ, какъ передъ этимъ носимымъ жалко и узко все, что доселѣ носили другіе мы, т. е. народъ, народъ свѣжій и вмѣстѣ извращенный столѣтіями неестественной жизни, доведенный до тупости чувства и вмѣстѣ ко всему относящійся критически!..

Не вѣрю я ни во что, что у насъ дѣлается, ибо вездѣ вижу шагъ впередъ да три назадъ. Кажется бы завязалъ глаза и бѣжалъ еще за тридевять земель, хотя бы въ тридесятомъ государствѣ истосковался до бѣснованія по проклятой и вмѣстѣ милой родинѣ.

---

84. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[10 марта 1858 г. Италія].

А вотъ и явный отвѣтъ на тѣ больные запросы, которыхъ исполнено письмо мое отъ 7-го марта, которое отправлено только теперь... Пріѣхалъ Тургеневъ и мы съ нимъ сидимъ ночи и говоримъ, говоримъ. Я читалъ ему написанное мною за границей. Онъ, вложивши перстъ въ самое больное мѣсто моей личности, въ разбросанность мысли, въ ея неудержимость розлива, тѣмъ не менѣе сказалъ, что: 1) только у меня, въ настоящую минуту, есть сила, что только во мнѣ есть полнота какого-то особеннаго ученія, которое вовсе неисключительно, какъ Славянофильство..... 2) что, для успѣха, я долженъ долбить, какъ покойникъ Виссаріонъ, ограничить себя, повторять безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти: однимъ словомъ, долбить, долбить, долбить, 3) что долбить мнѣ, въ настоя-

щую минуту, негдѣ, ибо ни къ одному изъ существующихъ направленій я пристать не могу, т. е. что ни одно меня не приметъ и ни одному я не могу по чести и совѣсти дѣлать уступокъ, ибо у меня выработано свое крѣпкое и цѣльное.

Все это я зналъ и знаю, и все-то это меня приводитъ въ безобразнѣйшее состояніе. Прибавьте къ этому безнадежность домашнихъ дѣлъ, неисцѣлимую безпорядочность во всемъ житейскомъ, да еще и постороннюю то обстановку, развивающую въ моей и безъ того озлобленной, какъ цѣпная собака, душѣ жолчь и ненависть. Влѣзьте въ мою шкуру и поймите вотъ какую страшную логику:

Я вѣрю только въ трехъ человѣкъ, въ Васъ, Кокорева, Островскаго, но и въ этихъ трехъ людей, въ отношеніи къ дѣятельности, не вѣрю. Вы ничѣмъ не способны жертвовать, Кокоревъ жертвуетъ только для очевидныхъ, осязательныхъ цѣлей, ибо, не смотря на геніальность натуры, не развитъ, чтобы понять, что кровныя основы его предпріятій—симпатіи и антипатіи связаны тѣсно съ моими невинными историческими и эстетическими принципами, съ поклоненіемъ Искусству, т. е. жизни, а не теоріи, типамъ и народностямъ, а не отвлеченному мундирному единству и т. д. Островскій—великая, чисто пророческая, но совсѣмъ стихійная..... сила. Это ужасно, повторяю Вамъ, это ужасно!

А другіе?

Тургеневъ говоритъ, что готовъ подписаться подъ каждымъ моимъ началомъ, а какъ дошло до послѣдствій, такъ въ сторону: ибо онъ весь западникъ—по развитію, и гегелистъ—по принципу, и свѣтскій человѣкъ—по воспитанію и манерамъ.

Писемскій понимаетъ только точку зрѣнія Губернскаго Правленія.

Евгеній Эдельсонъ—это, можетъ быть, самая страстная моя привязанность, весь насквозь пропитался мѣщанствомъ общественнымъ и нравственнымъ.

---

85. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

1858 г., Марта 19 (22). [Флоренція].

Давно я не писалъ къ Вамъ, добрый другъ мой Катерина Сергѣвна, давно, именно съ primo corso Флорентійскаго карнавала. На это было много причинъ. Раскажу Вамъ всѣ безобразія мои въ

теченіе этаго періода времени съ полною искренностью, что и Вамъ бы совѣтывалъ въ отношеніи ко мнѣ и чего Вы, прелестный, но коварный другъ, не дѣлаете.

Не знаю, чѣмъ звучало мое послѣднее письмо. Тоскою самой безумной, это навѣрное. Не послышалось ли въ этой тоскѣ какого-то сладострастнаго упоенія тоскою? Есть душевная боль такая, которая переходитъ уже въ ощущеніе блаженства и такова была именно эта боль...

Моральный опіумъ вещь удивительно сладкая, хотя и опасная, а я хватилъ порядочный пріемецъ этаго одуряющаго средства....

На другой день послѣ primo corso у меня невольно и искренно вырвался слѣдующій аккордъ:

Больная птичка запертая,
Въ теплицѣ глохнущій цвѣтокъ,
Печально вянешь ты, не зная
Какъ ярокъ день и міръ широкъ,
Какія тайны открываетъ
Жизнь повседневная порой,
Какъ грудь высоко поднимаетъ
Единство братское съ толпой.

Я еще никогда не писалъ стиховъ безъ внутренняго душевнаго побужденія.... Самъ я не знаю, какъ это у меня всегда дѣлается, но самыя глубокія впечатлѣнія были у меня тѣ, которыя приходили въ мою душу совершенно нежданно, или нѣтъ, не то!—которыя долго лежали въ душѣ подъ спудомъ и вдругъ всплывали на поверхность совсѣмъ готовыя, полныя, всю душу захватывающія.

Но прежде, чѣмъ говорить Вамъ о фактѣ, надобно прежде всего очертить Вамъ всю мою Флорентійскую обстановку. Домашній (теперь уже не домашній) міръ мой я Вамъ уже отчасти описывалъ. Но, кромѣ домашняго міра, я завелъ свой міръ, особенный, въ нѣсколькихъ русскихъ семьяхъ: міръ, въ который внесъ я всего себя, т. е. фанатизмъ демократіи, ругательство безчинное надъ свѣтскими условіями, «воспитаніе кобыльскаго кабака» и лихорадку своей страстности,—куда я складывалъ всю свою душевную тревогу. Мірокъ (на половину женскій) сталъ жить моею жизнію, заслушиваться моихъ необузданныхъ рѣчей, хохотать надъ «ярыжными» выходками и жить со мною вмѣстѣ на половину поэзіей итальянскаго искусства, на половину бѣснованіемъ цыганскихъ пѣсенъ.... Однимъ словомъ, все въ порядкѣ вещей. Въ порядкѣ вещей

было и то, что одинъ наиболѣе впечатлительный и больной женскій субъектъ, по тому вѣчному и неотразимому закону, который влечетъ впечатлительную душу къ безобразію, началъ особенно сильно подвергаться вліянію и моей хандры, и моей лихорадки..... Въ субъектѣ этомъ было все то, что люблю я въ женскомъ типѣ: тихая отзывчивость гитары и гибкость кошки.... ну, да что тутъ... Послѣ перваго corso я понялъ, что я опять влюбленъ (читайте vlublon съ офицерскимъ произношеніемъ). Это очень глупо,—нѣтъ, это даже п о д л о, потому что, вслѣдъ за этимъ добросовѣстнымъ сознаніемъ, я пересталъ интересоваться чѣмъ бы то нибыло на свѣтѣ, кромѣ сего гнуснаго и милаго субъекта, пересталъ заботиться о нравственномъ развитіи друга моего княжны N и, подлѣе еще, пересталъ писать къ Вамъ..... Я опять жилъ всею полнотою страсти, жилъ ежедневно отъ трехъ часовъ у того дивана, гдѣ полулежала она, «больная киска», какъ я звалъ ее, до одиннадцати часовъ вечера, пока не выходили ея сестры съ словами: «не пора ли Вамъ домой, А. А.?» жилъ, любимый цѣлымъ кругомъ благородныхъ женскихъ натуръ, любимый до всего того dévouement, къ которому однѣ только женщины способны,—упиваясь слабыми звуками ея голоса, кошачьими замашками, упиваясь самою безнадежностью этой новой страсти, страдая ея кашлемъ, робко, какъ рабъ, подстерегая каждое ея движеніе и, какъ деспотъ, управляя ея мыслями, впечатлѣніями, всѣмъ ея моральнымъ существомъ.... Никакого прошедшаго и никакого будущаго для меня не было. Была только минута, и я ее ловилъ жадно. Прибавьте къ этому карнавалъ, неистово шумѣвшій подъ окнами, veglione, т. е. театральные маскерады, перепутайте все это съ апостольскими рѣчами и цыганскими пѣснями и Вы получите отличный рецептъ для самаго ядовитаго, но восхитительнаго опіума.

За то теперь, когда онѣ уѣхали, опіумъ отозвался ужасно. Остается одна дѣйствительность гнусная до отвратительности, до полной безотрадности. Болѣе чѣмъ когда нибудь я понимаю (да понималъ и во время самаго питья опіума), что успокоить подобныя натуры могутъ только двѣ вещи: Аѳонская гора или висилица. То или другое—рѣшитъ Господь. Никогда столь сильно не сознавалъ я, съ одной стороны, того, что все наше земное бытіе есть чисто призрачное, и что, съ другой стороны: «больше сея любви ничто-же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя». Ужасную эпоху переживаемъ мы вообще.... поневолѣ принимаешь опіумъ, когда вопросы жизни становятся передъ сознаніемъ во всей ихъ безпощадной послѣдова-

тельности. Миръ и счастіе не намъ. Чудеса же замолкли, пора къ этой мысли привыкнуть.... или, если хотите, чудеса совершаются только во внутреннемъ мірѣ души, все болѣе и болѣе отрывая ее отъ пристрастія къ чему бы то ни было земному, преходящему.

Нечего, кажется, говорить, что письмо это должно остаться абсолютно между нами.

Жму Вашу руку!

---

86. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[15 апрѣля 1858 г. Римъ].

Не знаю ничего, что съ Вами дѣлается, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, ибо Вы рѣшились, кажется, терзать меня вашимъ молчаніемъ. Не знаю, какъ взглянули Вы на мои отношенія къ Трубецкимъ, но, кажется, лучшее доказательство того, что я хотѣлъ исполнить возложенное на меня Вами порученіе—то, что я не разсорился съ ними окончательно даже до сего времени, хотя, послѣ моего выѣзда изъ дома, княгиня почти не удостоивала меня словомъ. Князь Иванъ.... въ Университетъ, кажется, не поступитъ, ибо—де «Университетъ молодыхъ людей развращаетъ»... Никакія условія мои не могли уничтожить въ этой душѣ ужасной мысли, что есть какія-то условія выше христіанскихъ и человѣческихъ условій, что есть какая-то особая среда общества, уволенная отъ общечеловѣческихъ мыслей, чувствъ, движеній. Только что я думалъ, что поборолъ эту адскую мысль, она выскакивала, выпрыгивала. Я отдавалъ ему все, что могъ,—въ послѣднее время даже всѣ свои утра,—и видитъ Богъ, какъ вообще всѣ эти утра мутили во мнѣ жолчь. Даже и теперь я не оставляю своего дѣла и доведу его образованіе до града Парижа включительно. . . . . .

Провидѣніе пришло ко мнѣ на помощь въ видѣ графа Кушелева-Безбородко. По послѣднему письму моему Вы видѣли, какъ мало я вѣрю въ нашъ журналъ и видѣли, вѣроятно, какъ основательно это невѣріе. Не съ кѣмъ работать. Возобновить прошлый кругъ, какая мечта. А Кушелевскаго журнала средства безграничныя—редакторомъ его, по имени, будетъ онъ самъ, помощникомъ, тоже только по имени, другъ мой—поэтъ Полонскій. Ergo, безъ имени редактора, я буду душою журнала. Стало быть, ничтоже сумняся, я предложеніе его принялъ, тѣмъ болѣе, что все мною написанное

здѣсь, а въ этомъ написанномъ, съ свойственною мнѣ рѣзкостью и безобразіемъ, приведено все, что я передумалъ,—принято имъ безотговорочно и даже куплено... Вѣроятно, Вы увѣрены, что я лучше буду жить метеорскою жизнію, чѣмъ отрекусь отъ самой доли того, что я купилъ жизнію мысли. А съ другой стороны—мнѣ нечего больше и дѣлать. Служить я могу теперь еще менѣе, чѣмъ когда-либо, ибо, признаюсь Вамъ, плохо вѣрю въ наши реформы. Пойти въ «Вѣстникъ», «Современникъ» и проч., Вы знаете, я не пойду. А тутъ мнѣ будетъ полная свобода, «и болото велико—чертей много будетъ», то есть бездна денегъ—сотрудники найдутся. Впрочемъ, обо всемъ этомъ при личномъ свиданіи въ августѣ мѣсяцѣ, ибо я намѣренъ изъ Парижа пробраться въ Лондонъ и пострaнствовать по Германіи, чтобы дополнить свои взгляды на чужіе края.

Покамѣстъ же я взялъ на двѣ недѣли отпускъ и ускакалъ въ Римъ. Что я, однако, за юноша до сихъ поръ! Кабы Вы знали, съ какимъ біеніемъ сердца я подъѣзжалъ къ Риму, какое головокруженіе у меня отъ двухъ дней въ немъ, какъ онъ меня давитъ, раздражаетъ, мучитъ своею безконечностью. Дай Богъ здоровья Кушелеву! Я давно не бывалъ счастливъ, а тутъ я былъ какъ ребенокъ счастливъ.

И все-таки поклонъ земной Вамъ, что Вы услали меня въ Италію. Вообще мнѣ грѣшно не вѣрить Провидѣнію, и я окончательно отдался волѣ Его, слѣпо, покорно.

---

87. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

1858 г., Апрѣля 27 (14). [Римъ].

Безстыдница!.. Всего одно письмо во все время моего долгаго странствія,—а я то пишу, пишу къ Вамъ, какъ дуракъ какой нибудь. Что жъ это—лѣнь или безобразіе, или наконецъ такого рода увлеченіе чѣмъ-либо, которое поглощаетъ собою всѣ человѣческія чувства? Что бы то ни было, вспомните, что есть хоть страшно испорченная, но все-таки неординарная душа, которая въ Васъ вѣритъ и Васъ любитъ и которой бываетъ столь отрадна всякая Ваша строка. Или наконецъ это кокетство дружбы?

Ну-съ, я въ Римѣ, что, можетъ быть, уже дошло до Васъ. Послѣ моего послѣдняго сумасшедшаго письма къ Вамъ, Вы ждете,

что я буду говорить съ Вами вовсе не о Римѣ, и Вы ошибаетесь... Дѣйствительно, впечатлѣніе цѣльное, захватывающее всю душу, поглотило меня, дѣйствительно, ради того, чтобы жить подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, пока догоритъ это бѣдное, больное дитя, я повернулъ всю мою жизнь и принялъ предложеніе графа Кушелева на счетъ его журнала, — стало быть, покидаю столь жарко любимую мною Москву на столь жестоко ненавидимый мною Петербургъ; все это такъ (и все это абсолютно между нами: для всѣхъ другихъ безъ исключенія — поводы будутъ чисто литературные и комерческіе), но все-таки въ моей душѣ есть мѣсто для давящаго, поглощающаго, лихорадочно-тревожнаго, грандіознаго и приводящаго въ отчаяніе впечатлѣнія, называемаго: «Римъ»! Звучитъ ли для Васъ это слово тѣмъ потрясающимъ, чѣмъ оно звучитъ мнѣ? Пульсъ мой напряженно бился и сердце билось, когда я подъѣзжалъ вчера къ Вѣчному Городу, — я нетерпѣливо считалъ мили, я хотѣлъ бы выпрыгнуть изъ дилижанса и полетѣть птицей... И вотъ я въ Римѣ. Я стоялъ подъ куполомъ Св. Петра—и я былъ истинно подавленъ и величіемъ всѣхъ тѣхъ старыхъ, но вѣчно-юныхъ струй, которыя скачутъ какъ водометы на всякомъ шагу въ Римѣ, и красотою несказанною этаго храма, и отчаяніемъ, что въ десять дней моего пребыванія въ Римѣ я только понюхаю этой красоты и этаго величія. Годъ по крайней мѣрѣ надобно прожить въ Римѣ, чтобы съ нимъ освоиться. Годъ!.. А я въ Сентябрѣ долженъ быть уже въ Петербургѣ—работать и окунаться всей душой въ ядовитые вопросы общественные и въ тину грязи, называемой русской литературой.

А за тѣмъ, что будетъ, то будетъ — мы живемъ въ такую судорожно-напряженную эпоху, что ни за что отвѣчать невозможно. Отдаюсь всѣмъ сердцемъ той Волѣ, которая такъ явно, такъ осязательно открывалась для меня въ послѣднее время, сколь я, — право, другъ мой, это не есть ханжество или гордость смиренія,—ни мало не былъ достоинъ ея непосредственнаго участія въ судьбѣ моей.

Какъ ни много и какъ ни часто я писалъ къ Вамъ, но все-таки Вамъ передавались только одни результаты умственныхъ и нравственныхъ процессовъ, со мною совершавшихся, или однѣ судороги переходовъ изъ одного процесса въ другой. Когда мы увидимся и когда я спокойно разскажу Вамъ всѣ эти долгіе и болѣзненные процессы, Вы поймете, почему я окончательно убѣдился, что Тайная Сила не оставляетъ тѣхъ, которые хотя и ропщутъ и безумствуютъ, но вѣруютъ въ нее и неотступно ей молятся.

Въ мои руки, *можетъ быть*, вручается судьбою человѣкъ мягкій какъ воскъ, благородный и довѣрчивый какъ дитя, богатый какъ Кокоревъ, если не больше. *Можетъ быть*, говорю я, ибо самъ я, по своей гнусной раздражительности съ одной стороны и подлой безхарактерности съ другой (ибо характера у меня нѣтъ, какъ у всѣхъ артистическихъ натуръ, а есть только *воля* страстная, упрямая, самолюбивая), могу испортить все дѣло. Помолитесь, мой добрый геній, чтобы Богъ послалъ мнѣ *чистоту* сердца, безкорыстное желаніе добра... А то вѣдь, что жъ это за гадость такая... Человѣкъ можетъ въ *два дня* обдѣлать другаго человѣка, *обаять* его своей личностью, и самъ же потомъ все изгадитъ нетерпѣливостью, лѣнью, распущенностью. Не думайте, чтобы тутъ скрывался покаятельный псаломъ за мои отношенія къ Т[рубецкимъ]. Нѣтъ, тутъ я поступаю, какъ человѣкъ долженъ поступать,—и если тутъ я *ничего* не сдѣлаю, такъ ужъ вина не моя. Вина сухо эгоистической, мелкой, хотя даровитой и умной натуры того матеріала, который былъ мнѣ данъ въ руки — вина этой проклятой жизни, называемой какъ бы въ насмѣшку высшимъ свѣтомъ. Никакія усилія мои не истребили въ Кн: Иванѣ той губительной мысли, что *они* созданы изъ другаго матеріала, чѣмъ мы грѣшные.—Какъ Гоголевская Коробочка бѣсила Чичикова, такъ бѣситъ меня эта, всюду мною поражаемая и отвсюду прыгающая мысль... А княжна Настасья, послѣ всѣхъ своихъ чистыхъ благородныхъ сочувствій свободѣ, правдѣ, искусству, обвѣсилась на перваго, правда бѣднаго, но ужасъ какъ пустаго малого и влюбилась въ него по уши, равно какъ и онъ въ нее. Таковыя стремленія ихъ обоихъ увѣнчиваются законнымъ бракомъ, но увы! сей господинъ скоро провѣтрится. Бѣдная дѣвушка, бѣдная жертва ужасной, богопротивной, богомерзкой среды жизни; отсутствіе самостоятельности, чудовища матери, баранья покорность расподлымъ дѣйствіямъ... Онъ не долго будетъ любить, а она, добрая, покорная, способна любить долго, упорно. Потомъ, какъ слѣдуетъ всей породѣ Т., она впадетъ въ распутство.

Вы, можетъ быть, хотите знать о *той*, которая была для меня новымъ свѣтлымъ сномъ или новымъ откровеніемъ сердца? Скажу Вамъ одно только то, что поставленная судьбою въ такую же затхлую среду, она такъ въ ней задохнулась, что занемогла чахоткой... Моя любовь или доканаетъ ее или вырветъ изъ этой жизни. Я считаю тутъ себя совершенно въ правѣ, иначе ей пожертвуютъ чудовищному расчету, т. е. она сама, подъ вліяніемъ ложно понятаго чувства

долга, погубитъ свою душу... Да! ложно понятаго, говорю это положа руку на сердце, съ твердымъ убѣжденіемъ христіанина и въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы съ Максимомъ Аѳанасьевымъ понимаемъ значеніе браковъ и проч. Чувство долга — да вѣдь первый то долгъ въ отношеніи къ Богу, т. е. въ соблюденіи чистоты души, поймите это вы всѣ, прелестныя, но крайне несамостоятельныя творенія, изъ чувства долга оскверняющія душу въ объятіяхъ нелюбимыхъ или малолюбимыхъ лицъ!.. Сердце болитъ у меня за женщинъ, когда я подумаю, сколько ихъ сквернитъ себя такъ, изъ фальшивѣйшихъ представленій о долгѣ..... Недавно въ разговорѣ съ одной умной, глубоко страдавшей и до 45 лѣтъ прелестной женщиной разбирали мы этотъ страшный вопросъ... Когда Вы будете женщиной, т. е. когда съ Вами можно будетъ разбирать этотъ вопросъ такъ же логически неумолимо и нагло?

Вообще всякая истина свободна. Все несвободное есть софизмъ или сознательно или безсознательно подлый. Подъ всякою защитою несвободы скрывается нѣчто эгоистическое, или злобное, или робкое, или усталое. Подъ всякою, будетъ ли это софистическая защита торговыхъ тарифовъ и таможенъ, на счетъ которыхъ разочаруется всякій, кто мало-мальски ихъ вкусилъ, будетъ-ли это защита безобразныхъ пожертвованій чистотою души и тѣла, богохульно оскверняемыхъ во имя Христа и ученія свободы, или защита политическихъ или религіозныхъ инквизицій... Нѣтъ! «Идеже Духъ Господень — ту и свобода». Вѣрю въ это глубоко и умру съ этою вѣрою....

А какъ хорошо ночное небо въ Римѣ — удивительно!..

Безсонница меня измучила, однако попробую лечь спать.

До свиданія... Не забудьте въ молитвахъ далекаго, но глубоко преданнаго Вамъ друга, за ту страстную дружбу, которой не поглощаютъ въ немъ никакія впечатлѣнія. — Да напишите же нѣсколько строкъ, безсовѣстное твореніе! Если Вы напишите очень скоро по полученіи сего посланія, пишите на Флоренцію; если черезъ недѣлькудругую, то на Парижъ poste restante.

88. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[11 мая 1858 г. Флоренція].

Нужно все мое глубокое почтеніе къ вамъ, какъ гражданину и писателю, чтобы удержать въ приличныхъ границахъ то законное негодованіе, которое произвело во мнѣ чтеніе Вашей записки, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Прежде чѣмъ упрекать меня въ какой-то дури и не вѣрить (какъ это мило!) тому, что я имѣлъ честь описать Вамъ, надобно было самого себя спросить: чѣмъ Вы послали къ Трубецкимъ человѣка, который до сорока лѣтъ не нашелъ правды, крова и пристанища, или, по милымъ выраженіямъ Никиты Крылова, копѣечки и земли подъ ногами, до сорока лѣтъ умѣлъ и съумѣетъ всегда остаться самимъ собою, т. е. человѣкомъ, и свободнымъ,—чѣмъ вы его послали: лакеемъ или учителемъ? Въ лакеи я не нанимался и поэтому-то мой переѣздъ отъ Трубецкихъ на квартиру считаю однимъ изъ достойнѣйшихъ поступковъ моей жизни; а какъ учитель я выполнялъ, выполняю и выполню честно и даже болѣе чѣмъ честно. Вмѣсто того, чтобы за окончательное созрѣніе во мнѣ мысли о честности гражданина, за мою отставку, и также мысли о достоинствѣ литератора и человѣка послать мнѣ одобрительное и привѣтственне слово, Вы, какъ запившему Василью Дементьеву, посылаете увѣщаніе поправить, что я надѣлалъ худаго.

Подумайте, на что все это похоже и насколько я былъ правъ въ этой горькой и искренно излившейся дребедени сомнѣній въ Васъ и въ нашемъ дѣлѣ, которую имѣлъ честь послать къ Вамъ.

Да! Мы способны только всѣ топить другъ друга, повторяю это горько сознательно.

Можетъ быть, съ точекъ высшихъ политическихъ соображеній, всему этому такъ и надо быть, но я въ послѣднее время говорилъ съ Вами, какъ съ духовникомъ, и имѣю пошлость плакать, когда пишу сіи строки; Вы для меня — часть моихъ кровныхъ убѣжденій! Я думаю, двадцать разъ я Вамъ въ этотъ годъ повторилъ это—изъ хамства что ли?....

У меня въ дѣлѣ, которое Богъ помогъ мнѣ обдѣлать съ Кушелевымъ, на одномъ изъ первыхъ плановъ—стояло Ваше литературное участіе. Я признаю себя политически и общественно ученикомъ Вашимъ и, Господи! какъ образъ моего благороднаго и великаго учи-

89. ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Флоренція. 1858 г. Мая 11 (Апр. 28).

Нѣтъ, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичь, не служить мнѣ и не ужиться со службой,—почему, окончательно и тяжело передумавъ сей вопросъ, спѣшу писать къ Вамъ, что бы Вы не принимали никакихъ мѣръ относительно этаго. Увы! я не вѣрю, не могу вѣрить въ нашу службу, мало вѣрю вообще въ statu quo нашего прогресса и, definitivement, вѣрю, кажется, только въ отрицательную правоту Герцена, да въ положительную правоту тѣхъ талантливыхъ, еще не раскрывшихся міру силъ, которыя зовутся народомъ и православіемъ.

Я хотѣлъ рѣшиться на службу, какъ бы рѣшился на монастырь потому только, что, какъ Вы сами согласились, мнѣ негдѣ писать и печатать. Представился снова случай писать и печатать, какъ мнѣ угодно и что мнѣ угодно. Кушелевъ купилъ мою дѣятельность для своего журнала. Знаю, что многіе изъ друзей моихъ въ обоихъ лагеряхъ на это возопіютъ, какъ на безобразіе; но вѣдь такъ же вопіяли нѣкогда на дѣятельность въ «Москвитянинѣ». А потомъ—мнѣ нѣтъ выбора. Ни «Современникъ», ни «Вѣстникъ»—ничего мнѣ уступить не могутъ изъ своихъ убѣжденій и взглядовъ, ни я,—какъ Вы согласились сами,—не могу, и, какъ я чувствую, не долженъ уступать ничего изъ своего... Ergo... alea jacta est. Посмотримъ, что будетъ тутъ... Но что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

Скажите Александру Ивановичу, что,—сколько ни противны моей душѣ его циническія отношенія къ вѣрѣ и безсмертію души, но что я передъ нимъ какъ предъ гражданиномъ благоговѣю, что у меня образовалась къ нему какая-то страстная привязанность. Какая благородная, святая книга «14 Декабря»!.. Какъ тутъ все право, честно, достойно, взято въ мѣру.

Ну съ,—я съѣздилъ въ Римъ и двѣ недѣли блаженствовалъ лихорадочно.

А Вы? что Вашъ ...? что Ваша хандра? что пишущіе духи и проч?.. Если Вы захотите дать о себѣ вѣсточку—пишите на Парижъ или оставьте тамъ на почтѣ записочку, которой истинно обрадуете

искренно преданнаго и таланту

Вашему и милой личности.

А. Гр.

теля отдѣляется отъ того образа, который выглядываетъ изъ записки...

... Ради Христа-Спасителя, напишите мнѣ въ Парижъ, — но въ poste restante, а не на имя княгини, — что мнѣ обо всемъ этомъ прикажете думать?

Повинуюсь первому порыву—онъ всегда лучшій.

---

89. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

С.-Петерб. Октября 27 [1858 г.].

О, много, много воды утекло, коварный, вѣтреный, но все-таки прелестный и дорогой другъ мой, Катерина Сергѣевна, съ тѣхъ поръ, какъ я тщетно, ждалъ посланія Вашего во градѣ Флоренскѣ и столь же тщетно во градѣ Парижѣ. Цѣлая полоса безпутной и безобразной жизни легла тутъ пластомъ, но изъ нея я вырвался все тѣмъ же дикимъ господиномъ, который извѣстенъ Вамъ со всѣхъ его хорошихъ и дурныхъ сторонъ. И вотъ, я опять на Руси— и дѣлать, дѣлать, дѣлать хочется мнѣ теперь. Будетъ безплодно бѣсноваться, мучиться, враждовать, любить и ненавидѣть... Впрочемъ, когда я говорю будетъ, Вы мнѣ конечно не повѣрите, да и очень умно сдѣлаете. Изжиться я не могу: во мнѣ сидитъ, должно быть, тысяча жизненныхъ бѣсовъ. Какъ я жилъ въ Парижѣ, объ этомъ лучше и не спрашивайте. Ядовитая хандра, безумныя и скверныя увлеченія, пьянство до видѣній—вотъ эта жизнь. Что жъ бы Вы думали? Вмѣсто того, чтобы изжиться, я такъ растолстѣлъ, что друзья въ Петербургѣ только ахаютъ, смотря на меня. Да-съ! натура желѣзная.

Можетъ быть, я скоро увижу Васъ, ибо постараюсь пріѣхать на 23 и 24 ноября въ Москву, хоть и отравлена мнѣ милая Москва!..

Работаю, работаю и работаю—вотъ теперешнее слово моей жизни... Ну, а Ваше? Да что же наконецъ съ Вами?.. Подайте вѣсточку. Человѣкъ воротился въ два часа ночи усталый и пишетъ къ Вамъ нѣсколько каракуль для того, чтобы заявить свое пакибытіе, а Вы неужели такъ-таки и будете продолжать коварствовать? Вѣдь Вы со мной поступаете хуже, чѣмъ съ старцемъ! А что, еще разъ, что Ф. Ш. неоцѣненная, тетушка В. С. съ ея качелями—вообще весь Вашъ міръ и общій намъ мірокъ? Если буду въ Москвѣ, подарю Вамъ на память нѣсколько назидательныхъ книжонокъ для душевной Вашей пользы. Я все боюсь, чтобы Вы не закисли.

Знаете ли Вы, коль скверно закиснуть, мой добрый другъ?.. А раскиснуть немножко Вы вѣдь способны!

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ.

Вашъ старый и нынѣ толстый другъ.

P. S. Бытъ мой теперь чисто студенческій—на половину дѣловой, на половину безобразный.

---

90. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

[Конецъ 1858 г. Петербургъ].

Присылай скорѣе статью, какъ можно скорѣе, мой драгоцѣнный! Да ужъ кстати бы прислалъ и статью о Щедринѣ, коли цѣла. Все пойдетъ въ дѣло.

Боклевскаго дѣло обломилъ. Отыщи его и тотчасъ же гони на желѣзную дорогу. Присутствіе его необходимо для заключенія условій съ графомъ. Пусть остановится у меня!

Когда ты самъ поѣдешь, то имѣй галантерею позаботиться въ дорогѣ о моей женѣ, ибо она тоже собирается ко мнѣ въ побывку.

А главное, статьи скорѣй, скорѣй—на мое имя и на мой адресъ.

Жму и цѣлую руку Катерины Алексѣевны и падаю къ ногамъ Катерины Ивановны.

Представьте, уважаемый Евгеній Николаевичъ, что Аполлонъ настаиваетъ, чтобы я къ вамъ что-нибудь написалъ! когда за нимъ это водилось?.. А у меня рука не ходитъ, рѣшительно не знаю, что и писать, развѣ пожелать Вамъ скорѣйшаго прибытія къ намъ и попросить передать поклонъ всѣмъ Вашимъ. Скажите Боклевскому, что онъ, не стѣсняя меня, можетъ остановиться вмѣстѣ со мною, у меня въ номерѣ кровать и диванъ. Слѣдовательно, все нужное.

Весь вашъ *Ив. П.*

1859 г.

91. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

СПБургъ, 1859 г., Янв. 26.

Не дивитесь, добрый и нѣжный до безконечности другъ мой, что я не писалъ къ Вамъ такъ долго, не браните меня и за тѣ желчныя строки, которыя я, лежа больной, диктовалъ Лидіи. Неписаніе мое

къ Вамъ такъ тѣсно связано съ хаосомъ моего душевнаго міра и этотъ хаосъ до того сложенъ, что потребовалось бы долгое, очень долгое объясненіе. Все это при личномъ, можетъ быть, скоромъ свиданіи, которое, надѣюсь, будетъ и д ѣ л ь н ѣ е и о с н о в а т е л ь н ѣ е прошедшаго.

Скажу Вамъ, что я много работаю, еще больше хлопочу и обдѣлываю много п о л е з н ы х ъ, въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этаго слова, дѣлъ, благодаря Провидѣнію и благородной натурѣ К[ушелева]. А между тѣмъ, во мнѣ хаосъ ужаснѣйшій, непримиримый никакою дѣятельностью. Такъ странно-особенно выработались у меня мои вѣрованія и мое мышленіе, что—страшно сказать—около меня стала пустота ужасная.

Не знаю, какъ Вамъ это объяснить,—ну, да Вы такъ умны и тонки, что многое поймете изъ намековъ. Съ исключительно либералами не сойтись мнѣ совсѣмъ, потому что я по натурѣ артистъ. Съ исключительно же артистами не схожусь я потому, что каждая жила моя бьется за свободу и ни одна не выноситъ тупаго, спокойнаго индефферентизма политическаго и религіознаго, къ которому всѣ артистическія натуры (кромѣ одного Островскаго) чрезвычайно способны, вотъ и подите тутъ. Тяжело стоять почти что одному, тяжело вѣрить глубоко въ правду своей мысли и знать вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ х о д у, н а о ч е р е д и стоитъ не эта, а другая мысль, которой сочувствуешь только на половину. Хорошо было Бѣлинскому! Въ немъ и въ его эпохѣ не было этаго ужаснаго раздѣленія... А господа о л и м п і й с к і е друзья мои, т. е. Писемскій, Тургеневъ, Фетъ, Анненковъ, даже Островскій, кажется, воображаютъ, что мнѣ такъ же легко будетъ бороться, какъ покойному Виссаріону Григорьевичу. Бороться въ эпоху, когда что ни человѣкъ, то партія, то новый отголосокъ мнѣнія!!!

Вѣры, вѣры нѣтъ въ торжество своей мысли, да и чортъ ее знаетъ теперь, эту м ы с л ь. По крайней мѣрѣ, я самъ не знаю ея предѣловъ. Знаю себя только отрицательно. Знаю, напримѣръ, что мысль моя мало мирится хоть съ мыслью Максима (т. е. Стеньки Разина или Емельки Пугачева), также мало съ слѣпымъ и отвергающимъ все артистическое соціализмомъ Ч[ернышевскаго], съ такимъ же тупымъ и б е з н о с ы м ъ, да вдобавокъ еще начиненнымъ всякой поповщиной соціализмомъ Славянофиловъ. Всего больше съ мыслію Г[ерцена], ибо эта мысль есть ни что иное, какъ смѣло и послѣдовательно выказанное исповѣданіе того, чѣмъ нѣкогда жили какъ смутнымъ чувствомъ мы всѣ, со включеніемъ даже нынѣ оподлившагося Т.

Но будетъ объ этомъ,—это весьма печальная исторія!

А другія исторіи также печальны и вдобавокъ еще глупы.

Ну, вотъ, напримѣръ, вздумалось мнѣ повѣрить, что для личностей, какъ ....., есть какое-нибудь спасеніе... Что же вышло? Мерзость, мерзость и мерзость. Мерзость не въ одномъ только запоѣ, хоть и это вещь ужасная, особенно въ женщинѣ, а мерзость въ той же лжи, въ томъ же неизмѣнномъ, огромномъ и вмѣстѣ мелочномъ эгоизмѣ.

Мерзость, наконецъ, во мнѣ самомъ. Я не могу истребить въ себѣ тоски пса по женщинѣ, которая, вѣроятно, отупѣла уже въ покоѣ П[ензенс]кой губерніи, и между тѣмъ съ какой-то безсовѣстностью отдаюсь всякому впечатлѣнію, похожему на любовь. Какъ вода рыбѣ, необходимо мнѣ сильно-страстное отношеніе къ женщинѣ, а въ результатѣ всѣхъ попытокъ остается одно, и вѣчно одно, и глупо одно. Ради Бога, другъ мой, не слыхали ли хоть вѣсти, ну хоть сплетни какой *издалека*? Знаю самъ, что это мерзость, но—глупо и слабо, да чтожъ тутъ прикажете дѣлать?

Сегодня 26 января,—число, съ которымъ связано нѣсколько *язвительнѣйшихъ* воспоминаній.

А вѣдь странно! Для одной только женщины въ мірѣ могъ я изъ *бродяги-безсемейника*, *кочевника*, обратиться въ *почтеннаго* и, можетъ быть (чего не можетъ быть?), въ *нравственнаго* мѣщанина!.. Да нѣтъ! Зачѣмъ хочу я намѣренно набросить тѣнь насмѣшки на то, что было свято какъ молитва, полно какъ жизнь, съ чѣмъ сливалась и вѣра въ борьбу, на чемъ выросла и окрѣпла религія свободы?..

Зовите меня сумасшедшимъ, другъ мой, но я и умирая не повѣрю, чтобы эта женщина была не то, чѣмъ душа моя ее знала...

Будетъ и объ этомъ!

Петербургъ мнѣ по старому гадокъ. Общество *Олимпійцевъ* надоѣдаетъ смертельно, хоть они и оказываютъ мнѣ величайшую симпатію. И вотъ я, по обычаю, окружаю себя распутными, но еще вѣрующими въ жизнь пьяницами, хотя самъ—успокойтесь—пью весьма умѣренно, да еще студентами... Островскій и Фетъ за *сіе* меня упрекаютъ, не знаю, упрекаете ли Вы, всегда понимавшая меня такъ по женски глубоко. Не думаю. Вы знаете лучше меня, что мнѣ никогда постарѣть не придется!

За тѣмъ—до свиданія! Не платите мнѣ молчаніемъ за молчаніе, если Вы не совсѣмъ закружились по вечерамъ и маскерадамъ. Былъ

и я самъ раза три въ оныхъ, только, разумѣется, въ самыхъ безпутныхъ и безобразныхъ. «Люблю безобразіе, другъ мой!» могу я сказать, какъ Скотининъ Фонвизина говоритъ: «Люблю свиней, сестрица!»

---

92. ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ПРОТОПОПОВОЙ.

СПБургъ, 1859 г., Февраля 5.

Опять я пишу къ Вамъ, мой добрый другъ, къ Вамъ, когда не могу ни къ кому другому писать, даже къ отцу.

Но я боленъ морально (и отчасти физически, благодаря милому климату), боленъ разными душевными недугами: и недугомъ тоски по Москвѣ, и другимъ еще худшимъ недугомъ—тоски по цѣли жизни.

Куда ни посмотришь, право, все такая мерзость и гниль, а въ себѣ то самомъ мерзость въ особенности. Говорятъ, идетъ чума. Вы помните, я ждалъ много добраго отъ кометы!

А кстати, помните ли Вы это странное лѣто передъ моимъ отъѣздомъ заграницу? Съ зловѣщимъ краснымъ цвѣтомъ окраинъ неба, съ чѣмъ-то осеннимъ въ зелени, съ чѣмъ-то тяжолымъ въ воздухѣ?.. Знаете ли что? (вѣдь я циникъ въ откровенности) подъ вліяніемъ этого мрачно-поэтически-тяжолаго въ воздухѣ, со всякой другой женщиной, которую бы я уважалъ менѣе глубоко и нѣжно, чѣмъ Васъ, можно было въ дружбѣ доиграться до любви, да, можетъ быть, несмотря на глубокое и нѣжное уваженіе, я бы и доигрался, по свойственной мнѣ мерзости, если бы Вы не были еще вдобавокъ крестомъ на могилѣ моего завѣтнѣйшаго прошлаго!!

Все это прекрасно, а цѣли то въ жизни всетаки нѣтъ. Работаю я страшно, хлопочу, какъ самый дѣятельный чиновникъ (я ли это?), а все таки подозрѣваю, что вожу воду на чорта. Добавьте къ этому, что не только работать, а безпрестанно интриговать или, по крайней мѣрѣ, разбивать чужіе подкопы нужно. Ну, пока работаешь или интригуешь, это и занимаетъ... А потомъ? потомъ жолчь, да длинная, почти безсонная ночь. Вотъ и теперь досидѣлъ до двухъ...

О, усну ли я хоть разъ еще такимъ молодымъ сномъ, отъ котораго съ усиліемъ просыпаешься?...

Мерзко, мой добрый, нѣжный, благородный другъ. Я даже наконецъ ни во что не вѣрю, кромѣ художественной иронiи жизни. Положимъ, въ дальнѣйшемъ, загробномъ развитіи души ей и объ-

яснится, что эта иронія есть вмѣстѣ и Высочайшая Любовь, да когда то еще объяснится!

Фетъ оставилъ меня жолчно ругающимся. Положимъ, я на этотъ разъ провелъ таки свою мысль въ той формѣ, въ какой она родилась, отчиталъ печатно религіозную литургію за упокой великой души Виссаріона Бѣлинскаго... да вѣдь эти гнусныя столкновенія тоже портятъ кровь, чортъ-бы ихъ взялъ!

Читайте Бога ради теперешнія статьи: въ нихъ кладется вся моя душа, жизнь и кровь. Можетъ быть, недолго маяться то—тороплюсь все высказать, что нагорѣло въ душѣ.

Зачѣмъ я видѣлъ Италію—меня къ ней тянетъ болѣзненно, а между тѣмъ тамъ я хандрилъ, да и теперь бы, вѣрно, хандрилъ по Россіи. Любовь ли, мысль ли, впечатлѣніе ли (какъ Италія) все какъ то обращалось и обращается мнѣ въ казнь и язву... А все оттого, что я недовершенный Создателемъ артистъ, у котораго творчество съѣдено анализомъ...., нѣтъ, мало этаго: напередъ подорвано жаждою жизни...

Вѣдь я все жить, жить и жить хочу, хоть самому это подчасъ смѣшно, хоть всѣ покушенія любить, вѣрить и проч., разрѣшаются сомнѣніемъ, разочарованіемъ, даже отвращеніемъ.

Хотѣлъ было пріѣхать въ Москву на масляницу—нельзя, да и, собственно говоря, не зачѣмъ!!

А все-таки, не прощайте, а до свиданія!

---

93. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣ 25 февраля 1859 г. Петербургъ].

...Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, у котораго просилъ его статьи, прислалъ мнѣ дѣтскую драму какого-то глупаго гимназиста съ Испанскими именами, да еще сердился, что я ее не напечаталъ и сердился на то, что я съ уваженіемъ говорилъ о Соловьевѣ, не понимая, при своемъ абсолютномъ ученомъ безносіи, ровно ничего въ моихъ цѣляхъ. Борисъ, вѣроятно, взъѣлся за разборъ «Утра», не понимая тоже, что для того, чтобы дѣйствовать, мы должны отсѣчь всѣ прежнія наши безобразія формы, принести ихъ въ жертву правдѣ основной нашей мысли.

---

94. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[11 мая 1859 г. Петербургъ].

Пишу къ Вамъ по простому влеченію сердца. Опять послышался Вашъ голосъ издали, хоть и ругательный, но все же голосъ человѣка, мною глубоко уважаемаго и еще больше любимаго, человѣка притомъ, который этимъ, видно, не можетъ отдѣлаться отъ извѣстнаго рода симпатіи, все равно, что симпатія выражается раздраженіемъ къ безалабернѣйшему изъ многочисленныхъ и многообразныхъ Хлобуевыхъ Россійской Имперіи. Да и не за что Вамъ совсѣмъ разлюбить меня. Развѣ не дѣлаю я честно того же дѣла, которое дѣлалъ въ «Москвитянинѣ», да и погодите, такъ ли еще будетъ, если великій банкиръ и покровитель всѣхъ Хлобуевыхъ продлитъ жизнь Кушелева и хорошее состояніе дѣла? Теперь еще, для того, чтобы не запугать, я еще вынужденъ иногда хвалить и существующіе факты, какъ факты признанные, какъ, напримѣръ, отозваться съ уваженіемъ о трудѣ Соловьева... Будетъ время, я все яснѣе и яснѣе разовью ученіе «Москвитянина», только, разумѣется, очищенное, такое, надъ которымъ совершено уже обрѣзаніе честнаго хвоста (помните, что Вы называли хвостомъ?) Если Вы имѣли время пробѣжать хоть нѣсколько страницъ изъ написаннаго мною въ послѣднее время, то Вы, вѣроятно, убѣдились, что я все-таки же только сталъ искреннѣе и послѣдовательнѣе. Увы! дѣйствительно, вѣрованія въ формы, какія бы онѣ ни были во мнѣ, всѣ подорвались, и я въ этомъ не виноватъ: мерзкой фигуры Бецкаго, глубокой, но софистически страшной послѣдней французской брошюры Хомякова, и въ противоположность ей, этому ловкому разоблаченію сущности дѣла, брошюрокъ Святѣйшаго Сунода,—увы! этого болѣе чѣмъ достаточно! Повторяю, кладя руку на сердце: Вамъ не за что разлюбить меня. Что я Хлобуевъ и что съ другой стороны я способенъ иногда прорваться загулами, это, конечно, скверно, но мало для того, чтобы лишить всякой симпатіи со стороны человѣка, какъ Вы. Напишите мнѣ нѣсколько строкъ въ ободреніе и примиреніе, и я буду дождить Вамъ письмами; а главное, перестаньте сердиться на меня, а руководите лучше по старому Вашими совѣтами въ дѣлѣ, которое все на моихъ рукахъ.

---

95. АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КРАЕВСКОМУ.

3 іюня 1859 г. Петербургъ.

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Всякому человѣку порядочному (въ человѣческомъ, а не великосвѣтскомъ смыслѣ этаго слова) свойственно—рано или поздно—платить свои долги, кому онъ долженъ ни состоялъ, а тѣмъ болѣе человѣку столько уважаемому, какъ Вы.

Вы, вѣроятно, не забыли, что по старымъ счетамъ 1850 года я остался Вамъ долженъ 150 р., что со взятыми мною въ конторѣ Вашей въ Москвѣ тогда же 15 р. составляетъ 165 р.

Желая, хотя и поздно, но возвратить Вамъ этотъ долгъ, я прошу Васъ покорнѣйше назначить мнѣ способъ его уплаты, какой Вамъ будетъ угодно—деньгами или работою, оригинальною или переводною.

Какъ для разъясненія этаго обстоятельства, такъ и по желанію лично засвидѣтельствовать Вамъ мое уваженіе, позвольте явиться къ Вамъ въ субботу, какъ въ день, когда Вы бываете въ городѣ.

Позвольте назваться
истинно уважающимъ Васъ,
какъ литератора и человѣка,

Ап. Григорьев

1859.
Іюня 3.
СпБургъ.

---

96. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[4 августа 1859 г. Петербургъ].

Прошу Васъ, во имя старыхъ нашихъ отношеній, прочесть прилагаемую у сего статью о «Московскомъ Обозрѣніи», вслѣдствіе искаженія которой въ печати г. завѣдующимъ, въ отсутствіе Кушелева, управленіемъ дѣлами редакціи, г. Хмѣльницкимъ (извѣстнымъ Вамъ), я, если не получу изъ Парижа удовлетворительнаго отвѣта, протестую публично въ «Современникѣ» и «Вѣдомостяхъ» Петербургскихъ и Московскихъ—и разрываю всякія связи съ «Русскимъ Словомъ». Статья эта, касающаяся отчасти и Васъ и другихъ, столь же или менѣе дорогихъ, но во всякомъ случаѣ уважаемыхъ мною лицъ,

да покажетъ Вамъ, что я все тотъ же, что я упорно, какъ жидъ, изъ веси въ весь, изъ страны въ страну, понесу всегда мою святыню, мое убѣжденіе. Во имя этого,—для чего я готовъ теперь поставить опять на карту все матеріальное благосостояніе,—я въ правѣ требовать, что бы Вы простили мнѣ и мою раздражительность, и мои безобразія . . . . . .

Я теперь или наканунѣ крайней погибели, или наканунѣ торжества, и самаго полнаго, тѣхъ идей, которыя воспитали во мнѣ отчасти Вы и которымъ останусь вѣренъ до нищенства, до тюрьмы, до чего угодно. Образуется новое предпріятіе, новый журналъ съ большими средствами. Судьба, кажется, отдаетъ его организацію въ мои руки. Помогите же, подайте, наконецъ, и руку и голосъ Вашъ человѣку, который неуклонно видитъ въ Васъ главу своего направленія, одинъ изъ источниковъ своихъ, нѣкогда смутныхъ, но всегда пламенныхъ и твердыхъ вѣрованій. Помогите мнѣ, въ случаѣ нужды, собрать подъ Вашимъ главенствомъ разсѣявшееся по сторонамъ стадо зеленаго «Москвитянина»! Вѣдь правда была только тамъ, въ этомъ зеленомъ «Москвитянинѣ». Я два раза былъ въ Москвѣ, послѣдній разъ на прошлой недѣлѣ и, задумывая предпріятіе, не могъ, не хотѣлъ и—гордитесь! не смѣлъ явиться къ Вамъ. А отчего? Оттого, что я ходилъ ушкуйникомъ безъ Новгородскаго слова! Боже мой! Вспомните, что весь этотъ годъ я работалъ одинъ, работалъ съ врагами, а не съ друзьями. Изъ друзей—Эдельсонъ разразился маленькой статейкой о «Тысячѣ Душахъ», да и подъ ней я долженъ былъ сдѣлать примѣчаніе. Дѣло все въ томъ: примете ли Вы живое и дѣятельное участіе Вашими статьями, совѣтами, Славянскими связями въ новомъ дѣлѣ, которое я, можетъ быть, организую и о которомъ свѣдѣніе должно покамѣстъ оставаться тайною для всѣхъ, кромѣ Васъ?.. Если да, то напишите мнѣ съ свойственной Вамъ краткостью и неразборчивостью почерка. Въ сентябрѣ я, вѣроятно, объявлюсь въ Москвѣ и объявлюсь Вамъ.

---

97. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[21 августа 1859 г. Петербургъ].

Дѣло о новомъ предпріятіи разрѣшится въ половинѣ сентября. Пожелайте мнѣ успѣха или вообще какого-нибудь конца. Я усталъ до изнеможенія . . . . . .

Предлагаютъ мнѣ службу въ Смольномъ монастырѣ. Вѣроятно, возьму. Независимость—увы! все-таки пока мечта въ странѣ, которая не дозрѣла еще до того, чтобы въ ней всякое честное убѣжденіе имѣло законное мѣсто. Годъ жизни въ Петербургѣ не помирилъ меня ни съ нимъ, ни съ его литераторами. Все это свищи и хлыщи... «Врачу исцѣлися самъ», скажете Вы мнѣ, но справедливо ли?.. Я безобразенъ въ моихъ частныхъ дѣлахъ, но дѣлу, убѣжденію служу, какъ фанатикъ. И я все-таки вѣрую, глубоко вѣрую, что Богъ дастъ мнѣ наконецъ или дѣло совсѣмъ по душѣ, или пошлетъ покой смерти.

---

98. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[26 августа—5 октября 1859 г. Петербургъ].

Не имѣя покамѣстъ никакихъ обязательныхъ статей подъ руками, я намѣренъ изложить Вамъ кратко, но съ возможной точностью, все, что случилось со мной внутренне и внѣшне съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ Вамъ изъ-за границы. Это будетъ моя исповѣдь — безъ малѣйшей утайки.

Послѣднее письмо изъ-за границы я написалъ Вамъ, кажется, по возвращеніи изъ Эмса. Кушелевъ далъ мнѣ на Римъ и на проч. 1100 піастровъ, т. е. на наши деньги 1500 рублей. Изъ нихъ я половину отослалъ въ Москву, обезпечивъ такимъ образомъ на нѣсколько мѣсяцевъ свою семью, до 400 пошло на уплату долговъ; остальныя промотаны были въ весьма короткое время, безобразнѣйшимъ, но благороднѣйшимъ образомъ, на гравюры, фотографіи, книги, театры и проч. Жизнь я все еще велъ самую цѣломудренную и трезвенную, хотя цѣломудріе мнѣ было физически страшно вредно — при моемъ темпераментѣ... Теоретическое Православіе простиралось во мнѣ до соблюденія всякихъ постовъ и проч. Внутри меня собственно жило уже другое; и какими софизмами это другое согласовалось въ головѣ съ обрядовой религіозностью, понять весьма трудно простому смыслу, но очень легко смыслу, искушенному всякими доктринами. Въ разговорахъ съ замѣчательно-воспріимчивымъ субъектомъ, Флорентійскимъ попомъ, и съ одной благородной, серьезной женщиной, діалектика увлекла меня въ дерзкую послѣдовательность мысли, въ сомнѣніе, къ которому изъ

747½ расколовъ Православія принадлежу я убѣжденіемъ: оказывалось ясно какъ день, что подъ Православіемъ разумѣлъ я самъ для себя просто извѣстное, стихійно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новыя формы жизни, искусства, въ противуположность другому, уже отжившему и давшему свой міръ, свой цвѣтъ началу — Католицизму. Что это начало на почвѣ Славянства, и преимущественно Великорусскаго Славянства, съ широтою его нравственнаго захвата, должно обновить міръ — вотъ что стало для меня уже не смутнымъ, а простымъ вѣрованіемъ..... Вѣрованія же соціалистовъ, которыхъ живой же экземпляръ судьба мнѣ послала въ лицѣ благороднѣйшаго, возвышеннаго стараго ребенка, изгнанника Демостена Оливье, ребяческими и теоретически-жалкими. Шеллингизмъ (старый и новый, онъ вѣдь все — одинъ) проникалъ меня глубже и глубже—безсистемный и безпредѣльный, ибо онъ—жизнь, а не Исторія.

Читали Вы, разумѣется, брошюру нашего великаго софиста: «Derniers mots d'un chrétien Ortodoxe»... Она кстати попалась тогда мнѣ въ руки, и я уразумѣлъ, какъ онъ себя и другихъ надуваетъ, нашъ милѣйшій, умнѣйшій софистъ! Идея Христа и пониманіе Библіи, раздвигающіяся, расширяющіяся съ расширеніемъ сознанія общины, соборнѣ, въ противуположность омертвѣнію идеи Христа, и остановка пониманія Библіи въ католичествѣ и противуположность раздробленію Христа на личности и произвольно-личному толкованію Библіи въ протестантизмѣ, таковъ широкій смыслъ малой по объему и великой по содержанію брошюрки, если освободить этотъ смыслъ изъ подъ спуда Византійскихъ хитросплетеній.

Духовный отецъ мой, Флорентійскій священникъ, увлекаемый своимъ впечатлительнымъ сердцемъ къ лжемудрію о свободѣ и отталкиваемый имъ же отъ мудрости Бецкаго, ходилъ все ко мнѣ за разрѣшеніемъ мучительныхъ вопросовъ, и я воочію видѣлъ, сколь нетрудно снискать ореолу Православія.

Внѣшнія дѣла обстояли благополучно. Старуха Трубецкая, какъ истый типъ итальянки, какъ только узнала, что у меня есть деньги, стала премилая. Князекъ любилъ меня, на сколько можетъ любить себялюбивая натура артиста-аристократа. Милая и истинно добрая Настасья Юрьевна, купно съ ея женихомъ, были моими искренними друзьями.

Готовимся къ отъѣзду въ Питеръ. А я уже успѣлъ полюбить страстно и всей душою Италію, хоть часто мучился каинскою тоскою

одиночества и любви къ родинѣ. Да, были вечера и часто такой тоски, которая истинно похожа на проклятіе каинское; прибавьте къ этому печальныя семейныя извѣстія и глубокую, непроходившую, неотвязную тоску по единственной пустой [?] женщинѣ, которую поздно, къ сожалѣнію, встрѣтилъ я въ жизни, страсть воспоминанія, коли хотите, но страсть семилѣтнюю, загоречившуюся, съ которой слилась память о лучшей, о самой свѣтлой и самой благородной порѣ жизни и дѣятельности... Дальше: мысль о безвыходности положенія, отсутствіи будущаго и проч. Въ возрожденіе «Москвитянина» я не вѣрилъ, Кушелевскій журналъ я сразу же понялъ какъ прихоть златаго барченка... Впереди—ничего, назади—ѣдкія воспоминанія, въ настоящемъ—одно артистическое упоеніе, одинъ дилетантизмъ жизни. Баста! Я закрылъ глаза на прошедшее и будущее, и отчаялся настоящему...

Между мной и моимъ ученикомъ образовывалось отношеніе весьма тонкое. Совсѣмъ человѣкомъ я сдѣлать его не могъ—для этого нужно было бы отнять у него его девять тысячь душъ, но пониманіе его я *развилъ*, вопреки мистеру Бэлю, ничего въ мірѣ такъ не боявшемуся какъ пониманія, вопреки Бецкому, ненавидѣвшему пониманіе, вопреки Терезѣ, которая вела *свою* политику... Я зналъ, къ чему идетъ дѣло, зналъ напередъ, что возврата въ Россію и университета *не будетъ*, что она свои дѣла обдѣлаетъ. Воспитанникъ мой меня часто завлекалъ своей артистической натурой: онъ сразу, вѣрно и жарко, понялъ «Одиссею», онъ критически относился къ Шиллеру, что мнѣ нравилось и не нравилось, ибо тутъ былъ и вѣрный тактъ художника, но вмѣстѣ и подлое себялюбіе аристократа, холодность маленькаго Печорина...

Рука устала писать да и уже два часа ночи. Кончаю на сегодня...

Сент. 19. Петербургъ.

Принимаюсь продолжать — почти черезъ мѣсяцъ, ибо все это время, истинно минуты свободной, т. е. такой, въ которую можно сосредоточиться, не было.

Море было удивительно во все время нашего плаванія отъ Ливорно до Генуи и отъ Генуи до Марселя... Я къ морю вообще пристрастился, начиная еще съ пребыванія въ Ливорно. Въ Генуѣ дохнуло уже воздухомъ свободы. Портреты Мадзини и Гарибальди въ трактирѣ не мало изумили меня и порадовали... Во Флоренціи я въ

одномъ отношеніи какъ будто не покидалъ отечества. Нашъ генералъ Лазаревъ-Станищевъ былъ совершенно правъ, избравши Флоренцію мѣстомъ успокоенія отъ своихъ геройскихъ подвиговъ: онъ могъ дышать воздухомъ герцогской передней и въ свѣтлый день проходить во время обѣдни строемъ солдатъ въ своихъ красныхъ штанахъ и во всѣхъ регаліяхъ...

Я Вамъ не путешествіе свое разсказываю, а Исторію своего нравственнаго процесса...

Стало быть, прямо въ Парижъ.

Пріѣхалъ я, разумѣется, налегкѣ, т. е. съ однимъ червонцемъ, и поселился сначала въ 5 этажѣ Hôtel du Maroc (rue de Seine), за 25 франковъ въ мѣсяцъ. И прекрасно бы тамъ и прожить было... Не стану описывать Вамъ, какъ я бѣгалъ по Парижу, какъ я очаровалъ добраго Николая Ивановича Трубецкаго и его больше начитанную, чѣмъ умную половину, какъ вообще тутъ меня носили на рукахъ...

На бѣду, въ одну изъ обѣдень, встрѣчаю я въ церкви извѣстнаго вамъ (но достаточно ли извѣстнаго?) Максима Аѳанасьева... Я было прекратилъ съ нимъ и переписку, и сношеніе по многимъ причинамъ, главное потому, что меня начало претить отъ его страшныхъ теорій. Этотъ человѣкъ у меня какъ народъ (т. е. гораздо всѣхъ насъ умнѣе), а безпутенъ больше, чѣмъ самый безпутный изъ насъ. Я дѣлалъ для него всегда все, что могъ, даже больше чѣмъ могъ, дѣлалъ по принципу христіанства и по принципу служенія народу. Не знаю, поймете ли Вы, но чего Вы не поймете, когда захотите? почему видъ этого человѣка, одинъ видъ разбилъ во мнѣ послѣдніе оплоты всякихъ формъ. Вѣдь ужъ онъ въ Православіи то дока первой степени.

Ну-съ! и пустились мы съ нимъ съ перваго же дня во вся тяжкая! И шло такое круженіе время немалое. Повторяю опять, что все къ этому круженію было во мнѣ подготовлено язвами прошедшаго, безпѣльностью настоящаго, отсутствіемъ будущаго, злобою на Васъ и ко всѣмъ нашимъ, этой злобой любви глубокой и искренней.

Увы! Вѣдь и теперь скажу я тоже... Вѣдь тѣ поддерживаютъ своихъ; посмотрите-ка: Кетчеру за честное и безобразное оранье домъ купили; Евгенію Коршу, который вездѣ оказывался неспособнымъ даже до сего дне, постоянно терявшему мѣста, постоянно отыскивали мѣста даже до сего дне. Вѣдь Солдатенкова съѣли бы живьемъ, если бы Валентинъ Коршъ (бездарный, по ихъ же при-

знанію) съ нимъ поссорился, не входя въ разбирательство причинъ... А вотъ Вамъ, кстати, фактецъ, въ видѣ письма, которое далъ мнѣ Боткинъ, въ случаѣ его смерти. Простите эти выходки злобной грусти человѣку, который служитъ и будетъ служить всегда одному направленію, зная, что въ своихъ-то онъ и не найдетъ поддержки.

Максимъ мнѣ принесъ утѣшительныя извѣстія о томъ, какъ ругалъ меня матерно Островскій, за доброе желаніе пособить Дріянскому на счетъ его «Квартета», продажей этого «Квартета» Кушелеву...

Опять сказалъ я: баста! и, очертя голову, ринулся въ омутъ.

Но, еслибъ Вы знали всю адскую тяжесть мукъ, когда придешь бывало въ свой одинокій номеръ послѣ оргій и всяческихъ мерзостей. Да! Каинскую тоску одиночества я испытывалъ. Чтобы заглушить ее, я жогъ коньякъ и пилъ до утра, пилъ одинъ, и не могъ напиться. Страшныя ночи! Вѣря въ Бога глубоко и пламенно, видѣвши Его очевидное вмѣшательство въ мою судьбу, Его чудеса надъ собою, я привыкъ обращаться съ Нимъ за панибрата, я,—страшно вымолвить,—ругался съ Нимъ, но вѣдь Онъ зналъ, что эти стоны и ругательства—вѣра. Онъ одинъ не покидалъ меня.

Какъ нарочно, въ моемъ номерѣ висѣла гравюра съ картины Деларош, гдѣ Онъ изображенъ прощающимъ блудницу.

Сент. 29.

Дикую и безобразно хаотическую смѣсь представляли тогда мои вѣрованія... Мучимый своимъ неистовымъ темпераментомъ, я иногда въ Луврѣ молилъ Венеру Милосскую, и чрезвычайно искренне (особенно послѣ пьяной ночи), послать мнѣ женщину, которая была бы жрицей, а не торговкой сладострастія... Я вамъ разсказываю все безъ утайки.

Венера ли Милосская, демонъ ли, но такую я нашолъ: это фактъ...

Кстати замѣчу, что въ Венерѣ Милосской впервые запѣлъ для меня мраморъ, какъ въ Мадоннѣ Мурильо во Флоренціи впервые ожили краски. Въ Римѣ я, въ отношеніи къ статуямъ, былъ еще слѣпъ — изучалъ, смотрѣлъ, но не понималъ, не любилъ; нѣчто похожее на любовь и, стало быть, на пониманіе пробудилось у меня тамъ въ отношеніи къ Гладіатору, но еще очень слабо.

Возвращаюсь опять къ разсказу.

Князекъ давно уже ничего не дѣлалъ, а только видимо изнывалъ томленіемъ. Положеніе мое въ отношеніи къ нему было самое странное... Я, по старому, употреблялъ на него часа по четыре, выносилъ снисходительно (даже слишкомъ снисходительно) праздную болтовню, чтобы хоть на четверть часа сосредоточить его вниманіе на какомъ-либо человѣческомъ вопросѣ и двинуть его мысль впередъ. Положеніе—адски тяжелое!..

...Ужасные результаты гнета системы мистера Бэля тутъ только вполнѣ обнаружились. Вотъ она, эта безсердечная, холодная, резонерская система дисциплины безъ разсужденія, часто безъ позволенія возраженій.

Я дѣлалъ свое дѣло, дѣло расшевеливанія, растревоженія... Я дѣлалъ его смѣло, но, можетъ быть, тоже пускался въ крайности. Впрочемъ, въ крайности-ли... Разъ ѣздили мы въ коляскѣ по Bois de Boulogne съ его теткой. Между прочимъ разговоромъ,—она отличный демагогъ и атеистъ въ юбкѣ,—спросила меня, какъ я разсказываю князьку о революціи и проч. Въ точности, подробности и всю правду, отвѣчалъ я. — И вы не боитесь? спросила она. — Чего, княгиня? Сдѣлать демагога изъ владѣльца девяти тысячь душъ? И я, и она, мы, разумѣется, расхохотались. Послѣ этой прогулки, она объявила княгинѣ Терезѣ, «que cet homme a infiniment d'esprit, il ne tarit jamais».

Вообще, я съ ними обжился и — cela va sans dire — занялъ у князя Николая Ивановича Трубецкаго двѣ тысячи франковъ.

И вотъ—учитель и ученикъ—вмѣстѣ въ Jardin de Mabille, въ Château des Fleurs.

Тереза это знала и только шутя говорила, что за учителемъ слѣдовало бы такъ же имѣть гувернера, какъ за ученикомъ.

Тутъ то она наконецъ объявила, что мы ѣдемъ не въ Россію, а назадъ во Флоренцію, и предложила мнѣ ѣхать тоже.

Я согласился. Я полюбилъ «Cara Italia, solo beato», какъ родину, а на родинѣ не ждалъ ничего хорошаго, какъ ничего хорошаго въ будущемъ.

О, строгіе судьи безобразій человѣческихъ! Вы строги потому, что у васъ есть опредѣленное будущее, вы не знаете страшной внутренней жизни Русскаго пролетарія, т. е. Русскаго развитаго человѣка, этой постоянной жизни наканунѣ нищенства (да не собственнаго—это бы еще не бѣда!), наканунѣ Долговаго Отдѣленія

или Третьяго Отдѣленія, этой жизни Каинскаго страха, Каинской тоски, Каинскихъ угрызеній!.. Положимъ, что я виноватъ въ своемъ прошедшемъ, да вѣдь отъ этого сознанія вины не легче, вѣдь, прошедшее опутало руки и ноги, вѣдь я въ кандалахъ. Распутайте эти кандалы, уничтожьте слѣды этого прошедшаго, дайте вздохнуть свободно и тогда, но только тогда, подвергайте строжайшей моральной отвѣтственности.

Это не оправданіе безпутствъ. Безпутства оплаканы, можетъ быть, кровавыми слезами, заплачены адскими мученіями. Это вопль человѣка, который жаждетъ жить честно, по божески, по православному, и не видитъ къ тому никакой возможности!

Я кончаю эту часть исповѣди такимъ воплемъ потому, что онъ у меня вѣчный. Особенно же теперь онъ кстати.

Я дошелъ до глубокаго основанія своей безполезности въ настоящую минуту. Я—честный рыцарь безуспѣшнаго, на время погибшаго дѣла. Всѣ соглашаются внутренне, что я правъ, и потому-то упорно молчатъ обо мнѣ. Тѣ, кто упрекаютъ меня въ томъ, что я въ своихъ статьяхъ не говорю объ интересахъ минуты, не знаютъ, что эти интересы минуты для меня дороги не меньше ихъ, но что порѣшеніе вопросовъ по моимъ принципамъ такъ смѣло и ново, что я не смѣю еще съ неумытымъ рыломъ проводить послѣдовательно свои мысли... За высказанную мысль надобно отвѣчать передъ Богомъ. Я всюду вижу повтореніе эпохи междуцарствія, вижу воровскихъ людей, клевретовъ Сигизмунда, мечтателей о Владиславѣ, вижу шайки атамана Хлопки (въ лицѣ Максима Аѳанасьева),—не вижу земскихъ людей, людей порядка, разума, дѣла.

Броженія опять отлетѣли, да и въ броженіяхъ то я никогда не переставалъ быть православнымъ по душѣ и по чувству, консерваторомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ противуположность этимъ Тушинцамъ, которые черезъ два года, не больше, огадятъ и опозорятъ названіе либерала! Вѣдь только [Добролюбовъ] могъ такою слюною бѣшеной собаки облевать родную мать, подъ именемъ Обломовщины, и свалить всѣ вины гражданской жизни на самодурство «Темнаго царства». Стегонулъ же ихъ за первую выходку Лондонскій консерваторъ: не знаю, раскуситъ ли онъ всю прелесть идеи статей «Темное царство»!..

Да, черезъ два года все это надоѣстъ и огадится, всѣ эти обличенія, всѣ эти узкія теоріи!.. Черезъ два года!.. Но будемъ ли мы-то на что нибудь способны черезъ два года? Лично я за себя не

отвѣчаю. Православный по душѣ, я по слабости могу покончить самоубійствомъ.

Сент. 30.

Итакъ, я рѣшился ѣхать въ Италію; съумѣлъ заставить скупую Терезу накупить груду книгъ по исторіи, Политической Экономіи, древней литературѣ, убѣжденный, что въ промежуткахъ блуда и свѣтскихъ развлеченій князекъ все-таки нахватается со мною образованія.

Я совершенно уже началъ привязываться къ нимъ. Достаточно было Терезѣ по душѣ, какъ съ членомъ семейства, поговорить о болѣзни Софьи Юрьевны и о прочемъ, чтобы я помирился съ нею душевно, уже не какъ съ типомъ, а какъ съ личностью, хотя твердо все-таки рѣшился жить въ городѣ Флоренскѣ на своей квартирѣ. А чѣмъ жить, объ этомъ я не думалъ. Со всѣмъ моимъ безобразіемъ я вѣдь всегда думалъ не о себѣ, а о своей семьѣ, хотя, по безобразію же неисходному, часто оставлялъ семью ни съ чѣмъ!.. Притомъ же я былъ тогда избалованъ тѣмъ, кого звалъ великимъ банкиромъ...

Вѣтренный неисправимо, я въ кругу Трубецкихъ совершенно и притомъ глупо распустился... Правда, что и поводовъ къ этому было не мало. Я въ нихъ повѣрилъ. Въ кружкѣ Николая Ивановича извѣстныя изданія привозились молодымъ княземъ Орловымъ и читались во всеуслышаніе, разумѣется, съ выпущеніемъ строкъ, касавшихся князя Орлова-папеньки. Князь Николай пренаивно и пресерьезно проповѣдывалъ, que le catholicisme est la liberté—одно и тоже, а я пренаивно начиналъ думать, что хорошая душевная влага не портится даже въ гниломъ сосудѣ католицизма. Въ молодомъ кружкѣ молодыхъ Геркеновъ я читалъ свои философскія мечтанія и наивно собирался читать всей молодежи лекціи во Флоренціи...

На бѣду, на одномъ обѣдѣ, на который притащили меня больнаго, въ Пале-Роялѣ, я напился какъ сапожникъ—въ аристократическомъ обществѣ... На бѣду-ли впрочемъ?

Я зналъ твердо, что Тереза этого не забудетъ... Тутъ она не показала даже виду, и другіе всѣ обратили въ шутку, но я чувствовалъ, что—упалъ.

Отчасти это, отчасти и другое было причиною перемѣны моего рѣшенія.

30 августа нашего стиля я проснулся послѣ страшной оргіи съ демагогами изъ нашихъ, съ отвратительнымъ чувствомъ въ душѣ... Я вспомнилъ, что это 30 августа, имянины Островскаго—постоянная годовщина сходки людей, крѣпко связанныхъ сходствомъ смутныхъ вѣрованій, годовщина попоекъ безобразныхъ, но святыхъ своимъ братскимъ характеромъ, духомъ любви, юморомъ, единствомъ съ жизнію народа, богослуженіемъ народу...

Въ Россію! раздалось у меня въ ушахъ и въ сердцѣ!..

Вы поймете это—Вы, звавшій насъ чадами кабаковъ и б..., но нѣкогда любившій насъ...

Въ Россію!.. А Трубецкіе ужъ были на дорогѣ къ Турину и тамъ долженъ я былъ найти ихъ.

Въ мгновеніе ока я написалъ къ нимъ письмо, что по домашнимъ обстоятельствамъ и проч.

Въ Парижѣ я впрочемъ проваландался еще недѣли двѣ.

Окт. 5.

Денегъ у меня было мало, такъ что со всевозможной экономіей стало едва ли бы на то, чтобы доѣхать до Отечества. Съ безобразіемъ же едва стало и до Берлина. Моя надежда была на ящикъ съ частію книгъ и гравюръ, который, полагалъ я, въ у ч е н о м ъ городѣ Берлинѣ можно заложить все-таки хоть за пятьдесятъ талеровъ какому-нибудь изъ книгопродавцевъ.

Вечера стояли холодные, и я, въ моемъ коротенькомъ Парижскомъ пиджакѣ, сильно продрогъ, благополучно добравшись до города Берлина. Т е п л ы м ъ я, какъ Вы можете сами догадываться, ничѣмъ не запасся. Денегъ не оставалось буквально ни единаго зильбергроша.

«Zum Rothen Adler, Kurstrasse!» — крикнулъ я геройски возницѣ экипажа, нарицаемаго droschky и столь же мало имѣющаго что-либо общее съ нашими дрожками, какъ эластическая подушка съ дерюгой... Это я говорю впрочемъ теперь, когда Господь наказалъ уже меня за излишній патріотизмъ. А тогда, еще издали—дѣло другое, тогда мнѣ еще

и дымъ Отечества былъ сладокъ и пріятенъ.

Я помню, что разъ, садясь съ Боткинымъ въ покойныя Берлинскія droschky, я пожалѣлъ объ отсутствіи въ городѣ Берлинѣ нашихъ пролетокъ. Боткинъ пришелъ въ ужасъ отъ такого патріо-

тическаго сожалѣнія; а я внутренно приписалъ этотъ ужасъ аффектированному западничеству, отнесъ къ категоріи сдѣланнаго въ ихъ души. Дали же знать мнѣ себя первыя пролетки, тащившія меня отъ милой Таможни до Гончарной улицы, и вообще давали знать себя цѣлую зиму, какъ Немезида, Петербургскія пролетки, которыя, по вѣрному замѣчанію Островскаго, самимъ небомъ устроены такъ, что на нихъ вдвоемъ можно ѣздить только съ блудницами, обнямшись,—пролетки, такъ сказать, буколическія.

«Zum Rothen Adler» велѣлъ я везти себя потому, что тамъ мы съ Бахметевымъ останавливались en grande seigneurs, вслѣдствіе чего, т. е. нашего грансеньерства, и взыскали съ насъ за какой-то чайникъ изъ Польскаго серебра, за такъ называемую Thee-maschine, которой мы, заговорившись по русской безпечности, допустили растопиться, двадцать пять талеровъ. Тамъ можно было, значитъ, безъ особыхъ непріятностей велѣть расплатиться съ извощикомъ.

Такъ и вышло. Rother Adler, не смотря на мой легкій костюмъ, принялъ меня съ большимъ почетомъ, узнавши съ разу одну изъ русскихъ воронъ.

Черезъ пять минутъ я сидѣлъ въ чистой, теплой, уютной комнатѣ. Передо мной была Thee-maschine (должно быть та же, только въ исправленномъ изданіи), а черезъ десять минутъ я затягивался съ наслажденіемъ, азартомъ, неистовствомъ русской крѣпкой папироской. Врагъ всякаго комфорта, я только понимаю комфортъ въ чаю и въ табакѣ (т. е., если слушать во всемъ глубокочтимаго мною отца Парѳенія, въ самомъ то діавольскомъ навожденіи).

Никогда не былъ я такъ похожъ на Тургеневскаго Рудина (въ эпилогѣ), какъ тутъ. Разбитый, безъ средствъ, безъ цѣли, безъ завтра. Одно только, что въ душѣ у меня была глубокая вѣра въ Промыселъ, въ то, что есть еще много впереди. А чего?.. Этого я и самъ не зналъ. По настоящему, ничего не было. На родину вѣдь я являлся безполезнымъ человѣкомъ, съ развитымъ чувствомъ изящнаго, съ оригинальнымъ, но нѣсколько капризно-оригинальнымъ взглядомъ на искусство, съ общественными идеалами прежними, т. е. хоть и болѣе выясненными, но рановременными и во всякомъ случаѣ несвоевременными, съ глубокимъ православнымъ чувствомъ и съ страшнымъ скептицизмомъ въ нравственныхъ понятіяхъ, съ распущенностью и съ неутомимою жаждою жизни!..

1860 г.

99. КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ СЛУЧЕВСКОМУ.

[2-го января 1860 г. Петербургъ].

Виноватъ передъ Вами невольно, Константинъ Константиновичъ! Я Вамъ обѣщалъ сегодня, т. е. въ субботу вечеромъ, быть дома—но оказывается, что я за недѣлю еще далъ слово на 2 января быть въ гостяхъ. Жду Васъ съ Вашимъ Клавдіемъ завтра.

Вашъ

Ап. Григорьевъ.

---

100. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Послѣдняя треть марта—апрѣль 1860 г.].

Въ послѣдній разъ хочу я говорить съ вами прямо, какъ передъ Богомъ. Вы должны меня выслушать во имя нашихъ прежнихъ отношеній и во имя того, что, кажется, показалось Вамъ Донкихотствомъ (исторія съ «Русскимъ Словомъ»), но что было въ сущности только служеніемъ старому принципу.

Въ васъ до сихъ поръ столько энергіи, что Вы вотъ скачете изъ Москвы биться за своихъ Норманновъ, а не хотите понять того простаго факта, что человѣкъ можетъ, Богъ знаетъ какъ, безобразничать въ своей личной жизни... но предпочитаетъ безвыходность, вѣчные долги, Долговое Отдѣленіе потерѣ самостоятельности и чистоты своего взгляда, измѣнѣ старымъ привязанностямъ и вѣрованіямъ... Что Вы этого не хотите понять, я прямо умозаключаю изъ того, что Вы не посылаете за мной. Мнѣ къ Вамъ идти безъ позыва тяжело... Черкните мнѣ, что Вы хотите меня видѣть не для того, чтобъ разсуждать о моей погибшей личности, а о дѣлѣ, нѣкогда намъ съ Вами общемъ, и я приду.

Я вѣдь столько еще наивенъ, что, по старому, вѣрю: 1) въ силу и торжество этого дѣла, 2) въ то, что въ концѣ концовъ—ни Вамъ, ни мнѣ не сойтись вполнѣ съ другими дѣлами, потому что эти дѣла или 1) Тушинскій станъ («Современникъ»), или 2) Владиславъ («Русскій Вѣстникъ»), или 3) Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ съ товарищи («Атеней», «Наше Время»), или 4) ужъ

наконецъ просто атаманъ Хлопка или Стенька Разинъ... Вамъ, конечно, открыты теперь настежь двери всякаго Петербургскаго или Московскаго журнала, да какъ открыты? Совсѣмъ ли и надолго ли? Да вѣдь и мнѣ онѣ не закрыты, но ни съ однимъ я долго ужиться не могу.

1) «Москвитянинъ» побѣдилъ во многомъ, почти во всемъ (новые таланты, идея народности, имѣющая и здѣсь изъ молодого поколѣнія жаркихъ поборниковъ), но надъ «Москвитяниномъ», втихомолку признавая его положенія, постоянно издѣваются. Это Васъ не бѣситъ?

2) Вамъ не ясно, что побѣду-то вырвали у насъ безмолвнымъ заговоромъ, разъединяя насъ, отвлекая то того, то другого—то лестію, то фальшивымъ примиреніемъ? Вѣдь у меня есть факты на это.

3) Самъ я, глубоко вѣря въ истину и единственную правоту нашего направленія, совершенно убѣжденъ, что никто, кромѣ меня, не вѣритъ въ его практическую возможность. Въ началѣ осени я задумывалъ дѣло безъ всякихъ средствъ и опять обратился къ Вашему другу, но предполагалъ умолчать о затѣваемомъ дѣлѣ, и просилъ его прямо помочь моей личности. Хоть это смѣшно, но все-таки въ глазахъ такого практическаго человѣка, какъ В. А. Кокоревъ, менѣе забавно, чѣмъ просить на наше осмѣянное, оплеванное дѣло.

4) У меня земля всюду уходила изъ-подъ ногъ. Вы, говорятъ, бранили меня, что ввелъ Хмѣльницкаго къ Кушелеву. Не Хмѣльницкій, такъ кто бы нибудь другой—цѣлая шайка! Схватился я за «Русскій Міръ», успѣлъ снять съ него фигуру Петра, написалъ статью, отъ которой приходили въ восторгъ люди порядочные, статью, которою ясно вызывалъ на отвѣтъ Тушинцевъ. Мнѣ никто не отвѣчалъ. Сталъ было въ шутовской формѣ фельетоновъ «Сына Отечества» катать разныя современныя безобразія мысли. Послѣ второго же фельетона Старчевскій возопилъ въ ужасѣ: «Не надо, не надо!»... Вотъ что̀ такое направленіе «Москвитянина».

5) А между тѣмъ, я вѣрю только въ него и какъ съумасшедшій убѣжденъ, что, начиная опять изданіе, которое прямо и смѣло заявило, что оно будетъ продолжать дѣло «Москвитянина» (исчисливши въ программѣ все прежнимъ изданіемъ сдѣланное), оно бы, поборовшись энергически съ годъ, восторжествовало, т. е. вступило бы въ колею существующаго, необходимаго. Мало того, что я вѣрю фанатически; у меня есть силы для этого дѣла, силы, готовыя работать

съ яростью, работать безкорыстно, въ ожиданіи будущихъ благъ, силы 1) для борьбы за идею народности въ жизни, искусствѣ, наукѣ (А. С. Гіероглифовъ, В. Крестовскій); 2) для борьбы противъ философскаго матеріализма во имя идеализма и Православія, какъ идеи (Н. Н. Страховъ); 3) для смѣлой борьбы за свободу противъ деспотизма, съ одной стороны, и противъ Тушинскаго фурьеризма, съ другой (профессоръ Шилль) и т. д. Все это—силы свѣжія, молодыя, благородныя, убѣжденныя. Всѣхъ ихъ я могъ бы Вамъ представить. Не говорю о нашихъ коренныхъ: Евгеніѣ Эдельсонѣ, Алмазовѣ, Меѣ, Колошинѣ (съ держаніемъ сего послѣдняго въ рукахъ), которые всѣ проснутся, подымутъ голоса и головы, какъ только дѣло станетъ на ноги, но не прежде,—одни по ихъ подлому мѣщанству, другіе по безвыходности ихъ положенія.

По какимъ же нибудь предначертаніямъ воли Божьей я служу всегда, со всѣмъ моимъ безобразіемъ, со всею безвыходностью положенія, центромъ для разныхъ однородныхъ силъ. По какимъ же нибудь тайнымъ законамъ я храню упорно вѣру въ наше старое дѣло...

Но за что же побѣда-то вырвана у насъ изъ рукъ? Подумайте объ этомъ!

Прошу у Васъ бесѣды не лично до меня, а до дѣла касающейся.

Что до моей личности, то прилагаемыя у сего тетради могутъ, если Вы когда-нибудь ихъ пробѣжите, удостовѣрить Васъ, что я считалъ святымъ долгомъ быть съ Вами откровеннымъ, какъ съ Богомъ.

---

102. КОМИТЕТУ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

[№ 205]. [19-ое засѣданіе]. [1-го Мая 1860].

Милостивые Государи!

Я не инвалидъ — у меня есть и голова и руки, но именно потому то, что у меня есть голова и руки, я смѣло обращаюсь съ просьбою къ литературнымъ собратіямъ. Я прошу у васъ вспоможенія, потому что могу его возвратить впослѣдствіи съ лихвою, могу самъ сдѣлаться полезнымъ членомъ вашего общества, если вы дадите мнѣ средства распутать нѣсколько мои крайне-запутанныя дѣла.

Литературный фондъ—не трибуналъ совѣсти, передъ которымъ я долженъ былъ бы объяснять, насколько я самъ, насколько обстоятельства—виною запутанности моихъ дѣлъ. Передъ Литературнымъ фондомъ—литераторъ,—дурно ли, хорошо ли,—но всегда по убѣжденію работавшій съ 1845 года и находящійся въ крайне стѣсненномъ положеніи.

Литературный фондъ долженъ знать ту простую истину, что [что] тяжкія положенія въ особенности тяжки тѣмъ, что отнимаютъ у человѣка даже возможность работать, т. е. возможность выйдти изъ нихъ.

Я прошу моихъ собратій выдать мнѣ заимообразно восемь сотъ рублей—сумму достаточную для того, чтобы я могъ спокойно работать и работою самъ привести дѣла мои въ порядокъ.

Сумму эту, для большей вѣроятности уплаты,—я прошу на четырехлѣтній срокъ, обязуясь ежегодно уплачивать по двѣсти пятидесяти рублей, считая пятдесятъ рублей ежегоднымъ процентомъ этой не прикосновенной, не частнымъ лицамъ, а обществу принадлежащей суммы.

Обезпечить уплату я могу, естественно, только работою.

Свободно переводя съ французскаго и нѣмецкаго (съ послѣдняго даже сочиненія философскія),—я предлагаю въ этомъ отношеніи свои услуги всѣмъ издателямъ журналовъ или издателямъ вообще, участвующимъ въ фондѣ. Неужели же у всѣхъ нихъ, въ совокупности взятыхъ, не найдется переводной работы на двѣсти пятдесятъ рублей въ годъ?

Предлагаю же я работу переводную, какъ такую, въ которой нѣтъ возможности разойтись въ убѣжденіяхъ и которая, слѣдственно, вѣрнѣе обезпечиваетъ платежъ суммы.

Увѣренъ, что безъ важныхъ причинъ Литературный фондъ не откажется помочь человѣку, котораго дѣятельность была и будетъ всегда честною литературной дѣятельностью.

Аполлонъ Григорьевъ.

1860 года,
Апрѣля 30.
СПБургъ.

---

103. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[28 октября 1860 г. Москва].

Вамъ и мнѣ нужна дѣятельность. Мнѣ нужна она такъ, что либо въ петлю, либо въ Лондонъ, либо что нибудь дѣлать... Что газету Вамъ не разрѣшатъ, это—почти вѣрно. Мой проектъ вотъ какой: 1) Или взять «Московскій Вѣстникъ», который, кажется, провалится... Если можно, втянуть въ наше изданіе кого-либо изъ музыкальныхъ торговцевъ и давать музыкальныя приложенія. 2) Или начать маленькое изданіе въ форматѣ «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго (но не во вкусѣ ея). Я съ Аскоченскимъ говаривалъ о его изданіи: онъ мнѣ говорилъ, что изданіе стоитъ ему до шести тысячъ. Типографіи у Каткова и Леонтьева избѣгнуть бы лучше, ибо, взявши Типографію у нихъ, мы не можемъ уже взять Сергѣя Колошина, а онъ сила. Я еще и не видѣлся съ нимъ и не увижусь, пока съ Вами не столкуюсь. Выгоды и убытки на основаніи акцій.

---

104. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Октябрь—ноябрь 1860 г. Москва].

Я самолично нахожусь въ наилучшемъ нравственномъ и физическомъ здоровьи, полонъ бодрости, ярости на враговъ, но въ состояніи, которое одинъ, очень умный человѣкъ называлъ absence momentanée, mais totale de capitaux, такъ что въ сухую и холодную погоду не могъ являться на Дѣвичье Поле за отсутствіемъ зимняго туалета; въ болѣе же теплую и влажную—за отсутствіемъ калошъ, да и потому еще, чтобы не впасть въ гнусное искушеніе (какое, Вы, вѣроятно, догадываетесь)... Какъ будто зналъ я, что у меня столько пріятелей, которые пускаютъ про меня, буквально сидящаго въ берлогѣ, нехорошіе слухи!.. Какіе? 1) Въ ротъ я не беру хмѣльного, и если ужъ не беру, то совсѣмъ. 2) Съ женой я не могу жить подъ одной крышей... Еще что-же? Т. е., что такого, о чемъ бы я заранѣе Васъ не предувѣдомилъ, даже письменно? Да и какимъ образомъ мои семейные дѣла или мои отношенія съ женщинами вообще относятся къ нашему дѣлу?.. Развѣ изъ друзей кто не пустилъ ли, юмора ради, слухъ, что я загулялъ? Ради Бога, не будьте такъ вспыльчивы, добрѣйшій Михаилъ Петровичъ, а глав-

ное еще: положите конецъ гнуснымъ сплетнямъ. Вы вѣдь одно знаете, что я слишкомъ гордъ для того, чтобы скрывать въ себѣ даже м е р з о с т и, а особенно отъ Васъ!

---

105. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Первая половина ноября 1860 г. Москва].

Покойный Хомяковъ говорилъ разъ, что безъ надежды на побѣду не бываетъ, да и не можетъ быть борьбы, и онъ былъ правъ.

Я вѣрю въ возможность побѣды нашего направленія, вѣрю глубоко и вѣрѣ этой отдавалъ и готовъ отдать все, что только могу отдать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я вѣрю, по многимъ жизненнымъ и душевнымъ опытамъ, въ противодѣйствіе злой силы того господина, который въ наше время, чтобы удобнѣе дѣйствовать, притворился, что его нѣтъ, и часто вижу воочію его поганый хвостъ. Всякій разъ, когда я его увижу, я Вамъ—сердитесь Вы на меня или нѣтъ—буду указывать, а изъ указаній моихъ дѣлайте, что хотите.

Сила вовсе не въ томъ, что мы съ Борисомъ люди непрактическіе и даже г у л я щ і е (впрочемъ г у л ь б а, собственно, дѣлу у насъ съ нимъ не вредила), сила не въ томъ, что въ глазахъ нѣсколькихъ в п о л н ѣ и даже съ избыткомъ обезпеченныхъ господъ я буду подлецомъ на нѣсколько времени,—все вѣдь это, сами Вы знаете, вздоръ! Сила въ томъ, что со всѣми другими Вы рано или поздно, но въ чемъ нибудь да разойдетесь, и только съ нами (изъ молодого, подразумѣвается, поколѣнія) можете дѣлать дѣло вполнѣ общее. Это не самохвальство во мнѣ говоритъ, а вѣра и убѣжденіе, добытыя, геѳсимански-выстраданныя въ моей скитальческой жизни. Говоритъ еще тутъ личная страстная привязанность къ Вамъ, въ которой Вы ни поводовъ, ни правъ сомнѣваться не имѣете.

Не вѣрю я ни въ Вашего Гилярова, купно съ его пятью тысячами поповъ, ни въ Вашего Ордынскаго. Въ поповъ, какъ въ дѣятелей, я вообще мало вѣрю, а въ Гилярова вѣрить Вы меня ничѣмъ не заставите (относительно нашего дѣла). Ордынскій же—у ч е н ы й, и съ меня этого довольно. Онъ просто сердитъ на тѣхъ и раздраженъ, а убѣжденій нашихъ не имѣетъ, да и неоткуда было ихъ ему взять!

Все это не значитъ, чтобы мы не подчинились хоть Гилярову, хоть Ордынскому. Намъ дорога́ наша завѣтная мысль. Но я для Васъ

говорю и для дѣла. Повѣрьте въ насъ, какъ мы въ Васъ вѣримъ. Положимъ, что мы чада погребковъ, какъ Вы нѣкогда насъ звали, да что же съ этимъ дѣлать, что только намъ, чадамъ погребковъ, Богъ послалъ несокрушимую вѣру?

Вы знаете сами, что безъ насъ, т. е. пока безъ меня и Бориса, не изъ-за чего и не съ кѣмъ начинать дѣло. Направленіе «Русской Бесѣды» пало и не возстанетъ, направленіе пяти тысячь поповъ и безъ Васъ имѣетъ средства и органы. Направленіе же «Москвитянина» было не Кошелевъ, не Гиляровъ, не пять тысячь, а Вы и мы.

Все это Вы знаете и не хотите видѣть, что при самомъ началѣ дѣла извѣстный господинъ распускаетъ уже свой хвостъ.

Михайло Петровичъ, отецъ мой по духу, подумайте, что блудный, но всегда горячій къ добру сынъ Вашъ говоритъ Вамъ все это не изъ мелочного самолюбьица, не изъ разсчетовъ. Вѣдь мы на великое дѣло, на дѣло порядка и правды сбираемся; вѣдь у меня отъ всякаго видѣннаго мною въ жизни консервативнаго ли, либеральнаго ли безобразія душа наболѣла! Весело ли мнѣ думать, что дьяволъ и тутъ можетъ распустить свой хвостъ.

Въ 1853, 1854 и отчасти 1855 году я просилъ у Васъ диктатуры, конечно не потому, что «у Добчинскаго зубъ со свистомъ». Вы мнѣ ее не дали тогда. Въ 1860 году воля судьбы приводитъ опять къ тому же, а Вы намъ суете Ордынскаго и пять тысячь. Не спорю, что и отъ Ордынскаго и отъ пяти тысячь выйдетъ дѣло, да оба эти дѣла будутъ не Ваше и не наше дѣло. Кажется, все это ясно, какъ алгебраическія уравненія 1-й степени.

И въ заключеніе—«Москвитянинъ», засмѣянный, оклеветанный, а не что либо другое. Намъ вѣдь нечего стыдиться этой фирмы: она была знаменемъ честнаго дѣла, дѣла, у котораго чорту разъ удалось вырвать изъ рукъ побѣду!—и неужели удастся еще?

Вотъ Вамъ вмѣсто статьи, которую нетруднѣе написать, нежели нѣсколько писемъ къ Вамъ. Что Вы сомнѣваетесь въ статьяхъ? Вспомните 1851 годъ. Когда мы крѣпко вѣрили, мы и крѣпко, и много работали. А вѣра въ насъ та же, да и силы, слава Богу, въ насъ тѣ же, благодаря тому, что мы жили и вѣрили въ жизнь, а не въ книжки!

106. АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ МИЛЮКОВУ.

[Наканунѣ новаго, 1861 г. Петербургъ].

...Я кончаю два довольно большихъ стихотворенія Байрона и заѣду къ Вамъ съ ними сегодня въ семь часовъ. Ради Бога (если они Вамъ, разумѣется, понравятся), дайте мнѣ за нихъ нынче же, т. е. когда я къ Вамъ пріѣду и прочту, денегъ по четвертаку за стихъ. Отъ этого зависитъ—посадятъ ли меня завтра, т. е. въ новый годъ, въ долговое, или нѣтъ.

1861 г.

107. АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ МИЛЮКОВУ.

[11 января 1861 г. Петербургъ].

Я сажусь... Навѣстите меня какъ-нибудь въ тарасовомъ домѣ.

---

108. ѲЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ДОСТОЕВСКОМУ.

1 февраля 1861 г. [Петербургъ].

Ѳедоръ Михайловичъ!

Мнѣ крайне нужно видѣть Михайла Михайловича завтра у т р о м ъ до 2-хъ часовъ! Статья пишется. Жму Вашу руку.

Вашъ

Ап. Григорьевъ.

1861 г.
Февр. 1
Среда.

---

109. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[13 февраля 1861 г. Петербургъ].

Я пишу къ Вамъ изъ Долговаго Отдѣленія, но, прежде всего, не за тѣмъ, чтобы о чемъ либо Васъ просить, не за тѣмъ, чтобы Вамъ что либо предлагать, не за тѣмъ даже, чтобы себя самого оправдывать... Судьба моя рѣшена. По выпускѣ изъ б л а г о т в о р и-

тельнаго заведенія,—ибо находятся еще добрые люди, которые меня выкупаютъ,—я уѣду, кажется, на службу въ Оренбургскій Кадетскій Корпусъ, что дастъ мнѣ возможность: 1) имѣть опредѣленное содержаніе и, стало быть, обезпеченіе въ городѣ, гдѣ жизнь дешевле Петербурга и Москвы; 2) воспитать двухъ дѣтей, носящихъ мое прозвище. Цѣли, какъ видите, законныя, такъ—на три года, а тамъ, что Богъ дастъ. Но подъ конецъ всего позвольте мнѣ досказать Вамъ старую пѣсню. Опять въ рукахъ Вашихъ и моихъ было наше дѣло и опять оно ускользнуло изъ рукъ, вѣроятно, уже навсегда. Извините, что я говорю съ такою самоувѣренностью. Вы сами знаете, что, кромѣ меня и Бориса, Вамъ взяться не за кого. На Гильфердингахъ Вы далеко не уѣдете; другихъ пока не предвидится, или эти другіе—уже дѣти иного поколѣнія, которые нашего стараго дѣла дѣлать вполнѣ не могутъ. Въ настоящую минуту мнѣ стоило бы сдѣлать шагъ въ Тушинскій лагерь, и я поднялся бы очень съ матеріальной стороны. Какъ я матеріально ни упалъ,—чуть что не до метеорскаго званія,—моими статьями, сколько я могъ убѣдиться, дорожатъ. Стоитъ, слѣдственно, только сдѣлать нѣкоторыя, повидимому незначительныя уступки, и могу Васъ увѣрить, что Тушинскій станъ прикроетъ меня своимъ всемогущимъ авторитетомъ. Тушинскій станъ тѣмъ и хорошъ, что, во первыхъ, единодушенъ и своихъ не выдастъ; во вторыхъ, все прикрываетъ. Въ немъ не станутъ слушать сплетенъ или даже правдивыхъ разсказовъ о томъ, что человѣкъ, нужный для извѣстныхъ цѣлей, иногда запиваетъ, что онъ долженъ или живетъ блудно... Тамъ вообще нравственностію не измѣряется способность человѣка къ дѣлу. Отъ того-то тамъ и дѣлалось и дѣлается дѣло, ибо никакое дѣло немыслимо въ мірѣ безъ единодушія и крѣпкаго стоянія одного за всѣхъ и всѣхъ за одного, стоянія даже вопреки условной справедливости и условной нравственности. Начать съ того впрочемъ, что я ото всѣхъ васъ и справедливости-то, даже условной, не видалъ въ послѣднее время. Прямая обязанность всѣхъ васъ была, слѣдовательно, если я годенъ на дѣло (и кто же, позвольте еще разъ спросить, и годенъ то на него, кромѣ Бориса Алмазова и меня?), принять фактъ, какъ фактъ, и даже взять этотъ фактъ подъ возможное покровительство. Вмѣсто этого, я встрѣтилъ въ ближайшихъ мнѣ людяхъ или слабость и двоедушіе, какъ въ отцѣ, или прямыя воззванія къ нравственности со стороны Эдельсона, или, наконецъ, со стороны Вашей, старчески наставительный тонъ, который между прочимъ къ Вамъ вовсе и не шелъ. На сколько все

это мнѣ было и горько и, съ позволенія сказать, гадко, можете судить по моей привязанности къ Вамъ, по моей бывалой дружбѣ къ Эдельсону, по моей бывалой же вѣрѣ въ наше дѣло... Знаю, что могъ бы сказать мнѣ хоть, напримѣръ, Эдельсонъ съ его «мѣщанскинравственной» точки зрѣнія. Ты, дескать, хочешь, чтобы въ сношеніяхъ кружка забывались личныя понятія о справедливости, личныя нравственныя требованія? Конечно! отвѣчу я, нисколько не колеблясь, ибо безъ этого никакое дѣло на свѣтѣ не дѣлалось, не дѣлается, да, вѣроятно, и дѣлаться не будетъ. Я, съ своей стороны, скажу прямо, что въ ту пору, когда я пламенно вѣрилъ и въ наше дѣло и въ нашу братскую связь, если бы Эдельсонъ разорвался съ своей вполнѣ честной, благородной и достойной женой, я бы не позволилъ себѣ даже съ ней видаться, ибо н у ж н ы м ъ звеномъ считалъ бы я его, а не ее. И мнѣ кажется, что я былъ бы правѣе Эдельсона. Повторю въ заключеніе, что я пишу къ Вамъ, не прося Васъ ни о чемъ, не предлагая болѣе Вамъ ничего. Просить у Васъ могу я теперь только развѣ благословенія на скромный и честный уголокъ дѣятельности въ Оренбургѣ, да на уединенную дѣятельность по временамъ въ литературѣ. Такого благословенія я дѣйствительно и прошу у Васъ, потому что мнѣ не у кого его больше просить. Въ Васъ я не разочаровался. Вы для меня тоже, что и были, т. е., со всѣми Вашими недостатками, единственно вѣрный въ общественномъ служеніи руководитель и человѣкъ широко способный понимать другого человѣка.

---

110. АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ МИЛЮКОВУ.

[25 февраля 1861 г. Петербургъ].

Обѣщанная статья «Объ идеализмѣ и реализмѣ по поводу изданій сочиненій Тургенева и Писемскаго» благополучно начата, благополучно продолжается и, вѣроятно, благополучно кончится къ средѣ. Ежели Вамъ угодно получить ее, то прошу Васъ прибыть ко мнѣ въ среду вечеромъ или въ четвергъ утромъ. Я ее Вамъ прочту, а Вы, если найдете ее соотвѣтствующею вашему журналу, вручите мнѣ, впередъ до окончательнаго расчета по напечатаніи, пятьдесятъ рублей, такъ какъ она выходитъ болѣе одного листа съ четвертью. Четвертью придется доплатить за то, что мать наша цензура не пропустила въ «ПрометеѢ».

---

111. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1861 года, Іюня 18.

Въ словахъ такъ называемаго Писанія есть, мой милый, дѣйствительно какая-то таинственная сила. Вдумывался ли ты серьезно въ книгу Іова, въ эти стоны, съ глубокимъ сердцевѣденіемъ вырванные изъ души человѣческой? Тамъ, между прочимъ, въ этомъ апокалипсисѣ Божественной иронiи, есть слова: «Страхъ, его же убояхся, найде на мя», — страшный смыслъ которыхъ рано или поздно откроется и тебѣ, искателю истины, какъ давно уже раскрылся онъ мнѣ. Да! чего мы боимся, то именно къ намъ и приходитъ...

Ничего не боялся я столько (между прочимъ), какъ жить въ городѣ безъ исторiи, преданій и памятниковъ.

И вотъ я (это — одинъ изъ многихъ опытовъ) именно въ такомъ городѣ. Кругомъ—глушь и степь, да близость Азiи, порядочно отвратительной всякому Европейцу. Городъ—смѣсь скверной деревни съ казармою. Ни стараго собора, ни одной чудотворной иконы—ничего, ничего...

Можетъ быть, ты одинъ, узнавши меня въ послѣднее время достаточно, понимаешь, что причины болѣе глубокiя, чѣмъ личныя невзгоды и разочарованiя, заставили меня осудить себя на добровольную ссылку, что главная вина, causa causalis моего рѣшенiя была—сознаніе своей ненужности. Въ сознаніи этомъ много, коли ты хочешь, и гордости. Я дошелъ до глубокаго презрѣнiя къ литературѣ Прогресса. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютнаго,—я столь же мало понимаю рабство передъ минутой, рабство демагогическое, какъ рабство передъ деспотами. Лучше я буду Киргизовъ обучать русской грамотѣ, чѣмъ обязательно писать въ такой литературѣ, въ которой нельзя подать смѣло руку хоть бы даже Аскоченскому въ томъ, въ чемъ онъ правъ, и смѣло же спорить—хоть даже съ Герценомъ, въ чемъ онъ неправъ. Цинизмъ мысли, право, дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ. Слова человѣка очень честнаго и хорошаго, каковъ М. Достоевскiй: «Какiе же глубокiе мыслители Кирѣевскiй, Хомяковъ, О. Ѳеодоръ?»—для человѣка дѣйствительно мыслящаго—термометръ довольно ужасающiй.

«Время» могло сдѣлаться честнымъ, самостоятельнымъ и по тому самому въ концѣ концовъ первенствующимъ органомъ, но для

этого нужно было: 1) принять лозунгомъ абсолютную правду; 2) не заводить срамной дружбы съ «Современникомъ»; 3) подать руку Славянству (не Славянофильству, а Славянству); 4) не пускать м..... Кускова и блевотины Минаева, не печатать нѣмецкихъ ..... въ родѣ драмы Гербеля, по рекомендаціи хорошаго человѣка, Плещеева; 5) сыскать для политическаго отдѣла не Стеньку, то бишь Алексѣя Разина, а человѣка новаго и свѣжаго, человѣка съ стремленіями къ правдѣ и самобытности воззрѣнія, а не къ Либерализму quand même... 6) не загонять, какъ почтовую лошадь, высокое дарованіе Ѳ. Достоевскаго, а холить, беречь его и удерживать отъ фѣльетонной дѣятельности, которая его окончательно погубитъ и литературно и физически...

Благодарю Бога, что я не предался обольщеніямъ и устоялъ въ своей рѣшимости. Да! честнѣе гораздо обучать Киргизовъ, чѣмъ свирѣпствовать съ Тушинцами. Пока не проп..... Добролюбовы, не прорыгаются Ерошки, не проблюются Минаевы и не прод..... Кусковы, честному и уважающему свою мысль писателю нельзя обязательно литераторствовать. Негдѣ! Рано или поздно— мысль его или форма его мысли встрѣтятъ сильный толчекъ.

Кажется, я Достоевскому, если и останусь долженъ, то очень немного. Во всякомъ случаѣ, я скоро напишу статью о Толстомъ, которую я обѣщалъ и которая будетъ безъ загогулинъ. Во всякомъ случаѣ, я вышлю ее на твое имя, съ полномочіемъ поступить съ ней, какъ знаешь.

Что же касается до продолженія статей о народности въ литературѣ, то прошу тебя, мой милый, передать кому слѣдуетъ, что:

1) Я не могу и не хочу отречься отъ признанія глубокимъ мышленія Хомякова, Кирѣевскаго и О. Ѳеодора.

2) Что я не могу и не хочу отречься даже отъ права передъ именемъ Погодина выставлять буквы: М. П., т. е. Михаилъ Петровичь,—и отъ права говорить съ уваженіемъ о трудахъ Шевырева, свободно говоря о его недостаткахъ и смѣшныхъ сторонахъ.

3) Что если бы мнѣ случилось въ чемъ-либо признать историческую важность мысли Бурачка, я ее признаю.

Conditio sine qua non—для продолженія моихъ статей.

Чтобы покончить разомъ о дѣлахъ, скажи Ивану Алексѣевичу (Шестакову), что жъ это штабъ бумагъ-то моихъ не выслалъ? Вѣдь безъ этаго мнѣ денегъ не даютъ, и безъ истинно-добраго В. Григорьева мнѣ пришлось бы сѣсть на голые .... и выть волкомъ. У

меня же кстати М. Ѳ. родила преждевременно и лежитъ больна. О, треклятая централизація!

Я намѣренъ писать къ тебѣ еженедѣльно. Письма мои цѣликомъ можешь сообщать при свиданіяхъ и Сѣрову,—ибо то съ тобою, то съ нимъ хотѣлъ бы я издали перебрасываться разными вопросами.

На первый разъ вкратцѣ разскажу тебѣ наше странствіе. Тверь я видѣлъ два раза и прежде, но никогда не поражала она меня такъ, какъ въ этотъ разъ, своею мертвенностью. Точно сказочные города, которые заснули. А у нея была Исторія—куда жъ она подѣвалась? Только великолѣпный по стилю иконостасъ испакощеннаго мѣстнымъ усердіемъ собора напоминаетъ еще о бывалой жизни. Щедринъ, какъ всѣ Калиновичи, сначала поярился во имя абстрактнаго закона, потомъ, какъ Калиновичь въ сущности добрый—перекидываетъ, говорятъ, въ картишки съ тѣми самыми, на кого металъ перуны. Уньковскій—впалъ въ апатію! А вѣдь онъ—вспомни—«человѣкъ онъ былъ!»...

Ярославль—красоты неописанной. Всюду Волга и всюду—исторія. Тутъ хотѣлось бы мнѣ,—такъ какъ Москва мнѣ по личнымъ горестнымъ разочарованіямъ опротивѣла,—хотѣлось бы мнѣ покончить свое земное странствіе. Тутъ кстати чудотворная икона Толгской Божіей Матери, которой образомъ благословила меня покойница мать. Четыре дня прожилъ я въ Ярославлѣ и все не могъ находиться по его церквамъ и монастырямъ, налюбоваться на его Волгу. Да! вотъ настоящая столица Поволжья, съ даровитымъ, умнымъ, хоть и ёрническимъ народомъ, съ торговой жизнью.

Между Тверью и Ярославлемъ заходилъ я вечеромъ въ Корчеву искать отца Ѳеодора. Увы! онъ уже уѣхалъ, какъ объявилъ мнѣ протопопъ, не мало, кажется, удивившійся, что я разыскиваю человѣка, находящагося, по его мнѣнію, подъ справедливою опалою Святѣйшаго (.....!) Cунода...

Казань мнѣ не понравилась. Татарская грязь съ претензіями на Невскій проспектъ.

Отъ Казани Волга становится великолѣпна,—но я, романтикъ, жалѣлъ о ея разбойникахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ грабительство en grand размѣнялось на мелочь: на грабительство гостинницъ, извощиковъ и проч.; а крикъ: «Сарынь на кичку» размѣнялся на безконечные крики: «на водку!». Съ Казанью кончаются города и начинаются сочиненные правительственные притоны, въ родѣ Самары,

Бузулука и Оренбурга. Да, мой другъ, это притоны въ полномъ смыслѣ.

На первый разъ довольно.

Вмѣстѣ съ статьею (хотя прежде оной ты получишь отъ меня еще письмо) возложу на тебя нѣкоторыя комиссіи.

Кланяйся Сѣрову, Воскобойникову, Шестакову и проч.

Возьми, если можешь, въ руки Крестовскаго. А Сѣрову я завѣщалъ взять въ руки Вильбую. Кстати, познакомься съ этою даровитою, доброю и погибающею отъ безвыходнаго положенія и отъ піянства скотиною. Скотина весьма милая.

Твой

А. Григорьевъ.

М. Ѳ. тебѣ кланяется.

Адресъ: «Учителю Неплюевскаго Кадетскаго корпуса, N. N., въ Оренбургѣ.

---

112. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1861 года, Іюля 18.

Сейчасъ получилъ твое письмо и, разумѣется, ужасно ему обрадовался.

Что ты тамъ выдумалъ уважать такія натуры, какъ моя? Уважать растеніе за то, что у него такіе, а не другіе листья, такіе, а не другіе плоды? Помнится, я говорилъ тебѣ, что я не могу органически сказать ничего противнаго моему убѣжденію. Не могу—стало быть, это уже не достоинство. Ну, да ... . мои достоинства! Въ особенности—... ея ....—мою проницательность! Увы—я проницателенъ только на зло и горе...

О много, много невозможнаго или почти невозможнаго нужно для того, чтобы жизнь хоть на минуту перестала представляться мнѣ съ ея чорныхъ сторонъ!..

Самая простая вещь,—что я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени. Славянофильство такъ же не признавало и не признаетъ меня своимъ, да я и не хотѣлъ никогда этого признанія. Одинъ человѣкъ, съ кѣмъ у меня все общее—Островскій; да вѣдь и о немъ, по самолюбію подавшемъ руку Тушинцамъ, я, по отношенію къ себѣ, могу сказать:

А тотъ, чей острый умъ тебя и понималъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.

Только пожалуйста не подумай, что я себя въ Барклаи-де-Толли произвелъ.

Погодинъ, единственный мой политическій вождь, такъ гнусно падокъ до популярности, что изъ рукъ вонъ.

Подумай-ка, много ли людей, серьезно ищущихъ правды?

Есть вопросъ и глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ,—и вопроса (каковъ цинизмъ?) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о, ужасъ!) о политической свободѣ. Это—вопросъ о нашей умственной и нравственной самостоятельности. Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покойникѣ «Москвитянинѣ» 50-хъ годовъ, явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.)... О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія пророческія рѣчи лились, бывало, изъ устъ пьянаго мертвецки Островскаго, какъ безбоязненно принималъ на себя тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, не смотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!..

Пуста и гола жизнь послѣ этаго сна...

Въ томъ, что это допотопное бытіе возродится въ новыхъ стройныхъ формахъ, я убѣжденъ крѣпко, да вѣдь утѣшенія то въ этомъ мнѣ мало. Постарайся, если ты хочешь увидѣть эти элементы, сойтись покороче съ Островскимъ.

Глубокій и честный мыслитель Ренан'—говоритъ не разъ съ отчаяніемъ: «Il n'y a que de pensées etroites qui regissent le monde»... Судьба мыслей широкихъ—жить для будущаго, выполняться мало по малу, по частямъ.

Что тебѣ сказать о себѣ? Хандра—вотъ почти одно, что выражаетъ мое душевное состояніе, хандра полнѣйшей безнадежности съ неутолимой жаждой какой-либо вѣры!..

Ангелу Сардійской церкви. Мнѣ пришло въ голову вотъ что, на что ты мнѣ долженъ отвѣчать добросовѣстно. Ты разложилъ, напримѣръ, Бетховена, такъ что, на основаніи извѣстныхъ, одинаково въ разныхъ мѣстахъ повторяющихся мотивовъ, угадываешь его мысль. Прекрасно, но ты идешь слишкомъ далеко, ты хочешь музыку лишить ея самостоятельности, и поэзію тоже. Вся задача музыки въ томъ vague, которое даетъ она субъективному пониманію, въ таинственности и неопредѣленной безъязычности ощущеній.

За симъ—Dominus vobiscum, друзья мои!

Житіе веду я трезвое.

NB. Нѣтъ ли свѣденій: 1) о Меѣ, 2) Крестовскомъ, 3) Вильбуѣ и 4) Случевскомъ?

---

113. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Авг. 12 [1861 г.]. Оренбургъ.

Только что получилъ сей часъ твое письмо, мой милый,—и спѣшу отвѣчать. Только я нынче и всѣ эти дни куда въ какомъ не философскомъ настроеніи духа, а въ желчно-практическомъ... Потому принимаюсь за литературу.

Романъ Полонскаго произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе,—но только пріятное, и это скверно. Во первыхъ, это не романъ, а разсказъ, повѣсть. Не укоряй меня въ педантизмѣ. Романъ въ стихахъ, чтобы быть романомъ, долженъ быть картиною цѣлой эпохи, картиной типической. Ни въ героѣ, ни въ кругѣ жизни «Свѣжаго Преданья» нѣтъ типическаго захвата. Жизнь той, т. е. нашей съ Полонскимъ, эпохи далеко не исчерпывалъ кружокъ зеленаго «Наблюдателя», а жизнь Москвы, эту большую жизнь, тоже далеко не исчерпывалъ салонъ баронессы. Герой той эпохи покрупнѣе Ключникова (т. е. Камкова). Герой той эпохи даже не Рудинъ, по крайней мѣрѣ не двойственный тургеневскій Рудинъ. Герой той эпохи, герой вполнѣ, т. е. типъ наилучшій—въ лицѣ Огарева. Камковъ весь сдѣланный, а у героя,—Онѣгинъ ли онъ, Печоринъ ли въ художествѣ, Огаревъ ли въ жизни,—всегда есть кряжевая натура. Это первое—да и главное. Мелокъ захватъ, и отъ того все вышло мелко: и Москва мелка, да и вѣянія могучей мысли эпохи хвачены мелко. Оно впрочемъ и понятно. Припомни Филаретовъ Катихизисъ (на счетъ того: не можетъ произведенное быть выше своего художника). Второе. Въ тонѣ—самая лучшая сторона—наивность и простодушіе. Какъ только тонъ становится эпиграмматическимъ—не выгораетъ чего-то, а лиризму недостаетъ пустяковъ—огня. Боже мой! Отъ чего, читая появленіе княжны на балу, я припоминалъ небрежные (какъ всегда), но лиризмомъ дышащіе стихи Огарева про ту, которая шла,

Какъ Норма, вся въ одеждѣ бѣлой.

Отъ чего Москва такъ мелка? Просто оттого, я думаю, что Полонскій никогда не зналъ Москвы, народной, сердцевинной Москвы,— ибо переднія, или же все равно салоны разныхъ баръ—это не жизнь, а миражъ; а онъ въ нихъ только и жилъ.

La morale de la chose вотъ какая: восхитительно написать «Кузнечика» еще не значитъ пріобрѣсти право на «Онѣгина»... Да! еще третье—риѳму на *и* (союзъ) хорошо было употребить разъ, но три или четыре раза—вѣдь это ни мало не остроумно. Мѣсто о Тургеневѣ просто непристойно, кромѣ того ужъ, что фигура Тургенева, если бъ она попала въ рапсодію о Камковѣ, убила бы эту несчастную фигуру, одну изъ тѣхъ, которыя въ «женскихъ пансіонахъ» учили и внушали «обожаніе», одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя, добродушный въ жизни и ужасно злой въ эпиграммахъ, Тургеневъ заклеймилъ стихомъ (эпиграмма на Кудрявцева)

Педантъ, вареный на меду.

И откуда взялъ нашъ милый Кузнечикъ, что такія фигуры, какъ его Камковъ, могутъ попасть въ о с т р о г ъ? Развѣ изъ того въ сущности комическаго факта, что Плещеевъ въ острогъ попалъ?.. О, Бѣлинскій, Бѣлинскій!—вспомнилъ я по прочтеніи р о м а н а Полонскаго стихи Кантеміра, коими онъ заключилъ рецензію на его первые опыты, т. е.: Уме недозрѣлый и проч. Въ этомъ, увы! была и правда!

Ты найдешь мой взглядъ, можетъ быть, слишкомъ строгимъ, но вѣдь вспомни, что «В р е м я» заявило объ этомъ манкированномъ КузнечикѢ, какъ о с о б ы т і и. Ты, можетъ быть, даже попрекнешь меня, что я, когда-то такъ н а и в н ы й въ отношеніи къ Случевскому, такъ строгъ къ человѣку безспорно талантливому?.. Увы! т а м ъ,—опять повторю,—была оригинальная натура, х а р а к т е р ъ, особенность, а тутъ явилась ж... или же..., какъ нѣкоторые произносятъ.

Впрочемъ и хорошо, коли мой молодой орленокъ не сдѣлаетъ н и ч е г о, р о в н о н и ч е г о. Это вѣдь л у ч ш е, чѣмъ сдѣлаться Всеволодомъ Крестовскимъ. То, что ты сообщаешь мнѣ о семъ юношѣ, меня не удивляетъ. Хандрю я, правда, вотъ цѣлый вечеръ, да вѣдь я предсказывалъ ему, что если онъ пойдетъ такъ, то, пожалуй, даже и водевили для Александринскаго театра станетъ писать. Среда такая, а натуры въ немъ нѣтъ и гордости нѣтъ. Старая ..... Милюковъ окончательно его допортилъ. Если жъ онъ женился, какъ мнѣ писалъ Рюминъ,—то погибъ совсѣмъ... пиши пропало!..

На вопросъ о самостоятельности я пока (говорю тебѣ, что я не въ философскомъ настроеніи духа) отвѣчу тебѣ вотъ какимъ вопросомъ. Въ сферѣ науки, напримѣръ, что мы предъявимъ на судѣ исторіи, какъ ты думаешь? Вѣроятно, не «Судьбы Италіи» Кудрявцева и не «Аббата Сугерія» Грановскаго, даже не философскія статьи Каткова, а вѣдь: 1) объясненіе Геродотовой Скиѳіи и другія вещи Надеждина; 2) громадную ученость и оригинальнѣйшіе взгляды на миѳы и исторію Сенковскаго; 3) уединенное мышленіе И. Кирѣевскаго; 4) религіозныя брошюры и записки о Всемірной исторіи Хомякова да 5) Погодинскія письма къ покойному Николаю въ сферѣ политики.

Ну, а слѣдствіе изъ сего, равно какъ и изъ того, что ничего этаго нигдѣ нельзя теперь сказать (вѣдь нигдѣ, не правда ли?)—выведи самъ по отношенію къ важности вопроса. Вопросъ этотъ въ настоящую минуту, какъ и прежде,—гонимая истина. Это не Славянофильство—все, что я исчислилъ. Славянофильство еще можетъ быть допущено къ праву гражданства.

Твою статью о Чернышевскомъ, сведенномъ съ Д. Писаревымъ, читалъ я два раза и лично я ей крайне доволенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ, что это имъ—къ стѣнѣ горохъ! Минута принадлежитъ имъ. Минута эта пройдетъ, но увы! и мы пройдемъ! А какъ хочешь—мудрено отрѣшиться отъ судебъ своей личности; тяжело умирать, видя кругомъ себя

трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

Матеріализмъ ты выводишь на свѣжую воду, да этимъ имъ теперь не повредишь.

Взглядъ мой на «Время» ты знаешь. Передай его, если сочтешь приличнымъ.

Предложеніе Ѳ. Достоевскаго довольно странно. Я, слава Богу, еще не Ѳ. В. Булгаринъ, чтобы мое имя компрометтировало журналъ. Съ другой (приватной) стороны, если бы я даже былъ извѣстный шуллеръ, какъ N. Ф. Павловъ, то все-таки, какъ онъ же, подписывалъ бы свое имя. Ни то, что Павловъ сидѣлъ въ ямѣ, ни то, что я сидѣлъ въ Долговомъ, къ литературѣ не относится. Поэтому до полученія отъ тебя отвѣта Достоевскихъ: угодно ли имъ печатать статьи съ моимъ именемъ? останавливаюсь посылать половину статьи о Толстомъ.

За симъ тороплюсь кончить и жму твою руку. Поклонъ Шест[акову], Воскоб[ойникову], Аверк[іеву], Щеглову (молодецъ, ... горбача Леонтьева—да какъ ....!), Сѣрову, если его увидишь.

P. S. Что за смѣсь удивительной силы чувства и дѣтскихъ нелѣпостей романъ Достоевскаго? Что за безобразіе и фальшь—бесѣда съ княземъ въ ресторанѣ (князь—это просто книжка!). Что за дѣтство, т. е. дѣтское сочиненіе княжна Катя и Алеша! Сколько резонерства въ Наташѣ и какая глубина въ созданіи Нелли! Вообще, что за мощь всего мечтательнаго и исключительнаго и что за незнаніе жизни!

---

114. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1861 г., Авг. 21.

Имѣешь ли ты, мой милый философъ, понятіе о книгѣ великаго политика, Алексѣя Разина: «Міръ Божій?», книгѣ, между прочимъ, предназначенной для приготовительныхъ классовъ Военно-учебныхъ заведеній? Если нѣтъ, то совѣтую познакомиться съ этимъ чудовищемъ нравственно-умственнаго разврата и безмыслія. Да что такъ познакомиться? Нѣтъ! ты встрѣться съ этой милой книжкою въ жизни, въ дѣлѣ, которымъ бы ты дорожилъ, какъ я дорожу теперь своимъ честнымъ дѣломъ!.. Я, какъ ты конечно догадаешься, зову эту книгу чудовищемъ разврата не за то, что она вся пропитана дешевымъ матеріализмомъ, а за то, что она безсмысленна, что въ ней страницы не найдешь понятной для ребенка, а если что въ ней понятно, такъ понятное то пошло и ни ребенка, ни даже собаку, интересовать не можетъ. Единственно понятное, что я, рывшись-рывшись, могъ найдти въ ней, это 144 страницы, гласящихъ о томъ, что человѣкъ не можетъ быть зимой безъ шубы и долженъ убивать овецъ и т. п. Не говорю уже о томъ, что въ «Міръ Божій» попало искусство убивать себѣ подобныхъ (артиллерія и фортификація). Экая дубина— ..... —дубина нагло-развратная! Эта книжка—крайній предѣлъ реализма послѣднихъ 15 лѣтъ, погубившаго гуманное и классическое образованіе даже въ гимназіяхъ. Нѣтъ, другъ! съ реалистами пожалѣешь даже о семинарской схоластикѣ.

Изъ сего можешь ты заключить, что я уже снова Донкихотствую съ азартомъ и упоеніемъ. Книжку Разина я выгналъ и замѣ-

нилъ ее историческимъ чтеніемъ. Верхнимъ классамъ читаю вмѣсто уроковъ лекціи, въ средніе ввелъ славянскую грамматику. Начальство ходитъ почти на каждую мою лекцію, и такъ какъ оно, т. е. начальство, инспекторъ и директоръ—люди добрые и честные, то пока мнѣ wohlbehaglich, какъ рыбѣ въ водѣ... И, вѣчный Донъ-Кихотъ, я готовъ уже видѣть перстъ Незримаго въ моемъ Патмосѣ. Перстъ-то и есть безъ сомнѣнія; но вѣдь ужъ я себѣ цѣлый міръ создаю, міръ, въ которомъ я плаваю въ родѣ пророка гуманизма и борца за него. Вотъ потому-то я и Ламанчскій герой. Но какъ фанатизмъ убѣжденія и природное краснорѣчіе импровизатора всегда заразительны, то слушателей моихъ я уже увлекъ и начинаю настраивать. Что эта роль—одно изъ моихъ жизненныхъ призваній, въ этомъ я и прежде могъ разъ нѣсколько убѣждаться... А что изъ этаго будетъ... fiat voluntas tua.

Не знаю, поймешь ли ты всю мою глубокую, хоть, можетъ быть, устарѣлую ненависть къ реализму? Ты моложе меня—стало быть, можешь спокойнѣй видѣть результаты. Однако вотъ ты вѣдь не перевариваешь Бенеке (какъ это, кстати, меня порадовало!). Ради Бога взгляни на книгу Стеньки Разина и честно (geh und bete—помнишь?) скажи мнѣ, правъ ли я въ моемъ яростномъ омерзѣніи?

Изъ моихъ сотоварищей наиболѣе серьезный человѣкъ, кажется, одинъ попъ. Ближайшій мой товарищъ, Лебедевъ—дѣльный и отличнѣйшій учитель языка и словесности, но птенецъ школы Иринарха Введенскаго. Раціонализмъ и не любовь къ преданію—качества, которыя до цинизма расцвѣли въ нашемъ пріятелѣ, въ старой ..... Милюковѣ.

«Время» я еще не получаю и побираюсь у другихъ. Послѣдняя книжка съ твоей статьей о Писемскомъ до насъ еще не достигла. Видѣлъ я только оглавленіе. Что тамъ наворотилъ П. А. Кусковъ? Господи! ужъ не отвѣтъ ли «Русскому Вѣстнику»?... Да наймите вы ему, господа, коллегіально хоть д...., что ли, авось онъ уймется!.. Право, это будетъ въ концѣ концовъ выгоднѣе, хоть сначала покажется, можетъ быть, и убыточно довольно расчетливому Михайлу Михайловичу.

Ну, за симъ—до свиданья. Я пишу къ тебѣ, когда у меня что-нибудь въ головѣ кипитъ и возится.

Твой *Аполлонъ*.

---

115. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[16 сентября 1861 г. Оренбургъ].

Принимаюсь отвѣчать на письмо Ваше, мой все-таки единственный (quand même) и всегда одинаково глубокочтимый вождь и отецъ,— спокойно и спокойный.

1) Изъ писемъ Вашихъ, адресованныхъ въ редакцію «Времени», получилъ я одно, когда сидѣлъ въ Долговомъ. Отвѣчать на него я не хотѣлъ, потому что въ немъ, что ни слово—то несправедливость, непониманіе вещей и нежеланіе понять вещи. Такъ и хотѣлъ я молчать, до встрѣчи въ томъ мірѣ, въ которомъ каждый познаетъ, яко же познанъ бѣ... въ которомъ извѣстный хвостъ извѣстнаго мошенника перестанетъ вилять между людьми.

2) Но Вы опять ко мнѣ пишете, такъ сказать, вызываете къ отвѣту. Будь по Вашему! Должно быть, Богъ строитъ къ лучшему. Слушайте же меня такъ, какъ бы я говорилъ въ смертный часъ мой, передъ Страшнымъ Судомъ Того, у Кого нѣсть на лица зрѣнія...

Прежде всего о моихъ семейныхъ дѣлахъ, если ужъ Вы въ нихъ впутаны.

Отца моего я не могъ никогда (съ тѣхъ поръ, какъ только пробудилось во мнѣ сознаніе, а оно пробудилось очень рано) уважать, ибо, къ собственному ужасу, видѣлъ въ немъ постоянный грубый эгоизмъ и полнѣйшее отсутствіе сердца—подъ внѣшнею добротою, т. е. слабостью и миролюбіемъ, т. е. гнусною ложью для соблюденія худаго мира. Сначала—деспотъ до звѣрства; потомъ игрушка своихъ людей, рабъ перваго встрѣчнаго, онъ былъ бы постоянно моимъ рабомъ, если бы мнѣ постоянно везло счастье. Не говорите, что взглядъ мой жестокъ, а поразговоритеся-ка лучше съ Фетомъ о временахъ нашего съ нимъ студенчества, имѣя только въ виду, что все дѣйствовавшее на Фета, какъ на посторонняго человѣка, комически, на меня дѣйствовало иначе. Въ эпоху лучшей поры моей жизни, эпоху зеленаго и сѣраго «Москвитянина», я насильственно по идеѣ способенъ былъ увѣрять себя въ томъ, что онъ человѣкъ дѣйствительно добрый, а въ сущности доброта его заключалась въ томъ, что, видя во мнѣ какую ни на есть поддержку, онъ подчинился мнѣ, моему образу жизни, моимъ друзьямъ и моимъ вкусамъ. Подчиненіе это простиралось до гадости въ блиста-

тельную эпоху первыхъ семи мѣсяцевъ, по возвращеніи изъ-за границы. Будь у меня постоянно деньги, я могъ бы дѣлать все, что угодно, съ полнѣйшимъ одобреніемъ и ободреніемъ...

Вотъ то, что я думаю въ холодно-желчныя минуты и думаю вѣрно, а сколько еще у меня въ душѣ моей боли по этомъ старикѣ, который тѣмъ и жалче, что вѣрилъ всю жизнь въ одинъ маммонъ; и что теперь жизнь его, дѣйствительно, незавидна, про это знаю я самъ, да мои сѣдые волосы.

Объ отношеніяхъ къ женѣ едва ли и Вы даже станете говорить серьезно. Во всякой другой странѣ церковь и государство давно бы освободили меня отъ этой барыни, да даже и въ нашемъ Отечествѣ, если только на меня, съ ея стороны, будетъ подана жалоба, то мы еще увидимъ послѣдствіе. Мнѣ терять нечего. По множеству причинъ, я такъ уже искренне и просто разочарованъ въ благахъ міра сего, что покаяніе ли въ монастырѣ, ссылку ли на поселеніе приму я весьма равнодушно; но такъ ли приметъ она?..

Ваша несправедливость въ письмѣ, которое я получилъ въ Долговомъ, простерлась до того, что Вы упрекнули меня даже размолвкой съ Кушелевымъ, т.-е., что я ни съ кѣмъ не уживаюсь. А я вотъ что Вамъ скажу. «Время» очень дорожило и дорожитъ моими статьями, а я чуть было и съ «Временемъ» не разсорился, и опять изъ-за того же. Я не позволю себѣ, позволяя себѣ спорить съ Погодинымъ, Шевыревымъ, съ Хомяковымъ въ частностяхъ—написать: г. Погодинъ, г. Шевыревъ, г. Хомяковъ. Не позволю себѣ слегка отозваться о дорогихъ мнѣ личностяхъ не потому только, что бы личности были мнѣ дороги, а потому, что я честный рабъ идей, которыхъ личности служатъ представителями. Я не позволю себѣ даже о принципахъ Бурачка отозваться слегка, не щадя мрачныхъ послѣдствій, имъ выводимыхъ изъ святыхъ принциповъ. Такъ, 1) могу ли я съ кѣмъ-либо изъ журналистовъ ужиться, 2) могу ли я постоянно получать деньги?.. Или Вы не видите, въ какой-то странной слѣпотѣ, что наше дѣло есть Сынъ Человѣческій, иже не имать, гдѣ главу преклонити?.. Сдѣлайте милость, пошлите какую-либо Вашу, вполнѣ искреннюю статью во «Время»! Убѣдитесь.

Вы хоть бы то подумали, что 1) въ шести книжкахъ «Русскаго Слова» моихъ около пятнадцати листовъ, 2) въ пяти книжкахъ «Времени»—до осмнадцати. Могу же я писать; а коли не пишу, такъ, значитъ, причина лежитъ не во мнѣ.

Нѣтъ! за то, что я не у ж и в а ю с ь, что предпочитаю занимать безъ отдачи, быть подлецомъ въ глазахъ большинства, за то, что не продалъ я, среди униженій, лишеній, мукъ душевныхъ, превосходившихъ временами всякую мѣру, с л о в а, съ которымъ «надобно обращаться честно», за то, что слово для меня не «слова, слова, слова», Господь Истины еще и поддерживалъ и спасалъ меня Своей, по истинѣ всепрощающей Десницей.

И тяготѣніе на себѣ этой Десницы и помощь Ея таинственную и чудесную я испыталъ.

«Время» идетъ хорошо, платитъ хорошо; «Время» мной дорожило и дорожитъ. Но «Время» имѣетъ наклонность очевидную къ Чернышевскому съ компаніей,—и я не остался въ Петербургѣ.

Т а м ъ я большею частію ненужный человѣкъ. Здѣсь, въ Оренбургѣ, уча Русскому языку, честно и ревностно стараясь будить любовь къ народности, къ преданію, къ церкви, къ изящному, я, по крайней мѣрѣ, не безполезный рабочій...

Съ В. В. Григорьевымъ мы стали искреннѣйшими пріятелями, съ перваго же дня моего пріѣзда въ Оренбургъ. Теперь онъ въ степь уѣхалъ и воротится къ 15 октября.

В а с ъ лично остается мнѣ просить: 1) о томъ, чтобы Вы были ко мнѣ такой же, какъ всегда, 2) о томъ, чтобы Вы какъ-нибудь— не у л а д и л и, а з а м а з а л и Московскія дѣла. Изъ пятидесяти семи жалованья въ мѣсяцъ немного сдѣлаешь, особенно въ Оренбургѣ, градѣ вовсе не дешевомъ. Къ январю у меня будутъ еще уроки въ Киргизской школѣ рублей на двадцать пять, да напишу что-нибудь. А теперь и писать некогда, да еще и не пора, хотя Достоевскіе пристаютъ (имъ я, слава Богу, не долженъ). Пусть ихъ прочахнутъ и протрезвѣютъ немного отъ симпатій «Современника». Т а м ъ у меня есть вѣрный глазъ, молодой философъ-идеалистъ, Николай Николаевичъ Страховъ. А пока—прощайте! Если Вы будете отвѣчать мнѣ на это посланіе, то получите раппортъ о городѣ Оренбургѣ и о моей въ ономъ дѣятельности. Вспомнивъ, что за одно ужъ платить двойную цѣну за письмо, я хочу вкратцѣ донести Вамъ о моемъ настоящемъ положеніи. Служба здѣсь вещь менѣе пакостная, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь еще дорожатъ людьми, свое дѣло знающими, да и начальство (директоръ и инспекторъ) честные, хотя, конечно, и мало свѣдующіе люди. Безобразіе, коли хотите, общее всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ. Есть еще безобразіе спеціальное, с о ч и н е н н о е Катенинымъ: раздѣленіе Корпуса на два эскадрона, д в о р я н с к і й и не-

дворянскій(!!!). Но безобразіе умѣряется отсутствіемъ строгости формализма и страхомъ (ей Богу!) гласности. Вотъ то-то и дѣло. Надъ мелочностью нашей кабацкой гласности нельзя не смѣяться, но въ нашемъ жалкомъ быту и она полезна.

«Норманскій періодъ» я прочелъ по его выходѣ. Скажу Вамъ то, что всегда говорилъ: только съ Вашихъ основъ можно идти къ чему-нибудь. Въ другія, Вы знаете, плохо вѣрую. Я то Васъ читаю, а Вы то меня читали ли, т. е. читали ли мои статьи во «Времени»? Въ особенности статьи о Бѣлинскомъ? Вѣдь я тутъ подрывалъ централизацію въ ученіи самаго даровитаго изъ ея пророковъ!

---

116. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Сент. 23, 1861 г. Оренбургъ.

Ты можешь быть увѣренъ, что давно уже, со временъ юности, ни къ кому въ мірѣ я не писалъ такъ много и такъ часто, какъ къ тебѣ, мой всепонимающій философъ...

Въ эти двѣ недѣли воспослѣдовали опять Каинская тоска, приливы желчи и, стало быть... приливъ служенія Ліэю, не вредившій однако дѣлу классовъ. А теперь, разумѣется, я разбитъ какъ старая кобыла.

Да и право, я не больше какъ старая, никуда уже негодная кобыла. Такъ мнѣ иногда все, что зовется дѣятельностью, представляется ничтожнымъ, пустымъ и мелкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что «едино есть на потребу» — все, и Чернышевскій, и «Русскій Вѣстникъ», и я самъ par dessus le marché....

Увы! какъ какой-то страшный призракъ, мысль о суетѣ суетствій, мысль безъотраднѣйшей книги Экклезіаста возникаетъ все явственнѣй и рѣзче, и неумолимѣй передъ душою.

Боже мой! Неужели же и ты дойдешь до этаго?

Сумасшедшій ты человѣкъ! Жалуешься на то, что не жилъ? А имѣешь ли ты конкретное понятіе о тѣхъ мрачныхъ Эринніяхъ, которыхъ жизнь насылаетъ на своихъ конкретныхъ любителей?.. О, да хранитъ тебя Богъ отъ жизни... Муки во всемъ сомнѣвающагося ума — вздоръ въ сравненіи съ муками во всѣмъ сомнѣвающагося сердца, озлобленнаго и само на себя, и на все, что оно кругомъ себя видѣло.

Да, я все видѣлъ надъ собою и отъ этаго видѣннаго у меня въ одну ночь выростали въ бородѣ и на вискахъ сѣдые волосы... Помню я особенно одну такую милую ночь и помню, какимъ ужасомъ поразилъ меня утромъ бѣлый какъ лунь волосъ, — ужасомъ перехода моральнаго въ физическое.

Что ты мнѣ толкуешь о значеніи моей дѣятельности, о ея несправедливой оцѣнкѣ? Тутъ никто не виноватъ, кромѣ жизненнаго вѣянія. Не въ ту струю попалъ,—струя моего вѣянія отшедшая, отзвучавшая, и проклятіе лежитъ на всемъ, что я ни дѣлалъ.

Началъ было я свой курсъ въ «Русскомъ Словѣ»—велъ свою мысль къ полнѣйшему ея разъясненію длинными, длинными околицами. Сорвалось!

«Гроза» Островскаго вновь было расшевелила меня. Смѣло и рѣшительно началъ было я новый курсъ въ несчастномъ «Русскомъ Мірѣ» 1859 года; взялъ другой пріемъ, кратчайшій. Не только сорвалось, — но никто даже и не отозвался.

Послѣ долгихъ мукъ рожденія, съ новою вѣрою и энергіею, съ новыхъ пунктовъ, облегчивъ даже, кажется, по возможности формы,— началъ я опять тотъ же курсъ во «Времени». Господи! И тутъ дождался только упрека Стеньки Разина за то, что я пишу такъ, что его жена не понимаетъ, нагло-намѣреннаго непониманія, выразившагося въ бойкомъ отвѣтѣ фельетониста «Русскаго Инвалида» на мои Замѣтки ненужнаго человѣка; и, наконецъ, шуткомъ М. Достоевскаго, что я въ «Свѣточѣ» даю статьи гораздо интереснѣе, шуткомъ, перешедшихъ въ прямое уже неудовольствіе на мою послѣднюю статью...

А омерзительное отношеніе ко мнѣ «Искры»? а еще болѣе омерзительное обвиненіе меня человѣкомъ серьезнымъ, какъ Катковъ, въ фальшивомъ поступкѣ изъ-за его г..... перевода «Ромео и Юлія»?.. А отрицательство отъ меня всѣхъ старыхъ друзей?.. А убѣжденіе дуралей головы Якова Полонскаго, что я интриговалъ противъ него у Кушелева?.. Да, право, и не перечислить всего того сквернаго, что я надъ собою видѣлъ... Въ пьяномъ образѣ я приподнималъ для тебя немного душевную завѣсу...

Такъ что тутъ разсуждать, когда явное проклятіе тяготѣетъ надъ жизнію?..

Ну, и опускаются руки — и дѣлать ничего не хочется на бываломъ поприщѣ. Не знаю, право, скоро ли допишу я и даже допишу ли даже статью о Толстомъ...

Что за дикое, ложное смиреніе заставляетъ тебя съ какимъ-то страннымъ недовѣріемъ относиться къ своей собственной критической дѣятельности? А я такъ тебѣ говорю, положа руку на сердце: кому жъ и писать теперь, какъ не тебѣ? Я читалъ статью о Писемскомъ... И тонко и ловко схвачена сторона бездвижности въ его произведеніяхъ, въ статьѣ есть и глубокій пріемъ и единство мысли, бьющей на вѣрняка.

Извѣстіе, сообщенное «Сѣв. Пчелою», объ окончаніи Островскимъ «Кузьмы Минина» — вотъ это событіе. Тутъ вотъ прямое быть или не быть положительному представленію народности,— можетъ быть, такой толчекъ вопросу впередъ, какого еще и не предвидѣлось.

Одна изъ идей, въ которыя я пламенно вѣрилъ, порѣшается. Но это только одна сторона моего вѣрованія. Если бъ я вѣрилъ только въ элементы, вносимые Островскимъ, — давно бы съ моей узкой, но относительно-вѣрной и торжествующей идеей я внесся бы въ общее вѣяніе Духа жизни... Но я же вѣрю и знаю, что однихъ этихъ элементовъ недостаточно, что это все-таки только membra disjecta poëtae, — что полное и цѣльное сочетаніе стихій великаго народнаго духа было только въ Пушкинѣ, что могучую односторонность исключительно народнаго, пожалуй земскаго, что скажется въ Островскомъ, должно умѣрять сочетаніе другихъ, тревожныхъ, пожалуй бродячихъ, но столь же существенныхъ элементовъ народнаго духа въ комъ-либо другомъ. Вотъ когда рука объ руку съ выраженіемъ коренастыхъ, крѣпкихъ, дубовыхъ (въ какомъ хочешь смыслѣ) началъ пойдетъ и огненный, увлекающій порывъ иной силы,—жизнь будетъ полна, и литература опять получитъ свое царственное значеніе.

А этаго, Богъ знаетъ, дождемся ли мы!.. Шутка—чего я жду!— я жду того стиха, который бы

Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,

того упоенія, чтобы «журчаніе этихъ стиховъ наполнило окружающій насъ воздухъ»... Шутка! Вѣдь это — вѣра, любовь, порывъ, лиризмъ...

Не говори мнѣ, что я жду невозможнаго, такого, чего время не даетъ и не дастъ. Жизнь есть глубокая иронія во всемъ. Во времена торжествъ разсудка она вдругъ показываетъ оборотную сторону медали, посылаетъ Кальостро и проч.; въ вѣкъ паровыхъ ма-

шинъ—вертитъ столы и приподнимаетъ завѣсу какого-то таинственнаго, ироническаго міра духовъ странныхъ, причудливыхъ, насмѣшливыхъ, даже похабныхъ...

Ну, да бросимъ все это. Давай о положительномъ. Ты просишь, чтобы я написалъ тебѣ, какъ я и что я, что Марья Ѳедоровна и т. д. Живемъ мы очень мирно и смирно. Марья Ѳедоровна по подлости характера хочетъ написать тебѣ, что я пилъ двѣ недѣли,—но это клевета самая гнусная. Жизнь въ Оренбургѣ не очень дешева... да какое тебѣ, впрочемъ, философу дѣло до дороговизны или дешевизны жизни?

Знаешь, когда я всего лучше себя чувствовалъ? Въ дорогѣ. Право, если бъ я былъ богатъ, я бы постоянно странствовалъ. Въ дорогѣ какъ-то чувствуешь, что ты въ рукахъ Божіихъ, а не въ рукахъ человѣческихъ. О корпусѣ и своей въ ней дѣятельности я тебѣ писалъ. Общество здѣшнее я мало знаю, да и знать то не хочу. . . . . его въ подпупіе, — какъ говаривалъ покойный Лермонтовъ! Городъ прескучный, въ особенности для меня. En fait de villes, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ мнѣ поэтовъ, Гюго, — j'aime les vieilles. Мнѣ старый соборъ нуженъ, старые образа въ окладахъ съ сумрачными ликами, слѣды исторіи нужны, нравы нужны, хоть, пожалуй, и «жестокіе», да типическіе. Мало ли что мнѣ нужно? А иногда такъ ничего не нужно,—и даже большею частію...

Ну, до свиданья!

Марья Ѳедоровна велитъ тебѣ написать, что ей въ городѣ тоже скучно, но вѣдь это въ сущности вздоръ, — что хоть три года проживетъ, а все не привыкнетъ (и это тоже вздоръ).

[Рукою Маріи Ѳедоровны:] нѣтъ не вздоръ (!?).

Твой *Ап. Григорьевъ.*

---

117. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1861 года, Окт. 19.

Сегодня только получилъ твое письмо отъ 8 Октября. Изъ него увидалъ я, что до тебя еще не дошло мое послѣднее, весьма мрачное посланіе. Да! что мнѣ дѣлать съ собою? Мракъ и хандра одолѣваютъ меня временами до апатіи — гдѣ бы то ни было. Не думай, чтобы градъ Оренбургъ,—хотя по истинѣ это самая тинистая трущоба въ всей Россійской Имперіи, — былъ исключительною этому

дѣлу причиною. Нѣтъ! ужъ мнѣ на роду написано хандрить. Во мнѣ есть неумолимыя заложенія аскетизма и піэтизма, ничѣмъ земнымъ не удовлетворяющіяся. Если бъ я былъ богатъ, я бы, вѣроятно, вѣчно странствовалъ и, конечно, преимущественно съ религіозными цѣлями. Къ великому горю и, можетъ быть, даже смѣху васъ всѣхъ!

Жду я съ нетерпѣніемъ книжки «Времени». Меня ужасно интересуетъ статья твоя изъ Куно Фишера о Спинозиномъ Богѣ и другая, по всей вѣроятности твоя же, объ индюшкахъ и Гегелѣ.

Событія, о которыхъ ты пишешь, намъ болѣе или менѣе здѣсь извѣстны. Не могу я имъ, разумѣется, не сочувствовать,—но что изъ этаго будетъ, не знаю. По моему взгляду политическому, я, какъ ты нѣсколько знаешь, былъ и остаюсь славянофиломъ. Народъ, земскій соборъ да (необходимый) соборъ Виленскій, вотъ во что я повѣрю. Дѣло иное сочувствіе и дѣло иное — вѣра. Согласись, что вѣдь въ сущности и ты только сочувствуешь, а вѣришь еще плохо! Да и вѣрить то пока не во что. Въ конституціи и Западъ уже извѣрился.

Прежде всего, время, въ которое мы живемъ,—смутно, не полно, не цѣльно. Односторонне рѣзко выдвинулись одни вопросы и совсѣмъ ушли на задній планъ другіе, столь же существенные. Чернышевскіе, Щегловы, даже Разины — люди очень честные и истинные продукты нашего времени, но... А ужъ о Катковѣ и англійской школѣ загнешь н о еще похуже!.. Въ сущности мы бродимъ пока во тьмѣ тьмущей. Порывы къ свѣту важны только какъ заявленія нужды свѣта.

Если М[ихайловъ] отравился, какъ прошелъ у насъ слухъ, то вотъ одинъ изъ самыхъ оскорбительныхъ и компромметирующихъ фактовъ. Вѣдь не отравлялись же ни Патріархъ Гермогенъ, ни Прокопій Ляпуновъ, ни, наконецъ, Рылѣевъ! Отравился Радищевъ, да вѣдь въ немъ столь же мало было фонда, какъ въ этихъ господахъ. Да будетъ миръ душѣ М. И., — а все-таки, не спросясь броду, не суйся въ воду.

Одно меня радуетъ, что протестаціи, судя по твоимъ словамъ, имѣли безъоружный, гражданскій, почти легальный характеръ.

Я къ тебѣ пишу безъ всякой задней мысли—суди, какъ знаешь. Я не консерваторъ, но и не революціонеръ, какъ и ты тоже. Хотѣлось бы быть гражданиномъ...

Хотѣлось бы! мало ли чего бы хотѣлось!

Статья о Толстомъ пишется, но очень медленно. Руки отнимаются. Кому теперь нужда до Толстаго?.. Онъ и самъ-то какъ будто убоялся высоты того тона, который такъ искусно забралъ было въ «Люцернѣ», «Альбертѣ», «Трехъ смертяхъ», «Семейномъ счастіи»! Не разобщаются люди съ современностью безнаказанно, какъ бы ни было искренне разобщеніе.

Отъ «Отцовъ и Дѣтей» не жду я многаго въ отношеніи къ содержанію. Тургеневъ в е с ь сказался и больше сказать ему, право, нечего. Мы вѣдь имъ балуемся, балуемся его поэтическою струею... Дѣйствительно, самая поэтическая ...., какую я знаю, но ....!..

Не многаго (кромѣ разъясненія) жду я и отъ новооткрытыхъ сочиненій Гоголя. Въ противуположность Тургеневу, это былъ ярый, скопческій ..... Чѣмъ болѣе я въ него на досугѣ вчитываюсь, тѣмъ болѣе дивлюсь нашему бывалому ослѣпленію, ставившему его не то что въ уровень съ Пушкинымъ, а пожалуй и выше его. Вѣдь Ѳедоръ то Достоевскій—будь онъ Художникъ, а не фельетонистъ — и глубже и симпатичнѣе его по взгляду и, главное, гораздо проще и искреннѣе. Вѣдь прямое, хоть нѣсколько грубое послѣдствіе Гоголя—Писемскій, а косвенное—Гончаровъ...

Что и сколько я жду отъ Островскаго, ты знаешь по моему послѣднему письму, знаешь, что мнѣ и этаго мало. Но единственный коноводъ надежный и столбовой—это все-таки Островскій. Въ немъ только нѣтъ къ сожалѣнію примѣси Африканской крови къ нашей Великорусской.

А ты себѣ пиши и пиши «ничтоже сумняся». Кромѣ тебя, въ настоящую минуту и писать здраво некому.

Пока до свиданія. Жму твою руку, равно какъ и М. Ѳ. Кланяйся всѣмъ хорошимъ людямъ.

Твой *Ап. Григорьевъ.*

---

118. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1861 г., Дек. 12.

Твое долгое молчаніе меня сильно безпокоило. Я начиналъ уже думать: не арестованъ ли ты за присутствіе на сходкахъ? Чего добраго! Ну, да—къ дѣлу.

Медленно идутъ мои работы, — да и понятно почему, кромѣ моего «легковѣрнаго» мнѣнія на счетъ своей необходимости въ Рос-

сійской Словесности. Кромѣ четверга, я занятъ по вся дни живота моего отъ 9 до 12 утромъ и отъ 5 до 7 послѣ обѣда—въ корпусѣ. Согласись, что тутъ по неволѣ представляешь... измученную кобылу. Но такъ или иначе, — а статья о Толстомъ, и большущая, поспѣетъ къ Февральской книжкѣ — непремѣнно! Въ эту субботу отправится на имя твое посылка съ отдѣланною ея частію, даже тщательно переписанною. Вся статья непремѣнно (conditio sine qua non) должна идти подъ заглавіемъ «Явленія, пропущенныя нашею критикою: Графъ Л. Толстой и его сочиненія». Первый отдѣлъ ея — общій и называется: «Взглядъ на отношенія современной критики къ литературѣ—vox clamantis in deserto»... Тутъ я разсмотрѣлъ всѣ направленія, не щадя ни одного. Вещью этою я самъ доволенъ, — вѣроятно, будешь, и ты тоже. Перемѣнить въ ней нельзя ни единой іоты, — съ тѣмъ, конечно, и посылается. Другое, что ты найдешь въ посылкѣ (авось, къ субботѣ перепишется)—половина 1-й пѣсни Чайльда Гарольда. На святкахъ надѣюсь кончить всю первую пѣсню и дослать конецъ. Прочти, пожалуйста, съ оригиналомъ: объ этомъ я тебя прошу для оцѣнки честности этаго дѣла. Какъ видишь, я таки работаю, медленно, но работаю.

Я нисколько не въ претензіи за то, что ты показываешь мои письма Ѳ. Дост. Я его, и вообще обоихъ братьевъ, очень люблю, — хоть схожусь съ ними не во всемъ, а во многомъ расхожусь совершенно. По моему мнѣнію—и они со временемъ согласятся со мною—нельзя «работати Богу и Маммонѣ»:—нельзя признавать философію, исторію и поэзію, и дружиться съ «Современникомъ»», нельзя, уважая себя и литературу, печатать д..... Кускова и начать фельетоны блевотиной Минаева, нельзя ради дешеваго либерализма держать въ политикѣ Стеньку Разина, нельзя печатать, какъ нѣчто хорошее драму Гейбеля и т. д. Въ послѣдней книжкѣ я былъ изумленъ непріятно статьей о Державинѣ. Исторія этой статьи прекурьезная. Въ 1859 году она валялась въ редакціи «Русскаго Слова» и возвращена мной автору; въ 1860 г. она валялась въ редакціи «Русскаго Вѣстника» и мною же отринута. А оба раза отринута потому, что кромѣ опіума чернилъ, разведенныхъ слюною бѣшеной собаки, я ничего въ ней не видалъ и до сихъ поръ не вижу. Ты знаешь, что я не Лонгиновъ и не имѣю ни малѣйшаго пристрастія къ «литературѣ выдуманныхъ сочиненій»,— но эта вѣчная исторія о Радищевѣ—эта единственная мѣрка, прилагаемая къ дѣятелямъ былаго времени, не знаю какъ другимъ, а мнѣ

противна хуже д..... Кускова и блевотины Минаева. Въ настоящую минуту великая и честная заслуга журнала была бы умѣть въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній остановиться на ученіи Бѣлинскаго до 1844 года, потому что оно (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями)—единственно правое. П..... въ лужу—скверно и в.....

«Времени», чтобы быть самостоятельнымъ, нужно: или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Чернышевскаго, или 2) быть послѣдовательнымъ въ своей вѣрѣ въ поэзію и жизнь, въ идею народности вообще (въ противуположность абстрактному человѣчеству), — воспользоваться ошибками Славянофильства, какъ всякой теоріи, и встать на его мѣсто.

Впрочемъ, имѣющая быть посланною статья должна рѣшить дѣло окончательно. Всѣ эти намеки развиты въ ней съ возможною для меня ясностію.

Кстати... Подлыя выходки ..... «Искры» противъ «Дня» не показываютъ ли, до какого цинизма мы дошли? Съ «Днемъ» можно и должно спорить, но бросать въ него грязью — безчестно. Въ моей далекой глуши это меня раздражаетъ и мутитъ. Горячій кровный споръ, — споръ до ножей надо вести съ «Днемъ», потому что въ концѣ концовъ онъ тоже теорія, какъ Черныш. и К°. Но ни надъ той, ни надъ другой изъ этихъ двухъ теорій нельзя упражняться въ матерномъ цинизмѣ. О Воскобойниковѣ! Скажи ему, что многое на томъ свѣтѣ отпустится ему за его дикую, но честную выходку. Подлѣе того смѣха, какой подымаетъ въ послѣднее время «Россійская Словесность» (ибо вѣдь это Словесность!!!) едва ли что и выдумаешь. Знаешь ли, что даже за Аскоченскаго въ состояніи разсердиться честный человѣкъ по поводу одного изъ послѣднихъ стихотвореній «Искры», въ которомъ вскрываютъ его частную жизнь .....дѣянія и проч. Вотъ чего я не могу до сихъ поръ забыть, это — неудовольствіе на меня редакціи «Времени» за то, что я серьезнымъ тономъ говорилъ о направленіи Мракобѣсія. Стало быть (для меня всегда все ставится въ+а или—а), она можетъ вотъ этому б..... тону сочувствовать?..

Да — я не дѣятель, Ѳедоръ Михайловичь! (предполагаю, что и Вы будете читать это письмо) и, признаюсь Вамъ, я горжусь тѣмъ, что я не дѣятель въ этой лужѣ, что я не могу купаться въ ней купно съ Курочкинымъ, — я горжусь тѣмъ, что во времена хандры и омерзѣнія къ Россійской Словесности я способенъ пить мертвую, нищаться, но не написать въ жизнь свою ни одной строки, въ

которую бы я не вѣрилъ отъ искренняго сердца... Вы на меня яритесь за то, что я уѣхалъ; оставилъ де свой постъ, какъ Вы называете. Увы! въ прочности этаго поста я мало убѣжденъ и теперь. Вотъ киргизовъ русской грамматѣ обучать, это хоть и скучная адски вещь, да зато прочная и главное — всегда одинаково удобная для исполненія.

Послѣ сей апострофы — опять обращаюсь къ тебѣ, мой философъ... Съ чѣмъ бишь? Да! что за пустошь романъ Полонскаго? Для меня просто какимъ-то внутреннимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ прекрасныхъ стиховъ. Потому—тупоумнымъ отъ природы людямъ не слѣдуетъ приниматься за картины историческія (въ широкомъ смыслѣ этаго понятія)...

А поэзія — уходитъ изъ міра. Вотъ я теперь съ любовію перевожу одного изъ трехъ послѣднихъ настоящихъ поэтовъ (т. е. съ Мицкевичемъ и Пушкинымъ купно), — я переживаю былую эпоху молодости — и понимаю, съ какой холодностью отнесется современное молодое поколѣніе къ этимъ пламеннымъ строфамъ (все равно, хоть читай оно ихъ по англійски), къ этой лихорадочной тревогѣ, ко всему тому, чѣмъ мы жили, по чему мы строили свою жизнь... Все это ненужно. Нужны блевотины Минаева, Некрасовскій откупъ народныхъ слезъ, статьи Добролюбова и «Искра». Вотъ что нужно...

А все сдается, что нужно это только до тѣхъ поръ, пока новый могучій стихъ

Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой

и повлечетъ за собою неистощимую жажду человѣческаго сердца... и опять туда же in das Idealen-Reich...

Я всегда заговорюсь съ тобой, такъ что для практическихъ дѣлъ остается мало мѣста, — да и лучше отложу ихъ до субботы, когда стану посылать посылку.

Ѳедоровъ (Ст. Ник.) шлетъ вамъ вещь истинно хорошую. Въ этомъ маломъ есть дѣйствительно талантъ. Тебя самаго удивитъ эта вещь съ ея смѣлымъ и глубоко вѣрнымъ концомъ, съ ея замѣчательною выдержанностію формы. Сильныя надежды подаетъ мнѣ сей юноша, что скоро Буки-Ба изчезнутъ изъ «Искры»... А что вещь «Середы»? Ты мнѣ о ней ни слова. Если не хочетъ «Время», сунь ее въ какой нибудь б..... въ родѣ «Свѣточа», «Русскаго Міра». Вѣдь ничего—живетъ. Не хуже же прежнихъ вещей Ѳедорова. До субботы!

Твой *А. Григор.*

119. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1861 г., Дек. 15.

Посылаю обѣщанныя въ прошломъ письмѣ вещи и еще одну, которой объясненіе найдешь въ моей, приложенной при ней запискѣ.

Какъ продолженіе и окончаніе первой пѣсни Гарольда, такъ продолженіе и окончаніе статьи буду высылать теперь съ каждою легкою почтою, по мѣрѣ отдѣлки и переписанія.

Статья, какъ ты самъ увидишь, должна быть рѣшительною въ моихъ отношеніяхъ съ «Временемъ». Не удивляйся, читая ее,—что я самъ окончательно сжегъ за собою нѣсколько старыхъ кораблей. Кажется, ясно изъ нея, что я столь же мало Славянофилъ, сколько мало Западникъ, столько же далекъ отъ Аскоченскаго, сколько и отъ Добролюбова. Что же я такое? Этого я пока еще и самъ не знаю. Прежде всего, я—критикъ, за симъ—человѣкъ, вѣрующій только въ жизнь. Вся статья,—какъ можешь заключить по вступленію, которое разрослось въ 1¼ печатныхъ листа,—будетъ листа въ четыре съ небольшимъ. За нею,—если она примется безусловно, воспослѣдуетъ продолженіе начатаго курса, т. е.

Глава V. Бѣлинскій, какъ установитель нашего литературнаго сознанія.

Глава VI. Лермонтовъ и Гоголь.

и т. д. Потому что меня опять прорветъ на нѣсколько мѣсяцевъ; будетъ еще между прочимъ нѣсколько небольшихъ статей за подписью «Ненужнаго человѣка».

Что касается до Гарольда, то первая пѣснь переведена на черно вся и постепенно отдѣлывается. Если не захотятъ его Достоевскіе,—то увѣдомь меня. Я тогда попрошу тебя передать ее Некрасову, который возьметъ съ радостью,—ибо онъ самъ вызывалъ меня на переводъ Гарольда послѣ «Парижины». Поправокъ и передѣлокъ тоже вдали я допустить не могу.

Если, какъ статей моихъ, такъ [и] Гарольда «Время» хочетъ, то 1) за эту пѣсню Гарольда—такъ какъ она въ полтора раза больше Парижины (за которую Некрасовъ далъ мнѣ полтораста рублей, о чемъ можно тамъ справиться)—цѣна 200 рублей (съ Некрасова же 225, ровно въ полтора раза), 2) за статью цѣна обыкновенная.

А главное вотъ что. Если я дѣйствительно «Времени» нуженъ,—то оно должно мнѣ помочь въ настоящую минуту. Достойная и до-

бродѣтельная супруга моя прислала на меня къ Безаку жалобу и, по духу россійскаго законодательства, я обязанъ высылать этой барынѣ на ..... и пьянство часть моего жалованья, чѣмъ опять финансовыя дѣла мои разстроились. Мнѣ нужно въ возможной скорости, даже если можно немедленно, четыреста рублей; если Гарольдъ понравится «Времени», то въ этой суммѣ мы сквитаемся первою же пѣснію и статьею, развѣ малость какая останется по старымъ счетамъ. Кстати, счеты сведите тамъ, да не забудьте вписать послѣднюю партію книгъ, взятыхъ у Базунова,—кажется, они въ книгу Михайла Михайлыча не вписаны. Вообще въ этихъ счетахъ я гораздо болѣе полагаюсь на него, чѣмъ на себя.

Эта посылка пойдетъ по тяжелой. Продолженія пойдутъ съ каждой легкой. Теперь скоро святая—ergo времени переписывать и отдѣлывать будетъ больше. Самому Михайлу Михайловичу я не пишу только потому, что все равно писать то, къ нему или къ тебѣ.

И такъ, скорѣе денегъ, если я работаю во «Времени», и скорѣе отвѣтъ, если мы не сойдемся.

Твой *Ап. Григор.*

---

120. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

1861 г., Дек. 21. Оренбургъ.

Посылка послана въ прошлую субботу, — но это письмо ты, вѣроятно, получишь скорѣе, и потому не мало удивишься, найдя тутъ продолженіе строфъ Гарольда прежде его начала.

А я пишу за тѣмъ, чтобы ругаться, ругаться б....., сквернословно. Недавно я прочелъ Октябрьскій № «Записокъ» и въ нихъ великолѣпное начало статей Щапова: «Великорусскія области во времена междуцарствія», — начало фактическаго оправданія всего того, что думаетъ о Руси и ея исторіи Островскій, что думалъ и гадательно высказывалъ я по своей чуткости. Что же вы (т. е. «Время») ловите слюню бѣшеныхъ въ родѣ г. Маслова и не залучите такого человѣка, какъ Щаповъ, который носитъ въ себѣ цѣлое, совсѣмъ новое и вполнѣ народное направленіе? Какъ это журналу, толкующему непрерывно, хоть и крайне неопредѣленно о народности, не сойтись съ нимъ и Павловымъ? Или глаза у васъ въ . . . ? — и вы увидите только то, что будетъ уже позади васъ? Стыдно! А время еще есть. Я увѣренъ, это Щаповъ такъ, случайно, печатается у Андрея... Вотъ эта статья да статья Платона Павлова въ новомъ

календарѣ — эпохи, а не г..... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чювствіяхъ» какой-то ученой . . . ! Тутъ, въ этихъ статьяхъ, новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое,—и въ этихъ статьяхъ и, можетъ быть, въ «Мининѣ» Островскаго, — идетъ на конечное истребленіе б..... «Вѣстника», празднословія Западниковъ, суесловія «Дня», хохлословія Костомарова и буесловія «Современника». А вы зѣвайте да печатайте буйство Масловыхъ и грошовый либерализмъ Стеньки Разина, да ужъ дайте въ видѣ приложенія его «Міръ Божій»—хорошій будетъ подарокъ.

Ругательство въ сторону. Вѣдь какую же нибудь цѣль, кромѣ коммерческой, хочетъ имѣть «Время». Какую же?.. Иной, кромѣ знамени народности въ широкомъ смыслѣ, ему и имѣть нельзя. Всѣ другія цѣли: соціализмъ, англійское устройство, узкая народность, и проч., и проч. разобраны...

Еще вопросъ: гдѣ будетъ «Мининъ»? Въ «Современникѣ» быть ему не прилично; въ «Днѣ» невозможно; въ «Блевотикѣ»?? Отъ чего же не у васъ? Денегъ что ли не хватаетъ при пяти тысячахъ подписчиковъ?.. Андрей, вѣроятно, купилъ бы его на вѣсъ золота. И хорошо бы сдѣлалъ. Пусть Островскій положитъ его на вѣсы, какъ Бреннъ мечь, и скажетъ: Vae victis! Устранивши глупую вражду съ Островскимъ, «Записки» съ Щаповымъ опять станутъ самымъ передовымъ органомъ. А вы—зѣвайте!

Вѣдь пять тысячь подписчиковъ результатъ чего?.. 1) Таланта Ѳедора Достоевскаго, 2) его изгнанія и 3) пресыщенія старыми органами и упадка «Р. Вѣстника»?... Вѣдь это все еще въ ожиданіи будущихъ благъ отъ свѣжей новинки. Поймите это, «господа и братіе»... Нужна прочная основа — опредѣленность взгляда и борьба за взглядъ.

Неужели бы я въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ, если бъ вѣрилъ прочно въ дѣйствительное направленіе... Тогда бы мной дорожили и я бы самъ дорожилъ своимъ дѣломъ, не боясь, что дѣло это въ одно прекрасное утро разрушитъ замѣчаніе жены Стеньки Разина или неудовольствіе Платона Кускова.

Ну, пока прощай! Я излилъ всю жолчь, какая во мнѣ была.

Твой *Ап. Григорьевъ.*

[Рукою Маріи Ѳедоровны:]

Пока вы еще не уѣхали заграницу, и не совсѣмъ загордились, беру смѣлость вамъ кланяться.

1862 г.

121. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1862 г., Янв. 19.

Не могу я на тебя пенять за твое долгое молчаніе,—ибо знаю, что ты страшно занятъ, но все-таки не разъ пошлешь тебѣ мысленно ..... Завтра отправляется посылка почти съ концомъ статьи о Толстомъ и съ строфами Гарольда до 78-й включительно.

Ты спросишь, конечно, почему я не кончилъ всего на праздникахъ? Прилагаемая у сего аффишка послужитъ тебѣ поясненіемъ.

Курьезная вышла исторія съ этими лекціями. Я хотѣлъ читать ихъ въ пользу «Литературнаго Фонда», желая отплатить этому обществу за помощь мнѣ разъ оказанную. И точно, отплатилъ бы съ процентами. Мои лекціи собрали для здѣшнихъ бѣдныхъ 320 рублей серебромъ. Не знаю, принесутъ ли столько чтенія, которыя мы съ Ѳедоровымъ хотимъ теперь устроить въ пользу фонда. Дѣло въ томъ, что здѣсь плохо понимаютъ, что такое Литературный фондъ. Генералъ-губернаторъ просилъ меня (т. е. приказалъ) читать лекціи въ пользу бѣдныхъ города Оренбурга.

Что тебѣ сказать о нихъ? Идеи мои о Пушкинѣ ты болѣе или менѣе знаешь; импровизаторская способность во мнѣ какъ-то съ лѣтами укрѣпляется; презрѣніе мое ко всякой публикѣ, не только Оренбургской,—чрезвычайно прочно. Стало быть, я достигалъ тѣхъ результатовъ, какихъ самъ хотѣлъ. Первая лекція, направленная преимущественно противъ теоретиковъ (а здѣсь, какъ и вездѣ, всѣ, кто читаютъ — ихъ послѣдователи), привела въ немалое недоумѣніе. Вторая кончилась сильнѣйшими рукоплесканіями. Въ третьей защитою Пушкина какъ гражданина и народнаго поэта я озлобилъ всѣхъ понимавшихъ до мрачнаго молчанія. Въ четвертой я спокойно ругался надъ поэзіей «о Ванькѣ ражемъ» и «о купцѣ, у коего украденъ былъ калачъ», обращаясь прямо къ поколѣнію, «которое ничего, кромѣ Некрасова, не читало», а кончилъ насмѣшками надъ ученіемъ о соединеніи луны съ землею и пророчествомъ о побѣдѣ Галилеянина, о торжествѣ царства Духа—опять при сильныхъ рукоплесканіяхъ. Что ни одной своей лекціи я заранѣе не обдумывалъ,—въ этомъ едва ли ты усумнишься. Одно только и было мною заранѣе обдумано—заключеніе.

Народу было у меня постоянно много, но, конечно, было бы вдвое больше, если бъ я объявилъ, что буду ... показывать или слона приведу.

За лекціями воспослѣдовали, конечно, обычныя почести, каковы суть зовъ на вечеръ и на обѣдъ къ Безаку, который щеголялъ передо мною своей памятью, читая цѣлыя тирады изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Онѣгина». Впрочемъ, онъ точно умный и простотою обхожденія замѣчательный человѣкъ.

Для чего жъ я читалъ эти лекціи? — въ правѣ ты спросить наконецъ. А такъ! Во-первыхъ, себя потѣшить изліяніемъ любимыхъ мыслей; во-вторыхъ, убѣдиться на фактѣ въ силѣ теоретиковъ и во временномъ паденіи нашихъ началъ; въ третьихъ, мнѣ это ничего не стоило, кромѣ двухъ паръ перчатокъ.

Черезъ полторы недѣли попечительница Комитета о бѣдныхъ, М-me Дандевиль, спрашивала нашего инспектора, чѣмъ меня поблагодарить. Ѳедоровъ вызвался отвѣчать за меня, что я не беру ни деньгами, ни вещами, а ....., да и то ...., а при киксѣ .. ..

Провинціальная жизнь, которую, наконецъ, я сталъ понимать, внушитъ мнѣ, кажется, книгу въ родѣ Reisebilder, подъ названіемъ «Глушь». Подожду только весны, чтобы пережить годовой циклъ этой жизни. Сюда войдутъ и заграничныя мои странствія и первое странствіе мое по Россіи, и жажда старыхъ городовъ, и Волга, какъ она мнѣ рисовалась, и Петербургъ издали, и любовь-ненависть къ Москвѣ, подавившей собою вольное развитіе мѣстностей, семихолмной, на крови выстроившейся Москвѣ, — вся моя нравственная жизнь, можетъ быть... Въ самомъ дѣлѣ, хоть бы одну путную книгу написать, а то все начатые и неконченные курсы!

А что, кстати? Тебя заинтересовала какъ то одна изъ моихъ идеекъ—о заявкѣ нами нашей самостоятельности въ наукѣ, въ лицѣ Надеждина, перевернувшаго вверхъ дномъ Геродотову географію, Сенковскаго съ его взглядами на ветхій міръ Ниневіи и проч. и древній міръ старика Гомера, Хомякова съ его новымъ пониманіемъ Средневѣковой исторіи?.. Ты бы читнулъ этихъ господъ. Они дороги, какъ допотопныя заявки, а, можетъ быть, и болѣе...

О, мой старый «Москвитянинъ» зеленаго цвѣта, «Москвитянинъ», въ которомъ мы тогда крѣпко, общинно-соединенные, такъ смѣло выставляли знамя самобытности и непосредственности, такъ честно и горячо ратовали за единственно-правое и святое

дѣло, — о, время пламенныхъ вѣрованій, хотя и смутныхъ, время жизни по душѣ и по сердцу...

Боже мой! обновится ль юность моя «яко орля»?

Мрачна лежитъ теперь передо мною жизнь, почти что безъ значенія. Гласность, свобода — все это въ сущности для меня слова, бьющія только слухъ, слова вздорныя, безсодержательныя. Гласность б..... «Искры», свобода «Русскаго Вѣстника» или теоретиковъ... неужели ты въ серьезныя минуты самоуглубленія вѣришь въ эти штуки? «Едино есть на потребу», другъ, и «идѣ же Духъ Господень—ту свобода»... А гдѣ онъ, Духъ Господень? Увы! «Се здѣ Христосъ или индѣ!»

---

122. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

Оренбургъ. 1862 г., Марта 20.

Ну—съ чего начать? Съ той ли казенной фразы, что сердце у меня все разбито? Глупо... Очевиднѣе и проще то, что виски мои побѣлѣли, что въ бородѣ прибавилось двѣ новыхъ бѣлыхъ нитки... Да и это собственно къ чему я говорю. Ты достаточно вызналъ меня въ послѣднія недѣли моего житія въ Петербургѣ... Все прежнее—нелѣпо, пьяно и нескладно, но я тебѣ тогда разсказывалъ... Напрасно не послушалъ ты меня тогда, когда я говорилъ тебѣ: Geh und bete. Можетъ быть, стѣна бы и разверзлась.

Невыносимость положенія пришла впрочемъ не оттуда, откуда ты пророчилъ. «Начальство» очень удобно переварило мое незаконное сожитіе. Одного простаго и откровеннаго объясненія по поводу жалобы моей жены достаточно было, чтобы это дѣло юридически покончить. Но нравственно мнѣ нисколько не стало отъ этаго легче. Что это за несчастная судьба моя сталкиваться вѣчно съ несчастными и навѣкъ погибшими (такъ или иначе) женскими натурами, съ которыми ничего, ровно ничего не подѣлаешь, хоть ты себѣ и имъ колъ на головѣ теши.

Зачѣмъ я ѣхалъ въ Оренбургъ и поѣхалъ бы въ Камчатку? Мнѣ надоѣло, опротивѣло нищаться, должать безъисходно... А тутъ стало повторяться то же самое. Почему? Что я, прокучиваю что ли много? Самые страшные загулы, девятидневія до скачущихъ изъ подъ руки чертиковъ и растягивающихся въ углу харь не обходились мнѣ дорого, ибо всегда водка скверная, но сравнительно дешевая вещь.

Безхозяйство и самолюбіе несчастной Устюжской «барышни»—проклятая претензія жить не хуже другихъ, да моя слабость все такъ же и такъ же тянули меня въ омутъ. Слабость? Нѣтъ! я не былъ бы слабъ, если бы она была моей женой... (Я вѣдь непремѣнно бы сдѣлалъ эту пошлость, если бы сталъ вдовцемъ). Жену можно ограничить, но ограничить любовницу воспретитъ всегда гнусная деликатность развитаго человѣка. Тутъ вѣдь всякое ограниченіе—упрекъ въ паденіи, а она, бѣдная, и такъ постоянно страдала отъ своего паденія.

Страдала? но почему страдала? О! если бъ въ этомъ страданіи была хоть частица нравственнаго чувства. Три года жизни со мною не могли сдѣлать того, чтобы она перестала говорить наивно мерзости, напримѣръ, что она бы никогда не пошла за мужъ за человѣка, живя съ которымъ сама должна бы была стряпать. Да вѣдь не по тому, что бы она лѣнива была, нѣтъ, а потому, что это—стыдно!

Ну, представь ты мою жизнь. Нахваталъ я уроковъ гибель—вотъ ужъ первое безчестное дѣло, а вѣдь я ѣхалъ для того, чтобы стать и внѣшне то честнымъ человѣкомъ. Возвращался въ 12 часовъ, чаи, кофеи, вѣчное нытье, безобразныя ревности до того, что она разъ возревновала меня къ 12 лѣтней дѣвченкѣ. Зайдетъ кто-нибудь, сидишь съ хорошимъ человѣкомъ какъ на иголкахъ, потому что навѣрное она уже въ спальнѣ реветъ, какъ оставленная и покинутая... Затѣмъ обѣдъ; затѣмъ опять на уроки, и въ 7 часовъ опять возвратишься домой хуже всякой разбитой на ноги клячи... Сядешь за работу—опять нытье или капризы. Отъ праздности, разумѣется,—да что жъ ты думаешь, не пытался я что ли вырвать ее изъ этой праздности? Все, братъ, было въ теченіе этихъ несчастныхъ трехъ лѣтъ моей жизни. И Вильбуя (спроси Вильбую) принимался учить ее музыкѣ, и я то самъ, исполняя ее желаніе, пытался учить ее по французски (очень вишь нужно!). Да вѣдь учиться могутъ только тѣ, которые находятъ смакъ въ самомъ дѣлѣ, а не потому только, что какая то скуреха Устюцкая на фортопьяно играетъ и по французски говоритъ, а я дескать нѣтъ.

Какъ то удалось мнѣ подстрекнуть ее самолюбіе на то, чтобы актрисой сдѣлаться. Ну, молъ (думаю) плохая актриса будетъ да все-таки хоть какая-нибудь. Хоть умру поспокойнѣе. И здѣсь помѣшала робость, да не робость таланта, а робость самолюбія мелкаго, тщеславія. Господи! какую я внѣшне жалкую и смѣшную, а внутренне страдальческую роль игралъ въ ея дебюты. Ну! кончилось все только

тѣмъ, что разыгрывала она сцены за кулисами: перессорила меня съ немалымъ количествомъ разныхъ лицъ.

Другъ! я вѣдь истинный Донъ-Кихотъ былъ когда-то. На моихъ публичныхъ лекціяхъ вѣдь я при свѣтской массѣ города Холопска ходилъ съ ней по залу до начатія и подъ руку выходилъ съ ней по окончаніи, а она все-таки ревновала меня ко всякой размалеванной закулисной физіономіи и ко всякой изъ..... свѣтской барынѣ, которая подавала мнѣ руку.

Присоедини къ этому противучеловѣческія отношенія къ служащему намъ люду, какое-то постоянное озлобленіе на людей и свѣтъ, неумѣренную материнскую привязанность къ собачкѣ...

Все это переваривалось вслѣдствіе одного убѣжденія: Любитъ.

Да, она любила меня, любила всей силою, какой можетъ любить эгоистическое и лишенное всякаго свѣта существо, любила, точно, меня одного, ибо къ тѣмъ, «кто были до меня», не питала ровно никакого чувства.

А вѣдь ты то вспомни: мнѣ 40 лѣтъ, а по моей истасканной и взрытой всякими бурями физіономіи дадутъ мнѣ, пожалуй что, и съ большимъ походцемъ. Плохи ужъ надежды на то, чтобы кто-нибудь еще меня полюбилъ... И я ужъ руками, ногами, зубами держался за эту послѣднюю привязанность.

Знаешь ли. Я даже насильственно заглушалъ самыя свѣтлыя воспоминанія, и когда порой подъ аккорды гитары вставали онѣ въ душѣ все такъ же свѣтлыя, не потерявшія никакихъ своихъ правъ надъ душею,—мнѣ становилось страшно... и я чувствовалъ, что увы! одно только глубокое, болѣзненное сожалѣніе приковываетъ меня къ моему настоящему міру, лишенному всякаго разумнаго и нравственнаго значенія...

Чего я не отдавалъ этому сожалѣнію. Про людское мнѣніе и говорить нечего... про семейный долгъ. Какой? Къ женѣ—съ ея неисправимо-лживой, развратно-холодной и наглой въ порокѣ натурой. Къ дѣтямъ!.. . . . . .

. . . . . Къ отцу! Я его люблю, но вѣдь онъ, по своей распущенности, холодно могъ видѣть, что я адски терзаюсь, холодно могъ разсчитывать.

Нѣтъ—я про такія вещи говорю, какъ дружба Островскаго и Эдельсона.

Ну, однимъ словомъ, покоя мнѣ не было въ душѣ ни на минуту. Вѣдь ты знаешь, что только что написанную тираду я проговорилъ

сейчасъ въ поднявшемся со дна души озлобленіи, что мнѣ и жены жаль, и отца жаль, и дѣтей жаль...

Три раза въ Оренбургѣ уже хотѣлъ я все это порѣшить и могъ тогда порѣшить. Да выйдешь, бывало, изъ дома,—перекрестишься на церковь и вдругъ скажешь себѣ: нѣтъ, потерплю еще, пострадаю еще, за нее пострадаю. Больше сея любви ничто же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя... А на душѣ отъ такого рѣшенія легче все-таки не становилось.

Понятно почему. Я зналъ, что, живя такъ дальше, я влекусь неминуемо къ гибели, не физической, а нравственной, къ жизненнымъ подлостямъ, къ потерѣ самаго дорогого—моихъ убѣжденій.

Мысль зрѣла, зрѣла, тоска грызла, грызла, и, разумѣется, воспослѣдовалъ разгулъ...

Я рѣшился, безповоротно рѣшился и, чтобъ у самого себя отнять всякую возможность поворота, написалъ письмо къ женѣ... и сказалъ ей объ этомъ.

Что затѣмъ было—опредѣлить трудно. Все кругомъ меня завертѣлось и, кажется, самая жизнь сошла съ ума.

Но прежде я долженъ разсказать тебѣ анекдотъ. Игралъ разъ пьяный офицеръ съ пріятелемъ въ штосъ и безъ различія билъ каждую его карту, ложилась ли она направо или налѣво. Когда тотъ замѣтилъ ему это, онъ отвѣчалъ, рыгая: нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой.

Было время—зимою 1859 года въ Декабрѣ—въ холодной нетопленной квартирѣ моей въ домѣ Логинова на кровати лежала бѣдная, еще не оправившаяся отъ родовъ женщина, а въ другой комнатѣ стоналъ безъ кормилицы больной, умирающій ребенокъ, и добрый, великодушный Евгеній Эдельсонъ являлся ко мнѣ проповѣдникомъ семейныхъ обязанностей. Онъ, ... , приходилъ совѣтовать мнѣ бросить все это, удивлялся, что не брошенъ въ воспитательный домъ и не отнятъ у матери первый плодъ ея первой сколько-нибудь человѣческой привязанности.

Была пора—въ Ноябрѣ 1860 года, когда оборванный, гнусно пьяный шатался я въ Москвѣ по квартирамъ пріятелей, ища гдѣ-нибудь водки и омертвѣнія силъ, и когда всѣ удивлялись, какъ это я безъ копейки не брошу женщину, подло водили меня за носъ продажею дома...

Это значило: нѣтъ тебѣ правой. Ну, хорошо!.. Вотъ другая пора. Человѣкъ отдаетъ все, что можетъ, готовъ испродаться до послѣд-

нихъ штановъ, женщина буйствуетъ, безумствуетъ, бьетъ стекла въ квартирѣ и зоветъ полицію, обвиняя меня въ буйствѣ, бѣгаетъ къ властямъ, и всѣ смотрятъ на меня какъ на какого-то злодѣя. Женщина лжетъ, что ее оставляютъ безъ копейки, лжетъ, что я увезъ ее отъ родителей... Все это, разумѣется, до перваго призыва къ властямъ. Власти видятъ, что я отдаю все это [*нрзб.*], и все-таки не понимаютъ, въ чемъ дѣло. А оно очень просто. Когда эта несчастная убѣдилась, что нѣтъ поворота, она со всей дикостью своей натуры захотѣла мстить.

И все это я понимаю... И въ концѣ концовъ въ душѣ стонетъ только одно слово: ж а л ь!

Жаль, и ничего не подѣлаешь. Такъ должно было. Вотъ я нынче услыхалъ, что передъ отъѣздомъ три часа она выла бѣдная—и пошелъ на урокъ. Хожу по классу и диктую грамматическіе примѣры,—а что-то давитъ грудь, подступаетъ къ горлу и, того и гляди, прорвется истерическими рыданіями.

Кабы не глубокая привязанность ко мнѣ моего бывшаго ученика, актера Алюева, да не «Мининъ», башка бы моя треснула.

Прибавь къ этому ненависть ко мнѣ барабаннаго начальства, интриги подлецовъ товарищей, изъ которыхъ только татары истинно порядочные люди, и вотъ тебѣ соусъ ко всему этому.

Зато во всякое свободное время моя тѣсная квартирка набита страстно-преданными мнѣ учениками, и то посвящаю я ихъ слегка въ философскіе вопросы, то читаю «Минина»,—и я плачу, и все кругомъ меня плачетъ, и до ночи вѣрится, что въ жизни есть что-нибудь повыше личнаго страданія. До ночи!..

Ну, во всякомъ случаѣ душевный процессъ завершился. Теперь—работать.

Денегъ, денегъ и денегъ за «Гарольда». Не купитъ ли «Пчела» за 240 съ вычетомъ моего ей долга?

P. S. Прежде этаго письма ты долженъ былъ получить всего «Гарольда», 1-ю пѣсню окончательно отдѣланную и чисто переписанную. А, можетъ быть, по теперешнимъ дорогамъ, и вмѣстѣ получишь. Оно послано недѣлю назадъ.

123. АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КРАЕВСКОМУ.

2 іюня 1862 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ!

Хоть я и не мало долженъ Вамъ, но, вѣроятно, Вы не сомнѣваетесь, что когда-нибудь, даже просто изъ практическаго желанія сохранить хорошія отношенія съ человѣкомъ, какъ Вы, — я постараюсь поискать средствъ литературно съ Вами, оказывавшемъ мнѣ добро, сквитаться.

Чѣмъ богатъ—тѣмъ и радъ. Во градѣ Оренбургѣ я занимался переводомъ Байронова «Чайльда-Гарольда» и окончательно отдѣлалъ 1-ю пѣсню, представляющую, какъ Вы знаете, довольно замкнутое цѣлое (Португалія и Испанія).

Моимъ переводамъ изъ Байрона всѣ отдавали справедливость. Этотъ же переводъ я имѣлъ возможность отдѣлать con amore и съ особенною заботливостью.

Если Вы скажете, что уже печатаете поэму Мицкевича «Тадеушъ», то я отвѣчу Вамъ, что никакъ не связываю Васъ необходимостью печатать Гарольда непремѣнно въ этомъ году. Дѣло въ томъ только, чтобы сдать его Вамъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

За «Парижину», которая много меньше Первой пѣсни «Гарольда», «Современникъ» заплатилъ мнѣ стопятдесятъ рублей. За стопятдесятъ же рублей пойдетъ и 1-я пѣсня Гарольда (въ ней 998 стиховъ) съ тѣмъ, чтобы сто были отчислены въ уплату долга, а пятдесятъ выданы мнѣ немедленно, такъ какъ противуцензурнаго въ этой вещи нѣтъ ничего. О постоянно мало-красивомъ состояніи финансовыхъ дѣлъ нашего брата Вамъ толковать нечего. Въ Вашей добротѣ я лично никогда не имѣлъ поводовъ сомнѣваться.

Позвольте между прочимъ лично Васъ видѣть завтра, т. е. во вторникъ.

Глубокоуважающій Васъ

Ап. Григорьевъ.

1862 г.
Іюня 2.
Понедѣльникъ.

124. ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ».

Сентябрь 1862 г. [Петербургъ].

Отцы мои! Изо всѣхъ силъ хлопочите, что бы статью не испохабила цензура.

Я дорвался до такаго дѣла, въ которое вложу весь свой жаръ и которое дѣйствительно можетъ быть полезно.

Хоть бы у Ерошки горла призанять для цензурнаго комитета!

Въ понедѣльникъ принесу конецъ.

Вашъ

Ап. Григ.

1862 г.
Сент. (нощь).
Суббота.

1863 г.

125. НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТРАХОВУ.

7 марта 1863 г. [Петербургъ].

Я ѣду въ Москву, мой милый! Пожелай мнѣ отъ души успѣха въ моихъ дѣлахъ. Я играю въ послѣднюю серьезную игру жизни. Право. Или опять дѣло съ полною вѣрою, или уже рутина и полумѣры навсегда!..

Что успѣешь приготовить, пришли въ Воскресенье утромъ до 12 часовъ, на имя Ѳедора Тимофеевича Стелловскаго, а лучше зайди къ нему самъ съ этимъ. Кабы къ Воскресенью и Ѳедоръ Михайловичъ припасъ что-нибудь.

Твой *Аполлонъ*.

1863 г. Марта 7.

1864 г.

126. ЕВГЕНІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЭДЕЛЬСОНУ.

10 Іюля 1864 г. [Петербургъ].

Евгеній!

Получилъ я Бѣляева и Костомарова хотя и весьма недавно, но, какъ я сказалъ тебѣ, нуженъ мнѣ еще Кавелинъ и (это я забылъ тогда) статья Павлова (П. В.), напечатанная въ

календарѣ прошлаго года, она есть и отдѣльно, но, вѣроятно, у тебя найдется прошлогодній календарь.

Заѣзжай между прочимъ въ свободную минуту.

1864 года,
Іюля 10.

Твой *Ап.*

P. S. Да вотъ еще что: Нельзя ли мнѣ книжку «Боборыкиніады», гдѣ помѣщенъ Отелло въ переводѣ Вейнберга. Любопытно. Тамъ же, говорятъ, три твои статьи.

---

127. НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ МИХНО.

[Іюль 1864 г. Петербургъ].

Волею судебъ и, пожалуй, собственнаго безобразія и безалаберности я попалъ въ Долговое Отдѣленіе, что впрочемъ нынѣ мало меня печалитъ, ибо я сижу и работаю, пишу статьи для «Эпохи» и отдѣлываю для васъ «Ромео и Джульетту», такъ что теперь несомнѣнно она поспѣетъ къ августу. Но, кромѣ того, по поводу драмы надумалась мнѣ въ это время лихая статья въ видѣ Дружининскаго послѣсловія къ «Лиру».

---

128. ѲЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ДОСТОЕВСКОМУ.

22 августа 1864 г. [Петербургъ].

Добрый другъ,

Ѳедоръ Михайловичъ!

Вслѣдствіе вчерашняго нашего разговора,—вотъ тебѣ роспись моихъ долговъ.

1) Лаздовскому—200 рублей. Можно платить въ теченіе года рублей по двадцати въ мѣсяцъ.

2) Лавочнику Бѣляеву—35 рублей. Тоже можно разложить мѣсяца на три.

3) Портному Степанову рублей до ста. Платежъ по 15 р. въ мѣсяцъ.

4) Въ Долговомъ отдѣленіи 19 р., въ томъ числѣ смотрителю десять и его помощнику пять.

Вообще же, исторія освобожденія меня и какаго-либо инсталированія будетъ стоить тебѣ съ разу сто цѣлковыхъ, т. е.

Лаздовскому	20	
Бѣляеву	10	
Степанову	25	(ибо я NB. положительно безъ штановъ).
Въ долговое	19	

да мнѣ на инсталлированіе двадцать пенязей.

Если я для «Эпохи» нуженъ, то принеси эту жертву. Въ долговомъ я подчасъ съ ума схожу отъ тоски — и кромѣ того, геморрой развивается съ ужасающею силою.

Поселюсь я гдѣ нибудь близь тебя и вообще совершенно отдаю себя въ твои руки. Спаси и выручи!..

Твой

Аполлонъ.

1864 г.
Авг. 22.

---

129. ѲЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ДОСТОЕВСКОМУ.

[Конецъ августа—начало сентября 1864 г. Петербургъ].

Любезный другъ!

Коли книжка вышла, то, ради Бога, пришли денегъ. Первое дѣло, что я обѣщалъ (на основаніи твоихъ же словъ) порт[н]ому Степанову—мнѣ не въ чемъ выйдти; второе, что безъ денегъ въ Тарасовкѣ жить нельзя. Третье: письмо объ органической критикѣ надѣюсь принести и прочесть самъ вамъ всѣмъ въ четвергъ.

Твой

Аполлонъ.

Неизвѣстнаго года.

130. ИВАНУ ѲЕДОРОВИЧУ ГОРБУНОВУ.

Стервецъ!

Мнѣ нужно съ вами повидаться для толку о дѣлѣ и для полученія отъ васъ разныхъ сплетенъ для второй статьи о театрѣ, которая готова должна быть у меня къ субботѣ.

Вашъ *А. Григорьевъ.*

Краткій послужной списокъ

на память

моимъ старымъ и новымъ друзьямъ.

Аполлонъ Александровичъ
Григорьевъ.

Краткій послужной списокъ

на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ.

Въ 1844 году я пріѣхалъ въ Петербургъ, весь подъ вліяніемъ той эпохи, и началъ печатать напряженнѣйшія стихотворенія, которыя однако очень интересовали Бѣлинскаго, чѣмъ ерундистѣе были.

Въ 1845 году они изданы книжкою. Отзывъ Бѣлинскаго.

Въ 1846 г. я редактировалъ «Пантеонъ» и со всѣмъ увлеченіемъ и азартомъ городилъ въ стихахъ и повѣстяхъ ерундищу непроходимую. Но за то свою, не кружка.

Въ 1847 году, поэтому, за первый свой честный трудъ, за Антигону, я былъ обруганъ Бѣлинскимъ хуже всякаго школьника.

Я уѣхалъ въ Москву, и тамъ несъ азартъ въ «Городскомъ Листкѣ»,—но опять-таки свой азартъ, и былъ руганъ.

Вышла странная книга Гоголя, и рука у меня не поднялась на странную книгу, проповѣдывавшую, что «съ словомъ надо обращаться честно».

Вышла моя статья въ «Листкѣ», и я былъ оплеванъ буквально именемъ подлеца Герценомъ и его кружкомъ.

Въ 1848 и 1849 году я предпочелъ заниматься, пока можно было, въ потѣ лица работой переводовъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ 1850 году послалъ въ «Отечественныя Записки», не надѣясь, что она будетъ принята—статью о Фетѣ. Приняли. Я сталъ писать туда лѣтопись московскаго театра. Не надолго. Не переварилась.

Явился Островскій и около него, какъ центра, кружокъ,— въ которомъ нашлись всѣ мои, дотолѣ смутныя вѣрованія. Съ 1851

по 1854 включительно—энергія дѣятельности, и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны у рту. Въ эту же эпоху писались извѣстныя стихотворенія, во всякомъ случаѣ замѣчательныя искренностью чувства.

«Москвитянинъ» падалъ отъ адской скупости редактора. «Современникъ началъ заискивать Островскаго — и, какъ привѣсокъ, меня, думая, что поладимъ. Факты. Наѣхали въ Москву Дружининъ и Панаевъ. Боткинъ (дотолѣ врагъ, оттолѣ пріятель) свелъ меня съ ними.

Съ 1853 по 1856, разумѣется урывками, переводился «Сонъ». Лѣтомъ 1856 года я запродалъ его Дружинину за 450 р.

Лѣтомъ же написана одна изъ серьезнѣйшихъ статей моихъ — «Объ искренности въ искусствѣ», въ «Бесѣдѣ». Молчаніе.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно я явился въ «Современникѣ» съ прозвищемъ проницательнѣйшаго изъ нашихъ критиковъ».

Въ 1857 году выдался случай ѣхать за границу. Тамъ я ничего неписалъ, а только думалъ. Результатомъ думы были статьи «Русскаго Слова» въ 1859.

Возвратъ вообще былъ блистательный. Сейчасъ же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: 1) «Venezia la bella», 2) «Паризину» Байрона и 3) «Сонъ» въ его будущее изданіе Шекспира.

Въ мое отсутствіе вышли только: 1) мои стихотворенія лучшей, Москвитянинской эпохи жизни, у Старчевскаго въ «Сынѣ», 2) Статьи о критикѣ въ «Библіотекѣ» (mention honorable съ готовымъ патентомъ на оберъ-критика) и «Сонъ».

При статьяхъ «Русскаго Слова» вотъ какъ: Цензоръ Гончаровъ самъ занесъ мнѣ первую, съ адмираціями. При послѣдующихъ—градъ насмѣшекъ Добролюбова, взрывъ ослинаго хохота въ «Искрѣ» и проч.

Не мало меня удивили потомъ братья Достоевскіе, Страховъ, Аверкіевъ мнѣніемъ о нихъ, — и особенно Ильинъ, катающій изъ нихъ наизусть цѣлыя тирады.

А мысли то мои прежнія Москвитянинскія—вообще всѣ какъ-то получили право гражданства.

Въ Іюлѣ 1859 въ отъѣздъ графа Кушелева — я не позволилъ г. Хмѣльницкому вымарать въ моихъ статьяхъ дорогія мнѣ имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина, Шевырева. Я былъ уволенъ отъ критики. Фактъ.

Негдѣ было писать, — сталъ писать въ «Русскомъ Мірѣ». Не сошлись. У Старчевскаго—не сошлись.

Въ 1860 году я получилъ приглашеніе и вызовъ. Я поѣхалъ на свиданіе и привезъ отвѣтъ на дикій вздоръ Дружинина *) «Пушкинъ—народный поэтъ». Читалъ Каткову, — очень нравилось. Отправился въ Москву черезъ мѣсяцъ въ качествѣ критика. Статей моихъ не печатали,—а заставляли меня дѣлать какія-то недоступныя для меня выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая впрочемъ ни одной изъ мною одобренныхъ (между прочимъ «Ярмарочныхъ сценъ» Левитова) и печатая . . . . . Раисы Гарднеръ, обруганныя мною по . . . . . Зачѣмъ меня приняли? Богъ одинъ вѣдаетъ. За тѣмъ, должно быть, чтобы послѣ заявить, что я стащилъ у нихъ со стола гривенникъ. Фактъ.

Опять въ Петербургъ. Начало «Времени»... Хорошее время и время недурныхъ моихъ статей. Но съ четвертой покойнику М. М. [Достоевскому] стало какъ то жутко частое употребленіе именъ (нынѣ безпрестанно повторяемыхъ у насъ) Хом[якова] и проч.

Вижу, что и тутъ дѣло плохо. Въ Оренбургъ.

Воротился. Опять статьи во «Времени»... Дуракъ Плещеевъ писалъ между прочимъ Михаилу Михайловичу, по поводу статей о Толстомъ, что «въ статьяхъ Григорьева найдешь всегда много поучительнаго». Еще бы, для него-то бабьей сопли! Получше люди находили,—да еще тирады, какъ Ильинъ, наизусть катали!

Не дурное тоже время! Ярыя статьи о театрѣ—культъ Островскому, и смѣлые упреки Гоголю за многое — безцензурно и безпошлинно.

Нецеремонно перенесъ три большихъ мѣста изъ старыхъ статей въ новыя, не находя нужнымъ этихъ мѣстъ передѣлывать. Опять «въ похищеніи гривенника» возрадовавшимися этому нашими врагами, и обвиненъ въ неизвинительной распущенности друзьями, забывшими, что цѣлый годъ зеленаго «Наблюдателя», статьями цѣликомъ, какъ о Полежаевѣ, переносилъ въ «Записки» Бѣлинскій.

Запретъ «Времени». Горячія статьи въ «Якорѣ».

Опять «Эпоха». Опять я съ тѣми же культами, тѣми же достоинствами и недостатками. Цензура!..

---

*) [Описка, слѣдуетъ читать: Дудышкина. *Вл. Кн.*].

Ну, и что жъ дѣлать?.. Видно и съ «Эпохой», какъ критику, а не какъ другу понятно и не какъ писателю, приходится разставаться... Тѣмъ болѣе... но пора кончить.

1864 г.
Сентября 2.

Писано сіе конечно не для возбужденія жалости къ моей особѣ ненужнаго человѣка, а для показанія, что особа сія всегда, какъ въ тѣ дни, когда вѣрные 50 рублей Краевскаго за листъ мѣняла на невѣрные 15 рублей за листъ «Москвитянина», — пребывала фанатически преданною своимъ самодурнымъ убѣжденіямъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Документы литературные.

I. САМАЯ РАННЯЯ ИЗЪ ИЗВѢСТНЫХЪ РУКОПИСЕЙ А. А. ГРИГОРЬЕВА.

Отрывки изъ лѣтописи духа

мысли и впечатлѣнія вынесенныя изъ жизни общественной и мыслительной.

Окт. 10.

Богъ есть безконечная усовершимость человѣка оконченная. представить эту безначальную и безконечную усовершимость [въ человѣкѣ] оконченной совершенствомъ возможно. Но между тѣмъ оно —ибо безъ него не было бы безконечной усовершимости; совершенство проявляется въ усовершеніи.

I. Но никакіе шаги не м. прибли насъ къ Совершенству, и но потому что Совершенство ершается,—а совершается ому, что есть вѣчность, ѣчность предѣловъ имѣть не кетъ.

II. Совершенство есть истина [незнаніе] го и изящное. Изъ вышеска наго слѣдуетъ, что истина, аго и изящное недостижимы.— потому самому суть истина аго и изящное.

IV. Но они суть.

V. Гдѣ?..

VI. Не въ человѣкѣ какъ конечности въ человѣчествѣ—какъ безначальности и вѣчности.

VII. Но человѣчества нѣтъ ибо конца нѣтъ: прошедшее, настоящее, будущее—не слились и не сольются посему. Есть одинъ моментъ, — совершенство [не проявляет] же не есть моментъ но совокупность всѣхъ моментовъ или безмоментность.

VIII. Совершенства нѣтъ для человѣкъ, — нѣтъ истины, блага и изящества—нѣтъ счастія, нѣтъ Бога.

IX. Наша жизнь есть стремленіе къ Идеѣ. Эта тройственная идея тройственное выраженіе въ моментѣ; подъ Формами—познаніе—оболочки истины,—любви оболочки блага и поэзіи оболочки изящнаго — но всегда только въ оболочкѣ.

X. Но что не есть что либо то противуположно ему. Что не есть совершенство — то не совершенство, что не есть Богъ то не Богъ, что не есть счастіе то несчастіе. Наша жизнь есть

несчастіе, не Богъ, не совершенство.

X. Но что есть Богъ и не Богъ?...

Мнѣ кажется что до сихъ поръ мало обращали вниманія на путешествія. Разказывая о томъ что видѣлъ, передавая свои впечатлѣнія о видѣнномъ, человѣкъ даетъ догадываться о своихъ воззрѣніяхъ: можетъ быть изуча внимательнѣе паломникъ Даніила, мы найдемъ въ немъ характеръ Русскихъ XIII столѣтія (Лекція Погодина, 1840 г. Окт. 10).

II. УСЛОВІЕ,

заключенное между М. П. Погодинымъ и А. А. Григорьевымъ объ изданіи журнала «Москвитянинъ» (1856 г.)

1) «Москвитянинъ» выходитъ подъ редакціею М. П. Погодина и А. А. Григорьева,—что и должно быть обозначено на заглавномъ листѣ каждаго нумера. 2) Всѣ статьи, предназначенныя для печатанія въ книжкахъ журнала, кромѣ статей самого М. П. Погодина, равно какъ и все, присылаемое въ редакцію, просматриваются, измѣняются или сокращаются, по надобности А. Григорьева. 3) Назначеніе тѣхъ или другихъ статей въ книжку и распредѣленіе ихъ въ оной, зависитъ отъ взаимнаго соглашенія обоихъ редакторовъ. 4) За критическія статьи, библіографію и театральную хронику (все вмѣстѣ, не менѣе пяти листовъ въ мѣсяцъ) и за редакцію, собственно А. Григорьевъ получаетъ ежемѣсячно, 1-го числа,—начиная съ 1-го марта сего года,—сто десять рублей серебромъ—и разъ въ недѣлю, преимущественно въ представленія новыхъ пьесъ, должны быть доставляемы ему кресла въ театръ. 5) Если число подписчиковъ журнала дойдетъ до 800, то, начиная съ этого количества, А. Григорьевъ, получаетъ по рублю серебромъ съ каждаго новаго под-

писчика. 6) Цѣна «Москвитянина» подписная не должна превышать восьми (8) руб. серебромъ, за нынѣшній (1856 г.) неполный, и десяти (10)—за слѣдующіе полные годы для Московскихъ подписчиковъ и девяти и одиннадцати—для иногородныхъ. 7) Контора журнала—у какого бы книгопродавца ни была она назначена—обязана доставлять всѣ нововыходящія книги немедленно въ домъ М. П. Погодина. Отвѣтственность за утрату книгъ лежитъ на А. Григорьевѣ, который будетъ принимать ихъ подъ росписку въ книгѣ и возвращать также подъ росписку книгопродавца или разсыльнаго. 8) Должны быть выписываемы всѣ Русскіе журналы литературные и тотчасъ по полученіи выдаваться подъ росписку А. Григорьеву. Должны быть выписываемы равномѣрно и газеты Русскія—и аккуратно доставляемы непосредственно въ комнату дома М. П. Погодина, опредѣленную для редакторскихъ занятій А. Григорьева. 9) Корректура, смотрѣніе за исправностію выхода, за переплетомъ и проч.—вообще типографская часть, должна быть ввѣрена благонадежному человѣку, по выбору редакторовъ. 10) За статьи Эдельсона платится сему послѣднему по двадцати пяти рублей сер. за печатный листъ. 11) А. В. Дружинину, если согласится онъ принять участіе въ журналѣ, объ Англійской Литературѣ, платить по пятидесяти рублей серебромъ за печатный листъ. А. Н. Сѣрову, за статьи о М. И. Глинкѣ, если онъ согласится дать ихъ,—по тридцати; Н. А. Рамазанову,—по тридцати же. А. И. Дюбюку, за статьи о концертахъ, за музыкальную библіографію,—по двадцати пяти рублей серебромъ, за листъ печатный. 12) Для личныхъ переговоровъ съ нѣкоторыми изъ Петербургскихъ литераторовъ, редакторъ А. Григорьевъ, тотчасъ же по подписаніи сихъ условій, долженъ отправиться въ Петербургъ, на шесть дней (включая въ оные и два дня проѣзда). На дорогу и содержаніе себя въ Петербургѣ должно быть ему выдано не въ счетъ его жалованья пятдесятъ рублей серебромъ. 13) Первая книжка должна выйдти не ранѣе 10-го марта, вторая—не позднѣе 20-го. 14) Статьи политическаго отдѣла должны быть писаны М. П. Погодинымъ и В. Н. Лешковымъ. Въ этотъ отдѣлъ редакторъ А. Григорьевъ не вмѣшивается.

[Сіе условіе подписали и] взаимною довѣренностью утвердили: Дѣйствительный статскій совѣтникъ и академикъ М. Погодинъ. Титулярный совѣтникъ Аполлонъ Григорьевъ.

III. ПРОГРАММА ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИНЪ», СОСТАВЛЕННАЯ А. А. ГРИГОРЬЕВЫМЪ [?] на 1857-й годъ.

«Москвитянинъ». Историческій и критическій журналъ. Подъ редакціею М. П. Погодина и А. А. Григорьева.

Вступая нынѣ въ семнадцатый годъ своего существованія, и вмѣняя себѣ въ единственную заслугу постоянную вѣрность основнымъ положеніямъ своего взгляда, — въ настоящую минуту, когда журналы становятся сборниками болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеній беллетристики и учености, «Москвитянинъ» рѣшается, можетъ быть нѣсколько смѣло, заключить свое содержаніе въ строгіе предѣлы собственно журнала. Не имѣя ни возможности, ни охоты соперничествовать съ другими журналами въ помѣщеніи замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, которыя всѣ—на перечетъ,—не желая, съ другой стороны, распространять литературное безвкусіе помѣщеніемъ оригинальнаго и переводнаго беллетристическаго хлама,— онъ, отказываясь отъ необходимаго для другихъ журналовъ отдѣла Словесности, льститъ себя надеждою уйти отъ зависимости критики отъ литературы, налагаемой нѣкоторымъ образомъ этою необходимостью, и, сколь бы ограниченъ ни былъ кругъ его читателей, будетъ утѣшать себя тѣмъ, что дѣлаетъ дѣло для любящихъ дѣло.

Б. Документы разныхъ архивовъ.

I. РОДЪ ГРИГОРЬЕВЫХЪ.

(Родословная книга дворянства Московской губерніи, т. I. Подъ ред. А. М. Савелова. Изданіе Московскаго Дворянства).

Григорьевы. 1803. III.

I.

1. Иванъ Григорьевичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, р. 1762, въ службѣ 1777, колл. сов. 1806.

Ж. изъ дворянъ Марина Николаевна Скобельцына.

II.

2. Александръ Ивановичъ, р. 1788, тит. сов. † 1863.

— Екатерина Ивановна, р. 1789.

— Александра Ивановна, р. 1800.

3. Николай Ивановичъ, р. 1 мая 1804, шт. кап. въ отст. 1833, помѣщикъ Верейск. у. с-цо Обухово, Владим. губ., 46 дш. (1862).

Ж. дочь полков. Варвара Серг. Нефедьева.

III.

— Варвара Николаевна, р. 18 іюля 1837.

4. Александръ Николаевичъ, р. 7 марта 1839.

5. Платонъ Николаевичъ, р. 14 іюля 1841, капит. 1875.

6. Валентинъ Николаевичъ, р. 21 апрѣля 1843.

7. Евгеній Николаевичъ, р. 1848.

8. Константинъ Николаевичъ, р. 14 мая 1849.

9. Василій Николаевичъ, р. 15 марта 1852.

II. ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ

Штатнаго Секретаря 2-го Департамента Московскаго Городоваго Магистрата, Титулярнаго Совѣтника Александра Ивановича Григорьева.

За 1829 годъ.

Титулярный Совѣтникъ, штатный Секретарь 2-го Департамента Московскаго Городоваго Магистрата, Александръ Ивановичъ Григорьевъ, 41 года.

Изъ дворянъ Владимірской губерніи и округи.

Родового имѣнія 10 душъ, да за матерью той же губерніи 10.

Благопріобрѣтеннаго имѣнія не имѣетъ. Жена—тоже.

Поступилъ въ службу:

Въ Главную Соляную Контору копіистомъ .	1799 г.	Октября 22.
» » » » Подканцеляристомъ .	1802 »	Іюня 25.
» » » » Канцеляристомъ . .	»	Декабря 23.

По упраздненіи оной Конторы, причисленъ былъ къ Герольдмейстерскимъ Дѣламъ, въ которое время обучался при учрежденномъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ Благородномъ пансіонѣ и по окончаніи наукъ произведенъ въ студенты.

Опредѣленъ Правительствующимъ Сенатомъ въ 8-й Департаментъ и переименованъ въ Коллежскіе Регистраторы, со старшинствомъ со дня вступленія въ службу въ Правительствующій Сенатъ . . . . . 1806 » Мая 9.

Гдѣ произведенъ Губернскимъ Секретаремъ.	1809 »	Декабря 31.
Коллежскимъ Секретаремъ	1812 »	
Титулярнымъ Совѣтникомъ	1816 »	
Изъ онаго, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, съ дачею аттестата, уволенъ	1816 »	» 9.
Опредѣленъ въ Московскую Казенную Палату по отдѣленію питейнаго Сбора	1822 »	Февраля 16.
По указу Московскаго Губернскаго Правленія въ сей 2-й Департаментъ Магистрата Секретаремъ	»	» Ноября 18.

Въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ не былъ.

Наказаніямъ или взысканіямъ не подвергался.

Въ отпускахъ не былъ.

Въ отставкѣ былъ съ 9-го декабря 1818 г. по 16 число февраля 1822 г.

Женатъ, имѣетъ сына Аполлона, 7 лѣтъ.

Къ продолженію службы способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ.

[Сенатскій Архивъ. Сообщено Н. А. Мурзановымъ].

III. СВИДѢТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

Копія.

Императорскаго Воспитательнаго Дома
Московскій Опекунскій Совѣт

Симъ свидѣтельствует:

Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома въ число Воспитанников принятъ іюля 24 дня 1822 года и числившійся под № 2.714 Апполонъ Александров, которому нынѣ отъ роду девять мѣсяцев и двадцать семь дней, по представленному доказательству, что онъ родной сынъ Титулярному совѣтнику Александру Григорьеву, отданъ въ сходственность поданнаго от него прошенія упомянутому родителю, который признав его за своего родного сына и обѣщав взять совсѣмъ на свое содержаніе и попеченіе, вступает во всемъ въ родительское право; а посему рѣченный воспитанникъ и не считается уже въ числѣ питомцев Воспитательнаго Дома, и не пользуется болѣе их преимуществами. Дано въ Москвѣ за подписаніемъ Управляющих Экспедиціею о Воспитанниках обоего пола, съ приложеніемъ печати Воспитательнаго Дома Маія 17-о дня въ лѣто от Рождества Христова 1823-е. Подписали Вице-Адмиралъ Сенатор Саблинъ, Главный Надзиратель Петр Шредер, Экспедитор Т. Захаров. Оное свидѣтельство выдано Мая 30 дня 1823 года.

Сія копія выдана из Московской Казенной Палаты въ слѣдствіе поданнаго от г. Григорьева прошенія и состоявшагося по оному

опредѣленія для представленія въ какое-либо Учебное Заведеніе. Подписалъ Ассесор свѣрилъ столоначальникъ (подпись), приложена Московской Казенной палаты печать.

IV. СВИДѢТЕЛЬСТВО МОСКОВСКАГО МАГИСТРАТА.

Копія.

Свидѣтельство.

По Указу Его Императорскаго Величества Московскаго Магистрата из 2-го департамента дано Московскому мѣщанину Аполону Александрову Григорьеву на поступленіе по ученой части съ увѣдомленія дома Градскаго Общества, что Мѣщанское Общество на увольненіе его согласно платежъ податей до исключенія его из оклада, приняло на себя, и по сказкѣ значится въ гостинной слободѣ, одинокъ. На основаніи Свода Законов Томъ III-го Уст. о служ. ст. 5. 28. 29 и 30 съ тѣмъ, что если онъ Григорьев не поступит до новой ревизіи по ученой части,—въ семъ случаѣ обязанъ тогда подать о себѣ, сказку; под опасеніемъ за неисполненіе сего законной отвѣтственности. При выѣздах из Москвы долженъ брать плакатный паспорт, о чемъ Дому Градскаго Общества дано знать. Примѣтами онъ Григорьев, росту не малаго, лицемъ бѣлъ, глаза голубые, волосы свѣтло-русые, отъ роду ему нынѣ шестнадцать лѣт. Маія 4-го дня 1833 года. Подлинное подписали: Ратманъ (подпись), за Секретаря Стрѣльскій и Повытчикъ Крылов. Приложена печать. № 4.609.

V. ДѢЛА АРХИВА

Императорскаго Московскаго Университета, имѣющіе отношеніе къ А. А. Григорьеву.

1842 года.

№ 112.

Объ отличнѣйшихъ Студентахъ и Слушателяхъ, удостоенныхъ Степени Кандидата.

[Листъ 3.]

Въ Совѣтъ Университета
Юридическаго Факультета
донесеніе.

Вслѣдствіе существующаго въ Юридическомъ Факультетѣ требованія со стороны Высшаго Начальства, представлять оному ежегодно объ отличнѣйшихъ Студентахъ, кончившихъ курсъ Юридическихъ Наукъ, Факультетъ въ засѣданіи своемъ 1-го Іюня единогласно призналъ Аполлона Григорьева и Ивана Карпова отличнѣйшими. О чемъ и положилъ довести до свѣдѣнія Совѣта для дальнѣйшаго производства.

За Декана Членъ Факультета Орд. Профессоръ
Ѳедоръ Морошкинъ.

Секретарь Факультета Э. О. Профессоръ
В. Лешковъ.

[Листъ 4.]

Канцелярія Университетскаго Совѣта покорнѣйше просить ГГ. Своекоштныхъ Кандидатовъ *Иванова, Соловьева, Милыаузена, Григорьева* и Ивана *Карпова, Горлицына* и *Толмачева* объявить на сей бумагѣ: въ какое вѣдомство и по какой именно части, они желаютъ поступить на службу.

Іюня «17» числа 1842 года.

Секретарь *Михаилъ Назимовъ.*

[Каждый изъ кандидатовъ отвѣчалъ собственноручно:]

По министерству Народнаго Просвѣщенія,
Кандидатъ *Григорьевъ.*

Заниматься пріуготовленіемъ къ достиженію высшей ученой степени *Сергѣй Соловьевъ.*

Кандидатъ *Иванъ Карповъ.*

Буду готовиться на магистра.

. . . . . .

№ 129.

Объ утвержденіи въ степени Кандидата и въ званіи дѣйствительнаго Студента, окончившихъ курсъ ученія Студентовъ.

[Листъ 8.]

Іюня 10.

Въ Совѣтъ Университета
Юридическаго Факультета
Донесеніе.

Юридическій Факультетъ, въ засѣданіи своемъ Іюня 1-го по разсмотрѣніи списковъ объ успѣхахъ Студентовъ 4-курса, единогласно призналъ достойными: 1) Кандидатской Степени слѣдующихъ Студентовъ, имѣющихъ балъ 4½ и болѣе: — Апполона Григорьева, Ивана Карпова.....

О чемъ имѣя честь представить, Факультетъ Юридическій покорнѣйше проситъ Совѣтъ объ утвержденіи означенныхъ Студентовъ въ сихъ степеняхъ.

За Декана Членъ Факультета Орд. Профессоръ
Ѳедоръ Морошкинъ.
Секретарь Э. О. Профессоръ *Лешковъ.*

СПИСОКЪ
СТУДЕНТОВЪ И СЛУШАТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА 4-го КУРСА.

на полугодіе $18\frac{41}{42}$ Академическаго года.

№	Имена и фамиліи учащихся.	Успѣхи.					Что пройдено въ теченіе полугодія.												
		1-й Курсъ.		2-й Курсъ.			3-й Курсъ.				4-й Курсъ.								
	I. Студенты.	Энциклоп. Законовѣд.	Истор. Русск. Права.	Законы о Гражд. Служ.	Истор. Римск. Права.	Государ. и Губер. Учреж.	Росс. Гражд. Законы.	Римское Право.	Мѣстные Законы.	Уголовное Право.	Церков. Законовѣд.	Римское Право.	Иностр. Госуд. Законод.	Финансія.	Благоустр. и Благочиніе.	Общенар. Право.	Практич. Судопроизв.	Сумма баловъ.	Частное число.
	а) Казеннокоштные.																		
	в) Своекоштные.																		
	II. Слушатели.																		
6	*Григорьевъ Апполонъ.*	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	80	5

За Декана Членъ Факультета Орд. Профессоръ
Ѳедоръ Морошкинъ
Секретарь Э. О. Профессоръ *Лешковъ*

[Листъ 22.]

1842 года.

Іюня 4-го за Дипломъ

6 рублей серебромъ взнесъ *Аполлонъ Григорьевъ.*

[Листъ 67.]

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ОТЪ ПОПЕЧИТЕЛЯ
Московскаго Учебнаго
Округа
Въ Москвѣ
17 Декабря 1842
№ 4457
Отвѣт на № 150.

Совѣту ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Г. Мин. Нар. Просвѣщенія отъ 4 и 10 Декабря за №№ 12131 и 12346 сообщилъ мнѣ, что Правительствующій Сенатъ Указами отъ 16 и 24 минувшаго Ноября за №№ 49,315 и 50,517 далъ ему знать, что по представленіямъ Товарища его и его Высокопревосходительства онымъ постановлено: удостоенныхъ Московскимъ Университетомъ степени Кандидата..... изъ Московскихъ мѣщанъ Аполлона Григорьева..... на основаніи 63 ст. 3-го тома Св. зак..... изъ подушнаго оклада исключить, и о томъ въ..... Московскую... [Казенную Палату] послать указы, каковыми увѣдомить и гг. Министровъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ.

[Листъ 78.]

[Копія съ Аттестата.]

АТТЕСТАТЪ.

По указу Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Уволенному изъ мѣщанъ Аполлону Григорьеву, въ томъ, что онъ въ Августѣ 1838 года, принятъ въ сей Университетъ по экзамену въ число Слушателей, гдѣ при отличномъ поведеніи окончивъ курсъ Наукъ по Юридическому Факультету, былъ испытываемъ въ Наукахъ онаго Факультета и оказалъ отличные успѣхи, по чему удостоенъ былъ степени Кандидата и по изключеніи его Правительствующимъ Сенатомъ изъ податнаго состоянія утвержденъ въ сей степени опредѣленіемъ Уни-

верситетскаго Совѣта 22 Декабря 1842 года, съ правомъ при поступленіи на Службу, пользоваться ВЫСОЧАЙШЕ дарованными преимуществами, означенными Свода Законовъ томъ III. Уставовъ о Гражданской Службѣ въ статьяхъ 68 и 374 и Высочайше утвержденнаго 26 Іюля 1835 года Общаго Устава Университетовъ въ статьяхъ 128 и 129. Данъ въ Москвѣ 1842 года Декабря «29» дня. № 1614.

Ректоръ *Альфонскій.*
Деканъ *Крыловъ.*

1843 года.

№ 209.

Дѣло Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Объ увольненіи Секретаря Назимова отъ настоящей должности и объ опредѣленіи на его мѣсто Кандидата *Григорьева.*

Началось 16 августа.
Рѣшено 6 окт.
на 13 листахъ.

[Листъ 3.]

авг. 18.

Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета

Служащаго при Университетской
Библіотекѣ Кандидата
Юридическаго Факультета Аполлона
Александрова сына Григорьева

Прошеніе.

Извѣстившись объ открытіи вакансіи Секретаря въ Совѣтѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Унив. и желая занять эту должность, беру смѣлость утруждать Совѣтъ Университета прошеніемъ объ опредѣленіи меня къ оной.

Къ сему прошенію Кандидатъ Аполлонъ
Александровъ сынъ Григорьевъ руку приложилъ.

« » Августа
1843 г.

[Листъ 10.]

[Рукою А. А. Григорьева:]

Сент. 6 1843
№ 1273

Ваше Сіятельство предложеніемъ отъ 15 Августа за № 2025 увѣдомили о назначеніи Секретаря Университетскаго Совѣта Назимова Правителемъ канцеляріи Вашей и о предоставленіи Совѣту избрать на мѣсто другаго чиновника.

Объ опредѣленіи въ должность Секретаря Университетскаго Совѣта подали прошенія слѣд. лица.

1) Служащій въ Университетской Библ. канд. Ап. Гр.

2) Надв. совѣтникъ Петръ Малицкій.

3) Коллежскій Ассесоръ Николай Пельтъ.

4) Губернскій Секретарь Алексѣй Головачевъ.

Ректоръ и члены Совѣта, руководствуясь 97 и 98 ст. Унив. Устава, имѣли совѣщаніе объ избраніи въ Секретари Совѣта одного изъ показанныхъ чиновниковъ, желающихъ занять сію должность; но какъ ГГ. Профессоры не согласились въ своихъ мнѣніяхъ, то Ректоръ предложилъ приступить къ таковому избранію посредствомъ балотированія, по кот. оказалось: изъ числа 30 присутствовавшихъ членовъ, избират. баловъ: у Г. Григорьева — 21, у Г. Малицкаго — 18, у Г. Пельта — 15, у Г. Головачева — 14.

О чемъ Университетскій Совѣтъ имѣетъ честь донести Вашему Сіятельству и просить объ утвержденіи..... по... большинству госовъ Кандидата Григорьева.

[Листъ 11.]

[Попечитель утвердилъ Григорьева 25 Сент. 1843 г. № 3145.

27 Сент. Григорьевъ былъ приведенъ къ присягѣ.]

№ 256.

Дѣло Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета о производствѣ Секретаря Совѣта *Григорьева* въ чинъ Коллежскаго Секретаря.

Началось 11 октября.
Рѣшено 11 ноября.
На 2 листахъ.

[Листъ 1.]

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ПРАВЛЕНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
11 Окт. 1843 г.
№ 2171.

Въ Совѣтъ Московскаго Университета.

Его Сіят. Г. Попечитель 30 истекшаго Сентября за № 3186 далъ знать Правленію, что Кандидатъ сего Университета Аполлонъ Григорьевъ, на осн. 3-го т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) статья 171 утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ въ чинѣ Коллежскаго Секретаря со старшинствомъ со дня вступленія его въ дѣйствительную службу.

О чемъ Правленіе имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ сего Университета съ изъясненіемъ, что о приводѣ его Григорьева на сей чинъ къ присягѣ и о вычетѣ слѣдующихъ за оной денегъ, распоряженіе сдѣлано.

[Подписи.]

1844 года.

№ 78.

Дѣло Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета объ увольненіи Секретаря *Григорьева* отъ настоящей должности и объ опредѣленіи на мѣсто его *Соловьева.*

Началось 3 Апрѣля.
Рѣшено 3 Іюня.
На 26 листахъ.

[Листъ 1.]

Его Превосходительству
Господину Ректору ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
Отъ Секретаря Совѣта, Аполлона
Григорьева

прошеніе.

Имѣя надобность по домашнимъ обстоятельствамъ отправиться въ Санктъ-Петербургъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не оставить Вашимъ распоряженіемъ о снабженіи меня надлежащимъ видомъ на 14 дней на проѣздъ въ Санктъ-Петербургъ и обратно.

1844 года
Февр. 25.

Секретарь Совѣта Аполлонъ Григорьевъ.

[Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, Графъ Строгоновъ, отпускъ разрѣшилъ 26 Февр. 1844 г. № 676].

[Листъ 3.]

Свидѣтельство, выданное мнѣ съ разрѣшенія Начальства, отъ Ректора Московскаго Университета на проѣздъ мнѣ въ С.-Петербургъ срокомъ на четырнадцать дней съ двадцать седьмаго сего Февраля за № 182-мъ получилъ. Секретарь Совѣта *Григорьевъ*. 1844 года Февраля 26.

[Листъ 5.]

Его Превосходительству
Господину Ректору ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
Отъ Секретаря Совѣта Аполлона
Григорьева

прошеніе.

Не находя возможнымъ окончить дѣла мои въ Санктъ Петербургѣ, въ продолженіе 14 дневнаго отпуска, вторично осмѣливаюсь безпокоить Ваше Превосходительство и прошу исходатайствовать мнѣ продолженіе онаго еще на 14 дней.

1844
Марта 2.

Секретарь Совѣта Григорьевъ.

Какъ подачу прозьбѣ моей такъ и полученіе продолженія моего отпуска, ввѣряю Г. Студенту Философскаго Факультета 1-го Отдѣленія IV курса Аѳанасію Фетъ.

[10 марта дано разрѣшеніе на новый отпускъ.]

[Листъ 8.]

Въ Правленіе Московскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Университета

Отъ Секретаря Совѣта Аполлона Григор

Покорнѣйше прошу Правленіе Университета не оставить распоряженіемъ о выдачѣ слѣдующаго мнѣ за Февраль и Мартъ мѣсяцы жалованья, подъ росписку Г-ну Студенту Философскаго Факультета, I-го Отдѣленія, IV курса Аѳанасію Аѳанасьевичу Фетъ. Секретарь Совѣта

Аполлонъ Григорьевъ.

1844 года.
Марта 21.
СПБургъ.

[Листъ 10.]

МИНИСТЕРСТВО ВНУТР. ДѢЛЪ
ДЕПАРТАМЕНТЪ
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
КАНЦЕЛЯРІЯ
Марта 1844
№ 358
О доставленіи свѣдѣнія.

Въ Правленіе Совѣта
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

С. с. А. Григорьевъ проситъ о перемѣщеніи его на службу въ Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Деп. им. честь просить Правленіе..... увѣдомить нѣтъ ли какого препятствія къ перемѣщенію Кандидита Григорьева и если нѣтъ, то доставить Формулярный списокъ о службѣ Г. Григорьева.

Директоръ [подпись нрзб.]
Правитель дѣлъ *К. Татариновъ.*

[Листъ 11.]

[Графъ Строгоновъ отвѣтилъ на представленіе ректора, что къ увольненію Григорьева препятствій нѣтъ. 4 апрѣля 1844 г. № 1118.

При этомъ Попечитель предложилъ ректору извѣстить Департаментъ, что Григорьевъ въ 1842 году былъ представленъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія въ числѣ прочихъ отличнѣйшихъ Кандидатовъ, которымъ испрашивается разрѣшеніе на поступленіе въ службу прямо въ Министерства и другіе высшіе мѣста.]

[Листъ 14.]

[Канцелярія Университетскаго Совѣта запрашивала Библіотеку, не имѣетъ ли увольняемый С. сов. Аполлонъ Григорьевъ какихъ либо книгъ?
Библіотекою отвѣчено: «Не имѣетъ 1844 Апрѣля 8 Штейнбахъ».]

[Листъ 23.]

[Выдано жалованье Григорьеву за мартъ и апрѣль мѣсяцы, за № 644. 1-го Мая 1844 г.]

[Листъ 26.]

м. в. д.
С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ
УПРАВА БЛАГОЧИНІЯ
ВТОРОЙ ДЕПАРТАМЕНТЪ
КАНЦЕЛЯРІЯ
18 Іюля 1844 года
№ 464.

Въ Совѣтъ Московскаго
Унив.

Второй Департ. Управы Благочинія им. честь увѣдомить, что служившій въ ономъ Совѣтѣ Коллежскій Секретарь Григорьевъ, съ разрѣшенія Г. Мин. Внутреннихъ Дѣлъ опредѣленъ 26 Іюня сего года на службу въ сей Департаментъ.

1845 года.

№ 83.

Дѣло Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета о высылкѣ въ С. Петербургскій Университетъ Аттестата объ ученіи Кандидату Аполлону *Григорьеву*.

Началось 10 Маія.
Рѣшено.
На 2 листахъ.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ДЕПАРТАМЕНТЪ
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СОВѢТЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТЕТА
3 Мая 1845
№ 483.

Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета.

Окончившій въ 1843 году въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ курсъ ученія и удостоенный степени Кандидата Аполлонъ Григорьевъ вошелъ въ Совѣтъ С.-Петерб. Университета съ прошеніемъ о дозволеніи ему держать экзаменъ на степень Магистра Уголовнаго Права, присовокупляя, что дипломъ его на степень Кандидата находится при дѣлахъ того Университета.

Посему Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московскаго Университета о доставленіи означеннаго диплома, или засвидѣтельствованной съ онаго копіи.

Проректоръ Университета *Н. Устряловъ.*

За Секретаря Совѣта *Николай Корсуновъ.*

[Изъ журнала Совѣта (отъ 16 мая 1845 г.) видно, что «приказали» означенный аттестатъ Кандидата Григорьева препроводить при отношеніи въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета и просить о полученіи онаго увѣдомить. (31 мая № 682).]

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ДИРЕКТОРЪ
УЧИЛИЩЪ
Московской Губерніи
7 Маія 1856 года
№ 730
МОСКВА

Въ Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета.

При представленіи къ награжденію за выслугу лѣтъ чиномъ Коллежскаго Ассесора, состоящаго на службѣ Старшимъ учителемъ Законовѣдѣнія въ I-й Московской Гимназіи Титулярнаго Совѣтника Аполлона Григорьева, необходимо имѣть аттестатъ объ окончаніи имъ курса въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

А какъ изъ формулярнаго о службѣ Григорьева списка видно, что онъ, по окончаніи въ 1842 г. курса наукъ въ Московскомъ Университетѣ, со степенью Кандидата, 22-го Декабря того же 1842 г., первоначально поступилъ на службу въ библіотеку Московскаго Университета и состоя на службѣ при Университетской библіотекѣ, 19 Августа 1843 года переименованъ въ Коллежскіе Секретари; посему и имѣю честь покорнѣйше просить Правленіе Московскаго Университета, если окажется при дѣлахъ Правленія, Аттестатъ объ окончаніи Григорьевымъ курса наукъ въ Университетѣ,—не оставить доставленіемъ онаго ко мнѣ.

Директоръ Дѣйствительный
Статскій Совѣтникъ [подпись]
Письмоводитель *Сахаровъ*.

[Ректоръ увѣдомилъ директора I-й Московской гимназіи, что аттестатъ Григорьева отосланъ въ С.-Петербургскій университетъ.]

1852 года.

№ 266.

Дѣло Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета о выдачѣ Учителю Гимназіи Аполлону Григорьеву книгъ изъ Университетской Библіотеки.

Началось 27 Сентября.
Исполнено.
На 3 листахъ.

[Листъ 1.]

Его Превосходительству
Господину Ректору ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета

отъ учителя Московской
первой гимназіи Аполлона
Григорьева

прошеніе.

Имѣя крайнюю необходимость пользоваться книгами изъ Университетской Библіотеки, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО разрѣшить мнѣ пользоваться оными, — причемъ обязуюсь въ случаѣ утраты какой либо казенной книги уплачивать изъ получаемаго мною въ первой Гимназіи жалованья. Старшій Учитель Московской первой гимназіи Аполлонъ Александровъ сынъ Григорьевъ.

1852 года
Сентября 24 дня.

[Листъ 2].

[Ректоръ сообщилъ Библіотекарю Университетской библіотеки отъ 29-го сентября № 1376 о своемъ разрѣшеніи пользоваться Григорьеву «для ученыхъ его занятій» книгами изъ Университетской библіотеки. Въ отношеніи за № 1377 ректоръ обращался къ директору I-й Московской гимназіи съ просьбою, чтобы послѣдній, въ случаѣ ухода Григорьева изъ гимназіи, не выдавалъ ему аттестата о службѣ «безъ предварительнаго сношенія съ начальствомъ Университета».]

VI. ДѢЛО

1-го Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената.

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ, какъ видно изъ формулярнаго списка за 1845 г., происходилъ изъ мѣщанъ; въ августѣ мѣсяцѣ 1838 г. вступилъ въ ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій университетъ, по экзамену, въ число слушателей, гдѣ, по окончаніи курса и по надлежащемъ испытаніи, удостоенъ былъ степени кандидата Юридическаго факультета и, по исключеніи, указомъ Правительствующаго Сената—отъ 22 декабря 1842 г., изъ податного состоянія,

утвержденъ Совѣтомъ университета въ сей степени, и съ того же числа опредѣленъ канцелярскимъ служителемъ въ библіотеку Московскаго университета. 19 августа 1843 года Григорьевъ былъ утвержденъ въ должности секретаря Совѣта Московскаго университета, а 25 сентября того же 1843 г., согласно прошенію, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, перемѣщенъ во Второй Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія, на вакансію канцелярскаго чиновника высшаго оклада. Черезъ годъ съ небольшимъ, а именно 14 декабря 1844 года, согласно прошенію, онъ былъ опредѣленъ на службу въ 1-е Отдѣленіе 5-го Департамента Правительствующаго Сената, гдѣ 2 января 1845 г. помѣщенъ на вакансію канцелярскаго чиновника высшаго оклада, а 19 февраля Оберъ-Прокуроромъ Карніолинъ-Пинскимъ представленъ къ назначенію на должность младшаго помощника Секретаря. 6 марта 1845 г. представленіе Оберъ-Прокурора было утверждено, о чемъ и сообщено Канцеляріей Министерства Юстиціи 9 марта за № 724. Слѣдствіемъ такого распоряженія явился ордеръ А. А. Григорьеву отъ 15 марта 1845 г., № 310:

«Г. Младшему Помощнику Секретаря Григорьеву.

Г. Товарищъ Министра Юстиціи, вслѣдствіе представленія моего, 6 сего марта утвердилъ Васъ Младшимъ Помощникомъ Секретаря по ввѣренному мнѣ Отдѣленію 5 Департамента Правительствующаго Сената.

Поставляя Ваше благородіе въ извѣстность, я поручаю Вамъ немедленно явиться въ 3-тью Экспедицію сего отдѣленія и принять по секретарству Г. Зубова отъ канцелярскаго служителя Михайлова дѣла въ Ваше завѣдываніе».

Подписанъ ордеръ: Оберъ-Прокуроръ М. Карніолинъ-Пинскій.

Недолго Аполлонъ Александровичъ занималъ должность помощника Секретаря въ 1 Отдѣленіи 5 Департамента Правительствующаго Сената: только до 7 іюля 1845 года.

21 іюня 1845 г. за № 735-мъ былъ поданъ Министру Юстиціи рапортъ и. д. Оберъ-Прокурора 1-го Отдѣленія 5 Департамента Правительствующаго Сената Долгополова. Приводимъ содержаніе этого рапорта:

«Поступившій, по окончаніи курса наукъ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ университетѣ, на службу во 2-й

Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія Коллежскій Секретарь Григорьевъ, вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія, 2-го января сего года опредѣленъ въ штатъ завѣдываемой мною канцеляріи 1-го Отдѣленія 5 Департамента Правительствующаго Сената, съ обязаніемъ подпискою, 381 статьи 3 тома Свода Законовъ, Уст. о службѣ гражданской, прослужить въ оной 5 лѣтъ; а 6 марта сего же года Г. Григорьевъ, по распоряженію Господина Товарища Министра Юстиціи, помѣщенъ на вакансію Младшаго Помощника Секретаря въ той же канцеляріи,—и съ того времени постоянно оказывалъ себя къ службѣ нерадивымъ и къ должности являлся весьма рѣдко, несмотря на многократныя напоминанія со стороны Экзекутора, отзываясь притомъ каждый разъ болѣзнію; но когда, по распоряженію моему, былъ командированъ докторъ для освидѣтельствованія его въ состояніи здоровья, то не засталъ его дома.

О семъ вышеизложенномъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства».

Отвѣтомъ на приведенный рапортъ былъ слѣдующій ордеръ (отъ 7 іюля 1845 г. за № 2233):

«Господину исправляющему должность Оберъ-Прокурора 1-го Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената.

Вслѣдствіе рапорта Вашего Превосходительства за № 735, уволивъ служащаго въ 1-мъ Отдѣленіи 5 Департамента Сената Младшаго помощника Секретаря Коллежскаго Секретаря Григорьева отъ сей должности, я поручаю Вамъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о обращеніи сего чиновника, на основаніи т. III Св. Зак., изд. 1842 г., уст. о сл. по опр. отъ Прав. ст. 381, во 2-ой Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія, въ которой онъ состоялъ на службѣ до поступленія въ Правительствующій Сенатъ.

Управляющій Министерствомъ Юстиціи Шереметевъ, Управляющій Департаментомъ М. Карніолинъ-Пинскій».

Внеся въ формулярный списокъ А. А. Григорьева пунктъ: «Ордеромъ Г. Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, отъ 7 іюля сего 1845 года за № 2233, отъ должности Помощника Секретаря уволенъ, съ обращеніемъ его, согласно 381 ст. III т. Св. Зак., изд. 1842 г., во 2 Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія»,

И. д. Оберъ-Прокурора 1 Отдѣленія 5 Департамента Правительствующаго Сената Долгополовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесся 16 іюля 1845 г. за № 851 во 2-й Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія:

«Г. Управляющій Министерствомъ Юстиціи, уволивъ служащаго въ 1-мъ Отдѣленіи 5-го Департамента Сената Младшимъ помощникомъ Секретаря Коллежскаго Секретаря Григорьева отъ сей должности, ордеромъ отъ 7-го сего іюля за № 2233, поручилъ мнѣ сдѣлать надлежащее распоряженіе о обращеніи сего чиновника, на основаніи тома III Св. Зак., изд. 1842 г., Уст. о сл. по опр. отъ Прав. ст. 381, во 2-й Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія, въ которой онъ состоялъ на службѣ до поступленія въ Правительствующій Сенатъ.

Вслѣдствіе сего, препровождая формулярный о службѣ Г. Григорьева списокъ, я покорнѣйше прошу 2-й Департаментъ Управы Благочинія сдѣлать должное, согласно сему ордеру Г. Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, съ его стороны распоряженіе и о послѣдующемъ меня увѣдомить».

15 декабря 1845 года Оберъ-Прокуроръ 1-го Отдѣленія 5 Департамента Правительствующаго Сената получилъ отвѣтъ Второго Департамента С.-Петербургской Управы Благочинія, писанный на бланкѣ Канцеляріи Управы отъ 14 декабря за № 2089:

«Господину Оберъ-Прокурору 1-го Отдѣленія... [и т. д.]

Вслѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства за № 851, Вторый Департаментъ Управы Благочинія имѣетъ честь увѣдомить, что обращенный изъ Правительствующаго Сената въ Департаментъ сей Коллежскій Секретарь Аполлонъ Григорьевъ, согласно прошенію его, съ разрѣшенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшаго 22 ноября, за болѣзнію, уволенъ отъ службы».

Въ черновомъ формулярѣ о службѣ А. А. Григорьевъ показанъ 21 года (въ 1845 г.), Православнаго вѣроисповѣданія; въ походахъ, въ штрафахъ и подъ судомъ, а равно въ отставкѣ не былъ, холостъ, недвижимости не имѣетъ, въ отпускахъ же находился «съ 27 февраля 1844 г. на 24 дня, потомъ, по прошенію его, таковый

отпускъ былъ отсроченъ еще на 14 дней, изъ котораго»..... Отмѣтка не докончена.

Сенатскій Архивъ, дѣло 1 Отд. 5-го Департамента Правительствующаго Сената 1845 года, № 51. Другихъ дѣлъ о Григорьевѣ не найдено, какъ не найдено и ни одной бумаги, письма или прошенія, писанныхъ имъ лично.

]Сообщено Н. А. Мурзановымъ].

VII. ДѢЛО

Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія о передачѣ редактированія журнала «Москвитянинъ» А. А. Григорьеву.

Дѣло Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры. № 151317—151.

По представленію д. с. с. Погодина о передачѣ Редакціи журнала «Москвитянинъ» на 1858 г. Коллежскому ассесору Григорьеву.

Началось 12 Іюня 1857 г.

[Листъ 1].

Въ Главное Правленіе Цензуры.

Занятый окончаніемъ историческихъ своихъ трудовъ, я не имѣю времени заниматься редакціей «Москвитянина», учено-литературнаго журнала, мною съ 1841 года издававшагося, и прошу покорнѣйше Главное Правленіе Цензуры о дозволеніи поручить оную въ слѣдующемъ 1858 году, учителю 1 Московской Гимназіи, коллежскому ассесору Аполлону Александрову Григорьеву.

Академикъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Михаилъ Петровъ Погодинъ.

1857. Іюня 8 дня.

Принять на себя обязанность редакціи «Москвитянина» въ будущемъ 1858 году симъ изъявляю свое согласіе.

Коллежскій ассесоръ *Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.*

1857 года, Іюня 7 дня.

[Помѣтка]:

На заключеніе Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

[Л. 2. Конфиденціально сообщено Московскому Цензурному Комитету].

[Л. 3. Московскій Цензурный Комитетъ отъ 13 сентября 1857 г. конфиденціально сообщилъ товарищу министра Народнаго Просвѣщенія:]

Директоръ Училищъ Московской Губерніи увѣдомилъ, что Григорьевъ человѣкъ благонамѣренный и въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ замѣченъ не былъ.

[Въ виду сего Попечитель Московскаго Учебнаго Округа не нашелъ препятствій къ разрѣшенію.

На слѣдующихъ лл. приложенъ формулярный списокъ А. А. Григорьева—старшаго учителя законовѣдѣнія 1-й Московской гимназіи. За Начальника III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Тимашевъ, сообщилъ отъ 23 сентября 1857 г., что препятствій къ разрѣшенію нѣтъ. 24 октября 1857 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, что разрѣшеніе на переходъ журнала выдать можно.].

(Сообщено С. Я. Штрайхомъ).

VIII. АТТЕСТАТЪ А. А. ГРИГОРЬЕВА.

Аттестатъ.

М. Н. П.
МОСКОВСКІЙ
УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.
и. д.
ДИРЕКТОРА
училищъ
Московской Губерніи.

Мая 4 дня
1860 года
№ 667.
МОСКВА.

Предъявитель сего служившій старшимъ учителемъ законовѣдѣнія Московской 1-й Гимназіи, Коллежскій Ассесоръ Аполлонъ Александровъ Григорьевъ, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, тридцати семи лѣтъ, Православнаго исповѣданія, изъ мѣщанъ, знаковъ отличія нѣтъ, а имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 г., имѣнія за нимъ и женою его ни какого не состоитъ. Обучался въ Московскомъ Университетѣ и по исключеніи въ 1842 г. Правительствующимъ Сенатомъ изъ податнаго состоянія, окончилъ въ оном Университетѣ полный курсъ наукъ со степенью кандидата. Въ службу вступилъ въ библіотеку того же Университета тысяча восемьсотъ сорокъ втораго года, Декабря

двадцать втораго, переименованъ въ Коллежскіе секретари со старшинствомъ со времени вступленія въ службу, т. е. съ тысяча восемьсотъ сорокъ втораго года Декабря двадцать втораго, утвержденъ секретаремъ Университетскаго Совѣта 1843 г. Августа 19; перемѣщенъ во 2-й Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія Канцелярскимъ Чиновникомъ того же года Сентября 25-го; перемѣщенъ въ 1-ое отдѣленіе 5-го Департамента Правительствующаго Сената 1844 г. Декабря 14, утвержденъ младшимъ помощникомъ секретаря 1845 г. Марта 6; уволенъ отъ должности, съ обращеніемъ его согласно 381 ст. т. III Св. Зак. (изд. 1842 г.) во 2-й департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія того же года іюн[л?]я 7; уволенъ отъ службы по прошенію того же года Декабря 7; опредѣленъ на опытъ въ Александринскій Сиротскій Институтъ учителемъ Гражданскихъ и Межевыхъ законовъ и практическаго дѣлопроизводства 1848 года Августа 1; утвержденъ въ должности учителя со дня вступленія на опытъ 1849 г. Августа 18; на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія по случаю преобразованія Сиротскаго Института въ кадетскій Корпусъ вмѣстѣ съ воспитанниками двухъ спеціальныхъ классовъ, для окончанія Институтскаго курса переведенъ въ Московскій Воспитательный Домъ 1850 г. Мая 24; произведенъ въ Титулярные Совѣтники со старшинствомъ съ 1850 г. Апрѣля 12; опредѣленъ старшимъ учителемъ Законовѣдѣнія Московской 1-й Гимназіи 1851 г. Марта 15; избранъ Секретаремъ Педагогическаго Совѣта сей же Гимназіи того же года Октября 16; отъ должности Секретаря Совѣта Гимназіи по прошенію уволенъ 1852 г. Сентября 4; занятія при Воспитательномъ Домѣ совершенно окончилъ 1853 г. Августа 1; съ Высочайшаго соизволенія за службу при Воспитательномъ Домѣ получилъ въ единовременное награжденіе 300 р. сер. въ Ноябрѣ 1853 г.; за отличіе по службѣ въ Гимназіи ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожалованъ обыкновеннымъ подаркомъ въ 250 р. сер. вмѣсто коего получилъ деньгами 1856 г. Августа 21; ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 12 февраля 1857 г. за выслугу лѣтъ произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры со старшинствомъ съ 1856 г. Апрѣля 12; ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ за № 4 по болѣзни уволенъ отъ службы согласно прошенію его 5 Января 1858 г. Во время службы въ походахъ, штрафахъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ, въ отпускахъ былъ въ 1844 году на 24 дня, какой отпускъ по прошенію отсроченъ ему еще на 14 дней, явился въ срокъ и съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія былъ уволенъ на

4 мѣсяца заграницу въ Италію и южную Францію, каковымъ отпускомъ воспользовался съ 4 Іюля 1857 г. и до увольненія отъ службы къ должности изъ этого отпуска не являлся. Въ отставкѣ былъ безъ награжденія чиномъ съ 7 Декабря 1845 г. по 1 Августа 1848 г.; къ продолженію статской службы аттестовался способнымъ и къ повышенію чиномъ достойнымъ, случаямъ лишающимъ его права на полученіе знака отличія безпорочной службы не подвергался; женатъ первымъ бракомъ на Лидіи Ѳедоровой, имѣетъ дѣтей сыновей рожденныхъ: Петра 1850 г. Января 23 и Александра въ Январѣ 1852 г.; находятся при немъ жена и дѣти Православнаго исповѣданія; въ удостовѣреніе чего и данъ ему Григорьеву сей аттестатъ за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Подлинный за надлежащимъ подписомъ и съ приложеніемъ казенной печати.

Съ подлиннымъ вѣрно:
Директоръ.

X. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ А. А. ГРИГОРЬЕВѢ СПБ. УПРАВЫ БЛАГОЧИНІЯ.

Объявленіе.

Первый Департаментъ С.-Петербургской Управы Благочинія, по неизвѣстности мѣста жительства коллежскаго асессора Аполлона Александровича Григорьева, чрезъ сіе объявляетъ всѣмъ домовладѣльцамъ и управляющимъ домами въ здѣшней столицѣ съ тѣмъ, чтобы тотъ изъ нихъ, у кого окажется на жительствѣ Григорьевъ, немедленно донесъ Департаменту, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры къ возпрещенію выѣзда ему изъ С.-Петербурга впредь до удовлетворенія имъ претензіи приписаннаго Курляндской губерніи къ обществу имѣнія Дьенина Казимира Лаздовскаго, по заемному письму въ 400 р. (по 2 стол. 2 отд. Иск. Отд. № 301—60).

[«Вѣдомости Спб. Полиціи» 1861 г., февраля 22, № 43].

В. Неизданныя письма разныхъ лицъ,

имѣющія отношеніе къ А. А. Григорьеву.

I. ИЗЪ ПИСЕМЪ А. А. ФЕТА КЪ Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

[31 мая 1846—1847 г. Елисаветградъ].

...Ты меня просишь, чтобъ я далъ тебѣ адресъ Григорьева; то каково же будетъ твое удивленіе, когда я тебѣ скажу. Увы! не знаю его адреса, потому что уже болѣе года съ нимъ не переписываюсь. «Отчего же?» Да такъ, мы другъ друга перестали понимать, не скажу ничего, но желалъ бы, чтобы кто-нибудь посторонній могъ разобрать нашъ духовный процессъ. Кто правъ, кто виноватъ. А жаль, очень жаль. Даже было время, когда мнѣ это было и больно, и обидно. Но метафизика уже не одного человѣка всадила въ Хемницеровскую яму. Всѣхъ непере[*нрзбр*]каешь.

[30 іюля 1848 г. Елисаветградъ].

...Что касается до Григорьева, то я уже столько слышалъ нехорошаго насчетъ его поведенія, что мнѣ сначала было больно и грустно, а теперь дѣлается гадко. Вотъ что значитъ ложное направленіе и слабая воля. Милановскаго надобно бы какъ рѣдкость посадить въ клѣтку и сохранить для безпристрастнаго потомства. Впрочемъ онъ только и могъ осѣдлать такого сумасброда, какъ Григорьевъ. Какъ чистъ, какъ святъ былъ тотъ Григорьевъ, котораго мы знали въ Москвѣ. И что за гадость теперь. Тутъ нѣтъ оправданія: ни бѣдность, ни что. Богъ съ нимъ, я ему помочь не могу, если бъ могъ сдѣлалъ бы опять кое-что, хотя онъ былъ въ отношеніи ко мнѣ болѣе чѣмъ неправъ.

II. ИЗЪ ПИСЕМЪ Я. П. ПОЛОНСКАГО КЪ А. А. ФЕТУ.

[Отъ 14 августа 1889 г. Финляндск. ж. д. ст. Райвола].

...мнѣ вообразилось, что въ твоихъ воспоминаніяхъ, прежде всего, я увижу—домикъ у Спаса въ Наливкахъ, то гнѣздо, гдѣ...

жили старикъ со старухой, гдѣ было милое дѣтище Аполлоша. Какой онъ былъ—Шиллеръ въ то время, какъ онъ боялся папиньки и маменьки, какъ мальчишка, а, можетъ быть, и дѣвченка босоногая приносила на верхъ стаканы чаю, какъ мы читали другъ другу наши стихи, и какимъ тогда былъ ты либераломъ, когда писалъ:

Православья гдѣ примѣры,
Не у Спаскихъ ли воротъ?
Гдѣ во славу русской вѣры
Мужики крестятъ народъ...

и проч. и проч....

Все это время (ты, Григорьевъ, Студ[итскій], Соловьевъ, Юный Ив. Аксаковъ и другіе) кажется мнѣ какимъ-то фантастическимъ, полнымъ своеобразной жизни... чего-то нелѣпаго и въ то же время молодаго и горячаго. Помнишь, какъ ты нашелъ Григорьева въ церкви у всенощной и, когда тотъ, ставъ на колѣна, простерся ницъ, ты тоже простерся рядомъ съ нимъ и сталъ говорить ему съ полу... что-то такое Мефистофельское, что у того и сердце сжалось и въ головѣ замутилось... А романтическая... несомнѣнно напускная любовь! А первыя попытки философствовать, а естетическій вкусъ и восторги отъ Роберта Дьявола (оперы Мейербера) и восторженное лице Григорьева, за его бряцающими фортопьяно... и проч. и проч.

Все это, я думалъ, найду я въ твоихъ несомнѣнно искреннихъ и правдивыхъ запискахъ...

[Ноябрь 1889 г. Спб. Знаменская, 22, кв. 8].

...Какъ хорошо письмо къ тебѣ Аполлона Григорьева, т. е. первая половина письма, въ которой онъ не проситъ у тебя денегъ (!). Но вотъ недоразумѣніе: судя по твоимъ запискамъ, Григорьевъ обожалъ своего отца, а помнишь разсказъ, какъ онъ нашелъ его въ постели умирающимъ—снялъ тулупъ (или что-то въ родѣ тулупа), которымъ онъ прикрывался, продалъ его, а деньги пропилъ.

Не помню, отъ тебя я это слышалъ или отъ кого-либо другаго? Но отъ кого бы ни слышалъ, если это правда, то это не доказываетъ привязанности къ отцу....

Григорьева я когда-то разыскалъ во Флоренціи и привелъ его къ Графу Кушелеву-Безбородко съ тѣмъ, чтобы тотъ пригласилъ его въ сотрудники «Русскаго Слова». При мнѣ читалъ онъ свое «Море», и запродалъ его въ нашъ тогдашній журналъ, получивъ

порядочный задатокъ, т. е. такую горсточку червонцевъ, что онъ могъ, распростившись съ уроками, прикатить въ слѣдъ за нами въ Парижъ.

Въ Парижѣ онъ сталъ зело выпивать и говорилъ мнѣ, что во что бы то ни стало хочетъ допиться до адской дѣвы. Прокутившись, онъ занялъ у меня тоже около 20 червонцевъ.

За тѣмъ онъ прибылъ въ Петербургъ и, сдѣлавшись присяжнымъ критикомъ «Русскаго Слова», вытѣснилъ меня изъ редакціи за то, что я въ одной изъ критическихъ статей его сдѣлалъ отмѣтку такого мѣста, котораго ни я не могъ понять, ни тѣ, кому я читалъ это мѣсто. Это начало статьи о 2 томѣ Русской Исторіи Соловьева, которая начинается словами: Русскій народъ переживаетъ двойную формулу..... и затѣмъ не малое количество иностранныхъ словъ, избѣгать которыхъ я, въ качествѣ соредактора, обѣщался въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ новаго журнала...

Я отказался отъ Редакціи, и вмѣсто меня появился нѣкто Хмѣльницкій, рекомендованный Графу Григорьевымъ... Личность темная и въ литературѣ совершенно неизвѣстная.

Съ тѣхъ поръ между мной и Григорьевымъ пробѣжала черная кошка. Но совѣсть моя покойна, я никогда не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго зла, и первый подалъ мысль Достоевскимъ призвать Григорьева въ журналъ «Эпоха» и вручить ему критическій отдѣлъ... Достоевскіе послали ему первые номера своего журнала и пригласили его изъ отдаленной провинціи, гдѣ онъ былъ учителемъ — пріѣхать въ Петербургъ. Отвѣчая Достоевскимъ, Григорьевъ напалъ на мой стихотворный романъ: «Свѣжее Преданье», утверждая, что Московскій духъ совершенно мнѣ не извѣстенъ; а я о Московскомъ духѣ и не думалъ, я описывалъ только то Московское общество, которое зналъ. Всѣ дѣйствующія лица моего романа — сколки съ дѣйствительно существовавшихъ лицъ — Клюшникова — Барона Шепинга — Молодаго Щепкина и многихъ другихъ... Все тогдашнее общество, начиная съ Алексѣя Степ. Хомякова было мнѣ во 100 разъ ближе, чѣмъ Григорьеву...

III. ПИСЬМО П. П. ЧУБИНСКАГО КЪ А. А. ГРИГОРЬЕВУ.

1 іюля 1859 г. Гатчино.

Милостивый Государь!

Я заранѣе увѣренъ, что Вы прочтете мое письмо, будетъ ли это похвальное слово Вамъ или обличеніе. Вѣра эта основана на духѣ времени, который, я думаю, коснулся и Васъ; т. е. на уваженіи

къ чужому мнѣнію и на потребности гласности, о которой вы сами проповѣдуете. Я считалъ Васъ за благородную личность—даже послѣ того, какъ Вы сошлись съ Сниткинымъ. Онъ могъ показаться Вамъ гонимымъ нами существомъ, и Вы по добротѣ сердечной показали ему участіе и даже наградили дружбой. Но время доказало, что въ Васъ нѣтъ и тѣни того, что я предполагалъ. И еслибы я былъ съ Вами въ прежнихъ отношеніяхъ, то обязанностію поставилъ бы обличить Васъ, чтобы не пала на меня тѣнь за знакомство съ Вами. Теперь пишу къ Вамъ просто какъ членъ общества, могущій заявить мнѣніе нѣкоторой части онаго... Исчислять Вамъ ваши поступки было бы лишнее; вы сами ихъ хорошо знаете. Хотя я анализировалъ ихъ, а Вы, проводя время въ компаніи... (эпитета не нужно) или подъ вліяніемъ, свойственной Вамъ, поэтической небрежности, ихъ не анализируете. Ваша редакторская дѣятельность извѣстна какъ не честная. Здѣсь считаю долгомъ сдѣлать оговорку, что о ней я слышалъ изъ ста устъ только не отъ Полонскаго; угрызеніе вашей совѣсти (если вы ее не усыпили окончательно), а не то злоба заставитъ Васъ сдѣлать подобное предположеніе. Но клянусь честью, молодостію, развивающеюся подъ могучіе и честные звуки Бойца за истинну Кавелина и другихъ гражданъ, что онъ мнѣ не говорилъ ни слова. Да и Вы (если захотите сознаться передъ самимъ собою) слишкомъ увѣрены въ Полонскомъ. Не знаю, дошли ли до него слухи о вашихъ дѣйствіяхъ и, если дошли, такъ онъ навѣрное не обращаетъ на нихъ вниманія. Пошлое не оскорбляетъ честнаго. Если бы я былъ знакомъ съ Графомъ или если бы я зналъ, что онъ желаетъ знать истинну. Я бы почелъ долгомъ обличить Васъ какъ льстеца и какъ редактора, помѣщающаго нѣкоторыя статьи изъ кумовства и собутыльничества. Не хочу упоминать имена тѣхъ, которыхъ вы называли дураками и тѣмъ не менѣе у графа отзывались какъ объ умныхъ и дѣльныхъ и статьи ихъ помѣщали въ Р[усскомъ] С[ловѣ]. Многіе знаютъ, какъ вы работаете въ минуту отъѣзда Графа. Можетъ быть, подлость и восторжествуетъ; но, какъ литераторъ, не забудьте, что падетъ журналъ, при средствахъ котораго онъ могъ бы сдѣлать полезное; какъ человѣкъ, не забудьте, что Вы роете яму честнѣйшему изъ людей, бѣдному, съ семействомъ и при томъ больному человѣку. Уже за это всякъ, кто чувствовалъ къ Вамъ симпатію, будетъ отворачиваться отъ Васъ, какъ отъ изверга. Вы роете яму и не боитесь упасть въ нее, потому что у насъ нѣтъ гласности, которая бы осудила васъ видимо; внутренно вы осуждены.

Всякъ, знающій Ваши поступки, скажетъ, что вы безсовѣстно лгали, величаясь:

«Нѣтъ не рожденъ я биться лбомъ,
Ни терпѣливо ждать въ передней,
Ни ѣсть за княжескимъ столомъ,
Ни съ умиленьемъ слушать бредни».

Вы должны были бы сказать:

«Да я родился биться лбомъ
И терпеливо ждать въ передней,
И ѣсть за княжескимъ столомъ,
И съ умиленьемъ слушать бредни.

Все то, что я сказалъ Вамъ, буду говорить всегда, до тѣхъ поръ, пока Вы не перемѣните образа дѣйствій. И не я одинъ, многіе. Страшна месть за честнаго человѣка, Григорьевъ! Вѣдь Вы были молоды и честны и сердце горѣло любовью къ ближнимъ. Скажу словами Ольги Гончарова: «кто проклялъ Васъ». У Васъ было чувство поэта, чувство высокое — теперь нѣтъ самаго необходимаго. Видѣть человѣка достойнаго въ горькой обстановкѣ и клеветать — это слишкомъ, этому нѣтъ названія. Я все сказалъ.

1-го Іюля *П. Чубинскій.*
Гатчино 1859 года.

IV. ПИСЬМО Н. Н. СТРАХОВА

Александру Аполлоновичу Григорьеву.

8 марта 1876 г. [С.-Петербургъ].

Не можете ли Вы, многоуважаемый Александръ Аполлоновичъ, еще добыть слѣдующія свѣдѣнія:

1., Когда женился *1850*
2., На комъ *Лидія Оед. Коршъ*
3., Сколько дѣтей *3 дѣтей двое въ живыхъ*
4., Сколько времени и когда и съ кѣмъ былъ за границею?
кн. Трубецк.

Послѣдній вопросъ, можетъ быть, труденъ для Васъ, но первые, вѣроятно, Вамъ возможно разрѣшить.

Сдѣлайте милость!

Вашъ
1876 года *Н. Страховъ.*
8-го Марта.

Свѣденія Ваши несомнѣнны? Да?

Г. Опытъ

КРАТКОЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КАНВЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ АПОЛЛОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГРИГОРЬЕВА.

1762 г.

Родился дѣдъ писателя—Иванъ Григорьевичъ.

1788 г.

Родился отецъ писателя—Александръ Ивановичъ.

1803 г.

Родъ Григорьевыхъ занесенъ въ Дворянскую родословную книгу Московской губерніи.

1806 г.

Мая 6. А. И. Григорьевъ, по окончаніи курса въ учрежденномъ при Имп. Моск. Университетѣ Благородномъ Пансіонѣ, опредѣленъ Прав. Сенатомъ на службу въ 8-й Департаментъ сего учрежденія.

1822 г.

А. И. Григорьевъ вступилъ въ бракъ съ Татьяной Андреевной, дочерью крѣпостного кучера своего отца.

Іюля 20—24 [?]. Родился зачатый до брака Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

Ноября 18. А. И. Григорьевъ назначенъ Секретаремъ 2-го Департамента Городского Магистрата.

1823 г.

Мая 30. Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ Имп. Воспитательнаго Дома выдано свидѣтельство въ томъ, что воспитанникъ сего Дома—Аполлонъ Александровичъ возвращенъ своему родному отцу.

1827 г.

Ноябрь. Нанятъ А. А. Григорьеву первый его учитель, студентъ-медикъ Моск. Университета, Сергѣй Ивановичъ.

1830—1831 г.г.

Пріобрѣтенъ А. И. Григорьевымъ домъ въ Замоскворѣчьѣ, на Малой Полянкѣ, у Спаса въ Наливкахъ.

1833 г.

Мая 4. Мѣщанскимъ Обществомъ г. Москвы выдано А. А. Григорьеву увольнительное свидѣтельство изъ сословія на предметъ поступленія по ученой части.

1837 г.

Переводъ Григорьевымъ «Короля Лира» Шекспира съ французскаго.

1838 г.

Августъ. А. А. Григорьевъ принятъ на юридическій факультетъ Моск. Университета слушателемъ по экзамену. Подготовлялъ И. Д. Бѣляевъ.

Знакомство А. А. Фета съ Григорьевымъ.

1839 г.

Январь—Февраль. А. А. Фетъ поселился у Григорьевыхъ.

Начало студенческаго кружка (Григорьевъ—центральное лицо кружка, А. А. Фетъ, Я. П. Полонскій, Н. М. Орловъ, С. М. Соловьевъ, Ал. Вл. Новосильцовъ, кн. Вл. Ал. Черкасскій, Жихаревъ, А. Студитскій, С. С. Ивановъ, К. Д. Кавелинъ, П. М. Боклевскій, Н. Ант. Ратынскій, Н. К. Калайдовичъ и др.).

1840 г.

Октября 10. Самая ранняя, изъ извѣстныхъ, рукопись А. А. Григорьева: «Отрывки изъ лѣтописи духа».

1842 г.

Знакомство съ семьей Коршъ и дружескія отношенія съ Н. И. Крыловымъ.

Іюня 1. Юридическій факультетъ «единогласно призналъ Аполлона Григорьева и Ив. Карпова отличнѣйшими» изъ числа студентовъ, окончившихъ курсъ. Григорьевъ поступилъ на службу въ библіотеку при Моск. Университетѣ.

Сентябрь—октябрь. Любовь къ крестовой сестрѣ Лизѣ [?], влюбленной въ Фета (стихотворенія: «Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ» и «Е. С. Р.»)

Декабря 19. Григорьевъ исключенъ изъ подушнаго оклада.

» 29. Выданъ аттестатъ объ окончаніи Университета.

1843 г.

Августа 18. Подано прошеніе въ ½ Совѣтъ Моск. Университета объ опредѣленіи на должность секретаря Совѣта.

Августъ. Первыя напечатанныя стихотворенія—въ МСКВ.

Октября 11. Произведенъ въ чинъ Коллежскаго секретаря.

Декабрь. Любовь къ Антонинѣ Ѳедоровнѣ Коршъ (съ 1845 г.—жена К. Д. Кавелина.) Стих. «Къ Лавиніи» (Для себя мы не просимъ покоя).

1844 г.

Февраля 25. Прошеніе ректору объ отпускѣ въ Спб.

Конецъ февраля—начало марта. Отъѣздъ Григорьева въ Спб.

Іюнь. Первое выступленіе въ РП (стих. «Обаяніе»).

Іюня 26. Поступленіе на службу въ Спб. Управу Благочинія.

Декабря 14. Переходъ, съ помощью Н. К. Калайдовича, на службу въ 1-е отдѣленіе 5-го Департамента Сената.

1845 г.

Января 1. Стих. «Городъ» (Да, я люблю его, громадный, гордый градъ).

Апрѣля 25. Принято Спб. Университетомъ отъ Григорьева прошеніе о дозволеніи ему держать экзаменъ на магистра уголовнаго права.

Сближеніе съ А. Е. Варламовымъ.

Іюля 7. Увольненіе изъ Сената со службы.

Августъ—сентябрь. Сближеніе съ В. С. Межевичемъ; Григорьевъ поселился у него.

Октябрь. Возобновленіе сношеній съ Москвою и Погодинымъ.

Декабрь. Драма «Два эгоизма» (иначе «Современный рокъ») напечатана въ РП.

1846 г.

Февраль. Выходъ книжки: «Стихотворенія Ап. Григорьева».

Конецъ февраля—начало марта. Отъѣздъ изъ Спб. и попытка устроиться въ Москвѣ.

Мартъ—май. Участіе въ ФВ.

Апрѣль. Рецензія Бѣлинскаго на книгу «Стихотвореній».

Августъ. Напечатана въ ОтЗ «Антигона» Софокла въ переводѣ Григорьева.

Декабрь. Послѣднія статьи въ РП.

1847 г.

Январь. Отзывъ Бѣлинскаго о переводѣ «Антигоны». Отъѣздъ въ Москву.

Февраль. Начало участія въ МГЛ.

Марта 10—19. Статья въ МГЛ о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя.

Октябрь. Начало участія въ МСКВ въ качествѣ составителя «Европейскаго Обозрѣнія».

Ноября 27. Въ МГЛ напечатано стих. «Тайна Воспоминанія» (изъ Шиллера), съ посвященіемъ Л[идіи] Ѳ[едоровнѣ] Г[ригорьевой]. Повѣсть «Другой изъ многихъ», имѣющая автобіографическое значеніе (напечатана въ МГЛ—8 XI—24 XII).

Вторая половина года. Женитьба на Л. Ѳ. Коршъ.

1848 г.

Августа 1. Опредѣленъ на опытъ учителемъ Гражданскихъ и Межевыхъ законовъ въ Александринскій Сиротскій Институтъ. Знакомство съ А. Д. Галаховымъ, преподавателемъ Института, и черезъ него съ П. Н. Кудрявцевымъ.

Октябрь—ноябрь. Письма къ Н. В. Гоголю. Начало сношеній съ ОтЗ[1]А. А. Краевскаго.

1849 г.

Рожденіе сына Владимира, вскорѣ умершаго.

Іюнь. Начало статей въ ОтЗ—«Замѣтки о Московскомъ театрѣ».

Октября 15. Григорьевъ былъ на вечерѣ у Погодина, гдѣ присутствовалъ также Гоголь.

1850 г.

Января 23. Родился сынъ Петръ.

Февраль. Сближеніе съ Погодинымъ.

Апрѣля 12. Произведенъ въ титулярные совѣтники.

Мая 24. Переведенъ учителемъ въ Моск. Воспитательный Домъ.

Августъ. Знакомство съ Я. И. Визардомъ, надзирателемъ Моск. Восп. Дома, и его семьей (сыновья—Владиміръ и Дмитрій Як., сестры—Леонида и Евгенія Як.).

Декабря 3. Григорьевъ читалъ у Мея свою повѣсть.

» 15. Григорьева вывели за неумѣренные восторги изъ Малаго театра во время представленія драмы К. Аксакова «Освобожденіе Москвы».

1851 г.

Январь. Начало «молодой редакціи» МСКВ.

Марта 15. Опредѣленъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія Моск. 1-й гимназіи.

Іюль. Начало статей Григорьева—«Лѣтопись Московскаго театра»—въ МСКВ. Пріѣздъ Полонскаго и чтеніе имъ драмы «Дареджана» Островскому и Григорьеву. Разрывъ съ ОтЗ.

Октября 16. Избранъ секретаремъ Совѣта Моск. 1-й гимназіи.

1852 г.

Январь. Родился сынъ Александръ.

Января 16. Погодинъ крестилъ у Григорьевыхъ.

Февраль. Закончена печатаніемъ въ МСКВ статья: «Русская литература въ 1851 г.».

Апрѣля 8. Григорьевъ уѣхалъ въ Спб. держать экзаменъ на учителя исторіи при Штабѣ военно-учебныхъ заведеній.

Любовь къ Леонидѣ Яковлевнѣ Визардъ. Стих.:

«Я васъ люблю... что дѣлать—виноватъ!
Я въ тридцать лѣтъ такъ глупо сердцемъ молодъ».

(«Борьба», III).

1853 г.

Январь. Статья въ МСКВ: «Русская литература въ 1852 г.».

Іюль. Стих.: «Я ее не люблю, не люблю» (въ МСКВ).

Августа 1. Окончаніе занятій въ Моск. Воспитательномъ Домѣ.

Октябрь. Разрывъ «молодой редакціи» съ Погодинымъ.

1854 г.

Января 17. Примиреніе съ Погодинымъ «молодой редакціи».

Февраль. Напечатана въ МСКВ элегія-ода-сатира «Искусство и Правда» (въ подлинной рукописи: «Рашель и Правда»).

Воскресныя собранія «молодой редакціи» у Григорьева. Вторичный разрывъ ея съ Погодинымъ.

Смерть матери—Т. А. Григорьевой.

1855 г.

Февраль. Начата печатаніемъ въ МСКВ статья: «О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ».

Февраля 13. Мих. Ник. Владыкинъ сдѣлалъ предложеніе Леонидѣ Яковлевнѣ Визардъ.

Іюля 16. Гл. Управленіе Цензуры запретило продолженіе статьи «О комедіяхъ Островскаго».

Іюль. Написана и напечатана въ МСКВ (№ 15, ценз. дата—13 августа) статья: «Русскія народныя пѣсни. Критическій опытъ А. Григорьева».

Декабрь. На Святкахъ Григорьевъ устроилъ въ 1-й гимназіи ученическій спектакль, на которомъ между прочимъ самъ исполнялъ роль Минина въ пьесѣ Кукольника «Рука Всевышняго».

1856 г.

Стих. «Цыганская венгерка».

Январь. На прощальномъ вечерѣ, данномъ Моск. гимназіями бывшему попечителю Назимову, Григорьевъ получилъ выговоръ за то, что поставилъ пьесу Островскаго «Не въ свои сани не садись.

Января 22. Новый «планъ» изданія МСКВ, предложенный Погодину Григорьевымъ.

Февраль. Договоръ о МСКВ между Погодинымъ и Григорьевымъ.

Мартъ. Приглашеніе Григорьева Кошелевымъ въ редакторы «Русской Бесѣды». Приглашеніе въ СВРМ и БдЧ.

Іюнь—іюль. Дружба съ В. П. Боткинымъ. Знакомство съ А. В. Дружининымъ, И. И. Панаевымъ, гр. Л. Н. Толстымъ.

Іюль. Хожденіе на богомолье въ Берлюковскую пустынь. Попытка продать собственный домъ или получить деньги подъ новую закладную.

Августъ. Болѣзнь (оспа).

Вторая половина года. Выходъ Леониды Як. Визардъ замужъ за Мих. Ник. Владыкина.

1857 г.

Февраля 12. Произведенъ въ коллежскіе ассесоры.

Мартъ 20. Написано письмо къ Дружинину, приложенное въ авг. книжкѣ БдЧ «вмѣсто предисловія» къ переводу «Сна въ лѣтнюю ночь».

Іюня 7. Передача Погодинымъ МСКВ Григорьеву.

Іюля 4. Григорьевымъ взятъ отпускъ для поѣздки за границу въ качествѣ воспитателя кн. Ивана Юрьевича Трубецкого.

Августъ. Въ БдЧ напечатанъ переводъ «Сна въ лѣтнюю ночь». Григорьевъ въ Италіи, въ Ливорно. Начало переписки съ Погодинымъ, Е. С. Протопоповой, Е. Н. Эдельсономъ, А. Н. Островскимъ.

Октябрь. Григорьевъ во Флоренціи.

1858 г.

Января 5. Григорьевъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни.

Январь. Григорьевъ въ Сіеннѣ и во Флоренціи. Статья въ БдЧ: «Критическій взглядъ на основы, значеніе и пріемы современной критики искусства», съ посвященіемъ ея Ап. Н. Майкову.

Февраль. Переѣздъ отъ Трубецкихъ на отдѣльную квартиру.

Марта 7—10. Бесѣды съ пріѣхавшимъ во Флоренцію И. С. Тургеновымъ.

Конецъ марта. Полонскій знакомитъ Григорьева съ гр. Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, предлагающимъ соредакторствованіе въ РСл. Григорьевъ оставляетъ воспитательскую дѣятельность у Трубецкихъ.

Апрѣль. Григорьевъ въ Римѣ.

Май. Григорьевъ во Флоренціи. Отъѣздъ въ Парижъ (моремъ черезъ Ливорно и Геную до Марселя).

Іюль—августъ. Поѣздка въ Эмсъ [?]. Пребываніе въ Парижѣ. Встрѣча съ Максимомъ Аѳанасьевымъ. Кутежи.

Августа 30. Разрывъ съ Трубецкими и «бѣгство» въ Россію.

Начало октября. Пребываніе въ Берлинѣ.

Конецъ октября. Пріѣздъ въ Спб. Усиленная работа для РСл.

Декабрь. Въ СВРМ напечатана поэма «Venezia la bella».

1859 г.

Новая любовная исторія—Марія Ѳедоровна, устюжская «барышня» (стих. «Твои движенья гибкія»).

Январь. Статья въ РСл—«Великій трагикъ», имѣющая автобіографическое значеніе.

Февраль—мартъ. Въ РСл статьи: «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина«. Кутежи. Дружба съ молодежью студенческой.

Апрѣль—августъ. Въ РСл статьи о Тургеневѣ.

Май. Въ РСл статья: «Нѣсколько словъ о законахъ и терминахъ органической критики».

Іюнь. Попытка возобновить отношенія съ Краевскимъ.

Конецъ іюля. Григорьевъ въ Москвѣ.

Начало августа. Полный разрывъ съ РСл изъ-за своеобразныхъ редакторскихъ пріемовъ нѣкоего Хмѣльницкаго.

Августъ—октябрь. Письмо-исповѣдь къ Погодину о жизни за границей.

Октября 3. Горбуновъ въ письмѣ къ Островскому изъ Спб. сообщаетъ объ отчаянномъ положеніи Григорьева, противъ котораго Хмѣльницкій вооружилъ всѣхъ кредиторовъ его, и что «Магіе состоитъ при особѣ».

Декабрь. Рожденіе ребенка у Маріи Ѳедоровны и смерть его.

Конецъ года. Знакомство и дружба съ Н. Н. Страховымъ.

1860 г.

Январь. Знакомство и дружба съ К. К. Случевскимъ. Статьи въ «Сынѣ Отеч.»—«Бесѣды съ Иваномъ Ивановичемъ о современной нашей словесности», имѣющія автобіографическое значеніе. Сближеніе съ А. П. Милюковымъ; статьи въ «Свѣточѣ». Начало ряда статей въ ВРМ. Сближеніе съ бр. Достоевскими. Статья: «Послѣ «Грозы» Островскаго»—въ «Русск. Мірѣ».

Мартъ. Григорьевъ—редакторъ «Драматическаго Сборника». Поѣздка въ Москву къ Каткову для участія въ РВ. Письмо къ Погодину съ предложеніемъ возобновить МСКВ.

Апрѣль. Возвращеніе въ Спб.

Апрѣля 30. Обращеніе за матеріальной поддержкой въ Литературный Фондъ.

Май—іюнь. На дачѣ въ Полюстровѣ.

Конецъ іюня. Отъѣздъ въ Москву.

Іюль—ноябрь. Ни въ чемъ не проявившееся участіе въ РВ. Знакомство съ А. И. Левитовымъ.

Конецъ сентября—октябрь. Разговоры съ Погодинымъ о возобновленіи МСКВ.

Ноябрь. Разрывъ съ Катковымъ. Запой. Новая попытка продать домъ. Возвращеніе въ Спб.

1861 г.

Января 11. Григорьевъ посаженъ въ Долговую тюрьму.

Февраля 22. Объявленіе Спб. Управы Благочинія о розыскѣ и воспрещеніи выѣзда Григорьеву изъ Спб., какъ несостоятельному должнику.

Мартъ. Объявленіе Григорьева въ качествѣ редактора «Драматическаго Сборника», что, такъ какъ Катковъ не признаетъ своимъ обязательства, выданнаго имъ Григорьеву на право перепечатки катковскаго перевода »Ромео и Джульетта», то дѣло переходитъ въ судъ.

Марта 29. Высочайшимъ приказомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ Григорьевъ назначенъ учителемъ 3-го рода по предмету русскаго языка въ Оренбургскій кадетскій корпусъ.

Мая 20. Григорьевъ выѣхалъ изъ Спб. съ Маріей Ѳедоровной.

Конецъ мая—начало іюня. Поѣздка по Волгѣ: Тверь, Корчева (попытка увидѣться съ о. Ѳедоромъ Бухаревымъ), Ярославль, Казань, Самара, Бузулукъ, Оренбургъ.

Іюня 9. Григорьевъ прибылъ въ Оренбургъ.

Іюня 18. Начало переписки изъ Оренбурга со Страховымъ.

Іюнь. Сближеніе въ Оренбургѣ съ В. В. Григорьевымъ и со Степ. Ник. Ѳедоровымъ.

Конецъ года. Публичныя лекціи Григорьева о Пушкинѣ «въ пользу бѣдныхъ» г. Оренбурга.

1862 г.

Мартъ. Разрывъ съ Маріей Ѳедоровной.

Май. [?] Отъѣздъ въ Спб.

Іюня 2. Новая попытка завязать сношенія съ Краевскимъ.

Іюль. Болѣзнь печени.

Августа 19. Григорьевъ представилъ въ Оренбургскій кадетскій корпусъ свидѣтельство врача Спб. полиціи Баканина, что «съ 27 іюля с. г. заболѣлъ воспаленіемъ печени и катарромъ двѣнадцати-перстной кишки (hepatitis cum cather in duodenal intest) и поэтому не можетъ продолжать путь».

Августъ. Статья во ВРМ о «Горе отъ ума».

Октябрь. Начало статей во ВРМ о Лермонтовѣ.

Ноябрь—декабрь. Во ВРМ напечатаны первыя 5 главъ «Скитальчествъ», статьи о Лермонтовѣ, гр. А. К. Толстомъ и русскомъ театрѣ.

Декабря 4. Григорьевъ уволенъ изъ Оренбургскаго корпуса.

1863 г.

Январь. Статья во ВРМ о Костомаровѣ.

Мартъ. Поѣздка въ Москву передъ редактированіемъ «Якоря». Послѣднія встрѣчи съ Погодинымъ. Запой и растрата денегъ, выданныхъ издателемъ «Якоря».

Апрѣля 1—6. (Св. недѣля). У Григорьева на квартирѣ былъ въ гостяхъ К. Н. Леонтьевъ. Григорьевъ—редакторъ «Якоря». Статьи о Писемскомъ и о театрѣ.

Мая 5. Начальство Оренбургскаго кадетскаго корпуса, согласно высочайшему приказу, представило Григорьева «по прошенію къ увольненію въ отставку за болѣзнію».

Смерть отца и жены (Лидіи Ѳедоровны Коршъ) [?].

1864 г.

Январь—апрѣль. Четверги у Сѣровыхъ, на которыхъ бывалъ Григорьевъ. Знакомство съ П. Д. Боборыкинымъ на любительскомъ спектаклѣ въ Кронштадтѣ.

Апрѣля 23. Вышла мартовская книга ЭП съ продолженіемъ «Скитальчествъ» и статей о русскомъ театрѣ.

Іюля 7. Вышла майская книга ЭП съ послѣдними главами «Скитальчествъ» и статьей «Парадоксы органической критики».

Іюль. Участіе въ «Русской Сценѣ» Н. В. Михно.

Конецъ іюля. Григорьевъ снова посаженъ въ Долговое отдѣленіе.

Іюля 26. Одновременно съ окончаніемъ перевода «Ромео и Джульетты» написанъ сонетъ («И снова ты, далекій призракъ мой»), посвященный Л. Я. Визардъ.

Могила А. А. Григорьева

на Митрофаньевскомъ кладбищѣ въ Петроградѣ.

Сентября 1—5. Написанъ «Краткій послужной списокъ».

Сентября 15 [?]. Свиданіе въ Долговомъ со Страховымъ.

Сентября 21—22. Григорьевъ выкупленъ изъ Долгового генеральшей А. И. Бибиковой.

Сентября 25. Смерть отъ удара.

» 28. Похороны.

Октябрь. Выходъ августовской книжки ЭП (ценз. д. 22/x) со статьями Аверкіева, Достоевскаго, Страхова и др., посвященными памяти Григорьева.

1865 г.

Марта 22. Вышла февральская книга «Эпохи» съ замѣтками Страхова къ «Новымъ письмамъ А. А. Григорьева» (къ Е. С. Протопоповой).

1869 г.

Іюнь. К. Н. Леонтьевымъ написана въ Царьградѣ статья для «Зари» о Григорьевѣ, увидѣвшая свѣтъ только въ 1915 г.

1876 г.

Апрѣль. Вышелъ 1-й (и единственный) томъ сочиненій Григорьева подъ редакціей Н. Н. Страхова.

1889 г.

Сентября 25. Панихида по Григорьевѣ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Поминальный обѣдъ. Стих. Случевскаго и статья Страхова.

1898 г.

Смерть Александра Аполлоновича Григорьева (сына) въ Спб..

1899 г.

Сентября 25. Панихида по Григорьевѣ на кладбищѣ.

1914 г.

Сентября 25. Пятидесятилѣтняя годовщина со дня смерти. Панихида по Григорьевѣ на могилѣ.

Д. Библіографія о Григорьевѣ.

1845 г.

1. [Замѣтки о Григорьевѣ]. РП, т. 12, Театр. Лѣтопись, окт., Разныя извѣстія, стр. 88.
2. [Замѣтки о Григорьевѣ]. ФВ, т. VII, отд. VI (Смѣсь), стр. 58—60.

1846 г.

3. *Студитскій, А.* Русскіе литературные журналы за январь 1846 г. МСКВ, т. I, № 2, стр. 215—217.

Рецензіи на книгу «Стихотворенія Аполлона Григорьева»:

4. БдЧ. т. 75, мартъ, отд. VI, стр. 27—30. Библіографія.
5. «Иллюстрація», II, № 11, 23 марта, стр. 175.
6. *С., А.* МСКВ, т. II, № 4, стр. 175—176.
7. *Бѣлинскій, В. Г.* ОтЗ, т. XLV, апр., отд. VI, стр. 52—58. См. также разн. изд. соч. Б.
8. [*Плетневъ, П. А.*]. СВРМ, т. 42, апр., отд. Нов. соч., стр. 229—230. См. также 98.
9. Библіографія. Стихотворенія А. Григорьева. РИнвалидъ. № 110, 19 мая, стр. 433—434.
10. *Я.Я.Я.* Русская литература, Стихотворенія Аполлона Григорьева. «Сѣв. Пчела», № 114, 23 мая, стр. 455.
11. [Замѣтка о Григорьевѣ]. ФВ, т. IX. Смѣсь, стр. 45—49.
12. *С[лавинъ?] Ал[ександръ Павловичъ?].* Ободреніе А. А. Григорьеву. Стих. [«Жизнь моя теперь идетъ»]. РП, т. 15, № 7 (іюль), стр. 102—103.

1847 г.

13. *Бѣлинскій, В. Г.* Русская литература въ 1846 г. СВРМ, янв., отд. III, стр. 29, 31—33. См. также разн. изд. Соч. Б.
14. *Галаховъ, Алексѣй.* Письмо къ редактору. МГЛ, № 65, 27 марта, стр. 262.
15. Петербургскія письма. «Литературная Газета», № 15, 10 апр., стр. 239—240.
16. Библ. хроника. [объ «Олегѣ Вѣщемъ» и рец. Григорьева въ МГЛ]. ФВ, т. XVII, № 5, май, стр. 3—5, 10—12.

1850 г.

17. Отъ редакціи [замѣтка]. «Пантеонъ», кн. 2, февр., стр. —.

1852 г.

18. Современныя замѣтки.—Замѣтки и размышленія Новаго Поэта по поводу русской журналистики. СВРМ, т. 31, февр., отд. VI, стр. 289—291.
19. Журналистика. — ... «Альфредъ де Мюссе» г. Григорьева. ОтЗ, т. 84, сент., отд. VI, 91—92.

1853 г.

20. Фельетонъ. Русск. журналистика.—Критическія возрѣнія г. А. Григорьева. Спб. Вѣд., № 21, 27 янв.

21. Критика. — Русская литература въ 1852-мъ году. Статья первая. ОтЗ, т. 86, янв., отд. IV, стр. 45—49.
22. [*Булгаринъ, Ѳ. В.*] Замѣтки, выписки и корреспонденція Ѳ. Б. «Сѣв. Пчела», № 39, 18 февр., стр. 154—155.

1854 г.

23. Литературный ералашъ.—III. Досуги Кузьмы Пруткова...—Смѣсь. Элегія-ода-сатира А. Григорьева и эпилогъ къ ней неизвѣстнаго автора. СВРМ, т. 44, апр., 52—54.
24. Журналистика.— ... Стихи «Искусство и Правда» г. А. Григорьева. ОтЗ, т. 93, апр., отд. IV, стр. 96—98.
25. Журналистика. БдЧ, т. 127, авг., отд. VI, стр. 33—35.
26. Журналистика.—... Русскія народныя пѣсни, критическій опытъ г. А. Григорьева. ОтЗ, т. 96, сент., отд. IV, стр. 121—125.

1855 г.

27. Журналистика. О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ г. Григорьева. Наши ожиданія отъ этихъ статей; что должно сдѣлать для опредѣленія нашей народности? ОтЗ, т. С, май, отд. IV, стр. 54—63.
28. *Стаховичъ, М.* Антикритика. Русскія пѣсни (Критическій опытъ А. Григорьева). МСКВ, № 6, стр. 161—168.
29. *Стаховичъ, М.* Продолженіе исторіи семиструнной гитары (письмо А. А. Григорьеву). Современные гитаристы. МСКВ, № 15—16, стр. 226—238.
30. Совр. замѣтки. Замѣтки и размышленія Новаго поэта по поводу русск. журналистики. — «Москвитянинъ» 1855 г. (№ 1—7): Критика А. А. Григорьева... СВРМ, т. 52, іюль, стр. 105—113.

1856 г.

31. Примѣчаніе къ стихотвореніямъ Ап. Григорьева. «Полярная Звѣзда». Лондонъ. Кн. 2, стр. 33.

1857 г.

32. *Тиммъ.* «Русск. Художеств. Листокъ». Русск. Совр. писатели. [Портретъ]. № 34.
33. «Обзоръ литературныхъ журналовъ». О трудахъ г. Аполлона Григорьева. «Сынъ Отеч.», № 37, стр. 897.

1858 г.

34. *Сушковъ, Н. В.* Моск. Унив. Благородн. Пансіонъ. М., стр. 118.

1859 г.

35. [*Добролюбовъ Н. А.*]. О допотопномъ значеніи Лажечникова (Изслѣдованіе г. Ап. Григорьева). СВРМ, апр., отд. III, Свистокъ № 2, стр. 364—365. См. также разн. изд. Соч. Д.
36. *—бовъ, Н.* [Н. А. Добролюбовъ]. Темное царство. СВРМ, іюль, стр. 17—32. См. также разн. изд. Соч. Д.

1860 г.

37. Литературныя вѣсти. «Искра», № 35, стр. 375—376.
38. *—бовъ, Н.* [Н. А. Добролюбовъ]. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. СВРМ, окт., стр. 257—258. См. также разн. изд. Соч. Д.

1861 г.

39. Русск. литература.—Вопросъ о народности.—Отвѣтъ г. А. Григорьеву. ОтЗ, апр., отд. III, стр. 133—143.
40. *Б., К.* Фельетонъ. По поводу статьи: «О постепенномъ и повсемѣстномъ распространеніи невѣжества и безграмотности въ россійской словесности». РИнвалидъ, № 95, 3 мая, стр. 385—387.

41. *В., К.* Наши домашніе интересы.— Статья г. Григорьева во «Времени» [о Шевченкѣ]... Увѣренія г. Григорьева. Ibid. № 110, 21 мая, стр. 447, 449.
42. *В., К.* ... Григорьевъ и его мнѣнія о космополитизмѣ... Ibid. № 118, 31 мая, стр. 482.

1864 г.

43. *Потѣхинъ, И. А.* «Наши безобразники». Сцены. Спб. Стр. 255—425 (Глава: «Наши въ Парижѣ»).
44. *Сѣровъ, А.* По случаю трехсотлѣтняго юбилея Шекспира (Письмо къ Аполлону Григорьеву). РСцена, апр., стр. 86—98.
45. *Аверкіевъ, Д.* А. А. Григорьевъ. ЭП, № 8, стр. 1—16.
46. [*Боборыкинъ П. Д.?*] Некрологъ. Ап. А. Григорьевъ. БдЧ, т. 184, № 8, стр. 1—6 (въ концѣ тома).
47. *М[ихно, Ник. Вас.]*. А. А. Григорьевъ. РСцена, сент., стр. 68—70.
48. *Бабиковъ, К.* Памяти А. А. Григорьева («Тебя я зналъ! Ты былъ одинъ изъ нихъ»). ЭП, сент., стр. 56.
49. *Страховъ, Н.* Воспоминанія объ Аполлонѣ Александровичѣ Григорьевѣ. ЭП, сент., стр. 1—50. Съ примѣчаніемъ Ѳ. М. Достоевскаго, стр. 51—55.
50. [Некрологъ] А. А. Григорьевъ. ОтЗ, т. 156, № 9, стр. 511—512.
51. Ред. [*Ив. С. Аксаковъ*]. Некрологъ А. А. Григорьева. «День», № 40, стр. 20.
52. «А. А. Григорьевъ». Замѣтки. «Нар. Богатство». № 210 и 212.
53. *Ковалевскій, П.* «Непрактическіе люди», повѣсть. СВРМ, т. CV, ноябрь—дек., стр. 146—148, 164—165.
54. Воспоминанія объ Аполлонѣ Александровичѣ Григорьевѣ Н. Страхова. Съ примѣчаніемъ Ѳ. Достоевскаго («Эпоха». 1864. Сентябрь). СВРМ, т. CV, ноябрь—дек., отд. II, стр. 101—114.

1865 г.

55. *Алп., Н.* А. А. Григорьевъ въ своихъ письмахъ. «Книжный Вѣстникъ», № 1, стр. 10—11; № 7, стр. 137—138.
56. *Страховъ, Н.* Новыя письма Аполлона Григорьева. ЭП, февр., стр. 152—182.
57. *Писаревъ, Д.* Прогулка по садамъ россійской словесности. РСл, мартъ, стр. 1—9, 37, 64—65. См. также разн. изд. Соч.
58. *Дружининъ, А. В.* Письма иногороднаго подписчика. Соч. Спб., т. VI, стр. 344—346, 473, 638—639, 718—719.
59. Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее 10—лѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г.г. Спб. Секретно. [Напечатано по распоряженію Министра Внутр. Дѣлъ]. Стр. 58—60. [Характеристика творчества Ап. Григорьева].

1866 г.

60. *Геннади, Г. Н.* Краткія свѣдѣнія о русск. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1864 г. РА, № 4, стр. 566—567.
61. *Крестовскій, Всев.* Петербургскія трущобы [Цит. стих. «Городъ»]. ОтЗ, т. 159, дек., кн. 2, стр. 777—778. См. также разн. изд. Соч. Крестовскаго.

1870 г.

62. *Константиновъ, Н.* [К. Н. Леонтьевъ]. Грамотность и народность (бѣглыя замѣтки). «Заря», ноябрь, стр. 197—198.

1872 г.

63. *Межовъ, В. И.* Ист. русск. и всеобщ. словесности. См. Указатель.
64. *Родиславскій, В.* П. М. Садовскій (матеріалы для біографіи). РВ, т. C, авг., стр. 19, 21, 23.

1873 г.

65. *Гербель, Н. В.* Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. Стр. 557—562.
66. *Щербина, Н. Ѳ.* Полное собраніе сочиненій. Спб. Стр. 300—301, 304, 309—310, 317, 324, 344.

1875 г.

67. *Боборыкинъ, П.* Долго ли? повѣсть. ОтЗ, окт., стр. 413 сл. Отд. изд.—Спб. 1876.

1876 г.

68. *Геннади, Г. Н.* Справочн. Словарь о русск. писат. и уч., умерш. въ XVIII и XIX ст. Т. I. Берлинъ.
69. *Страховъ, Н. Н.* А. А. Григорьевъ. «Кругозоръ», № 12, стр. 192—193.
70. *Страховъ, Н.* Предисловіе къ I тому «Сочиненій Аполлона Григорьева». Стр. I—X.

Рецензіи на т. I-й Сочиненій А. А. Григорьева, подъ редакціей Н. Н. Страхова:

71. [Библ. замѣтки]. Спб. Вѣд., № 93, 3 апр.; № 104, 16 апр.
72. L. Литература и жизнь. «Голосъ», № 97, 8 апр.
73. *С—въ, Вс.* Совр. литература. «Русск. Міръ», № 133, 16 мая.
74. ВЕ, іюнь. На обложкѣ.
75. «Молва», № 26, 27 іюня, стр. 474—476.
76. *Фаустъ Щигровскаго уѣзда* [С. А. Венгеровъ]. Литературные очерки. НВр., № 135, 15 іюля.
77. *Языковъ, Н.* [Н. В. Шелгуновъ]. Пророкъ славянофильскаго идеализма. «Дѣло», № 9, стр. 1—37.
78. *А[всѣенко].* Блужданія русской мысли. РВ, окт., стр. 871—894.
79. *Былинкинъ, Е.* [Ал. І. Порѣцкій]. Нежданное. «Гражданинъ», № 43, 22 ноября.
80. *Заурядный читатель.* БВѣд., № 118.
81. Dziela Ap. Grigorjewa. Варш. Дневн., № 106.
82. [Библіографич. замѣтка]. «Гражданинъ» 1877, № 2, стр. 63.
83. *Галаховъ, А.* «Журн. Мин. Народн. Просв.», 1877, янв., стр. 115—127.

1877 г.

84. *Вольфъ,* Хроника Петербургскихъ театровъ. Спб., ч. II, стр. 132.
85. *Боборыкинъ, П.* Изъ воспоминаній о пишущей братіи. I. А. А. Григорьевъ. Спб. Вѣд., № 41.

1878 г.

86. *Марковъ, Вас.* Навстрѣчу. Очерки и стихотворенія. Спб. Стр. 279—290, 453—454.
87. А. Н. Сѣровъ. Очерки и замѣтки. РСт., янв., стр. 165—166, 171.
88. *Боборыкинъ, П.* Островскій и его сверстники. «Слово», сент.—окт., стр. 133.

1879 г.

89. «Ап. А. Гр.» (эпиграмма М. А. Дмитріева) [«Вы говорите, мой любезный»]. РА, май, стр. 144.

1881 г.

90. *Фетъ, А.* Кактусъ (разсказъ). РВ., ноябрь, стр. 233—238.

1883 г.

91. Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883. Стр. 187, 202—205, 207—212, 223—224, 245, 258, 262—263, 271—273, 313; тамъ же: Письма Ѳ. М. Достоевскаго къ разнымъ лицамъ. Стр. 264, 266, 273—274, 278, 306, 313.
92. *Фетъ, А.* Студентъ. Поэма. Посвящается С. П. Хитрово.
93. *Милюковъ, А. П.* А. А. Григорьевъ и Л. А. Мей. (Отрывокъ изъ воспоминаній). ИВ, янв., стр. 98—109. См. также 122.

94. *Г—въ, А.* Забытая могила. НВр., № 2726, 30 сент.

1884 г.

95. Изъ бумагъ А. В. Дружинина. Письма къ нему В. П. Боткина. «XXV лѣтъ» (Сборн. Общ. пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ). Спб. Стр. 496, 498, 504, 507.
96. *Нефедовъ, Ф.* А. И. Левитовъ (біографія) въ Собр. соч. Левитова. Изд. К. Солдатенкова, М. Т. I., стр. LXXV—LXXVI, LXXIX—LXXX, LXXXIII.

1885 г.

97. *Аверкіевъ, Д. В.* Дневникъ Писателя 1885 г. вып. I—XII, Спб. Стр. 83, 422.
98. *Плетневъ, П. А.* Соч. и переписка, изд. И. Акад. Наукъ, т. II, стр. 534. См. также 8.

1886 г.

99. *Аверкіевъ, Д. В.* Дневникъ писателя за 1886 г. Спб. Стр. 253—255.
100. *Венгеровъ, С. А.* Молодая редакція «Москвитянина». Изъ исторіи русской журналистики. ВЕ, февр., стр. 581—612.
101. *Галаховъ, А. Д.* Литературная кофейня въ Москвѣ въ 1830—1840 г.г. РСт, апр., стр. 184.
102. *Леонидовъ, Л. Л.* Записки. РСт, іюнь, стр. 657.

1888 г.

103. И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. Часть первая, М. Т. I, стр. 312—313. Т. III, стр. 307.
104. *Незеленовъ, А.* Островскій въ его произведеніяхъ. Спб.
105. *Фетъ, А.* Предисловіе къ 3-му выпуску «Вечернихъ огней». М.
106. *Скабичевскій, А.* Очерки литературнаго движенія. РМ, май, стр. 15—20.
107. Юбилей А. Н. Майкова. ИВ, іюнь, стр. 695.
108. *Званцовъ, К.* А. Н. Сѣровъ въ 1857—1871 г.г. Воспоминанія о немъ и его письма. РСт, сент., стр. 655—656, 658, 661—663, 669.
109. Фетъ, А. Изъ моихъ воспоминаній. РВ, ноябрь, стр. 125, 128—129, 148, 154—156. См. также 123.

1889 г.

110. *П-ль, Ол.* Заброшенная могила. НВр., № 4738, 18 авг.
111. *Григорьевъ, А.* [сынъ]. Письмо въ редакцію [отвѣтъ Ол. П-ль]. НВр., № 4740, 20 авг.
112. *Крыловъ, Серѣй.* Памяти А. А. Григорьева. МВѣд., № 265, 25 сент.
113. *Страховъ, Н.* Поминки по Аполлонѣ Григорьевѣ. НВр., № 4876, 25 сент. См. также 130.
114. Памяти Ап. Ал. Григорьева [Статьи:] I. А. Скабичевскаго. II. Вл. Михневича. III. ***. «Новости», № 264, 25 сент.
115. На могилѣ Аполлона Григорьева. НВр., № 4877, 26 сент.
116. [Въ отд. Русск. Лѣтопись.]. «Новости», № 265, 26 сент.
117. *П-ль, Ол.* А. А. Григорьевъ. «Сѣверъ», № 89.
118. А. А. Григорьевъ. «Артистъ», окт., кн. 2, стр. 139.
119. *Т.* Литература и жизнь. РМ, окт., стр. 206—207.
120. Чествованіе 25-лѣтней годовщины смерти. ИВ, ноябрь, стр. 459.

1890 г.

121. *Головачева-Панаева, А. Я.* Русскіе писатели и артисты. Воспоминанія. Спб. Стр. 111.
122. *Милюковъ, А. П.* Литературныя встрѣчи и знакомства. Спб., стр. 250—265. См. также 93.
123. *Фетъ, А.* Мои воспоминанія 1848—1889. М. Часть I. Стр. 189, 193—194, 215—216, 222—225, 229, 231—232, 303, 320, 357. См. также 109.

124. *Зотовъ, В. Р.* Изъ воспоминаній. ИВ, февр., стр. 333, 335—338; мартъ, стр. 566—568.

1891 г.

125. *Скабичевскій, А.* Ист. новѣйш. русск. литературы. Спб., стр. 41—44.
126. *Пыпинъ, А. Н.* Ист. русск. этнографіи. Т. I. Спб. 1890, стр. 217—218, 303, 396 — 397, 401, 405, 415; Т. II, 1891, стр. 355—356.
127. *Фетъ, А.* Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній. РШкола, № 3, стр. 47, 52. См. также 139.

1892 г.

128. *Алмазовъ, Б. Н.* Соч. М. Т. II, стр. 321, 326.
129. *Колюпановъ, Н. П.* Біографія А. И. Кошелева. М. Т. II, стр. 259—261.
130. *Страховъ, Н. Н.* Воспоминанія и отрывки. Спб., стр. 247 — 255. См. также 113.
131. [*Чернышевскій, Н.*]. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. См. Указатель. См. также Соч.
132. *Галаховъ, А. Д.* Сороковые годы. ИВ, янв., стр. 139; февр., стр. 409—411.
133. *Елагинъ, Ю.* [Ю. Н. Говоруха-Отрокъ]. Литературно - критическій очеркъ (Гончаровъ). РВ, янв., стр. 334—335, 338—339.
134. *Погодинъ, Д. П.* Изъ воспоминаній. ИВ, апр., стр. 52.
135. *Розановъ, В.* О трехъ фазисахъ въ развитіи нашей критики. РОбозр., авг., 583—584, 591. См. также 173.

1893 г.

136. *Аверкіевъ, Д. В.* О драмѣ. Критическое разсужденіе. Спб. См. Указатель.
137. *Карѣевъ, М. В.* Артисты современники. Вып. IV. М. И. Писаревъ. Спб. Стр. 4, 10, 20.
138. *Фетъ, А.* Ранніе годы моей жизни. РОбозр. № 1, стр. 5—18. См. также сл.
139. *Фетъ, А.* Ранніе годы моей жизни. М. Стр. 132, 140, 146—157, 159—160, 170, 172, 174, 180, 192—193, 195—198, 204, 208, 210, 215—219, 223, 225—227, 390, 448, 490, 548. См. также 127 и 138.
140. *Григоровичъ, Д.* Литературныя воспоминанія. РМ, февр., стр. 55—58. См. также Соч., т. XII, изд. «Нивы», стр. 313—315.
141. *З*[*отовъ*], *В. Р.* Рец. на: С. А. Венгеровъ. Критико-біографич. словарь русск. писателей и ученыхъ, Т. III. Спб. 1892. (Біографія А. И. Бибиковой). ИВ, мартъ, стр. 899.
142. *Волынскій, А.* Литературныя замѣтки (Бѣлинскій). «Сѣв. Вѣстн.» окт., отд. II, стр. 146—148. См. также 156.

1894 г.

143. *Сизовъ, В. И.* Н. С. Тихонравовъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Сборникъ «Памяти Н. С. Тихонравова». Изд. Моск. Археологич. Общ. и Общ. Любит. Росс. Словесности. М. Стр. 128.
144. А. А. Григорьевъ. НВр., № 6672, 25 сент.
145. Памяти Аполлона Григорьева. «Правит. Вѣстн.», № 209.
146. *Введенскій, А.* Аполлонъ Григорьевъ какъ критикъ. «Нива», № 39, стр. 930—931.
147. [Замѣтка]. А. А. Григорьевъ. «Нива», № 39, стр. 929. Съ портретомъ.
148. Воспоминанія А. А. Нильскаго. ИВ, сент., стр. 689—692. См. также 164.
149. *Николаевъ, Ю.* [Ю. Н. Говоруха - Отрокъ]. А. А. Григорьевъ (По поводу исполнившагося 30-лѣтія со дня его смерти). МВѢд., № 266, 28 сент.
150. *Юдинъ, П.* Къ біографіи А. А. Григорьева. ИВ, дек., стр. 779—786.

1895 г.

151. *Гольцевъ, В. А.* Памяти Аполлона Александровича Григорьева. Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов. «Починъ». М. Стр. 337—345. См. также 172.

152. *Тимощукъ, В. В.* М. И. Семевскій. Спб. стр. 35, 42—43, 45—46, 57, 59.
153. *Григорьевъ, А[лександръ Аполлоновичъ].* Одинокій критикъ. «Книжки Недѣли», авг., стр. 5—23; сент., стр. 52—81.
154. *Красновъ, Пл.* Книга забытая. «Книжки Недѣли», окт., стр. 178—186.
155. *Волынскій, А.* Литературныя замѣтки. Аполлонъ Григорьевъ. «СѢв. Вѣстн.», ноябрь, стр. 294—338. См. также 156.

1896 г.

156. *Волынскій, А.* Русскіе критики. Спб. Стр. 639—684. См. также 142 и 155.
157. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. Т. II, стр. 757, 763—764; Т. III, стр. 53, 728.
158. Письма А. Н. Сѣрова къ его сестрѣ С. Н. Дю-Туръ (1845—61). Спб.
159. Письма С. П. Шевырева къ Н. В. Гоголю. Приложенія къ Отчету Имп. Публ. Библіотеки за 1893 г. Спб. Стр. 47, 54—56.
160. *Никольскій, Б. В.* Біографія Н. Н. Страхова. ИВ, апр., стр. 228, 236, 248—249, 252, 262, 267.
161. *Морозовъ, П.* Изъ жизни и литературы. «Образованіе», май—іюнь, стр. 89—90, 93—94, 97, 99, 100—101.
162. Воспоминанія Е. П. Шумиловой—Мочаловой. ИВ, окт., стр. 96—98; ноябрь, стр. 467—469.

1897 г.

163. *Головинъ, К.* Русск. романъ и русск. общество. Спб. Стр. 115—117.
164. *Нильскій, А. А.* Закулисная хроника. Изд. 1-е. Спб. Стр. 206—210. См. также 148.
165. *Шенрокъ, В. И.* Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. II. 1893, Т. III. 1895. Т. IV. 1897. См. Указатель.

1898 г.

166. *Финдейзенъ, Н. Ѳ.*, А. Н. Сѣровъ (очеркъ). «Ежегодн. И. Театровъ» 1897—98, приложеніе, кн. III, стр. 71—73, 75, 83.
167. *Конисскій, А. Я.* Жизнь Украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Одесса. Стр. 718—719.
168. *Максимовъ, С.* Александръ Николаевичъ Островскій. РМ, янв., стр. 2, 5, 19; апр., стр. 2, 8—9. См. также т. I Соч. Островскаго, изд. «Просвѣщенія».
169. *Стаховичъ, А. А.* Клочки воспоминаній. РМ, февр., стр. 84, 96. См. также 211.
170. *Ивановъ, Ив.* Исторія русской критики. «Міръ Божій», іюль, стр. 237—239; окт., 78—110. См. также отд. изд.
171. *Полонскій, Я. П.* Мои студенческія воспоминанія. ЕжемѢс. лит. приложенія къ «НивѢ», дек., стр. 642—688.

1899 г.

172. *Гольцевъ, В.* О художникахъ и критикахъ. М. Стр. 100—113. См. также 151.
173. *Розановъ, В.* Литературн. очерки. Спб., стр. 98 слл. См. также 135.
174. *Шахъ-Парониандъ, Л. М.* Критикъ-самобытникъ. А. А. Григорьевъ (къ XXXV лѣтію со дня его смерти). Біографическій очеркъ съ портретомъ. Спб. Р е ц.:
175. *Д.* [Пыпинъ, А. Н.] ВЕ, 1900, май, стр. 361—369.
176. «ЕжемѢс. Соч.» 1900, № 5—6, стр. 147—148. См. также 195.
177. «Кавказъ», № 87.
178. *Басаргинъ, А.* Непризнанный критикъ. МВѢд., № 85.
179. НВр., № 8529.
180. *Басаргинъ, А.* Къ исторіи отношеній критики къ Пушкину. МВѢд., № 153, 27 іюня.
181. [Маленькая хроника. Замѣтка о могилѣ Григорьева]. НВр., № 8466, 22 сент.
182. Замѣтка по случаю 35-лѣтія со дня смерти. БВѢд., № 263, 25 сент.

183. *Михайловъ, Д.* Философія искусства Ап. Григорьева. МВѣд., № 264, 25 сент.

184. *Д., Е.* Ап. Григорьевъ (По случаю 35-лѣтія со дня смерти. Съ приложеніемъ портрета Ап. Григорьева и снимка съ его памятника). НВр., № 8469, 25 сент. Иллюстрир. прилож.

185. [Замѣтка]. РВѣд., № 265, 25 сент.

186. [Хроника]. «Новости», № 265, 26 сент.

187. *К., Б.* Чистое сердце. «Россія», № 151, 26 сент.

188. *У., Н.* Забытый критикъ. «Россія» (Иллюстрир. приложеніе), № 153, 28 сент. Съ портретомъ и снимкомъ съ памятника.

189. *Линскій, Вл.* Ап. Григорьевъ и его взгляды на искусство. «Театръ и искусство», № 40, 3 окт., стр. 686—689; № 41, 10 окт., стр. 706—708.

190. *К., А.* Либеральныя поминки Ап. Григорьева. МВѣд., № 280, 11 окт.

191. *Морозовъ, П.* Изъ жизни и литературы. По поводу двухъ литературныхъ поминокъ. А. А. Григорьевъ. «Образованіе», ноябрь, стр. 40—50.

192. *Розановъ, В.* 35-лѣтіе кончины Ап. А. Григорьева. «Торгово-Промышлен. Газета». Литературн. прилож., № 29.

1900 г.

193. *Михайловъ, Д.* Аполлонъ Григорьевъ, жизнь въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его. Съ портретомъ. Спб. Р е ц.:

194. *Л., А.* ИВ, май, стр. 699—700.

195. «Ежемѣс. Соч.», № 5—6, стр. 147—148. См. также 176.

196. *Хомяковъ, А. С.* Соч. М. Т. VIII. Письма. Стр. 292.

197. *Никольскій, Б. В.* Новое изданіе стихотвореній Фета. ИВ, сент., стр. 995—996, 1000—1001.

1901 г.

198. Галлерея русскихъ писателей. Изд. Скирмунта. М. Стр. 383—384. Краткая біографія и 2 портрета Григорьева.

199. *Горбуновъ, И. Ѳ.* Сочиненія. Приложеніе къ «Нивѣ», т. 2.

200. *Никольскій, Б. В.* Отъ редактора. Въ Полн. собр. стих. А. А. Фета. Изд. Маркса. Спб. Т. I, стр. XII—XIII, XIX, XXI.

201. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Изд. «Нивы». Спб. См. Указатель.

202. *Страховъ, Н. Н.* А. А. Фетъ. Біографич. очеркъ. Въ Полн. собр. стих. А. А. Фета. Изд. Маркса. Спб. Стр. XXIX.

203. *Нелидовъ.* Островскій въ кружкѣ «Молодого Москвитянина». РМ., мартъ, 6—8, 17—18, 20, 23, 25, 30, 32, 34.

204. *Потѣхинъ, А. А.* Воспоминанія о М. П. Погодинѣ. «Сборн. Отд. Русск. языка и словесности». Изд. И. Акад. Наукъ, т. 71, № 6.

1902 г.

205. *Мезіеръ, А. В.* Русская словесность. Спб. Т. I, 1899. Т. II, 1902. См. Указатель.

206. Неизданное стихотвореніе Ап. Григорьева. «Ежемѣс. литерат. приложенія къ «Нивѣ», авг., стр. 606.

1903 г.

207. *Гобза, І.* Столѣтіе Московской 1-й Гимназіи. М. Стр. 125, 128, 236, 349.

208. *Замотинъ, И.* Романтизмъ 20-хъ г.г. XIX стол. въ русской литературѣ. Варшава. Стр. 138—139, 150, 356—358, 369—371.

209. *Соловьевъ, Евг. (Андреевичъ).* Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Спб., стр. 271—274.

1904 г.

210. *Михайловъ, Д.* Очерки русской поэзіи XIX в. Тифлисъ. См. Указатель.

211. *Стаховичъ, А. А.* Клочки воспоми-

наній. М. Стр. 84, 133, 155, 339. См. также 169.

1905 г.

212. *Варнеке, Б. В.* Русск. Біографич. Словарь. Статья объ А. Н. Островскомъ. Изд. Русск. Историч. Общ. Спб. Стр. 429—440, 438, 448.

213. *Лобовъ, Е.* Памяти Ап. Григорьева. Отд. оттискъ изъ «Славянск. Извѣстій». Спб.

1906 г.

214. *Достоевская, А. Г.* Библіографич. указатель соч. и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго. [Портретъ Григорьева (1861 г.) въ Музеѣ памяти Ѳ. М. Д. въ Моск. Историч. Музеѣ имени Имп. Александра III). Спб.

1907 г.

215. *Горбуновъ, И. Ѳ.* Сочиненія. Спб. Т. III. Изд. Общества Любителей Древней Письменности. См. Указатель.

216. *Венгеровъ, С. А.* Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изд. Спб. Стр. 42—46, 62.

217. *Ждановъ, И. Н.* Соч. Т. II. Спб. См. Указатель.

218. *Кропоткинъ, П.* Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Изд. «Знаніе». Спб. Стр. 120, 324.

219. *Соловьевъ, С. М.* Записки. BE, май, стр. 37. См. также 279.

220. *Бартеневъ, П. И.* Предисловіе и примѣчанія къ тремъ письмамъ Григорьева къ Н. В. Гоголю. По поводу его «Переписки съ друзьями». РА, окт., стр. 281—288.

1908 г.

221. *Бирюковъ, П.* Гр. Л. Н. Толстой (біографія). Спб. Т. II, стр. 49—50, 202, 212, 214.

222. *Боборыкинъ, П.* За полвѣка (Главы изъ воспоминаній). «Мин. Годы», май—іюнь, стр. 43—44, 54, 56—57; ноябрь, стр. 147—148.

1909 г.

223. *Платонова, Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская). Біографическій очеркъ. Спб., стр. 135—136, 140, 149.

224. *Вѣтринскій, Ч.* Аполлонъ Григорьевъ. «Нижегородск. Листокъ», отъ 25 сент.

1910 г.

225. *Барсуковъ, Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Книги I—XXII. Спб. 1888—1910. См. Указатель [о Григорьевѣ не полно].

226. *Бородинъ, Н. А.* І. И. Желѣзновъ. Изд. 2-е Спб., стр. XIII.

227. *Веселовскій, Алексѣй.* Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Изд. 4-е доп. М. См. Указатель.

228. Источники словаря русскихъ писателей. Спб. Т. II, стр. 122—124. [До 1900 года. Не полно].

229. *Кузьминскій, Конст.* Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій. Его жизнь и творчество. М. Стр. 14, 28.

230. *Ягичъ, И. В.* Исторія славянской филологіи. Въ «Энциклопедіи славянской филологіи». Изд. Отд. русск. языка и словесности И. Акад. Наукъ. Спб. См. Указатель.

1911 г.

231. *Ашевскій, С.* Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб. См. Указатель.

232. *Быковъ, П. В.* Л. А. Мей. Критико-біографич. очеркъ при полн. собр. соч. Мея, изд. «Нивы». Спб. Стр. 13, 15—17, 20, 31.

233. *Полянская, А. Г.* Къ біографіи Л. А. Мея (семейная хроника). РСт, май, стр. 355; іюнь, стр. 78.

1912 г.

234. *Лернеръ, Н.* А. А. Григорьевъ. Ист. русск. литературы. Изд. «Міръ». М. Т. II, стр. 269—279.

235. *Patouillet, I.* Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. Paris. 2-e édition. См. Указатель.

236. *Трубицынъ, Н.* О народной поэзіи. Спб. Стр. 58, 541, 544.

1913 г.

237. *Владиславлевъ, И. В.* Русскіе писатели XIX—XX ст. 2-ое переработан. и доп. изд. М. См. Указатель.

238. *Лишина, Г. О.* (рожденная баронесса Велio). Воспоминанія. Вольскъ, стр. 17.

239. *Пиксановъ, Н. К.* Оцѣнка «Горя отъ ума» въ литературной критикѣ. Въ Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова. Изд. разряда изящн. слов. И. Акад. Наукъ. Спб. Т. II, стр. 324—326.

240. *Розановъ, В. В.* Литературные изгнанники. Спб. Т. I, стр. 56—58, 60, 240, 344.

241. *Сѣрова, В. С.* А. Н. Сѣровъ. Воспоминанія. РМ, янв., стр. 146—148; февр., стр. 103—105; мартъ, стр. 28. См. также 247.

242. *Боборыкинъ, П.* За полвѣка, ГМ, февр., стр. 191, 196; мартъ, стр. 195—198, 201.

243. *Долговъ, Н.* Забытый критикъ. «РѢчь», № 351, 23 дек.

1914 г.

244. *Битовтъ, Юрій.* Каталогъ библіотеки К. М. Соловьева. М. Стр. 165.

245. *Mazon, André.* Un maitre du roman russe Ivan Gontcharov. Paris (VI°). Стр. 155—156.

246. *Розановъ, И. Н.* Отзвуки Лермонтова. I. Отголоски критики Лермонтова. Статья въ юбилейномъ сборникѣ «Вѣнокъ Лермонтову». Изд. Т-ва В. В. Думновъ. М. Стр. 252—255.

247. *Сѣрова, В. А.* Сѣровы, А. Н. и В. А. Воспоминанія. Спб. Стр. 47—48, 86—87, 114. См. также 241.

248. Толстовскій Музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894. Спб. См. Указатель.

249. *Каллашъ, Вл.* Аполлонъ Григорьевъ о Петрашевскомъ. ГМ, февр., стр. 199—201.

250. *Спиридоновъ, В.* Тарасъ Шевченко и національный вопросъ въ пониманіи Ап. Григорьева. «Вятская РѢчь», 25 и 26 февр.

251. *Пеликанъ, А. А.* Во второй половинѣ XIX вѣка. ГМ, мартъ, стр. 185.

252. *Носковъ, Ник.* Талантливый неудачникъ (къ 50-лѣтію со дня смерти А. Григорьева). «Пробужденіе», № 17, 1 сент. Съ портретомъ.

253. [Замѣтка о засѣданіи въ Общ. имени А. Н. Островскаго—докладъ, посв. А. А. Григорьеву]. «РѢчь», № 257, 24 сент.

254. 50-лѣтіе смерти А. А. Григорьева [Хроник. замѣтка]. БВѣд., № 14394, 25 сент.

255. *П., К.* Памяти Аполлона Григорьева. «Вечернее Время», № 888, 25 сент.

256. *Гиппіусъ, Владиміръ.* Аполлонъ Григорьевъ (къ полувѣковой годовщинѣ смерти). «День», № 260, 25 сент.

257. *Спиридоновъ, Василій.* Аполлонъ Григорьевъ и національный вопросъ. «День», № 260, 25 сент.

258. *Сѣдой.* Дневникъ Журналиста. «Аполлонъ Григорьевъ». «Одесскія Новости», № 9483, 25 сент.

259. *Энъ.* «Неистовый Аполлонъ». РВѣд. № 220, 25 сент.

260. *Долговъ, Н.* Аполлонъ Григорьевъ, († 25 сентября 1864 г.), «РѢчь», № 258, 25 сент. Тоже: «Совр. Слово», № 2407.

261. *Штейнъ, Сергѣй, фонъ-.* Одна изъ нашихъ культурныхъ недоимокъ. Спб. Вѣд., № 216, 25 сент.

262. *Спиридоновъ, В.* Аполлонъ Григорьевъ. «Вятская РѢчь», 26 сент.

263. *Розановъ, В.* Къ 50-лѣтію кончины Ап. А. Григорьева. НВр., № 13844, 26 сент.

264. *Вѣтринскій, Ч.* Аполлонъ Григорьевъ Къ пятидесятилѣтію смерти. ВЕ, сент., стр. 315—326.

265. *Ашевскій, С.* Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ († 25 сентября 1864 г.). ГМ, сент., стр. 5—38.

266. *Негоревъ, Н.* А. Григорьевъ и его взгляды на искусство. «Театръ и Искусство», № 39, стр. 778—781.

267. *Александровъ, Анатолій.* Критическія замѣтки. Аполлонъ Григорьевъ. М. ВѢд., № 236, 11 окт., и № 282, 18 окт.

268. *Спиридоновъ, Василій.* Аполлонъ Григорьевъ. (Къ 50-лѣтію со дня смерти). СВРМ, окт., стр. 245—264.

269. *Гроссманъ, Леонидъ.* Основатель новой критики. РМ, ноябрь, стр. 1—19.

270. *Долговъ, Н.* Аполлонъ Григорьевъ и театръ. РМ, ноябрь, стр. 19—30.

271. *Гиппіусъ, Василій.* Узкій путь. (Кн. В. Ѳ. Одоевскій и романтизмъ). РМ, дек., стр. 9, 11 и 22.

272. *Долговъ, Н.* Ап. Григорьевъ, какъ театральный рецензентъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ», вып. V, стр. 80—96.

273. *Жаковъ, К.* Три идеи въ русской философіи. «СѢв. Гусляръ», № 6, стр. 1—16.

274. *Княжнинъ, Влад.* О нашемъ современникѣ — Аполлонѣ Александровичѣ Григорьевѣ (1822—1864—1914). «Любовь къ тремъ апельсинамъ», № 4—5, стр. 81—83.

275. *Пишъ, Б.* Трагическій одиночка «Новый журналъ для всѣхъ», № IV.

1915 г.

276. *Гершензонъ, М. О.* Записка Н. М. Орлова. («По просьбѣ Григорьева»). Русскіе Пропилеи. М. Т. I., стр. 210—217.

277. *Лисовскій, Н. М.* Библіографія русской періодической печати. Птрг. См. Указатель.

278. *Русовъ, Н. Н.* Предисловіе къ изданію «Универсальной библіотеки»: Аполлонъ Григорьевъ. Великій трагикъ. М., стр. 3—6.

279. *Соловьевъ, С. М.* Записки. Спб. Стр. 112. См. также 219.

280. *Федина, В. С.* А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Птрг. Стр. 7, 11—12, 25.

281. *Гросманъ, Л.* Чары Италіи. »Одесскій Листокъ», № 139, 23 мая.

282. *Сакулинъ, П. Н.* Ист.-лит. бесѣды. «Органическое міровоспріятіе. ВЕ іюнь, стр. 95—112.

283. *Княжнинъ, Влад.* Неизвѣстная статья К. Н. Леонтьева [Н. Константинова]: «Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ» (письмо къ Ник. Ник. Страхову). РМ, сент., стр. 108—124. Рец:

284. *Александровъ, Анатолій.* Критическія замѣтки. Интересная находка. МВѢд., № 278, 3 дек.

285. *Н—въ, Ник.* Изъ «послужнаго списка» литератора. «Голосъ», № 3, 3 ноября.

286. *Васильевъ, Николай.* Поэтъ неудачникъ. МВѢд., № 283, 9 ноября.

287. *Александровъ, Анатолій.* Критическія замѣтки. Основанія органической критики. МВѢд., № 290, 17 дек.

288. *Эф., Н.* Первый русскій отзывъ о Сальвини. РВѢд., № 294, 23 дек.

289. *Блокъ, А. А.* Судьба Аполлона Григорьева. Вступительная статья къ изд. К. Ф. Некрасова: «Аполлонъ Григорьевъ. Стихотворенія». М. Стр. I—XL. Рец.:

290. *Айхенвальдъ, Ю.* Стихотворенія Аполлона Григорьева. «Рѣчь», № 316, 16 ноября.

291. *В., Н.* Забвенный. «Голосъ», № 31, 1 дек.

292. *Перцовъ, П.* Поэзія критика. НВр., № 14282, 12 дек.

293. *Бродскій, Н.*, РВѢд. 1916, № 9, 13 янв.

294. *Пястъ, В.* Поэтъ о критикѣ. «День» 1916, № 13, 14 янв.
295. *Ч. В — скій.* ВЕ 1916, янв., стр. 447—450.
296. *Крючковъ, Дмитрій.* Новый поэтъ. «Лукоморье» 1916, № 8, 20 февр.
297. *Жирмунскій, В.* «Сѣв. Зап.» 1916, февр., стр. 224—226.
298. *Княжнинъ, Влад.* Аполлонъ Григорьевъ—поэтъ. РМ 1916, май, стр. 17—23.
299. *Розановъ, Ив.* Аполлонъ Григорьевъ. ГМ 1916, май-іюнь, стр. 430—432.
300. *Сухотинъ, Павелъ.* Аполлонъ Григорьевъ. Послѣсловіе къ книгѣ: «А. Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчельства». М. 1915. Рец.:
301. *Л., Н.* «Рѣчь» 1915, № 162.
302. *Княжнинъ, Влад.*, РМ, іюль Критич. обозр., стр. 5—7.
303. *В—скій, Ч.* ВЕ, авг., стр. 410—411.
304. *Саводникъ, В. Ф.* Біографич. очеркъ А. А. Григорьевъ; при 1-омъ вып. Собр. соч. Вып. I—XIV. Рец.:
305. ВЕ, апр., стр. 408—410.
306. *Розановъ, В.* Дорогая книжная новинка. НВр., № 14050, 24 апр.
307. *Савиничъ, Б.* «Утро Россіи», № 58.
308. *Саховскій, Вас.* «Голосъ Москвы», № 127.
309. *Эпъ.* РВѢд., № 162.
310. *В—скій, Ч.* «Нижегородскій Листокъ»,№ 139.
311. *Владичъ.* Литературное наслѣдіе критика - націоналиста. «Голосъ Руси», № 514, 18 іюня.
312. *Айхенвальдъ, Ю.* Воскресающій писатель. «Рѣчь», № 176, 29 іюня.
313. *Переверзевъ, В. Ѳ.* «Совр. Міръ», № 6, стр. 199.
314. *Кн., Вл.* «Сѣв. Записки», май—іюнь, стр. 262—263.
315. *Княжнинъ, Влад.* РМ, іюль, стр. 5—7.
316. *Я., В.* РСт, окт., на обложкѣ.
317. *Бродскій, Н.* РВѢд. 1916, №9,13 янв.
318. *Ветлугинъ, В.* [В. В. Розановъ]. Къ выходу сочиненій А. Григорьева. «Колоколъ» 1916, № 2935, 26 февр.
319. *Мендельсонъ, Н. М.* ГМ 1916, дек., стр. 239—243.

1916 г.

320. *Бертенсонъ, Сергѣй.* Дѣдъ русской сцены. О жизни и дѣятельности Ивана Ивановича Сосницкаго. Птрг. См. Указатель.
321. *Русовъ, Н. Н.* Аполлонъ Григорьевъ въ началѣ своей литературной дѣятельности. Вступительная статья къ изданію «Универсальной Библіотеки»: Аполлонъ Григорьевъ. Человѣкъ будущаго и др. разсказы. М. 1916, стр. 3—36.
322. *Садовской, Борисъ.* Ледоходъ. Статьи и замѣтки. Птрг. 1916. См. Указатель.
323. *Круковскій, Адр.* Забытые критики (къ 50-лѣтію смерти А. В. Дружинина и Ап. А. Григорьева). «Русск. Филологич. Вѣстн.» [Москва], №1—2, стр. 65—98. См. также отд. оттискъ.
324. *Княжнинъ, Влад.* Неизданныя и малоизвѣстныя стихотворенія Ап. Григорьева. РМ, май, стр. 130—135.
325. *Смольяниновъ, И. Б.* Литературныя замѣтки. Поэзія кручины и страсти. ИВ, сент., стр. 703—712.
326. *Евгеньевъ, В.* Некрасовъ и люди 40-хъ г.г. ГМ, № 10, стр. 92—93.

1917 г.

327. *Княжнинъ, Влад.* Аполлонъ Григорьевъ и цыганы. «Столица и усадьба», № 73, 5 янв., стр. 21—23.

Безъ года.

328. *Случевскій, К. К.* Одна изъ встрѣчъ съ Тургеневымъ. Въ кн. «Новыя повѣсти», изд. П. Сойкина. Спб. Стр. 97—98.

Дополненія къ письмамъ.

131. КСЕНОФОНТУ ТИМОФѢЕВИЧУ N.

[1845 г. Петербургъ].

Почтеннѣйшій и благороднѣйшій

Ксенофонтъ Тимофеевичъ!

Благодарю Васъ за Ваше благородное участіе, за трудъ, который Вы такъ безвозмездно на себя принимаете—и, право, больше не найдусь, что сказать Вамъ. Что я Васъ уважаю, какъ единственнаго человѣка, въ которомъ опытность не охладила святаго чувства—это Вы давно знаете. Изустно просилъ я Васъ, и прошу еще письменно, что бы Вы, мой добрый адвокатъ, поселили надежду въ моего отца. Право, оба они, т. е. и отецъ мой, и мать моя, стоили бы лучшей участи и лучшаго сына. Скажите, что я вполнѣ сознаю себя виноватымъ, что я думаю почти только о нихъ.

О моей страсти или о моемъ пунктѣ помѣшательства, прошу Васъ,—ни слова, но если бы, паче чаянія, старикъ самъ заговорилъ объ этомъ, то скажите, что теперь сознаніе долга во мнѣ выше всякой страсти. Въ случаѣ подобнаго разговора скажите, впрочемъ, что объ этой женщинѣ отзывался я всегда съ безконечнымъ уваженіемъ, что по моимъ де разсказамъ она не подавала мнѣ даже и малѣйшаго повода къ какимъ бы то ни было надеждамъ....

Еще—ни слова объ моей драмѣ, которую я пишу, потому что это еще въ будущемъ.

Прощайте... Дай Богъ Вамъ всего, всего лучшаго!

Вашъ *Григорьевъ*.

NB. Дневникъ мой остается у васъ—и навсегда, какъ памятникъ моей полной довѣренности къ Вамъ. Еще разъ желаю вамъ всего лучшаго, т. е. всего, чего можно пожелать отцу семейства.

Au revoir!

132. ОТЦУ (А. И. ГРИГОРЬЕВУ.).

23 іюля 1846 г. [Петербургъ.].

Дражайшій Папинька!

Свиданіе съ добрымъ Ксенофонтомъ Тимофеичемъ, который привезъ мнѣ вѣсти о Васъ и отъ Васъ, убѣдило меня въ той крайне грустной истинѣ, что Вы не хотите понять меня, не хотите потому, что не рѣшаетесь выслушать меня серьезно, что слишкомъ легко смотрите на многое, что я уже нѣсколько разъ Вамъ высказывалъ. Простите меня... но это такъ!

Ксенофонтъ Тимофеичъ, какъ и Вы же, вовсе не способенъ къ наставительной роли, но между тѣмъ изъ немногихъ его словъ я могъ заключить, что Вы меня любите по прежнему—и между тѣмъ обвиняете.

Не оправдывать себя я хочу—ибо, право, я самъ сознаю вполнѣ, что виноватъ передъ Вами,—но ради Бога выслушайте же меня серьезнѣе:

1) Связь моя съ Милановскимъ дѣйствительно слишкомъ много повредила мнѣ въ матеріальномъ отношеніи, но вовсе уже не была же такъ чудовищна, какъ благовѣститъ объ этомъ Москва на основаніи словъ Калайдовича и тому подобныхъ господъ. Лучшее доказательство—что многіе и слишкомъ даже многіе порядочные люди состоятъ со мною въ отношеніяхъ вполнѣ дружественныхъ. Москва, какъ это мнѣ извѣстно изъ одного письма Погодина, разсказывала, что я—пью горькую и что у меня—раны на головѣ, а между тѣмъ—я здоровъ и живъ и трезвъ по обыкновенію. Тяжело мнѣ расплачиваться за эту связь только матеріально, ибо, какъ я писалъ Вамъ съ Дмитріемъ Калошинымъ, я взялъ на себя (давно еще) долгъ этаго мерзавца. Но, Богъ милостивъ, авось, я стрясу съ шеи печальныя послѣдствія неосторожной довѣрчивости. Одно, за что я обвиняю себя вполнѣ, это то, что Вы уѣхали не простясь со мною, но, во-первыхъ, вспомните мое фанатическое тогдашнее ослѣпленіе, а во вторыхъ, я отъ души просилъ Васъ простить меня за это. Дѣло то въ томъ, что запутанный этимъ гнуснымъ человѣкомъ, я не могъ тогда поступить иначе. Связь же моя съ нимъ и ослѣпленіе зависѣли слишкомъ много отъ моей болѣзненной разстроенности. Ксенофонтъ Тимофеичъ узналъ меня вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, и онъ можетъ засвидѣтельствовать, что мое нравственное состояніе было слишкомъ грустно. Да и Вы сами, немного посерьезнѣе взглянувши на мой несчастный характеръ, поймете, что я черезъ чуръ способенъ къ отчаянью, не только ужъ къ тоскѣ и хандрѣ: тосковать и хандрить я началъ, право, чуть ли не съ 14 лѣтъ. Вы скажете, можетъ быть, что это—блажь; положимъ, но во всякомъ случаѣ это болѣзнь. Я уѣхалъ... т. е., я хотѣлъ сказать, бѣжалъ изъ Москвы—ужъ конечно не отъ долговъ, которые все таки не превышали годоваго оклада моего жалованья и не отъ разстройства служебныхъ дѣлъ, которое было бы очень легко поправить: нѣтъ! здѣсь были другія причины, разумѣется—и вотъ они: 1) Мнѣ стало несносно—простите за прямоту и наготу выраженій—мнѣ стало несносно жить ребенкомъ (вспомните только утреннія головочесанія, посыланія за мною по вечерамъ къ Крыловымъ Ванекъ, Ивановъ и сцены за лишній высиженный

часъ), мнѣ стало гадко притворствовать передъ разнымъ людомъ и увѣрять, что я занимаюсь разными правами, когда пишу стихи, мнѣ стало постыдно выносить чьи бы то ни было наставленія. Все терзало меня, все — даже Вы, котораго мнѣ такъ жарко хотѣлось любить. Мнѣ не забыть одной, повидимому мелочной сцены: ко мнѣ пришелъ Кавелинъ, человѣкъ, съ которымъ я хотѣлъ быть по крайней мѣрѣ—равнымъ; мы сошли съ нимъ въ залу. Вы вышли и стали благодарить его за знакомство со мною. О Господи! вѣрите ли Вы, что и теперь даже, при воспоминаніи объ этомъ, мнѣ дѣлается тяжело; спросите у Дяди, какое впечатлѣніе это на меня сдѣлало. Ясно, что это происходило отъ любви Вашей ко мнѣ, но зачѣмъ же Вы не щадили моей раздражительной гордости? 2) Любопытно бы мнѣ знать тоже, какъ Вы смотрѣли и смотрите на мою страсть къ А—Ѣ Коршъ, на мою первую и, можетъ быть, единственную страсть. И я и она, мы оба были равны лѣтами, общественнымъ положеніемъ, даже состояніемъ; столько же, какъ и какой нибудь Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, имѣлъ бы я право надѣяться. А у меня не было надеждъ; ребенокъ, которому чесали голову, я однако былъ столько благороденъ, что бы отречься отъ всякихъ надеждъ. Да и на что мнѣ было надѣяться? Кавелинъ, правда, не былъ выше меня ни положеніемъ, ни даже состояніемъ, но онъ былъ почти свободенъ—а я?.. Вы невиноваты въ этомъ: виновата судьба, но тѣмъ не менѣе мои лучшія, мои благороднѣйшія впечатлѣнія были отравлены... И что же вышло изъ этаго? Хотя бы въ жертву Вашему счастью могъ я принести свое счастье! но могъ ли я? посудите сами. Я блѣднѣлъ и худѣлъ ежеминутно,—я какъ съумасшедшій метался по постели, возвращаясь оттуда, при мысли, что она будетъ женою другаго... но я бы скорѣе вырвалъ себѣ языкъ, чѣмъ позволилъ бы себѣ сказать хоть одно слово ей, хоть одно слово вамъ... Боже мой! и теперь, когда я пишу къ Вамъ это письмо, когда я подымаю со дна души всю осѣвшую давно желчь, и теперь плачу какъ ребенокъ. Скверно, смѣшно, а это такъ, и пусть мой ропотъ—горькое проклятіе на такъ называемое провидѣніе, я не боюсь гнѣва этаго провидѣнія, я ему немолюсь, я его проклинаю потому, что оно ровно ничего для меня не сдѣлало. Простите меня, можетъ быть я оскорбляю Васъ этимъ Богохульствомъ, но дайте мнѣ хоть одинъ разъ говорить съ Вами, какъ съ человѣкомъ. Душа моя больна до сихъ поръ... ни въ безумствахъ разврата, ни въ любви женщинъ, которыхъ я напрасно пытался любить, мнѣ не удалось найти забвенія... И Вы, будете ли Вы въ состояніи, какъ человѣкъ, какъ отецъ винить меня за этотъ развратъ?... Человѣку, у котораго отравлена жизнь, остается только ловить минуты. Что мнѣ въ моемъ будущемъ, въ моей извѣстности, въ моей, можетъ быть, будущей славѣ?... Не знаю—любила ли меня эта женщина, говорю искренно, не знаю, ибо я слишкомъ глубоко и свято любилъ ее, что бъ говорить о своей любви... но если я живу до сихъ поръ, если изъ меня что нибудь будетъ, виною этому мысль о ней. Для нея—я хотѣлъ быть выше многихъ и равнымъ со всѣми. Этой цѣли я достигаю. Голова ея мужа склоняется передъ многими,—моя голова ни передъ кѣмъ не склоняется.

Страшнымъ безумствомъ покажутся Вамъ эти строки, но они пояснятъ Вамъ, отъ чего я бѣжалъ изъ Москвы и отъ чего я не могу пріѣхать въ Москву. Да не будутъ они Вамъ упрекомъ—нѣтъ: Вы меня любили, за что же я буду упрекать Васъ? нѣтъ, пусть они заставятъ Васъ только пожалѣть

немного о Вашемъ бѣдномъ сынѣ, лишенномъ даже возможности вѣрить во что нибудь.

Да и во что вѣрить?.. О! если бы я могъ возвратить вѣру въ Васъ, если бы Вы могли возвратить вѣру въ меня... Но долго, долго ждать этаго возврата—надо мною отяготѣли слѣдствія моихъ неосторожныхъ глупостей и когда то еще я отстраню эти слѣдствія! въ душѣ—жажда привязанности, жажда спасенія, а кругомъ все такъ пусто и, съ позволенія сказать, подло. Да—подло! Я, напримѣръ, имѣлъ пошлую глупость привязаться къ старому дураку Варламову и еще горшую глупость отказаться отъ весьма здороваго и дешеваго удовольствія и за это меня сдѣлали извергомъ, чуть не каторжникомъ, и разные добрые люди, въ родѣ Межевича, при явной невозможности повѣрить даже сплетнямъ, отъ меня отступились. Фуй! какъ же какъ не подлостью прикажете называть эти вещи?

А Вы, которому я хотѣлъ бы въ замѣну Бога, передавать все, Вы такъ же смѣялись надъ моимъ рыцарствомъ.

Все это, со включеніемъ того, что вещи, достающіяся потомъ и кровью, нужно иногда продавать за 10 цѣлковыхъ, удивительно весело и удивительно способно наполнить душу вѣрою!... Я одинъ, совершенно одинъ, ибо не могу же считать привязанностями привычку видѣться со многими порядочными и благородными людьми: съ какою бы радостью полетѣлъ бы я теперь къ Вамъ съ тѣмъ, что бы посвятить Вамъ однимъ мою жизнь... но это невозможно. Въ Москвѣ ждетъ меня одно: униженіе—и лучше самоубійство, чѣмъ униженіе въ глазахъ единственной женщины, которую любилъ я искренно... О, поймите это—и простите меня.

Я хотѣлъ оставить Петербургъ, потому что былъ взбѣшенъ подлостью всего меня окружающаго, но это несбылось—и прекрасно! Я нашелъ кругъ людей, равныхъ себѣ, не много холодныхъ можетъ быть, но независимыхъ и свободныхъ, какъ я. Пусть нѣтъ у меня въ тяжелыя минуты жизни ни однаго сердца, которому мнѣ не стыдно было бы высказаться—видно ужъ суждено пить эту чашу одинокой, безрадостной жизни.

Простите меня, Папинька, и лучше пожалѣйте обо мнѣ, ибо только Вашего сожалѣнія не буду я стыдиться. Вѣрьте, что тяжелъ, иногда не по плечамъ тяжелъ крестъ моей жизни.

Цѣлую руки Ваши и руки Маменьки—благословите меня!

1846 года.
Іюля 23.

---

133. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

[Мартъ? 1852 г. Москва.]

Теперь уже я прошу Васъ, достопочтеннѣйшій Михайло Петровичъ, дать мнѣ просторъ и свободу. Я расписался съ такою любовью къ дѣлу, что оборвать статью не хотѣлъ бы, разбивать ее на части тоже считаю для нее и для журнала не выгоднымъ. Къ понедѣльнику я напишу ее всю. Понедѣльникъ, вторникъ, среда остаются для статьи о Ревизорѣ [?].

Приписывая разговоръ нашъ послѣдній простому недоразумѣнію, моей собственной неловкости и вашему дѣйствительно болѣзненному душевному состоянію,—я прошу у васъ аудіэнціи на часъ времени во вторникъ по утру. При чемъ прошу Васъ извинить меня за настойчивость съ одной стороны и неловкость съ другой.

---

134. НИКОЛАЮ ѲЕДОРОВИЧУ ЩЕРБИНѢ.

[6 апрѣля 1852 г. Москва].

Николай Ѳедоровичь! Во вторникъ, т. е. послѣ завтра, я уѣзжаю въ Петербургъ, а завтра, т. е. въ понедѣльникъ, всѣ друзья мои прощаются со мною у меня. Жду и Васъ.

Григорьевъ.

Воскресенье, вечеромъ.

---

135. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

1 мая [1857 г. Москва].

Вы просто человѣкъ безъ правилъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичь: можно ли звать къ себѣ въ 8 часовъ утра благомыслящаго гражданина, который возстаетъ съ ложа сна обыкновенно не ранѣе 11? Явиться къ Вамъ—явлюсь; но, какъ прилично истинному сыну отечества, явлюсь часу въ первомъ пополудни: хотите зрѣть меня у себя, такъ сидите дома въ это время. Я собирался посѣтить завтра вашу пустыню, и не ожидая Вашего зва; тѣмъ лучше, что онъ столкнулся такъ дружно съ Вашимъ желаніемъ.

Вашъ *Григорьевъ.*

Среда. 1 мая.

Примѣчанія.

«ЛИСТКИ ИЗЪ РУКОПИСИ СКИТАЮЩАГОСЯ СОФИСТА».

Рук. ПД, автографъ. Къ какому времени относятся описываемыя въ рукописи событія? Мы присутствуемъ при развязкѣ драмы. Стало быть, это самый конецъ 1843 г. и первые два мѣсяца 1844 г. Изъ архивн. дѣла Совѣта Моск. унив. 1844 г. объ увольненіи секретаря Григорьева (см. Приложенія) видно, что на слѣдующій день, послѣ защиты Кавелинымъ диссертаціи (24 февраля) на магистра гражданскаго права, Григорьевъ подалъ прошеніе ректору объ отпускѣ въ Спб. Будущность Кавелина была обезпечена, отпало важное препятствіе къ браку, и 27 февраля, въ пять часовъ дня, Григорьевъ оставилъ Москву, уступивъ поле битвы счастливому сопернику. Съ другой стороны, надлежитъ обратиться къ разсказу Григорьева: «Мое знакомство съ Виталинымъ». Во второй главѣ («Записки Виталина») подъ 31-мъ декабря мы встрѣчаемъ слѣдующую тираду:

«Руки твои горячи, а сердце холодно»,—говорила мнѣ сегодня одна женщина—и я ей вѣрю. Въ самомъ дѣлѣ, рано начавшаяся жизнь мысли состарила мое сердце. Давно просвѣщенный воображеніемъ, я внесъ въ дѣйствительность одно утомленіе и скуку...

«Я пошелъ съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ на вечеръ къ нимъ, и это чувство оправдалось. Антонія встрѣтила меня вопросомъ: отчего со мною нѣтъ Валдайскаго? Я принужденъ былъ солгать, потому что нельзя же было сказать настоящей причины того, что я не звалъ его съ собою... А настоящая то причина гадка, да, гадка, потому что это—ревность!..» и т. д. (Цитир. по изд. «Универсальной Библіотеки»: Ап. Григорьевъ «Человѣкъ будущаго» и др. разсказы. М. 1916. Стр. 127—128).

Дата «31-е декабря» вовсе не фантастическая. Событія послѣдующихъ страницъ «Записокъ Виталина» идутъ въ полномъ соотвѣтствіи съ «Листками изъ рукописи скитающагося софиста». Чтобы доказать, что «Записки» есть изводъ «Листковъ изъ рукописи», достаточно сличить оба текста: не только послѣдовательность событій, но цѣлый рядъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій совершенно совпадаютъ. Разница лишь въ одномъ: «Записки», какъ беллетристическое произведеніе, въ силу требованій выразительности, сконцентрированнѣе. Что событія въ «Листкахъ» начинаются кануномъ новаго года, подтверждается сло-

вами XXII главы: «Ужинъ былъ для меня еще невыносимѣе, чѣмъ у M-me Korsch наканунѣ новаго года» (04,30–31) [1]).

Эти обстоятельства съ несомнѣнностью указываютъ на то, что свои Дневники Григорьевъ использовалъ для своихъ разсказовъ, которые онъ печаталъ въ РП 1845—1846 гг. («Человѣкъ будущаго», «Мое знакомство съ Виталинымъ»), использовалъ съ незначительными видоизмѣненіями, выразившимися исключительно въ нѣкоторыхъ сокращеніяхъ да въ замѣнѣ подлинныхъ фамилій вымышленными. Антонина Ѳедоровна превратилась въ Антонію, Крыловъ—въ Никиту Степановича Старскаго, Кавелинъ—въ Валдайскаго. Возможно, что первыя 19 главъ рукописи содержали въ себѣ то, что въ «Запискахъ Виталина» разсказано на протяженіи отъ 15 апр. до 10 окт. Характерно и то, что IV-я глава перваго разсказа Григорьева—«Человѣкъ будущаго»—носитъ названіе «Записки софиста», однако автобіографическій смыслъ ея остается пока загадкой.

Итакъ, романъ между Григорьевымъ и Антониной Ѳедоровной Коршъ начался въ апр. 1843 г. и завершился въ концѣ февр. 1844 г. Когда же Григорьевъ писалъ свои «Листки»: день за днемъ, вслѣдъ за событіями, или же послѣ, когда драма уже завершилась и занавѣсъ опустился? Здѣсь возможны лишь одни предположенія. Судя по тому, что, вмѣсто обычныхъ хронологическихъ датировокъ въ дневникахъ, рукопись разбита на главы, она могла быть написана послѣ всего происшедшаго. Тѣмъ болѣе, что, какъ показываютъ послѣднія фразы Дневника (такъ самъ Григорьевъ называетъ свою рукопись въ письмѣ къ Ксенофонту Тимофѣевичу. См. Дополненія къ письмамъ: Письмо 131): «все кончено—передо мною мелькаютъ лѣсъ да небо... Теперь 9 часовъ. Домашняя драма уже развертывается»,—онѣ должны быть писаны въ дорогѣ. Но врядъ ли въ тогдашнее время можно было ѣздить съ такими удобствами, чтобы писать во время пути. Кромѣ того, вся рукопись писана, хотя и плохоразборчивымъ, но довольно ровнымъ почеркомъ и одинаковыми чернилами. Это наводитъ на мысль, что Дневникъ появился послѣ всего случившагося въ Москвѣ (самое заглавіе указываетъ на это—Григорьевъ уже «скитающійся» софистъ), даже, быть можетъ, копіей или варіантомъ другого. Или, наоборотъ, послужилъ оригиналомъ для «Записокъ Виталина», ибо въ смыслѣ литературной обработки послѣднія выше.

«Листки изъ рукописи скитающагося софиста», окончательно порываютъ съ областью всякихъ догадокъ въ вопросѣ о первой любви Григорьева, любви, наложившей отпечатокъ на всю его послѣдующую жизнь.

Собственно въ область отношеній къ Антонинѣ Ѳедоровнѣ Коршъ Григорьевъ вступилъ уже достаточно экзальтированнымъ предыдущей, темной пока для изслѣдователя исторіей. Она сохранилась лишь въ передачахъ: въ разсказѣ Григорьева «Офелія» и поэмѣ Фета «Студентъ». Намеки на эту исторію любви къ «крестовой сестрѣ Лизѣ» [?] находятся и въ «Листкахъ изъ рукописи», въ словахъ: «Если я спасъ его для жизни и искусства» и т. д. (013,13). Слова эти совершенно совпадаютъ со смысломъ заключительной главы разсказа «Офелія». Ср. также стих. Григорьева: «Е. С. Р.» и «Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ».

---

[1]) Первая цифра—стр., вторыя—строки наст. изд.

Но въ исторіи съ Лизой главная роль выпала на долю Фета. Григорьевъ устранился сознательно; Фета онъ не считалъ своимъ соперникомъ. Иное произошло, когда Григорьевъ полюбилъ А. Ѳ. Коршъ. Тамъ онъ «спасалъ» Фета, здѣсь пришлось спасаться самому. Неудача въ любви вызвала бѣгство изъ Москвы. Жизнь въ Спб., лицомъ къ лицу съ «рокомъ», привела хотя и къ новому жизненному опыту, но и къ новымъ пораженіямъ въ борьбѣ. Слѣдствіемъ же возвращенія въ Москву явился неудачный бракъ съ младшею сестрой Антонины Ѳедоровны, Лидіей. Такимъ образомъ, эта любовь сыграла весьма важную роль въ жизни писателя.

А. Ѳ. Коршъ (ум. 29 сент. 1879 г. въ Спб.) принадлежала къ числу сочленовъ той обширной московской семьи Коршъ, нѣкоторые представители которой, какъ академикъ Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ и его отецъ и дядя, Евгеній и Валентинъ Ѳедоровичи, оставили по себѣ добрую память въ исторіи русской науки и журналистики. Родоначальникомъ этой семьи былъ заслуженный московскій докторъ Ѳедоръ Адамовичъ Коршъ (р. 15 іюня 1776, ум. 3 ноября 1837). Антонина Ѳедоровна родилась отъ второй жены его, Софьи Григорьевны (р. 1799, ум. 1871). Знакомство съ Аполлономъ Григорьевымъ произошло, повидимому, въ 1842 г., когда деканъ юридическаго факультета Московскаго университета, знаменитый Никита Ивановичъ Крыловъ, женился на одной изъ Коршъ—Любови Ѳедоровнѣ (еще одна дочь—Софья Ѳед. была замужемъ за московскимъ богачемъ Куманинымъ). Григорьевъ былъ вхожъ къ Крылову; отсюда знакомство съ остальными членами семьи Коршъ.

Софья Григорьевна, по словамъ Фета («Ранніе годы», стр. 156—157. Фета познакомилъ съ Коршами Григорьевъ), «несмотря на крайнюю ограниченность средствъ, умѣла придать своей гостиной и двумъ молодымъ дочерямъ, Антонинѣ и Лидіи, совершенно приличный, чтобы не сказать изящный видъ. Я не видалъ ихъ никогда иначе, какъ въ бѣлыхъ полубальныхъ платьяхъ. Иногда на вечера къ матери пріѣзжала старшая ея дочь, можно сказать, идеальная красавица Куманина. Идеаломъ всѣхъ этихъ дамъ была Консуэлло Жоржъ Зандъ, и всѣ ихъ симпатіи, по крайней мѣрѣ на словахъ, склонялись въ эту сторону. Въ скоромъ времени за вечернимъ чаемъ у нихъ мы стали встрѣчать Конст. Дм. Кавелина, который, состоя едва ли уже не на 4-мъ курсѣ [Фетъ ошибся. Кавелинъ окончилъ университетъ въ 1839 г. Въ маѣ 1842 г. онъ покинулъ Москву и вернулся въ нее лишь въ концѣ 1843 г.], видимо интересовался обществомъ молодыхъ дѣвушекъ. Надо сказать правду, что хотя меньшая далеко уступала старшей въ выраженіи какой-то воздушной граціи и къ тому же, торопясь высказать мысль, нерѣдко заикалась, но обѣ онѣ, прекрасно владѣя новѣйшими языками, отчасти музыкой и, при извѣстномъ свободомысліи, хорошими манерами, могли для молодыхъ людей привлекательными».

Въ 1845 г. Кавелинъ, противъ воли родителей, сдѣлалъ предложеніе А. Ѳ. Коршъ, и 20 авг. этого года состоялась въ подмосковномъ Всесвятскомъ ихъ свадьба.

$0^{2}{}_{30}$. Дядя—Николай Ивановичъ Григорьевъ. См. Приложенія (Родъ Григорьевыхъ).

$0^{3}{}_{8}$. Крюковъ—Дмитрій Львовичъ, проф. Московскаго университета.

$0^{3}{}_{14}$. Брокъ—повидимому, Ѳедоръ Ѳедоровичъ; состоялъ при Хирургической клиникѣ Медицинскаго факультета Моск. университета.

06,10. Листъ былъ въ Москвѣ весною 1843 г.

07,19. Меншиковъ — Арсеній Ивановичъ, адъюнктъ греч. словесности на 1-мъ отдѣленіи Филологич. факультета Моск. унив. въ 1845 г.

08,30. Робертъ — «Робертъ-дьяволъ», опера Мейербера. Въ 1843 г. изъ Спб. прибыла въ Москву нѣмецкая оперная труппа, и пѣвцы Ферзингъ, Бекъ и пѣвица Нейрейтеръ увлекли московское общество исполненіемъ этой оперы, а также «Жидовки» Галеви. Яркія впечатлѣнія отъ «Роберта» нашли выраженіе въ разсказѣ Григорьева «Робертъ-дьяволъ» (1846 г.). Ср. также «Ранніе годы» Фета, стр. 157, 160.

09,19,22. Синдикъ — университетская должность. Синдикъ былъ членомъ унив. Правленія. Въ 1844 г. имъ состоялъ Иванъ Ивановичъ Захаровъ.

09,29. Валентина—В. Ѳед. Корша.

012,15. Стр...—графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, попечитель Моск. учебнаго округа.

012,25. Ап-е—Анна Петровна Меркулова, дочь сенатора. См. ниже.

014,2. Назимовъ — Михаилъ Леонтьевичъ, правитель дѣлъ въ Канцеляріи попечителя Моск. учебнаго округа. Онъ былъ передъ Григорьевымъ секретаремъ унив. Совѣта.

014,6. Сенаторъ—Петръ Кирилловичъ Меркуловъ, тайный совѣтникъ, по 7-му Департаменту Прав. Сената въ Москвѣ. Что знакомый Григорьева-отца сенаторъ былъ Меркуловъ, выясняется изъ сопоставленія текста на стр. 016,2.

016,19. «Оберманнъ»—книга Этьенна де-Сенанкуръ (1770—1846). Въ 1842 г. вышло 3-е изд. съ предисловіемъ Жоржъ Зандъ. Книга эта, говоритъ А. Д. Галаховъ, «читалась нами съ жаднымъ любопытствомъ. Чѣмъ же именно понравилась намъ она? Тѣмъ, что «Оберманнъ» есть типъ печальныхъ, страдающихъ душъ начала XIX вѣка, типъ человѣческой немощи и оцѣпѣненія передъ лицемъ безконечной природы. «Что поставить на мѣсто безконечнаго, чувство котораго живетъ въ душѣ моей и котораго требуетъ моя мысль?» такъ восклицаетъ авторъ или замѣнившій его, придуманный имъ Оберманнъ. Желаніе объять необъятное и невозможность исполнить желаніе породили въ немъ сознаніе человѣческой ничтожности, горькое разочарованіе, суровую механхолію, с к у к у... Послѣдняя была отличительною болѣзнію не одного Оберманна, но и всѣхъ мыслящихъ его современниковъ, и потому книга, о которой идетъ рѣчь, принадлежала къ самымъ истиннымъ твореніямъ эпохи, могла назваться вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ многіе узнавали себя» («П. Н. Кудрявцевъ». РСт 1885, янв., стр. 65).

«МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА».

1,1–3. Воспоминанія А. А. Григорьева «Мои литературныя и нравственныя скитальчества» печатаются по тексту журналовъ «Время» и «Эпоха» съ соблюденіемъ наиболѣе характерныхъ особенностей написанія, въ родѣ: ужь, покамѣсть, жолтый, лишонный, серьозныя и т. д. Не имѣя рукописи, нельзя сказать, совпадаетъ ли въ цѣломъ данный нами текстъ съ подлинникомъ или нѣтъ; однако, съ другой стороны, мы не нашли возможнымъ совершенно

модернизировать его, ограничившись только исправленіемъ явныхъ опечатокъ и сбивчивой, невыдержанной пунктуаціи. Въ журналѣ ВРМ 1862 г., № 11 (ценз. дата: 12 ноября), стр. 5—31, напечатаны вступленіе и первыя 5 главъ «Части первой. Москва» и пр. (стр. 1—25 настоящаго изданія); въ № 12 (ценз. дата: 7 дек.), стр. 378—391,—I и II главы «Дѣтства» (стр. 25—37 наст. изд.); въ журналѣ ЭП 1864 г., № 3 (ценз. дата: 23 апр.), стр. 120—159, напечатаны III—VI главы «Дѣтства» (стр. 37—74 наст. изд.); въ № 5 (ценз. дата: 7 іюля), стр. 144—168,—VII и VIII гл. «Дѣтства» (стр. 74—97 наст. изд.). На этомъ «Скитальчества» обрываются, и самый интересный періодъ жизни Григорьева и жизни русскаго общества начала 40-хъ годовъ, интересный именно въ освѣщеніи Григорьева, остается темнымъ. Отчасти, но только отчасти, пробѣлъ восполняютъ воспоминанія Полонскаго («Мои студенческія воспоминанія») и Фета («Ранніе годы моей жизни»).

2,15. Въ журналѣ РП 1846 г., т. 14-й, кн. 6 (іюнь), Театральная лѣтопись (за май), въ статьѣ «Русскіе театры. Санктпетербургскіе. I. Александрынскій театръ. Бенефисъ г-жи Сосницкой (3-го мая)», принадлежащей, повидимому, Аполлону Григорьеву, хотя и не подписанной имъ, находится слѣдующая тирада, по поводу романа Гюго «Notre Dame de Paris»:

«Эсмеральда, Эсмеральда... Мнѣ помнится то время,—давно прошедшее, глупое, но милое время, — когда этимъ именемъ, съ множествомъ восклицательныхъ знаковъ, испещрены были поля стараго, пергаментнаго Юлія Цезаря «De bello gallico», когда страшная драма отяготѣла до того надъ молодымъ воображеніемъ, что создала для него цѣлый міръ призраковъ, прекрасныхъ и отвратительныхъ, фантастическихъ и колоссальныхъ». (Стр. 79—80).

2,31—32. «Московскій Университетъ послѣ преобразованія 1836 г.». Здѣсь или опечатка или запамятованіе. Нужно — 1835 года. Въ этомъ году 26-го іюля былъ утвержденъ Общій Уставъ Имп. Росс. Университетовъ и постъ попечителя Моск. учебнаго округа занялъ графъ С. Г. Строгановъ, давшій по словамъ Ѳ. И. Буслаева, «почувствовать студентамъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни». Что представлялъ собою Московскій Университетъ до Строганова, см. гл. II «Моихъ воспоминаній» того же Буслаева.

3,7. Повѣсть И. И. Панаева «Литературная тля» (ОтЗ 1843, т. 26). Въ ней, подъ именемъ Кинаревича, выведенъ Вас. Степ. Межевичъ (р. 1814, ум. 1849). Міръ «Песцовъ» и «Межаковъ»—нарицательныя для издателя РП и «Военной галлереи Зимняго Дворца»—Ивана Петровича Песоцкаго (ум. 1849) и Межевича. О нихъ см. «Изъ воспоминаній» В. Р. Зотова (ИВ 1890, февр.).

3,8. Міръ «Александріи», т. е. Александринскаго театра въ Петербургѣ. «Некрасовъ-Перепельскій»—поэтъ Н. А. Некрасовъ, подписывавшійся, въ качествѣ водевелиста, въ 40-хъ гг. псевдонимомъ Н. А. Перепельскій. См. В. Максимовъ «Литературные дебюты Некрасова», вып. I, Спб. 1908.

3,11. «Высокая артистка»—вѣроятно, Вѣра Васильевна Самойлова.

6,37. Къ этой порѣ относится и все дальнѣйшее повѣствованіе Григорьева, доходя такимъ образомъ до 1830—32 гг., ибо въ одинъ изъ указываемыхъ годовъ Григорьевы поселились въ другомъ мѣстѣ Замоскворѣчья, — на Малой Полянкѣ, «въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ церкви въ Наливкахъ» (№ 459

по прежнему счету домовъ, 5-й кварталъ Якиманской части. См. снимокъ). Домъ былъ пріобрѣтенъ «по купчей» на имя матери, Татьяны Андреевны Григорьевой, въ документахъ Московской Городской Думы (1838 г.) именуемой «титулярной совѣтницей». Отъ постоянной повинности освобожденъ, земли подъ домомъ состояло: покосы 5½, застрахованной—178, незастрахованной—787½, оцѣненъ въ 1838 г. по Окладной Книгѣ Московской Городской Думы—13.000 (Квартирныя, Окладныя и иныя книги Московской Городской Думы. Моск. Архивъ Министерства Юстиціи). Домъ былъ пріобрѣтенъ послѣ 1829 г. и не позже 1832 г. Къ сожалѣнію, я не нашелъ въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи квартирныхъ книгъ Якиманской части 1830—31 гг. О дальнѣйшей судьбѣ дома см. Письма 50—51.

11,22—24. Объ отношеніяхъ Ап. Григорьева къ масонству, равно какъ и о московскомъ масонствѣ конца 30-хъ—начала 40-хъ годовъ, ничего неизвѣстно. О поступленіи Григорьева въ «масонскій орденъ» разсказалъ Фетъ («Ранніе годы», стр. 226). Вѣроятно, это самое лицо, принадлежавшее къ ордену и имѣвшее большое вліяніе на Григорьева, выведено имъ въ повѣсти «Другой изъ многихъ» подъ именемъ Александра Николаевича Имеретинова (МГЛ 1847 г.). Нѣкоторыя стихотворенія Григорьева въ книгѣ изданія 1846 года также носятъ несомнѣнный масонскій характеръ («Пѣсня художниковъ», «Не унывайте, не падетъ», «Дружеская пѣсня»).

14,18—15,13. Мать свою, Татьяну Андреевну, Ап. Григорьевъ вывелъ въ въ двухъ разсказахъ: «Офелія» (РП 1845 г., т. 13-й) и «Одинъ изъ многихъ» (ibid., эпизодъ первый—т. 14-й; эпизодъ третій—т. 16-й). Во второмъ сохранилось даже отчество матери. Это—больная женщина, съ чертами лица, искривленнаго всегдашнимъ болѣзненнымъ страданіемъ, съ блѣдными, костлявыми изсохшими руками, постоянно впадающая въ истерики, изводящая слугъ и мучащая сына «отъ безпредѣльной любви къ нему»; по утрамъ она ходитъ въ черномъ демикотоновомъ капотѣ, въ спальномъ чепцѣ. Ср. «Ранніе годы» Фета, стр. 149—150. Она умерла въ 1854 г.

16,18. Перебирая старыя, запыленныя или сырыя заплеснѣвѣлыя квартирныя и иныя книги Московскаго Городового Магистрата 30—40-хъ гг. по Якиманской части, какъ-то трогательно было прочесть такую запись объ уплатѣ оцѣночнаго и окладнаго % за домъ Т. А. Григорьевой: «Мая 11 принято за годъ 1843 = 37 р. 15 к.—2 р. 24 к. Деньги тридцать девять рублей тридцать девять копѣекъ Серебромъ взнесъ и квитанцію за № 342» получилъ [подпись:] Служитель ея Иванъ михайловъ изаниумѣніемъ ево грамотѣ росписался конюхъ михаила службинъ». («Книга Якиманской части на 1843-й годъ. Гласному для збора Городскихъ повинностей». Моск. Архивъ Мин. Юстиціи).

23,9 и 37. Въ 1828 г. 1-е ноября, день Козьмы и Даміана безсеребряниковъ, приходится не на вторникъ, а на четвергъ. Въ 1827 г.—1-е ноября было во вторникъ.

25,5. Сергѣй Ивановичъ, сынъ о. Іоанна священника села Перова, былъ первымъ учителемъ Григорьева. Двухъ другихъ называетъ Фетъ: французагувернера и историка—И. Д. Бѣляева, «хромбѣса» («Ранніе годы», стр. 132, 148). Въ газетѣ «Новости» 1889 г., № 265, отъ 26 сент., въ Хроникерской замѣткѣ о литературныхъ поминкахъ по Григорьевѣ, названъ четвертый: «На сегодняшнія

поминки по Григорьевѣ отозвался престарѣлый учитель покойнаго, Н. Е. Рѣченскій, подготовлявшій его въ учебное заведеніе. 85-лѣтній педагогъ, давно уже выслуживший всѣ сроки, прокармливающійся теперь маленькою пенсіею, со слезами на глазахъ вспоминалъ про своего ученика, повторяя, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ Григорьевѣ таился пытливый умъ и билось доброе, любящее сердце».

29,29. Ср. «Ранніе годы моей жизни» Фета; стр. 149, 225—226.

33,11. «Дядя»—Николай Ивановичъ Григорьевъ. См. «Листки изъ рукописи», Родъ Григорьевыхъ (въ Приложеніяхъ), «Ранніе годы» Фета (стр. 148).

33,31—34. Ср. съ разсказомъ «Одинъ изъ многихъ» (Эпизодъ второй — «Антоша»):

«Вотъ опять передъ нимъ маленькія комнаты въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Москвы—вотъ опять цѣлый однообразно-глупый, страшный день. Ему восьмнадцать лѣтъ, бѣдному малому, а ему каждое утро чешутъ головку костянымъ гребнемъ за догматическимъ чаемъ: ему больно физически, ему больнѣе нравственно,—но костяной гребень все-таки чуть не до крови чешетъ его голову, и льются неумолкающія жалобы изъ устъ больной матери—бѣдная, больная женщина!» (РП 1846, т. 15-й, іюль, стр. 92).

44,9. Въ основномъ текстѣ, вмѣсто «новой науки», стоитъ непонятный эпитетъ «Эловой науки». Вас. С. Спиридоновъ предлагаетъ остроумное чтеніе—«Эоловой науки», отъ слова Эолъ, богъ вѣтра (см. Т. I соч. Ап. А. Григорьева подъ его редакціею, примѣчанія, стр. 278).

45,15. Горацio Косица—Н. Н. Страховъ, писавшій одно время подъ псевдонимомъ Н. Косица.

46,10—14. Рѣчь идетъ объ Евгеніѣ Николаевичѣ Эдельсонѣ, о которомъ Ап. Григорьевъ въ «Посланіи къ друзьямъ моимъ А. О., Е. Э. и Т. Ф.» писалъ:

Хандрить и пьянствовать! Я знаю напередъ,
Что мнѣ по Бенеке опровергать начнетъ
Евгеній Э... печальное ученье
И самъ для вящшаго напьется наставленья.

(Стихотворенія Ап. Г., М. 1916, стр. 152).

50,17—18. Ап. Григорьевъ цитируетъ собственное стихотвореніе — «Цыганскую венгерку» (Стихотворенія Ап. Г., М. 1916, стр. 187—192).

51,13. Донъ Базиліо Педро—Василій Петровичъ Боткинъ. См. Письма Григорьева къ Дружинину и примѣчанія къ нимъ.

51,29. Ученикомъ Григорьева былъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой (р. 1847, ум. 1915). См. письма 1857 г. къ Погодину и Протопоповой.

57,20. В. А. Ушаковъ написалъ повѣсть «Піюша», а не «Висяша», въ которой изображенъ Виссаріонъ Кривошеинъ, или попросту Висяша. См. Ашевскій, «Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ». Спб. 1911, стр. 173—175.

60,35. Дѣйствительно, въ предисловіи къ альманаху «Вѣнокъ Граціи» (на 1829-й годъ, Москва) издатель «сшутилъ». Московская Красавица говоритъ: «иные, остряки, назовутъ [Альманахъ] пожалуй «Вѣникомъ Граціи». См. предисловіе: «Разговоръ издателя съ одной изъ Московскихъ дѣвицъ».

74,20—21. Увлеченіе этими авторами было, повидимому, всеобщимъ. Въ біографіи, составленной для Біографическаго Словаря проф. и преподавателей Имп. Моск. Унив. (М. 1855, ч. II, стр. 231), М. П. Погодинъ, хоть и въ третьемъ лицѣ, пишетъ о себѣ, какъ въ 1810—20-хъ гг. онъ, вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», читалъ и перечитывалъ «всѣ выходившіе въ то время романы Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, любимѣйшаго его писателя, Августа Лафонтена, Коцебу и проч., кои покупалъ самъ въ книжныхъ лавкахъ на Ильинкѣ, и составилъ изъ нихъ многочисленное собраніе».

92,22. Въ 1851 г., разбирая въ МСКВ (№ 14, іюль, кн. 2, стр. 166—174) новый переводъ «Легенды о Монтрозѣ», Григорьевъ писалъ между прочимъ въ своей рецензіи:

«Трудно въ наше время представить себѣ хоть одного читателя, который бы незнакомъ былъ хотя съ нѣкоторыми изъ произведеній великаго Шотландскаго романиста и для котораго эти произведенія не сливались бы во едино съ лучшими впечатлѣніями молодости!» (стр. 166) .... «каждый почти романъ его—цѣлый, самъ въ себѣ замкнутый, полный міръ, съ которымъ вы сживаетесь все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше въ него углубляетесь. Помните ли вы, напримѣръ, этотъ маленькій міръ Шотландскихъ острововъ въ «Морскомъ разбойникѣ» съ мирнымъ бытомъ стараго Лорда Магнуса Труаля ..... и наконецъ несравненный достолюбезный капитанъ Дольджеттъ Друмтваккеръ «Легенды о Монтрозѣ»? (Стр. 167) ..... «Мы не станемъ разсказывать читателямъ содержанія превосходнаго романа: «Легенда о Монтрозѣ». Вѣроятно—однимъ изъ нихъ оно знакомо по французскимъ или нѣмецкимъ переводамъ—большинству по старому русскому переводу, явившемуся въ двадцатыхъ годахъ подъ названіемъ; «Выслужившійся офицеръ или война Монтроза», остальные же наконецъ, вѣроятно, не замедлятъ познакомиться съ новымъ переводомъ. Мы лично—перечли этотъ удивительный романъ чуть ли не въ четвертый разъ—и давно не испытывали такого полнаго наслажденія» (Стр. 168—169). То же самое, почти тѣми же словами, было повторено въ статьѣ: «Западничество въ русской литературѣ» (Соч. I, стр. 525—526).

ПИСЬМА.

1843 г.

1. М. П. Погодину. Б., VIII, 37 [1]). Дат. Б. Въ этомъ же письмѣ, по словамъ Барсукова (со ссылкою на «Письма XIII»), Григорьевъ высказывалъ также желаніе посвятить Погодину, «какъ единому представителю стараго поколѣнія, сочувствующему стремленіямъ поколѣнія новаго», какое-то свое «дѣтище».

---

[1]) Эта ссылка всюду обозначаетъ: Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина»; римская цифра—томъ, арабская—страницу.

1845 г.

2. М. П. Погодину. Б., VIII; 38 — 40. Цдпс. Службу въ Сенатѣ Григорьевъ оставилъ 7 іюля 1845 г. «Половина» романа, напечатанная въ РП 1845 г., «Человѣкъ будущаго», т. X, кн. 6 (іюнь), и «Мое знакомство съ Виталинымъ», т. XI, кн. 8 (августъ). Вторая половина романа появилась лишь въ 1846 г. Слѣдовательно, письмо м. б. отнесено только ко 2-й половинѣ 1845 г. Ценз. дата выхода август. книжки РП—самый конецъ іюля. Съ другой стороны, изъ біографіи Погодина видно, что 7 августа онъ уѣхалъ изъ Москвы въ Остафьево; возвратился 11-го, но 17-го отправился въ Симбирскъ на торжество открытія памятника Карамзину и прибылъ обратно въ Москву лишь черезъ мѣсяцъ, въ половинѣ сентября. Все это время ему, конечно, было не до писемъ и снестись съ Григорьевымъ онъ могъ не раньше конца сентября—начала октября. С. М. Соловьевъ началъ чтеніе лекцій въ сент. 1845 г., а 3-го окт. защищалъ магистерскую диссертацію. Наконецъ, въ «Театральной Лѣтописи», выходившей при журналѣ РП, помѣщена въ окт. мѣсяцѣ хроникерская замѣтка по поводу перевода «L'école de vieillards»:

> «Пріятная новость: молодой поэтъ, котораго стихотвореніями такъ часто украшались страницы «Репертуара и Пантеона», *А. А. Григорьевъ*, перевелъ комедію Казимира Делавинъ, *Урокъ Старикамъ*, которая, нѣтъ сомнѣнія, будетъ играна на сценѣ Александринскаго театра» (стр. 88).

3. М. П. Погодину. Б., VIII, 40 — 42. Цдпс. Прежде всего, оно является какъ бы продолженіемъ предыдущаго; значитъ, было послано довольно скоро вслѣдъ за нимъ. Принимая во вниманіе занятость Погодина и неторопливость тогдашней почты, можно предположить, что начало ноября — предѣльный срокъ отправленія письма. Затѣмъ, изъ прилагаемаго ниже письма Межевича къ Погодину видно, что Григорьевъ закончилъ вторую свою оригинальную драму, тогда какъ въ письмѣ (см. стр. 102 текста) самого Григорьева говорится лишь объ одной; также оказывается, что книжка «Стихотвореній» Григорьева уже въ цензурѣ. Между тѣмъ въ отдѣлѣ «Смѣсь» журнала ФВ (т. VII, ценз. дата 29 декабря) помѣщены были такія двѣ замѣтки: «Сдѣланъ однимъ молодымъ писателемъ опытъ перевода пѣсенъ знаменитаго Беранже». Тотъ же молодой авторъ готовитъ, какъ слышно, изданіе своихъ Стихотвореній...». Замѣтки запоздали, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что «Финскій Вѣстникъ» выходилъ всего 6 разъ въ годъ. Цензурная дата предыдущаго, шестого тома — 30-е октября. Онѣ въ этотъ томъ не попали, вѣроятнѣе всего потому, что ни переводы изъ Беранже, ни книга «Стихотвореній» не были подготовлены къ печати Григорьевымъ. Неуваженіе къ Н. К. Калайдовичу, молодому археологу, сказалось въ Григорьевѣ тѣмъ, что онъ вывелъ его въ своей драмѣ «Два эгоизма» (РП 1845, т. XII, дек.) подъ именемъ Кобыловича, а также, вмѣстѣ съ А. Б. Лакіеромъ, еще два раза: въ разсказѣ «Мое знакомство съ Виталинымъ» и въ стихотвореніи «Прощаніе съ Петербургомъ» (1846 г., февраль), напечатанномъ нами въ РМ (1916 г., май, стр. 133). О «магистерскомъ экзаменѣ»

Григорьева см. Приложенія и примѣч. къ нимъ. В. С. Межевичъ жилъ въ 1845 г. въ домѣ Ос. Ив. Гюбеня (№ 5), на Никольской улицѣ, близь Большого Театра (теперь улица Глинки), «рядомъ съ домомъ нынѣшняго Спб. губернатора». Здѣсь помѣщалась редакція и контора журнала. Приводимъ письмо Межевича къ Погодину о Григорьевѣ (Б., VIII, 42—43):

«Святымъ долгомъ моимъ считаю взяться за перо, чтобы оправдать въ глазахъ Вашихъ искренно любимаго мною Аполлона Александровича Григорьева. Клевета, клевета и клевета все, что о немъ разсказывали, и о чемъ вы упоминаете въ письмѣ Вашемъ. Это столько же похоже на правду, какъ если бы тѣ же разсказы примѣнить къ Вамъ, вѣрьте честному, благородному, святому слову. Онъ живетъ у меня мѣсяца съ полтора, и кромѣ истиннаго участія, любви и уваженія ничего не заслужилъ въ нашемъ семействѣ. Да, онъ заблуждался, но это заблужденіе не только не безчеститъ его, но ставитъ выше многихъ людей, которые идутъ такъ называемымъ прямымъ путемъ безчувственности и безсмыслія. Я былъ такъ счастливъ, что успѣлъ сколько-нибудь успокоить его, примирить его раздраженную душу съ дѣйствительностью, вывести на дорогу, по которой онъ пойдетъ тихо и ровно. Голова его еще въ чаду, и потому онъ не установился въ своихъ литературныхъ занятіяхъ, но работаетъ много, работаетъ усердно. «Петербургскимъ чиновникомъ» онъ быть не способенъ, слѣдовательно, литературныя занятія суть его единственныя средства къ жизни. Не удивляйтесь, что онъ избираетъ иногда то или другое— хоть, напримѣръ, и Делавиня, котораго комедію «L'école de vieillards» онъ перевелъ прекрасными стихами. Теперь онъ переводитъ «Мизантропа» и «L'école de marіs» изъ Мольера, написалъ двѣ оригинальныя драмы и пишетъ третью. Въ январѣ надѣюсь я напечатать томъ его стихотвореній, которыя теперь въ цензурѣ. Въ нихъ много прекраснаго. Вмѣстѣ съ этимъ онъ готовится къ экзамену магистерскому и въ январѣ будетъ держать его. Съ родителями онъ примирился, переписывается, и старики, кажется, успокоились. Однимъ словомъ, Григорьевъ вполнѣ достоинъ участія, какое Вы въ немъ принимаете, и того уваженія, черезъ которое это участіе родилось въ Васъ».

1846 г.

4. С. М. Соловьеву. Б., VIII, 298. Печатаемый отрывокъ изъ письма Григорьева былъ переписанъ Соловьевымъ и пересланъ Погодину. Идис. Указываемыя Григорьевымъ рецензіи (1-я и 2-я), дѣйствительно, были напечатаны въ VIII-мъ т. ФВ (ценз. дата: 28 февраля). Съ другой стороны, упомянутое нами (см. 3-е письмо) стихотвореніе «Прощаніе съ Петербургомъ» датировано февралемъ. Наконецъ, еще одно стихотвореніе Григорьева, «Когда колокола торжественно звучатъ», датировано: «Москва, 1846 г., марта 1»: послѣднее обстоятельство говоритъ за то, что Григорьевъ ѣздилъ въ Москву, но сколько времени онъ тамъ пробылъ — неизвѣстно. Впрочемъ, у Григорьева съ Погодинымъ ничего не могло выйти, ибо во второй половинѣ мая этотъ послѣдній подалъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи у имп. Николая дозволенія на заграничную поѣздку.

1847 г.

5. М. П. Погодину. Рук. Отд. ИПБ. Отчетъ за 1892 г., стр. 185: «Письма А. А. Григорьева къ С. П. Шевыреву—2». На самомъ дѣлѣ, одно изъ нихъ къ М. П. Погодину.—«Разными работами для дѣтскихъ книжонокъ» Григорьевъ занимался, подобно Н. А. Некрасову, въ Спб. Одно изъ такихъ произведеній извѣстно: драматическая легенда «Олегъ Вѣщій» («Петербургскій сборникъ для дѣтей», изд. В. Петрова и М. М., Спб. 1847). Легенда Григорьева была жестоко разругана въ ФВ 1847, (т. XVII, № 5 (май), Библ. хрон., стр. 3—5, 10—12).—Наливкинъ, Ѳедоръ Никитичъ (ум. 1868 г.), секретарь Московской Уголовной Палаты. Извѣстность Наливкина въ Москвѣ началась съ «веселовско-гуслицкаго дѣла», о печатаніи и сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій. Въ 1845 г. онъ началъ издавать «Юридическую библіотеку» для юношества, но изданіе прекратилось на первомъ же выпускѣ изъ за правительственныхъ гоненій. Въ 1847 г. издалъ «Руководство къ сочиненію писемъ и дѣловыхъ бумагъ (2-е изд. 1858 г.), а также руководство для слѣдователей. Въ одномъ изъ некрологовъ Наливкина указывается, что онъ былъ «авторомъ» дѣтскихъ книгъ. Изъ письма Григорьева выясняется, что «авторство» это было скорѣе лишь издательствомъ. У Наливкина работалъ также знаменитый Иринархъ Введенскій, переводчикъ Диккенса, и др. (см. Фетъ, Ранніе годы, стр. 137). Много лѣтъ Наливкинъ имѣлъ хорошій книжный магазинъ и при немъ библіотеку, помѣщавшуюся въ 1860-хъ гг. на Никольской, и адвокатскій кабинетъ; но торговлей занимался мало, посвящая свое время веденію обширныхъ процессовъ, ему поручаемыхъ. Авторство Наливкина сказалось въ нѣсколькихъ памфлетахъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Живописцѣ» Н. А. Полевого, другіе остались въ рукописи за невозможностью напечатать ихъ своевременно; кромѣ того, послѣ Наливкина остались его «Записки», «портретная галлерея», какъ онъ называлъ ихъ. «Литературный и фактическій интересъ ихъ говоритъ С. П. въ «Голосѣ», нисколько не уступаетъ уже изданнымъ запискамъ, напр., Энгельгардта, Вигеля, Ѳ. Глинки, Жихарева... Сотни интереснѣйшихъ личностей, съ большимъ талантомъ очерченныхъ, тысячи любопытнѣйшихъ анекдотовъ — дѣлаютъ эти записки замѣчательнымъ достояніемъ нашей литературы. Но и «Записки» этого колоритнаго человѣка дореформенной Москвы, и библіотеку его постигла злая, обычная русская участь. Библіотека была распродана вразбродъ, мѣстопребываніе записокъ неизвѣстно. См. фельетонъ С. П. въ газетѣ «Голосъ» 1868 г., № 247, отъ 7 сент.

6. М. П. Погодину. Б., VIII, 592. Дат. Б. Въ МГЛ Григорьевъ, въ мартѣ, напечаталъ статью «Гоголь и его послѣдняя книга», съ сочувствіемъ къ Гоголю. Погодинъ, въ виду нѣкотораго добраго вліянія, книги прислалъ Гоголю письмо Григорьева къ издателю МСКВ. Изъ этого письма было видно, что Григорьевъ въ большой нуждѣ. Гоголь пытался ему помочь и просилъ о томъ же Шевырева. Послѣдній отвѣчалъ на эту просьбу слѣдующею характеристикою Григорьева, въ письмѣ отъ 4—16 окт., изъ Москвы:

«Если что случится впередъ, я буду имѣть въ виду твое желаніе помочь Григорьеву. Но теперь не знаю, какъ за это дѣло взяться. Григорьевъ прежде бывалъ у меня, но потомъ прекратилъ сношенія. Его натура была слишкомъ

испорчена формулами нѣмецкой философіи Гегеля. Я знаю нѣсколько молодыхъ людей новаго поколѣнія, которыхъ до того она расшатала, что они ни на чемъ остановиться не могутъ. Не думаю даже, чтобы и естественныя науки могли сдѣлать изъ его головы что-нибуть путное. Вышедъ изъ унив[ерситета] первымъ и отличнѣйшимъ кандидатомъ юридич[ескаго] ф[акульте]та, онъ началъ съ того, что перепуталъ всѣ дѣла нашего совѣта, гдѣ правилъ д[олжность] секретаря. Отсюда бѣжалъ онъ въ Петерб[ургъ]. Тамъ странствовалъ по разнымъ журналамъ, и воротился разочарованный въ Москву, гдѣ сначала пристроилъ себя къ Листку. Что будетъ далѣе, не знаю. Та бѣда, что нѣм[ецкая] формальная философія пріучаетъ умъ къ какому-то неугомонному шатанію между да и нѣтъ во всякомъ вопросѣ науки, жизни, общества,—и разумъ становится какимъ-то бѣднымъ маятникомъ въ головѣ, который не находитъ точки успокоенія... Вотъ этого-то положительнаго да не находитъ разумъ свихутый нѣмецкою философіей, какая преподавалась у насъ. Григ[орьевъ] въ числѣ жертвъ ея". Письма С. П. Шевырева къ Н. В. Гоголю. «Приложеніе» къ Отчету ИПБ. за 1893 г. Спб. 1896. Стр. 54—56.

7. С. П. Шевыреву. Рук. Отд. ИПБ. Отчетъ за 1892 г., стр. 185: «Письма Григорьева къ С. П. Шевыреву—2». Одно, на самомъ дѣлѣ, къ М. П. Погодину.

8. М. П. Погодину. Б., IX, 440 — 441. Пдпс. Объявленіе о «возобновленномъ» МСКВ было дано въ приложеніи къ окт. книжкѣ этого журнала (ценз. дата: 23 окт.). Въ объявленіи Григорьевъ показанъ составителемъ «Европейскаго Обозрѣнія». Этотъ отдѣлъ появился въ журналѣ только въ 1848 г. Съ другой стороны, работа Григорьева у В. А. Драшусова, въ МЛ, временно пріостановленная въ іюлѣ, возобновилась въ ноябрѣ (смыслъ фразы: «В. А. Драшусовъ понималъ это—и спросите его, доволенъ ли онъ мною?»). Значитъ, самый поздній срокъ для письма можетъ быть только декабрь.

1848 г.

9. М. П. Погодину. Б., IX, 442. Пдпс. Первая книжка МСКВ уже вышла.

10. М. П. Погодину. Б., IX, 251. Пдпс. Судя по Дневнику Погодина, онъ до 27 января надѣялся получить это мѣсто. Изъ контекста Барсукова слѣдуетъ, что Григорьевъ писалъ послѣ 14 января.

11, 12, 13. Н. В. Гоголю. По тексту, данному Бартеневымъ: «Письма къ. Н. В. Гоголю. По поводу его «Переписки съ друзьями» РА 1907, № 10, стр. 281—288. Пдпс. 11 и 13 писемъ: въ началѣ окт. Гоголь поселился въ Москвѣ. Изъ Дневника Погодина отъ 14-го окт. видно, что Гоголь остановился у него и прожилъ около 2 мѣсяцевъ. Жилъ Гоголь замкнуто. Вѣроятно, этими обстоятельствами и вызваны были—жизнью у Погодина и невозможностію личной бесѣды—письма къ нему Григорьева.

1849 г.

14. А. А. Краевскому. Рук. Отд. ИПБ. Отчетъ за 1889 г., стр. 35(4). На первой стр., вверху, помѣта Краевскаго: «По 20 р. сер. съ лица». Ни одно изъ называемыхъ въ письмѣ произведеній Григорьева въ ОтЗ напечатано не

было. П. Н. Кудрявцевъ и А. Д. Галаховъ, по словамъ послѣдняго, свели Григорьева съ Краевскимъ.

15. А. А. Краевскому. Рук. Отд. ИПБ. Отчетъ за 1889 г., стр. 35(4). На первой стр., вверху, краснымъ карандашемъ, помѣта Краевскаго: «отвѣчено».

16. М. П. Погодину. Б., X, 293—294. Дат. Б.

17. А. А. Краевскому. Рук. Отд. ИПБ. Отчетъ за 1889 г., стр. 35(4).

1850 г.

18. Ѳ. А. Кони. Рук. ПД. На первой стр., вверху, помѣтка Кони: «Отвѣчалъ 20 марта».

19. Ѳ. А. Кони. Рук. ПД.

20. М. П. Погодину. Рук. Румянц. Музея. Пдпс. Если вѣрно прочтено въ рукописи слово «Радовицъ», то, очевидно, рѣчь идетъ объ извѣстномъ въ свое время Іосифѣ Радовицѣ, біографич. очеркъ о которомъ былъ напечатанъ въ 1850 г. Жуковскимъ. Въ 1851 г. въ МСКВ, апр., кн. 1, № 7, стр. 230, помѣщена небольшая замѣтка о генералѣ Радовицѣ, «котораго имя такъ гремитъ въ политическомъ мірѣ въ послѣднее время», прочитавшемъ 5-го марта въ Эрфуртѣ «прекрасную лекцію» въ засѣданіи Королевской акад. общеполезн. знаній «Объ исторіи кельтическихъ народовъ Европы».

1851 г.

21. М. П. Погодину. Б. XI, 34. Пдпс. П. Н. Кудрявцевъ 21 дек. 1850 г. защищалъ диссертацію «Судьбы Италіи». Отчетъ объ этомъ диспутѣ, неизвѣстно чей, появился въ МСКВ 1851, № 4, кн. 2, февр. (отд. «Моск. извѣстій» — безъ подписи). Такимъ образомъ, переговоры съ В. Ѳ. Коршемъ могли происходить, во всякомъ случаѣ, не позже января.

22. М. П. Погодину. Б., XI, 395—397. Дат. Б.

23. М. П. Погодину. Б., XI, 438—439. Дат. Б.

24. М. П. Погодину. Б., XI, 400. Пдпс. Первая «Театральная лѣтопись» Григорьева въ МСКВ напечатана въ № 13, іюль, кн. 1 (ценз. д. 1 іюля) о В. В. Самойловой. Самая статья дат.: 1851 г., мая 21. «Лѣтопись Московскаго театра» была отправлена управляющему конторой моск. театровъ, А. Н. Верстовскому, для посылки директору А. М. Гедеонову. Послѣдній предполагалъ статью запретить въ виду ея оскорбительности для «хозяевъ», т. е. московскихъ артистовъ. Однако, статья была напечатана. Самый поздній срокъ для письма Григорьева, слѣдовательно, іюнь.

25. М. П. Погодину. Б., XI, 439. Пдпс. Письмо писано послѣ 18 іюня послѣ отъѣзда Погодина въ имѣніе гр. Уварова, Порѣчье.

26. М. П. Погодину. Б., XI, 403. Пдпс. Стих. Мея, дѣйствительно, замѣнено въ № 13 МСКВ (ценз. д.: 1-е іюля) другими. А что оно было, гласитъ случайно уцѣлѣвшее редакціонное примѣч. къ «Сатирическимъ сценамъ» М. Михайлова («Нянюшка»): редакторъ указывалъ, что вмѣстѣ со сценами «въ нынѣшнемъ нумерѣ» помѣщено «и лирическое стихотвореніе» Мея. Ценз. дата

показываетъ опозданіе № на 2 дня. Слѣдовательно, письмо было писано въ промежутокъ между 29 іюня—1 іюля.

27. А. А. Краевскому. Рук. Отд. ИПБ. Отчетъ за 1889 г., стр. 35(4). Пдпс. Въ № 13 МСКВ (ценз. дата 1-е іюля) напечатана 1-я статья Григорьева «Лѣтопись Московскаго театра», подобная тѣмъ обзорамъ, что имъ велись въ ОтЗ. Реализировавшаяся возможность писать о театрѣ въ МСКВ, очевидно, и вызвала письмо къ Краевскому.—А. Н. Егуновъ, ученикъ К. Д. Кавелина, авторъ статей по статистикѣ и исторіи древнѣйшей русской торговли, сотрудникъ ОтЗ.

28. М. П. Погодину. Б., XI, 417. Дат. Б.

29. М. П. Погодину. Б., XI, 438. Пдпс. Въ іюнѣ Погодинъ уѣхалъ въ Порѣчье къ гр. Уварову и пробылъ тамъ до половины августа.

30. М. П. Погодину. Б., XI, 400—401, 403. Пдпс. Т. И. Филипповъ напечаталъ въ № 21 (ценз. д.: 1-е ноября) МСКВ статью «Бенефисъ г. Садовскаго». Въ этомъ же № помѣщена «Лѣтопись Московскаго театра. IV. Г-жа Самойлова 1-я». Слѣд., письмо Григорьева писано никакъ не ранѣе окт. Письмо сконструировано изъ 2 отрывковъ; 2-й со словъ: «Мало ли въ чемъ».

31. М. П. Погодину. Б., XI, 397—398. Дат. Б. Письмо сконструировано изъ 2 отрывковъ; 2-й со словъ: «Берите меня такимъ».

32. М. П. Погодину. Б., XI, 92. Дат. Б. Слѣдуетъ отмѣтить, что переводъ «Вильгельма Мейстера» былъ доведенъ Григорьевымъ, повидимому, только до 3-й части. Приводимъ по этому поводу письмо Мея къ Погодину (Рук. Рум. Музея):

«По наведеннымъ справкамъ, оказалось, что Вильгельмъ Мейстеръ дѣйствительно кончился 4-ю главою 2-й части, а у меня начало 3-й части. Я посылалъ къ Григорьеву и получилъ отъ него отвѣтъ, что все имъ переведенное находится или у васъ или въ типографіи. Ежели вы, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, прикажете доставить мнѣ остальныя главы, я успѣю ихъ поправить къ 6-ти часамъ вечера завтрашняго дня. Въ оригиналѣ всего 48 страничекъ маленькаго формата. Съ тѣмъ, что у меня поправлено изъ 3-й книги, эти главы составятъ болѣе 3-хъ печатныхъ листовъ Москвитянина.

А впрочемъ жду вашихъ приказаній.

Душевно преданный вамъ

Л. Мей.

P.S. Я буду диктовать двумъ писцамъ разомъ и, можетъ быть, успѣю кончить раньше».

33. М. П. Погодину. Б., XII, 222—223. Пдпс. Въ оффиціальномъ «Адресъ-Календарѣ» 1852 г., равно и предыдущаго, инспекторомъ 2-й Московской гимназіи указанъ Викт. Ник. Аглоблинъ. Изъ формулярнаго же списка Л. А. Мея видно, что 18 марта 1852 г. онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ этой гимназіи.

34. М. П. Погодину. Рук. Рум. Музея. На оборотѣ: «Его Высокородію Милостивому Государю Михайлу Петровичу Погодину». Дату письма удалось установить весьма приблизительно. Оно писано не позже 20 дек. 1852 г., когда

Погодинъ былъ произведенъ въ дѣйств. статск. совѣтники. Съ другой стороны, содержаніе письма указываетъ на близкое участіе Григорьева въ журналѣ, а это началось не раньше 1851 г.

35. М. П. Погодину. Рук. Рум. Музея. Дата весьма приблизительная.

1852 г.

36. М. П. Погодину. Б., XII, 210—211. Пдпс. «Бѣдная Невѣста» была напечатана въ № 4 МСКВ 1852 г. (ценз. д.: 19-е февр.). Масляница этого года приходилась на 10—16 февр.

37. М. П. Погодину. Б., XII, 89. Пдпс. Февр. книжка МСКВ съ отзывомъ о «Деньщикѣ» Кукольника цензурована была 19-го февр. Предчувствія и намеки Григорьева, видимо, оправдались. По крайней мѣрѣ, въ Дневникѣ А. В. Никитенка отъ 20 апр. записано: «Погодина велѣно отдать подъ надзоръ полиціи за статью, напечатанную въ «Москвитянинѣ» на пьесу Кукольника «Деньщикъ», и за то еще, что онъ выпустилъ V-й нумеръ своего журнала съ чернымъ бордюромъ на обложкѣ, по случаю смерти Гоголя» (I, 408; изд. Пирожкова).

38. М. П. Погодину. Рук. Рум. Музея. Пдпс. Изъ Дневника Погодина отъ 16 янв. 1852 г. видно, что въ этотъ день онъ крестилъ у Григорьева (сына Александра). «Послѣдняя статья», опредѣлившая дѣятельность—«Русская литература въ 1851 г.». Окончаніе ея въ № 4-мъ МСКВ (ценз. д.: 19-е февр.).

39. М. П. Погодину. Б., XII, 221—222. Письмо сконструировано изъ 2 отрывковъ; 2-й со словъ: «О преданности»... Рѣчь идетъ о статьѣ Григорьева «Русская литература въ 1851 г.», въ № 4 МСКВ (ценз. д.: 19 февр.). Письмо писано подъ свѣжимъ, несомнѣнно, впечатлѣніемъ.

1853 г.

40. М. П. Погодину. Б., XII, 291—293. У Барсукова письмо дат. 25 февр. (см. XII, 291), а на стр. 293, XII, онъ приводитъ цитату изъ Дневника Погодина отъ 24 февр.: «Предосадное письмо отъ Григорьева—и разстроился». Слѣдовательно, письмо Григорьева было никакъ не позже 23 февраля.

1854 г.

41. М. П. Погодину. Б., XII, 310. Пдпс. М. Н. Катковъ намѣревался купить МСКВ, но сдѣлка между нимъ и Погодинымъ не состоялась. 10 янв. Катковъ въ послѣдній разъ обращался по этому поводу къ Погодину съ письмомъ (Б., XII, 308), и затѣмъ поѣхалъ хлопотать въ Спб. о мѣстѣ, какъ пишетъ Григорьевъ. Слѣдовательно, письмо не могло быть раньше 10 янв.

42. М. П. Погодину. Б., XIII, 302—303. Пдпс. Книга проф. исторіи Дерптск. универс., Петра Ефимовича Медовикова, «Историч. значеніе царствованія Алексѣя Михайловича» вышла въ 1854 г. въ Москвѣ. Отзывъ о ней (безъ подписи) данъ въ МСКВ 1854, т. VI, № 23, кн. 1, дек. (ц. д.: 22 дек.), стр. 85—89. Слѣд., письмо могло быть написано не позже дек.

1855 г.

43. М. П. Погодину. Б., XIV, 226—230. Дата письма опредѣляется содержаніемъ его. Въ Дневникѣ Погодина отъ 21 января 1855 г. записано: «Пріятн. письмо отъ Гр. объ участіи въ Моск. Кажется, слаживается дѣло». Упоминаемое въ письмѣ «завтра, т. е. въ субботу» приходилось на 22-е января.

44. М. П. Погодину. Б., XIV, 230—231. Пдпс. Письмо является напоминаніемъ (см. 43). Съ др. стороны, въ Дневникѣ Погодина, отъ 29 янв., записано: «Григ. о журн.»—Авторъ разсказа «Мечтатель» (МСКВ 1854, №№ 13 и 14)—Вячеславъ Лихачевъ.

45. М. П. Погодину. Б., XIV, 231—232. Въ Дневникѣ Погодина отъ 9 февр. записано: «Съ Григор о журналѣ. Сдался купить Островск и пр.».

46. М. П. Погодину. Б., XIV, 241—243. Пдпс. Александръ Ильичъ Рагозинниковъ, учитель исторіи и статистики («Адресъ-Календарь» 1855 г.) умеръ, вѣроятно, въ февр.—мартѣ мѣсяцѣ. Заключеніе наше покоится на томъ основаніи, что замѣстителемъ Рагозинникова былъ назначенъ Н. С. Тихонравовъ: «Съ разрѣшенія Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа перемѣщенъ старшимъ учителемъ Исторіи при Московской 4-й гимназіи 1855 г. Апрѣля 2» (Дѣло Комитета Правленія Имп. Акад. Наукъ, 1890 г., № 72. Формулярный списокъ о службѣ заслуж. орд. проф. Н. С. Тихонравова).

1856 г.

47. М. П. Погодину. Б., XIV, 360—363. Пдпс. Оно писано до полученія второй янв. книжки РВ (ценз. дата: 15 янв.). Въ Дневникѣ Погодина, отъ 18 янв., записано: «Съ Григ. о возобновленіи Москвитянина». Всѣ эти разговоры о МСКВ сводились къ тому, чтобы Григорьеву быть редакторомъ. Какъ видно изъ письма Погодина кн. П. А. Вяземскому отъ 17 окт. 1855 г., въ Спб. посылалось прошеніе по этому поводу отъ имени Григорьева (См. «Письма Погодина, Шевырева и Максимовича къ кн. Вяземскому», изд. съ пред. и примѣч. Н. Барсукова. Спб. 1901, стр. 52, 53—54).

48. М. П. Погодину. Б., XIV, 365—366. Пдпс. Приводимъ выдержки изъ Дневника Погодина за февр. мѣсяцъ: «7. Письмо отъ [Гр. ?] о Москвитян. 8. Григорьев о журналѣ. Ладится. 11. Съ Григ. о журн. 13. Григ. о журналѣ. 14. Предосадительное письмо отъ взбалмошнаго Григорьева и Москв. кажется надо бросить. 15. Новое досадн. письмо отъ дурн. Григор.». Очевидно, настоящее письмо было однимъ изъ трехъ, которыя упоминаетъ Погодинъ.

49. А. И. Кошелеву. По тексту, данному Н. Колюпановымъ (Біографія А. И. Кошелева, М. 1892, II, 260—261). Соглашеніе не состоялось. Въ «Русской Бесѣдѣ» была напечатана только одна статья Григорьева: «О правдѣ и искренности въ искусствѣ».

50. Е. Н. Эдельсону. ПЭ. Пдпс. Ср. примѣчаніе къ слѣд. письму (51). Сближеніе Григорьева съ Эдельсономъ (р. 1824, ум. 1868) относится, вѣроятно, къ 1851 г., когда образовалась «молодая редакція». Съ Островскимъ Эдельсонъ былъ въ дружбѣ уже въ 1848 г. Это видно изъ одного ненапечатаннаго письма Островскаго и Т. И. Филиппова къ Эдельсону, находящагося въ моемъ распоряженіи.

51. А. В. Дружинину. ПВГД. Точки на стр. 155—утерянная часть письма. Пдпс. Ср. съ письмомъ отъ 19 сент. (53). Также изъ письма В. П. Боткина къ А. В. Дружинину («XXV лѣтъ», Сборн. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Спб. 1884), отъ 26 іюля 1856 г., видно, что послѣдній гостилъ у Боткина въ подмосковномъ Кунцовѣ въ промежутокъ между 24 іюня—20 іюля. Стало быть, непріятности разразились послѣ 20-го. Изъ указаннаго письма Боткина, между прочимъ, выясняется, какого сорта бѣды грозили Григорьеву. «Милѣйшій Григорьевъ, пишетъ Боткинъ, нѣсколько разъ являлся въ Кунцево—и разъ съ грустною вѣстію,—что если онъ не достанетъ 100 рублей, то его посадятъ въ тюрьму. Къ счастію грозу эту можно было отвратить». Знакомство и сближеніе Григорьева съ Дружининымъ произошло во время этого пребыванія послѣдняго въ Москвѣ (Ср. «Краткій послужной списокъ»).—«Сонъ»: переводъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира. — Печаткинъ: издатель БдЧ.—«Статья о Парѳеніи»: о книгѣ «Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ постриженника Святыя Горы Аѳонскія Инока Парѳенія», въ 4-хъ чч. М. 1856 (Изданіе второе, съ исправленіями). Ценз. дата IV-й части: 28 іюня. — Въ моск. литературныхъ кругахъ въ началѣ мая было уже извѣстно, что Григорьевъ приглашенъ Дружининымъ въ БдЧ. Приводимъ отрывокъ изъ письма А. Д. Галахова къ А. А. Краевскому (Бумаги Кр. въ Рук. Отд. ИПБ), отъ 6 мая 1856 г., изъ Москвы:

«Григорьевъ приглашенъ въ «Современникъ»—быть его критикомъ. Такое же приглашеніе получилъ онъ и отъ Дружинина, для «Библ. для чтенія». Это сказывалъ мнѣ вчера, на вечерѣ у Пикулина, одинъ молодой человѣкъ, слышавшій такую вѣсть отъ самого Григорьева, который прямо говоритъ, что сотрудничество въ двухъ журналахъ доставитъ ему по крайней мѣрѣ 3 тысячи серебромъ».

О приглашеніи въ СВРМ см. письмо В. П. Боткина къ Н. А. Некрасову въ ст. В. Евгеньева «Некрасовъ и люди 40-хъ гг.». (ГМ 1916, № 10, стр. 92—93; отъ 19 апр. 1856 г.).

52. А. В. Дружинину. ПВГД. Пдпс. Признаніе Григорьева, что его статья не поспѣетъ къ сент. книжкѣ БдЧ и 2-хъ недѣльное странствованіе послѣ устройства своихъ денежныхъ дѣлъ указываютъ дату письма: несомнѣнно, августъ.—Дріянскій, Егоръ Эдуардовичъ, авторъ «Записокъ мелкотравчатаго», «Паныча» и др. О немъ см. ст. С. В. Максимова «А. Н. Островскій. По моимъ воспоминаніямъ», при I т. «Драматич. соч.» Островскаго, изд. «Просвѣщенія».

53. А. В. Дружинину. ПВГД.

54. А. В. Дружинину. ПВГД. 9-го окт. Боткинъ писалъ Дружинину (Сборн. «XXV лѣтъ»): «Григорьева давно не видалъ,—но какіе онъ себѣ сочинилъ славянофильскіе костюмы—удивленіе! Онъ—великъ. Кромѣ щегольскаго зипуна носитъ онъ какую-то поддевку съ голобыми плисовыми отворотами,—чертъ знаетъ что такое. У него было что-то въ родѣ осны, и поэтому я не былъ у него».—Н. А. Страховъ: колл. секр., сверхъ-штатный сортировщикъ Вольной почты въ Москвѣ; жилъ на Самотекѣ, д. Волконскаго («Книга адресовъ жителей Москвы» К. Нистрема, М. 1854, стр. 275).—Послѣднія двѣ строчки письма въ подлинникѣ тщательно перечеркнуты.

1857 г.

55. А. В. Дружинину. ПВГД.
56. А. В. Дружинину. ПВГД.
57. А. В. Дружинину. ПВГД.
58. М. П. Погодину. Б., XV, 339—341. Дат. Б.
59. М. П. Погодину. Б., XV, 341—344. Дат. Б.

60. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН. Е. С. Протопопова была хорошею знакомою семьи Визардъ. Здѣсь Григорьевъ, вѣроятно, и сдружился съ нею. Вотъ, что мнѣ написала о Е. С. Евгенія Яковлевна Визардъ-Протопопова:

«Екатерина Сергѣевна Протопопова была ученицей моей матери (parler francais и всѣ науки), но музыкѣ она первоначально училась у своей тетки Маріи Алексѣевны, родной сестры матери. Жила Марья Алексѣевна постоянно у своей сестры Екатерины Алексѣевны, матери Екат. Сергѣевны. Насколько мнѣ извѣстно, обѣ сестры никогда не разлучались, и Марья Алекс. никогда не была замужемъ. Фамиліи ея не знаю. Отецъ Екат. Серг. былъ священникомъ у князя Сергія Михаиловича Галицына (извѣстный вельможа, любимецъ Николая и крестный отецъ императора Александра II), но рано умеръ. О семьѣ позаботился князь Сергій. Далъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ квартирку въ одномъ изъ огромныхъ флигелей Галицынской (или Го... не знаю) больницы, назначилъ небольшую пенсію и велѣлъ выдавать паёкъ (извѣстное количество ржаной муки, крупы, масла и тому под.). Сыновей князь Сергій помѣстилъ на казенный счетъ въ Сиротскій институтъ. Старшій, Алексѣй Сергѣевичъ, ученикъ моего отца, остался на всю жизнь гражданскимъ чиновникомъ, а младшій, Сергѣй, былъ переведенъ въ числѣ многихъ другихъ въ кадетскій корпусъ; помню его офицеромъ. Музыка сблизила сестру съ Екат. Сергѣевной, потому что изъ многочисленныхъ учениць матери остались мы въ дружескихъ отношеніяхъ только съ Катенькой Протопоповой. Училась она музыкѣ у московскаго музыканта Дюбюка и еще у Шульгофа (чѣмъ она очень гордилась), кажется заѣзжій питерщикъ. Понемногу, съ отъѣздомъ сестры въ Пензенскую губ., гдѣ мужъ ея былъ предводителемъ дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ, разошлись мы съ Протопоповыми и потеряли другъ друга изъ виду. Семья мужа моего ничего не имѣетъ общаго съ тою семьею Протопоповыхъ, потому ничего не могу Вамъ сказать о дальнѣйшей судьбѣ Алеши и Сережи. Катенькѣ всѣ очень охотно давали уроки безплатно, т. к. она въ самомъ дѣлѣ была очень талантлива».

Въ 1861 г. Е. С. познакомилась въ Гейдельбергѣ, въ «пансіонѣ» Гофмана, бывшаго проф. греч. яз. въ Моск. унив., съ композиторомъ Александромъ Порфирьевичемъ Бородинымъ и въ 1863 г. вышла за него замужъ. См. книгу В. В. Стасова «А. П. Бородинъ, его жизнь, переписка и музыкальныя статьи», изд. А. Суворина, Спб. 1889. Въ 1864 г. Е. С. передала Н. Н. Страхову, какъ близкому другу Григорьева, письма его къ ней, каковыя и были Страховымъ напечатаны въ ЭП 1865, № 2, февраль, стр. 152—182, съ немалыми, повидимому, пропусками; часть пропусковъ, сохранившихся въ копіяхъ Страхова, въ наст.

изд. возстановлена. О Е. С. см. еще Фетъ, Мои воспоминанія (М. 1890 г., I, стр. 216).

— Лермонтовскій «Маскарадъ» и «С . . . . ъ». По этому поводу Евгенія Яковлевна Протопопова-Визардъ мнѣ писала:

«Григорьевъ часто ошибался въ людяхъ. Напр., онъ считалъ Сѣченова «тупымъ, глупымъ», потому что Сѣченовъ любилъ физіологію, а не философію. Подтвержденіе такого страннаго мнѣнія найдете въ письмѣ къ Екат. Серг. отъ 1 сент. 1857 г. Въ Лермонтовскомъ «Маскарадѣ» Григорьевъ собирался играть Арбенина, сестра изображала Нину, Катенька Протопопова—баронессу Штраль».

Объ этомъ же, повидимому, спектаклѣ вспоминаетъ и И. М. Сѣченовъ (Автобіографич. записки, изд. «Научнаго Слова», М. 1907, стр. 58). Такъ что «С . . . . ъ», вѣроятно, никто иной, какъ извѣстный проф. физіологіи—Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ.

61. Е. Н. Эдельсону. ПЭ. Письмо это единственное въ конвертѣ, на которомъ адресъ: «Russie, Moscou. Его Высокоблагородію Евгенію Николаевичу Эдельсону. На Сивцевомъ вражкѣ, въ приходѣ Власія (близь Арбата) въ собственномъ домѣ. Moscou». На оборотѣ печать съ иниціалами: «А. Г.». Почтовый штемпель: «Firenze. 24 set. 1857».—«Прову Медвѣдевичу»: П. М. Садовскому.—«Катерина Алексѣевна»: жена Эдельсона; «Катерина Ивановна» — Соколовская, двоюродная сестра Эдельсона.

62. М. П. Погодину. Б., XV, 344—345. Дат. Б.

63. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.

64. Е. С. Протопоповой. Тоже.

65. М. П. Погодину. Б., XV, 345—348. Дат. Б.

66. М. П. Погодину. Б., XV, 349—352. Дат. Б.

67. Е. Н. Эдельсону. ПЭ. «И. И. Шанинъ»: моск. купецъ. О немъ см. въ статьѣ С. В. Максимова «А. Н. Островскій. По моимъ воспоминаніямъ» при т. I Драм. соч. О., изд. «Просвѣщенія».—«Борисъ»: Б. Ник. Алмазовъ.

68. Е. Н. Эдельсону. ПЭ.

69. М. П. Погодину. Б., XV, 352—354. Дат. Б.

70. М. П. Погодину. Б., XV, 103. Цдпс. Письмо Погодина въ «Le Nord» (№ 321) касалось возстанія въ англійскихъ владѣніяхъ Индіи и тѣхъ чувствъ, которыя оно произвело въ Россіи. Григорьевъ писалъ Погодину подъ первымъ впечатлѣніемъ. Так. образомъ, письмо написано было, вѣроятнѣе всего, въ томъ же ноябрѣ, послѣ 17-го числа.

71. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.—«Максимъ»: см. письмо 98, стр. 249.—«Иванъ Ѳедоровъ»: Горбуновъ.

72. Е. Н. Эдельсону. ПЭ. — Сапожникъ Сергѣй Арсентьевичъ. См. о немъ въ статьѣ С. В. Максимова «А. Н. Островскій. По моимъ воспоминаніямъ» при т. I Драматич. соч. О., изд. «Просвѣщенія».

73. Е. Н. Эдельсону. ПЭ.

74. Е. Н. Эдельсону. ПЭ. — 23 ноября день св. Александра Невскаго.

1858 г.

75. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.—Фетъ • Е. С. вспоминаетъ, что его познакомилъ съ нею еще до поѣздки въ Парижъ

(т. е. до іюня 1857 г.) Ап. Григорьевъ. Когда Фетъ женился, Е. С., полюбившая его жену, Марью Петровну, стала часто навѣщать ихъ. См. «Мои воспоминанія» Фета, ч. I, стр. 216.

76. А. А. Фету. Перепечатывается изъ «Монхъ воспоминаній» Фета, ч. I, стр. 222—225.—«Иванъ Петровичъ»: Борисовъ; былъ женатъ на сестрѣ Фета.

77. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.—Въ первой части разсѣяны намеки на семью Визардовъ.

78. Е. Н. Эдельсону. ПЭ.

79. А. Н. Майкову. Рук. ПД. Никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить, кому адресовано письмо, не сохранилось. Но для біографа Григорьева не будетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что оно адресовано Ап. Н. Майкову. Сомнѣнія начинаются лишь при попыткѣ установить, когда произошло знакомство Григорьева съ Майковымъ, перешедшее въ дружески-тѣсное общеніе. Къ началу 1858 г. мы стоимъ передъ фактомъ этой дружбы. Въ янв. кн. БдЧ напечатана статья Григорьева «Критич. взглядъ на основу, значеніе и пріемы совр. критики искусства» съ посвященіемъ ея Ап. Н. Майкову, а 9 (21) янв. изъ Флоренціи Григорьевъ пишетъ къ нему письмо, изъ котораго явствуетъ, что оба писателя между собой «спѣлись», и Григорьевъ находитъ возможнымъ «говорить полутонами». Когда произошло ихъ знакомство—установить пока невозможно. Легче высказать нѣсколько догадокъ относительно того, какъ это знакомство превратилось въ дружбу.

Съ 1844 г. по 1852 г. Майковъ служилъ въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ эту пору онъ принималъ участіе въ двухъ журналахъ, въ которыхъ работалъ и Григорьевъ: ФВ и РП (1845 г.). Въ началѣ 1847 г. Григорьевъ вернулся въ Москву, и съ 1851 г. образовалась «молодая редакція» МСКВ. Но Майковъ врядъ ли могъ сблизиться въ это время съ Григорьевымъ. Майковъ былъ тогда «западникомъ», авторомъ двухъ поэмъ («Двѣ судьбы» и «Машенька»), написанныхъ въ духѣ «натуральной школы» и поэтому невключавшихся имъ впослѣдствіи въ собранія его стихотвореній. Григорьева же тянуло къ себѣ «все народное». Въ концѣ окт. 1852 г. Майковъ перешелъ на службу въ вѣдомство Иностран. цензуры въ Спб., младшимъ цензоромъ. Переломъ въ воззрѣніяхъ Майкова, на что намекаетъ Григорьевъ въ письмѣ («лѣзешь въ вершу книжечки стихотвореній въ духѣ «Маяка»), произошелъ подъ вліяніемъ общаго патріотическаго настроенія въ началѣ Крымской кампаніи. Въ 1854 г. Майковъ выпустилъ книжку: «1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова» (Спб.). Самъ Майковъ въ рѣчи, произнесенной имъ на празднованіи 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, говорилъ объ этомъ времени слѣдующее: «въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для меня эпохъ, въ Крымскую войну 1853—1855 годовъ, я бросился изъ Петербурга въ Москву, чтобы почувствовать подъ собою почву, найти для себя оправданіе и сочувствіе хотя бы только у стѣнъ кремлевскихъ, у этихъ золотыхъ куполовъ соборовъ, подъ сѣнью которыхъ я родился; я попалъ въ молодую редакцію «Москвитянина», гдѣ были Островскій, Филипповъ, Аполлонъ Григорьевъ, Эдельсонъ, Горбуновъ и многіе, которыхъ теперь не помню. У нихъ я нашелъ не только оправданіе и сочувствіе, но увидѣлъ въ нихъ совсѣмъ моихъ единомышленниковъ»... (Юбилей А. Н. Майкова, ИВ 1888, іюнь, стр. 694—695). О томъ же писалъ Майковъ въ

одномъ частномъ письмѣ (см. М. Л. Златковскій: «А. Н. Майковъ», біографич. очеркъ, изд. 2-е. Спб. 1898, стр. 46). Итакъ, можно предположить, что знакомство, перешедшее въ дружбу, произошло въ 1853—55 гг. Но Майковъ не долго, вѣроятно, пробылъ въ Москвѣ. Григорьевъ же только великимъ постомъ 1857 г. провелъ нѣкоторое время въ Спб. и лѣтомъ этого года уѣхалъ за границу. Возможно еще, что Григорьевъ, вообще легко сближавшійся, могъ подружиться съ Майковымъ, посѣщая литературныя бесѣды (во время своего недолгаго пребыванія въ 1857 г. въ Спб.), которыя происходили въ 50-хъ гг. по воскресеньямъ въ домѣ родителей поэта. — Письмо 79 нап. въ сб. «Невскій Альманахъ», II. Спб. 1917.

80. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.—«Михайло Ефремычъ»: Соболевъ, приказчикъ въ погребѣ Зайцева на Тверской (уголъ Университетскаго переулка), гдѣ собирался кружокъ, пѣвецъ. См. о немъ въ статьѣ С. В. Максимова при т. I Драматич. соч. Островскаго.

81. М. П. Погодину. Б., XV, 355—357, 483. Дат. Б. Письмо сконструировано изъ 2-хъ отрывковъ; вставка со словъ: «Что такое мы... но грустное...». Статья о «Публикѣ и Народѣ» была написана К. С. Аксаковымъ.—Кокоревъ: Василій Александровичъ, откупщикъ.—Статья Бѣлинскаго въ «Молвѣ» не 1833, а 1834 г.

82. М. П. Погодину. Б., XV, 358—360. Дат. Б.—Книга Ник. Арс. Жеребцова называлась «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie» (Paris 1858, 2 т.). Рѣзкой и вполнѣ заслуженной критикѣ подвергъ ее Добролюбовъ (СВРМ 1858, окт. и ноябрь; см. также соч. Д.).

83. М. П. Погодину. Б., XVI, 136—137; XV, 360—362. Дат. Б. Письмо сконструировано изъ 2-хъ отрывковъ; 2-й со словъ: «Принципъ народности...»

84. М. П. Погодину. Б., XV, 362—364. Дат. Б.

85. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.

86. М. П. Погодину. Б., XV, 364; XVI, 376—377. Письмо изъ 2-хъ отрывковъ; 2-й со словъ: «Провидѣніе пришло мнѣ на помощь»...—Ср. это письмо съ письмомъ Полонскаго къ Фету (въ Приложеніяхъ).

87. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.

88. М. П. Погодину. Б., XV, 364—365; XVI, 377. Дат. Б. Письмо изъ 2-хъ отрывковъ; 2-й со словъ: «У меня въ дѣлѣ... изъ записки...».

89. И. С. Тургеневу. Рук. ПД.

90. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.

91. Е. Н. Эдельсону. ПЭ. Пдпс. — Статья Эдельсона о ром. Писемскаго «Тысяча душъ» была напечатана въ янв. кн. РСл 1859 г.—«Дѣло Боклевскаго»: Петра Михайловича (р. 1816, ум. 1897), художника, товарища Григорьева по университ., своего человѣка въ кружкѣ «молодой редакціи», сблизившагося съ нею благодаря Григорьеву. Въ концѣ 50-хъ гг. Б. познакомился съ гр. Г. А. Кушелевымъ-Безбородко и при его содѣйствіи были изданы иллюстраціи Б. къ комедіямъ Островскаго «Свои люди—сочтемся» (1859 г.) и къ «Бѣдной невѣстѣ» (1860 г.). См. о Б. книгу К. Кузьминскаго «Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій. Его жизнь и творчество». М. 1910. Так. образомъ, письмо Григорьева относится, по всей вѣроятности, къ концу года.—Чья приписка въ письмѣ, намъ неизвѣстно.

1859 г.

92. Е. С. Протопоповой. Съ копіи Страхова. Рук. Отд. ИАН.—«Лидіи»—женѣ.

93. Е. С. Протопоповой. Тоже.

94. М. П. Погодину. Б., XVI, 391. Пдпс.: письмо написано послѣ выхода февр. кн. РСл (ценз. д.: 25 февр.), въ которой былъ напечатанъ разборъ «литературнаго» сборника «Утро» со статьями Эдельсона, Алмазова («О поэзіи Пушкина», «Взглядъ на русскую литературу»), съ стихотвореніями Хомякова, Миллера и др., съ повѣстями Колошина и Желѣзнова и др.

95. М. П. Погодину. Б., XVI, 390—391. Дат. Б.

96. А. А. Краевскому. Рук. Отд. ИПБ. Архивъ А. А. К. См. Отчетъ ИПБ за 1889 г., стр. 35(4).—Письмо это показываетъ, что дѣло съ РСл шло къ разрыву. Въ іюньской кн. РСл (ценз. д.: 13 іюня) въ послѣдній разъ были всѣ три подписи редакторовъ, т. е. гр. Кушелева, Я. Полонскаго и А. Григорьева.

97. М. П. Погодину. Б., XVI, 392—393. Дат. Б. Письмо изъ 2-хъ отрывковъ; 2-й со словъ: «Я теперь».—«Моск. Обозрѣніе» напечатано въ авг. кн. РСл (ценз. д.: 4 авг.). Такимъ образомъ письмо къ Погодину написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ досады и обиды. Ср. также письмо Полонскаго къ Фету (въ Приложеніяхъ).

98. М. П. Погодину. Б., XVI, 393. Дат. Б. Письмо изъ 2-хъ отрывковъ; 2-й со словъ: «Предлагаютъ мнѣ...»

99. М. П. Погодину. Б., XVI, 378—389. У Б. дат. 1858-мъ г. Изъ содержанія письма легко убѣдиться (см., напр., стр. 254, строка 1), что это 1859 г.—Ср. съ письмомъ Полонскаго къ Фету (въ Приложеніяхъ).—Жизнь и похожденія Григорьева въ Парижѣ, хотя и въ страшно шаржированномъ видѣ, изображены въ книгѣ Н. А. Потѣхина «Наши безобразники», Спб. 1864.—«Лондонскій консерваторъ», т. е. Герценъ, выступилъ противъ СВРМ и, въ частности, Добролюбова со статьей «Very dangerous» («Колоколъ» 1859, № 44).—Житье Григорьева въ Берлинѣ описано имъ самимъ въ полуавтобіографической, полукритич. статьѣ (незаконченной): «Бесѣды съ Иваномъ Ивановичемъ о современной нашей словесности» и пр. («Сынъ Отеч.» 1860 г., № 7).

1860 г.

100. К. К. Случевскому. Дата опредѣляется календаремъ. Письмо розыскано А. К. Пожарскимъ въ Щукинскомъ музеѣ въ Москвѣ и доставлено для наст. изд. На оборотѣ: «Его Высокородію М. Г. Константину Константиновичу Случевскому». Въ «Воспоминаніи» К. К. Случевскаго «Одна изъ встрѣчъ съ Тургеневымъ» (въ кн. «Новыя повѣсти», изд. П. Сойкина, Спб., безъ года, стр. 97—98) разсказана исторія знакомства его съ Григорьевымъ при посредствѣ В. В. Крестовскаго («Клавдія»?) и помѣщенія стихотвореній Случевскаго въ СВРМ. Въ статьѣ «Бесѣды съ Иваномъ Ивановичемъ» и пр. («Сынъ Отеч.» 1860, № 6) Григорьевъ съ большими похвалами отзывался о стих. Случевскаго.

101. М. П. Погодину. Б., XVIII, 427—429. Пдпс. Диспутъ Погодинао съ Костомаровымъ состоялся 19 марта въ актовомъ залѣ Спб. университета.

Въ это время Григорьевъ былъ, повидимому, уже въ Москвѣ, вызванный Катковымъ. Къ 17 апр. Погодинъ вернулся въ Москву (этимъ числомъ помѣчено его «Второе письмо къ г. Костомарову», напечатанное въ «РБесѣдѣ» (т. I, кн. 19-я). Наконецъ, подъ 21 марта въ Дневникѣ Погодина записано: «Григорьевъ». Так. образомъ, письмо свое Григорьевъ писалъ въ Москвѣ и, вѣроятно, въ концѣ марта—началѣ апрѣля. Въ апр. же Григорьевъ вернулся въ Спб. (см. 103 письмо).

102. Комитету Литературнаго Фонда. Письмо сообщено для изданія В. Евгеньевымъ. Въ книжкѣ выдачъ Литературнаго Фонда записано подъ маемъ мѣс. 1860 г., что Григорьеву дано 300 руб. (Рук. ИД).

103. М. П. Погодину. Б., XVIII, 443. Дат. Б. Съ іюля по ноябрь Григорьевъ жилъ въ Москвѣ и, видя неудачу свою съ РВ Каткова, разсчитывалъ возобновить журнальную работу съ Погодинымъ. Въ Дневникѣ послѣдняго есть записи: «Сент. 28. Григорьевъ и Алмазовъ о возобновленіи Москвит.—пристаютъ. Почти рѣшился». «30. Дѣл. разчет. Григорьевъ и Алм. о журналѣ и настоящемъ положеніи литературы. Пристаютъ о дѣятельности». «Окт. 3. Григ. о журналѣ». «11. О журн. съ Григ., Алм., Орд. Рѣшилъ просьбы. Дум. о статьѣ». «13. Григ. о журн.» (Рук. Рум. М.).

104. М. П. Погодину. Б., XVIII, 443—444. Цдпс. Письмо это написано послѣ 103-го. Въ Москвѣ уже наступила «холодная погода», но не окончательная зима. Кромѣ того, въ Дневникѣ Погодина записано: «31. Григ. о журналѣ съ оправданіями».

105. М. П. Погодину. Б., XVIII, 429 — 432. Цдпс. Письмо писано не позже 1-й половины ноября, ибо 16 ноября кн. П. А. Вяземскій сообщилъ Погодину, что МСКВ возобновить не разрѣшено и, сколько ему извѣстно, «не Москвитянинъ встрѣтилъ сопротивленіе, а предполагаемый редакторъ», т. е. Григорьевъ (Б., XVIII, 432).

106. А. П. Милюкову. Взято изъ статьи Милюкова: «А. А. Григорьевъ и Л. А. Мей» (ИВ 1883, № 11, стр. 98). Милюковъ былъ редакторомъ журнала «Свѣточъ» (изд. Д. И. Калиновскій). Григорьевъ принялъ въ немъ участіе съ № 2. Одно изъ стихотвореній «Промеѳей» было напечатано съ цензурными пропусками II главы въ № 2 «Свѣточа» 1861 г. Пропущенный отрывокъ напечатанъ нами съ рукописи (Рук. ИД.) въ РМ 1916, май, стр. 134—135.

1861 г.

107. А. П. Милюкову. Тоже, стр. 101.

108. Ѳ. М. Достоевскому. ПАГД. — Михаилъ Михайловичъ, братъ Ѳ. М., редакторъ ВРМ.

109. М. П. Погодину. Б., XVIII, 444—446. Дат. Б.

110. А. П. Милюкову. Взято изъ статьи Милюкова: «А. А. Григорьевъ и Л. А. Мей» (ИВ 1883, № 11, стр. 101). — Статья была напечатана въ «Свѣточѣ», № 4.

111. Н. Н. Страхову. Рук. Отд. ПАН.—Объясненія Григорьева, почему онъ оставилъ журналъ, слѣдуетъ сопоставить съ «примѣчаніемъ» Ѳ. М. Достоев-

скаго (стр. 51 — 55) къ статьѣ Страхова «Воспоминанія объ А. А. Григорьевѣ» (ЭП 1864, сент.).

Въ этомъ письмѣ впервые упоминается М. Ѳ. Это — Марія Ѳедоровна, послѣдняя глубокая и несчастная привязанность Григорьева. Исторія этой любви разсказана самимъ Григорьевымъ, какъ въ письмахъ къ Страхову изъ Оренбурга, такъ и, почти дословно, въ поэмѣ «Вверхъ по Волгѣ». Съ Марьей Ѳедоровной Григорьевъ встрѣтился въ эпоху начала РСл. Фамиліи М. Ѳ. намъ не удалось пока узнать. Извѣстно только, что она была «устюжская барышня», что отецъ ея былъ, повидимому, учителемъ, что М. Ѳ., попавъ въ Спб., очутилась на улицѣ и однажды «нумерной» «предоставилъ» ее Григорьеву, котораго выдавалъ за богатаго московскаго купца. Григорьевъ сорилъ деньгами въ эту пору, «какъ милліонщикъ, и кутилъ безъ устали и безъ зазору». Простая связь очень скоро перешла въ серьезную привязанность. Начались попытки обученія музыкѣ (съ помощью Вильбоа), французскому языку. М. Ѳ. дебютировала на сценѣ; но все неудачно. Между тѣмъ, дѣла Григорьева пошли плохо. РСл пришлось оставить. Довѣренный гр. Кушелева, Хмѣльницкій, вооружилъ, по словамъ Горбунова (письмо къ Островскому отъ 3 окт. 1859. См. Соч. Г., изд. Общ—ва любителей древн. письменности, т. III, стр. 538), всѣхъ его кредиторовъ. Въ декабрѣ 1859 г. у М. Ѳ. родился ребенокъ, но вскорѣ умеръ. 1860 г. прошелъ для Григорьева почти въ сплошныхъ неудачахъ. Денежныя дѣла запутались до того, что пришлось сѣсть въ Долговую тюрьму (см. письма 106—107, 109 и Приложенія, стр. 337). Размолвка съ ВРМ и безденежье направили Григорьева въ Оренбургъ, на тотъ востокъ, хотя и не въ Сибирь, куда Григорьевъ стремился въ юности. Эта полоса жизни писателя ярко обрисовывается въ его письмахъ къ Страхову, а также въ четверостишіи, которое приводитъ Г. О. Лишина въ своихъ «Воспоминаніяхъ» объ Оренбургѣ (Вольскъ 1913, стр. 17), приписывая его Григорьеву:

Скучный городъ скучной степи,
Самовластья гнусный станъ,
У воротъ острогъ да цѣпи,
А внутри—иль хамъ, иль ханъ.

Ровно годъ выдержалъ Григорьевъ оренбургское житье. Сблизился онъ здѣсь со Степаномъ Николаевичемъ Ѳедоровымъ, офицеромъ-писателемъ, сотрудникомъ СВРМ и ВРМ, большимъ кутилой. Какъ видно изъ писемъ къ Страхову, съ М. Ѳ. пошли нелады, семейныя сцены. Изъ Москвы, къ тому же, донимала письмами и прошеніями, на имя ген.-губ. Безака, первая жена Григорьева, Лидія Ѳед. И въ маѣ 1862 г. Григорьевъ, не нашедъ желаннаго душевнаго умиротворенія и въ Оренбургѣ, бѣжалъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, обратно въ Спб., нарушивъ подписку объ обязательной 3-хъ лѣтней службѣ и не возвративъ подъемныхъ, каковыя съ него взыскивались впослѣдствіи судебнымъ порядкомъ путемъ описи имущества, но неудачно, и. т. описывать было нечего (см. П. Юдинъ, Къ біографіи А. А. Григорьева. ИВ 1894, № 12, стр. 786). Марію Ѳедоровну Григорьевъ, видимо, бросилъ въ Оренбургѣ, или же заставилъ ее оттуда уѣхать; дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

О. Ѳедоръ — Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ (р. 1822, ум. 1871), замѣчательный богословъ, монахъ, проф. и инспекторъ Казанской дух. акад.,

членъ Спб. дух.-ценз. Комитета. Въ 1861 г. подалъ прошеніе о снятіи сана и монашества и, какъ опальный человѣкъ, долженъ былъ уѣхать въ провинцію. Бухаревъ окончилъ Моск. дух. академію (1846 г.) и, будучи въ Москвѣ, дружилъ съ Погодинымъ. Вѣроятно, къ началу 50-хъ гг. и относится его знакомство съ Григорьевымъ. Бухаревъ писалъ о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя («Три письма къ Гоголю», изд. Спб. 1861); въ 60-хъ гг. особенный интересъ возбудили его статьи «О православіи въ отношеніи къ современности» (Спб. 1860). Обширный же его богословскій трактатъ, «Изслѣдованіе Апокалипсиса», вышелъ лишь въ 1916 г.

112. Н. Н. Страхову. Тоже.

113. Н. Н. Страхову. Тоже. — Отзывъ о романѣ въ стихахъ «Свѣжее преданье» ср. съ письмомъ Полонскаго (въ Приложеніяхъ).

114. Н. Н. Страхову. Тоже.

115. М. П. Погодину. Б., XV Ш, 447—451. Дат. Б.

116. Н. Н. Страхову. Рук. Отд. ИАН. — «Въ «Русскомъ Мірѣ» 1859 года»—запамятованіе, нужно 1860 г. — Катковъ отказался признать своимъ обязательство, выданное Григорьеву, какъ редактору «Драматич. Сборника», на право перепечатки катковскаго перевода «Ромео и Джульетта». Въ 4-й книгѣ этого изданія (ценз. д.: 20 марта) Григорьевъ помѣстилъ на обложкѣ слѣд. объявленіе: «Редакція Драматическаго Сборника обѣщала своимъ подписчикамъ, между другими драматическими произведеніями, «Ромео и Юлію» Шекспира въ переводѣ М. Н. Каткова. Но такъ какъ онъ въ настоящее время не признаетъ законнымъ выданнаго имъ на мое имя документа, на перепечатаніе его перевода, и сомнѣвается въ подлинности этого документа, то, до рѣшенія спора судебнымъ порядкомъ по этому дѣлу, помѣщеніе «Ромео и Юліи» въ этомъ переводѣ пріостановлено.

Редакторъ *Ап. Григорьевъ*».

Въ 1864 г. Григорьевъ самъ перевелъ и послѣ его смерти былъ напечатанъ въ «Русской Сценѣ» его собственный переводъ «Ромео и Джульетты».

117. Н. Н. Страхову. Тоже. — Михайловъ: Михаилъ Илларіоновичъ, поэтъ и переводчикъ.

118. Н. Н. Страхову. Тоже.

119. Н. Н. Страхову. Тоже.

120. Н. Н. Страхову. Тоже.

1862 г.

121. Н. Н. Страхову. Тоже. — Безакъ, Александръ Павловичъ, ген.-губернаторъ Оренбургскій.—М-те Дандевиль, супруга ген. Виктора Дезидеріевича Дандевиля, гуманному отношенію котораго былъ многимъ обязанъ А. Н. Плещеевъ, отбывавшій въ Оренбургскомъ краѣ ссылку по дѣлу петрашевцевъ.

122. Н. Н. Страхову. Тоже. Это послѣднее письмо Григорьева изъ Оренбурга. Разрывъ съ Марьей Ѳедоровной произошелъ, и Григорьевъ вскорѣ уѣхалъ въ Спб. Ср. письмо съ поэмой «Вверхъ по Волгѣ».

123. А. А. Краевскому. Рук. Отд. ИПБ. См. Отчетъ ИПБ. за 1889 г., стр. 35(4).

1863 г.

124. Въ редакцію Журнала «Время». ПАГД.

125. Н. Н. Страхову. Рук. Отд. ИАН. Въ Москву Григорьевъ ѣздилъ передъ редактированіемъ «Якоря», который начиналъ Ѳ. Т. Стелловскій.

1864 г.

126. Е. Н. Эдельсону. ПЭ.

127. Н. В. Михно. Изъ некрологич. замѣтки Михно «А. А. Григорьевъ», въ РСценѣ 1864 г., № 9, сентяб. (ценз. дата: 24 окт.), стр. 70.

128. Ѳ. М. Достоевскому. ПАГД.—О Лаздовскомъ см. въ Приложеніяхъ, стр. 337.

129. Ѳ. М. Достоевскому. Тоже.

Безъ года.

130. И. Ѳ. Горбунову. Взято изъ т. III, ч. II, стр. 70, Сочиненій Горбунова, изд. Общ. Любителей Древн. письменности (Спб. 1907). Дату опредѣлить не удалось.

„КРАТКІЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ НА ПАМЯТЬ МОИМЪ СТАРЫМЪ И НОВЫМЪ ДРУЗЬЯМЪ".

Печатается съ подлинника Рук. Отд. ИАН. Впервые помѣщенъ былъ Страховымъ въ ЭП 1864, сент. («Воспоминанія объ А. А. Григорьевѣ»).

305,7. «Стихотворенія А. Григорьева» вышли въ 1846 г. Отзывъ о нихъ Бѣлинскаго въ мартовск. кн. СВРМ 1846 г.

305,20. Что именно переводилъ Григорьевъ въ МВѣд. не установлено. Извѣстно лишь, что въ 1851 г. Григорьевъ писалъ въ «Вѣдомостяхъ Моск. Городской Полиціи» (статья о бенефисѣ П. М. Садовскаго; см. В. Родиславскій «П. М. Садовскій», РВ 1872, августъ, стр. 23).

306,23-24. Циклъ стихотвореній «Борьба».

307,10. Раиса Гарднеръ—несчастная любовь Д. И. Писарева.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. I. Самая ранняя изъ извѣстныхъ рукописей А. А. Григорьева. Съ Подлинника, принадлежащаго Жозефинѣ Антоновнѣ Полонской. На оборотѣ рукописи рукою Я. П. Полонскаго помѣтка: «Аполлона Григорьева еще студента Критика Апол. Григорьева изъ его студенческихъ записокъ». Ср. съ напечатанной М. О. Гершензономъ въ т. I «Русскихъ Пропилей» (М. 1915, стр. 210—217) Запиской Н. М. Орлова: «По просьбѣ Григорьева».

II. Условіе... Б., XIV, 364—365. Относится къ февр. 1856 г.

III. Программа журнала МСКВ. Б., XIV, 363. Вѣроятно, составлена Григорьевымъ.

Б. III и V. Свидѣтельства сообщены для наст. изд. внукомъ Ап. Ал. — Владимиромъ Александровичемъ Григорьевымъ.

V. Дѣла Архива Моск. Универс. 1845 г. № 83. Въ Архивѣ Спб. Университета не нашлось дѣла о попыткѣ Григорьева держать экзаменъ на магистра уголовнаго права. Только во Входящемъ Журналѣ по Совѣту СПБ. Универс. за 1845 г. мы нашли слѣдующія записи:

25 Апрѣля № 282.	Прошеніе Кандидата Москов. Унив. Григорьева о дозволеніи ему держать экз. на степень магистра Угол. Права.	21 Іюня сообщ. въ Юрид. Ф. № 668.	3 Мая писано въ Совѣтъ Моск. Ун. № 483.
5 Іюня № 442.	Совѣта Моск. Унив. 31 мая № 682 съ препровожд. Аттестата объ ученіи Кандидата Григорьева.	Отв. 21 Іюня № 667.	

VIII. «Аттестатъ А. А. Григорьева». Сообщенъ для наст. изд. В. С. Спиридоновымъ. 336, 5—8: даты невѣрны. Ср. съ Дѣломъ Совѣта Моск. Универс., № 78, стр. 325—327 наст. изд.

В. I и II. Изъ переписки Я. П. Полонскаго съ А. А. Фетомъ. Съ подлинниковъ (въ отрывкахъ), принадлежащихъ Жозефинѣ Антоновнѣ Полонской. Годъ 1-го письма Фета дат. приблизительно. Въ письмѣ есть фраза: «чтобы письмо мое застало Тебя (т. е. Полонскаго) въ Тифлисѣ» и указанъ адресъ Фета: «А. А. Фетъ Г-ну Корнету Кирасирскаго Военнаго Ордена Полка. Въ Штабъ 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса. Херсонской Губерніи въ г. Елисаветградъ». Фетъ произведенъ былъ въ корнеты 14/III 1846 г. Дата 2-го письма, скорѣе всего, 1848-й г. Весною этого года Фетъ былъ назначенъ адъютантомъ. А въ письмѣ, откуда взятъ приведенный отрывокъ, сказано: «Я адъютантъ... кончивъ первую книгу Горація, я хочу приниматься за другую»...

III. Письмо П. П. Чубинскаго. Съ подлинника, принадлежащаго Ж. А. Полонской.—О Чубинскомъ см. П. Боборыкина «За полвѣка» (МГ 1908, № 5—6, стр. 54).—341, 3. Александръ Павловичъ Сниткинъ, сотрудникъ «Развлеченія», «Искры» (Аммосъ Шишкинъ), «Свѣточа», авторъ большого произведенія «Стрикаловскій баринъ» (БдЧ), † 1860 г. О немъ см. РИнвалидъ 1861, № 67 и № 68, 24 и 25 марта.

IV. Письмо Н. Н. Страхову. Рук. Отд. ИАН. Курсивомъ набраны отвѣты А. А. Григорьева. Годъ женитьбы указанъ невѣрно: нужно 1847 г.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ.

131. Ксенофонту Тимофѣевичу N Рук. ПД. Пдпс. Григорьевъ намекаетъ на свою «страсть» къ А. Ѳ. Коршъ (см. примѣчанія къ «Листкамъ изъ рукописи») и даритъ свой Дневникъ, т. е. «Листки изъ рукописи», Ксенофонту Тимофѣевичу. Дневникъ же этотъ, какъ я пытался установить, былъ писанъ въ 1845 г. Съ другой стороны, Григорьевъ заявляетъ, что онъ сочиняетъ драму, о которой проситъ «ни слова» не говорить отцу. Извѣстны 2 драмы Григорьева:

«Два эгоизма» (или «Современный рокъ») и «Отецъ и сынъ». Первая была закончена въ окт. 1845 г. (см. письмо 2 къ Погодину). и напечатана въ дек. кн. РП 1845 г. Скрывать отъ отца имѣло смыслъ только свой первый драматическій опытъ. Слѣдовательно, письмо къ К. Т. было писано въ 1845 г., скорѣе всего весной или лѣтомъ.—Кто такой Ксенофонтъ Тимофѣевичъ, раскрыть пока не удалось. Это былъ или сослуживецъ или добрый старый знакомый А. И. Григорьева изъ чиновничьяго петербургскаго круга. Въ повѣсти Григорьева «Другой изъ многихъ» (МГЛ 1847 г.) Ксенофонтъ Тимофѣевичъ, повидимому, фигурируетъ подъ именемъ Степана Никифоровича Похорцева. Этотъ послѣдній, по просьбѣ Петра Петровича Чабрина (читай: А. И. Григорьева), посѣтилъ въ апрѣлѣ 1845 г. впервые его сына (т. е. А. А. Григорьева) въ Спб., заставъ его въ разгаръ связи съ Васильемъ Имеретиновымъ (т. е. Милановскимъ? см. примѣч. къ письму 132), «пріѣхавшимъ изъ за границы развратнымъ товарищемъ». Въ томъ же апрѣлѣ Иванъ Петровичъ Чабринъ, порвавъ съ Имеретиновымъ, впалъ въ покаянное настроеніе и въ этомъ настроеніи явился къ Степану Никифоровичу. «Въ знакъ своего довѣрія ко мнѣ,—писалъ Петру Петровичу Похорцевъ, передалъ онъ мнѣ свой дневникъ, веденный имъ въ продолженіи этого послѣдняго времени. По прочтеніи, тотчасъ же я его сжегъ; но я сохраню этотъ памятникъ его ко мнѣ благородной довѣренности» (МГЛ, № 265, стр. 1062). Дневникъ (если имѣть въ виду «Листки изъ рукописи») однако не былъ сожженъ. Вмѣстѣ съ письмами 131 и 132 онъ былъ пріобрѣтенъ Пушкинскимъ Домомъ отъ одного лица въ Спб., къ которому могъ перейти отъ Ксенофонта Тимофѣевича или его потомковъ.

132. Отцу (А. И. Григорьеву). То же. Таинственнымъ и неразгаданнымъ персонажемъ письма является Милановскій. Фамилія эта упоминается еще разъ въ письмѣ Фета къ Полонскому (см. Приложенія, письмо отъ 30 іюля). Кто же таковъ Милановскій? Въ «Московскомъ Некрополѣ» (II, 261) есть: «Милановскій, Алексѣй Соломоновичъ, колл. асс., † 6 октября 1877 г., 49 л. (Дорогомиловское кладбище)». Слѣдовательно, этотъ Милановскій родился въ 1828 г., и въ 1844—45 гг. ему было 16—17 лѣтъ. Въ повѣсти «Другой изъ многихъ», подъ именемъ Василія Павловича Имеретинова, выведенъ, повидимому, Милановскій. Герой повѣсти—Имеретиновъ, былъ молодъ, «ребенокъ», говоритъ авторъ. Но онъ уже окончилъ университетъ. Послѣ смерти своего родителя, «стариннаго товарища и соученика по университетскому пансіону», Григорьева—отца (выступающаго въ повѣсти подъ именемъ Петра Петровича Чабрина), Василій Имеретиновъ попалъ въ руки старика дяди, «страннаго чудака», масона. Если предположить, что одинъ изъ героевъ повѣсти,—ротмистръ Зарницынъ, Фетъ, то Фетъ зналъ Василья, «какъ свои пять пальцевъ», и отзывался о немъ, какъ о «дьяволѣ въ тѣлѣ ребенка». Съ жестокою, хищною волей, и необузданными страстями этотъ малый, дѣйствительно, осѣдлалъ добродушнаго и податливаго Григорьева, состояніе котораго, къ тому же, въ первую пору ихъ знакомства, осенью 1844 г., было чрезвычайно тяжелымъ отъ перенесенныхъ въ Москвѣ душевныхъ страданій, и большихъ трудовъ, вѣроятно, стоило Григорьеву отдѣлаться отъ этой дружбы. Въ этой повѣсти, какъ въ фокусѣ, сходятся всѣ таинственныя нити, связывавшія Григорьева съ масонствомъ, но пока даже самыя догадки требуютъ изысканій. Трудно однако утвердительно сказать, что А. С.

Милановскій московскаго кладбища, Милановскій писемъ и В. П. Имеретиновъ повѣсти—одно и тоже лицо.

133. М. П. Погодину Рук. Рум. Музея. Пдпс. Извѣстно (Б., XI, 407, 522—523), что въ окт. 1851 г. Гоголь читалъ для Московскихъ артистовъ «Ревизора», передъ возобновленіемъ его на Московской сценѣ. Весь зимній сезонъ шла эта пьеса. И въ апр., 2-й кн., МСКВ (№ 8, ценз. дата: 15 апр.) напечатана была статья Григорьева «Лѣтопись Моск. театра» съ разборомъ «Ревизора» и «Горя отъ ума». Так. образ. письмо написано было, скорѣе всего, въ мартѣ.

134. Н. Ѳ. Щербинѣ. Рук. ПД. На оборотѣ письма адресъ: «На Прѣсненскомъ прудкѣ, въ домѣ Князя Грузинскаго. Николаю Ѳедоровичу Щербинѣ». Дата почтоваго штемпеля: «Апрѣля 7». Годъ устанавливается по календарю: 1852-й. Въ этомъ году Григорьевъ ѣздилъ въ СПБ. держать экзаменъ на учителя исторіи при Штабѣ военно-учебныхъ заведеній. Знакомство со Щербиною, очевидно, по МСКВ; черезъ 2 года Щербина совершенно разошелся съ кружкомъ «молодой редакціи»: въ полномъ собраніи его сочиненій (СПБ. 1873) только на одного Григорьева помѣщено 9 эпиграммъ (1854—60 гг.).

135. М. П. Погодину. Рук. Рум. Музея. 1-е мая въ среду приходится на 1857 г.

Указатель именъ.

Аверкіевъ, Дмитрій Васильевичъ, VI, 274, 306, 351, 354, 356—357.
Авсѣенко, Василій Григорьевичъ, 355.
Аглоблинъ, Викторъ Николаевичъ, 132, 382.
Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ, 362—363.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, VI, 339, 354, 356.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ, VI, 179, 346, 389.
Аксаковъ, Сергѣй Тимофѣевичъ, 9, 56—59, 61—62, 65—66, 142, 179, 306.
Аксаковы, 144, 155.
Александровъ, Анатолій, 362.
Александръ I, императоръ, 8.
Александръ II, императоръ, 172, 174, 224, 386.
Александръ III, императоръ, 360.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 383.
Аллезъ, 21.
Алмазовъ, Борисъ Николаевичъ, VI, XVII, XXII, 140, 184, 197, 242, 258, 261—262, 264, 357, 387, 390—391.
Алп., Н., 354.
Альбертини, оперная артистка, 176.
Альфонскій, Аркадій Алекс., ректоръ Моск. Унив., 014—015, 322.
Алюевъ, актеръ, 297.
Андреевичъ, см. Соловьевъ, Евгеній.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, VI, 225, 239.
Антонъ Сергѣевичъ, цыганъ-гитаристъ, XVIII.
д'Арленкуръ, виконтъ, 83, 94—95.
Арндтъ, Іоаннъ, 10.
Арсеній, аѳонскій схимникъ, 188.
Аскоченскій, Викторъ Ипатьевичъ, 64, 260, 266, 286, 288.
Асланович, г-жа, 02.
Ашевскій, С., 360, 362, 375.
Аѳанасьевъ, Максимъ, 193, 210, 235, 239, 249, 252, 348, 387.

Бабиковъ, К., 354.
Бабстъ, Иванъ Кондратьевичъ, 225.
Базуновъ, И. В., 124—125, 289.
Байронъ, X, 43, 52, 59, 80, 95, 263, 298.
Баканинъ, полицейскій врачъ въ Спб., 350.
Бантышевъ, пѣвецъ, XVIII.
Барклай де Толли, 270.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ, VII—VIII, XI, 360, 376—384, 386—387, 389—391, 393.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, 360, 380.
Баршевъ, Сергѣй Ивановичъ, 133.
Басаргинъ, А., 358.
Басистовъ, Павелъ Ефимовичъ, 125.
Бахметевъ, 255.
Б—ая, 09.
Безакъ, Александръ Павловичъ, Оренбургскій ген.-губернаторъ, 291—292, 392—393.
Безобразовъ, 225.
Бекетъ, Екатерина Николаевна, 193.
Белль, гувернеръ, кн. И. Ю. Трубецкого, 56, 178—179, 223, 248, 251.

Бенвенуто Челлини, 177.
Бенеке, 46—47, 49, 275, 375.
Беранже, 102, 104, 377.
Бергъ, Николай Васильевичъ, XVII, 124, 128, 141.
Берингъ, моск. полиціймейстеръ, 191.
Беріо, композиторъ, 02.
Бертенсонъ, Сергѣй, 383.
Бестужевъ (Марлинскій), Александръ Александровичъ, 60, 67—69, 74.
Бетховенъ, 52, 176, 270.
Бецкій, Иванъ Ивановичъ, 167, 173, 178, 182, 190—192, 226, 243, 247—248.
Бибикова, Анна Иваноана, 351, 357.
Бирюковъ, Павелъ Ивановичъ, 360.
Битовтъ, Юрій, 361.
Б., К., 353.
Блокъ, Александръ Александровичъ, IX, 362.
Боборыкинъ, Петръ Дмиріевичъ, VI, XXII, 300, 350, 354—355, 360—361.
Боклевскій, Петръ Михайловичъ, VI, 144, 238, 344, 360, 389.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ, 60.
Борджіа, Лукреція, 183, 199, 224.
Борисовъ, Иванъ Петровичъ, 388.
Бородинъ, Александръ Порфирьевичъ, XV, 386.
Бородинъ, Николай Андреевичъ, 360.
Боткинъ, Василій Петровичъ, VI, 51, 108, 159, 162—163, 205, 250, 254, 306, 347, 356, 375, 385.
Боткинъ, Дмитрій Петровичъ, VI.
Боткины, XIII.
Боттичелли, Алессандро, 212.
Бреннъ, 290.
Бродскій, Н., 362—363.
Брокъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 03, 371.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, 69, 90, 111, 115, 137, 273, 353.
Бурачокъ, 267, 277.
Буркова, Мина Ивановна, 201—202.
Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, 225, 373.
Бухаревъ, Александръ Матвѣевичъ, 266—268, 349, 392—393.
Быковъ, Петръ Васильевичъ, VI, 360.
Былинкинъ, Е., см. Порѣцкій, Александръ Іустиновичъ.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ, 2, 55, 57, 66, 69, 110, 222, 227, 239, 242, 272, 279, 286, 288, 305, 307, 345, 352, 357, 375, 389, 394.
Бѣляевъ, Иванъ Дмитріевичъ, 242, 299, 344, 374.
Бѣляевъ, Иванъ Степановичъ, IX.
Бѣляевъ, лавочникъ, 300—301.
Бюніанъ, 10.

Варламовъ, Александръ Егоровичъ, VI, 194, 345, 367.
Варнеке, Борисъ Васильевичъ, 360.
Василій, кучеръ Григорьевыхъ, 14, 16—17, 33—34.
Васильевъ, Николай, 362.
Васильевъ, С. В., XVII.
Васильчиковъ, 199.
Введенскій, Арсеній Ивановичъ, 357.
Введенскій, Иринархъ Ивановичъ, 27, 275, 379.
Вейнбергъ, Петръ Исаевичъ, 300.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ, 105, 122.
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ, 355—357, 360.
Верди, 176, 200, 204, 213, 216.
Вернеръ, Захарія, 81.
Веронезе, Паоло, 211.
Верстовскій, Алексѣй Николаевичъ, 128, 142, 381.
Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, 360.
Ветлугинъ, В., см. Розановъ, Василій Васильевичъ.
Вигель, Филиппъ Филипповичъ, 379.
Визардъ, Владиміръ Яковлевичъ, XIV, XXII, 346.
Визардъ, Дмитрій Яковлевичъ, XIII—XV, XXII, 194, 200, 346.
Визардъ, см. Протопопова, Евгенія Яковлевна.
Визардъ, Eugenie, жена Я. И. Визарда, XIV, 208, 386.
Визардъ, Iean Elie, XIII.

Визардъ, Леонида Яковлевна, см. Владыкина, Леонида Яковлевна.
Визардъ, Яковъ Ивановичъ, XIII—XVI, XX, 208, 346, 386.
Визарды, семья, XIV, XVIII, XXII—XXIII, 388.
Вильбоа, Константинъ Петровичъ, VI, 269, 271, 294, 392.
Витбергъ, Ѳедоръ Александровичъ, IX.
В., К., 354.
Владиславлевъ, И. В., 361.
Владичъ, 263.
Владыкина, Леонида Яковлевна, рожд. Визардъ, VI, XI—XV, XX—XXIV, XXVIII—XXIX, 193, 207—208, 210, 240, 248, 346—347, 350, 387.
Владыкинъ, Михаилъ Николаевичъ, VI, XXII—XXIII, XXVIII, 185, 347.
В., Н., 362.
Войцеховичъ, 180, 199.
Волковъ, Сергѣй Арсеньевичъ, XVII, 196, 387.
Волконскій, домовладѣлецъ въ Москвѣ, 385.
Волынскій, А. (Флексеръ), 357—358.
Вольтеръ, 79, 83, 87—88.
Вольфъ, А., 355.
Воронцовъ, Н, Н., 143, 147.
Воскобойниковъ, Николай Николаевичъ, VI, 269, 274, 286.
Воскресенскій, 69, 92, 96.
Воскресенскій, Иванъ Алексѣевичъ, 14.
В—скій, Ч., 363.
Вѣтринскій, Ч., 360, 362.
Вяземскій, кн. Петръ Андреевичъ, 384, 391.

Гай, докторъ, 180.
Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ, VI, 121—121, 123, 225, 346, 352, 355—357, 372, 381, 385.
Галеви, композиторъ, 372.
Гарднеръ, Раиса, 307, 394.
Гарибальди, Джузеппе, 248.
Г—въ, А., 356.
Гелль, 60, 67, 166, 283, 380.
Гегель, XVII.
Гедеоновъ, Александръ Михайловичъ, 381.
Гейбель, 285.
Гейне, Генрихъ, 67.
Геннади, Григорій Николаевичъ, 354—355.
Генрихъ VIII, король, 194.
Георгіевскій, 56.
Гербель, Николай Васильевичъ, 267, 355.
Геркены, VII, 253.
Гермогенъ, патріархъ, 283.
Геродотъ, 273, 292.
Герресъ, 81.
Герценъ, Александръ Ивановичъ, XVII, 112, 114, 181, 217, 226, 236а, 239, 252, 266, 305, 390.
Гершензонъ, Михаилъ Осиповичъ, 362, 394.
Геснеръ, 88.
Гёте, 08, 59, 61, 81, 122, 124.
Гильи, 21.
Гильфердинги, 264.
Гиляровъ-Платоновъ, Николай Петровичъ, 159, 261.
Гиппіусъ, Василій Васильевичъ, 392.
Гиппіусъ, Владиміръ Васильевичъ, 361.
Гіероглифовъ, А. С., VII, 258.
Гливенко, Иванъ Ивановичъ, IX.
Глинка, Евдокія, 61.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ, 313.
Глинка, Сергѣй Ѳедоровичъ, VIII.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, 379.
Гобза, Іосифъ, 359.
Говоруха-Отрокъ, [Юрій Николаевичъ, 357.
Голицынъ, кн. Сергѣй Михайловичъ, 386.
Гоголь, Николай Васильевичъ, XVII, 04, 67, 106—107, 110, 113, 116, 135, 141, 149, 151, 171, 187, 194, 213, 221, 234, 284, 288, 305, 307, 345—346, 358—360, 379—380, 383, 393.
Головачева-Панаева, Евдокія Яковлевна, 356.

Головачевъ, Алексѣй, 323.
Головинъ, Константинъ Ѳедоровичъ (Орловскій), 358.
Голубинскій, Ѳ. А., протоіерей, 129.
Гольбейнъ, 194.
Гольцевъ, Василій Александровичъ, 357—358.
Гомеръ, 217, 292.
Гончаровъ, Иванъ Александровичъ, 12, 284, 306, 342, 357, 361.
Горбуновъ, Иванъ Ѳедоровичъ, XVII—XVIII, 186, 193, 302, 359—360, 387—388, 392, 394.
Горевъ, 157, 163.
Горлицынъ, кандидатъ Моск. унив., 319.
Готье, книгопродавецъ въ Москвѣ, 07.
Гофманъ, Карлъ Карловичъ, 386.
Гофманъ, Эрнестъ-Теодоръ-Амедей, 13, 60, 67.
Грановскій, Тимоѳей Николаевичъ, VII, XIII—XIV, XVII, XXI, 2, 102, 104, 127, 179, 182, 194—195, 273.
Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, 30, 65, 361.
Григорій Неокесарійскій, 6.
Григорій, староста, 17.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, 143, 357.
Григорьева, Александра Ивановна, 315.
Григорьева, Варвара Николаевна, 315.
Григорьева, Варвара Сергѣевна, рожд. Нефедьева, 315.
Григорьева, Екатерина Ивановна, 315.
Григорьева, Лидія Ѳедоровна, рожд. Коршъ, VI, XIII, XXII, 02, 08, 010—011, 238, 260, 293, 295—296, 342, 345, 350, 371, 392.
Григорьева, Марина Николаевна, рожд. Скобельцына, 315.
Григорьева, Татьяна Андреевна, VI, 014, 14—15, 22, 31, 33—34, 42, 75—76, 156, 316, 343, 347, 367, 374—375, 378.
Григорьевъ 1-й, 3.
Григорьевъ, Александръ Аполлоновичъ, 186, 342, 346, 351, 356, 358, 383.
Григорьевъ, Александръ Ивановичъ, 014, 016, 8, 14—16, 23—24, 30—31, 33—34, 38—42, 71—78, 89—90, 92—93, 148, 156, 169, 174, 186, 219, 295, 315—317, 339, 343—344, 350, 364—367, 378.
Григорьевъ, Александръ Николаевичъ, 315.
Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ, V—XXV, XXVII, 311—314, 317—335, 337—340, 342—336, 369—397.
Григорьевъ, Валентинъ Николаевичъ, 315.
Григорьевъ, Василій Васильевичъ, 194—195, 267, 278, 350.
Григорьевъ, Василій Николаевичъ, 315.
Григорьевъ, Владиміръ Александровичъ, внукъ, VIII, 394.
Григорьевъ, Владиміръ Аполлоновичъ, 346.
Григорьевъ, Евгеній Николаевичъ, 315.
Григорьевъ, Иванъ Григорьевичъ, дѣдъ, 9—12, 15—16, 315, 343.
Григорьевъ, Константинъ Николаевичъ, 315.
Григорьевъ, Николай Ивановичъ, 02, 04, 315, 366, 371, 375.
Григорьевъ, Петръ Аполлоновичъ, 346.
Григорьевъ, Платонъ Николаевичъ, 315.
Григорьевы, родъ ихъ, 315, 343, 371, 373, 375.
Громека, Степанъ Степановичъ, VII,
Гроссманъ, Леонидъ, 362.
Гротъ, Яковъ Карловичъ, 358.
Гуринъ, трактиръ его, XVIII.
Гюбень, Осипъ Ивановичъ, домовладѣлецъ, 378.
Гюго, Викторъ, 2, 60—61, 67, 91, 94—95, 157, 282, 373.

Д., см. Пыпинъ, Александръ Николаевичъ.
Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ, VII, 102, 146.
Дандевиль, Викторъ Дезидеріевичъ, генералъ, 393.
Дандевиль, жена В. Д. Д., 292, 393.
Данте, 59, 178, 217.
Д., Е., 359.
Делавинь, Казимиръ, 102, 104, 124, 377.
де-Лазари, гитаристъ, XXVII.
Деларошъ, Поль, 250.
Дементьевъ, Василій, 236.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, 60, 71, 285.
Дефонтень, 87.
Дидро, Дени, 84, 120.
Диккенсъ, Чарльзъ, 95, 379.
Дмитріевъ, Иванъ Алексѣевичъ, 136.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, 60, 71, 73.
Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ, 61, 64—65, 137, 142, 355.
Дмитріевъ, Ѳ., 225.
Дмитрій Ильичъ, секретарь, 24.
Добролюбовъ, Николай Александровичъ, 27, 252, 287—288, 306, 353, 389—390.
Долгополовъ, и. д. оберъ-прокурора Сената, 331, 333.
Долговъ, Н., 361—362.
Доминикъ, св., 94.
Доницетти, 92.
Достоевская, Анна Григорьевна, VIII, 360.
Достоевскіе, 278, 306, 340, 349.
Достоевскій, Михаилъ Михайловичъ, VI—VII, 1, 263, 266, 275, 280, 289, 307, 391.
Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ, 46, 68, 115, 263, 267, 273—274, 284—286, 290, 299—301, 351, 354—355, 360, 391, 394.
Драшусовъ, Владиміръ А., XIII, 109, 380.
Дріянскій, Егоръ Эдуардовичъ, XVII, 157, 250, 385.
Дружининъ, Александръ Васильевичъ, 80, 154, 157—158, 160—162, 164, 178, 185—186, 189—190, 206—207, 300, 306—307, 313, 347—348, 354, 356, 375, 385—386.
Дружининъ, Василій Григорьевичъ, VIII.
Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ, 141, 157, 307.
Думновъ, Владиміръ Васильевичъ, издатель, 361.
Дьяковъ, 220.
Дьяченко, 58.
Дюбюкъ, А. И., VII, XVIII, 144, 313, 386.
Дюкре-Дюмениль, 38, 59, 74, 80, 82—83, 376.
Дюма, Александръ, 2, 91.
Дю-Туръ, Софья Николаевна, 358.
Дядьковскій, Іустинъ Евдокимовичъ, 44.

Евгеньевъ, В., VIII, 363, 385, 391.
Егоровъ, Д. Н., IX, XIII.
Егуновъ, А. Н., 130, 382.
Елагинъ, Ю., см. Говоруха-Отрокъ, Юрій Николаевичъ.
Ешевскій, Степанъ Васильевичъ, 225.

Жаковъ, Калистратъ Ѳалалеевичъ, 362.
Жандръ, Алексѣй Андреевичъ, 69.
Жаненъ, 2.
Жанлисъ, 74, 79—80, 82—83.
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, 360.
Желѣзновъ, Іосафатъ Игнатьевичъ, VII, XVII, 360, 390.
Жемочкины, домъ ихъ, XXI, XXII—XXIII.
Жеребцовъ, Николай Арсеньевичъ, 224, 389.
Жирмунскій, В., 363.
Жихаревъ, Степанъ Петровичъ, 73, 379.
Жихаревъ, студентъ, 344.
Жуковскій, Василій Андреевичъ, 23, 53—54, 63, 73, 92, 191.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, 225.
Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, 58—59, 62, 64, 66, 90, 95, 122.
Зайцевъ, владѣлецъ виннаго погреба въ Москвѣ, XVIII, 389.
Закревскій, гр. Арсеній Андреевичъ, XVII, 191, 224.
Замотинъ, Иванъ Ивановичъ, 359.
Зандъ, Жоржъ, 016, 27, 119, 217, 371—372.
Зандъ, Карлъ, 82.
Занфтлебенъ, 131.
Заурядный читатель, 355.
Захаровъ, Иванъ Ивановичъ, 09, 015—016, 372.
Захаровъ, Т., экспедиторъ Моск. Воспит. Дома, 317.
Званцовъ, Константинъ Ивановичъ, 356.
Златковскій, Михаилъ Леонтьевичъ, 389.
Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ, 357, 373.
Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ, 10.
Зубовъ, 331.

Ивановъ, Иванъ Ивановичъ, 358.
Ивановъ, кандидатъ Моск. унив., 319.
Ивановъ, С. С., 344.
Иванчинъ-Писаревъ, 53.
Иванъ, священникъ с. Перова, 24, 374.
Иванъ, слуга Григорьевыхъ, 13, 16, 22—23, 34.
Игнатій, поваръ Григорьевыхъ, 29.
Игнатій Ивановичъ, купецъ, 21.
Ильинъ, 306—307.
Искандеръ, см. Герценъ, Александръ Ивановичъ.

К., А., 359.
Кавелина, Антонина Ѳедоровна, рожд. А. Ѳ. Коршъ, 01—04, 06—011, 015, 344, 366, 370—371.
Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ, 01, 03—05, 07—09, 011, 015, 120, 139, 225, 299, 341, 344, 366, 369—371, 382.
Калайдовичъ, Николай Константиновичъ, VII, 103, 344—345, 365, 377.
Калиновскій, Д. И., издатель, 391.
Каліостро, 281.
Каллашъ, Владиміръ Владимировичъ, 361.
Кантемиръ, Антіохъ Діомидовичъ, 272.
Кантъ, 60.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ. 53, 55, 59, 65—66, 71, 73—74, 88, 377.
Карлейль, 91.
Карлъ Великій, 83.
Карніолинъ-Пинскій, М., 331—332.
Карповъ, Иванъ, кандидатъ Моск. унив., 319—320, 344.
Катенинъ, 278.
Катенька, дѣвочка, 35.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, VII, XVII, 138, 186, 195, 260, 273, 280, 283, 307, 307, 349, 383, 391, 393.
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ, 225.
К—ая, 07.
К., Б., 359.
Кетчеръ, Николай Христіановичъ, XIII, 225, 249.
Кирѣевскіе, 144.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, 54, 62, 198, 266—267, 273, 306.
Клауренъ, 80—81.
Климентъ, папа римскій, 19.
Клопштокъ, 81.
Клюшниковъ, Иванъ Петровичъ, 271, 340.
Кн., Вл., 363.
Княжнинъ, Влад., IX, XXIX, 362—363.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ, 11.
Ковалевскій, Павелъ Михайловичъ, 354.
Козинъ, домовладѣлецъ въ Москвѣ, 7.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ, 90.
Кокоревъ, Василій Александровичъ, 193, 222, 224, 228, 234, 257, 389.
Кокоревъ, Иванъ Тимофѣевичъ, 48, 179.
Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ 58—59, 66.

Колошинъ, Дмитрій, 365.
Колошинъ, Сергѣй, 258, 260, 390.
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ, 61, 209.
Колюпановъ, Нилъ Петровичъ, 357, 384.
Комитетъ Литературнаго Фонда, 258, 291, 349.
Кони, Ѳедоръ Алексѣевичъ, 123—124, 381.
Конисскій, Александръ Яковлевичъ, 358.
Константиновъ, Н., см. Леонтьевъ, Константинъ Николаевичъ.
Корнѣевъ, М. В., 357.
Корсуновъ, Николай, 328.
Коршъ, Антонина Ѳедоровна, см. А. Ѳ. Кавелина.
Коршъ, Валентинъ Ѳедоровичъ, 09, 126, 139, 225, 249, 371—372, 381.
Коршъ, Евгеній Ѳедоровичъ, 249, 371.
Коршъ, Лидія Ѳедоровна, см. Л. Ѳ. Григорьева.
Коршъ, Любовь Ѳедоровна, см. Л. Ѳ. Крылова.
Коршъ, семья, VII, 344.
Коршъ, Софья Григорьевна, 02—04, 06, 370—371.
Коршъ, Софья Ѳедоровна, см. С. Ѳ. Куманина.
Коршъ, Ѳедоръ Адамовичъ, 371.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ, IX, 371.
Косица, Ник., см. Страховъ, Николай Николаевичъ.
Костомаровъ, Николай Ивановичъ, 290, 299, 350, 390—391.
Котляревскій, Несторъ Александровичъ, VIII.
Коттень, 37, 79—80, 82—83.
Кохановская, Н., см. Соханская, Надежда Степановна.
Коцебу, 81, 376.
Кошеверовы, братья-купцы, XVII.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, VIII, 150, 154, 158, 186, 262, 347, 357, 384.
Краевскій, Андрей Александровичъ, 119—120, 122, 129, 132, 143, 157—158, 244, 289—290, 298, 308, 346, 348, 350, 380—382, 385, 390, 393.
Крапоткинъ, Петръ Алексѣевичъ, 360.
Красновъ, Платонъ Николаевичъ, 358.
Крестовскій, Всеволодъ Владимировичъ, VII, 258, 269, 271—272, 354, 390.
Кромвель, Оливеръ, 95.
Круковскій, Адр., 363.
Крылова, Любовь Ѳедоровна, рожд. Коршъ, 03—04, 010—011, 371.
Крыловъ, Никита Ивановичъ, VII, 02, 08, 010—012, 2, 104, 182, 197, 236, 322, 344, 370—371.
Крыловъ, повытчикъ, 318.
Крыловъ, Сергѣй, 356.
Крыловы (Н. И. и Л. Ѳ.), 365.
Крюковъ, Дмитрій Львовичъ, 03—04, 2, 371.
Крючковъ, Дмитрій Александровичъ, 363.
Ксенофонтъ Тимофѣевичъ, 364—365, 370.
Кублицкая-Піоттухъ, Александра Андреевна, IX.
Кудрявцевъ, Петръ Николаевичъ, 28, 120, 126, 195, 272—273, 346, 372, 381.
Кудряшовъ, Михаилъ Ивановичъ, IX.
Кузенъ, 60.
Кузмичевъ, Ѳедотъ, 57.
Кузьминскій, Константинъ, 360.
Кузьминскій, К. 389.
Кузьминъ, офицеръ, 162.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ, 56, 136, 347, 383.
Кулжинскій, Иванъ Григорьевичъ, 61—62.
Кулишъ, Пантелеймонъ Александровичъ, 187.
Куманина, Софья Ѳедоровна, рожд. Коршъ, 04, 08, 011, 371.

Куманинъ, 371.
Кунингамъ, Оленъ, 90.
Куно Фишеръ, 283.
Курочкинъ, Василій Степановичъ, 286.
Кусковъ, Платонъ Александровичъ, 267, 275, 285—286, 290.
Кушелевъ-Безбородко, гр. Григорій Александровичъ, 231—234, 236, 239, 243—244, 246, 248, 257, 277, 280, 306, 339, 341, 348, 389—390, 392.

Л., А., 359.
Лазаревъ-Станищевъ, генералъ, 249.
Лаздовскій, Казимиръ, 300—301, 337, 394.
Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ, 10, 353.
Лакіеръ, Александръ Борисовичъ, 377.
Ламартинъ, 61, 94.
Лафонтенъ, фонъ Августъ, 74, 85, 88, 376.
Лебедевъ, 21, 31, 36, 76.
Лебедевъ, 275.
Лёвинъ, Василій, 198.
Левитовъ, Александръ Ивановичъ, 307, 349, 356.
Лемерсье, 102.
Леонидовъ, Леонидъ Львовичъ, 356.
Леонтьевъ, 195, 260, 274.
Леонтьевъ, Константинъ Николаевичъ, VII, XI, 350—351, 354, 362.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, 06, 61, 68, 116, 169, 194, 215, 282, 288, 350, 361, 387.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 361.
Лессингъ, 102.
Лешковъ, Василій Николаевичъ, 138, 213, 222, 313, 319—320.
Лиза, крестовая сестра [?] Ап. А. Григорьева, 344, 370—371.
Линскій, Вл. 359.
Лисовскій, Николай Михайловичъ, 362.
Листъ, Францъ, 06, 217, 372.
Литературный Фондъ, см. Комитетъ Л. Ф.
Лихачевъ, Вячеславъ, 384.
Лишина, Г. О. (рожд. баронесса Веліо), 361, 392.
Лобовъ, Е., 360.
Логиновъ, Спб. домовладѣлецъ, 296.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ, 225, 285.
Л., Н., 363.
Лукерья, нянька Григорьева, 16, 22, 33—34, 75—76.
Л—ъ, 07.
Львовъ, 216, 222.
Лобецкій, 141.
Лѣсковъ, Николай Семеновичъ, XI.
Ляпуновъ, Прокопій, 283.

Мадзини, Джузеппе, 248.
Mazon, André, 361.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ, VI, 215, 348, 356, 388—389.
Макаровъ, купецъ, 156.
Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ, 384.
Максимовъ, В., 373.
Максимовъ, Сергѣй Васильевичъ, XVII, 385, 387, 389.
Маскинъ, артистъ, XVII.
Малицкій, Петръ, 323.
Марина, дѣвочка, 17, 75.
Маріо, пѣвецъ, XVIII.
Марія Алексѣевна, тетка Ек. С. Протопоповой, 386.
Марія Ѳедоровна, 268—269, 282, 284, 290, 294—297, 348—350, 392—393.
Марковъ, Василій, 355.
Марксъ, Адольфъ Ѳедоровичъ, издатель, 359.
Марлинскій, см. Бестужевъ.
Мартыновъ, 128.
Масловъ, 289—290.
Медичи, 201, 219.
Медовиковъ, Петръ Ефимовичъ, 139, 383.
Межевичъ, Василій Степановичъ, 103—104, 345, 367, 373, 377—378.

Межовъ, Владиміръ Измайловичъ, 354.
Мезіеръ, Августа Владиміровна, 359.
Мей, Левъ Александровичъ, VII, XVII, 61, 129, 133, 206, 258, 271, 346 355, 360, 381, 382, 391.
Мейерберъ, 176, 339, 372.
Мельниковы, 200.
Меморскій, 21.
Мендельсонъ, 176.
Мендельсонъ, Н. М., 363.
Меншиковъ, Арсеній Ивановичъ, 07, 014, 372.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, 53, 60.
Меркулова, Анна Петровна, 012, 016, 372.
Меркуловъ, Петръ Кирилловичъ, 014, 016, 372.
Мертваго, 153, 155—156.
Микель-Анджело, 177.
Милановскій, 338, 365.
Миллеръ, Ѳедоръ Богдановичъ, 390.
Мильгаузенъ, кандидатъ Моск. унив., 319.
Милюковъ, Александръ Петровичъ, X, 263, 265, 272, 275, 349, 355—356, 391.
Минаевъ, Дмитрій Дмитріевичъ, 267, 285—287.
Мининъ-Сухорукъ, Козьма, 347.
Михайловскій, 152.
Михайловъ, Д., 359.
Михайловъ, Иванъ, слуга А. И. Григорьева, 374.
Михайловъ, канцелярскій служитель, 331.
Михайловъ, Михаилъ Илларіоновичъ, 283, 381, 393.
Михневичъ, Владиміръ Осиповичъ, 356.
Михно, Николай Васильевичъ, 300, 350, 354, 394.
Мицкевичъ, Адамъ, 182, 217, 287, 298.
М., М., издатель, 379.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, VIII.
Молешоттъ, 45.
Мольеръ, 55—56, 378.
Монтолье, 83.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ, 358—359.
Морошкинъ, Ѳедоръ Лукичъ, 2, 319—320.
Мочаловъ, Павелъ Степановичъ, XIX, 2, 63, 66, 68, 194.
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ, 62, 159, 173, 202, 217, 226.
Мурзановъ. Николай Алексѣевичъ, VIII, 317, 334.
Мурильо, 174—175, 207, 211, 250.
Муръ, Томасъ, 60.
Мюссе, Альфредъ де, 8, 120, 124, 129—130, 352.

Надеждинъ, Николай Ивановичъ, 2, 44, 57, 273, 292.
Надоумко, Никодимъ, см. Надеждинъ, Николай Ивановичъ.
Назимовъ, Владиміръ Ивановичъ, 133, 139, 145, 347.
Назимовъ, Михаилъ Леонтьевичъ, 014, 69—70, 319, 322—323, 372.
Наливкинъ, Ѳедоръ Никитичъ, 107, 379.
Наполеонъ I, 95.
Н—въ, Ник., 362.
Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ, 60.
Негоревъ, Н., 362.
Незеленовъ, Александръ Ильичъ, 356.
Некрасовъ, Константинъ Ѳедоровичъ, издатель, 362.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ, VII, XIX, 3, 287—288, 291, 306, 373, 379, 385.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, 71, 73.
Нелидовъ, 359.
Нефедовъ, Филиппъ Діомидовичъ, 356.
Нефедьева, см. Григорьева, Варвара Сергѣевна.
Нибуръ, 55.

Никита—мученикъ, 12.
Никитенко, Александръ Васильевичъ, 383.
Николаевъ, Ю., см. Говоруха-Отрокъ, Юрій Николаевичъ.
Николай I, императоръ, XIV, 273, 386.
Николевъ, Николай Петровичъ, 11.
Никольскій, Борисъ Владимировичъ, 358—359.
Нильскій, А., артистъ, 357—358.
Нистремъ, К., 385.
N, Ксенофонтъ Тимофѣевичъ. См. Ксенофонтъ Тимофѣевичъ.
Новиковъ, Николай Ивановичъ, 11.
Новосильцовъ, Александръ Вл., 344.
Новый поэтъ. См. Панаевъ, Иванъ Ивановичъ.
Носковъ, Ник., 361.

Оболенскій, кн. Юрій, 153, 155.
Огаревъ, Николай Платоновичъ, 61, 271.
Одоевскій, кн. Владиміръ Ѳедоровичъ, VIII, 362.
Оже, фотографъ, XIX.
Озеровъ, Владиславъ Александр., 53.
Оливье, Демостенъ, 247.
Ордынскій, Борисъ, Ивановичъ, 191, 261—262, 391.
Орлеанскій, герцогъ, 80, 83.
Орловъ, кн., 253.
Орловъ, Николай Михайловичъ, 344, 362, 394.
Осборнъ, композиторъ, 02.
Островскій, Александръ Николаевичъ, VII, XIII, XV, XVII, XIX, XXII, 26, 48, 63, 130, 135, 140—141, 143—144, 159, 163, 174, 179—180, 184—186, 189, 194—195, 202, 205—206, 209—210, 212, 214, 216, 219, 222, 224, 228, 239—240, 250, 254—255, 269—270, 280—281, 284, 289—290, 295, 305, 307, 346—349, 353, 355—356, 359—361, 375, 384—385, 387—389, 392.
Островскій, Андрей Андреевичъ, IX.
Островскій, Сергѣй Александровичъ, VI.

Павлова, Каролина Карловна, 61.
Павловъ, 44.
Павловъ, Николай Филипповичъ, 112, 225, 273.
Павловъ, Павелъ Амвросіевичъ, VIII.
Павловъ, Платонъ, В., 289, 299.
Панаевъ, Иванъ Ивановичъ, VII, 3, 157, 159, 202, 306, 347, 353, 373.
Пановскій, 141.
Парѳеній, инокъ, 155, 157—160, 162, 202, 226, 255, 385.
Patouillet, J., 361.
Пеликанъ, А. А., 361.
Пельтъ, Николай, 323.
Переверзевъ, В. Ѳ., 363.
Перовскій, гр. Левъ Алексѣевичъ 139.
Перцовъ, П. П., 362.
Песоцкій, Иванъ Петровичъ, 373.
Петрашевскій, Михаилъ Васильевичъ, 361.
Петровъ, В., издатель, 379.
Петръ I Великій, 257.
Печаткинъ, издатель, 155, 162, 385.
П., Ив., 238.
Пиго-Лебренъ, 84—85.
Пиксановъ, Николай Кіріаковичъ, 361.
Пикулинъ, Павелъ Лукичъ, докторъ, 385.
Пироговъ, Николай Ивановичъ, XIII.
Пирожковъ, Михаилъ Васильевичъ издатель, 383.
Писаревъ, 58—59, 65.
Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ, 273, 354.
Писаревъ, Модестъ Ивановичъ, VII, 357.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, VII, 48, 140, 143—144, 163, 179, 185—186, 189—190, 197, 212, 215, 228, 239, 265, 270, 281, 284, 350, 389.
Пишъ, Б., 362.
П., К., 361.
Платонова, Надежда Николаевна, 360.
Платонъ, 198.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, 352, 356, 358.
Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ, 267, 272, 307, 393.
П—ль, Ол., 356.
Погодина, Софія Ивановна, VII.
Погодинъ, Дмитрій Петровичъ, 357.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, VII—VIII, XI—XII, XVI—XVII, XX—XXI, XXIII, 54— 55, 59, 62—64, 101, 103, 105, 107—110, 121—122, 125—126, 128—140, 143—145, 147, 149, 165—166, 172, 177, 180, 186, 189, 192, 194, 197, 213, 220, 223, 225, 227, 231, 236, 242—246, 256, 260—261, 263, 267, 270, 273, 276—277, 306, 312—314, 334, 345—350, 359—360, 365, 367—368, 375—384, 386—391, 393.
Пожарскій, Александръ Константиновичъ, IX, 390.
Полевой, Николай Алексѣевичъ, 43, 53—55, 57—59, 61—63, 65—70, 137, 379.
Полежаевъ, Александръ Ивановичъ, 2, 68, 74, 307.
Полонская, Жозефина Антоновна, 394.
Полонскій, Яковъ Петровичъ, VII, 61, 130, 231, 271—272, 280, 287, 338, 341, 344, 346, 348, 358, 373, 389—390, 393.
Поль де Кокъ, 84—85.
Полянская, А. Г., 360.
Помяловскій, Николай Герасимовичъ, 25, 27.
Понятовскій, кн., 223.
Порѣцкій, Александръ Іустиновичъ, 355.
Потѣхинъ, Алексѣй Антиповичъ, VII, 140, 143, 185, 202, 359.
Потѣхинъ, Николай Антип., 354, 390.
Прасковья, нянька Григорьева, 14, 17, 33—34.
Протопопова, Евгенія Яковлевна, рожд. Визардъ, IX, XIV, XXII, XXVIII, 346, 386—387.
Протопопова, Екатерина Алексѣевна, 386.
Протопопова, Екатерина Сергѣевна, VI, XII, XV, XXI—XXII, 168, 173, 175, 192, 202, 207, 218, 228, 232, 237—238, 241, 348, 351, 375, 386—390.
Протопоповъ, Алексѣй Сергѣевичъ, 386.
Протопоповъ, Владиміръ Сергѣевичъ, XIII.
Протопоповъ, Сергѣй, священникъ, 386.
Протопоповъ, Сергѣй Сергѣевичъ, 386.
Прутковъ, Кузьма, 353.
П., С., 379.
Пугачевъ, Емельянъ, 239.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, XI, 2, 43—44, 52—56, 60—61, 68—70, 73—74, 85, 89, 95, 119, 137, 151, 182, 215—217, 281, 284, 287, 291, 307, 348, 358.
Пушкинъ, Василій Львовичъ, 54.
Пыляевъ, М. И., XXVII.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, 357—358.
Пюисанъ, Будро, 21.
Пястъ, В. 363.

Рагозинниковъ, Александръ Ильичъ, 145, 384.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ, 283, 285.
Радклиффъ, Анна, 37, 74, 80, 83—84, 376.
Радовицъ, Іосифъ, 125, 381.
Разинъ, Алексѣй Егоровичъ, 267, 274—275, 280, 283, 285, 290.
Разинъ, Степанъ, 239.
Рамазановъ, Николай Александровичъ, XVII—XVIII, 313.
Ратынскій, Николай Антоновичъ, 344.
Рафаэль, 182, 211, 217.
Рафнъ, 134.
Рашель, 347.
Редакція журнала «Время», 299.
Рембрандтъ, 80.
Ренанъ, Эрнстъ, 27, 270.

Ржевскій, Дмитрій Семеновичъ, 129.
Робеспьеръ, 79.
Ровинскій, Дмитрій Александровичъ, XVI.
Родиславскій, В., 58, 354, 394.
Роза, Сальваторъ, 214.
Розановъ, 36.
Розановъ, Василій Васильевичъ, 357—359, 361—363.
Розановъ, Ив. Н., 361, 363.
Романи, Феличе, 92.
Ростопчина, гр. Евдокія Петровна, VII, XVII, 61, 133, 197.
Ростопчины, гр., XVI.
Рубини, пѣвецъ, 92.
Рубинштейнъ, Николай Григорьевичъ, XVII.
Рулье, Карлъ Францевичъ XVII, XVIII.
Русовъ, Николай Николаевичъ, 362—363.
Руссо, Жанъ-Жакъ, 79, 87.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ, 283.
Рѣдкинъ, Петръ Григорьевичъ, 2.
Рѣченскій, Н. Е., 375.
Рюминъ, 272.

Саблинъ, сенаторъ, вице-адмиралъ, 317.
Савеловъ, Л. М., 315.
Савиничъ, Б., 363.
Саводникъ, В. Ф., 363.
Савонарола, 177, 215.
Садовскій, Провъ Михайловичъ, XVII—XIX, 140, 161, 172, 193, 210, 220, 354, 382, 387, 394.
Садовской, Борисъ Александровичъ, 363.
де Садъ, маркизъ, 84.
Сакулинъ, Павелъ Никитичъ, 362.
Саліасъ, гр., 133.
Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ, 201—202, 216, 225, 238.
Сальвини, Томазо, 362.
Самойлова, Вѣра Васильевна, 373, 381.
Самойлова, Надежда Васильевна, 130.
дель Сарто, Андреа, 211, 219.
Сахаровъ, письмоводитель, 329.
Сахновскій, Вас., 363.
Сведенборгъ, 116.
С-въ, Вс., 355.
Сенанкуръ, Этьеннъ, де, 372.
Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), 57, 63, 68, 70, 273, 292.
Сенъ-Жюстъ, 88.
Сергѣй Ивановичъ, студентъ, учитель Григорьева, 24—25, 29—36, 38, 40—42, 74—76, 343, 374.
Сиговъ, 57.
Сизовъ, В. И., XIX, 357.
Скабичевскій, Александръ Михайловичъ, 356—357.
Скирмунтъ, М., 359.
Скобельцына. См. Григорьева, Марина Николаевна.
Скоттъ, Вальтеръ, 74, 80, 89—95, 376.
Славинъ, Александръ Павловичъ, 352.
Службинъ, Михаилъ, конюхъ, 374.
Случевскій, Константинъ Константиновичъ, 256, 271—272, 349, 351, 363, 390.
Смольяниновъ, И. Б., 363.
Соболевъ, Михаилъ Ефремовичъ, XVII—XVIII, 220, 389.
Сойкинъ, Петръ Петровичъ, 363, 390.
Соколовская, Екатерина Ивановна, 172, 215, 238, 387.
Соколовъ, Дмитрій Николаевичъ, IX
Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ, 249, 356.
Соллогубъ, гр. Владиміръ Александровичъ, 163.
Соловьевъ, Евгеній (Андреевичъ), 359.
Соловьевъ, секретарь Совѣта Моск. унив., 324.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, 102, 104—105, 139, 147, 225, 242—243, 319, 339—340, 344, 360, 362, 377—378.
Сосницкая, артитка, 373.

Соутвель, министръ Генриха VIII, 194.
Софоклъ, 345.
Софья Ивановна, сосѣдка Григорьевыхъ, 34, 36.
Соханская, Надежда Степановна (Кохановская), 360.
Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, 26—27, 105.
Спиноза, 283.
Спиридоновъ, Василій Спиридоновичъ, IX, 361—362, 375.
Сталь, 82, 84.
Старчевскій, Адальб. Вик., 257, 307.
Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ, 386.
Стаховичъ, Александръ Александровичъ, 358—359.
Стаховичъ, Михаилъ Александровичъ, VII, XVII—XVIII, XXIV, 140, 144, 353.
Стелловскій, Ѳедоръ Тимофѣевичъ, VII, 299, 394.
Степановъ, портной, 300—301.
Страховъ, Николай Алексѣевичъ, 160—161, 385.
Страховъ, Николай Николаевичъ, VI, 45—47, 52, 258, 266, 269, 271, 274, 278—279, 282, 284, 288—289, 291, 293, 299, 306, 342, 350—351, 354—359, 361—362, 375, 386—395.
Строгановъ, гр. Сергѣй Григорьевичъ, 012, 224, 321, 323, 326, 372—373.
Стрѣльскій, секретарь Моск. Магистрата, 318.
Студитскій, А., 339, 344, 352.
Стурдза, Александръ Скарлатовичъ, 61.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, 386.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ, 53, 71.
Сухотинъ, Павелъ, 363.
Сушковъ, Николай Васильевичъ, 353.
Сѣдой, 361.
Сѣрова, Валентина Семеновна, 361.
Сѣровъ, Александръ Николаевичъ, VII, 268—269, 274, 313, 354—356, 358, 361.
Сѣровъ, Валентинъ Александровичъ, 361.
Сѣченовъ, Иванъ Михайловичъ, VII, XIV — XV, XIX, XXI — XXIII, XXVIII—XXIX, 169, 387.
Сю, Ежень, 03.

Т., 356.
Талызинъ, моск. домовладѣлецъ, XVII.
Татариновъ, К., правитель дѣлъ хозяйств. деп. Мин. Вн. Дѣлъ, 326.
Тео (Theos), Екатерина, 79.
Тимашевъ, Александръ Егоровичъ, 335.
Тиммъ, Василій Ѳедоровичъ, 353.
Тимощукъ, В. В., 358.
Тихонравовъ, Николай Саввичъ, 141, 225, 357, 384.
Тиціанъ, 211, 213.
Толмачевъ, кандидатъ Моск. унив., 319.
Толстой, гр. Левъ Николаевичъ, VII, 35, 159—160, 179—180, 186, 205, 215, 267, 273, 280, 284—285, 291, 307, 347, 350, 360—361.
Трубецкая, кн. Тереза, 166—167, 173, 182, 223, 231, 234, 247—248, 251, 253.
Трубецкая, княжна Анастасія Юрьевна, 234, 247.
Трубецкая, княжна Софья Юрьевна, 253.
Трубецкіе, князья, VII, 236, 253—254, 342, 348.
Трубецкой, кн. Иванъ Юрьевичъ, VII, XXVI, 51, 77—78, 166, 173, 223, 231, 234, 247—248, 251, 253, 348, 375.
Трубецкой, кн. Николай Ивановичъ, 249, 251, 253.
Трубицынъ, Николай Николаевичъ, 361.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, VI, 70, 143, 157, 163, 180, 205, 223, 227—228, 239, 255, 265, 272, 284, 348.
Тургеневы, братья, 23.
Турчаниновъ, XVII.

Уваровъ, гр. Сергѣй Семеновичъ, 381.
У., Н., 359.
Уньковскій, А. М., 268.
Устряловъ, Николай Герасимовичъ, 328.
Ушаковъ, Василій Аполлоновичъ, 55—57, 65—66, 375.

Фаустъ Щигровскаго уѣзда. См. Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ.
Федина, В. С., 362.
Фетъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, VI, XVIII, XXIV—XXV, 012—014, 29, 61, 124—125, 129, 159, 204—205, 209—210, 212, 219, 239—240, 242, 276, 305, 325 — 326, 338, 344, 355 — 357, 362, 370—375, 379, 387—390.
Фетъ, Марія Петровна, рожд. Боткина, 388.
Филаретъ, митрополитъ Московскій, 105, 271.
Филипповъ, Сергѣй Тертіевичъ, VIII.
Филипповъ, Тертій Ивановичъ, VII, XVII—XVIII, 131, 184, 220, 239, 375, 382, 384, 388.
Фильдъ, піанистъ, XXIV.
Финдейзенъ, Н. Ѳ., 358.
Фихте, 60.
Фришманъ, И. К., XVIII.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ, 241.
Фра-Бартоломео, 211.
Фра-Беато, Анжелико, 94, 208.
Фроловъ, Н. Г., XIV, XXI.
Фурье, 104.

Храсковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, 53, 60, 71.
Хитрово, С. П., 355.
Хлѣбниковъ, купецъ, 152—153.
Хмѣльницкій, 014.
Хмѣльницкій, завѣдующій дѣлами редакціи Р.Сл., 244, 257, 306, 340, 392.
Хмѣльницкій, А. И., VII, 104, 349.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, VII, XVII—XVIII, 54, 61—62, 142, 144, 154, 159, 163, 179, 247, 261, 266 — 267, 273, 277, 292, 306—307, 340, 359, 390.

Цезарь, Юлій, 373.
Цвѣтаевъ, директоръ Моск. архива Мин. Юстиціи, IX.
Циммерманъ, XIII.
Цявловскій, Мстиславъ Александровичъ, IX.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, XVII.
Черкасскій, кн. Владиміръ Александровичъ, 344.
Чернышевскій, Николай Гавриловичъ, 239, 273, 278—279, 283, 286, 357.
Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ, XIII, 161, 225.
Чубинскій, П. П., 340.

Шаликова, кн. Софья Петровна, 138.
Шаликовъ, кн. Петръ Ивановичъ, 61.
Шанинъ, Иванъ Ивановичъ, XVII, 184, 196, 198, 387.
Шаповаловъ, Н. И., VII, XVII—XVIII, 134, 140—141, 209, 219.
Шатобріанъ, 82, 84, 94.
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ, VII.
Шаховской, кн. А. А., 58—59, 66.
Шахъ-Пароніанцъ, Леонъ Михайловичъ, 358.
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ, 354, 358, 361.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, 54, 57, 62, 102, 107, 110, 113, 133, 142, 144, 197, 267, 277, 306, 358, 379—380, 384.
Шекспиръ, 59, 63, 78, 124, 163, 178, 217, 306, 344, 354, 385, 393.
Шелгуновъ, Николай Васильевичъ, 355.
Шеллингъ, 43, 46, 51, 60, 166, 171, 183, 198.
Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ, 358—359.

Шеншинъ, см. Фетъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ.
Шеппингъ, баронъ, 340.
Шереметевъ, 332.
Шереметевы, графъ и графиня, VIII.
Шестаковъ, Иванъ Алексѣевичъ, VII, 267, 269, 274.
Шестопаловъ, 175.
Шиллеръ, XIII, 61, 81, 84, 119, 197, 248, 339, 345.
Шилль, Осипъ Николаевичъ, VII, 258.
Шиловъ, Алексѣй Алексѣевичъ, IX.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, 62.
Шлегели, братья, 81.
Шопенъ, 174, 219.
Шписъ, 80—81, 83.
Шредеръ, Петръ, главный надзиратель Моск. Воспитат. Дома, 317.
Шрекъ, Матвѣй, 75.
Штейнбахъ, библіотекарь Моск. унив., 327.
Штейнъ-фонъ, Сергѣй Владимировичъ, 361.
Штирнеръ, Максъ, 67.
Штрайхъ, Соломонъ Яковлевичъ, VIII, 335.
Шульгофъ, піанистъ, 386.
Шульцъ, Александръ Александровичъ, VIII.
Шумилова, Екатерина Павловна, рожд. Мочалова, 358.

Щаповъ, Аѳанасій Прокофьевичъ, 289—290.
Щедринъ. См. Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ.
Щегловъ, 274, 283.
Щепинъ, 02.
Щепкинъ, 340.
Щербина, Николай Ѳедоровичъ, 355, 368.
Щукинъ, изд. соч. Державина, 60.

Эдельсонъ, Аркадій Николаевичъ, 220.
Эдельсонъ, Евгеній Борисовичъ, VIII.
Эдельсонъ, Евгеній Николаевичъ, VIII, XVII, 46—50, 140, 143, 147—148, 152, 160, 163, 168, 171, 175, 183, 186, 189, 193—194, 196, 199, 204—205, 209—210, 212, 219—220, 222, 228, 238, 245, 258, 264—265, 295—296, 313, 348, 375, 384, 387—390, 394.
Эдельсонъ, Екатерина Алексѣевна, 172, 186, 188, 238, 265, 387.
Эминъ, Ѳедоръ Александровичъ, 10.
Энгельгардтъ, 379.
Энъ, 361, 363.
Эф., Н., 362.

Юдинъ, П., VII, 357, 392.
Юлія, 010.

Яблочковъ, 012.
Я., В., 363.
Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ, 360.
Языковъ, Н. См. Шелгуновъ, Николай Васильевичъ.
Якушкинъ, Павелъ Ивановичъ, XVII.
Я. Я. Я., 352.

Ѳедоровъ, 61.
Ѳедоровъ, Степанъ Николаевичъ, 287, 292, 392.
Ѳеодоръ, о. См. Бухаревъ, Александръ Матвѣевичъ.
Z., 355.

ОПЕЧАТКИ:

Страница:	*Строка (сверху):*	*Слѣдуетъ читать:*
3	15	люди, въ которыхъ
4	32	Большого Каменнаго моста
5	8	Большая Полянка
9	31	«Семейной Хроники»
9	37	сослаться
16	21	отецъ,
17	17	меня;
21	35	общаго
24	14	Наконецъ,
39	8	«Исповѣдь Наливайки»
48	25	били
62	1, 6	Кулжинскаго, Кулжинскимъ
62	37	исповѣдь
70	22	«De poesi Romantica»
71	38	смыслъ
122	19	безконечно
144	11	страшную
161	31	касается
169	34	растительность
172	23	не Русское
175	4	на счетъ
217	6	[несодѣянная?]
219	11	Piazza
231	20	усилія мои
237	8	90.
238	8	91.
238	33	92.
241	5	93.
242	25	94.
243	1	95.
244	1	96.
244	6	этаго
244	26	97.
245	33	98.
246	12	99.
256	2	100.
256	11	101.
306	15	«проницательнѣйшаго
334	7	[Сообщено
379	24	К. А. Полевого

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00002996388